

Вестник

Томского государственного

университета

№ 377

Декабрь

2013

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гринкевич Л.С.**, д-р экон. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Дёмин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко П.Ф.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Чайковская О.Н.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 377

Декабрь

2013

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Арсеньева Т.Е. Современный просветительский дискурс о русском языке как особый коммуникативный феномен	7
Вершинина Е.Н. Имиджеобразующая роль метафоры в образовательном дискурсе	12
Дашевская О.А. Проблемы изучения христианских аспектов русской литературы XX в. в постнеклассическую эпоху	16
Кашпур В.В., Филь Ю.В., Шаповал А.А. Аспектуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов)	22
Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации	30

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Берсенева Т.П. Синергия в культуре	36
Боровкова О.В. Субъект познания как критерий демаркации исторического мифа и исторической науки	45
Плискина А.В. Политическое стимулирование: принципы, проблемы, технологии применения в современной России	50

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галкин Д.В. Диспозиция взгляда или оптика идентичности в современном искусстве	53
Долгих М.Н. Междисциплинарные основания дизайна	58
Прядуха Н.А. Музыкально-звуковые характеристики внутреннего пространства культовой архитектуры как фактор формирования культурного ландшафта (на примере музыкально-архитектурного цикла храмов г. Барнаула)	62

ИСТОРИЯ

Бойко В.П. Роль православной веры в освоении и хозяйственном развитии Сибири XVII – начала XX в.	67
Дмитриенко Н.М. О создании музея-скансена в Томске	71
Петренко А.Н. Русский гарибальдиец Лев Ильич Мечников	73
Устюжанцева О.В. К вопросу об особенностях формирования инновационной системы Индии	77
Шевцов В.В. «Губернские ведомости» в дореволюционной историографии периодической печати	81
Щипкова Е.А. Сотрудничество США, МВФ и Всемирного банка в сфере безопасности в 2001–2002 гг.	91

ПРАВО

Архипов А.В. К вопросу о необходимости специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат	95
Брагер Д.К. Принудительное проведение освидетельствования и получение образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы	99

ЭКОНОМИКА

Гильдингерш М.Г., Добрусина М.Е. Концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы	102
Казаков В.В., Гришанова А.В. Моделирование конкурентных цен на банковские услуги	106
Кнауб Р.В. Отраслевое устойчивое развитие Томской области	112
Найдёнов А.С., Кривенко И.А. Влияние административных барьеров и институциональной среды на динамику теневого сектора экономики	117
Нехода Е.В. Продовольственная безопасность и государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО	123
Никонова Я.И. Инновационное развитие России: ретроспективный анализ и современное состояние	129

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Загrevский О.И., Загrevский В.О. Методы силовой подготовки гимнастов	136
Кабачкова А.В., Фролова Ю.С. Вариабельность сердечного ритма детей, занимающихся оздоровительным плаванием	140
Кабрин В.И., Старикова К.С. Транскоммуникативная потенциализация личности и возможности ее исследования в контексте нозического практикума	143
Карвунис Ю.А., Капилевич Л.В., Дружинина Н.А. Планирование и разработка туров в Аргентину с элементами обучения танго	149
Малинина Н.С. Способы преодоления неопределенности в ситуации выбора и принятия решения	152
Смирнова А.С. Трудности преподавания дисциплины «Основы математической обработки информации» студентами гуманитарных направлений подготовки	156
Шерин В.С., Муза М.В. Совершенствование тренировочного процесса акробатов высокой квалификации	159

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Алампиева Е.В. Производственная деятельность человека и ее возможные последствия	163
Гильманова Г.Р., Оборин М.С. Анализ привлекательности рекреационно-туристского потенциала Пермского края и Республики Башкортостан на примере проектируемых особо охраняемых природных территорий	167
Ксенева Т.Г. Новые виды полиморфинид (фораминиферы) кампан-маастрихта Западной Сибири	174
Рубан Д.А., Любова Е.А., Заяц П.П. Мегакласты и блоки: актуальные вопросы классификации обломков крупной размерности	182

БИОЛОГИЯ

Исмуканова Г.Ж., Мерзляков О.Э. Влияние интенсивного земледелия на деградационные изменения почв Северного Казахстана	187
Крюкова К.А., Данченко А.М. Фенологические наблюдения в России: краткая история развития	192
Некратова А.Н., Некратова Н.А. Редкие растения лесной флоры Кузнецкого Алатау, нуждающиеся в охране	196

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	202
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	205

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE UNIVERSITY BULLETIN
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 377

December

2013

Certificates of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Arsenyeva T.Ye. Modern educational discourse about the Russian language as a special communicative phenomenon	7
Vershinina Ye.N. The image-modelling role of the metaphor in educational discourse	12
Dashevskaya O.A. Problems of studying the Christian aspects of the 20th-century Russian literature in the post-nonclassical era	16
Kashpur V.V., Fil Yu.V., Shapoval A.A. Aspect features of Russian and English verb in language and text (by example of M.A. Bulgakov's <i>The Heart of a Dog</i> and its translations)	22
Tubalova I.V., Emer Yu.A. Conflict text in oral and virtual everyday communication	30

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Berseneva T.P. Synergy in culture	36
Borovkova O.V. The subject of cognition as a demarcation criterion of the historical myth and historical science	45
Pliskina A.V. Political stimulation: principles, problems, technology of application in modern Russia	50

CULTUROLOGY

Galkin D.V. Disposition of vision: optics of identity in contemporary art	53
Dolgikh M.N. Interdisciplinary foundation of design	58
Pryaduha N.A. Music and sound characteristics of the interior of the church architecture as a factor in the formation of the cultural landscape (by example of musical and architectural churches cycle of Barnaul)	62

HISTORY

Boyko V.P. The role of Orthodox faith in the process of economic development of Siberia in the 17th – early 20th centuries	67
Dmitrienko N.M. The attempt of making a Skansen-museum in Tomsk	71
Petrenko A.N. Russian Garibaldian Leo Mechnikov	73
Ustyuzhantseva O.V. On the specific of Indian innovation system formation	77
Shevtsov V.V. "Provincial Sheets" in pre-revolutionary Russian historiography of periodicals	81
Shchepkova Ye.A. USA, IMF and World Bank's cooperation on security issues (2001–2002)	91

LAW

Arkhipov A.V. On necessity of a special rule, which stipulates criminal responsibility for fraud when obtaining payment	95
Brager D.K. Forced examination and receipt of samples for comparative research: selected issues	99

ECONOMICS

Gildingersh M.G., Dobrusina M.Ye. Conceptual approaches to the formation of labour force professional mobility	102
Kazakov V.V., Grishanova A.V. Simulation of competitive prices for banking services	106
Knaub R.V. Branch sustainable development of Tomsk Region	112
Naydenov A.S., Krivenko I.A. Influence of administrative barriers and institutional environment on the dynamics of shadow economy	117
Nekhoda Ye.V. Food security and state support of agriculture economy in the interpretation of WTO	123
Nikonova Ya.I. Innovative development of Russia: a retrospective review and current status	129

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Zagrevsky O.I., Zagrevsky V.O. Methods of power training of gymnasts	136
Kabachkova A.V., Frolova Yu.S. Heart rate variability of children engaged in therapeutic swimming	140
Kabrin V.I., Starikova K.S. Transcommunicative strengthening of the personality and possibility of its research in the context of a noetic workshop	143
Karvunis Yu.A., Kapilevich L.V., Druzhinina N.A. Planning and development of tours in Argentina with the element of learning tango	149
Malinina N.S. Ways of coping with uncertainty in the situation of choice and decision making	152
Smirnova A.S. Difficulties in teaching the university discipline "The Foundations of Mathematical Methods of Information Treatment"	156
Sherin V.S., Muza M.V. Improvement of training process of acrobats with high qualification	159

SCIENCES ABOUT EARTH

Alampieva Ye.V. Production activity of the person and its possible consequences	163
Gilmanova G.R., Oborin M.S. The analysis of appeal of tourist-recreational potential of Perm Region and the Republic of Bashkortostan by example of existing and projected conservation areas	167
Kseneva T.G. New Campanian-Maastrichtian polymorphinids species (foraminifera) of Western Siberia	174
Ruban D.A., Lubova Ye.A., Zayats P.P. Megaclasts and blocks: urgent questions of classification of large sedimentary particles	182

BIOLOGY

Ismukanova G.Z., Merzlyakov O.E. The influence of intensive farming on soil degradation changes of Northern Kazakhstan	187
Kryukova K.A., Danchenko A.M. Phenological observations in Russia: brief history of development	192
Nekratova A.N., Nekratova N.A. Rare plants of the forest flora of Kuznetsk Alatau in need of protection	196

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	202
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	205

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

Т.Е. Арсеньева

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС О РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОСОБЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 11-34-00365a2.

Особое место в системе институциональных дискурсов занимает просветительский дискурс о русском языке, возрождение которого в России обусловлено реакцией общества и государства на резкое снижение уровня культуры владения языком россиян и пренебрежением нормами культуры речи в СМИ. В статье доказывается, что просветительский дискурс о русском языке обладает всеми необходимыми системообразующими признаками и выделяется в системе дискурсов как коммуникативный феномен. Ключевые дискурсообразующие характеристики данной разновидности просветительского дискурса проанализированы на материале радиопрограммы «Говорим по-русски», выходящей в эфире радиостанции «Эхо Москвы».

Ключевые слова: просветительский дискурс о русском языке; радиодискурс; коммуникативные стратегии и тактики.

В последние годы в России активно обсуждается проблема, связанная с ухудшением культурно-речевой ситуации. К числу ее негативных проявлений относят пренебрежение нормами русского литературного языка, расшатывание системы тематических табу, существующих в русском коммуникативном поведении, агрессивность речевого поведения участников коммуникации, рост вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизацию речи, тиражирование ошибок и др. [1. С. 98]. О признании значимости проблемы на государственном уровне свидетельствует комплекс масштабных проектов, направленных на сохранение национального русского языка (ФЦП «Русский язык», Закон о государственном языке Российской Федерации; 2007 г. был объявлен Годом русского языка, 2014 г. – Годом культуры; запускаются целевые программы, грантовые проекты и т.д.).

Реакция на падение уровня культуры владения языком последовала и со стороны общественных организаций, объединивших людей, радеющих за сохранение уникальности и чистоты русского языка. В этом направлении ведет работу фонд «Русский мир», основной целью которого является сохранение русского языка не только в России, но и в других странах, где проживают его носители. Фонд реализует грантовые проекты, оказывает финансовую поддержку идей, направленных на укрепление позиций языка. В рамках данной публикации важно отметить, что «Русский мир» стал учредителем сетевой радиостанции, которая транслирует радиопрограмму «Слово правит миром», а также нескольких радиопроектов, посвященных тенденциям развития русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

В городах России активно проводятся акции и проекты, направленные на укрепление норм русского языка. В инициировании просветительских и образовательных проектов принимают участие как специалисты, так и чиновники. К примеру, в метро Санкт-Петербурга размещены «листочки» с призывом «Давайте говорить как петербуржцы» (рис. 1) – так был реализован совместный проект Совета по культуре ре-

чи при губернаторе Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского государственного университета (президент СПбГУ профессор Л.А. Вербицкая является сопредседателем Совета по культуре речи при губернаторе города). «Листочки» призваны помочь справиться с орфоэпическими трудностями русского языка, закрепить нормы правописания, словоупотребления и др. Успешным решением инициаторов идеи является также актуализация особого самосознания жителей Санкт-Петербурга, выраженная в побудительном названии проекта «Давайте говорить как петербуржцы» – Северная столица всегда считалась одним из культурных и интеллектуальных центров России.

Начинание петербуржцев было поддержано москвичами: в 2012 г. стартовала столичная акция «Москва – город грамотных людей», которая проводится МГГУ им. М.А. Шолохова при поддержке Департамента образования Москвы. Участникам предлагается фотографировать ошибки на улицах города и публиковать фото на сайте mosgram.mggu-sh.ru с указанием социального объекта и его адреса.

Просветительские проекты реализуются и в сибирских городах – Омске, Томске, Новосибирске и других, где идет постоянная борьба за чистоту «языка улиц»: общественные организации привлекают внимание к ошибкам в рекламе и стараются добиться их исправления. В интернет-среде создаются популярные брошюры, карманные справочники и электронные пособия, в которых доступно и популярно разъясняется суть ошибки и даются алгоритмы ее предупреждения (рис. 2).

Отметим важную деталь: все представленные примеры просветительских проектов объединяют следующие особенности: они далеки от формализма, их авторы стараются говорить с аудиторией на понятном языке, не опускаясь при этом до примитивного уровня. В речевой презентации говорящего (пишущего) значимым является такое свойство, как доступность информации. Согласно нормам культуры речи, это одно из важнейших коммуникативных качеств, представляю-

щих того, кто создает текст. Как считают исследователи, «понятность речи определяется прежде всего отбором речевых средств, использованием слов, известных слушателям» [2. С. 59]. Высказывания, соответствующие норме и учитывающие место и условия протекания коммуникации, будут в полной мере восприняты

адресатом, окажут действенное влияние на его мышление и поступки. Коммуникативно-прагматический подход при реализации просветительских идей воплощается и в отборе материала: все представленные проекты решают конкретные речевые задачи, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни.

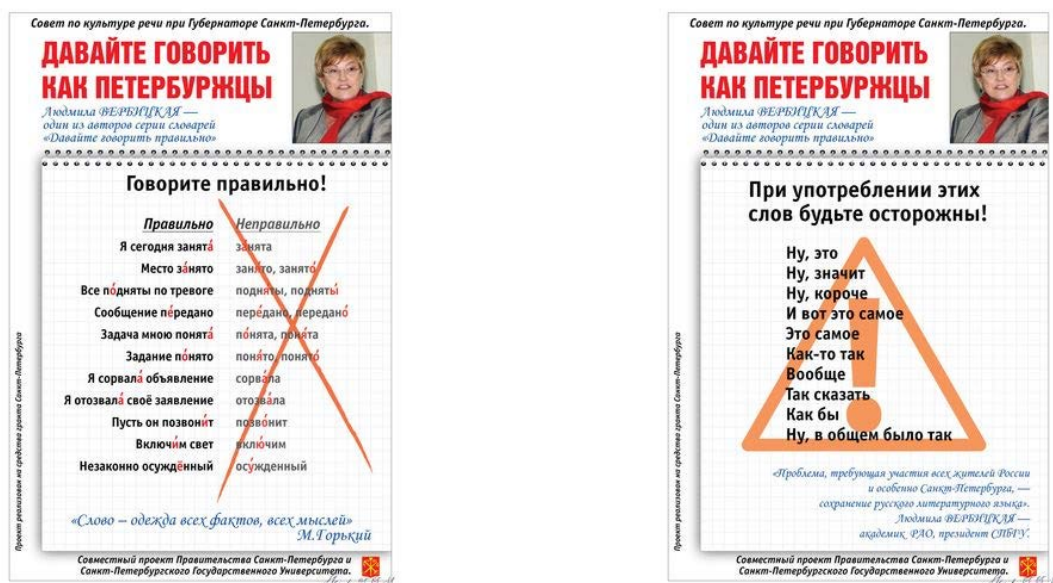

Рис. 1. Примеры реализации социального проекта «Давайте говорить как петербуржцы»

Рис. 2. Примеры популярных интернет-пособий по русскому языку

Параллельно с возрастающей активностью общества в вопросах сохранения культуры общения стала заметна тенденция к возрождению подобных просветительских проектов в СМИ. В ситуации, когда положение образования и науки в России претерпевает существенные – и не всегда положительно ориентированные – изменения, данные проекты приобретают все большую актуальность и значимость. Первым отреагировало на потребность общества в программах о языке и культуре речи радио, определенную роль в этом сыграли специфические особенности протекания радиокоммуникации: темы, связанные с культурой русской речи, проще проиллюстрировать средствами аудиального ряда, чем визуального. В отличие от печатных СМИ, радио обладает такими характеристиками, как актуальная интерактивность, имеет широкие возможности для повтора программы в сетке вещания. В эфире центральных и региональных радиостанций выходят специальные радиoprogramмы: «Говорим по-русски» («Эхо Москвы»), «Грамотей» («Маяк»), «Территория слова» (ГТРК Воронеж), «Беседы о русском языке» (ГТРК Томск), рубрики «Слово не воробей», «Энциклопедия “Милицейской волны”» («Милицейская волна – Томск»), рубрика «Коротко и ясно» («Радио Сибирь»). Цель названных радиoprogramмов – повышение коммуникативной грамотности, культуры речи и культуры общения всех слоев населения. Ведущие программы не только доносят до аудитории, как правильно произнести то или иное слово, каково происхождение слов и выражений, разъясняют значение иностранных и малознакомых русских слов, но и организуют в прямом эфире дискуссии по актуальным проблемам русской речи с участием приглашенных специалистов и радиослушателей. Проекты, посвященные вопросам русского языка, начинают появляться и на спутниковых телевизионных каналах (программа «Сила слова», «ТВ-Университет», Томск). Отмеченные проекты свидетельствуют о планомерном развитии в России современного просветительского дискурса о русском языке.

Многообразие определений термина «дискурс» в современной лингвистике связано с тем, что ключевым критерием выделения каждого нового типа дискурса является особая языковая и коммуникативная среда, в которой он реализуется. В.И. Карасик отмечает: «Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие “дискурс” стало шире понятия “язык”» [3. С. 189]. Анализ ситуаций употребления указанного термина в научной лингвистической литературе показал, что в самом общем смысле дискурс можно определить с помощью классической дефиниции, предложенной Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [4. С. 136].

В настоящее время исследователями выделяются множество типов дискурса, различающихся по социолингвистическим параметрам: политический, науч-

ный, медицинский, религиозный, деловой, массово-информационный, образовательный, спортивный и пр. Можно говорить и о выделении просветительского дискурса, который в настоящее время только начинает изучаться. Известны немногочисленные пока исследования на материале печатных брошюр и стенограмм онлайн-консультирования (С.Ю. Полуйкова), на материале современных телевизионных программ (Ю.М. Ершов), с точки зрения использования общественных ресурсов в осуществлении правового просвещения (М.В. Снегирева).

Тексты просветительской направленности и раньше становились объектом лингвистического изучения, это относится, прежде всего, к анализу текстов известных риториков разных эпох. При этом современная просветительская деятельность, направленная на сохранение и развитие русского языка, оставалась за пределами научного интереса. Недостаточное внимание исследователей к данной разновидности просветительского дискурса объясняется во многом политическими и экономическими изменениями в России в последние два десятилетия, которые привели к практически полному угасанию любых просветительских начинаний в области языковой / речевой культуры.

Определенную роль в снижении уровня языковой культуры людей сыграли и средства массовой коммуникации, результатом деятельности которых является формирование специфической коммуникативной среды, которая оказывает влияние на культурно-мировоззренческую парадигму общества. В любую эпоху «картина мира современного человека, его система ценностей и модели повседневного поведения во многом задаются средствами масс-медиа» [6]. В 1990-е гг. СМИ переживали такие же глобальные изменения, как и вся страна: из эфира и печатных страниц были вытеснены практически все просветительские проекты, в том числе направленные на обучение и информирование аудитории о состоянии русского языка, стимулирование познавательной активности людей. Ю.М. Ершов отмечает, что «с началом реформ в России в 1990-е гг. на фоне снижения роли и значения науки в развитии общества, ослабления внимания государства к сфере образования познавательные программы были из эфира вытеснены коммерческими, заказными и развлекательными» [7. С. 118]. Результаты таких перемен не заставили себя долго ждать: снижение культурного уровня продуктов, выпускаемых издательствами и средствами массовой коммуникации, в сочетании с социальными проблемами привело к ослаблению познавательной активности аудитории и прогрессирующему речевому бескультурью целого поколения читателей, зрителей, слушателей. Сейчас ситуация меняется, а приведенные выше факты подтверждают тезис о том, что вопрос о положении русского языка в России относится к числу важнейших, что настало время приоритета просветительской стратегии в развитии российского социума. Таким образом, просветительский дискурс о русском языке становится актуальным объектом лингвистического исследования.

В данной работе используется определение просветительского дискурса, представленное в работах С.В. Полуйковой и базирующееся на ключевой идее дискурса – просвещении. Ценностное наполнение про-

светительского дискурса «определяется пониманием просвещения как деятельности для “общественной пользы”, способствующей поступательному развитию человека и позитивному преобразованию общества» [5. С. 136]. Современные просветительские проекты могут существовать в различных формах, но по ряду отличительных особенностей не могут быть отнесены к традиционно выделяемому педагогическому, образовательному и научному дискурсам.

Рассматриваемый в статье просветительский дискурс о русском языке может быть выделен как самостоятельная разновидность просветительского дискурса, так как обладает всеми необходимыми системообразующими признаками [3. С. 209]. Анализ одного из успешных и долгосрочных просветительских медиа-проектов – радиопрограммы о русском языке «Говорим по-русски» на радиостанции «Эхо Москвы» – показал, что данная разновидность просветительского дискурса характеризуется особым типом отношений между участниками коммуникации (ведущие программы, каждый из которых выполняет особую коммуникативную роль, и адресаты-радиослушатели являются равноправными участниками процесса общения, в отличие от педагогического дискурса, в котором при схожести целей доминируют не субъект-субъектные, а субъект-объектные отношения), хронотопом (постоянное фиксированное время и место встречи адресантов и адресатов коммуникации), целями (расширить, преумножить имеющуюся у адресатов базу знаний о языке), прецедентными источниками (словари, справочники, хрестоматии, художественные произведения, пословицы, поговорки, афоризмы) и дискурсивными формулами. Характеристикой просветительского дискурса о русском языке является его принадлежность к дискурсу институциональному, в данном случае участниками коммуникации становятся люди, уже обладающие определенной языковой базой, но стремящиеся к познанию нового в сфере языковой культуры. Учитывая канал коммуникации (в данном случае – радио), можно отнести программу «Говорим по-русски» к проективному типу дискурса, т.е. реализующемуся через средства массовой информации.

Обратимся к материалу радиопрограммы «Говорим по-русски», темами которой становятся проблемы этимологии и семантики слов, правильного произношения и употребления их в речи, правил написания и другие лингвистические вопросы. Хронотоп программы четко очерчен: это время самого эфира, когда радиослушатели могут позвонить в студию, отправить СМС, написать на сайт, в блог или твиттер программы. Обращения от аудитории поступают и в промежутке между выпусками программы, а также во время рекламы, с той лишь разницей, что в этот момент они не могут быть озвучены в эфире. К основным формам просветительского радиодискурса о русском языке можно отнести беседу (как исключительную между ведущими, так и с участием радиослушателей), дискуссию, интервью (с гостями студии), ответы ведущих на электронные послания слушателей.

Характерной чертой просветительского дискурса о русском языке является интеракционность: участники просветительской коммуникации одновременно и

объекты, и субъекты коммуникации. Такое взаимодействие между адресатом и адресантом в научной литературе квалифицируется как субъект-субъектная форма общения [8. С. 20–21], которая характеризуется равенством психологических позиций участников, обоюдной активностью сторон (в радиоэфире это достигается с помощью интерактивных способов коммуникации). Ведущие программы приглашают радиослушателей к участию в эфире (ср.: *Милости просим, можете подключаться; давай спросим народ, что они думают*); а также всячески поощряют это участие (*Еще мы солидаризируемся с нашим слушателем Виктором и считаем, что не надо говорить «18 часов вечера»; Не дремлет ухо нашего радиослушателя*). Каждая из сторон при субъект-субъектной коммуникации не только испытывает воздействие, но и сама воздействует, принимает или, по крайней мере, понимает позицию другой.

Генеральной стратегией просветительского дискурса о русском языке как особой сферы коммуникации является просвещение, что в данной ситуации рассматривается как деятельность авторов программы, направленная: а) на расширение речевого кругозора адресатов; б) на формирование и стимулирование познавательной активности аудитории в сфере культуры коммуникации; в) на повышение общего культурного уровня радиослушателей. Исходя из генеральной задачи дискурса выделяются и основные коммуникативные стратегии, ее конкретизирующие. Таким образом, на основе прагматического анализа значимых факторов дискурса нами выделены три основные стратегии:

1. Стратегия обучения реализует интенции адресантов коммуникации, направленные на распространение знаний о языке. Указанная стратегия имеет и прагматический потенциал, обусловленный целеустановкой – научить аудиторию применять полученные знания в различных коммуникативных ситуациях.

2. Стратегия информирования выражается в сообщении новых сведений о событиях, связанных с русским языком в России и за ее пределами. Частотными интенциями адресантов являются сообщения о новинках справочной литературы, информирование о вступлении в силу новых правовых актов, касающихся языковой нормы, и пр.

3. Стратегия формирования познавательной активности заключается в том, чтобы побудить аудиторию познавать языковые факты. Стратегия реализуется посредством привлечения радиослушателей к участию в программе, применением коммуникативных тактик интриги и языковой игры, стимулирующих интерес аудитории к обсуждаемой теме.

Каждая коммуникативная стратегия реализуется в просветительской радиопрограмме множеством коммуникативных тактик, ходов. Так, коммуникативная стратегия обучения реализуется при помощи тактики дефиниции (установление смысла незнакомого слова с помощью слов знакомых и уже осмысленных), тактики обращения к авторитетному источнику. Стратегия информирования проявляется в использовании таких тактик, как сообщение новостей, тактика презентации новых справочных источников, сообщение о новых тенденциях в языке. Стратегия формирования познавательной активности реализуется тактиками

коммуникативного равенства и привлечения внимания аудитории.

К числу дискурсивных формул, присущих именно просветительскому дискурсу о русском языке и определяющих данный тип общения, относятся фразы, маркирующие стратегии просветительской коммуникации. Например, стратегия информирования проявляется в использовании указаний на новостной характер сообщения: *Есть кое-какие языковые новости; Вот тут пришло сообщение; Я хочу начать программу с новости по теме*. «Домашнее задание» – ключевая метафора стратегии обучения в программе «Говорим по-русски»: ведущие используют ее для обозначения вопросов, на которые они не смогли ответить сразу во время эфира. К дискурсивным формулам можно отнести и высказывания, предвещающие дефиницию того или иного слова: *Было такое слово; Это перевод слова; Это означает и пр.*

Прецедентными источниками рассматриваемой разновидности просветительского дискурса являются всевозможные справочные источники: комментарии авторитетных лиц (специалистов по той или иной теме) или источники-артефакты (словари, справочники, интернет-ресурсы, научная и художественная литература). Используются специальные способы цитирования источников: обязательным является указание на адрес (в типографском или интернет-варианте), авторство (полное название словаря с указанием его типа), а также комментарий ведущих относительно качества (источник характеризуется как *полный, заслуживающий доверия, интересный*).

При анализе просветительского радиодискурса значение имеют характеристики не только радио как пер-

вичного канала передачи информации: хотя программа «Говорим по-русски» выходит на радио и аудиотрансляция ее доступна также в Интернете. В конкурентной ситуации СМИ вынуждены бороться за аудиторию, используя все доступные коммуникативные платформы. Параллельно с аудиотрансляцией используется режим «сетевизор» (обеспечивает видеотрансляцию программы на сайте радиостанции). Кроме того, стенограммы эфиров выкладываются на сайте, газетный аналог программы представлен колонкой ведущей Марины Королевой в «Российской газете». Сами ведущие начинают программу с представления разных способов трансляции передачи и возможностей восприятия ее аудиторией: *Мы не только по радио / но и в сетевизоре / трансляция идет на нашем сайте в Интернете // Можно также смотреть на различных платформах / айпадах / айфонах и прочих*. Таким образом, современный процесс конвергенции (сближение различных технологий, их объединение в единую технологическую платформу), протекающий в сфере масс-медиа, приводит к сглаживанию различий между техническими носителями информации [9. С. 55].

Представленные в публикации формы репрезентации просветительского дискурса о русском языке на радио и проведенный анализ просветительского медиа-проекта дает право характеризовать данную разновидность дискурса как особый коммуникативный феномен. Просветительский дискурс о русском языке в современной России пережил свое возрождение, занимает прочные позиции в современной дискурсивной системе и нуждается в комплексном описании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестерова Н.Г., Арсеньева Т.Е. Стратегия обучения в просветительском радиодискурсе // Kalbairkontekstai. Mokslo darbai. Vilnius : Lietuvosedukologijos universiteto leidykla, 2011. Т. 3 (2). С. 97–106.
2. Введенская Л.А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи. Сер. «Учебники и учебные пособия». Ростов н/Д : Феникс, 2004.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
5. Полуйкова С.Ю. Коммуникативно-речевые стратегии современного просветительского дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.
6. Васильева Л.А. Делаем новости. М. : Аспект-Пресс, 2003. URL: <http://www.media.turn.run/library.php> (дата обращения: 16.09.2008).
7. Еришов Ю.М. К определению понятия познавательного телевидения // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 1. С. 113–125.
8. Хараиш А.У. Принцип деятельности в исследованиях межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. № 3. С. 20–31.
9. Нестерова Н.Г. Радиотекст в условиях конвергенции СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 54–65.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 октября 2013 г.

ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена вопросам лексического моделирования имиджа университетов в текстах СМИ. В частности рассмотрено, посредством каких метафорических моделей формируется имидж университетов в текстах всероссийской газеты «Поиск» и как он влияет на имидж города.

Ключевые слова: имидж города; метафорические модели; образовательный дискурс.

Город является сложным объектом изучения, общим для разного рода дисциплин. Город – это клубок процессов и людей, неразрывно связанных друг с другом. В настоящее время имидж города изучен недостаточно. Вместе с тем существует ряд работ, касающихся моделирования имиджа региона: влияния имиджа на различные сферы жизни региона [1]; рекламно-коммуникационных технологий, позволяющих создать имидж региона и страны [2]. Структурная модель формирования имиджа страны и отдельного региона представлена в работах [3–5]. В частности, И.А. Сушненко-ва [5] на основе анализа теоретических работ, обращенных к проблеме регионального имиджмейкинга, выделяет ряд имиджеобразующих факторов региона, которые могут быть применены в полной мере и к исследованию имиджа города. Среди них политическая специфика, экономические характеристики, интеллектуальный и кадровый потенциал, научный и инновационный потенциал. Последние два компонента являются доминирующими для имиджа Томска. Именно поэтому в рамках данной статьи будет рассмотрен образовательный дискурс города, в частности дискурс высших учебных учреждений.

В работе будет проанализировано, посредством каких метафорических моделей формируется имидж университетов в текстах СМИ и как он влияет на имидж города. Метафорические модели были выбраны в качестве объекта исследования ввиду того, что метафора является эффективным средством когнитивного моделирования дискурса [6. С. 9]. Материалом для исследования послужили 74 публикации, различные по своей жанровой принадлежности, выбранные из специализированной еженедельной газеты «Поиск».

Современная лингвистика рассматривает метафору как способ мышления. Основа такого понимания заложена в теории концептуальной метафоры, трактующей метафору как модель концептуальной ассоциации (Дж. Лакофф и М. Джонсон, 1980).

Анализ метафор является важным при анализе имиджа в целом, поскольку метафоры формируют «модель восприятия действительности, в которой – как в зеркале – отражаются представления о роли и месте действующего субъекта» [7. С. 15].

О.С. Иссерс рассматривает метафору как средство дискредитации объекта, поскольку «перенос наименования с одного объекта на другой, сходный с первым в каком-либо отношении, позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение» [8. С. 169–170]. Механизм действия метафоры таков и в том случае, когда она используется для создания положительного имиджа объекта. По мнению А.Н. Баранова [7],

метафора обладает аргументативным потенциалом. Он реализуется в том, что между участниками коммуникации существует некоторое соглашение, которое определяет связь между метафорической моделью и объектом понимания, для описания которого она используется [Там же. С. 189].

Особое внимание анализу метафоры как средства создания имиджа уделяет О.В. Булгакова [9]. Она называет метафору «наиболее продуктивным средством моделирования имиджа на лексическом уровне» [Там же. С. 189], в силу того, что метафора в «полной мере отражает когнитивную природу процесса моделирования, с ее помощью происходит осмысление новых явлений действительности» [Там же. С. 64].

В процессе работы были проанализированы материалы газеты «Поиск» за 2012–2013 гг., посвященные деятельности томских вузов. В данных текстах образовательного дискурса было выделено 49 метафор. Все они были классифицированы с опорой на типологию, предложенную А.П. Чудиновым. За основу данной классификации были взяты исходные понятийные сферы выделенных метафорических моделей. В тексте статьи сами модели и их анализ представлены в соответствии с частотностью их употребления в исследуемых текстах СМИ: от самых популярных к встречающимся наименее часто. Анализ выявленных моделей позволил посмотреть на Томск через призму метафоры и сделать выводы о их роли в формировании имиджа города в образовательном дискурсе.

Наиболее часто в текстах газеты «Поиск» актуализируются фитоморфные метафоры. В их основе «лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира: мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен» [10. С. 150].

«Создание условий для выращивания готовых инженеров-проектировщиков, способных воплотить свои идеи в востребованный рынком продукт, привлечение работодателей к участию в образовательном процессе – ключевые задачи современного инженерного образования в России». № 49 (2011). Использование данной метафоры необходимо для передачи идеи о том, что процесс подготовки кадров подобен работе сада. Выращивание предполагает создание оптимальной среды для роста и развития, наличие усилий со стороны наставников. Вырастить – значит вложить что-либо в продукт своей деятельности. Приведенная метафора дает читателю представление о том, что процесс подготовки кадров является длительным и кропотливым.

«Но и такого сравнительно небольшого времени Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники хватило, чтобы войти

в пору активной зрелости, приобрести черты, которые выгодно выделяют его среди многих высших учебных заведений страны». № 37 (2012). Зрелость – это этап в жизненном цикле растения, когда оно готово к качественно новым изменениям, например фрукт после его созревания можно употреблять в пищу. Данная метафора содержит указание на то, что университет готов к выходу на новый уровень развития, за рамки своей привычной сферы деятельности.

«Есть заказчик высокого уровня развития и есть исполнитель, обладающий соответствующими возможностями, причем не только кадрами, которые могут учить параллельному программированию, но и ресурсами, которые могут участвовать и в образовании, и в разработке. Вот тогда этот симбиоз дает синергию». № 46 (2011). Анализируемая метафора может рассматриваться и как фитоморфная, и как зооморфная. Метафора «симбиоз заказчика и исполнителя» призвана продемонстрировать естественность сотрудничества двух сторон – ТГУ и Газпрома – и взаимную выгоду от него.

Фитоморфные метафоры в проанализированном корпусе текстов выражены лексемами **«рост», «выращивание», «ветвь», «поле», «наращивание», «плод», «симбиоз»**. Наибольшей частотностью обладает лексема **«рост»** – выявлено семь случаев использования данной лексемы. Использование подобных метафор дает возможность представить университетское сообщество как постоянно развивающуюся разветвленную структуру, которая расширяет территорию своего влияния. Метафоры позволяют отразить динамику развития и его этапы.

На втором месте по частотности употребления находятся милитарные метафоры. «При описании закономерностей функционирования милитарных метафор важно учитывать два фактора: когнитивную укорененность военных образов в национальном сознании и дискурсивную специфику функционирования метафорической модели» [11. С. 29].

«Мы уверены, что часть этой многотысячной армии студентов выберет Томский политехнический университет». № 36 (2012). Метафорическое наименование общности студентов как армии используется для того, чтобы показать, что они представляют собой, во-первых, большую массу людей, во-вторых, силу, как и любая армия.

«Расчет на расчеты. Новый центр обеспечит прорыв в проектировании». № 16 (2013). Данная метафора одновременно указывает на несколько важных черт предстоящих изменений: они будут кардинальными, будут носить положительный характер и произойдут быстро.

«А вот лидерам руководством страны было сделано заманчивое, но крайне ответственное предложение: побороться за попадание в ограниченный круг российских университетов, которым государство окажет поддержку в продвижении на пути в Топ-100 мировых вузов». № 10 (2013). Милитарная метафора характеризует существующую между университетами конкуренцию как очень жесткую. Пространственная метафора позволяет сформулировать цель университета – попасть в ограниченную, элитарную, закрытую общность передо-

вых университетов и отразить динамику продвижения университета к достижению этой цели.

Выявленные милитарные метафоры выражены следующими лексемами: **«прорыв», «первооружение», «бороться», «борьба», «полигон», «армия», «завоевать»**. Большая часть метафор образована при помощи лексемы **«прорыв»**. Милитарные метафоры отражают несколько важных характеристик современных томских университетов: высокую степень конкуренции между ними и готовность к качественным кардинальным изменениям в их работе. Именно с последней характеристикой связаны «метафоры прорыва».

Достаточно часто авторы газеты «Поиск» прибегают к использованию физиологических метафор, представленных лексемами **«возраст», «омоложение», «не безголовый»**. «Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных и детально структурированных» [10. С. 61]. Метафоры, связанные с категориями возраста, применяются для характеристики этапов развития, на которых находятся университеты и наука. В отношении науки акцент чаще всего ставится на качественно новом витке ее развития, ее новой «молодости».

«Стратегия-2020 торопит омоложение науки». № 44–45 (2011). Автор статьи сравнивает новый виток развития науки с процессом возвращения молодости живому организму. Омоложение подразумевает привлечение новых молодых кадров, применение новейших средств и технологий для проведения научных исследований.

«– Ну, ваши томские вузы безголовыми не назовешь...» № 31–32 (2011). Интервьюер с помощью данной метафоры высказывает мысль о том, что деятельность томских вузов является осмысленной и продуманной.

Следующими по частотности употребления являются метафоры дома – шесть метафор в проанализированном корпусе текстов. Они реализованы в рассмотренных материалах при помощи лексемы **«фундамент»**. Дом является важнейшим концептом человеческой культуры. Н.Д. Арутюнова отмечает, что метафора дома «позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [12. С. 14–15]. Метафоры такого рода призваны показать, что за каждым университетом и его исследованием стоит определенная база, опираясь на которую, он может осуществлять дальнейшее развитие. Университеты представляются сильными структурами.

«Разработки ученых ТГУ становятся крепким фундаментом для создания технологических линий и наукоемких производств». № 22 (2013). Результаты труда сотрудников университета представлены как необходимая основа для развития производства.

«Традиции – фундамент будущих побед». № 22 (2013). Метафора выражает идею о том, что ТГУ имеет возможность для развития, в том числе потому что уже обладает историей и авторитетом. Без фундамента нельзя построить здание, а без крепкой, проработанной базы, традиций и годами выработанных стандартов научной работы невозможно сделать качественный скачок в исследованиях.

Механистические и физические метафоры менее частотны – выявлено пять случаев их использования.

Метафоры представлены в текстах газеты «Поиск» следующими лексемами: **«локомотив»**, **«формула»**, **«магнит»**, **«конвейер»**, **«капсула»**.

«Университеты сегодня становятся локомотивами экономического развития: то новое знание, которое они генерируют, должно преобразовываться в новые технологии, решения, продукты». № 16 (2013). Данная метафора позволяет охарактеризовать университет как движущую силу, достаточно мощную, имеющую направление и цель. Закрепленная в сознании характеристика локомотива быть всегда первым помогает создать при помощи данной метафоры образ университетов-лидеров. Механистическая метафора дает представление об университете как о слаженном продуманном механизме, где все работает согласно созданному плану.

«Приоритетные исследования, которые вел вуз, перспективы, открывавшиеся перед его выпускниками и сотрудниками, стали магнитом для талантливых и целеустремленных молодых людей. Благодаря этому в ТУСУР сформировался уникальный коллектив специалистов, создавших собственные научные школы и направления». № 37 (2012). Магнит обладает силой притяжения. Физическая метафора создает эффект естественности процесса концентрации молодых ученых вокруг ТУСУРа, так законы физики действуют в соответствии с природой, они являются постоянными и непреложными.

Механистические метафоры обладают позитивным прагматическим потенциалом и представляют университеты как отлаженные механизмы, способные выдерживать сопротивление среды.

Достаточно употребительными являются пространственные метафоры, они выражены лексемами **«путь»**, **«лестница»**, **«круг»**, **«пояс»**.

«В 2011 году малое предприятие “инновационного пояса” ТГУ ООО “Компахим” получило статус участника Инновационного центра “Сколково”». № 50 (2011). «Инновационный пояс» – совокупность предприятий, применяющих разработки университета и работающих на его базе. Пространственная метафора создает образ университета-вселенной, центром которой он является.

«Купить зарубежный пакет такого ПО – не столь просто. Это очень дорогое удовольствие, но мы все-таки движемся по этому пути: уже приобретены, установлены и используются два коммерческих пакета – ANSYS и FLUENT». № 46 (2011). Метафора показывает динамику в решении университетами проблемы использования лицензионного программного обеспечения.

«Вокруг ТПУ сформировался устойчивый круг заказчиков на специалистов, однако в последнее время наметилась тенденция к снижению запросов на прием выпускников в ряд компаний». № 13 (2013). Подобные метафоры позволяют представить ТПУ как единый центр, общую точку, объединяющую предприятия промышленного комплекса.

Пространственные метафоры дают возможность проиллюстрировать динамику развития университетов. Метафоры **«пояса»** и **«круга»** делают возможным их изображение как отдельных вселенных, центрами ко-

торых они являются. Их спутники в такой модели – предприятия, компании и университеты других городов России и мира.

Метафоры родства встречаются в текстах выбранной нами тематики довольно редко и представлены лексемами **«сватать»** и **«родня»**.

«Лучших “сватают” в магистратуру ТПУ уже с 3–4 курсов». № 44–45 (2011). В данном примере процесс выбора аспирантов университетом уподобляется процессу выбора родителями пары своему ребенку. Метафора дает возможность передать несколько очень важных характеристик процесса отбора аспирантов. Во-первых, сотрудники ТПУ относятся к этому с большим вниманием и ответственностью, знакомство с будущими аспирантами является не формальным, а личным, и союз аспиранта и университета предстает длительным и обдуманным. Подобные метафоры позволяют охарактеризовать подход томских университетов к сотрудничеству и выбору коллег не как формальный, а как продуманный, индивидуальный и ориентированный на длительные периоды времени.

«Томский политехнический и Томский государственный архитектурно-строительный университеты – дружная родня». № 52 (2012). Метафора родства показывает, насколько тесным является сотрудничество университетов в рамках конкретного проекта, и содержит указание на историческую традиционность подобного сотрудничества.

Спортивные метафоры выражены лексемами **«планка»**, **«прыгать»**, **«гнаться»** и представляют университетскую среду города как соревновательную, а ее членов – как самодисциплинированных и самокритичных спортсменов, стремящихся к новым результатам.

«Сегодня число МИП, использующих результаты исследований ученых ТГУ, превысило три десятка, из них 17 созданы в соответствии с ФЗ № 217. При этом университет не гонится за количеством, все созданные им предприятия добиваются результата на рынке». № 50 (2011). Спортивная метафора указывает на то, что соперничество университетов подобно спортивному. Внешне оно напоминает гонку, но содержательно эти процессы различаются. Метафора передает соревновательный дух существования университетов в городе.

Таким образом, в текстах газеты «Поиск» было выявлено восемь типов метафор: фитоморфные, милитарные, физиологические, метафоры дома, механистические и физические метафоры, метафоры родства, спортивные и пространственные. При помощи них в проанализированных текстах формируется имидж томских вузов. Вузы, в свою очередь, являются неотъемлемой частью Томска, влияют на его имидж. Через призму метафор образовательного дискурса Томска предстает как город со зрелой и развивающейся научной средой, город, где «взрачиваются» молодые кадры. Томск уподобляется в текстах газеты «Поиск» большому крепкому дому с основательным фундаментом, все жители этого дома находясь в близких взаимовыгодных отношениях сотрудничества или даже родства.

На страницах газеты создается имидж города с соревновательной и инновационной средой, города, который является определенным центром «образовательной вселенной» Сибирского региона. Он окружен поясом заказ-

чиков и партнеров. Томск предстает сильным городом, мощь которого заключается в исследовательском потенциале молодых специалистов, приезжающих в томские университеты для получения высшего образования и воз-

можности вести активную научную деятельность. В текстах прослеживается связь между университетами и промышленными предприятиями Томска и региона, что создает имидж экономически развитого города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шабалин И.А.* Имидж региона как информационно-политический ресурс : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
2. *Рожков И.Я.* Бренды и имидж: страна, регион, город, отрасль, предприятие / И.Я. Рожков, В.Г. Кисмерешкин. М. : РИП-холдинг, 2006.
3. *Гаера Д.П.* Феномен имиджа: сущность и основные характеристики // Капитал страны. 2009.
4. *Глазычев В.Л.* Город без границ. М. : Территория будущего, 2011.
5. *Сушеникова И.А.* Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011.
6. *Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В.* Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.
7. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
8. *Иссерс О.С.* Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 5-е изд.
9. *Булгакова О.В.* Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании: на материале приложения «Бизнес» к газете «Красное знамя» : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
10. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000 гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.
11. *Будаев Э.В.* Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica. Sofia : Eurasia Academic Publishers, 2008. Vol. 2, № 1.
12. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 ноября 2013 г.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ АСПЕКТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в. В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Статья выполнена при финансовой поддержке конкурса РГНФ (грант № 12-04-00337).

Рассматриваются некоторые актуальные аспекты изучения проблемы «русская литература XX в. и христианство» в 1990–2000-е гг. Анализируются методологические вопросы, связанные с конкретными принципами исследования христианских аспектов русской литературы XX в., с поисками новых парадигм в ее интерпретации, а также вопросы самого статуса научного литературоведения как достоверного знания. Статья опирается на современную критическую литературу и дискуссии по этим проблемам.

Ключевые слова: постнеклассическая эпоха; православный дискурс; модели интерпретации; русская литература XX в.

Статья обращена к вопросам изучения христианского пласта и христианских аллюзий в русской литературе XX в., а именно к методологическим проблемам их интерпретации и актуальным аспектам исследования.

Следует уточнить, что мы отвлекаемся от иных конфессий, которые присутствуют в мыслительном поле русской литературы, в частности от мусульманских и других восточных компонентов (индийской философии и т.д.). Конкретизируем, что под христианской проблематикой в рамках данной статьи подразумевается присутствие в художественных произведениях любых вариантов библейско-христианских (новозаветных) святоотеческих аллюзий, восходящих к каноническому претексту.

Постановка данной проблемы обусловлена двумя факторами: во-первых, тем, что к концу XX в. был опубликован основной массив отечественной словесности предыдущего столетия, так как до 1990-х гг. она была существенно редуцирована, особенно это касается литературы русской эмиграции. Во-вторых, начиная с рубежа 1990-х гг., публикуются, наконец, труды русских философов (собр. соч. В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Вышеславцева, В. Розанова и др.), что ведет к переосмыслению представлений о национальной духовной традиции, а также определяет возрастание интереса к изучению христианского (духовно-религиозного) аспекта русской литературы в целом. Таким образом, в течение последних 20 лет мы наблюдаем интенсивное изучение проблемы «литература и христианство». За это время много сделано для осмысления характера и особенностей функционирования христианских аллюзий в отечественной литературе.

В 1990-е гг. проблема «христианство и русская литература» стала предметом специального изучения ряда конференций, на которых были намечены основные подходы к изучению духовно-религиозной проблематики русской литературы и скорректированы представления советского времени об особенностях развития отечественной словесности [1–5 и др.].

В 1990–2000-е гг. наряду с проблемой интерпретации конкретных художественных систем выдвинулся и вопрос о методологических принципах изучения христианского дискурса в литературе нового и новейшего времени (XIX и XX столетий).

Особенностью изучения проблемы «христианство и литература» стало, во-первых, то, что оно началось

исследователями, сознание которых и сами знания в этой области были сформированы в советскую эпоху, что определило ряд сложностей при столкновении с новым предметом изучения. У исследователей появляется желание везде увидеть христианские основы русской литературы, вычитать их в текстах. Во-вторых, изучение указанных парадигм приходится на постнеклассическую ситуацию в литературоведении, когда утверждается ценностно-нейтральный характер научных исследований (множественность подходов и версий интерпретации). В гуманитарных науках интерпретатор находится не вне объекта изучения, а внутри него: он сам есть его часть, познающая целое. Такой подход вызван недостаточностью отстраненной объективной позиции, которая господствовала в неклассической науке (формальная школа, структурализм на ранних стадиях развития). Возникает вопрос: а сопряжено ли, и если да, то как, изучение конфессионального аспекта литературы с мировоззрением самого исследователя.

В современной ситуации актуализировался целый ряд вопросов историко-литературного и методологического порядка: а) проблема компетентности и корректности в интерпретации конфессионального текста в аспекте функционального использования претекста (христианской образности); б) проблема изучения отдельных художественных систем в связи с христианской проблематикой; в) необходимость уточнения и корректировки некоторых понятий, используемых исследователями. Для решения проблемы «христианская антропология и современное литературоведение» также важен вопрос об эволюции методологических подходов в изучении русской словесности от 1920 – к 2000-м гг.

Обратимся к трем, с нашей точки зрения, важным и вместе с тем дискуссионным проблемам: во-первых, национальная духовная традиция и литература XX – начала XXI в.; во-вторых, типология русской литературы XX в. в аспекте ее связи с христианством; в-третьих, к вопросу о богословском и научном литературоведении.

Проблема духовных основ русской литературы и ее целостности (единства) была поставлена в статьях и монографиях И. Есаулова «Категория соборности в русской литературе» (1994) [6] и «Пасхальность русской словесности» (2004) [7]. Исследователь выдвигает идею глубинной связи русской литературы и христиан-

ства, указывает на «христосоцентризм» отечественной словесности как ее генетическую составляющую: произведения древнерусской литературы «отчетливо христосоцентричны», они соединялись с литургической практикой (вплоть до XVIII в.) [8. С. 254]. По мысли исследователя, духовные основы русской литературы выявляют себя в разные исторические эпохи по-разному. В XIX–XX вв. духовная составляющая проявляет себя как прямо, так и имплицитно («авторской, духовной, этической и эстетической ориентацией»). Этим отчасти объясняются максималистские этические требования к герою литературного произведения русской классики: они намного строже, чем в западно-европейской литературе того же периода. Глубинная, тесная и никогда не прерывающаяся связь с Новым Заветом – вот главное, что «конституирует единство русской культуры в целом» [8. С. 254]. В логике развития мыслей исследователя на конференциях и в публикациях новейшего времени была предложена идея широкого понимания христианства в русской литературе. Христианский дискурс понимается как одно из проявлений христианской цивилизации и культуры, к которым принадлежит Россия. Это предполагает не ее связь с религией в церковно-бытовом облике, как в литературе X–XVII вв., а разговор о человеке в свете тех ценностей, которые являются для христианства основными, т.е. речь идет о христианском подходе к человеку и всем тем событиям, в которых он участвует.

Признавая справедливость многих идей И. Есаулова, отметим, что некоторые его положения требуют уточнения и конкретизации. Думается, что глубинная связь русской литературы с христианством имеет отношение все же к более ранним векам ее развития, чем к новому этапу XX–XXI вв. В последние два столетия это лишь одна из линий в развитии отечественной словесности. В рамках этого направления действительно создано значимое в национальной литературе как культурно-семантическом целом (Н. Гоголь, М. Лермонтов, Ф. Достоевский). Вместе с тем уже в XIX в. «христосоцентризм» как духовная (религиозная) основа русской литературы потеснена другой тенденцией, объективно существующей, которая сопряжена с уходом от религиозной составляющей, как, например, в творчестве А. Грибоедова, И. Тургенева, А. Островского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, А. Чехова. Тем более это имеет отношение к XX столетию: если предмодернизм и модернизм Серебряного века представляют собой варианты обновленного христианства, то вся советская литература (1920–1970-е гг.) и, конечно, постмодернизм второй половины XX в. выражают принципиально нерелигиозное сознание. И понятие «христосоцентризм» вряд ли к ним применимо.

Важно то, что в корпусе текстов русской литературы XX в. христианская традиция не исчезает, хотя она и потеснена иными мировоззренческими парадигмами; она «мерцает» в единичных феноменах общего корпуса литературы XX столетия (например, И. Шмелёв, Б. Пастернак, Д. Андреев, А. Ахматова). Характер развития русской литературы первой и тем более второй половины XX в. свидетельствует, что в ней выражено атеистическое мировоззрение (А. Твардовский, В. Шукшин и др.). В литературе второй половины XX в. зача-

стую представлены иные ценностные парадигмы, маркирующие утрату абсолютов и отказ от их поиска, в них часто выражено ироническое мироотношение. Ценности русской культуры формируются не только в рамках православной словесности, хотя это один из стержневых моментов национальной культуры. Атеистическая тенденция тоже определяет важные смысловые и аксиологические акценты русской литературы.

Иное дело, что проблема человека в ситуации между «есть Бог и нет Бога» остается актуальной и для русской литературы второй половины XIX в. и XX столетия в целом. Только русская литература (по сравнению с западно-европейским контекстом) так интенсивно и напряженно ищет абсолюта, ищет ответы на эти вопросы, как, например, Леонид Андреев в ситуации порубежной эпохи и крушения прежних ценностей, что обусловлено спецификой его мировосприятия («Иуда Искариот», «Жизнь Василия Фивейского», «Дневник Сатаны»). Только русская литература так болезненно переживает ситуацию отпадения человека от Бога в поисках иных ценностей. С этой точки зрения особенно характерно творчество А. Платонова, которое можно прочитывать на уровне героев и автора как сложнейший внутренний диалог между традиционными религиозными ценностями и новыми марксистскими идеями, которые искренне пытаются усвоить и герои, и повествователь прозы писателя. Следует отметить, что в XX в. получают развитие сложные художественные системы, которые отражают обостренное противостояние двух мировоззрений – религиозного и атеистического.

Обратим внимание, что литература русской эмиграции первой волны, особенно молодое поколение, становление которого происходит уже вне России (В. Набоков, Г. Газданов, Б. Поплавский и др.), оказавшись в иной социокультурной и духовной ситуации, сразу утратила эти болевые вопросы, не свойственные для западной ментальности. Однако старшее поколение сохранило (Д. Мережковский) или обрело (Б. Зайцев) религиозные горизонты мышления.

Обратимся ко второй проблеме. На конференциях 1990–2000-х гг. была подчеркнута необходимость обновления литературоведческой методологии. Образовался круг исследователей, занимающихся проблемой «русская литература и христианство» (А.М. Любимудров, В.А. Котельников, Л.И. Бронская и др.).

В рамках продолжения этих дискуссий в современном литературоведении предпринята попытка создания типологии русской литературы XX в. в ее соотношении с христианской национальной традицией. Само это стремление понятно, оно объясняется мировоззренческим и эстетическим разнообразием литературы предшествующего столетия, а также вызвано необходимостью скорректировать термины, встречающиеся в критических исследованиях. На конференциях и в публикациях при изучении духовных основ русской литературы сформировалось достаточно устойчивое понятие – «православный дискурс» (термин введен А. Любимудровым), или «святоотеческая традиция».

Л.П. Егорова, автор методического пособия для студентов о научной методологии современного литературоведения, вслед за видными филологами и культурологами справедливо поднимает важный вопрос о

необходимости отделения православного дискурса от пограничных и смежных с ним явлений, отражающих секуляризованное мировоззрение русских художников последнего столетия [9]. В корпусе национальной словесности XX в. она, наряду с православным дискурсом, выделяет еще два других потока литературы, с точки зрения их связи с христианством: во-первых, атеистический («нехристианский») дискурс; во-вторых, антихристианский дискурс. Поясним подробнее.

Православный, или «святоотеческий», дискурс непосредственно сосредоточен на вопросах православия. В этих произведениях у верующего автора и героя-протагониста есть «живое ощущение бытия в Боге» (М. Дунаев). Сошлемся на замечание современного исследователя по отношению к творчеству Ф. Достоевского: «Православие представляет такую параллель к Достоевскому, без которой духовная природа творчества последнего не может быть понята во всей полноте» [10. С. 179]. В текстах с выраженной православной тенденцией ставятся проблемы бытия Божия, бессмертия души, греха и совести и т.д. В XX в. в таком ракурсе могут рассматриваться единичные произведения: повести Б. Зайцева («Сергий Радонежский», «Анна»), романы И. Шмелёва («Лето Господне», «Богомолье», «Пути небесные»), поэзия русских религиозных философов (стихи С. Соловьёва, поэма «Оро» П. Флоренского).

Выделение двух других разновидностей литературы XX в. в связи с христианством тоже не вызывает возражения: атеистического (нехристианского) дискурса и антихристианского, насильственно-богоборческого (В. Маяковский, Д. Бедный, комсомольские поэты 1920-х гг. и т.д.).

Сомнительно то, что в концепции Егоровой как близкий христианскому рассматривается атеистический текст советской литературы. Исследователь отмечает, что опыт русских писателей Нового времени (советская литература) свидетельствует о сохранении в их художественном мире досекуляризованных представлений о личности, что определяет структуру персонажей и авторское освещение их духовного существа. В произведениях советской литературы разговор о человеке ведется в свете тех ценностей, которые являются для христианства основными. Тексты советской литературы, по мысли исследователя, сохраняют связь с постулатами христианства, пусть и искаженными: любовь, вера, милосердие, брак, семья [9. С. 214–217]. Если вспомнить историю, то именно они в постреволюционную эпоху подвергались разрушительным атакам. Между тем исследователь утверждает, что «в советской литературе сложился «уникальный *секуляризованно-духовный дискурс*», который существует как вариант духовной литературы. Все это формирует в конце XX и начале XXI в. особую ситуацию возвращения к традиционным ценностным парадигмам, хотя и на другой мировоззренческой основе [9. С. 216].

Хотелось бы уточнить ситуацию с советской литературой. Вспомним, что с начала 1920-х гг. теория нового искусства резко отмежеввалась от классики: появились прогнозы о новом искусстве как «безбожном», идея бессмертия души была объявлена «мертвечиной». Эта линия была ведущей в «формовке советского писателя» (Е. Добренко) в 1930–1940-е гг.

Более того, в советский период отрицалась или крайне упрощалась даже классическая традиция литературы XIX в., которая в полной мере выразила гуманистические ценности национальной культуры. В 1920-е гг. по отношению к ней в литературных документах и директивах были сформулированы два основных подхода: первый – радикальное отрицание (Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ). Вторым принадлежал группе «Перевал» и подразумевал преемственность с «освобождением от реакционных элементов» [11. С. 64–65]. Новая литература, даже в варианте наиболее демократического критика А. Воронского, теоретика группы «Перевал» [12. С. 396–406], опиралась на внешние пласты классики, а не на ее сущностные элементы. Исключением была программа «Серапионовых братьев». В процессе идеологического управления читательским сознанием и аудиторией художников в целом в 1920-е гг. формировалось настороженно-отчужденное отношение к ценностям, воплощенным в произведениях русской классики; под подозрением оказались уникальность человеческой личности, личное счастье, семья, деятельная любовь к ближнему, прощение и благодарность, нравственное очищение, «тайная свобода» [11. С. 216]. Мы наблюдаем кардинальный разрыв с христианскими ценностями русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить тот факт, что из вузовских учебников по истории русской литературы с 1930-х гг. были изъяты многие произведения русских писателей XIX в. (например, «Бесы» Ф. Достоевского и др.).

Одним словом, литература социального реализма (социалистический реализм) и в своем дальнейшем развитии усваивала русскую литературу XIX в. чисто внешне, ориентируясь на изображение действительности в ее революционном развитии. Также большинство ее исследователей, которые много говорили о традиции, понимали ее формально и внешне, опуская основное смысловое ядро. Эти подходы развивались в художественной практике советского времени и в литературоведении многих десятилетий. На филологических факультетах не изучалось творчество С. Есенина, Н. Клюева, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама и др.

Следует отметить, что советская литература прорывалась к общечеловеческим ценностям в отдельных произведениях еще в 1930–1940-е гг. и более широко в 1960–1980-е гг. (например, онтологическая проза В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина, В. Астафьева и др.). С этой точки зрения, показательна, например, эволюция творчества М. Шолохова. В его «Донских рассказах» (первая половина 1920-х гг.) ярко выражен классовый гуманизм, или «пролетарский гуманизм». В «Тихом Доне» (1940) существенно меняются представления писателя: утверждаются идеи милосердия, добра, всепрощения, значимости любой человеческой жизни. Вместе с тем духовный мир личности в «Тихом Доне» Шолохова следует рассматривать в рамках общечеловеческих ценностей, а сам писатель остается выразителем атеистического сознания.

Важная проблема, которая поднимается в дискуссии о духовности русской литературы XX в., это вопрос о статусе (квалификации) неорелигиозных исканий художников Серебряного века в аспекте их связи с христианской парадигмой. Творчество поэтов начала столетия часто связано с богоискательством, как, напри-

мер, у символистов (В. Соловьёв, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов и т.д.). Вместе с тем философско-эстетические искания многих художников сопряжены и с их увлечениями эзотерическими, оккультными, масонскими идеями, которые присутствуют в поэзии Д. Мережковского, М. Волошина, Н. Гумилёва, М. Кузмина, позже у Д. Андреева. Это поэты и мыслители, часто взыскующие «Третьего Завета», что, по мнению некоторых исследователей (А.А. Ворожбитова, Л.П. Егорова), является «неоеретичеством» и глубоко чуждо религиозности, даже если там выражено и христианское мировоззрение [9. С. 214].

С нашей точки зрения, есть основания говорить о трех типах дискурсов в рамках проблемы «литература XX века и христианство». Они ни в коей мере не охватывают все тексты, а существуют лишь как некоторые очевидные тенденции. Во-первых, правомерно выделять святоотеческую традицию (как устоявшуюся в литературоведении), в основе которой находится христианское мировидение автора; во-вторых, нерелигиозный дискурс (советская литература в ее разных модусах); и, наконец, тексты, которые следует рассматривать в рамках мифопоэтической парадигмы. В широком смысле мифопоэтический дискурс создан на основе античных, языческих, старообрядческих и христианских мифов. Мировоззрение авторов в таком случае может развиваться как в русле собственно религиозных исканий, так и в парадигме мифопоэтики как мощной традиции мирового искусства, при которой христианский миф стоит в одном ряду с другими мифами как общекультурными феноменами. Религиозные символы здесь могут сохранять духовные смыслы, но могут обрывать и исключительно эстетическое значение.

Приведем пример. В русской литературе XX столетия сквозным является сюжет распятия Христа. Он развивается, варьируясь, в произведениях первой и второй половины века: в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940), в поэме А. Ахматовой «Реквием» (1935–1963), в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака (1955), в романах Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» (1975) и Ч. Айтматова «Плаха» (1988). Христианская образность в приведенных текстах имеет различную функционально-семантическую наполненность. Поэму Ахматовой, как и романы Булгакова и Пастернака, можно назвать христианским дискурсом (хотя и не святоотеческим), так как там выражены неорелигиозные искания их авторов, что особенно очевидно на фоне советской литературы 1930–1950-х гг. (А. Фадеев, К. Симонов, К. Федин, В. Панова, Ю. Бондарев, А. Твардовский и др.). Произведения Ахматовой, Булгакова, Пастернака следует рассматривать в рамках мифопоэтической парадигмы, библейский сюжет в них выполняет религиозно-эстетические функции. В реалистических романах Домбровского и Айтматова выражено нерелигиозное сознание, использование христианских источников призвано здесь решать исключительно нравственные вопросы.

Справедливо, с нашей точки зрения, утверждение, что использование христианского претекста может быть как проявлением глубокой веры (например, у А. Ахматовой), так и эстетическим качеством (М. Цветаева) [9. С. 206], а может, добавим, иметь богоборческое значение (В. Маяковский).

Обратим внимание, что в конкретном анализе необходимо учитывать эволюцию творчества отдельных художников. Так, например, очевидна христианская составляющая романа М. Булгакова «Белая гвардия», проявляющаяся как в системе персонажей, так и в авторском повествовании. Что же касается романа «Мастер и Маргарита», то он может быть истолкован лишь в рамках мифопоэтики, там контаминируются разные духовные традиции (гностицизм, христианство, масонские идеи, средневековые ереси и т.д.). Неслучайно именно он вызывает наибольшие разногласия у исследователей и альтернативные суждения.

В рамках мифопоэтической парадигмы следует рассматривать и творчество художников неорелигиозного сознания: В. Соловьёва, Д. Мережковского, И. Анненского, А. Блока, Ф. Сологуба, А. Белого, Л. Андреева, М. Пришвина и др.). Все это – варианты русского предмодернизма и модернизма, в которых происходит переосмысление традиционных религиозных (православных) представлений, но одновременно выражено неприятие и позитивистских взглядов на человека и его место в мире. Русские философы и близкие к ним художники-философы расширили представления о трансцендентном (божественном и дьявольском), развили учение о Софии, ввели концепты Эроса и Танатоса. «Еретический» компонент в их концепциях, с точки зрения ортодоксальной церковности, подразумевал сложный путь их духовных исканий, в их собственной рефлексии – поиски путей обновления христианства. Перечисленные выше и неназванные художники Серебряного века органически связаны с христианскими исканиями русской мысли, восходят к ним по происхождению (Вл. Соловьёв, А. Блок, Б. Пастернак и др.).

В дискуссиях 1990–2000-х гг. наметилась полемика между теми, кто отрицает как положительный фактор причастность героев русской классики к христианской основе бытия, и теми, кто приветствует принадлежность произведений к христианской духовной традиции. В вышеупомянутой классификации Л.П. Егоровой тоже присутствует оценочный компонент независимо от конкретного желания исследователя. Ведь поиски «секуляризованного» христианства в атеистических текстах советской литературы и есть признание религиозного сознания как чего-то более высокого по сравнению с атеистическими представлениями о мире.

Нам хотелось бы подчеркнуть равноценность атеистического и религиозного мирозерцания, которые сами по себе не обеспечивают эстетической ценности литературы. Нехристианское сознание существует в XX в. как непреложный факт, с ним связаны открытия русской литературы XX в. Назовем прозаиков русской эмиграции – И. Бунина, В. Набокова, Г. Газданова, с одной стороны, и художников советского и постсоветского времени, с другой – А. Битова, Ю. Трифонова, В. Маканина. Процесс разделения духовного и светского в логике национально-го развития был не случайностью, а глубинной закономерностью историко-культурного процесса в России, что убедительно показано в монографии И.В. Кондакова «Введение в историю русской культуры» [13]. О христианской же парадигме, на наш взгляд, правомерно вести речь только тогда, когда автор обладает религиозным мирозерцанием, т.е. наделен верой в Божественное

происхождение мира и человека, в наличие надстоящего над миром начала. В литературном процессе советского времени формируется действительно религиозная парадигма художественного мышления. Например, в 1930–1950-е гг. развивается творчество Даниила Андреева, художественная аксиология которого противостоит советскому дискурсу, в полном смысле слова атеистическому и секуляризованному (в ракурсе мировидения). Поэт полемизирует с советской литературой как смысловым и аксиологическим целым, противопоставляет выраженной в ней концепции человека христианскую антропологию и вместе с тем продолжает развитие неохристианской традиции Серебряного века.

Обратимся к третьей интересующей нас проблеме. Сегодня можно говорить о дифференциации двух типов литературоведения. Это «светское», или научное литературоведение, и богословское литературоведение. В последнем русская литература изучается с позиций религиозного мировоззрения самого интерпретатора. Наиболее характерный пример – шеститомное издание профессора Московской государственной академии М.М. Дунаева «Православие и русская литература». Богословское литературоведение развивалось и ранее, однако в советское время существовало вне зоны внимания отечественной науки, оно обрело новый статус и стало «легальным» лишь в 1990-е гг. [14]. История его развития – это особая проблема, заслуживающая самостоятельного изучения. В 1990-е гг. взрыв интереса к религиозной сфере русской классики породил целый ряд исследователей из академической среды: В.С. Непомнящий, И.А. Есаулов, И.Б. Роднянская [15. С. 361–366] и др.

Формы мышления «религиозной филологии» и ее подходы к литературе вызывают широкие дискуссии в среде литературоведов [16. С. 585–600]. Однако следует отметить органичность развития богословского литературоведения в современной ситуации, так как в 1990–2000-е гг. расширились границы русской литературы за счет публикации таких произведений, как духовная поэзия и проза русских классиков (Г. Державин, Н. Гоголь), религиозных произведений XX в. (Д. Андреев, В. Максимов, А. Солженицын и др.). Исследователи религиозного направления владеют на ином уровне знаниями канонических текстов, в чем имеют безусловное преимущество. В своих исследованиях они с должной настойчивостью проакцентировали церковно-славянские аспекты художественных произведений, мотивы и образы Библии, т.е. выявили святоотеческую составляющую литературы. Вместе с тем конфессиональный критерий как главный и единственный инструментальный, используемый ими, вряд ли может быть ведущим при анализе художественного текста и художественной системы писателя, эстетические задачи оттесняться задачами теологическими.

Проблема расхождения научного и богословского литературоведения заключается в выявлении христианских аспектов русской литературы, но еще более – в их истолковании.

Методология религиозного литературоведения наиболее полно выражена в учебнике М. Дунаева «Православие и русская литература», где анализируется русская словесность XX в. в аспекте ее соответствия православному канону. Автор учебника предлагает

принципиальный методологический подход к изучению истории русской литературы, который оспаривается современными литературоведами.

Такой подход к литературе, где ценностью обладает только соответствующее православному канону, противоречит самой природе художественного образа. Отказ от понимания природы эстетического ведет к сужению предмета искусства и влечет его унификацию. Автор исходит из следующего положения: «Литература как составная часть культуры имеет генетическую зависимость от религии, и поэтому русская литература обладает для православного сознания ценностью лишь в той степени, в какой она опирается на полноту Истины Христовой...» [17. С. 863]. В учебнике раскрывается история русского православия, реализованная в национальной культуре: от древнерусской словесности с глубоко религиозным содержанием к отступлению от него в XVIII в. – эпохе Просвещения, затем вновь к возобновлению интереса у славянофилов, хранителей самобытной религиозности, с одной стороны, и к отказу от христианской традиции у революционеров-разночинцев, западников – с другой, что в XX в. привело к формированию новой безбожной религии советского государства. В концепции автора учебника секулярное сознание русской литературы, начиная с XIX в., вносит главный соблазн – идеологию гуманизма, т.е. самообособление человека, «сознание им себя самодостаточной ценностью бытия вне связи с Творцом». С этой точки зрения, Серебряный век определяется как время духовного падения искусства. Тем более это имеет отношение к советской литературе. И даже ее высшие достижения, в силу их гуманистической идеи, не принимаются автором. Приведем характерное высказывание о романе М. Шолохова «Тихий Дон»: его автор является «типичным гуманистом», «он воспринимает и оценивает мир по меркам отвлеченной нравственности, источник которой невнятен» [17. С. 147]. Кошунством по отношению к православию является советская литература. Но не менее опасен, по мысли автора учебника, и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», противостоящий, как известно, советской идеологии. В логике исследователя он имеет «антихристианскую направленность», так как в нем «пародийно принижен облик Спасителя, превращенного волей автора в немощного бродячего философа, мечтающего о переустройстве земной жизни», а Воланд предстает как активная положительная сила, «гарант устойчивости миропорядка». Поэты О. Мандельштам и Б. Пастернак не сумели преодолеть «присущий им антропоцентричный тип мирозерцания». Таким образом, вся история русской литературы XX в. отразила вовлечение народа в «антиправославное апостасийное пространство» [17. С. 877, 880]. В подобных рассуждениях нельзя не выделить глубокого понимания христианской парадигмы русской литературы, но здесь очевиден и отказ автора от реального взгляда на развитие историко-литературного процесса. Вряд ли можно считать негативным явлением усиление антропоцентрического начала у М. Шолохова, у «шестидесятников», гуманистические ориентиры которых на фоне классовых ценностей были прорывом к духовной свободе (хотя и не в православном понимании).

В XX в. получают развитие сложные художественные системы, обостренно отражающие противостояние двух мировоззрений – религиозного и атеистического, которые

следует объяснить, вскрыв глубинные закономерности в логике развития национального самосознания культуры. Следует учитывать, что русская литература XX в. выражает философско-углубленное понимание самой проблемы антропоцентризма (философской концепции человека) в контексте всего пласта философии культуры, в том числе ее новых течений, возникших в XX в. (интуитивизм, психоаналитические концепции неотрейдисма). С этой точки зрения, рассмотрение русской литературы XX в. в рамках христианской традиции не всегда достаточно, так как обедняет ее. Таким образом, в мировоззренческой позиции исследователя во многом находится нерв дискуссии о «духовности» русской литературы. Наличие двух моделей исследования, т.е. противоположные трактовки одного и того же художественного феномена, спровоцировали вопрос о статусе нашей науки [11]. Литературоведение – такая же наука, как и науки естественно-математического цикла? Или у него особый статус? Почему в ней имеет такое значение личность исследователя, его мирозерцание по отношению к предмету изучения?

Разрешение этих проблем отчасти находится в русской религиозной философии, в которой, во-первых, соизмеримы теологический аспект и внимание к человеку (антропоцентризм). Именно русские религиозные философы XX в. (Н. Бердяев, Н. Лосский, Б. Вышеславцев, Л. Карсавин и др.) способствовали тому, чтобы литературные шедевры истолковывались сквозь призму философско-антропоцентрических исканий (работа Н. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского»). Богословское и эстетическое здесь не противоречат, а действительно дополняют друг друга. Во-вторых, русская религиозная философия выступает необходимым контекстом для интерпретации и осмысления многих эстетических картин мира в русской литературе конца XIX–XX вв.

Подведем итоги. Таким образом, в 1990–2000-е гг. начинается переосмысление русской литературы XX в., которая ранее интерпретировалась в рамках советской нормативной (идеологической) парадигмы, что называлось советским литературоведением. Эта необходимость возникла вследствие введения в научный оборот

трудов русских философов, которые замалчивались до этого времени, публикаций массива недоступных ранее текстов, написанных в метрополии, лагерях, эмиграции. Литературоведение было поставлено в сложную для него ситуацию методологического перевооружения, которую оно само не осознавало. Началось интенсивное изучение русской литературы в христианском аспекте, что породило у исследователей стремление «христианизировать» литературу XX в., вычитать в ней духовные смыслы и традиции.

В данной статье мы попытались выявить актуальные вопросы в этом процессе, выделив три важные проблемы и пришли к следующему: 1. Вписать всю русскую литературу, включая XX в., в христианскую парадигму, увидеть ее единство в рамках национальной духовной традиции (религиозной) не представляется возможным. Возникнув в рамках религиозной духовной традиции, русская литература вышла за ее пределы к концу XIX в., значительно расширив свой арсенал, обогатившись иными возможностями, утратив «христосцентризм» (И. Есаулов) как свое лоно. Это выразилось и в неорелигиозном философско-литературном ренессансе, и в новых течениях и направлениях XX в. (модернизм, авангард, экзистенциальный реализм, постмодернизм). Близость или удаленность художественного произведения от канонических претекстов не определяет художественную значимость литературных произведений национальной словесности. 2. Перед исследователями литературы XX в. стоят серьезные задачи: поиск новых парадигм в изучении истории литературы в христианском аспекте, уточнение терминологического аппарата в анализе многообразных феноменов литературы, проблема выявления и интерпретации важных тенденций ее развития. 3. Одной из серьезных проблем становится и проблема диалога научного литературоведения с религиозным. С одной стороны, нельзя не учитывать опыта изучения русской литературы богословским литературоведением. С другой стороны, нельзя принять их методологические подходы. Процесс изучения конфессиональных аспектов русской литературы ставит перед литературоведением все больше вопросов, связанных с обновлением его методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Христианство и русская литература*. СПб., 1997–2002. Сб. 1–4.
2. *Святоотеческие традиции в русской литературе*. Омск, 2005.
3. *Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков* : материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2006.
4. *Любомудров А.М.* О православии и церковности в русской литературе // *Русская литература*. 2001. № 1.
5. *Бронская Л.И.* Духовность в концептосфере русской гуманитарной мысли конца XX – начале XXI века // *Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков* : материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2006.
6. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1994.
7. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М., 2004.
8. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001.
9. *Егорова Л.П.* Выпускные квалификационные работы по русской литературе. М. : Высш. шк., 2009.
10. *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994.
11. *Мартьянова С.А.* Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // *Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс)*. М., 2001.
12. *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М., 1987.
13. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997.
14. *Религиозное литературоведение: обретения и утраты* // *Вестник МГУ*. Сер. 9. 2006. № 3.
15. *Роднянская И.* Христианство и культура // *Движение литературы*. М., 2006. Т. 2.
16. *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999.
17. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература : в 6 ч. М. : Христиан. лит., 2000. Ч. 6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 октября 2013 г.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ)

Исследование в сопоставительном аспекте отношений, представленных в аспектуально-темпоральном комплексе русского и английского языков, представляется научно перспективным, так как позволяет проследить неоднозначность содержания и многоаспектность проявления идеи времени в разных языках. Рассматриваются план содержания поля аспектуальности, принципы отражения характера протекания действия, а также одноуровневые и разноуровневые средства, направленные на выражение аспектуальной семантики в языках разного типа, какими являются русский и английский. Обращение к текстовой реализации аспектуальных отношений позволяет дополнить картину их описания, выявить способы достижения эквивалентности перевода русских единиц с аспектуальной семантикой на английский язык.

Ключевые слова: аспектуальность; вид глагола; русский язык; английский язык; эквивалентность перевода.

Для современной науки представляет особый интерес то, каким образом человек воспринимает отдельные фрагменты отражаемой сознанием действительности и представляет их в языке. При универсальности общих когнитивных законов каждый язык обладает специфическими средствами репрезентации языкового содержания. Не являются исключением аспектуальные признаки действия, для обозначения которых языки используют не только разные внутрикатегориальные средства выражения, но и различные категории для интерпретации характера протекания действия, его временных и предельных рамок. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу аспектуальных отношений в русском и английском языках.

Являясь одной из важнейших языковых категорий, отражающих идею «внутреннего» времени, аспектуальность охватывает ряд частных значений, оказывающихся в отношениях пересечения с содержанием категорий длительности, фазовости, перфектности, кратности и др. Разработанная в рамках теории функциональной грамматики концепция аспектуального поля русского глагола трактует данную категорию как имеющую четко очерченное ядро и располагающую для выражения своего содержания разноплановыми языковыми средствами. По мнению исследователей, в русском и других славянских языках ядерным средством выражения аспектуальных отношений выступает категория вида, которая «представляет собой наиболее специализированное и регулярное грамматическое средство» [1. С. 56], в то время как остальные средства выражения аспектуальности носят не грамматический характер.

К ядру примыкает категория предельности / неопределенности (в другой терминологии лимитативности), которая организует «лексико-грамматическую зону» аспектуальности [2]. Данная категория является семантической, ее содержание составляют разные типы отношения действия к пределу: при внешнем пределе действия временная граница связана с внешними признаками по отношению к действию (с наступлением другого действия или с указанием на срок окончания действия), внутренний предел определяется характером действия, заложенным в значении самого глагола (т.е. через значения вида и способов глагольного действия) [1]. При этом внутренний предел может быть

реальным (т.е. пределом, который достигнут в ходе действия) и потенциальным (т.е. пределом, на который направлено действие). Исследователями отмечается, что реальный предел «получает в русском и в других славянских языках эксплицитное грамматическое выражение как один из элементов (наряду с признаком целостности) категориального значения СВ (совершенного вида. – В.К., Ю.Ф., А.Ш.)» [3. С. 398], т.е. соответствует одному из частных значений этого вида. Потенциальный предел выражается при помощи несовершенного вида, пересекаясь в этом случае с частным значением данного вида, так как понятие подобного предела связано с процессуальностью. Несовершенный вид, «не обладая способностью выражать эксплицитный предел, способен к такому употреблению, при котором передается предел имплицитный» [Там же. С. 399], он подразумевается, исходя из знания значения глагола, общего коммуникативного контекста, но не выражается специальным языковым средством (как, например, в предложении *Вдруг начинается дождь и появляется она*), в то время как «эксплицитный предел может быть выражен только формами СВ» [Там же].

Таким образом, семантическая категория лимитивности тесно связана с категорией вида: формальные различия между потенциальным и реальным пределом действия сводятся к различию между видовыми формами.

К ближайшей периферии рассматриваемого поля относятся такие средства выражения аспектуальных значений, как способы действия, которые представляют собой «лексическую (отчасти словообразовательную, отчасти лексико-семантическую) аспектуальность» [2. С. 50]. Под способами глагольного действия понимаются семантические группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия [Там же]. Следует отметить, что при пересечении плана содержания вид и способы действия различаются в принципах и средствах выражения. Видовая характеристика является обязательной для всех глаголов русского языка. Видовое противопоставление, которое может осуществляться внутри одной лексемы и в пределах одного лексического значения, производится с помощью системы грамматических форм, грамматических средств выражения видовых значений. В отличие от видов способы действия не составляют грамматическую категорию, не имеют

четких парадигматических противопоставлений и реализуются в пределах лексических различий между глаголами.

Несмотря на длительную отечественную и зарубежную традицию в изучении способов действия русского глагола, единая классификация способов действия отсутствует. В русской грамматической традиции функционирует несколько десятков названий для обозначения способов глагольного действия, а количество выделяемых способов действия в рамках русской глагольной подсистемы варьируется от десяти до тридцати и более.

С точки зрения наличия / отсутствия специальных морфемных средств выражения способов действия выделяются нехарактеризованные, характеризованные и непоследовательно характеризованные способы действия [2]. В первом типе указание на характер протекания действия является частью лексического значения глагола, т.е. представляется «природным» (глаголы состояния – *болеть, спать*; глаголы развития – *плакать, жить, обедать* и т.д.).

В характеризованных способах действия основным средством выражения характера протекания действия становится присоединяемый к глаголу определенный формальный показатель, в качестве которого чаще всего выступает глагольный префикс, модифицирующий семантику исходной единицы (глаголы с приставкой **за-** начинательного способа действия – *заволноваться, заскучать, забегать*; глаголы с приставкой **про-** длительно-ограничительного способа – *проплясать, пробежать, простоять*; единицы с префиксом **раз-** и частицей **-ся** усиительного способа действия – *разволноваться, раскричаться* и т.п.). В данном случае следует говорить о способах действия как словообразовательных разрядах глагола. Промежуточные единицы исследователи относят к непоследовательно характеризованным способам действия (глаголы общерезультативного способа действия с различными префиксами *записать, постирать*; глаголы одноактного способа действия с суффиксом **-ну-** *клюнуть, плюнуть* и т.д.), в которых акциональные параметры глагола могут передаваться и лексически, и морфемно.

К лексическим средствам выражения аспектуальности исследователи относят «аналитические способы действия», способные выражать отношения фазовости, начинательности и т.п. посредством сочетания фазового и смыслового глаголов [4].

Периферийные средства выражения аспектуальности включают неглагольные лексические показатели – слова и сочетания слов, определяющие характер протекания действия (показатели краткости действия, его единичности *изредка, иногда* и др.; показатели длительности – наречия *все время, долго* и др.). При этом неглагольные показатели выступают в качестве дополнительных средств экспликации аспектуальности, являются внешними показателями протекания действия по сравнению с обязательными внутренними маркерами аспектуальности, выражающимися посредством форм грамматического вида, выразителей предельности / неопределенности действия и способов глагольного действия.

Дальнюю периферию русского аспектуального поля составляют синтаксические средства репрезента-

ции аспектуальных характеристик действия (порядок слов, средства связи), которые представляются не основными для языков флективного типа.

Строение аспектуального поля в английском языке представляется принципиально иным как в силу иной общеязыковой структуры, так и из-за внутренних особенностей английского языка. В древнеанглийском языке существовал период, когда в языковой системе функционировала категория вида, представленная, как и в русском языке, двумя видами [5], однако прибавление приставки в качестве средства передачи видового значения к глаголу приводило к образованию глагола с абсолютно новым значением, отличающимся от глагола несовершенного вида (*ситап (приходить) – беситап (случаться)*), что наблюдается в современном русском языке (*спать – проспать; плакать – выплакать* и др.). В среднеанглийский период произошло отмирание приставок, вследствие чего морфологическое средство выражения видов утратилось [Там же], а вид как грамматическая категория в английской системе перестал существовать.

Таким образом, категория вида в русском и английском языках имела сходные тенденции становления, однако пути развития содержательной стороны данного явления оказались принципиально различными. В отличие от русского языка, в английском вместо утратившейся категории вида сложилась сложная временная система, которая «на определенном этапе своего развития, уже в новоанглийский период, дала начало новым видовым характеристикам действия и процесса» [5. С. 124].

Следует отметить, что вопрос о категории вида в английском языке в научной литературе решается по-разному. В ряде зарубежных исследований вопросы о видовых характеристиках английского глагола вообще не рассматриваются, однако те отечественные и зарубежные лингвисты, которые затрагивают данную проблему, считают бесспорным видовой характер форм Continuous, а противопоставленные им формы Indefinite квалифицируют как лишенные видового значения [6].

В отечественной германистике распространена видовая концепция А.И. Смирницкого [7], с точки зрения которого, грамматическая категория вида, передающая особенности протекания действия и обладающая определенными формальными показателями, в английском языке существует, она выстраивается на противопоставлении длительных и недлительных английских глагольных форм. При этом противопоставляются конкретно-процессный вид (Progressive) и общий вид (Simple). Общий вид (недлительный вид) обозначает сам факт совершения действия, длительный вид акцентирует внимание на течении действия, развитии процесса. В отличие от русского вида, имеющего классифицирующий характер видовых форм, практически каждый глагол в английском языке может принимать форму как общего, так и длительного вида.

Л.С. Бархударов [8] отмечает, что действие, обозначаемое формой недлительного вида, может передавать совершенно разные значения: однократно-мгновенное, многократное, длящееся на протяжении

целого периода времени, вообще не ограниченное во времени. Однако исследователь указывает на то, что недлительный вид самостоятельно не способен выражать эти (и другие возможные) значения. Данные значения проявляются только в соответствующем контексте, в результате взаимодействия лексического значения глагола и значения окружающих слов. Таким образом, определяющим параметром в этом случае является аспектальный контекст, в состав которого «включаются те неглагольные элементы текста, которые оказывают влияние на характер информации об аспектальных признаках действия» [13. С. 12], прежде всего, обстоятельственные слова.

Противоположная точка зрения на грамматическую категорию вида представлена в исследовании И.П. Ивановой (а также в работах В.Н. Ярцевой, В.Я. Плоткина и др.) [9], исходя из которой, категории вида как таковой в английском языке не существует: видовые значения и временные формы в английском языке тесно взаимосвязаны друг с другом, т.е. вид в английском языке представлен посредством временных глагольных форм. По мнению исследовательницы, время и вид составляют единую «гиперкатегорию», т.е. видовременную систему языка. При таком взгляде на видовые характеристики глагольных единиц основным становится вопрос о том, какие разряды времен передают не только временные характеристики действия, но и видовые, т.е. вопрос о видовом характере глагола. При этом предельность как возможность глагола выражать предел действия и неопределенность как отсутствие указанной возможности представляются важным лексико-семантическим признаком каждой глагольной единицы. Однако, в отличие от русской грамматической системы, в английском языке выделяют двойственные глаголы, составляющие основной массив глагольной лексики. Их двойственность проявляется в способности выражать как предельное, так и неопределенное значение (ср. *Suddenly I felt a terrible pain* (Past Indefinite Tense) / *Вдруг я почувствовал ужасную боль* и *During two hours I felt a terrible pain* (Past Indefinite Tense) / *В течение двух часов я чувствовал ужасную боль*). Квалификатором того или иного значения, как считают грамматисты, является соответствующий контекст, что само по себе демонстрирует отсутствие резких границ между указанными типами глаголов [Там же].

Двойственный характер английских глаголов обусловлен их полисемантизмом. Так, в английском языке существует большое количество глагольных единиц, имеющих несколько лексических значений, не равнозначных по своему видовому характеру (*know*: 1. *знать*; 2. *узнавать*; *observe*: 1. *соблюдать законы, обычаи*; 2. *делать замечание, комментировать* и т.п.). Отметим, что в русском языке выделяется аналогичное языковое явление – двувидовые глаголы (*казнить*, *телеграфировать*, *аттестовать* и др.).

Содержание видового характера английского глагола не вполне совпадает со значением русского совершенного и несовершенного вида. Неопределенные английские глаголы, как правило, соответствуют несовершенному русскому виду, однако английским предельным единицам в русском языке могут соот-

ветствовать как формы совершенного, так и формы несовершенного видов (ср. *he approached* – *он приблизился*, но *he was approaching* – *он приближался*).

Таким образом, вопрос о сущности категории вида в английском языке до сих пор вызывает большое количество научных споров, утверждение о наличии в языке данной категории как самостоятельной не является однозначным, однако бесспорным является тот факт, что в английском языке видовое значение выражается через временные формы. При этом категория английского времени базируется одновременно на отношениях темпоральности и аспектальности (в некоторых случаях таксиса), т.е. при сопоставлении аспектального поля в русском и английском языках следует отметить, что ядро аспектальности в английском языке составляют те глагольные времена, которые направлены на передачу видовых (в большей степени предельных / неопределенных) отношений в сфере глагола.

В связи со сказанным выше английские времена делятся на несколько разрядов (основной разряд, длительный, перфектный, перфектно-длительный) [6]. К основному разряду относятся формы Indefinite, к длительному – формы Continuous, перфектный разряд составляют формы Perfect, перфектно-длительный – формы Perfect Continuous. При этом глаголы в форме одного и того же времени, относящиеся к основному разряду, могут передавать абсолютно противоположные значения законченности действия и его незаконченности, квалифицирующиеся как прямо противоположные видовые значения. Подобное явление, связанное с сосуществованием нескольких грамматических значений в одной форме, свойственно многим языкам, однако «совершенно необычно наличие в одной и той же форме двух равноправных диаметрально противоположных грамматических значений» [6. С. 61]. Из этого следует, что основной разряд, несмотря на наличие оттенков законченности / незаконченности действия, не имеет собственного видового содержания, выражает данные значения непоследовательно и не через грамматическую форму, а через контекст или через видовой характер самого глагола (ср. *Table stood near the door* / *Стол стоял рядом с дверью* и *Mister Mark came in to the room and everybody stood* / *Мистер Марк зашел в комнату и все встали*), поэтому его нельзя отнести к видовременным формам [6]. В.В. Гуревич считает, что «индефинитная форма в определенном контексте может выражать все те же видовые значения, что и каждая из сложных форм, и, следовательно, по видовым характеристикам в целом не противопоставлена остальным формам» [5. С. 38].

В отношении времен длительного разряда мнения исследователей (Б.М. Чарльстон, Г. Дитрих, В.Н. Ярцева, И.П. Иванова и др.) практически совпадают: основными значениями времен этого разряда являются «фактически происходящее действие», «развитие процесса», «длительное действие», «незавершенное действие», т.е. за длительным разрядом закреплено видовое значение незаконченности действия. При этом реализация данного значения практически не зависит от контекста. Отметим, что, рассматривая основной и длительный разряды с точки зрения видовой

принадлежности, И.П. Иванова, как и ряд других исследователей, указывает на грамматическую синонимию времен данных разрядов, под которой подразумевается возможность передавать одни и те же временные и видовые оттенки разными временными формами, относящимися к различным разрядам [6]. Синонимия не наблюдается у предельных глаголов прошедшего времени, так как предельные глаголы в основном разряде чаще всего передают достигнутый предел, предельные глаголы в длительном разряде – процесс действия, стремящегося к пределу (ср. *She came to me and began crying* / Она подошла ко мне и начала плакать (основной разряд, Past Indefinite Tense) и *All that time she was coming to our house* / Все то время она шла к нашему дому (длительный разряд, Past Continuous Tense)).

Говоря о перфектном разряде, аспектологи отмечают его бесспорный видовременной характер, так как его основным значением является результативность действия. О. Есперсен утверждал, что перфект и есть «результативный вид», поэтому это видовая форма, а не темпоральная [10]. Кроме того, помимо результативности, перфект направлен на выражения значения законченности. Однако временные формы перфектного разряда не всегда передают результативное значение, оно отсутствует у непредельных глаголов, «обозначающих такое действие, которое и не направлено к пределу» [6. С. 109]. Так, в предложении типа *I have lived here all my life* / Я живу здесь всю мою жизнь выражена лишь длительность действия вследствие непредельности глагола *live*, в то время как в предложении *I have built a house* / Я построил дом реализуется значение законченности и результативности действия, так как в этом случае использован предельный глагол [5].

Перфектно-длительный разряд английских времен, по мнению исследователей, следовало бы отнести либо к длительному, либо к перфектному [11]. Уникальность данного разряда заключается именно в том, что входящие в него формы времени способны передавать одновременно два различных видовых значения. Так перфектно-длительный разряд передает действие, протекающее в течение определенного периода, заканчивающееся в определенный момент либо продолжающееся до определенного момента (*The experiments have been being carried since 1980* / Эксперименты проводились с 1980; *I had been reading this book since 3 o'clock when he came* / Я читал эту книгу с 3 часов, когда он пришел).

Обобщая сказанное об английском поле аспектуальности, следует отметить отсутствие в английском языке специфических формальных средств выражения аспектуальных значений. Данные значения реализуются с помощью временных форм, контекста и видового характера глагола, детерминированного в том числе его лексическим значением. Разные временные разряды имеют закрепленные за собой видовые значения, при этом видовая сущность только некоторых из времен не ставится грамматистами под сомнение благодаря наличию у них постоянного видового значения, не обусловленного контекстом.

Наличие в английской языковой системе такого способа передачи аспектуальных отношений, как спо-

собы глагольного действия, не менее активно обсуждается в лингвистической литературе. Спорными представляются и вопрос о наличии данного класса глагольных единиц в языке, и вопрос о соотношении способов действия и категории вида. Так, К. Кабакчев [14] считает, что способы действия являются особыми аспектуальными характеристиками глагола, однако их исследование более значимо и характерно для славянских и германских языков. Т.Н. Степкина [13], напротив, считает данные группировки глагольных единиц характерными для английского языка, отмечает, что они отражают семантику протекания действия, тесно взаимосвязаны с предельностью / непредельностью действия и отличаются рядом средств выражения. В отличие от русского языка, английскому языку как языку аналитического строя в основном присущи бесприставочные способы действия.

Таким образом, в английском языке выделяют лексические способы действия, связанные со сферой лексической семантики глагола, и аналитические способы действия, реализующиеся через сферу синтаксиса. Первые представлены глаголами, различающимися по денотативному значению и объединяющимися «на базе общности выражаемых ими акциональных признаков действия: способа протекания и распределения действия во времени» [10. С. 11]. В данном случае указание на характер протекания действия является элементом лексического значения глагола, как и в случае с русскими нехарактеризованными способами действия. Среди них выделяются дуративный (*sleep*), стательный (*hate, see*), одноактный (*knock*), общерезультативный (*finish, break, commence*) и другие способы глагольного действия. Аналитические способы действия объединяют свободные глагольные сочетания, состоящие из фазового компонента и основного глагола (*start / begin to run, go on / continue to run, give up / stop / finish*), и аспектуальные конструкции – особые синтаксические образования со значением различных способов действия, состоящие из десемантизированного глагола и инфинитива или герундия (а также прилагательного, выступающего в данной конструкции в роли глагола). При этом «лексическим ядром конструкции является второй компонент, а ее акциональное значение вытекает из сочетания в целом» [10. С. 15]: *come / grow / get / set + Inf. / прил.*; *get / set / fall / take + Ger. / прил.*; *keep + Ger.*; *used to + Inf.* и т.п.

Заметим, что типология способов действия, предлагаемая Т.Н. Степкиной, по всей видимости, отражает общие принципы передачи аспектуальных (а также темпоральных и др.) отношений в английском языке как языке с не аффиксальной системой, для которого преимущественными являются семантические возможности глагола и аналитизм в номинации особенностей протекания действия. Следует отметить и то, что, несмотря на разницу в способах и средствах выражения аспектуальности в русском и английском языках, выделяемые в них способы действия глаголов содержательно не только соотносятся друг с другом, но и во многом совпадают. Это говорит об общих для данных языков критериях оценивания действия с точки зрения его внутреннего порядка и принципа организации. Однако сопоставительное описание возмож-

ностей языковой системы в сфере передачи аспектуальных отношений было бы неполным без анализа текстовой реализации данных отношений. Одним из возможных путей изучения межъязыковой эквивалентности в области той или иной семантики (грамматической и лексической) является обращение к переводу, в этом случае текстовый массив позволяет проследить конкретную реализацию языковых отношений (в данном случае аспектуальных). Далее обратимся к описанию особенностей реализации единиц аспектуального поля в повести М. Булгакова «Собачье сердце» [15] и ее переводах на английский язык (пер. Avril Pyman и Michael Glenney) [16, 17].

В ходе анализа повести и ее английских переводов, как и предполагалось, были отмечены указанные выше особенности репрезентации аспектуальных характеристик действия в русском и английском языках. Различия в принципах и средствах обозначения предельности / неопределенности действия в двух языках отражаются и в тексте. Так, через глаголы несовершенного вида *смеяться*, *чувствовать* обозначаются действия, мыслимые носителями русского языка как не имеющие предела: *Смеялся в коридоре, глядя на электрическую лампу. Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно*. Для обозначения предельного действия в русском тексте используются префиксальные единицы совершенного вида, отличающиеся от предыдущих не только видовым значением, но и способом глагольного действия (соответственно начинательным и общерезультативным): *Борменталь захлопнул дверь, не выдержал и засмеялся. Словая его, пёс вдруг почувствовал, что он хочет спать, и больше не может видеть никакой еды*.

Соответствующие рассмотренным русским глаголам английские единицы в тексте перевода повести демонстрируют проявление полисемантизма, свойственного в целом английским двойственным глаголам. Так, английский глагол *laugh*, в отличие от русского аналога (*смеяться* / *рассмеяться*), вне конкретизирующего контекста способен обозначать и предельное, и неопределенное действие. Предельный характер двойственного глагола *laugh* в переводном тексте проявляется благодаря наличию соответствующего контекста, который содержит в себе перечисление уже совершенных действий, достигших своего предела, в результате чего действие, обозначенное рассматриваемым глаголом, расценивается как предельное: *Bormenthal slammed the door, unable to contain himself any longer he laughed* / *Борменталь захлопнул дверь, не выдержал и засмеялся*. Таким образом, предельные значения двух первых глаголов детерминируют значение предела в двойственном глаголе *laughed*.

Предельный характер двойственного глагола *feel* (*чувствовать*) в английском переводе определяет следующий контекст: *When he had gulped it down the dog suddenly felt that he wanted to sleep and cold not bear the sight of any more food (а также Having downed this, the dog suddenly felt (...))* / *Когда он съел его, пёс вдруг почувствовал, что он хочет спать и больше не может видеть никакой еды*. В данном случае значение предельности глагола *felt* прочитывается благодаря наличию наречия *suddenly* (*вдруг*), которое указывает на соответствующий характер единицы.

Анализ реализации аспектуальных отношений в русском и английском текстах показывает различие в репрезентации частных видовых значений завершенности / незавершенности действия. В русском тексте передача подобных видовых значений осуществляется через грамматическую категорию вида (и соответственно средства ее выражения), в то время как в английском переводе повести для передачи аналогичной семантики используется грамматическая категория времени (с соответствующими типами времен): *Он очень расстроился, поджал хвост и ушел в ванную комнату* / *He was very upset, put his tail between his legs and disappeared into the bathroom* (Past Indefinite Tense) / *He was very upset, tucked his tail between his legs and went to the bathroom* (Past Indefinite Tense); *Шарик временами забывал об этом (...)* / *But for the moment Sharik forgot about it (...)* (Past Indefinite Tense) / *But Sharik sometimes even forgot about it (...)* (Past Indefinite Tense).

В приведенных выше русских предложениях значения завершенности / незавершенности действия передаются с помощью видовых средств (перфектных префиксов и суффиксов имперфективации). Соответствующие предложения английского перевода повести демонстрируют иную картину: в обоих случаях (и соответственно в двух переводах) используются глаголы в форме одного и того же времени (Past Indefinite Tense), способные передавать значения и завершенности, и незавершенности действия. Дифференцирующую роль в данном случае играет контекст. В случае реализации семантики завершенности действия глагол *disappeared* употребляется в контексте перечисления совершаемых действий, первое из которых имеет значение завершенности (*was very upset*), соответственно два последующих действия выражают аналогичное значение, а рассматриваемый нами глагол *disappeared* – и результат действия.

Значение незавершенного действия у глагола *forgot* определяет иной контекст: данное значение оказывается возможным благодаря обстоятельству *sometimes* (*иногда, временами*), которое позволяет глаголу реализовать только значение незавершенности действия. В другом варианте переводчик выбирает неудачный вариант лексической компенсации значения незавершенности действия *for the moment* (*в данный момент*), и ему не удается передать данное значение в английском тексте: *But for the moment Sharik forgot about it (...)* / *Но в эту минуту Шарик забыл об этом (...)*. Данный пример иллюстрирует значение и значимость контекста в определении завершенного / незавершенного типа действия.

Обращение к английскому переводу повести дает аналогичные результаты наблюдения и в отношении не только разных, но и одного глагола основного разряда времен (Past Indefinite Tense), способного передавать противоположные видовые значения: – *Спасибо, говорил Филипп Филиппович* / *“Thank you”, said Philip Philipovich; Филипп Филиппович потух, обмяк, завалился в кресло и сказал (...)* / *Philip Philipovich limp and exhausted, collapsed into his chair and said (...)*.

На наличие в английском языке грамматической синонимии, под которой подразумевается возмож-

ность передавать одни и те же временные и видовые оттенки разными временными формами, указывается в целом ряде научных источников [6, 9, 10]. Обращение к английским переводам повести М. Булгакова (by Avril Pyman и Michael Glenney) позволяет проследить видовременную синонимию форм разных временных разрядов при сопоставлении фрагментов двух английских переводов рассматриваемой повести с оригиналом. Так, следующее предложение из русского текста повести переводится на английский язык двумя переводчиками с использованием разных временных форм, относящихся соответственно к основному и длительному разряду: *Понятно, я вас спрашиваю?* / *"Do you understand me, I ask you?"* (Present Indefinite Tense) / *"I am asking you – do you understand?"* (Present Continuous Tense).

Отметим, что, по мнению исследователей, подобная синонимия практически не наблюдается в языке среди форм прошедшего времени основного и длительного разрядов [6], при этом при сопоставлении рассматриваемых переводов повести находим случаи, когда в различных переводах представлены формы прошедших времен разных разрядов, передающие одни и те же видовые значения (незавершенности и длительности действия) аналогичной глагольной формы текста оригинала: (...) *гремел он, подобно древнему пророку* / (...) *was thundering away like a prophet of olden times* (Past Continuous Tense) / (...) *he thundered like an ancient prophet* (Past Indefinite Tense); *Он смомпел, как работает Дарья Петровна* / *He was watching Darya Petrovna at work* (Past Continuous Tense) / *He watched Darya Petrovna at work* (Past Indefinite Tense). Текстовый анализ показывает наличие аналогичной синонимии внутри переводов в отношении времен не только основного и длительного разрядов, но и основного разряда и перфектного разрядов (а именно Present Perfect Tense и Past Indefinite Tense) при передаче значения завершенного действия: *Зина захлопнула в нее [в переднюю] дверь* / *Zina has closed the door* (Present Perfect Tense) / *Zina closed the door* (Past Indefinite Tense). Для русского языка подобная грамматическая синонимия в целом характерна гораздо в меньшей степени из-за более жесткой специализации глагольных форм грамматических категорий вида и времени на выражении определенного типа значений.

При сопоставлении аспектуальных полей в русском и английском текстах наиболее показательными представляются факты перевода на английский язык такого проявления русской аспектуальности, как способы действия. Характер протекания действия, несомненно, является одним из важнейших параметров интерпретации и номинации действия, однако в языках с разной структурой и внутриязыковыми тенденциями (какими являются русский и английский языки) средства его репрезентации принципиально различны. Это не означает, что «средствами английского языка нельзя выразить разницу в характере протекания действия. Английский язык располагает для этого целым рядом средств; так, неоднократность, повторность действия может быть выражена посредством союзного наречия *whenever* (ср. *whenever* he asked Rosalia...),

однократность – при помощи наречия времени *once* и пр.; однако все это относится к лексическим (или лексико-грамматическим) средствам выражения значений» [11. С. 145]. Подобные значения, в отличие от тех, которые передаются грамматически и, как следствие, не могут не передаваться (как, например, русский вид), «выражаются, так сказать, факультативно, то есть могут оставаться невыраженными, неуточненными, поскольку в строе предложения говорящий (и пишущий) всегда имеет возможность более или менее свободного выбора лексических элементов (слов)» [11. С. 146]. При переводе оказываются важными и принципы передачи тех или иных смыслов (в данном случае СГД русского глагола), используемые в английском переводном тексте, и сам процесс выбора переводчиком средств из полного набора языковых потенций «для передачи одного из возможных способов представления того смысла, который он хочет выразить» [12. С. 363], так как, по мнению Р.О. Якобсона, «эквивалентность на уровне смысла сочетается с различиями в плоскости языкового содержания сопоставляемых высказываний и значений отдельных его элементов» [Там же].

Таким образом, лексико-семантическая сторона аспектуальности представляется не менее значимой, чем грамматическая. Взгляд на нее сквозь призму перевода русского текста на английский язык позволяет увидеть специфику данного фрагмента аспектуального поля в действии (т.е. в текстовой реализации рассматриваемых языковых отношений) и охарактеризовать языковой потенциал средств достижения межъязыковой эквивалентности в сфере обозначения действия. В результате проведенного анализа были выявлены следующие способы перевода на английский язык русских глаголов, характеризующиеся определенным способом действия.

1. Перевод свободными глагольными сочетаниями с фазовым глаголом: *Он запел сквозь зубы* / *He began to sing under his breath*; *В ванной что-то запрыгало* / *Something began to jump in the bathroom* и т.д. В подобных случаях русским глаголам начинательного способа действия со специализированным средством выражения – префиксом *за-* соответствуют свободные глагольные сочетания аналитического способа действия [13], представленные фазовым компонентом (в данном случае *began*) и смысловым глаголом (ср. *запел* – начал петь). Данный тип переводческих трансформаций наиболее представлен в отношении передачи именно начинательной семантики русского глагола.

2. Перевод аналитическими сочетаниями слов, в том числе аналитическими конструкциями (в терминологии Т.Н. Степкиной), передающими способ протекания действия, которые могут быть квалифицированы как английские аналитические способы действия: *Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние* (ограничительный СГД) / *He spoke for a while and then began to regress towards his original condition* (дословно: *говорил некоторое время*); *Дарья Петровна побледнела* (общерезультативный СГД) / *Darya Petrovna grew pale* (дословно: *стала бледной*); *Он тявкнул* (одноактный СГД) / *He gave a timid yelp* (дословно: *он робко*

завкнул); **Накурили** они (кумулятивный СГД) / *They had filled the room with smoke* (дословно: наполнили комнату дымом); Филипп Филиппович **перекричал** его (превосходный СГД) / *Philip Philipovich out shouted him* (дословно: пере-кричал) и т.д.

В каждом из представленных русских глаголов в качестве средства, характеризующего определенный способ действия, выступает аффикс, вносящий в семантику глагола соответствующее данному СГД значение, в то время как в английском тексте выразители аспектуальности аналитичны и содержат лексическую единицу, указывающую на ту особенность протекания действия, которая передается с помощью русского приставочного глагола. Так, например, русский глагол *поговорил* с префиксом **по-** обозначает действие, ограниченное во времени и в полноте своего проявления. Его аналогом в переводном тексте выступает сочетание **spoke for a while** со значением темпоральной ограниченности действия.

Таким образом, особенно продуктивным средством передачи семантики русских характеризованных (а также непоследовательно характеризованных) способов действия оказываются английские аналитические сочетания, отражающие общность аспектуальных критериев названия действия в сопоставляемых языках.

3. Перевод глаголом с аналогичным русскому приставочному глаголу значением (в терминологии Т.Н. Степкиной лексическим способом действия), при этом указание на характер протекания действия является элементом лексического значения английского глагола (в том числе фразового), в то время как русский глагол характеризуется особым словообразовательным средством для выражения аналогичного значения: **Зашил** голову пса (общерезультативный СГД) / *He had sewn up the dog's head* (дословно: зашил); Он вежливо **щелкнул** каблуками к профессору (Одноактный СГД) / *He politely clicked his heels to the professor* (дословно: щелкнул); Неимоверный запах котом тотчас **расплылся** по всей передней (усилительный СГД) / *An incredibly powerful aroma of cats immediately permeated out to fill the whole hall* (дословно: распространился); Пес **глянул** на него (Одноактный СГД) / *The dog glanced at him* (дословно: глянул); (...) Они бок мой **изрежут** (дистрибутивный СГД) / *They will cut up my side* (дословно: разрежут на куски); Ведьма сухая метель **загремела** (...) (Начинательный СГД) / *The terrible snowstorm howled* (...) (дословно: завывала).

Особо следует выделить случаи эквивалентности между русскими глаголами нехарактеризованных способов действия и соответствующими им английскими глаголами лексических способов действия: С воспалением легких **полагается лежать** на парадном ходе под лестницей (Статальный СГД) / *When you get pneumonia the only thing to do is to lie up under someone's front doorstep* (дословно: лежать); Это будет **стоить** пятьдесят червонцев (Реляционный СГД) / *It will cost 50 roubles* (дословно: стоить); Очень настойчиво, с захватской ловкостью **играли** за двумя стенами на балалайке (Эволютивный СГД) / *Someone was hard at work playing a rousing tune on he*

balalaika two rooms away (дословно: играя). Смысловое соответствие в данном случае выстраивается в лексической плоскости за счет сходного значения оригинального и переводного глаголов.

Характеризуя особенности перевода на английский язык единиц с аспектуальной семантикой, нельзя не отметить случаи, когда перевод глаголов характеризованных СГД оказывается не вполне адекватным оригиналу. При этом русским единицам в английском тексте могут соответствовать как сочетания слов, так и отдельные слова: **Нажрешься** бесплатно колбасных головок (Кумулятивный СГД) / *You can get a free meal* (дословно: можешь достать бесплатную еду); **Зазвонили** склянки в шкафу (Начинательный СГД) / *There was a clink of glass phials in the cupboard* (дословно: был звон склянок); Голубчик, не сердитесь, меня он так **задёргал**... (Интенсивный СГД) / *You can not believe what this creature has done to my nerves* (дословно: что это существо сделало с моими нервами) / *He has got on my nerves* (дословно: он сел на мои нервы); Тут Шариков испугался и **приоткрыл** рот (смягчительный СГД): *Frightened, Sharikov opened his mouth* (дословно: открыл / раскрыл); Две пары уже **пришлось прикупить** и еще одну купите (дополнительный / смягчительный СГД) / *You have already had to buy two new pairs and now you will have to buy another* (дословно: должны были купить); **Подпел** пациент (сопроводительный СГД) / *Sang the patient* (дословно: пел); Отлично, а мы пока его **понаблюдаем** (ограничительный СГД) / *Meanwhile we will examine him* (дословно: исследуем / изучим / осмотрим); – Минутку, доктор! – **приостановил** его Филипп Филиппович (...) (смягчительный СГД) / *“Just a minute, doctor!”, Philip Philipovich stopped him* (дословно: остановил) / *“Just a moment, Doctor!” Philip Philipovich halted him* (дословно: остановил).

Представляется интересным, что переводчиками не всегда отражаются значения смягчительности, ограничительности действия, являющиеся, по мнению исследователей, принципиально существенными для носителей русского языка и отражающими общие тенденции в интерпретации действия в данном языке. Подобные случаи отражают скорее переводческие неудачи, так как «отсутствие тех или иных грамматических (равно как и лексических) средств в одном из языков отнюдь не создает непреодолимых препятствий при переводе» [11. С. 143], что демонстрируется в преобладающем числе случаев в рассматриваемых переводах повести.

Подводя итог сказанному, следует отметить общие черты в содержании и объеме аспектуальных отношений, выражаемых русским и английским глаголом, для которого характерны значения предельности / неопределенности действия, его завершенности / незавершенности, фазовости, однократности / многократности и др. Однако, несмотря на сходство содержательной стороны аспектуальности, русскому и английскому языку свойственны разные комбинации средств передачи указанных значений, непосредственно связанные с общеязыковыми принципами названия действия и репрезентации в языке семантики действия (грамматически, лексически, лексико-

словообразовательно). Анализ повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее английских переводов наглядно демонстрирует, что русский текст реализует аспектуальную семантику посредством возможностей категории вида и лексико-словообразовательных разрядов

русских глаголов, в то время как английский текст репродуцирует аспектуальные значения через возможности разветвленной системы английских времен и аналитических глагольных и неглагольных конструкций с аспектуальным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.* Л. : Наука, 1987. 347 с.
2. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. М. : Просвещение, 1967. 192 с.
3. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. *Храковский В.С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 45–80.
5. *Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Наука, 2010. С. 121–127.
6. *Иванова И.П.* Вид и время в современном английском языке. Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. 199 с.
7. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. Изд-во лит. на иностранных яз., 1959. С. 230–272.
8. *Бархударов Л.С.* Очерки по морфологии современного английского языка : учеб. пособие для студентов старших курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1975. С. 156.
9. *Иванова И.П., Булгакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1981. С. 46–87.
10. *Есперсен О.* Философия грамматики : пер. с англ. М. : КомКнига, 2006. 408 с.
11. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
12. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
13. *Степкина Т.Н.* Аспектуальные средства английского языка (функциональный подход). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 54 с.
14. *Kabakchev K.* Aspect in English. Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2000. 348 с.
15. *Булгаков М.* Собачье сердце. Сер. Библиотека школьника. М. : АСТ ; Астрель, 2007. 128 с.
16. *Bulgakov M.* The Heart of a Dog / translated by Avril Pyman. Moscow : Raduga Publishers, 1990. P. 195–303.
17. *Bulgakov M.* The Heart of a Dog / translated by Michael Glenny. L. : The Harvill Press, 1989. 128 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2013 г.

И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер

КОНФЛИКТНЫЙ ТЕКСТ В УСТНОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается специфика формирования конфликтного текста в его дискурсивной обусловленности. Исследуется конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации. Выявляется специфика конфликтного текста повседневности, определяемая отсутствием институциональных ограничений. Дифференцируются особенности устного и виртуального конфликтного текстопорождения в зависимости от физической представленности / непредставленности участников конфликта, синхронностью / асинхронностью хронотопа, наличием / отсутствием технической опосредованности общения.

Ключевые слова: конфликтный текст; дискурсы повседневности; устная и виртуальная коммуникация; дискурсивная обусловленность конфликтного текстопорождения.

Проблема конфликта как жизненного феномена стоит на оси пересечения различных социопрагматических интересов. Его актуальность и внутренняя многопараметральность определяет многообразие подходов к его анализу, проводимому в самых различных научных областях: общей конфликтологии [1, 2 и др.], культурологии [3 и др.], социологии [4, 5 и др.], психологии [6 и др.], с точки зрения социально-правового подхода [7 и др.] и др.

В данной работе мы рассматриваем конфликт с точки зрения лингвистики. Лингвистическое исследование конфликта – молодая исследовательская область. Ее основы в лингвистике только закладываются. Первые результаты исследования конфликта с лингвистических позиций отражены в работах Н.А. Белоус [8; 9], Н.Д. Голева и Н.Б. Лебедевой [10–12 и др.], Б.Ю. Городецкого, И.М. Кобозевой, И.Г. Сабуровой [13], В.С. Третьяковой [14–16], К.Ф. Седова [17] и др.

Специфика конфликтного текста в интернет-коммуникации – область практически не исследованная. В качестве одной из немногих работ можно назвать исследование О.Ю. Усачевой «Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов)» [18].

В центре данного исследования – дискурсивная обусловленность формирования конфликтного текста, специфика реализации речевого воплощения конфликтной коммуникации в повседневном устном и виртуальном дискурсах.

Цель данной статьи – сопоставить способы речевой реализации конфликта в устном и виртуальном дискурсах как дискурсивных сферах повседневности.

Исследование выполнено на материале аудиозаписей устной речи, зафиксированных в рамках студенческих учебных практик (2005–2012 гг.), опубликованных сборников устной речи [19–21], Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (www.ruscorpora.ru), а также текстов виртуальной коммуникации, обнаруженных на тематических и нетематических форумах и блог-платформах (<http://www.max-club.ru>, <http://netchat.ru>, <http://www.adv.ru>, <http://gorodokk.ru>, <http://9.linbeauty.ru>, <http://blogonika.ru>, <http://forum.hayastan.com> и др.).

Термин «конфликт» определяется нами в соответствии с социологической традицией: «столкновение двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия» [2].

Лингвистический анализ конфликта эксплицирует его коммуникативную доминанту. Для такого анализа

значим подход к конфликту как системному объекту, обладающему определенной структурой: 1) объект и предмет конфликта, 2) участники (стороны) конфликта, 3) социальная среда, условия конфликта [1].

Речевое выражение конфликта определяется как «конфликтный текст» – текст, реализующий социально-психологическую ситуацию конфликта, т.е. ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия. В соответствии с данным пониманием конфликтного текста из обозначенных выше материалов нами были выбраны речевые фрагменты диалогического характера, вербально оформляющие обозначенную психологическую ситуацию конфликта.

При анализе специфики формирования конфликтного текста в повседневном дискурсе приведенная выше структура конфликта (объект конфликта, предмет конфликта, участники (стороны) конфликта, социальная среда, условия конфликта) была рассмотрена с учетом дискурсивной специфики его реализации, определяющей способы его речевого оформления.

Устное повседневное конфликтное общение характеризуется физической представленностью участников общения, синхронностью хронотопа, определяющих значимость социально-ролевых факторов при формировании конфликтного текста (гендерных, возрастных, социально-статусных и др.).

Виртуальная реализация повседневного дискурса демонстрирует определенную специфику, обусловленную внешними условиями ее организации. О.Ю. Усачева относит к числу конфликтогенных факторов виртуального общения «фактор опосредованности коммуникации, подразумевающий ряд других конститутивных характеристик, таких как анонимность и безопасность речевых партнеров (вследствие их физической непредставленности), преобладающая равностатусность и неинституциональность общения и др., которые в той или иной мере способствуют снятию целого ряда социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации в целях снижения агрессии и предотвращения речекоммуникативного конфликта» [18].

Кроме того, это специфика технической организации виртуального общения, заданная свойствами интерфейса и проявленная в формальной фиксации тематической структуры форума, возможности использования мультимедиа и т.д. Виртуальное общение предпо-

лагает особую, «устно-письменную», форму представления текста. Письменная фиксация конфликтной коммуникации позволяет каждому ее участнику неоднократно проследить ход развития конфликта и хотя бы в редуцированном варианте отразить свою будущую реплику, а технические возможности позволяют сохранять предыдущий текст и цитировать его в рамках конфликтного обсуждения. Цитирование активно провоцируется наличием технических возможностей для его реализации в интерфейсе форума, а также правилами форумов, поддерживающих данное средство общения. Еще одной особенностью является визуализация паравербальных средств коммуникации – наличие бурных эмоций в рамках реального конфликта фиксируется с помощью соответствующих смайлов, крупный шрифт письменного текста осознается как крик, подчеркивание и жирный шрифт – как формы интонационной разметки.

Рассмотрим, каким образом специфика обозначенных структурных элементов конфликта в определенной дискурсивной области влияет на формирование конфликтного текста.

1. Объект и предмет конфликта в дискурсах повседневности.

Отсутствие институциональных ограничений в повседневных дискурсах определяет максимальную широту спектра конкретизации таких структурных элементов конфликта, как его объект и предмет. К конфликтному обсуждению могут привлекаться как личностные, так и социально значимые объекты. При этом на уровне предмета конфликта социально значимые объекты чаще всего осмысливаются в личностном аспекте ([1] *У нас всегда все так в России! Реутся к власти, чтобы карманы набить, потом набьют карманы, а народ виноват!* [2] *А ты прямо много знаешь!* [1] *Я – знаю! Я и в колхозе поработал, и в городе!* [2] *Это потому что Россия для тебя чужая: немец ты – и есть немец!*).

Виртуальная коммуникация может быть ограничена в выборе объекта и предмета конфликтного обсуждения за счет заданности тематики данного форума / подфорума и веток обсуждения, а также правил форума, включающих требование соответствия теме. Так, в рамках темы форума «Кому место в автобусе уступать?» перефокусировка предмета конфликта на смежную проблематику, связанную с условиями оплаты проезда детей, оценивается как «отступление от темы» (= «флуд»): *Я больше скажу, даже если ребенок сидел самостоятельно, мы с ним входили на одну половину сиденья, вторая оставалась свободной. Чо разваливаться-то. И это, хорош флудить!* Кроме того, в виртуальном общении на уровне правил закрепляется запрет на нарушение норм кооперативного диалоговедения, связанного со смещением внешнего по отношению к коммуникантам предмета конфликта в сторону оценки личности коммуникантов (= «переход на личности»). В результате предмет конфликта становится двойным: 1) оценка личности собеседника; 2) Оценка коммуникантами самого «перехода на личности». Так, при обсуждении поста «*К вопросу о героях*» не сошедшие во мнении об истинном и ложном героизме участники обмениваются репликами, демонстрирующими не оценку мнения собе-

седника, а оценку его личности: *[ulinka] Повесить бы тебя, ас, на фонарном столбе. / [ac] дура набитая, прости Господи... / [annka] Достали, на личности переходить прекращайте.*

Повседневный дискурс характеризуется широкой палитрой локальных целей.

Конфликты в реальном повседневном общении возникают при реализации целей, как связанных с изменением окружающей действительности (направленных на достижение некоторого практического результата), так и направленных на доказательство несостоятельности мнения собеседника («конфликт мнений»). В реальном повседневном общении одинаково частотны как конфликты, ориентированные на достижение практического результата ([Дочь, жен., 16] *Мама / можно я пойду погулять сегодня?* [Мать, жен., 40] *Ты же мне обещала помочь?* [Дочь, жен., 16] *А я завтра помогу...* [Мать, жен., 40] *Нет / лучше сегодня **помоги** / а завтра пойдешь гулять!* (НКРЯ)), так и на доказательство несостоятельности мнения партнера ([№ 10, муж., 23] *Ну / я бы / допустим / если бы и знал / пошел / я так просто говорю. Чем выше / тем чаще на слуху рейтинг. И как бы люди все про одно слышат / слышат / и всё / им становится как бы не интересно / как бы идут за сильнейшим / за высоким.* [№ 1, жен., 44] *А я / позвольте / **не соглашусь с вами.** Хоть бы половина человечества проголосовала за Жириновского / я бы за него голосовать не пошла. Пускай у него будет очень высокий рейтинг / никогда в жизни не пошла бы.* [№ 10, муж., 23] *Я не говорю конкретно о личности / я говорю вообще* (НКРЯ)).

В виртуальной коммуникации абсолютное лидерство имеет конфликт мнений, эксплицируя преимущественно ситуационный характер данного дискурса (*[андрюха сиротка] напишешь заяву на негра-сядешь за расизм*))) *может так?))* [abc] *Фу, как не политкорректно. Слово «негр», как утверждают американцы, больные мультикультурностью, отдаст расизмом. Нужно употреблИиИ! слово «афророссиянин».*

Тематическая структура конфликтных текстов устных повседневных дискурсов и виртуальной коммуникации не различается, демонстрируя отношения прямой корреляции с объектом и предметом отражаемого конфликта. Все тематические зоны повседневного дискурса в исследуемом аспекте делятся на два типа: (1) объекты обсуждения приобретают личностно-ориентированную конфигурацию (семейные отношения, личностные свойства человека, внешность и т.д.), в связи с чем предмет конфликта оформляется как личностно значимый, и (2) объекты обсуждения приобретают социально обусловленную конфигурацию (политические события, события в жизни территориального образования, наука, культура, образование и др.), в связи с чем предмет конфликта оформляется как социально значимый. Так как устное конфликтное общение предполагает непосредственное (физическое) взаимодействие конфликтующих, конфликты, связанные с изменением окружающей действительности, чаще обсуждаются в личностном аспекте, что отражается в использовании тактик оскорбления, угрозы и т.д., предполагают выраженное эмоциональное оформление, при их реализации активно используются речевые формы, указывающие на физическую реаль-

ность конфликтных действий (*Не смотри на меня так!; Рот закрой!; Ты ручонками-то не маши!* и т.д.): [Семен, муж., 15] **Не ори! Иду уже!** [Ольга, жен., 19] **Идиот!** [Семен, муж., 15] **Сама дура!** [Разговор сестры и брата // Из коллекции Ульяновского университета, 2007] (НКРЯ).

При обращении к объектам социального характера конфликтное обсуждение в устном и виртуальном общении практически не различается. Конфликтная оппозиция участников организована сложнее: объектом оценки для участников конфликта оказываются представители «третьей силы» (политики, авторы реформы образования, организаторы культурных мероприятий и т.д.), и в процессе развития конфликта мнения конфликтующих о них либо расходятся, либо «третья сила» оценивается участниками общения одинаково негативно. «Переход на личности» в этом случае фиксируется крайне редко: **Ремю** что тут можно сказать? только как обычно. урод моральный. как и путин. который не переделает законы чтоб штрафovali за это на пару лямов! **diamant11** Девочке скорейшего выздоровления, а уроду небо в клетку **vld4m** понакупят машин, а потом людей сбивают! за рулем должны быть только профессионалы, которые одну только теорию несколько лет учили, совмещая её с практикой. В данном примере коммуниканты выражено демонстрируют единство мнения по поводу обсуждаемого объекта. Обсуждение реализует единый оценочный вектор, что определяется внутренними свойствами объекта конфликта. Оценка «третьей силы» реализуется с позиции социальной нормы, о чем свидетельствует финальная часть приведенного текста.

Специфика организации конфликтных высказываний в виртуальной коммуникации заключается в том, что их тематическое структурирование может поддерживаться интерфейсом. Конфликты здесь могут как возникать спонтанно – по типу реального общения, – так и оформляться автором в виде отдельной темы («Ошибки врачей», «Где нас травят – в Ламе или в Метро», «Депрессивное творчество оригинально» и др.). В последнем случае сама формулировка темы уже предполагает осознанную установку на ее обсуждение, оказывается конфликтогенной. При этом формулировка темы вербализует не только объект, но и предмет обсуждения, и конфликтный текст выстраивается с ориентацией на него. Сами формулировки тем реализуют предмет конфликта с различной степенью обобщенности. В результате мнение автора темы (= топикстартера) предстает также с различной степенью конкретности. Так, тема «Ошибки врачей» предполагает однозначную оценочную позицию (что выражается в семантике слова *ошибки* в его столкновении с социально значимым позитивнооценочным семантическим компонентом лексемы *врачей*). Выбор конфликтных сценариев в процессе обсуждения крайне ограничен (согласие либо опровержение позиции автора). Тема «Где нас травят – в Ламе или в Метро?» выстраивает оценочную позицию менее однозначно: варианты построения логики конфликтного сценария распределяются между противниками автора и его сторонниками, которые, в свою очередь, дифференцируются в плане оценки обсуждаемых объектов. Лексема *травят*

оформляет оценочный аспект обсуждения, предполагая однозначность оценки. При этом вопросительная конструкция, а также синтаксическая противопоставленность обсуждаемых объектов обеспечивают вариативность позиций.

Рассмотрим пример текстового оформления конфликта в рамках специально созданной темы «Как страшно попасть в детскую больницу». Формулировка темы предполагает вариативность как ролевых позиций участников конфликта, так и развития конфликтного сценария. Ролевая структура может выстраиваться в виде дискурсивно заданных отношений как между врачами и пациентами, так и между не связанными институциональными отношениями участниками коммуникации (косвенно реализующими отношения «пациент – пациент»). Сценарий конфликта в первом случае («врач – пациент») строится на взаимодействии институциональных и индивидуально-личностных компонентов (институциональные ролевые позиции сочетаются с индивидуально-личностным конфликтным импульсом). При этом ведущими стратегиями являются индивидуально-личностные, так как интенции, задаваемые форумом как сферой неинституционального общения, в данном случае побеждают: [марфа] А мать болеющего ребенка должна с лечащим доктором сотрудничать. Это основное. Если при этом они друг на друга рывкнут, ничего страшного. Важен «сухой остаток». Твое описание истерики странно, это не истерика. Истерика – вещь эндогенная, она не привязывается к реальной ситуации. Вот там где-то вверху был вопль: «Все детские больницы – дерьмо!» Вот это – настоящая истерика. Хотя бы потому, что детские больницы у нас разные и одинаковым дерьмом быть из-за этого не могут. [Гелечка] а Вы допускаете что и врачи тоже разные? и не всегда хорошие... и лечение бывает неправильным и уже как следствие истерика матери, а то какое-то одностороннее обсуждение «несчастных и неадекватных» матерей в «отличных» больницах и поликлиниках. В самой формулировке темы задан источник конфликта, его стартовый оценочный полюс (Как страшно...). Общая ценность «здоровье ребенка» уходит на периферию, при этом в фокусе внимания оказываются интересы двух оформленных в социальном контексте групп. Конфликтному обсуждению подвергается не только ядерный объект, но и способ оформления мнения сторон (что является характерной чертой виртуальной коммуникации). В реплике врача ([марфа]) особым образом сочетаются институциональный и индивидуально-личностный характер занимаемых позиций: с одной стороны, коммуникант обозначает принципиальные для успешного лечения установки (должна с лечащим доктором сотрудничать // Важен «сухой остаток»), с другой – определяет свою личностную позицию по отношению к собеседнику (которая, например, проявляется в формулировании прямых характеристик его поведения: вопль, настоящая истерика и др.).

Во втором случае («пациент – пациент») в конфликт вступают институционально не ангажированные коммуниканты, при этом институциональный статус сохраняет объект конфликта (детская больница), в адрес которого и направлен основной оценочный вектор:

[The BEST] ...Нас отправили по скорой в инфекцию, где нас положили туда, где всякие разные инфекции! Уж про питание и кровати, где один не уснешь, не то что вдвоем, я молчу! Кто сталкивался, отзовитесь... Ведь это не первый и не последний раз... [Lea] инфекционка, она потому и инфекционка, что там инфекции. А комфортно вам только дома будет, привыкайте к реальной жизни «это армия, сынок!» (с). В реплике инициатора конфликта использование глаголов прошедшего времени с семантикой физической деятельности при описании институционально значимых действий (*положили, отправили*) определяет социальный институт (в данном случае – больницу) как некоторую враждебную для пациента силу, не допускающую сопротивления. Кроме того, использование призыва демонстрирует интенцию консолидации конфликтной группы и формирует потенциал перехода личностной интенции в институциональную. В ответной реплике конфликтная категория в отношении институционального объекта нейтрализуется (*инфекционка, она потому и инфекционка, что там инфекции*), призыв к поддержке «бывалых» получает в ответ другую, не запланированную инициатором конфликта, реакцию, связанную с негативной оценкой конфликтной личностной интенции (*комфортно вам только дома будет, привыкайте к реальной жизни*).

Таким образом, множественность локальных целей повседневной коммуникации, свобода от институциональных правил определяют разнообразие конфликтных сценариев и их текстового воплощения. Различия в устном и виртуальном конфликтном повседневном общении задаются в первую очередь спецификой физической представленности / непредставленности участников общения, а также техническими особенностями виртуального общения.

2. Участники конфликта в дискурсах повседневности.

Свобода от институциональных правил формирования общностей в повседневных дискурсах (как реальном, так и виртуальном) также оказывается значимой для формирования конфликтного текста.

Тип общности участников дискурса, в рамках которого формируется конфликтный текст, оказывает влияние на объект конфликта и психологические установки его реализации, что, в свою очередь, отражается в конфликтном тексте. Устное повседневное общение предполагает как доминантно-интерперсональные, так и доминантно-ситуативные (по И.В. Силантьеву) общности участников [22]. В доминантно-интерперсональных общностях объект конфликта может быть как единичным, так и сквозным – повторяющимся от ситуации к ситуации (одни и те же индивидуальные ценностные установки членов стабильной группы могут сталкиваться регулярно; конфликт может носить продолжающийся характер, а оформляющий его текст – апеллировать к предыдущим и будущим ситуациям). И в том и в другом случае одним из свойств подобного текста может являться наличие клишированных форм речевого оформления конфликта, определяемых не объектом конфликта, а внутренней структурной организацией данной группы, а точнее – выработанными ею «правилами ведения конфликта»: *Опять?! Опять?! Что в лоб – что по лбу: все как всегда! // Вот когда купишь ее*

и попробуешь этой лабудой попользоваться – вот тогда придешь и расскажешь, и мы с тобой по-другому поговорим! Доминантно-ситуативные общности реального общения предполагают ситуативность объекта конфликта. Каждый участник конфликта входит в него со своими конфликтными сценариями и клишированными формами вербализации – в том числе. Клишированные формы в конфликтном тексте выполняют в этом случае особую функцию, связанную с трансляцией общепринятых конфликтных социальных установок, характерных не только для стабильной группы, но и для общества в целом ([в поезде] *А нельзя еще громче музыку сделать?! Вы же не дома! Тут дети маленькие!*).

Установки на внеинституциональное единение, предполагающие подвижность внутригрупповой иерархии и необходимость постоянного уточнения участником дискурса собственной позиции в мини-группе, оказываются потенциально конфликтными. Особенно ярко это проявляется в доминантно-ситуативных общностях. Ситуативность характера формирования мини-группы, потенциально хаотичной по составу, определяет то, что любой внешний импульс может спровоцировать деятельность, направленную на выстраивание внутригрупповой иерархии: [Разговор в маршрутке] [пассажир-1] *Молодой человек, может, пихаться-то не будем?* [пассажир-2] *Не нравится – на такси ездите! Мне что – по воздуху летать?* [пассажир-1] *Молодой – летаешь!* (РРТ).

Виртуальная коммуникация формирует общности особого типа. Их характер, с одной стороны, является доминантно-ситуативным в силу анонимности участников. При этом на форумах нередко формируется некоторый постоянный костяк участников, опознаваемых по никам, сам процесс вступления которых в коммуникацию сопровождается определенной презумпцией отношения к ним других участников. Таким образом, формируются признаки доминантно-интерперсональных отношений: [бомж] *вот кто минусит подобные посты? что вам не нравится? /.../ [Звездный ветер] отработывают свои сребреники / [Ирина] Как кто? Их позорные ники известны.* Наличие «знаковых» ников не мешает выстраивать участникам виртуального общения конфликтные отношения по особой модели, определяемой специфическими – по сравнению с реальным общением – психологическими установками, связанными с отсутствием физически представленного «партнера по конфликту».

Относительно конфликтности каждый участник приобретает дополнительную редко вербализуемую, но осознаваемую партнерами по общению характеристику: агрессивный (<http://sadman.gorod.tomsk.ru/users/user.php?id=15282> Мавка 16 сентября 2011 г. 18:08# *Андрюша, ты как всегда поражаешь меня своей адекватностью. Лечиться не пробовал? // Мавка* 16 сентября 2011 г. 18:24# *Да. Еще вопросы будут?*), обиженный (svetlana288 *Я вот не собираюсь никого убеждать, могу поделиться собственным опытом, как родителя этой школы, опытом моего ребенка в вальдорфском классе. Хочется конструктивного обсуждения, а не просто «школа плохая, потому что другая, и я не понимаю, как она может быть хоро-*

шей» ключевые слова в таком отношении **я не понимаю**», «парламентер» (**Катерина** Девочки, право имеют обе позиции, потому что мы все хотим добра нашим детям, а истина всегда посередине) и др. Эта характеристика в виртуальной коммуникации (в отличие от реальной) оказывается, во-первых, более стабильной для каждого участника и, во-вторых, более выпукло оформленной. Это связано с игровой, искусственной природой виртуальной роли-маски, ее принципиальной личностной редукцией, осознаваемой как самим участником, так и его партнерами.

Конфликтные «маски» виртуальной коммуникации («лидер» и «ведомый», «авторитет» – «бывалый» – и «новичок») в основном не отличаются от реальной. При этом большую, чем в реальной повседневной коммуникации, значимость имеют роли «provokatora» и «судьи». Так, «provokator» часто является инициатором конфликтного диалога: *Местный афтар, всё не успокоится)) вы следующий раз про вооруженные силы Зимбабве напишите, очень интересно П.С. по... на амеровскую армию, если в нашей такое творится...* В приведенном тексте provokator использует агрессивные стратегии, а также стратегии уклонения от темы и перехода на личности, тем самым провоцируя конфликт.

Специфика формы виртуальной реализации повседневного дискурса заключается также и в осознанном отношении постоянных посетителей конкретного форума к его ролевой структуре, в том числе к ролевой структуре конфликтной коммуникации: *Польза [об одном из постоянных посетителей форума] не обольщайтесь. она во всех темах пишет в таком же стиле - "все про всех знаю, знакомые рассказывали, а вот мои дети..." ну и далее по тексту.*

3. Социальная среда, условия конфликта в дискурсах повседневности.

Порождение текстов нередко оказывается в прямой зависимости от локуса и времени их порождения. Так, конфликт с близким человеком в официальных и «домашних» условиях определяется различными факторами внешнего контроля, связанного с различным уровнем влияния внешней среды.

В виртуальной коммуникации локально-временная зависимость ослабевает. Коммуниканты анонимны, не заинтересованы в кооперации, в силу условий общения не способны в процессе конфликта повлиять на окружающую действительность «здесь и сейчас». Подобные условия общения определяют ориентацию конфликтной коммуникации не на конфликт действий, а на конфликт мнений.

В плане психологических условий общения порождение конфликтного текста в повседневном дискурсе демонстрирует определенную специфику. Ведущей является установка на равенство собеседников. Ее следствием, прежде всего, является максимальная широта используемых конфликтных стратегий и – что проявлено особо ярко – тактик их воплощения. В повседневном дискурсе, свободном от институциональных дискурсивных правил, конфликтный текст допускает использование самого широкого спектра оценочной лексики, риторических вопросов и восклицаний и др.

Особо яркое проявление установки на равенство участников повседневной конфликтной коммуникации

демонстрирует виртуальная коммуникация. В ее рамках нивелируются даже внешние признаки иерархии: возрастные, гендерные и др. Отсутствие прямого контакта между собеседниками, установка на «надевание масок» усиливает провокационность поведения участников конфликта, нейтрализуя установку на кооперацию: *[Йа_Фейа] Чтоп ты обосралась, казаворудьная на белом платце. Лезет на встречу, когда там большой поток машин идет, причем камазов, да еще подрезает всех. Крыса земляная. Неслась как при диареи сильнейшей, даже номер не запомнила, а то бы озвучила [Scorpio] Йа_Фейа, Ты, как всегда, милашка.*

Подведем итоги.

1. Текстовое оформление конфликта дискурсивно обусловлено. Его специфика может быть обнаружена на основании анализа дискурсивного наполнения структурных элементов конфликта как системного явления.

2. Свобода от институциональных правил определяет особенности формирования конфликтного текста в дискурсах повседневности. Ценности повседневного дискурса, ориентированные на внеинституциональное единение и осознание участниками дискурса личностной позиции в мини-группе, в определенном смысле оказываются конфликтными. Ведущей в повседневном дискурсе является установка на отношения равенства собеседников.

3. С одной стороны, реальная и виртуальная коммуникация демонстрируют выраженную общность в логике формирования конфликтного текста. С другой стороны, виртуальная коммуникация имеет определенную специфику, проявляющуюся в следующем.

3.1. Важный в рассматриваемом аспекте фактор – техническая опосредованность виртуального общения. Письменная фиксация конфликтной коммуникации при виртуальной реализации повседневного дискурса позволяет каждому ее участнику неоднократно проследить ход развития конфликта и хотя бы в редуцированном варианте отразить свою будущую реплику. Свойства интерфейса определяют особую роль цитирования в процессе текстового оформления конфликта, специфику эмоционального оформления конфликтного текста.

3.2. Если конфликты, возникающие в рамках интерперсональных общностей в реальной коммуникации, в большинстве возникают при реализации целей, связанных с изменением окружающей действительности, направленных на достижение некоторого практического результата (конфликт поведенческий), а цели, связанные с реализацией взглядов на проблемы, в большинстве порождают конфликты в рамках ситуационных дискурсов (конфликт мнений), то в виртуальной коммуникации абсолютное лидерство имеет конфликт мнений, эксплицируя ситуационный характер данного дискурса.

3.3. Не различаются в плане тематической структуры конфликтных текстов устные повседневные дискурсы и виртуальная коммуникация: их тематическая ориентация находится в прямой корреляции с объектом отражаемого конфликта. Специфика тематического выражения виртуальной коммуникации заключается в том, что конфликты здесь могут как возникать спонтанно – по типу реального общения, так и оформляться автором в виде отдельной темы.

3.4. Порождение текстов, демонстрирующих прямое отражение конфликта в повседневном дискурсе, нередко оказывается в прямой зависимости от локуса и времени их порождения. Виртуальная коммуникация такой зависимости не демонстрирует.

3.5. Ролевая структура конфликтных текстов повседневного дискурса «встраивается» в ролевую структуру конкретных ситуационных дискурсов по-

вседневности. В виртуальной коммуникации ролевая структура демонстрирует определенную специфику, связанную с внешними условиями интернет-общения. Специфика оформления конфликтного текста в виртуальном дискурсе определяется физической непредставленностью участников общения. Возникают особые дискурсивные роли – конфликтные «маски».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневская А.В. Конфликтология : курс лекций. М. : РУДН, 2004. 124 с.
2. Давлетчина С.Б. Конфликтология. Улан-Удэ : Издательство ВСГУТУ, 2005. 174 с.
3. Сафьянов В.И. Этика общения : учеб. пособие. М. : МГУП «Мир книги», 1998. 208 с.
4. Сперанский В.И. Основные виды конфликтов: проблемы классификации // Социально-политический журнал. 1995. № 4. С. 164–175.
5. Стеганцев А.В. Конструктивный конфликт – ключевой фактор эффективной коммуникации : материалы к докладу на Междунар. науч.-практич. конф. «Психологическое сопровождение профессионального образования». Челябинск, 2006. URL: http://www.stiogantsev.ru/stips_k_konflikt.html (дата обращения 12.11.2012).
6. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2008. 544 с.
7. Капустина А.Г. Информационные конфликты как социально-правовой феномен в современной России // Relga: Научно-культурологический журнал. 2010. № 15 URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2748&level1=main&level2=articles> (25.04.2013).
8. Белоус Н.А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 62. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-analiza-rechevogo-konfliktного-povedeniya> (11.06.2012).
9. Белоус Н.А. Фазовая характеристика конфликтного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2007. № 8. С. 64–77.
10. Голев Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 37–41.
11. Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : сб. материалов науч.-практич. семинара. Москва, 7–8 декабря, 2002 г. М. : Галерея, 2003. Ч. 2. С. 64–73.
12. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В.М. Шукшина // Культура. Образование. Духовность : Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Бийского госпединститута. Бийск : НИЦ БиГПИ, 1999. Ч. 2. С. 109–112.
13. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64–78.
14. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027\(03_14-2003\)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027(03_14-2003)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp) (17.10.11).
15. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
16. Третьякова В.С. Типовые языковые факторы порождения речевого конфликта // Исследования по русскому языку. Рязань, 2000. С. 24–28.
17. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Рос УНЦ «Колледж», 2003. С. 196–212.
18. Усачева О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов). URL: <http://www.dialog21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm> (дата обращения: 27.11.2010).
19. Русская разговорная речь. Тексты / автор-сост. Г.Г. Инфантова. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2006. 274 с.
20. Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капапалдзе. М. : Наука, 1978. 306 с.
21. Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
22. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М. : Языки славян. культуры, 2006. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 октября 2013 г.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.2

Т.П. Берсенева

СИНЕРГИЯ В КУЛЬТУРЕ

Предлагается определение культуры и рассматривается возможность синергичного к ней подхода. Исходя из определения синергии, согласно которому она выступает универсальной категорией, объединяющей «территории» богословия, философии и синергетики, сделана попытка выделить общие условия синергии в культуре, а именно диалогическое взаимодействие противоположностей; направленность культурного развития к высшему абсолютному идеалу; преобразование человека, способствующее творческому преобразению мира.

Ключевые слова: культура; синергия; взаимодействие; ядро культуры; теозис; «обожение».

Как известно, понятие синергии, широко используемое в последнее время в научных и околонаучных сферах, свою первичную концептуализацию получило в православии, точнее в мистико-аскетической традиции исихазма. Философский словарь толкует синергию как ««соработничество» человека и Бога в реализации Божия замысла о спасении мира и человека, взаимодействие божественной благодати и человеческой свободы» [1]. В своих работах, рассмотрев возникновение и развитие этой категории в теологии [2], проследив связь синергии с синергетикой [3], представив ее как вид диалектического противоречия, акцент в котором смещен с момента борьбы на момент единства, кооперации и сотрудничества [4], мы предложили следующее определение синергии. *Синергия – совместное действие, взаимодействие различных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергичного эффекта.* Для того чтобы выделить синергичные процессы в культуре, надо решить: возможно ли в принципе вести разговор о синергии в культуре; если возможно, то какие условия необходимы для осуществления синергии в культуре. Но прежде необходимо определиться, что в данной работе будет пониматься под культурой, так как именно выбор концепции культуры задает определенный ракурс исследования проблемы.

А.С. Кармин пишет, что на международном философском конгрессе в 1980 г. приводилось более двухсот пятидесяти определений этого понятия. В настоящее время их число доходит до полутысячи [5. С. 16]. Представления о том, что такое культура, весьма разнообразны: от понимания ее как научаемого поведения, как механизма защиты, совокупности социальных сигналов и ответов, до вариантов, в которых культура исчезла, как не обладающая онтологической реальностью. Энциклопедия «Культурология. XX век» определяет культуру как «совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» [6. С. 338]. В «Философском энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «Культура – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе соци-

альных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [7. С. 292]. М.С. Каган предлагал понимать под культурой «системную, исторически образованную и исторически изменяющуюся многостороннюю целостность специфически человеческих способов деятельности и ее опредмеченных плодов – материальных, духовных и духовно-материальных, художественных» [8. С. 43]. Можно приводить еще множество различных определений культуры, но чтобы понять, что же все-таки представляет собой культура, важно выяснить, как развивались представления о ней, каким образом и почему сформировались различные подходы к ее пониманию.

Слово «культура» стало употребляться в качестве научного термина в историко-философской литературе европейских стран со второй половины XVIII в. Одной из важнейших тем, волновавших европейскую общественную мысль в тот период, была сущность, или природа, человека. Продолжая традиции гуманизма, идущие от эпохи Возрождения, и отвечая на социальный запрос времени, связанный с происходившими тогда переменами в общественной жизни, выдающиеся мыслители Англии, Франции, Германии развивали идею исторического прогресса. Они стремились понять, к чему он должен вести, как в ходе него совершенствуется разумная свободная сущность человека, как должно быть устроено общество, соответствующее человеческой природе. В размышлениях на эти темы возник вопрос о специфике человеческого бытия, о том, что в жизни людей, с одной стороны, обусловлено «человеческой природой», а с другой – формирует «человеческую сущность».

Этот вопрос имел не только теоретическое, но и практическое значение: дело касалось выработки идеалов человеческого бытия, т.е. образа жизни, стремление к которому должно определять задачи общественных сил, борющихся за социальный прогресс. Так, в XVIII в. в общественную мысль вошла проблема осмысления специфики образа жизни человека. Соответственно возникла потребность в специальном понятии, с помощью которого могла быть выражена суть этой проблемы, зафиксирована идея о существовании таких особенностей человеческого бытия, с которыми связано развитие способностей человека, его разума и духовного мира. Словом «культура» и стали пользоваться для обозначения этого нового понятия.

Таким образом, значение термина «культура» в научном языке с самого начала заключается в том, что он служит средством, с помощью которого выражается идея культуры как сферы развития человечности, человеческой природы, человеческого бытия, человеческого начала в человеке – в противоположность природному, стихийному, животному бытию. Выбору именно этого слова для такой функции, по-видимому, в немалой степени способствовало то, что в латинском языке слово «cultura», первоначально означавшее возделывание, обработку, улучшение (напр. *agri cultura* – обработка почвы), противостояло слову «*natura*» (природа).

На первых порах смысл идеи, воплощенной в понятии «культура», имел еще не слишком ясный характер. В просветительских взглядах на культуру он обрисовывался лишь в самом общем виде. Дальнейшее развитие этой идеи выявило два ее аспекта. С одной стороны, культура трактовалась как средство возвышения человека, совершенствования духовной жизни и нравственности людей, исправления пороков общества. Ее развитие связывали с просвещением и воспитанием людей. Не случайно в конце XVIII – начале XIX в., когда термин «культура» был еще новым и непривычным, его часто заменяли словами «просвещенность», «гуманность», «разумность» (а иногда – древнегреческим словом «*пайдейя*» – «образованность», в которой античные греки видели свое отличие от «некультурных» варваров). Очевидно, что в таком контексте культура представляла как нечто безусловно позитивное, желаемое, хорошее.

С другой стороны, культура рассматривалась как имеющийся в действительности, реально существующий и исторически изменяющийся образ жизни людей, специфика которого обусловлена достигнутым уровнем развития человеческого разума, науки, искусства, воспитания, образования. Но когда речь шла о реально существующей культуре определенного народа и определенной эпохи, то обнаруживалось, что далеко не все плоды деятельности человеческого разума «хороши». Т.е. любая реальная культура несет в себе как позитивные, так и негативные, нежелательные проявления человеческой активности (например, преследование инакомыслящих, религиозные распри, преступность, войны).

Необходимость разрешить это противоречие стимулировала последующую эволюцию представлений о содержании понятия «культура». В ходе этой эволюции определились два подхода к истолкованию его содержания – аксиологический, опирающийся на первый из отмеченных аспектов идеи культуры, и антропологический, рассматривающий культуру во втором аспекте.

Аксиологический подход к истолкованию содержания понятия «культура» исходит из того, что она есть воплощение истинной человечности, подлинно человеческого бытия. Культура призвана быть ареной духовного совершенствования людей, и потому к ней относятся только то, что выражает достоинства человека и способствует их развитию. Следовательно, не всякий результат деятельности человеческого разума заслуживает того, чтобы называться достоянием культуры. Культура должна пониматься как совокупность лучших творений человеческого духа, высших непреходящих духовных ценностей, созданных человеком: «Во всех

явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [9. С. 70]. Такой взгляд на культуру сужает ее сферу, относя к ней лишь ценности, т.е. позитивные, «хорошие» результаты деятельности людей. Сведение культуры только к ценностям ведет к исключению из нее таких явлений, как преступность, рабство, социальное неравенство, наркомания и многое другое, что никак нельзя считать ценностью. Но ведь подобные явления постоянно сопровождают человеческое бытие и играют в нем немаловажную роль. Невозможно понять культуру какой-либо страны или эпохи, если игнорировать их существование.

Антропологическое, или деятельностное, понимание культуры, в отличие от аксиологического, расширяет круг относящихся к ней явлений. Оно предполагает, что культура охватывает все, что отличает жизнь человеческого общества от жизни природы, все стороны человеческого бытия. С этой точки зрения, культура не есть безусловное благо. Еще Ж.-Ж. Руссо – один из первых критиков культуры – утверждал, что такие ее составные части, как искусство и наука, не способствуют нравственному совершенствованию человека. По его словам, культура не делает людей счастливыми и не дает им больше наслаждений, чем те, которые доставляет природа. Культура как реальный исторически развивающийся образ жизни людей охватывает все многообразие видов человеческой деятельности. Не только разум, но и результаты его использования человеком (изменение окружающей природы, создание искусственной среды обитания, техника, формы общественных отношений, социальные институты) характеризуют особенности жизни того или иного общества и составляют его культуру.

Итак, в антропологическом понимании культура включает в себя все, что создано людьми и характеризует их жизнь в определенных исторических условиях. В русле этого направления, как отмечает А.С. Кармин, «развивается функциональная концепция культуры, ведущая начало от Б. Малиновского, который рассматривал культуру как порожденную обществом систему способов удовлетворения потребностей. К этому направлению примыкает и марксистская деятельностная теория культуры как исторически развивающейся совокупности внебиологически выработанных способов, средств и механизмов деятельности общества» [5. С. 20]. Например, М.А. Булатов прямо определял культуру как «способ деятельности». Это определение вытекало из общей идеи: деятельность есть способ существования человека, культура – способ деятельности. Как отмечал М.А. Булатов, эта идея «вполне правильная, если учесть, что природа дана человеку, а культура – создана» [10. С. 9].

Понятие «культура» вследствие такого расширения содержания входит в поле зрения целого ряда наук об обществе, каждая из которых, однако, ставит задачей исследование не столько культуры в целом, сколько отдельного ее аспекта. При этом главное внимание в них направляется не на теоретическое осмысление проблемы культуры, а на эмпирическое изучение кон-

кретного историко-культурного материала. В результате возникают различные частные научные представления о культуре: археологическое, этнографическое, этнопсихологическое, социологическое и т.д. Таким образом, как совершенно справедливо замечает А.С. Кармин, антропологический подход к трактовке культуры привел фактически к распаду общего содержания этого понятия на ряд частных представлений, отражающих лишь отдельные стороны и проявления культуры [5. С. 20].

Кроме двух названных, существует третий – семиотический подход к трактовке культуры, когда «культура понимается как система информационных кодов (знаков и символов вкупе с их значениями и смыслами). В этих шифрах упакован человеческий опыт; коды транслируют программы поведения, общения и деятельности; с их помощью программируется и регулируется поведение нынешних и будущих поколений» [11. С. 6]. Если рассмотрение культуры как мира человеческой деятельности раскрывает главным образом ее материальные проявления, то культура как мир знаков предстает в единстве материального и духовного. Действительно, знак есть чувственно воспринимаемый материальный предмет, а его значение (смысл, информация) есть продукт духовной деятельности людей. Знаки выступают как своего рода «материальная оболочка» человеческих мыслей, чувств, желаний. Чтобы продукты духовной деятельности человека сохранились в культуре, чтобы они передавались и воспринимались другими людьми, они должны быть выражены, закодированы в этой знаковой оболочке. Связь значения и знака (или, иначе говоря, информации и кода, в котором она фиксируется и транслируется) определяет неразрывность духовного и материального аспектов культуры.

Перечисленные подходы к пониманию культуры, как и другие существующие подходы, конечно, закономерны, каждый из них описывает культуру в том или ином аспекте. Но наша задача – представить культуру в синергичном аспекте, т.е. осуществить синергичный подход к рассмотрению развития культуры. Так как понятие синергии свою первоначальную концептуализацию получило в православном богословии, точнее в мистико-аскетической традиции исихазма, то необходимо обратиться к религиозным концепциям культуры. Существует много теорий, рассматривающих религию в культуре как онтологическое основание ее смысла: любая культурно-историческая среда базируется либо на религии (средневековая Европа, Россия и славяно-византийский культурно-исторический тип, мир ислама, индо-буддийский и дальневосточный культурно-исторические типы), либо формирует свои основания, основываясь на негативном отношении к религии (Античность, западноевропейский Ренессанс, Новое время, культура Советского Союза). Нас же интересует православная традиция и основанные на ней понимание и определения культуры.

Одна из концепций принадлежит протоиерею Г.В. Флоровскому. Религиозный философ, упоминая строчку из стихотворения Ф.И. Тютчева о том, что русскую землю «В рабском виде Царь небесный исходил, благословляя», и уподобляя русскую культуру паутине,

нити которой от Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя и Ю.Ф. Самарина, старцев Амвросия Оптинского, Серафима Саровского «тянутся... куда-то назад, в заволжские чащи, к Нилу Сорскому и прп. Сергию, а оттуда на Афон и далее в раскаленные пространства Фиваиды» [12], всю русскую историю и культуру связывал с православной верой. Через века и пространства, по словам Г.В. Флоровского, «безошибочно осязается единство творческой стихии». И «точки сгущения» данной стихии «не совпадают с центрами быта», т.е. находятся «не в Петербурге, не в древлестольном Киеве, не в Новгороде, не даже в “матушке” Москве, а в уединенных русских обителях, у преподобного Сергия, у Варлаамия Хутынского, у Кирилла Белозерского, в Сарове, в Дивееве чувствуется напряжение русского народного и православного духа. Здесь издревле лежали средоточия культурного творчества» [12]. В связи с этим мыслитель призывал славянство вспомнить о своей исторической матери – православной Византии и о первоучителях – равноапостольных братьях.

По сути дела Г.В. Флоровский продолжил мысль К.Н. Леонтьева, который отмечал, что, хотя византизм в России не смог переродиться в эпоху западного Возрождения, он, несмотря на русскую «бесцветность, простоту, бедность, неприготовленность... всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственнее» [13. С. 23]. По мнению Леонтьева, традиционная религия является условием сохранения национальной культуры. Кроме этого, философ был убежден, что сила государства и его устои, просвещение, поэзия, художественное творчество, «великорусская» жизнь – «словом, все живое у нас» органически сопряжено с православием и влиянием византийских идей и византийской культуры, ослабление авторитета византизма приведет к ослаблению Русского государства.

Другой религиозный философ И.А. Ильин также видел основу русской культуры в православной вере и исповедующей ее русской душе. Русская душа, как писал Ильин, «дитя чувств и созерцания», а ее культуротворческий акт заключается в «сердечном ведении и религиозно совестливом порыве». Русская культура основана на «чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы». И только к вторичным принципам по отношению к первичным основам И.А. Ильин относил волю, мысль, правовое сознание и организаторские функции, т.е. то, что является первоосновой европейской культуры [14].

Среди различных концепций происхождения и понимания культуры в русской философской мысли выделяется теория, которую развивали два известных философа – священник П. Флоренский и С.Н. Булгаков, в 1918 г. также ставший священником. В целом ряде своих философских трудов они показывали, что культура произрастает из религиозного культа. Религию они считали материнским лоном культуры и этим объясняли тот неоспоримый факт, что великое множество самых знаменитых памятников мировой культуры носят религиозный характер. П. Флоренский писал: «Natura – то, что рождается присно, cultura – что от культа присно отщепляется, – как бы прорастания культа, побеги его, боковые стебли его. Святыни – это

первичное творчество человека; культурные ценности – это производные культа» [15].

Современный богослов игумен И. Экономцев по-своему интерпретирует религиозную основу русской культуры и понимание культуры как Богочеловеческого сотворчества. Учением о творческом процессе он считает святоотеческое аскетическое учение. Аскетика, с точки зрения Экономцева, есть высочайшее художественное творчество, материалом которого является сам человек. Именно благодаря такому творчеству – духовно-нравственному преобразению человека – формируется и развивается культура [16. С. 182–186]. Если сопоставить взгляды русских религиозных философов на проблему взаимосвязи культуры и религии, то по некоторым конкретным вопросам их точки зрения не совпадают. Но в целом они единодушны: религия и религиозное мировоззрение – это основа культуры.

Рассмотренные концепции культуры, разработанные представителями русской религиозной мысли, представляется возможным согласовать с основными теоретико-методологическими подходами, которые носят секулярный характер. Г.В.Ф. Гегель, говоря о культуре, размышлял о творчестве как ее наиважнейшей характеристике [17. С. 1–20, 263–283]. В этом случае религиозные концепции можно соотнести с деятельностью подходом, который связан с пониманием культуры как возделыванием, улучшением и земли, и человеческой души, и общества. Согласно религиозной концепции, творчество – это не просто деятельность, а деятельность, опирающаяся на религиозный идеал и идею Божьей помощи в делах. В православии в этих случаях и употребляется понятие «синергия» как содействие, сотворчество. Следовательно, деятельностная концепция в принципе не противоречит религиозному пониманию культуры: с православных позиций нельзя рассматривать творческую деятельность в отрыве от религиозного образа жизни. Христианство в целом основано на духовно-нравственных установках: на божественных заповедях и добродетелях (любовь, смирение, кротость, терпение и т.д.). Эти установки можно назвать ценностями, что в принципе не противоречит аксиологическому подходу. Представляя собой «культурный интеллект» (Ю. Лотман) в виде текстов, знаков, передающих информацию, религиозное понимание культуры не противоречит и семиотическому подходу. Семиотика позволяет увидеть в религии способ общения, т.е. коммуникативную систему, обладающую содержанием и возможностями передавать, сообщать это содержание. Исходя из описанных концепций, сформулируем рабочее определение культуры, которое позволит выделить в ней явления, характеризующиеся синергией. Культура – это преобразование человека и общества в процессе осуществления культуротворческой деятельности на основе духовно-нравственных религиозных установок.

Теперь целесообразно вернуться к вопросам, поставленным в начале статьи: возможно ли в принципе вести разговор о синергии в культуре? если возможно, то какие необходимы условия, чтобы можно было говорить о синергичном развитии культуры?

В одной из наших работ синергия была определена как одна из форм диалектики, имеющая специфические

черты [4]. Проблема взаимоотношения диалектики и культуры (хотя М.А. Булатов в свое время и писал, что «взаимосвязь диалектики и культуры... только начинает становиться предметом самостоятельного исследования» [10. С. 3]) в советской философии была проработана основательно [18. С. 53–66], был сделан вывод, что «диалектика как теория развития имеет особенно тесную связь с культурой. Эта связь подтверждается и исторически» [10. С. 31]. Не останавливаясь подробно на рассмотрении вопроса о взаимоотношении культуры и диалектики, отметим, что в самом общем виде эти взаимоотношения характеризуются следующим образом: диалектика есть форма существования и развития культуры. Связь диалектики и культуры носит объективный характер. Диалектика как общая теория развития в своих принципах, законах и категориях отражает всю объективную и духовную реальность, которая делится на природу и культуру. Поэтому, признавая синергию одной из форм диалектики и учитывая связь диалектики и культуры, представляется возможным говорить о синергичном развитии как одной из форм диалектического развития культуры. Допустив мысль, что синергия есть процесс, логично предположить, что для осуществления этого процесса необходимы определенные условия.

Исходя из определения синергии, одним из ее признаков является согласованное взаимодействие противоположностей. Представляется, что проблема взаимодействия в культуре может быть рассмотрена с двух ракурсов: как внутренние (внутрикультурные, происходящие в рамках одной культуры) и внешние взаимодействия (или межкультурные). К внутренним взаимодействиям относятся, к примеру, взаимодействия различных культурных феноменов. В частности, взаимодействие науки и искусства имело место в Древней Греции, где с помощью математики изучалась гармония. Взаимодействие различных уровней культуры также можно отнести к внутренним взаимодействиям. Традиционно противопоставляются «высокая» (элитарная) и «низкая» (массовая) культура. Необходимо также сказать о взаимодействии традиций и инноваций в культуре. Иллюстрацией этого являются сохранение, трансформация и совмещение с христианскими целого ряда языческих праздников, которые представляют собой одну из форм бытования традиции.

Кроме этого, на основании разделения деятельности на деятельность по удовлетворению материальных потребностей людей и на интеллектуальную и эмоционально-психологическую деятельность и соответственно выделения утилитарных и духовных идеалов культуру часто подразделяют на материальную и духовную. Признавая, что духовная культура обладает некоторыми важными чертами (неутилитарный характер, большая свобода творчества для человека, высокая чувствительность), считаем, что разграничивать и противопоставлять друг другу духовную и материальную культуру как две особые области культуры невозможно. Ибо, с одной стороны, вся культура в целом духовна, потому что она есть мир смыслов, т.е. духовных сущностей. С другой стороны, она вся в целом материальна, потому что представлена, материализована в чувственно воспринимаемых кодах, знаках и текстах.

Поскольку общество распадается на множество групп – национальных, демографических, социальных, профессиональных, постепенно у каждой из них формируются собственные идеалы и собственные культуры (субкультуры). Специфический вид субкультуры – контркультура, которая не просто отличается от доминирующей культуры, но противостоит, находится в конфликте с господствующими идеалами, создает свои собственные нормы и ценности. Особо ярко контркультура была выражена в «молодежной революции» 1960-х гг., движении хиппи и панк. В СССР примером контркультуры являлась андеграундная рок-культура. Возникновение контркультуры на самом деле – явление вполне обычное и распространенное. Доминирующая культура не способна охватить все многообразие явлений. Контркультурами были раннее христианство в начале новой эры, затем религиозные секты, позже – средневековые утопические коммуны. Сейчас к контркультуре можно отнести преступную субкультуру, произрастающую в тюрьмах и отличающуюся специфическим поведением, правилами и даже языком. Таким образом, культура как целостность представляет собой взаимодействие, согласованное действие, синергию ее различных феноменов, уровней, аспектов, групп.

Неизолированное существование культур предполагает рассмотрение внешнего ракурса взаимодействия, когда элемент другой культуры включается в пространство заимствующей его культуры, существенно трансформируясь. При этом адаптированное внешнее становится внутренним вплоть до архетипических форм.

Е.А. Филимонова, анализировавшая проблему взаимодействия в культуре, на основе анализа наиболее распространенных типологий межкультурных взаимодействий выделила следующие «идеальные типы» взаимодействия культур: диалог, взаимное подавление, ассимиляция, одностороннее влияние, трансформация, параллелизм и взаимоизоляция [19. С. 42].

Исходя из поставленной проблемы, нас интересует не всякое, а лишь синергичное взаимодействие, для которого характерно совместное, кооперативное, согласованное взаимодействие различных потенциалов или энергий. Согласно исихастской теории, энергии Божественные и человеческие имеют максимально различную природу, принадлежат к разным горизонтам бытия. Их соединение требует особых предпосылок, которые и создает исихастская практика *диалога* человеческих и Божественных энергий. Поэтому представляется, что из всех видов культурного взаимодействия только диалогическое взаимодействие идеалов можно отнести к синергичному.

Диалог – универсальный способ существования культуры. Будучи полифункциональным целостным общественным явлением, культура с древнейших времен для выживания, развития и обновления форм своего существования использует диалог как универсальное средство реализации целей человека в мире. В форме диалога закрепляется и передается культурный опыт человечества, традиция, и вместе с тем обновляется ценностное содержание культуры. В контексте нашего исследования особый интерес представляет

диалогическая концепция взаимодействия культур М.М. Бахтина. По Бахтину, каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, а великие культуры рождаются только в диалоге, в точке пересечения с другими культурами. Способность одной культуры осваивать достижения другой – один из источников ее жизнедеятельности: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [20. С. 354].

К. Ясперс полагал, что духовное содержание культуры возникает только в диалоге личностей на уровне осевых проблем и осознания трагизма бытия. С другой стороны, диалог в культуре протекает в разнообразном уровнем диапазоне, причем личность включается в различные контакты с обществом, природой, предшествующей культурой и т.п. Реальное культуротворчество происходит в контексте диалога индивида с мирозданием, космосом и Теосом, другим индивидом, народом, государством, правительством, классами и стратами, с культурными традициями.

Большое значение для раскрытия этого вопроса имеет освоение диалогических идей В.С. Библера, в том числе идей «Школы диалога культур», в рамках которой работают такие ученые, как С.Ю. Курганов, А.В. Ахутин, М.С. Глазман, И.Е. Берлянд, Р.Р. Кондратов и др. В.С. Библер до предела заострял вопрос о диалогическом механизме культуры, живущей и развивающейся «только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми “на себя” культурами». Культура оказывается «особой формой общения и одновременного бытия людей прошлых, настоящих и будущих культур». Философ в своей работе «От наукоучения к логике культуры» писал о «диалогике», когда «разум культуры актуализируется именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур» [21]. Диалогическая природа культуры неотрывно связана с кардинальной особенностью личностного становления. Культурная, смыслотворческая деятельность человека неизбежно диалогична. Это ее сущностное свойство. *Таким образом, первым условием синергичного взаимодействия в культуре будет диалогическое, кооперативное взаимодействие различных, даже противоположных, видов деятельности и идеалов.*

Однако синергия – это не статичное состояние, поэтому, выделив в качестве синергичного диалогическое, кооперативное взаимодействие, необходимо признать, что взаимодействие идеалов, основанное на диалоге, может переходить во взаимодействие, приводящее к конвергенции идеалов. Ведь идеал вряд ли может быть одинаковым у всех и располагающим к постоянному диалогу. Как уже было сказано, синергично-диалогическое взаимодействие – это только один из видов взаимодействий в культуре наряду с подавлением, ассимиляцией, конвергенцией и т.д. Такая дискретность синергично-диалогического взаимодействия обя-

зательно приведет к тому, что диалог идеалов перейдет в другую форму взаимодействия. В результате конкуренции и даже конфликта признаваемый большинством идеал может исчезнуть, в культуре воцарится хаотичность, люди потеряют общий язык, расшатается организация совместной деятельности. В итоге наступит кризис, который выразится в прогрессирующей дифференциации идеалов. Результатами этого кризиса станут неверие во всякие идеалы вообще, полная бездуховность (идеологический вакуум). Все это, однако, вызовет и противоположную реакцию: появится потребность в новом интегральном идеале.

Вот здесь и возникает вопрос: каким же образом происходит выбор нового идеала? Так как синергия является базовой категорией синергетики, то ответить на этот вопрос представляется возможным, используя такое важное синергетическое понятие, как бифуркация. Дело в том, что открытая система (к которой относятся и культура) имеет свои специфические величины («управляющие параметры»), характеризующие свойства этой системы. Каждый параметр имеет свое критическое (пороговое) значение, при достижении которого в количественной эволюции системы происходит качественный скачок – точка разветвления эволюционной линии, которая и получила название бифуркации. Получается как бы «разветвление исходного качества на новые качества. Число ветвей, исходящих из данной бифуркационной точки, определяет дискретный набор новых возможных диссипативных структур, в любую из которых скачком может перейти данная (актуально существующая) структура. ...Диссипативная система в состоянии бифуркации напоминает васнецовского “Витязя на распутье”, причем спектр возможных альтернатив может быть не менее экстравагантным и драматичным» [22. С. 502].

Обусловлен ли чем-то бифуркационный скачок от одного идеала к другому? Как пишет В.П. Бранский, если речь идет о природных системах, кажется, что выбор из указанных альтернатив является делом чистого случая (или, как говорят физики, результатом случайной флуктуации). Однако это мнение ошибочно. Ученый, характеризуя бифуркационный скачок в природных системах, отмечает, что «ответственность за выбор в действительности ложится на внутреннее взаимодействие между элементами системы», которое «...представляет собой столкновение противодействующих причин, часть из которых находится в отношении конкуренции-борьбы, а часть – в отношении кооперации-сотрудничества» [Там же]. Так вот в основе выбора направления развития и природных, и неприродных систем лежит объективный закон, которым является соответствующий принцип устойчивости, основанный на кооперативном взаимодействии. Т.е. любое направление, которое не может быть компенсировано внутренними механизмами поддержания устойчивости, неизбежно приводит к катастрофе и гибели системы. Поэтому выбор направления – это определение наиболее устойчивого состояния, в которое система должна перейти.

Следовательно, и в нашем случае выбор одной из бифуркационных ветвей определяется стремлением системы к некоторому устойчивому состоянию, назы-

ваемому в синергетике аттрактором. Наиболее устойчивое состояние для аскета-исихаста – это достижение «обожения», когда соединяются Божественные и человеческие энергии, когда снимается противоречие между сакральным и профанным в процессе синергического взаимодействия. Для культуры наибольшей устойчивостью является состояние, связанное с ее «ядерным идеалом». Не являясь сторонником организмических теорий, все же признаем, что использование понятия «ядро культуры» отражает реалии социокультурных процессов.

Если культура имеет «ядро», значит, имеются и определенные элементы, уровни культуры, непосредственно с этим «ядром» связанные и образующие структуру, которую представляется возможным рассматривать в рамках ядерно-сферической концепции, активно разрабатываемой сейчас Н.В. Поддубным. В соответствии с данной концепцией система рассматривается как двойственное в структурном плане образование, состоящее из двух основных сфер: хорошо структурированного ядра и относительно слабо структурированной периферии. Ядро представляет собой особый, узловый элемент системы, образуя квинтэссенцию всех имеющих существенное значение системных связей и отношений. Периферия системы – сфера, на которую распространяется упорядочивающее влияние ядра.

Конечно же, употребление этих понятий (ядро, периферия, структура) первоначально производилось только по отношению к материальным системам. Например, Н.В. Поддубный отмечает, что даже поверхностный анализ многих естественных систем говорит о том, что ядро имеют самые различные системы: элементарная частица, атом, молекула, живая клетка, организм в целом, плоды растений, общество, биосфера, планета, Галактика, Вселенная. Можно сказать, что ядро – обязательный атрибут всякой системы [23. С. 80]. Б.М. Кедров отмечал, что «во всех случаях, когда обнаруживалось существование центрального ядра при изучении того или иного объекта природы, значение этого ядра для данного объекта неизменно оказывалось для этого объекта принципиально важным, нередко даже решающим. Это касается не только функционирования объекта как уже сложившейся системы, но и его генезиса, его происхождения» [24. С. 359]. Так, например, если ядро атома полностью лишено своих электронов, то оно способно последовательно восстановить всю структуру атома, извлекая электроны из окружающей среды. Возникновение нашей солнечной системы также связано с тем, что материал для образования планет возник в результате вещественного излучения Солнца как будущего центрального светила. Подобная картина, как указывал Б.М. Кедров, обнаруживается и в области биоорганической химии. Основное ядро или костяк сложного биоорганического соединения достраивает периферические, наружные части молекулы, образуя готовую молекулу соответствующего вещества.

На ядерно-оболочечное строение многих природных объектов, как отмечает Н.В. Поддубный, обращали и обращают внимание различные исследователи. В свое время ставил вопрос о центре мироздания

Т. де Шарден. Мир как сфера, по его мнению, имеет свой центр, «точку Омега», куда ведут все линии развития и где они сомкнутся и поглотятся: «...не следует представлять себе Омегу как просто центр, возникающий из слияний элементов, которые он собирает или аннулирует в себе. По структуре Омега, если его рассматривать в своем конечном принципе, может быть лишь отчетливым центром, сияющим в центре системы центров. Группировка, в которой персонализация всецелого и персонализация элементов достигают своего максимума, без смешивания и одновременно под влиянием верховного автономного очага единения – таков единственный образ, который вырисовывается, если мы попытаемся логически до конца применить к совокупности крупинок мысли понятие общности» [25. С. 207]. По мысли Шардена, Омега – это мыслящий центр Универсума, «аккумулятор отдельных человеческих сущностей». «Точка Омега», считает Тейяр, – это не только кульминационный пункт развития ноосферы Земли в направлении синтеза духовных составляющих человеческих личностей. Это ещё и общий закономерный финал развития всех очагов сознания во Вселенной. Так создаётся духовный полюс Вселенной, «точка Омега» всего мироздания. Тейяр в своём учении указал конкретные пути, по которому человечество пойдёт к «точке Омега». Это – доминирование научных знаний и технологий во всех областях общественной жизни, превращение человека в главный предмет всех без исключения наук и соединение науки и религии в единую область знаний. «Точка Омега», по взглядам мыслителя, – это не только абстрактное физическое пространство – время. Ноогенез (эволюция ноосферы) обязательно венчается очеловечиванием или даже сверхочеловечиванием времени и пространства. Эта самостоятельная Вселенная будет построена по законам Космической Любви – законам неизбежного синтеза во всё более сложные системы всех объектов мироздания, будь то атомы, молекулы, живые организмы, люди или социальные системы. В ней не действуют законы разрушения и хаоса, свойственные физическому миру. С этой точки зрения, индивидуализм, навязываемый личности технологизированным обществом массового потребления, не имеет будущего и является помехой на магистральном пути космической эволюции человеческого сообщества к «точке Омега».

Однако еще в 1870-х гг. русский философ Н.Н. Страхов предложил аналогичную модель мироздания. В предисловии к своему главному философскому произведению «Мир как целое» он выделял пять основных положений, отражающих его системные представления [26]. 1. Мир есть целое, так как он связан во всех направлениях, в каких только может рассмотреть его наш ум. Здесь отражена всеобщая взаимосвязь всех явлений. 2. Мир есть целое, так как он не распадается на несколько сущностей. Это положение выражает сущность диалектического принципа «единства в многообразии», оно, в сущности, раскрывает субстанциональную основу взаимосвязи, о которой шла речь в первом положении. 3. Мир есть связанное целое, так как все его части и явления находятся во взаимной зависимости. В нем нет никаких особых начал, ничего неизменного, самого по себе существу-

ющего. Здесь подчеркивается самодостаточность, самодетерминированность мира, проявляющаяся во всеобщей взаимопревращаемости его элементов. Как говорили древние: «все во всем». 4. Мир есть стройное целое, т.е. гармоничное, органическое целое. При этом части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют иерархию вещей и явлений. Н.Н. Страхов подчеркивал, что мир как организм имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие, и отношения между этими частями таковы, что они представляют гармонию, служат одна для других, образуют одно целое, в котором нет ничего лишнего и бесполезного. Таким образом, мир у Страхова – не просто целое взаимосвязанных элементов, но вполне упорядоченное целое, имеющее свою цель, о которой он говорит в последнем тезисе. 5. Мир есть целое, имеющее центр, именно он есть сфера, сосредоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое. Он есть главная сущность, и главное явление, и главный орган мира. В этом тезисе – кульминация, квинтэссенция предыдущих положений. В нем отражены структурная и функциональная сущность мира как системы. Нетрудно заметить, что модели Тейяра де Шардена и Н.Н. Страхова очень близки друг другу.

Таким образом, ядерно-сферическая концепция мироздания не нова, и все исследователи отмечают, что ядро как центр системы распространяет свое «влияние» на все системные элементы и уровни, оно подтягивает их к себе, заставляя жить по своим законам. Именно ядро является основным связующим звеном системы, т.е. «посредником» («средним членом» в терминологии Э.В. Ильенкова) во взаимодействии элементов между собой. Конечно, элементы системы связаны между собой не только через центр, но именно на центр приходится наибольшее количество пересечений сил взаимодействия между элементами. Единство ядра и его среды, их взаимное отражение заключается в том, как пишет Н.В. Поддубный, что программа (информация), отражающая всю систему в целом и находящаяся в ядре, опредмечена в этой среде в виде различных функциональных элементов, так же, как, например, информация о производстве в целом, содержащаяся в голове руководителя как ядре организации, опредмечена в реальных подструктурах – цехах, бригадах, отделах и т.д. [23. С. 87]. Н.В. Поддубный, проанализировав строение различных систем (биологической, химической, физической), сделал вывод, что особенности сфероцентрической организации системы делают ее универсальной формой существования любых систем, в том числе и культуры. Эту мысль поддерживает Д.В. Пивоваров, выделяя в культуре «твердое ядро» и так называемый «защитный пояс» [11. С. 13].

Таким образом, исходя из принципов ядерно-сферической концепции, культура представляет собой сочетание двух противоположных, но системно связанных между собой принципов изменчивости и стабильности. Стабильность заключена в культурном ядре, а изменчивость – в ядерной оболочке. Поэтому можно сказать, что использование понятия «ядро культуры» позволяет зафиксировать некоторую специфиче-

скую систему объективных значений, которая раскрывает внутренний смысл и направленность культуры. В этом смысле ядро культуры представляет собой единство предметных и духовных характеристик человеческой деятельности, обладающих устойчивостью и прочностью, а также передающихся от поколения к поколению в виде информации, правил и норм, гарантирующих историческую воспроизводимость и самоидентичность социума. Именно ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического, профессионального или религиозно-культурного целого. Эти специфические стандарты, правила, нормы, законы связаны с судьбой общества, его победами и поражениями, реальными условиями, в которых оно формировалось, спецификой окружающей социальной и природной среды, национальными привычками, адаптационными процессами и теми цивилизационными условиями, в которых изначально формировалось это ядро. Главная функция ядра культуры – сохранение и передача самоидентичности социума, поэтому оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью. Структурами, в которых реализуется ядро культуры, являются фольклор, мифология, религиозные представления, предрассудки, национальные и социальные обычаи, привычки, правила бытового поведения, исторические традиции, обряды и, разумеется, основные языковые структуры. Если ядро культуры исчезает, растворяется или изменяется под воздействием тех или иных исторических и прочих причин, то соответственно исчезает, растворяется или изменяется сама культура. Культура, не имеющая такого ядра, принимаемого этническим большинством, не способна к достаточно длительному существованию.

Разные подходы к пониманию культуры в целом предполагают разное «наполнение» этого ядра, но в любом случае одно остается неизменным – в роли «твердого ядра» принимаются «предельные ценности, т.е. идеалы, субъективно оцениваемые людьми как нечто безусловно исходное и совершенное» [11. С. 16]. Такие «предельные ценности» задают человеку высший смысл жизни, для культуры же они являются целью и направлением развития. Ядро культуры является высшим уровнем в иерархии системы, так как, во-первых, в его организации отражена, закодирована основная информация о всей системе и истории ее развития, во-вторых, ядро – наиболее энергетически заряженный элемент, в-третьих, оно принципиально определяет взаимодействие всех остальных частей системы, а также ее взаимодействие с внешней средой.

Как это ни удивительно, но современная ядерно-сферическая концепция культуры в своих основных положениях согласуется с исихастскими представлениями о Божественной сущности и энергии, с учением о синергии. Центром, ядром мироздания для исихаста-аскета, без сомнения, является сущность Бога. Все другое, отличное от ядра, в том числе и человек с его энергиями, этому ядру противопоставляется. Вот как писал об этом Григорий Палама: «Всякое естество крайне удалено и совершенно чуждо божественного естества. Ибо, если Бог есть естество, то все другое не есть есте-

ство, и, наоборот, если все другое есть естество, то Бог не естество. И Бог не есть сущее, если все другое сущее. А если Он сущий, то все другое не есть сущее» [16. С. 176]. Таким образом, *вторым условием осуществления синергии в культуре будет наличие «твердого ядра», связанного с идеалом «обожения», т.е. возможностью человека в процессе «сотворчества» стать «богом по благодати».*

Сущность Бога непознаваема, но Бог существует не только в себе, но и во вне. И это существование Бога, обращенное во вне, есть не что иное, как божественная воля или Божественная энергия. Будучи отличной от сущности, энергия в то же время неотделима от нее, и в каждом ее проявлении присутствует весь Бог, единый и неделимый. Эта неподдающаяся логическому объяснению концепция, вытекающая из самой сути антиномичного христианского учения, – единственная возможность объяснить «выход» Бога из своей трансцендентности, факты божественного творчества, воплощения Логоса и действия Святого Духа. Григорий Палама со свойственной ему резкой выразительностью замечал: «Если бы божественная и непознаваемая сущность не обладала отличной от нее энергией, она вовсе не существовала бы и была бы лишь порождением ума» [19. С. 177].

Таким образом, отношение между Богом и миром понимается не в соответствии с моделью традиционного христианского платонизма, пролагающего пропасть между божественным совершенством и земным несовершенством, а в соответствии с представлением о «присутствии» Бога в мире и, значит, о возможности для мира стать совершенным. В центре этой концепции находится различие сущности Бога и его нетварных энергий, пронизывающих мир. Пронизанность мира нетварными божественными энергиями задает особенности исихастской антропологии. Богоподобие человека определяется здесь тем фактом, что только он из всего земного бытия способен «воспринять» эти божественные энергии и тем самым сделать их действенными для своей личности и для всего земного мира. Этим и определяется «задание», которое каждый человек обязан (с той или иной степенью полноты) реализовать в жизни. Конечной целью усилий человека является полное преобразование своего бытия, радикальное преодоление своего земного несовершенства и соединение с Богом благодаря синергии – то, что в православной традиции принято обозначать термином «обожение».

Преобразование своего собственного бытия еще недостаточно для того, чтобы выявить свое богоподобие, чтобы стать подобным Богу. Главное «качество» Бога – креационизм. Игумен И. Экономцев пишет: «...творчество является не только модусом существования Бога *ad extra*, но и безусловным атрибутом его сущности» [16. С. 178]. Несомненно, возникновение этого мира есть результат свободной воли Творца. Он мог бы не сотворить его, но мог бы Он не творить? – вопрошает Экономцев и тут же дает ответ на свое вопрошание: поскольку время возникло с возникновением мира, можно сказать, что Бог творит всегда [16. С. 178].

Итак, главное «качество» Бога и, значит, совершенного человека – способность к творению, творчеству, созданию абсолютного совершенства. Но то, что для

Бога является естественным и самопроизвольным, у человека требует зачастую высочайшего напряжения духовных и физических сил. И. Экономцев возвышенно и страстно характеризует творческий процесс: «Втиснутому в тиски физических, биологических и других законов человеку, пожалуй, легче остаться на волне инерции, чем попытаться совершить прорыв в инобытие. Творчество для человека – это кенозис, самоистощение, это жертва, восхождение на Голгофу. Вот почему так велик соблазн отказаться от своего богоподобия, замкнуться в своей монаде, погасив тоску одиночества бесплодными мечтаниями и иллюзиями» [16. С. 180].

Будучи причастным миру и остро осознавая его несовершенство, его несоответствие замыслу творения, человек в своем «обожженном» состоянии не может оставаться на стадии простого осознания несовершенства и зла мира, не может просто сострадать ему. Такое чисто страдательное и пассивное состояние означало бы возвращение к исходной точке пути, означало бы, что никакого преобразования бытия человека, «обождения», не произошло. В своем новом состоянии человек должен раскрыть свою способность преобразить, пересоздать окружающий его мир в соответствии с замыс-

лом божественного совершенства. Он должен стать центром преобразования всего бытия. Главным признаком преобразования человека и распространяющегося от него как от центра преобразования всего мира становится одухотворение, просветление плоти, и следствие этого – творчество как создание нового качества, не существовавшего до того в природе. А это уже проявление *третьего условия синергии в культуре – образование синергического эффекта, результатом которого является абсолютное прибавление к тому, что существует в мироздании*. «Это космический акт, продолжение божественного творения мира» [Там же].

Таким образом, применив метод экстраполяции, т.е. распространив результаты, полученные при рассмотрении синергического процесса при достижении «обождения» аскетом-исихастом, на процесс развития культуры, были выделены условия осуществления синергии в культуре. А именно диалогическое взаимодействие различных видов деятельности и, соответственно, различных идеалов; направленность культурного развития к высшему абсолютному трансцендентному идеалу, выраженному в ядре культуры; преобразование человека, способствующее творческому преобразению мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философский словарь*. URL: http://mirslivare.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70
2. Берсенева Т.П. Категория синергии в теологической традиции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 4 (111). С. 116–120.
3. Берсенева Т.П. Синергия и синергетика: категория исихазма и современная наука // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 41–47.
4. Берсенева Т.П. Синергия и диалектическое противоречие // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 3 (27). С. 102–108.
5. Кармин А.С. Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2003. 928 с.
6. Флиер А.Я. Культура // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. Т. 1. 447 с.
7. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
8. Казан М.С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 1. 368 с.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995. С. 69–104.
10. Булатов М.А. Диалектика и культура (историко-философский анализ). Киев: Наукова думка, 1984. 216 с.
11. Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избранные статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 536 с.
12. Флоровский Г.В. О народах неисторических. URL: http://krotov.info/library/21_f/flo/rovsky_006.html
13. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Избранное. М.: Москов. рабочий, 1991. 400 с.
14. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. Гл. 1: Душа // Москва. 1996. № 1–12.
15. Флоренский П. Культ, религия и культура // Богословские труды. М.: Изд. Москов. Патриархии, 1977. Сб. 17. С. 101–119.
16. Экономцев И.Н. Православия, Византизм, Россия. М.: Христиан. лит., 1992. 233 с.
17. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Г.В.Ф. Гегель. Сочинения. М.: Академия наук СССР. Институт философии, 1959. Т. 4.
18. Джигоев И.О. Диалектика и культура // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. Киев, 1981. 386 с.
19. Филимонова Е.А. Взаимодействие в эволюции культуры: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2011. 157 с.
20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
21. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. URL: http://www.bibler.ru/bim_ot_nauk.html
22. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
23. Поддубный Н.В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2000. 335 с.
24. Кедров Б.М. Классификация наук. М.: Мысль, 1985. 543 с.
25. Шарден Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
26. Страхов Н.Н. Мир как целое. М.: Айрис-Пресс, 2007. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 6 сентября 2013 г.

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ДЕМАРКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассматриваются проблемы, связанные с демаркацией научного и вненаучного знания. Предлагается поиск критериев путем выделения отдельных областей знания, имеющих сопредельные территории. В данном случае – это историческая наука и исторический миф. В качестве критерия демаркации исторической науки и исторического мифа выступает субъект исторического познания, так как вопрос о том, кто участвует в процессе познания, что он ждет и что получает от него, очень важен на пути к решению проблемы демаркации.

Ключевые слова: историческая наука; исторический миф; демаркация; субъект; автор; интерпретатор; мифотворец.

Попытки освободить научное знание от мифообразований, идеологических наслоений и др., или, другими словами, решить проблему демаркации научного и вненаучного знания предпринимаются философами с давних времен. Эти попытки осуществлялись в виде поисков критериев науки; поисков критериев вненаучного знания; выделения философии в качестве пограничной зоны между научным и вненаучным знанием; проведения линии демаркации в сфере вненаучного знания; выделения особенностей отдельных наук. Но эти попытки не увенчались полным успехом. Особенно это актуально в сфере социально-гуманитарных наук, которая характеризуется отсутствием единой парадигмы. Поэтому можно предположить, что поиски критериев должны осуществляться путем выделения отдельных областей научного и вненаучного знания, имеющих сопредельные территории. В данном случае это историческая наука и исторический миф. Кроме того, осуществляя поиски критериев демаркации, исследователи устремляли свой взгляд более всего на объект науки, особенности познания и др., но в тени оставались характеристики субъекта. На наш взгляд, вопрос о том, кто участвует в процессе познания, что он ждет и что получает от него, очень важен на пути к решению проблемы демаркации.

Предпринимая попытки выделения специфики субъекта исторической науки и исторического мифа, невозможно обойти вопрос объекта исторического познания, отличающегося большой сложностью (включает ряд элементов) и парадоксальностью, так как он признается в некотором роде «несуществующим». В качестве исторической реальности предстает прошлое общества в его развитии и изменении. На протяжении истории мысли объект исторической науки представал как действительная связь событий, происходивших в обществе; совокупность следов прошлого, существующих в настоящем; история мысли; исторический процесс в целом и т.д. Каждое из этих представлений не является полным, но их совокупность, на наш взгляд, может охарактеризовать объект исторической науки.

Взаимосвязь субъекта и объекта исторической науки может быть охарактеризована как антиномичная: с одной стороны, субъект включается в объект познания, с другой – субъект и объект познания пребывают в различных реальностях.

Объект гуманитарного знания, в том числе и исторической науки, носит преимущественно идеальный характер, и контакт с ним может осуществляться лишь

в случае «материализации» объекта. В качестве материализации выступает текст, признающий непосредственным предметом исторического познания. Поэтому одна из классификаций субъекта исторического познания основывается как на его «месте» во времени, так и на типе исторического текста (как информационной системы), и на «отношении» субъекта с этой системой (с каким текстом имеет дело историк).

«Историческим» текстом считается то, посредством чего осуществляется связь с социальной реальностью: кроме письменных источников, документов, писем, хроник, летописей, мемуаров и пр., текстом признаются археологические материалы, человеческие поступки (в качестве потенциальных текстов). Исторический текст – это, во-первых, фиксация определенного опыта, во-вторых – результат деятельности историка.

Если рассматривать субъект исторической науки по отношению к тексту, то выделяются автор и интерпретатор.

Автор – это активный творец, создатель текста. Он вкладывает в произведение свои цели, замысел, ценности и способы их реализации, поэтому автор может выступать в качестве объекта исследования. В. Дильтей полагал, что воссоздать прошедшее можно лишь при условии правильной интерпретации текста источников, а для этого важно понять психологию автора, его мотивы, менталитет, образ жизни и мысли. Необходимо заметить, что положение автора и интерпретатора условно. Автор может быть признан интерпретатором, и наоборот.

Следующая классификация может быть основана на типах исторических текстов. Первый – это «историк-очевидец», который является, с одной стороны, автором письменного текста, с другой – интерпретатором событий. Если следовать представлениям Ранке и его последователей, историк-очевидец – это тот, кто предоставляет «историю как таковую». Но как показали дальнейшие исследования, это далеко не так. Он не может дать объективную оценку, во-первых, потому что то, что он описывает, так или иначе касается его самого; во-вторых, каждый человек составляет идеальный образ своего времени – каким бы историк (очевидец) хотел его видеть. По словам Л. Дильтея, описывая события, очевидец всегда высказывается о ценностях. Доказательством этого может быть то, что часто свидетели одних и тех же событий описывают их по-разному, выявляя наиболее важное для них, и, следовательно, по-разному интерпретируют. В-третьих, как отмечает ряд исследователей, сведения любых очевидцев не могут отличаться слишком большой полнотой и точностью еще и потому, что современники или ближайшие

потомки не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом, так как человек вообще способен видеть непосредственно лишь один аспект действительности. Историки, работающие с источниками, интерпретирующие описания очевидцев, могут увидеть события, действия людей, отдельные проявления человеческой жизни в более широком контексте, выявить предпосылки и следствия событий.

Субъекты-очевидцы, в свою очередь, могут выступать в качестве тех, кто описывает события с позиций своих установок и пристрастий, и очевидцев, стремящихся к беспристрастности или, как выразился Ю. Семенов, старающихся «сказать правду». Также очевидец может быть сторонним наблюдателем и участником событий, поэтому он является как субъектом исторического процесса, так и субъектом исторического познания. Участие может быть случайным или намеренным, продуманным. Кроме того, наблюдения могут вестись как намеренно (историк-специалист), так и «попутно, в ходе повседневной житейской деятельности» [1. С. 16], без цели осуществить научный поиск (случайный наблюдатель).

В качестве следующего субъекта научного исторического познания можно выделить археолога, который взаимодействует с археологическими источниками – вещественными следами прошлого. Археолог – в некотором роде «очевидец», но не самих событий, а «остатков» жизни человека в обществе. Если принять положение о том, что вещественные следы прошлого – это тексты, то это тексты, имеющие автора совершенно иного рода, чем авторы письменных или устных источников. В них (археологических источниках) содержатся смыслы, которые необходимо извлечь. Эти смыслы могут быть предварительными и последующими: когда археологи предпринимают раскопки, они предполагают, что могут найти. Но также бывают и случайные открытия.

Третий субъект – это интерпретатор письменных источников, как актов, так и описательных. В этом случае историк должен использовать два языка – язык своей и изучаемой эпохи. Известный российский историк А.Я. Гуревич, предостерегая от смешения понятий, используемых в настоящее время, и понятий изучаемой эпохи, пишет: «Эти два ряда не следует смешивать, но и не применять оба эти ряда. Вся проблема состоит в том, как сочетать наше, современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры» [2. С. 76]. Интерпретация письменных источников связана иногда с использованием и третьего языка. Это происходит в том случае, если историк изучает историю других социальных и политических общностей, к которым он не принадлежит. Поэтому исследователь должен уметь оперировать как минимум тремя языками, применяя которые он неизбежно сталкивается с проблемой перевода не только языкового, но и понятийного. Если ученый будет смотреть на «чужую» историю только с точки зрения своей истории или даже попытается механически следовать за фактами, может сложиться ситуация, подобная возникновению норманнской теории.

Четвертым субъектом предстает интерпретатор самих интерпретаций. Здесь предполагается двойная интерпретация: действий историка-автора и событий, отраженных в тексте.

Говоря о сложности исторического исследования, И. Кант полагал, что оно требует от ученого двух качеств: исторических знаний и философского склада ума [3. С. 22, 23]. Отсюда классификация субъектов по объему и глубине исследования исторической реальности.

Историк, главное дело которого – реконструкция и объяснение событий, по убеждению ряда исследователей (Р. Арона, Ч. Бирда, Р. Коллингвуда и др.), не может обойтись без философии, особенно без философии истории. Как пишет К.Х. Момдзян, философия истории, кроме методологического обеспечения историографии, решает целый ряд содержательных задач, которые недоступны «чистым историкам» [4]. По словам П. Рикера, в настоящее время «способность философии создавать историю не шокирует профессионального историка, как это бывало ранее» [5. С. 53]. Но историческое познание осуществляется историками и философами по-разному, и это отмечают как философы, так и историки. Например, Р.Дж. Коллингвуд в своей работе «Идея истории» отмечает, что историка привлекает «прошлое само по себе» [6. С. 242].

Осмысление исторического процесса в целом – это уже дело философа. История как целое, целостность истории – собственный, специфический предмет философии истории. Философ исследует историю под другим углом зрения, и хотя он занимает второе место после историка, его присутствие необходимо, так как одно из значений термина «история» – процесс развития. Не только прошлое человеческого общества является объектом исследования субъекта исторического познания, но и общество в процессе развития, и именно такое значение более полно раскрывает роль философа в процессе познания истории. Для того чтобы это понять, рассмотрим те временные отношения, которые сопровождают этот процесс.

Ф. Бродель, рассматривая проблемы исторического познания, характеризуя его особенности и особенности субъекта-историка, писал: «Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника» [7. С. 134]. Необходимость присутствия осмысления времени в историческом познании отмечали и другие исследователи.

В своих исследованиях историк использует как счетное время (астрономическое, календарное и др.), так и историческое или, точнее, социально-историческое. Шкала счетного времени необходима для теоретического конструирования, она позволяет последовательно распределить события, проследить их логику, определить синхронность и диахронность событий. Но главным для историка является социально-историческое время – конкретное время общества, наполненное событиями. Необходимо заметить, что историк ограничен в познании истории как процесса развития общества. Он рассматривает процесс развития в большей степени в «застывшем» виде. Фокусируя свой интерес на прошлом, историк, погружаясь в исследование, забывает о времени, время для него отсутствует. Конечно, существуют мнения о том, что связь с настоящим в исследовании историка должна присутствовать, но это не является предметом его основного интереса. В этом случае осознание социально-исторического времени историком характеризуется разорванностью прошлого и настоящего, потому что он в какой-то степени «погружается» в

исследуемую эпоху. По этому поводу В.М. Межуев пишет: «Пока историки ограничивают свою задачу знанием прошлого, они, естественно, отвлекаются от развития, т.е. от соотношения прошлого с настоящим и будущим» [8. С. 83]. Настоящее может интересовать историка как следствие прошлого, если это определяется его научным интересом, и тогда прошлое может длиться до момента настоящего.

Однако нельзя не признать и аргументов, которые приводятся против такого понимания деятельности историка: во-первых, свое исследование историк начинает не с прошлого, а с настоящего, к которому принадлежит сам; во-вторых, он работает с источниками, принадлежащими прошлому, но существующими в настоящем. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на погруженность историков в исследуемую эпоху, результаты их познавательной деятельности зависят от их убеждений и верований, которые формируются в настоящем.

Существует и другая сторона вопроса. Исследуя прошлое, историк создает реальность или «время прошлого», где есть свое настоящее (на нем сосредоточен его познавательный интерес), в котором он сам «присутствует» (назовем его настоящее прошлого). Это настоящее прошлого, являясь основой осознания «времени прошлого», предполагает «свое» прошлое и свое будущее, но заверщенное. Таким образом, в историческом сознании историка присутствуют все модусы времени, заключенные в рамки объекта исследования. К тому же он «синхронизирует» исследуемое событие, соотнося его с эпохой, или, исследуя эпоху, соотносит ее осуществление для той или иной социальной структуры с положением другой во времени. Можно сказать, что историку присуща двойная временная перспектива.

Философы, в отличие от историков, не взаимодействуют напрямую с конкретными событиями истории, они используют результаты и выводы исторической науки для решения проблем смысла истории, ее цели, направленности исторического процесса и др. В философии, таким образом, история предстает в виде целостного процесса, связывающего воедино прошлое, настоящее и будущее, где будущее содержит в себе смысл и цель истории и для философа является наиболее существенной категорией. Можно сказать, что прошлое и настоящее постигается философом лишь в перспективе будущего. Как заметил К. Ясперс, «без осознания будущего вообще не может быть философского осознания истории» [9. С. 155].

Если воспользоваться классификацией исторического времени философами школы Анналов, то социально-историческое время присутствует в историческом сознании исследователя истории в основном в качестве «короткого времени», а в сознании философа – в качестве «длительного времени».

Претендует на знание о прошлом не только историческая наука, но и исторический миф. Это понятие используется не так давно, прямых определений встречается мало, и сопряженность исторического мифа с исторической наукой, его «вторичность» позволяет рассмотреть его особенности в соотношении с исторической наукой. Во-первых, особенностью можно назвать коренное противостояние реальности, представленной исторической наукой. Противостояние касается, прежде

всего, ключевых событий истории, находящихся в более отдаленном прошлом. Во-вторых, это связь мифа с национальной традицией, направленность на возвеличивание национальной или этнической истории. Чаще всего это имеет место в кризисные для нации либо этноса времена.

Эти особенности исторического мифа влекут за собой иные, чем в исторической науке, отношения. Прежде всего, это парадоксальный характер субъект-объектных отношений исторического мифа, который выражается в том, что объектом исторической науки является реальность, данная исследователю в «следах», текстах различного рода, а объектом мифа является сам миф, так как его реальность создается. Эту особенность в качестве одного из основных свойств субъект-объектного взаимодействия выделили А.Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» [10] и Р. Барт в работе «Миф сегодня» [11]. Реальность мифа, прежде всего, основывается на достижениях исторической науки. Как пишет Р. Барт, «история в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее приготавливает, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота» [11. С. 124].

Также парадоксален сам субъект, восприятие мифа которым характеризуется, по определению А.Л. Топоркова, конфликтом «внешнего и внутреннего». В качестве мифа миф предстает перед тем, кто не воспринимает его как реальность, «видит несоответствие мифа реальности». Соответственно, для тех, кто приемлет миф, он выступает как реальность, познание которой ведет к истине – отражению этой реальности. Это «носитель» мифа, который «стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность» [12]. Таким образом, в первом приближении можно выделить две группы субъектов: первую группу составляют те, для кого миф выступает именно как миф, а не реальность, вторую – для кого миф – это отражение реальности, истина.

Первую группу, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы: субъект-мифотворец, субъект – «сторонний» наблюдатель, субъект, направляющий свой познавательный интерес на миф, изучающий его. Среди субъектов-мифотворцев выделяются «невольные» и «вольные», которым свойственны, по мнению М.Ю. Неборского, добросовестные и недобросовестные заблуждения соответственно [13. С. 1]. Невольные мифотворцы чаще всего некомпетентны, недооценивают сложность исторического исследования. Но даже историк, не стремясь мифологизировать прошлое, сознательно искажать факты, в процессе адаптации результатов своего труда к определенной социокультурной среде, в которой он находится и которой его труд востребован, может невольно встать на этот путь. Как замечает Д.В. Карнаухов, «в историческом повествовании кодируются как глубоко укоренившиеся в ходе цивилизационного развития комплексы восприятия действительности, так и актуальные установки современного историка общества и культуры» [14. С. 6]. Для «невольных» мифотворцев характерно, во-первых, выборочное знакомство с источниками, основанное как на некомпетентности исследователя, так и на недоступно-

сти всех источников (утрата, закрытые архивные данные и др.); во-вторых, интерпретации, основанные на том, что любой исследователь исторического процесса – в той или иной мере «пленник своего времени».

Целью «вольных» мифотворцев, создающих «недобросовестные» заблуждения, являются, прежде всего, некие интересы, не связанные с наукой, научным исследованием. Историки при изучении прошлого осуществляют сложное исследование, направленное на выявление его «следов» и их изучение, расположение на шкале времени. Для историка-ученого важно, действительно ли тот или иной факт имел место, и они ищут подтверждение этому. Создатель мифа не заботится об этом – он использует и сами исторические источники, и материал исторических исследований, и материал предыдущих мифов, и художественное осмысление, и даже слухи. Также присутствует пренебрежительное отношение к совокупности источников: не укладывающиеся в предложенную концепцию документы отвергаются. Также при создании исторических мифов используются ложные источники (фальсификация), созданные самим мифотворцем (например, «Велесова книга»).

Ссылаясь на исторические источники, мифотворцы дают отличную от научной интерпретацию. Ложь, внесенная «вольным» мифотворцем в научное исследование, может выступать в скрытых формах (манипуляции), а также в достаточно открытых (неприкрытая ложь), когда историческая наука контролируется властью. Р. Барт пишет, что «мы перекраиваем историю в зависимости от наших идеологических потребностей и создаем соответственно коммунистическую, нацистскую, политическую, журналистскую, маркетинговую мифологию, киномифологию и др.» [15. С. 127]. «Перекраивание» истории отличается от исторического исследования тем, что вначале создаются «рамки», а потом в них «втискиваются» факты науки, т.е. в мифе осуществляется некая «обратная связь» по отношению к исторической науке: к главному выводу подбираются аргументы. Также гипотеза может выдаваться за доказанный факт, и на его основе выстраивается цепь логических следствий. В этом случае чаще всего делается ссылка не на источники, а на авторитеты.

Таким образом, те, кто намеренно создают мифы, практически никогда не ставят себе целью достижение истины через кропотливое исследование. «Появление “недобросовестных” теорий диктуется соображениями, далекими от науки, или прямо выполняет определенный политический заказ», замечает М. Неборский [13. С. 10]. Таким образом, миф может проникнуть в историческое исследование на различных этапах, начиная с фальсификации источников и оканчивая интерпретацией.

Как вольными, так и невольными мифотворцами создается другое прошлое, другая реальность. Эта реальность для общества может быть более предпочтительной, чем достижения науки. Причиной этого является то, что научное исследование (и историческое в том числе) предполагает подробный анализ, учет различных точек зрения, собственную аргументированную позицию и др. Поэтому оно не выдерживает конкуренции с мифом, который доступен, конкретен, прост, однозначен, отвечает каким-либо желаниям и устремлениям, соответствует прагматическим интересам. Мифом, по

мнению К. Леви-Стросса, преодолеваются противоречия: заменяя собой реальность, он делает мир понятным. Все роли в мифе четко распределены, все события объясняются как проявления чьей-то доброй или злой воли. Как пишет К. Юнг, «причиной всего является невидимая произвольная сила», именно поэтому «люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов» [16. С. 111]. Таким образом, отношения человека и общества в историческом мифе характеризуются синкретизмом, присутствует «персонификация причинности». Принцип упрощения, схематизации сложных духовных, социальных или естественно-научных явлений выделяется как одна из определяющих черт как мифа вообще, так и (преимущественно) исторического мифа представителями школы «Анналов» (Л. Февр, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.). Несмотря на то что данный субъект исторического мифа, копируя деятельность субъекта исторической науки, говорит о прошлом, на самом деле в историческом мифе центром является настоящее. Но это настоящее – не то, которое предполагает историческая наука, а то, что, по словам Ю.А. Левады, «рисуеться как адекватное настоящему; время снимается, и “сегодняшний” миф выступает извечным» [17. С. 199]. В этом случае актуализируется вся история, все события подчиняются одному вечному мифу, и они (события) призваны подтверждать его в будущем, и будущее в этом случае также представляется адекватным прошлому и настоящему.

Также настоящее представляется исключением из хода событий (хаос, упадок, гибель) и существует «благодаря вмешательству исключительных факторов – культурных героев и сил».

И, наконец, настоящее выступает результатом всех предшествующих состояний общества. То есть настоящее было предопределено, свершилось как предначиненное. Таким образом, в историческом мифе социально-историческое время искажено: настоящее «втягивает» прошлое либо будущее, желаемые модели времени «закключаются в вечность».

Вторая подгруппа – это не создатели мифов, а те, кто знают, что миф – это миф, воспринимают его со стороны («сторонние наблюдатели», по терминологии А.Л. Топоркова). Человек идентифицирует что-то как миф: 1) после того, как исчезает объект мифа; 2) когда он воспринимает что-то как негативное или неприемлемое для него; 3) когда вера в него пропадает. В этом случае сторонний наблюдатель отличает миф от реальности. Роль стороннего наблюдателя в отношении мифа на этом завершается.

Третья подгруппа – это те, кто изучает мифы. Они также не идентифицируют их как реальность, воспринимают их как вымысел, содержащий в себе сведения о прошлой реальности. Изучение мифа более всего связано с мифом архаическим, который гораздо легче отделяется от науки хотя бы потому, что на каком-то этапе он не конкурировал с наукой, потому что научное знание еще не оформилось. Историческому мифу первого этапа, в отличие от последующего, не требовалась забота о том, чтобы не было расхождений с уже существующей картиной мира, созданной исторической наукой, не нужно было правдоподобие. Также древний миф часто демонстрирует фантастическую картину,

которая не может в настоящее время восприниматься как реальность.

Достаточно часто в настоящее время изучение мифов переплетается и с их использованием: давно забытые архаические мифы извлекаются на свет, когда имеют место кризисы идентичности, «когда содержание прежнего этнонима или даже он сам перестают удовлетворять новым этнополитическим реалиям» [18. С. 67]. Древние мифы предоставляют широкое поле для маневров и играют важную роль для повышения этнополитического статуса, укрепления суверенитета, сплочения и т.д. Как утверждает В.А. Шнирельман, в настоящее время «этнологи ставят вопрос о формировании нового направления в науке, целью которого является изучение этнополитических мифов как неотъемлемой черты этнополитических движений» [19. С. 17].

Вторая группа субъектов исторического мифа – это, как упоминалось, те, кто воспринимает мифы, или «носители мифа». В их сознании миф предстает как реальность. Они «живут» в мифе, полагая миф реальностью, миф для них «имеет статус мировоззренческой доминанты» [20]. Они также могут изучать миф как историческую реальность. Как считает А.Л. Топорков, «для постижения психологии мифа важно не столько то, что представляет собой сам миф, сколько то, чем он является для носителя традиции» [21]. Ролан Барт в свое время сказал, что миф не может быть безотносителен к субъекту. Он всегда имеет свою адресность, «предназначенность», всегда направлен на конкретного человека или, точнее, на определенную группу. «Пример на грамматическое правило, – полагает он, – предназначен для определенной группы учащихся, концепт “французская империя” должен затронуть тот, а не иной круг

читателей; концепт точно соответствует какой-то одной функции, он определяется как тяготение к чему-то» [22. С. 84]. То есть существует воспринимающая сторона, в чьем сознании миф предстает как тождественный реальности. Он не мыслится как миф, а воспринимается как истина.

Подводя итоги, необходимо заметить, что историческое исследование в силу специфичности объекта истории, сложности предметной сферы требует особого подхода. Здесь присутствует разнообразие представлений об объекте исторического познания. Но несмотря на это, субъект в различной степени, но все-таки противопоставлен объекту. Место субъекта исторической науки, таким образом, определяется его отношением с исторической реальностью. Тогда как в историческом мифе такое противопоставление возникает только в случае, если мифологическая реальность не полагается истинной. Миф, а более всего исторический миф, характеризуется «двойным», можно сказать, противоположным отношением субъекта к объекту (к самому мифу), что невозможно при научном познании, и поэтому может явиться довольно сильным критерием демаркации исторического мифа и исторической науки.

Как историческая наука, так и исторический миф характеризуются многоуровневостью и многослойностью субъекта, но в совершенно различных ракурсах. Сложность субъекта исторической науки вызвана особенностью объекта и необходимостью глубокого проникновения в сущностные связи, а в мифе, где это не является целью, сложность субъекта связана с противостоянием внешнего и внутреннего – с восприятием мифа как реальности, с одной стороны, и как самого мифа – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Ю. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3–36.
2. Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
4. Моисеян К.Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк. ; КД «Университет», 1997. 448 с. URL: <http://www.podelise.ru/docs/index-24849236-1.html> (дата обращения: 01.10.2012).
5. Рикер П. История и истина. М. : Алетейя, 2002.
6. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
7. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории : сб. переводов. М., 1977.
8. Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
10. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М. : Мысль, 1994.
11. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
12. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
13. Неборский М. Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5.
14. Карнаухов Д.В. Исторический миф как феномен интеллектуальной культуры: опыт исследований польских ученых // Мифологические исследования-2005. Новосибирск, 2005. С. 3–9.
15. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
16. Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994.
17. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 186–225.
18. Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 66–71.
19. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // А. Малашенко, М.Б. Олкотт (ред.). Реальность этнических мифов. М. : Гендальф, 2000.
20. Лебедев С.Д. Методология социологического исследования мифа // Соционавтика. Интернет-журнал социальных дискурс-исследований. URL: <http://www.socionavtika.net/Staty/Methodo-logos/lebedev1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
21. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 01.10.2012).
22. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 апреля 2013 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ: ПРИНЦИПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Акцентируется внимание на привлечении научного интереса к политическому стимулированию, на функции меритократического фактора во взаимодействии власти и населения. Описаны некоторые принципы совершенствования политических стимулов.

Ключевые слова: политическое стимулирование; меритократический фактор; наградная система.

«Всегда считалось, что награда, будь то рядовая грамота или орден, является знаком того, что заслуги человека оценили по достоинству. Ведь здесь важна именно моральная сторона вопроса. Дико слышать, что сегодня награды приобретаются с той же легкостью, что и бутылка пива в ларьке» (проф., лауреат Государственной премии СССР И. Гринберг) [1].

Современные подходы к концептуализации политического стимулирования представлены в работах таких социологов, как В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко, В.В. Козловский, А.С. Ахизер и др. Отдельного внимания заслуживает вклад Н. Лумана в исследования дифференцированных систем и самоописания общества, а также историко-социологическая трактовка стимулов, кар и наград в интерпретации П.А. Сорокина. Французским социологом П. Бурдьё была обоснована практическая направленность стимулов. Ж. Бодрийяр подчеркивал символичность стимула, которая позже нашла свое применение в политической экономии знака.

В постсоветское время политическое стимулирование в науке практически не рассматривалось: общественное мнение приписывало политическим стимулам социально неодобряемое взаимодействие власти с населением.

Проблемой являются соотношение политики и государственной службы, ее влияние на государственную службу путем приемов стимулирования: назначение на руководящие посты, продвижение по карьерной лестнице, вручение наград и т.п. Формирование системы политических стимулов, оказывающих положительное воздействие на гражданскую и политическую активность людей, является одной из задач при переходе к демократии в нашем обществе.

Меритократическое воздействие власти на политические свободы и государственные полномочия, на элементы стимулирования и управление ими бюрократизировано и не обходится без использования административного ресурса и так называемых «грязных технологий». Безусловной угрозой обществу является коррупционная составляющая действующей наградной системы, когда государственный чиновник, становясь бюрократом, проникается «сетевым мышлением» и усваивает уроки чиновничества и господства должности, соблюдая иерархию по должностным статусам и степени дистанцирования от лиц, готовящих решения о наградах и тем более принимающих такие решения. Нельзя исключать вариант, когда первые лица, становясь заложниками служебной и общественной занятости, не имеют возможности перепроверить данные в

подготовленных списках для награждений, поощрений и повышений. В такой ситуации происходит дискредитация не только исполнительного органа, но и первого лица, утверждающего кандидатуры для награждения.

Властные полномочия дают возможность их обладателю стимулировать общество к различным видам деятельности. Политическое стимулирование основывается на соблюдении ряда принципов:

- диверсификации, разнообразия, расширения сфер применения политического стимулирования; преемственности наградных систем; сочетания материальных и моральных (престижных) компонентов поощрения;

- соответствия заслугам, наградам (меритократический вес). Принцип гарантированности статуса награжденных следует из социально-правовых свойств наград и состоит в том, что награждение должно сопровождаться повышением социального статуса награжденного лица; награжденное лицо после принятия награды приобретает комплект гарантий, которые должны соответствовать его повышенному статусу;

- меритократического: вознаграждение кандидата в соответствии с его достижениями, способностями, профессиональной компетентностью и квалификацией. Вознаграждение может выступать в форме социального ранга, положения в трудовой иерархии, высокого уровня доходов, общего признания и престижа. Такая идеологическая практика предоставляет всем индивидам равные и справедливые шансы достичь успеха в соответствии с их собственными достоинствами, под которыми обычно понимается соединение приложенных усилий и личных способностей индивида, культивируемых в процессе образования и получения квалификации [2];

- справедливости (социальной; этическая сторона утилитарности, согласно которой моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью, значимостью). Принцип справедливости означает, что наградное дело должно обеспечивать справедливое награждение всех отличившихся лиц и исключать награждение недостойных; придерживаясь этого принципа, социально-властная институция должна избегать крайностей: недостаточного и излишнего применения наград. Недостаток применения наград, в том числе отсутствия развитой наградной системы для поощрения различных подвигов и достижений, снижает уровень наградного воздействия на социальную группу и управленческий потенциал достигаемой мотивации, присущей отдельным категориям лиц. Излишек награждений влечет девальвацию наград, в результате – тот же эффект снижения наградного воздействия;

– адекватности стимулов (стимулирование согласно заслугам); обязательное установление количественных ограничений на определенные виды награждений путем установления общего предельного годового числа награжденных (наградная автономия (свобода));

– практической целесообразности (не всегда следует действовать по правилам, иногда приходится оперативно находить практическую меру);

– идеологического, когда вопреки личной выгоде и в силу полученного воспитания сотрудник осуществляет действия, необходимые для улучшения ситуации.

В идеале программы стимулирования должны меняться и корректироваться при возникновении кризисных ситуаций или в случаях реализации инновационных проектов, при выявлении неэффективности работы этих программ; естественная необходимость проведения мониторингов эффективности системы стимулирования возникает при реализации любой программы для оценки работы системы как таковой, практики управления и работы сотрудников [3].

На самом деле имидж успешной управленческой организации поддерживается любой ценой: промахи, ошибки и безнравственность поступков людей власти чиновниками и исполнителями власти замалчиваются, так как командно-административный стиль отношений руководителя и подчиненных проявляет свою жизнеспособность, диагностируя несостоятельность управленческих структур во многих отраслях.

Играя на слабостях и недостатках первых лиц, командует парадом не компетентный функционер, способный использовать образовательный и интеллектуальный потенциал без предвзятости и ярлыков, а государственный служащий бюрократического типа в объединении с настроенными на карьерные интересы специалистами, оказавшимися в управленческой сети (члены советов, коллегий, комиссий, подконтрольных исполнительным структурам). Утрачивая чувство меры, эти «специалисты» оформляют для себя звания, гранты, награды, должности.

В 1992 г. в нашей стране введено звание Героя России. Официальная статистика награждения нигде не публиковалась, поэтому среднестатистическому гражданину неизвестно, какое количество героев получили эту награду и за какие заслуги. На видеоконференции 9 апреля 2009 г. Президент Д.А. Медведев сказал: «С момента учреждения звания Героя России оно присвоено 826 гражданам» [4]. На тот момент в открытом доступе имелась несколько иная информация: на март 2007 г. произведено 876 присвоений звания Героя, из которых 408 – посмертно. Общее число награжденных (по состоянию на 15 декабря 2012 г.) составляет 1 002 человека, из них 459 награждены посмертно. Списки граждан, удостоенных этого высокого звания, официально не публикуются, а имеющиеся сведения весьма разрознены и противоречат друг другу. Награждения этой наградой высокопоставленных чиновников силовых структур и различных функционеров (например, бывшего директора ФСБ Николая Патрушева и др.) иногда вызывают негативную реакцию отдельных СМИ, которые считают, что это противоречит положению о звании, вызывая ассоциации с награждениями к юбилеям времён застоя и оскорбляя тех, кто получил награду заслуженно.

Использование наград, предназначенных для поощрения заслуг гражданских лиц, в современной России происходит также с нарушениями статута «о награде»: по рангу чиновника и присутствием «закрытости». Например, Орден «За заслуги перед Отечеством» вручался награждаемым без соблюдения порядка последовательности «от низшей степени к высшей».

Образцом такого нарушения является награждение губернатора Орловской области Е.С. Строева, который, вопреки правилам, сразу удостоен награды третьей степени, а затем второй, первой и четвертой [5].

После Указа Президента от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию наградной системы Российской Федерации» и «Методических рекомендаций Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам» можно проследить тенденцию увеличения количества поступающих на согласование наградных материалов (в рамках анализируемого периода) – на 183 наградных материала [6]:

Год	Количество наградных материалов (по Сибирскому федеральному округу)
2010	1 015
2011	1 198
Итого	2 213

Анализ представлений к государственным наградам по сферам деятельности [6] показал следующее распределение (2010–2011 гг.):

Сфера деятельности	Количество наградных материалов
Сотрудники территориальных органов федеральных органов исполнительной власти	523
Промышленность	479
Образование	457
Здравоохранение	154
Государственные служащие региональных органов власти	94
Муниципальные служащие	50

Кемеровская область отмечается как область, где доля представляемых к наградам руководителей не превышает 20%, что не противоречит принципам адекватности и статусно-иерархического соответствия заслугам.

Основываясь на материалах наградной комиссии Кемеровского государственного университета и архивной базе за 2007–2012 гг. для нашего анализа были выбраны следующие виды документальных источников: автоматизированная рейтинговая система (2011–2012 гг.); личные рейтинги профессорско-преподавательского состава (2007–2012 гг.); списки награжденных по различным мероприятиям; приказы, ходатайства, выписки наградной комиссии; положение о системе морального поощрения; сборники КемГУ по основным результатам работы (2008–2012 гг.). Затем на основании данных источников были выявлены проблематика декларативного характера в наградной деятельности, а также отсутствие четких количественных показателей. Мы видим нарушение принципа адекватности в процессах награждения: зачастую непонятно, за что именно вручены награды.

По результатам диагностики предпочтительных стимулов наиболее «популярными» и доступными видами поощрений являются грамоты и благодарственные письма КемГУ, сопровождающиеся разовыми денежными выплатами (премиями): 5 000 и 3 000 рублей соответственно, памятный знак «За заслуги КемГУ» с единовременной денежной выплатой в 10 000 рублей. Соотношение вида награды и заслуги формулируется не всегда четко, что вызывает вопрос о применении принципов вообще (происходит реализация выделенных квот по наградам при частичном отсутствии адекватного и справедливого подхода к самой идее награждения). Представления, ходатайства-рекомендации подаются в наградную комиссию КемГУ, ректору, председателю профкома КемГУ.

В хронологии наградных дел периодически отслеживается несоответствие последовательности в процессе оформления наград: вначале присутствует выписка комиссии с формулировкой «наградить», затем, спустя несколько месяцев, – «ходатайство о награждении». Практикуется также метод неоднократного награждения одних и тех же лиц в текущем году несколькими наградами разного уровня и статуса.

Мы убеждаемся, что система государственных наград в России носит незавершенный характер, проявляющийся в отсутствии полного перечня поступков, за совершение которых граждане могут быть представлены к ордену или иной награде. (Исключение составляет лишь орден «Родительская слава», учрежденный 13 мая 2008 г. [7].)

А пока пресса отслеживает очередной скандал, связанный с красноярскими чиновниками, наградившими себя медалью П.А. Столыпина: «Кто и когда учредил “медаль имени П.А. Столыпина”, неизвестно, в отличие от уже упомянутой официальной “медали Столыпина П.А.”, появившейся на свет по инициативе В.В. Путина в мае 2008 г. Просто на игре названий с тех пор играют многие из тех, кто любит тешить себя и других разного рода цацками» [8].

Из всего вышесказанного следует вывод, что игнорирование меритократических принципов в государственной наградной системе приводит к тому, что отбор кандидатов для награждения изначально опирается на несправедливые критерии, система дает сбой и теряет свою ценность и значимость для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый М. В России стало модно покупать себе ордена // Библиотека компромата. URL: http://www.compromat.ru/page_22474.htm (дата обращения: 02.04.2008).
2. Соколова М.Е., Тан К.П. Меритократия и элитизм в глобальном городе: идеологические сдвиги в Сингапуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 68–74.
3. Федотов А. Формирование политики стимулирования: проблемы, подходы, реализация // Нормирование и оплата труда на автомобильном транспорте. 2012. № 5. С. 23–27.
4. Алексеев П.И. Чиновники и политика // Юридический вестник. СПб., 1915. Кн. 10. С. 59–60.
5. Захаров А.В. «Реальный социализм» и «азиатский способ производства» // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 164–172.
6. О состоянии и мерах по совершенствованию наградной работы в Сибирском федеральном округе (доклад А.В. Дмитриева на расширенном заседании Совета по вопросам кадровой политики при полномочном представителе 31 мая 2012 г.).
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2008 г. № 775 «Об учреждении ордена «Родительская слава»» (с изменениями и дополнениями).
8. Павловский В. Мэрские побрякушки // Красноярский рабочий. URL: <http://www.krasrab.net/post/62675/merskie-pobryakushki/2013-01-15> (дата обращения: 15.01.2013, 17:43).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 октября 2013 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008-027.21

Д.В. Галкин

ДИСПОЗИЦИЯ ВЗГЛЯДА, ИЛИ ОПТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

*Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-13-70001
«Визуальная антропология: модели социокультурных коммуникаций».*

Рассматривается проблематика, которую в культурных исследованиях ассоциируют с визуальной антропологией. На примере творчества современных российских художников автор показывает, как искусство формирует оптику идентичности, помещая зрителя в определенную диспозицию взгляда. Основным материалом для статьи послужил выставочный проект «Соединенные Штаты Сибири» (2012–2013), в котором, по мнению автора, художники формируют оптику сибирской идентичности.

Ключевые слова: современное искусство; визуальная антропология; оптика идентичности; бедное искусство; поп-арт.

От наскальных росписей до «Черного квадрата», от античной миметической скульптуры до абстрактных инсталляций искусство всегда формировало ту диспозицию взгляда, благодаря которой складывалась оптика, задающая параметры культурной идентичности. Идет ли речь о визуализациях египетской «Книги мертвых» или православной иконы, о голливудском кинематографе или живописи русских передвижников, во всех случаях мы имеем дело не просто с образами, но с культурным позиционированием взгляда человека этой культуры. Художник приглашает нас не только познакомиться с образной и / или нарративной стороной произведения искусства. Он заманивает нас в точку, из которой правильно смотреть и в которой сходятся взгляд и смысл, художественный знак и культурное значение.

Этот эффект прекрасно показан, например, в исследованиях Маршала Маклюэна [1, 2], где он демонстрирует, что визуальные конвенции кино (художественного и документального) – смена плана, переход нарратива через смену кадра и прочее – «натуральны» только для западного человека, который привык к условности киноповествования. Для тех, кто смотрит кино впервые (допустим, бесписьменные племена), этот язык непонятен. В работах представителей критической теории мы также находим исследование данной проблематики на материале кинематографа. Вальтер Беньямин [3] обнаруживает формирование диспозиции взгляда в его «машинизации», фабрикуемой техническим аппаратом киносъемки. Г. Маркузе и М. Хоркхаймер (цит. по: [4]) анализируют эффект удвоения реальности благодаря «естественному» переходу образов с экрана кинозала в контекст повседневной жизни.

Что мы можем сказать о современном искусстве? Не пытается ли оно освободить нас от этого рабства навязанного взгляда? Не открывает ли оно нам новые горизонты и возможности эксперимента с разными оптиками и способами идентификации? Не выполняет ли оно благородную задачу спасения нас от оптики потребительской идентичности?

Мы рассмотрим этот вопрос на одном из ярких примеров в современном российском искусстве – выставочном проекте 2012–2013 гг. под названием «Соединенные Штаты Сибири». Проект подготовлен Сибирским цен-

тром современного искусства (Новосибирск) и Сибирским филиалом государственного центра современного искусства (Томск) (куратор – Вячеслав Мизин, арт-группа «Синие носы»). Далее мы будем использовать аббревиатуру названия выставки – СШС.

Как и полагается современному искусству, выставка «Соединенные Штаты Сибири» вызвала у критиков немало совершенно разноплановых прочтений и вопросов, чтобы их количеством измерить глубину и событийный масштаб проекта. Какое арт-событие удалось и не удалось В. Мизину как куратору? Провести очередной праздник на улице «русского бедного»? Изучить и открыть интересные грани сибирской идентичности? Познакомить мир с новым художественным феноменом – современным сибирским искусством и братством художников? Или заявить новую версию манифеста сибирского сепаратизма? Совершить протестную политическую выходку в до боли знакомом «антироссийском» духе? А может быть наоборот – СШС неожиданно предстала как апология русского патриотизма и шовинизма глазами сибиряков? Возможно, куратор просто изловчился выдать набор ироничных комиксов по мотивам поп-культуры за современный арт? С какой целью? Вполне продуманный региональный маркетинг средствами современного искусства. Отвлекаясь от циничного маркетинга, в собранных работах прочитывается ужасно благородный замысел психотерапевтического воздействия на публику, зобмируемую массовой культурой и политической пропагандой. Куратор задумал нас подлечить?

Разумеется, знакомство с выставкой скорее оставляет нас в вопрошательном недоумении, чем дает ответы и расставляет точки над *i*. Тем интереснее выглядит попытка распутать клубок вопросов и дискурсов, которыми озадачивают нас современные художники – обитатели мифической арт-республики Соединенные Штаты Сибири – и понять ту оптику сибирской идентичности, которую они предлагают.

Чистый взгляд, или На празднике «русского бедного»

В контексте современного искусства «Соединенные Штаты Сибири» можно расположить в одном ряду с

двумя другими историческими выставками – «Бедное искусство в пространстве» (1967, Гелю, куратор Ж. Челант) и «Русское бедное» (2008, Пермь, куратор М. Гельман). Их объединяют общие художественные мотивы: обращение к «бедным» средствам выражения (простые, обыденные, легко доступные материалы), протест против гламура и элитарности искусства – всего неприлично богатого. Один из героев выставки 1967 г. и arte rovera 1960–1970-х гг. (бедное искусство в итальянском оригинале) Яннис Кунеллис использовал в своих работах землю, огонь, животных, двери, мешки, оконные рамы и т.д. [5]. Валерий Кошляков – участник пермской выставки 2008 г. – создает свои работы из кусков картона, скотча и случайно найденного мусора, производя арт-на-выброс – недолговечный художественный трэш (один из образовательных проектов куратора СШС В. Мизина когда-то так и назывался – «Тяп-ляп-арт»).

«Бедное искусство» во всем его многообразии сложно назвать эстетической программой, объединяющей художников (особенно в случае «русского бедного»). Скорее, это общая интуиция, собирательная идея для эстетики современного искусства. Она отсылает нас и к ready made объектам Да-да, и к концептуализму, и к русскому авангарду начала XX в., и к советскому нон-конформизму, и к американскому поп-арту. Однако «бедное» – это, безусловно, претензия на особую оптику. Оптику чистого и простого взгляда, в которой концепт светится через незамутненность бедного материала.

СШС пронизана духом «русского бедного». И не только потому, что куратор проекта и его творчество как художника ассоциируются с этой эстетикой (достаточно вспомнить «Кухонный супрематизм» группы «Синие носы»). И, конечно, не только потому, что выставку активно продвигал «Культурный альянс» все того же Марата Гельмана. Просто многие работы, представленные на СШС, сильны и интересны именно этой эстетикой.

Все начинается с самого простого и тривиального, обыденного, подручного. Новосибирский художник Сергей Беспамятных, например, воспел мужество и величие политических лидеров, враждебных США, – Уго Чавеса, Саддама Хусейна, Хо Ши Мина и других – с помощью наклеенных на холст вырезок из газет и журналов (серия «Они сражались за Родину»). Олимпийские женские коньки Василия Слонова (из серии Welcome to Sochi 2014) отчасти цитируют работу Александра Бродского «ЦПКиО» (1997), представленную в Перми в 2008 г., и развивают – вместе со слоновскими топорами, украшенными олимпийскими (и не очень) символами и девизами, – дадаистские эксперименты ready made (рис. 1). Диспозиция взгляда начинается с простой и до боли знакомой вещи, обретающей неожиданный статус художественного знака.

В случае с топорами В. Слонов демонстрирует поразительную концептуальную силу arte rovera. Дело в том, что концептуализм разрешает художнику пренебречь традиционными выразительными средствами – кистью и красками, мрамором и бронзой и т.п. – в пользу чего угодно, что может послужить формой для художественного высказывания [6]. И вот реальная

серия из двух десятков топоров включается в символическую игру вокруг Олимпиады в Сочи: топор как символ силы и бунта (пусть и мирно воткнутый в доску), как символ созидательного труда, как символ российской патриархальности, примитивности и антисимвол модернизации. В довершение В. Слонов специально иронично пригламуривает свои топоры с помощью олимпийской символики и лозунгов, превращая их в гордый глянец национальных образов торжества спортивных побед. Тем самым он одновременно утверждает «бедное» в противовес богатому и гламурному и развенчивает порожний гляцевый блеск зажиточной элитной культуры.

Константин Еременко обошелся без арт-объектов в духе ready made. Но его живописные комиксы бедны по-своему. Он использует аэрографию – инструмент уличного околохудожественного хулиганства и автомастерских, где предлагают графический тюнинг автомобилей для хозяев с эстетическими претензиями. В работах Еременко открывается еще одна сторона «бедного» – бедность как онтология и иллюзия существования. Пытаясь разогнать тоску провинциального величия родного Новосибирска, художник показывает бедность жизни без мифа и смысла. Лучше находиться в любой иллюзии, подобно истории о концерте группы «Королева» на стройке метрополитена или эвакуации в сибирский город кумиров советской детворы – Хрюши и Степашки (рис. 2), чем жить в бессмысленной пустоте огромного географического пространства Сибири.

Рис. 1. В. Слонов из цикла «Welcome to Sochi 2014»

Рис. 2. К. Еременко «Хрюша и Степашка в эвакуации. Новосибирск. 1942»

«Бедное» как концепт присутствует и у Василия Слонова. Но в совершенно ином значении, близком тому, что стало символом творчество еще одного героя выставки в Перми – Николая Полисского. «Бедное» есть простое, природное и настоящее – как топор и обрабатываемый им материал. В «бедном» отражается и присутствует что-то русское, естественное, настоящее – простое и великое, грубое и убогое, распадающееся и выживающее, искреннее и лживое. Бедность не как постыдное, но как особенное бытие, полное мужества и трагического антипафоса. В результате оптика «бедных» вещей превращается в диспозицию взгляды в новые смыслы. Следующий шаг – идентификация с диспозицией.

Сибирский поп-арт

Эстетика «бедного» близка философии поп-арта. Неслучайно заглавная работа СШС, которая называется «Соединенные Штаты Сибири» и выполнена автором – омским художником Дамиром Муратовым в виде снежно-полосатого флага сибирского острова свободы (рис. 3), цитирует важнейшую работу поп-арта – «Флаг» Джаспера Джонса. Джонс блестяще деконструирует структуру художественного знака, показывая проблематичность различия между полотном с цветными полосами и звездами и государственным символом – звездно-полосатым флагом США [7]. Остается совершенно непонятно, где проходит граница знака? Муратов развивает этот метод, показывая проблематичность различий между снежинками и полосами и символом (не)существующей(?) республики (или острова свободы, как он позже ее назовет).

Рис. 3. Д. Муратов «Флаг Соединенных Штатов Сибири»

«Бедное» и поп-арт, безусловно, сближает не только антиэстетика в смысле отрицания доминирующей идеи красоты и гармонии в искусстве, но и критический настрой относительно элитной и массовой культуры. Поп-арт 1960-х гг. в США стал критикой общества массового потребления и демонстрацией той безысходности для искусства, которая возникает в мире, где все растворяется в товарно-денежных отношениях. Высокое и низкое неизбежно меняются местами, поскольку высокое становится товаром, а товар и деньги – главной ценно-

стью. Поэтому образы поп-арта в творчестве Р. Лихтенштейна, Э. Уорхола, Т. Вессельмана, Дж. Джонса эксплуатируют «низкие» жанры и объекты – рекламные плакаты и фотографии, комиксы, потребительские товары, газеты и пр. Известная тактика – позаимствовать у противника его же средства и обернуть против него [8]. Эту игру по своему продолжают художники из СШС.

Дамир Муратов и Василий Слонов воспользовались – совершенно в духе Энди Уорхола – форматом рекламного плаката и серийной развеской в нескольких рядах (ведь навязчивое повторение – основа рекламного воздействия). То, что получилось в итоге, уже и ни плакат, и ни живопись, а тот самый искомый провокационный художественный жест, вокруг которого выстраивается логика современного искусства. Слонов приглашает на Олимпиаду и как бы рекламирует исключительный российский социально-политический колорит спортивного мегасобытия. Муратов «продает» под брендом «Че» политиков, писателей, поэтов и героев мультфильмов.

Комикс стал жанровой основой работ Николая Копейкина и Константина Еременко. Копейкин (наверное, самый не сибирский художник из всего братства СШС, поскольку давно живет и работает в Санкт-Петербурге) представил умильный, сентиментальный и ироничный «сериял» о слоне, привезенном для императора Петра I в Россию в начале XVIII в. История о том, что император не раз пытался доставить диковенное животное в Петербург и в конечном итоге добился своего (получил слона в подарок от шаха Хуссейна), находит немало подтверждений. Неизвестно только, что стало с этим животным. Николай Копейкин берется вернуть жизнь явно недооцененному сюжету из русской истории, пытаясь представить, как сложилась бы судьба первого русского слона. Вот он сидит под березкой на берегу реки и грустит о родине. А вот он пьет «горькую» с матросами. И тут же его потомки в качестве сантехников пришли к человеку, внешне очень похожему на Корнея Чуковского: «Кто говорит? Слон!» Неужели забытая страница русской истории наконец-то возвращена публике?

Одна из центральных тем поп-арта – смешение реальности и образов массовой культуры. Благодаря постоянному облучению средствами массовой информации, рекламе и потребительскому изобилию, современный человек оказывается в мире, где граница между реальностью материального мира и мира образов с телеэкрана стирается. Если реальности больше не существует либо ее крайне проблематично найти, то теряет свой смысл – уже не в первый раз в истории – и реализм в искусстве. Сибирские поп-художники, конечно, не могли обойти эту тему.

Дамир Муратов в серии работ «Если бы они родились в Сибири» (рис. 4) обыграл в духе соцреализма альтернативные биографии поп-звезд. Элвис Пресли, конечно же, стал бы гармонистом – любимцем сельских красавиц. А Майкл Джексон подался бы в пастухи. В мифологии арт-республики «Соединенные штаты Сибири» простота сельской жизни и бескрайние сибирские просторы вполне органично и гостеприимно размещают альтернативные биографии далеких западных кумиров. Что это? Тоска в сибирской бескрайней

глубинке о недостижимых поп-идолах? Низвержение ложных кумиров и возвращение их на бrenную землю? Или предложение им убежища в мире «бедного» и настоящего для тех, кто утратил собственную реальность и потерял себя в медийной среде?

Рис 4. Д. Муратов из цикла «Если бы они родились в Сибири»

Николай Копейкин развивает эту тему по-своему. На «эпическом полотне» «Война Миров», в котором иронично цитируются и великие батальные полотна классической живописи, и коллективные портреты России И. Глазунова, он изобразил битву героев российских (советских) и американских мультфильмов. В схватке сошлись Шрек и Крокодил Гена, Микки Маус и Чебурашка, Кот Том и волк из «Ну, погоди!». В обеих армиях еще много бойцов. Исход сражения неизвестен. Однако не это важно. Куда важнее еще один содержательный лейтмотив творчества художника из братства СШС.

Оптика и политика сибирской идентичности

Обсуждая современное искусство, принято говорить о том, что художник что-то исследует, ищет ответ на какой-то вопрос или пытается этот вопрос поставить в наиболее ясном и точном виде. Что исследуют художники из братства СШС? Мы могли бы ответить так: они исследуют современную мифологию Сибири, проводя эксперимент по ее конструированию.

Первая часть эксперимента посвящена Америке – настоящим Соединенным Штатам. США становится для художников отправной точкой, но никак не конечным пунктом. Муратов заимствует у американцев флаг и заселяет Сибирь звездными мигрантами («Если бы они родились в Сибири»). Слонов лихо разделяется с «пагубным влиянием Запада», размещая на сибирском стальном кокошнике новый символ сибирского могущества – медведь, повергающий Микки Мауса в половом акте. Копейкин собирает американских поп-героев из мультфильмов в армию и бросает против победоносной армии «наших» мультяшных бойцов. Сергей Беспамятных воспекает славу всех тех «великих политических лидеров», кто открыто противостоял США, – Хо Ши Мина, Саддама Хусейна, Уго Чавеса и других – на доске (стене, аллее) славы.

Вторая часть эксперимента по изучению и конструированию мифологии СШС посвящена истории. Мало

кто знает, что скучный (хотя и очевидно справедливый) патриотический лозунг о прирастании могущества России Сибирью – не самый лестный и интересный миф о сибирской земле в составе России. Само словосочетание «Сибирские Соединенные Штаты» художники явно позаимствовали из политической истории и движения сибирских сепаратистов (так называемое сибирское областничество), которые, по сути, добились признания колониального статуса Сибири, боролись за самоопределение ее коренных народов и выступали за ее отделение от России, собираясь создать некое подобие Соединенных Штатов Америки.

В самом деле, существует ли позитивный, привлекательный, интересный миф о Сибири, кроме образа гигантских просторов безлюдной глуши, суровых и застрявших в неизвестном прошлом сибиряков, или бездонного сырьевого придатка Московского царства? Неужели именно с таким ощущением живут обитатели этой огромной территории?

Сибирское областничество в XIX в. пыталось создать утопическое видение будущего сибирского края, который на Западе традиционно воспринимают отдельно от большой России. Современные сибирские художники создают утопическую арт-республику «Соединенные Штаты Сибири» – автопортрет Сибири как утопической земли (Муратов) – и пытаются таким путем понять / сфабриковать мифологию современной Сибири. И дело здесь не в самих работах, а в том, какой взгляд, какую оптику, какое состояние и ощущение себя эти работы должны спровоцировать / сформировать у зрителя.

У Василия Слонова мы находим диспозицию сибирского взгляда, сочетающего немного злобный юмор, грубоватую иронию и брутальную насмешку, глобальное недоверие официальным символам и любому официозу – взгляд недоверчивый, быстро и весело раскусывающий любое двуличие и выпендраж. Взгляд, бросающий юморной вызов приморскому краснодарскому гламуру «Сочи-2014» из простоты и дремучести красноярской избу.

Константин Еременко стилизовал свою аэрографию под старые фотографии и, глумясь над силой этого «документа» в «истории» Новосибирска, издевается над тоской по большому поп-культурному мифу о Сибири, на ходу фабрикуя его. С позиции его иронично-оптимистического взгляда в Сибири возможно все – остается запустить творческую машину придумывания новых мифов, а потом весело и немного злобно – этак по-слоновски! – развенчать весь этот бред. Похожим образом разыгрывает ощущение культовости древней сибирской земли в своих работах Сергей Беспамятных.

Участник арт-группы «Синие носы» решили на этот раз воспарить на уровень масштабных обобщений, вероятно, пытаясь достичь сибирского философского взгляда, и представили сибирский край в качестве поля битвы старого и нового, остатков былинно-богатырской Руси (в образе богатыря) и современной России на роковом пути модернизации (в образе суприматических объектов Малевича). От исхода этой битвы в Сибири (в технопарках, академгородках, университетах, церквях и т.д.) будет зависеть будущее 1/6 части суши.

Таким образом, по версии резидентов арт-республики «Соединенные Штаты Сибири», современная сибирская идентичность есть сплав особого грубовато-юмористического, мрачно-веселого взгляда на жизнь, агрессивного-жизнерадостного размежевания с доминированием американской поп-культуры, дистанцирования от попсового национального гламура и официоза, переоткрытие сибирского как бедного в качестве культурного концепта, предполагающего, в частности, значительную дистанцию по отношению к национальной культурности в любой ее версии. Именно в эту оптику заманивают нас современные сибирские художники.

Мифическая арт-республика СШС сама по себе является объектом современного искусства, «зависающим в сознании», пространстве и времени (даже несмотря на то, что ее резиденция была временно обустроена под Новосибирском). Ее основатели – не менее мифическое художественное братство – приглашают нас в мир провокационных вопросов, изучения и распаковки культурных символов, бесконечного цитирования художественной традиции, поп-культуры и политики. Преодолевая границы географические – ведь некая единая Сибирь тоже является не более чем мифо-географией, – адепты современного сибирского искусства начинают работу с границами концептов, стереотипов, символов и образов (как это делает в своих «олимпийских» постерах Слонов, психоаналитически деконструируя социально-политический контекст Олимпиады с помощью графических символов). Именно такова стратегия современного искусства как «фабрики смыслов» – проверять на прочность границы норм, ценностей, концептов и символов. Но на кого работает эта фабрика? Ведь вопрос об идентичности – всегда вопрос политический.

Действительно, «русское бедное» с самого начала было не просто эстетическим концептом, а одним из

центральных элементов культурного брендинга пермского края (вопрос, насколько удачным был этот проект, мы оставим в стороне). Программа «Культурного альянса» Марата Гельмана, в рамках которой СШС обрела российскую и международную известность, также во многом ориентирована на мобилизацию региональных культурных ресурсов в коммерческих и политических целях (другой вопрос, насколько она оказалась жизнеспособной). Выставочный проект «Соединенные Штаты Сибири» тем временем постепенно превращается в региональный бренд современного искусства Сибири и бренд нескольких организаций – Сибирского центра современного искусства (Новосибирск), Фонда поддержки современного искусства «Сибирь» и Сибирского филиала государственного центра современного искусства (Томск). Кто из сибирских географических, административных или коммерческих субъектов решит продвигать этот бренд дальше?

Можно только предполагать. В любом случае, политический и маркетинговый цинизм есть еще одна проверка на прочность и состоятельность кураторского почина СШС – яркого, актуального, многослойного, резонансного, немного пьяного, отвязного и брутального.

В заключение хотелось бы вернуться к вопросу, поставленному в начале нашей статьи. Как видно из предложенного анализа, современные художники ловко и непринужденно обращаются с оптикой идентичности через конструирование диспозиции взгляда. С одной стороны, они действительно стремятся разрушить, деконструировать навязчивые диспозиции поп-культуры, предлагая иронично и весело проблематизировать их. С другой стороны, они приглашают попробовать другую диспозицию – их версию сибирской идентичности. В итоге нас пытаются сделать приверженцами регионального культурного маркетинга – т.е. возвращают туда, откуда пытались спасти – в оптику потребителя, но на этот раз куда более искушенного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центар, 2003.
2. Маклюэн М. О понимании медиа: эссе о продолжении человека. М., 2003.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медиум, 1966.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997.
5. Christov-Bakargiev C. Arte Povera (Themes and Movements). L. : Phaidon Press, 2005.
6. Osborne P. Conceptual Art (Themes and Movements). L. : Phaidon Press, 2011 (Reprinted edition).
7. Henry Madoff S. Pop Art: A Critical History. Documents of Twentieth-Century Art. University of California Press (Second Edition edition), 1997.
8. Дебор Г. Общество спектакля. М. : Логос, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 октября 2013 г.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИЗАЙНА

В индустриальную эпоху символом времени было развитие промышленного производства, а сегодня, в эпоху информатизации, ценным становится интеллектуальный труд, направленный на производство или переработку информации. В соответствии с этим в индустриальном обществе дизайнеры трудились над созданием художественно-образной выразительности предметно-пространственной среды, а в информационно-сетевом обществе на пике актуальности находится работа с информацией в цифровой или виртуально-медийной среде. В промышленную эпоху лидером проектной культуры был промышленный дизайн, а с наступлением эры информации позиции фронтмена достались графическому дизайну. Новизна предлагаемого исследования состоит в анализе междисциплинарных оснований дизайна как феномена культуры в условиях индустриального общества и информационно- сетевого общества. Междисциплинарные основания дизайна строятся на основе мышления дизайнера, включающего в себя коллаборацию компонентов образности, системности, инновационности. Вместе с историческим развитием дизайна расширяется количество дисциплин, которые необходимо освоить дизайнеру в процессе дизайн-образования. Фундаментом междисциплинарности в дизайне является кооперация креативного и технического начал в мышлении и проектировании, подкрепленная компетенциями в области гуманитарных и прикладных наук, диапазон и направление которых определяются конкретным проектом.

Ключевые слова: междисциплинарность; промышленный дизайн; графический дизайн; профессиональная подготовка; индустриальное общество; информационно-сетевое общество; техника; культура.

Дизайн как феномен культуры подвержен непрерывным трансформациям, он нестабилен, не завершен и принципиально не допускает однозначного определения. С развитием техники и технологий, с переменами, моделирующими новый образ социокультурной жизни, происходят расширение, углубление, изменение понимания дизайна. Дизайн как феномен культуры зависим от времени, от той эпохи, в которой он функционирует, существует. Запросы времени, потребности общества определяют передовые задачи, стоящие перед дизайном.

Сегодняшние изменения в социокультурных процессах свидетельствуют о формировании новой парадигмы, обусловленной перерастанием индустриального общества в общество информационно-сетевое. В связи с развитием науки и техники, с постепенным переходом господства от машинного производства к производству информации, от рыночной экономики к информационной экономике, от культуры индустриального общества к культуре сетевого общества меняются проблемы, сопровождающие бытие человечества.

Парадигмальный сдвиг не только влечет за собой трансформации общего социокультурного характера, но и взрывает сложившиеся дороги, по которым шло развитие конкретных культурных или общественных явлений. В области художественного проектирования происходит смещение первоначальных целей и задач в иные координатные плоскости, актуализирующие, усиливающие междисциплинарные связи.

Дизайн является сложной многомерной открытой системой, стремящейся к постоянным модификациям. В этой связи огромную важность приобретает задача выявления тенденций развития современного дизайна, его оснований, а также требований к профессиональной подготовке дизайнера. Дизайн – феномен сложный и многогранный, и разные исследователи обращаются к различным аспектам этого феномена.

Основные понятия дизайна, его становление и развитие среди других видов проектно-художественной деятельности рассматривают С.М. Михайлов и Л.М. Кулеева [1]. Здесь идет речь об особенностях конструирования, эргономики, функциональном анализе и колористике в дизайне, специфике проектно-художественного языка дизайнера, стадиях дизайн-проекта.

В.Ф. Рунге и В.В. Сеньковский [2] исследуют специфику дизайна как самобытного вида проектной деятельности, сформировавшейся в двадцатом веке. В ретроспективном аспекте обозреваются зарождение, становление и эволюция концепций дизайна в общемировом контексте и в нашей стране. В методологическом аспекте излагаются цели и средства дизайн-проектирования в общем плане и на конкретных примерах. Акцентируется внимание на эргономической значимости проектирования, а также на рассмотрении дизайна как объекта промышленной собственности.

Современные подходы к осмыслению феномена проектной культуры рассматривает Т.В. Пойдина [3]. Опираясь на культурологические концепции современных ученых, можно выявить основные свойства проектной культуры и обосновать культурологический фундамент, лежащий в основе дизайн-образования.

Методологические основы дизайн-исследования рассматривает Р.Ю. Овчинникова [4], утверждая, что все циклы дизайн-проектирования в области графического дизайна основаны на исследованиях, позволяющих создавать новые дизайн-объекты и новые знания.

Проблемы, связанные с педагогикой дизайна, рассматривает Я.А. Лугина [5]. Становление дизайн-образования в начале XX в. в Германии и СССР опиралось на системы обучения Баухауса и ВХУТЕМАСа. Переосмысление педагогического наследия этих школ дизайна необходимо для внедрения их опыта в современную дизайнерскую образовательную систему.

Инновации и проблемы дизайн-образования в контексте общекультурных ценностей анализирует Е.В. Гончарова [6]. Дизайн-образование является почвой, подпитывающей жизнь материальной и духовной культуры. Для этого важно в русле современных тенденций развитие профессиональных навыков у студентов-дизайнеров.

Профессиональную подготовку дизайнеров в контексте эволюции проектирования рассматривают Е.Н. Ковешникова и Н.А. Ковешникова [7]. Исследователи выявляют предпосылки зарождения, основные этапы становления и обозначают перспективы развития

дизайн-образования, затрагивая организационные, методические, научно-педагогические аспекты. Круг профессиональных задач в области современного дизайна неуклонно расширяется, требуя пересмотра целей и содержания образовательного процесса дизайнерских направлений в высшей школе.

Анализ исследовательской литературы позволяет сделать вывод о том, что дизайн рассматривали как проектно-художественную деятельность, исследовательскую деятельность, а также ряд ученых разрабатывают вопросы педагогики дизайна. Однако исследований, направленных на выявление междисциплинарных оснований дизайна, ранее не проводилось.

Цель настоящей статьи заключается в попытке обозначить междисциплинарные основания дизайна. Интерес к поиску междисциплинарных оснований дизайна обусловлен особенностями решения дизайн-задач, а также тенденциями к интегративному характеру современного научного познания и современного образования.

Научное познание и профессиональное образование исторически развивались на основе дисциплинарной разделенности, узкопрофессиональной специализации. Со временем появились противоположные процессы – процессы интеграции, актуализирующие проблему междисциплинарности [8, 9].

Существует множество интерпретаций понятия «междисциплинарность». Однако для раскрытия проблематики настоящей статьи наиболее уместным является определение, утверждающее, что междисциплинарность – это *сотрудничество двух или более академических, научных, художественных дисциплин; предметных областей, профессий, технологий* [10, 11]. Такое сотрудничество подразумевает комплексное, всестороннее исследование предмета [9].

Предметом в данном случае является конкретная дизайн-задача, каждый раз индивидуальная и неповторимая. Для решения дизайн-задачи невозможно обойтись без междисциплинарного подхода в мышлении и в деятельности, который предполагает взаимосвязанные знания из разных предметных областей и разных дисциплин, умение комбинировать новейшие теоретические и практические достижения человечества, подходы и методы исследования, передовые технологии и материалы, необходимые для производства продукта или реализации услуги. Междисциплинарный подход необходим для того, чтобы собрать из взаимосвязанных элементов цельную картину, которая и станет решением дизайн-задачи.

Профессия дизайнера очень динамичная, потому что в каждом новом проекте поднимаются уникальные темы и задачи, потому что постоянно меняются инструменты работы, формы конечного продукта и те обязанности, с которыми сталкивается дизайнер.

Для того чтобы понять суть и специфику изменений в проблемах и проектных задачах, стоящих перед дизайном сегодня, можно обозначить ключевые элементы дизайн-задач, требующих от дизайнеров решения в прошлом, во времена возникновения дизайна, и на современном этапе эволюции дизайна. Дизайн как феномен культуры тесно связан со сферой техники и технологий.

Промышленная революция, случившаяся на рубеже XIX–XX вв., привела к возникновению массового производства товаров. С точки зрения экономической эффективности машинное производство, где за определенное время можно создать больше продуктов, чем при использовании ремесленного труда, было, несомненно, технологическим прорывом. Но эстетическое содержание продуктов, созданных машинным способом, на первых этапах развития массового производства оказалось неудовлетворительным. В качестве прототипов для массовых товаров производители брали образцы, созданные вручную, поэтому любые мелкие огрехи в состоянии размноженных копий выглядели как очевидные дефекты. Подобные обстоятельства можно было встретить на промышленных выставках, обозначавших и презентующих последние достижения в области промышленного производства. С появлением перепроизводства и конкуренции стала актуализироваться потребность в более тщательной проработке эстетических компонентов промышленных изделий. За функциональность отвечали инженеры, а за эстетику стали отвечать художники (сегодня такие специалисты именуются дизайнерами). Таким образом, начала формироваться профессия дизайнера, в чьи обязанности входили продумывание и проектирование внешнего вида товаров, которые можно запускать в массовое производство. Продумывание и проектирование базировались на дизайнерском мышлении, направленном на поиск и выбор наиболее эффективного и необычного, интересного решения поставленной задачи среди множества возможных вариаций. Здесь пригодились знания пропедевтики, эргономики, конструирования, инженерной психологии, умение пользоваться приемами комбинаторики, понимание основ проектирования и пластического моделирования, навыки работы с современными материалами и технологиями.

Для создания готового продукта инженеры работали в сотрудничестве с дизайнерами, но для реализации продукции необходимо было подключение специалистов из других областей. К дизайнерской среде присоединились гуманитарии: антропологи, психологи, специалисты по продвижению и рекламе. Дизайн начинает существовать в междисциплинарной природе.

В индустриальное время промышленный дизайн стал лидером проектной культуры и, находясь на самой вершине разных видов и форм проектно-творческой деятельности, формировал теоретические и методологические базы в дизайне. «Лидерство индустриального дизайна не обсуждалось, а подразумевалось. Все остальные разновидности и направления дизайнерской деятельности нуждались в специальных оговорках, промышленный дизайн был синонимом дизайна вообще. Можно сказать, он был дизайном с большой буквы» [12].

Эра информационных технологий, окрепшая к рубежу XX–XXI вв., затмила эпоху индустриализации и несет в себе иную картину мира, иные системы ценностей, иные практики, иные способы решения задач. Культурная роль лидера, определяющего развитие разнообразных форм и видов художественного проектирования, переходит от промышленного дизайна, символизирующего индустриальное производство, к гра-

фическому дизайну, для которого характерно оперирование информацией через целостные знаково-образные структуры. Корни графического дизайна кроются в двух его крупных направлениях: печатной продукции (книги, журналы, газеты) и брендинге (фирменные стили, визуальные коммуникации, сувенирная продукция). С появлением компьютерной техники графический дизайн стал осваивать новое пространство цифровой среды с ее широкими, постоянно развивающимися возможностями.

Настольные издательские системы, появившиеся в 1980-е гг., упростили процесс создания полиграфической продукции, установив в качестве базовой технической комплектации необходимость наличия персонального компьютера и печатающего устройства. Для полноценного функционирования издательства такого типа достаточно сформировать штат из двух сотрудников: редактора (он же директор) и дизайнера (он же верстальщик и печатник). В этот период должность дизайнера часто стали занимать люди, разбирающиеся в компьютерных технологиях, но не имеющие художественного образования. Изделия, выполненные в условиях настольных типографий некомпетентными сотрудниками, обладают низким уровнем художественно-образной выразительности. Это значит, что актуализировалась «потребность в квалифицированных специалистах междисциплинарного профиля, имеющих фундаментальное образование в сфере дизайна, компьютерных технологий и аналитической переработки информации, способных к активному творчеству и адаптации в меняющихся условиях, к освоению новых знаний и технологий» [13. С. 6].

Тотальное оснащение различных сфер материального производства, а также непроизводственных сфер деятельности человека цифровой техникой, развитие устройств и технологий, активное распространение Интернета, увеличение точек свободного доступа (free wi-fi), возможности беспроводного подключения к глобальной сети стимулируют рост коммуникаций и информационных потоков, проходящих через дигитальный мир, включают все больше людей в процесс взаимодействия с цифровыми системами. В последнее время происходит необычайное увеличение количества не только текстовой информации, но и информации, требующей синестетического восприятия в единстве текстовых, визуальных и аудиальных сообщений. Кроме того, компьютерные технологии подразумевают интерактив, т.е. взаимодействие человека с информацией или другими людьми посредством технических устройств. Подобные изобретения – настоящий вызов профессиональной компетентности дизайнера.

Область профессиональной деятельности дизайнера в индустриальном обществе заключается в творческой работе, направленной на создание эстетически выразительной предметно-пространственной среды. В информационно-сетевом обществе передовые дизайнеры работают в виртуальной, цифровой среде.

Объектами профессиональной деятельности в индустриальном обществе являются целостные комплексы предметно-пространственной среды: интерьеры, транспорт, техника и оборудование, товары народного потребления. В информационно-сетевом обществе объек-

тами дизайн-деятельности являются мультимедийные информационные ресурсы, например цифровые книги или журналы, веб-сайты или порталы, а также различные приложения, например компьютерные игры или программы для разработки.

С развитием компьютерных технологий в сфере профессиональной деятельности дизайнера наблюдается постоянное расширение выполняемых им функций, ограниченных целью и задачами решаемого проекта. Сбор материала, арт-дирекшн, формирование концепции, образное мышление, фотография, иллюстрация, верстка, допечатная подготовка, прототипирование – вот краткий перечень основных компетенций. Нередко дизайнер вынужден балансировать на грани эстетики и эргономики, менеджмента и психологии, философии и права, отточенно технично справляться с логической средой программных продуктов, позволяющих придать «вкусную» форму тем креативным концепциям, которые дизайнер придумал в самом начале работы над проектом, оценил как перспективные и согласовал с заказчиком. Однако такое происходит не всегда. В студиях (в зависимости от профессионализма и количества сотрудников, работающих в штате или на фрилансе) существует разделение труда, и многие из вышеперечисленных обязанностей выполняют разные люди. Более того, концепцию иногда формулирует сам заказчик, но это не означает, что в процессе сотрудничества с дизайнером (или студией) не может произойти уточнений или даже кардинальных изменений в выбранном курсе. Сегодня существует альтернатива одновременно фрилансу и студиям – платформы, где заказчик создает питч, а дизайнеры со всего мира предлагают варианты решений. Привлекательность таких сервисов заключается в том, что модераторы упрощают процесс взаимодействия заказчика и дизайнера.

Информационное общество диктует дизайну новые условия: для решения сложных комплексных проектных задач необходимо сотрудничество интеллектуальных, организационных, информационных и технических ресурсов. Творческие задачи, стоящие перед дизайнером, требуют профессионального мышления, способного компилировать образность, системность, инновационность. Процесс дизайн-образования направлен на развитие нестандартного мышления, креативности, многогранного подхода к решению поставленных задач. Важным критерием профессионализма дизайнера является свободное владение компьютерными программами.

Дизайн как феномен современной культуры не способен существовать в качестве замкнутого явления; именно своевременный выход за институциональные и структурные ограничения, пересечение пределов дизайнерских направлений, школ и даже стилевых парадигм позволяют дизайну дышать и двигаться [14].

Подводя итоги, эволюцию дизайна можно рассматривать в тесной связи с социально-культурной ситуацией и достижениями науки и техники. Мы придерживаемся мнения, что дизайн появился в индустриальную эру с возникновением бума промышленного производства, когда случилось разделение, разграничение замысла и исполнения. Дизайн в это время был индустриальным, направленным на проектирование изде-

лий, которые можно производить в массовых, промышленных масштабах. Промышленный дизайн предполагал инженерную направленность, и в основе подготовки дизайнера лежало инженерное образование. Со временем выявилась «гуманитарная недостаточность» профессии, необходимость понимания таких наук, как философия, психология, культурология, и в дизайнерскую среду были привлечены люди с гуманитарным складом ума: антропологи, когнитивные психологи, культурологи, этнографы. Дизайн представляет собой результат профессиональной работы специалистов из самых разных областей, и междисциплинарность становится отличительным атрибутом дизайна [15].

Серьезные изменения в требованиях к дизайнеру и дизайну происходят в постиндустриальной среде. Запросам информационно-сетевого общества как нельзя лучше соответствует графический дизайн, для которого характерно оперирование информацией на семиотическом, знаковом уровне. Компьютерные технологии, получившие активное развитие и широкое распространение в последние десятилетия, усиливают качества легкости, мобильности и технологической свободы дизайна [16]. Графический дизайн сегодня является средой, где поднимаются пластические и концептуальные проблемы, оказывающие влияние на стилеобразование в других областях визуальной и проектной культуры, весьма различной по выразительному языку, содержательному наполнению и жизненной роли. Разнообразные виды дизайнерской деятельности приобретают все более заметную визуально-графическую и образно-знаковую природу. Промышленный дизайн, средовой дизайн, фэшн и все остальные виды проектного

творчества подпитываются у графического дизайнера как у источника, а он в свою очередь становится культурно-стилевым лидером среди актуальных практик художественного проектирования, доминантой в развитии визуальной культуры современного общества [12]. Информационно-сетевая эпоха подразумевает свободное владение дизайнером информационными технологиями. Междисциплинарный характер дизайнерского знания обогащается и усиливается за счет большого блока дисциплин, связанных с информатикой и программированием. Новый блок междисциплин, обогатив дизайн, вывел графический дизайн в лидеры среди других видов проектных практик. Работа с предметно-пространственной средой уступает место плоским экранам, за которыми создаются и существуют, развиваются и даже конструируют физическую реальность виртуальные миры.

Итак, необходимость интеграции профессионального мышления дизайнера, включающего в себя образность, системность, инновационность, с новейшими технико-технологическими возможностями служит фундаментом для решения дизайн-задач. Кроме того, в процесс дизайн-исследований, в процесс поиска решений, а также для реализации дизайн-проекта включаются специалисты из различных областей знаний, смежных с областью дизайна, а порой и никак не связанных, на первый взгляд, с дизайном, но необходимых для успешного функционирования конкретного проекта, независимо от того, о каком направлении дизайна идет речь, будь то промышленный, графический или любое другое направление дизайна. Вышеперечисленные аспекты служат свидетельством наличия междисциплинарных оснований в дизайне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов С.М., Кулеева Л.М. Основы дизайна : учеб. Казань : Новое Знание, 1999. 240 с.
2. Рунге В.Ф., Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна : учеб. пособие (конспект лекций). М. : МЗ-Пресс, 2003. 252 с.
3. Пойдина Т.В. Проектная культура: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5. С. 10–13.
4. Овчинникова Р.Ю. Методологические основы дизайн-исследования // Омский научный вестник. 2013. № 1–115. С. 205–208.
5. Лугина Я.А. К вопросу истории становления и развития дизайн-образования // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 136–139.
6. Гончарова Е.В. Инновации и проблемы дизайн-образования в контексте общекультурных ценностей // Омский научный вестник. 2013. № 1–115. С. 223–225.
7. Ковешникова Е.Н., Ковешникова Н.А. Дизайн-образование в контексте эволюции проектирования // Уч. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 247–253.
8. Петрова Г.И. Междисциплинарность университетского образования как современная форма его фундаментальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 7–13.
9. Книгин А.Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 14–20.
10. Междисциплинарность : бесплатный словарь. URL: <http://www.thefreedictionary.com/Interdisciplinarity> (дата обращения: 07.05.2012).
11. Междисциплинарность // Компания Британской энциклопедии. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/interdisciplinarity> (дата обращения: 07.05.2012).
12. Серов С.И. Графический дизайн // Научно-творческая конференция: Инновационный потенциал дизайна. М., 15.09.2010. URL: <http://www.ipdesign.org/sekcia2.php> (дата обращения: 05.05.2012).
13. Розенсон И.А. Основы теории дизайна : учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2006. 224 с.
14. Блуждающий дизайн // Павел Родькин: Визуальные коммуникации. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2011/floatdesign.html> (дата обращения: 10.05.2012).
15. Исследования в дизайне: как не запутаться в двух соснах (ч. 2) // Екатерина Храмова, футуродизайнер, генеральный директор агентства Lumiknows. 20.07.2011. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/design-radar/129559-issledovaniya-v-dizayne-kak-ne-zaputatsya-v-dvuh-sosnah-chast-2> (дата обращения: 10.05.2012).
16. Серов С.И. Графический дизайн рулит и в фэшн // Живой Журнал. 09.04.2011. URL: <http://sergeserov.livejournal.com/307566.html> (дата обращения: 05.05.2012).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 29 октября 2013 г.

МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА (НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНО-АРХИТЕКТУРНОГО ЦИКЛА ХРАМОВ г. БАРНАУЛА)

Представлен новый подход к интерпретации внутреннего пространства культового сооружения. Автор, опираясь на известную универсальность музыкально-звуковых характеристик и закономерностей, аргументирует их наличие в организации внутреннего пространства центрического и нецентрического храмов. Временные параметры, содержащиеся в моделях «пути» и «места», придают статике архитектуры динамичность и одновременно приближают ее к временному аналогу искусства – музыке. Основная цель данного подхода к восприятию культовой архитектуры заключается в возрождении духовности, целостности познания мира, одухотворении культурного ландшафта города. Художественно-исторические реконструкции такого рода позволяют воссоздать утраченные пласты культуры, повысить туристическую и инвестиционную привлекательность региона. Создание новых интерпретационных, коммуникативных кодов становится противодействием современным тенденциям упрощения и потребления.

Ключевые слова: культовая архитектура; музыка; цикл; культурный ландшафт.

Любой культурный ландшафт является открытой информативной системой, особенно в его ассоциативной части. По мнению У. Эко, добиться высокой информативности любого явления, и культурного ландшафта в частности, можно только опираясь на избыточность, невероятное открывается только через артикуляцию вероятного [1]. Наше исследование посвящено известному циклу культовых архитектурных памятников Барнаула (Петропавловский собор, Богородице-Одигитриевская церковь, церковь Вознесения, церковь во имя Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и церковь Дмитрия Ростовского), который, как мы выяснили, имеет ярко выраженную музыкальность, т.е. организован на основе музыкально-звуковых закономерностей и обладает всеми признаками пятичастного рондо. Новым и информативным произведение искусства предстает тогда, когда его элементы воспроизводятся в соответствии с его собственной природой, а не согласно предшествующим кодам. Оно сообщает этот новый код, формируя его из предшествующих кодов, вызванных к жизни и отвергнутых обстоятельствами. Предмет, который намереваются использовать в новом качестве, как правило, содержит в себе, в своей форме указания на дешифровку новой, ранее не известной функции, и архитектурный объект перестает быть просто объектом, становясь произведением искусства, неоднозначной формой, которая может быть интерпретирована на основе всевозможных кодов [1. С. 137–138]. Опираясь на данное мнение, мы будем относиться к исследуемым архитектурным объектам как к произведению искусства и интерпретируем их внутренние конфигурации на основе содержащихся в них музыкально-звуковых кодов.

Данный музыкальный цикл архитектурных форм состоит из ныне существующих (третий, пятый) и утраченных элементов, поэтому речь пойдет о частичном обновлении функций, исторической реконструкции, о формировании культурного ландшафта памяти места. Наша эпоха может быть названа не только эпохой забвения, но и эпохой восстановления памяти. Воскрешение забытых риторик и идеологий в итоге представляется одной и той же идеологией, а именно

идеологией «современности», которая может быть охарактеризована толерантным отношением к ценностям прошлого [1. С. 143]. Фрагменты утраченного культурного опыта являются открытыми системами в еще большей степени, чем ныне существующие, в ассоциативном, семантическом, историческом планах, а также в плане реконструкции. «Эти способные к изменениям, открытые объекты предполагают, чтобы вместе с изменением риторического устройства реконструировалось бы и идеологическое устройство и с изменением форм потребления менялись бы и формы мышления, способы видения в расширяющемся контексте человеческой деятельности. В этом смысле ученая игра в воскрешение значений вещей, вместо того чтобы быть обращенной в прошлое научной забавой, подразумевает изобретение новых, а не воскрешение старых кодов. Прыжок в прошлое оказывается прыжком в будущее. Циклическая ловушка истории уступает место проектированию будущего» [1. С. 144]. В этом контексте данный опыт интерпретации архитектурно-музыкального цикла имеет большое культурное и воспитательное значение не только в смысле реконструкции утраченного пласта культурного наследия, но, в большей степени, в виде моделирования нового видения ныне существующей культурной области.

Современный реципиент утраченных форм (коей является анализируемый цикл) приспосабливается к прочтению сообщения на основании собственной культурной осведомленности, которая подталкивает его находить соответствующие коды, восстанавливая их, одновременно моделируя новые причины смыслового шума [1. С. 142]. В современной культурной ситуации обрастание феномена смысловыми шумами можно считать позитивным явлением, противодействующим культуре упрощения и потребления. Всякое новое открытие расширяет возможности прочтения, обогащения известного. Обращение к другой эстетике опирается не только на ее собственные коды и идеологию, но и на коды и воззрения, характерные для нашего времени, которые позволяют включить предмет антиквариата в иной контекст, не только уловив в нем дух прошлого, но и привнеся новую коннотацию сегодняшнего дня

[1. С. 142]. Музыкально-звуковой подход к прочтению анализируемого архитектурного цикла продуктивен еще и тем, что максимально абстрактизирует его. «Гуманитарно-географические образы, взятые “абстрактно”, без тесной и сиюминутной привязки к конкретной территории, есть согласованные ансамбли знаков, символов, архетипов и стереотипов, описывающих, характеризующих и интерпретирующих географическое пространство с точки зрения его переживания, осмысления и встраивания в различные экзистенциальные стратегии. Наиболее сложные гуманитарно-географические образы формируются в пространствах с многочисленными и противоречивыми социокультурными контекстами» [2. С. 276]. В результате наша аргументация необходимости музыкально-звукового подхода к анализируемому ансамблю знаков обладает полнотой, что позволяет данному архитектурному комплексу стать сложным гуманитарно-географическим образом, генерирующим множество всевозможных жизнеспособных интерпретаций.

Пласты традиционной культуры, непосредственное участие в формировании которых приняла Русская православная церковь (РПЦ), являются важнейшими структурными компонентами культурного ландшафта Алтайского горного округа, центром которого является Барнаул, считает С.В. Нестерова. РПЦ на Алтае выступала основным носителем не только религиозных традиций, но и всего жизненного уклада, свойственного православному населению империи. Таким образом, по мнению С.В. Нестеровой, было положено начало формированию религиозного (православного) пространства округа, которое, в свою очередь, представляло собой значительный элемент геокультурного пространства – культурного ландшафта Алтая [3]. Именно поэтому мы не ограничились внешним сходством композиции комплекса обозначенных архитектурных памятников с музыкальной формой, аргументацией существования ансамблевости в организации этого ландшафта и исторической взаимосвязанности компонентов цикла (ранее остававшейся без внимания исследователей), обнаружением символических параллелей с музыкально-звуковыми закономерностями организации Мира и Вселенной, актуализацией элементов акустической музыкальности (религиозного пения и колокольных звонов), а решились на поиски музыкально-звуковых аналогов внутри элементов цикла.

В центрических и не центрических храмах вырабатываются различные варианты музыкальности. Анализируемый цикл состоит из нецентрических храмов в первых четырех элементах, а завершается центрическим. Такой тип завершения является неким подтверждением нашей логики рассуждений, так как он выражает итог, синтез, остановку, обобщение.

Тема музыкального Универсума актуальна для внутреннего пространства нецентрической церкви (Петропавловский собор, Богородице-Одигитриевская церковь, Церковь Знамения, Церковь во имя Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна). В данном случае любопытно обратиться к широко известному рисунку Ф. ди Джорджо, на котором при совмещении плана собора и человеческой фигуры голова, т.е. вместилище разума, заполняет собой алтарную часть, то-

гда как перекресток кругов формирует второй центр в груди, т.е. вместилище сердца (духа) [4. С. 68]. Понимание единства рационального и иррационального, материального и идеального есть признак целостности, духовности человека. Данное ощущение внутреннего пространства храма позволяет провести аналогии, во-первых, с музыкальной концепцией философии искусства В.Ф.И. Шеллинга (наделение любого изображения образа человека наивысшей музыкальностью [5]), наиболее ярко выразившего мысль о первенстве музыкального искусства в ряду других его видов по наивысшему проявлению в нем целостности, универсальности и идеальности, а во-вторых, с музыкальной теорией живописи В.В. Кандинского (все средства выразительности живописи обладают музыкальными характеристиками [6]), который видел преимущество музыки перед другими видами искусства, выражающееся в универсальности ее закономерностей, богатстве, свободе средств выразительности и развитой теории. Движение и связанные с ним остальные временные характеристики, свойственные человеку, так трудно передаваемые средствами статичных видов искусства – есть именно то необходимое звено, позволяющее им перейти в область выразительного, живого, одухотворенного.

В архитектуре традиционных, нецентрических церковных зданий очевиднее всего проявляет себя тема перекрестков. Перед входящим открывается линейная перспектива – путь его движения к алтарю, помещенному в противоположном конце туннеля, образованного движением всех горизонталей к точке схода [4]. Двигательный и музыкальный архетипы в интерьере храма сливаются в едином порыве реального (материального) и идеального (духовного) движения. «Храм, воспринимаемый таким образом, является архитектурным воплощением Пути, но отнюдь не Места. Указывая на алтарь как место присутствия Божества, архитектура храма вовсе не предполагает иной формы человеческого присутствия, чем проход, движение к цели» [4. С. 66]. Аналогично воспринимает природу и специфику любого мелодического развития А. Шопенгауэр [7], более того, в своих рассуждениях он доходит до его конкретных характеристик. А. Шопенгауэр дает обобщенные, очеловеченные характеристики достаточно крупным и конкретным музыкальным явлениям, связанным с движением. «Задержка нового импульса воли, languor, не может найти себе другого выражения, кроме продолжительно выдержанной тоники; но действие ее скоро стало бы невыносимым: к этому близки слишком монотонные, невыразительные мелодии. Короткие, легко уловимые фразы быстрой танцевальной музыки как бы говорят только о легко достижимом, будничном счастье. Allegro maestoso в широких предложениях, длинных ходах, далеких отклонениях выражает более серьезное и благородное стремление к далекой цели и конечное достижение ее. Adagio говорит о муках великого и благородного стремления, презирающего всякое мелкое счастье. Но как очаровательно воздействие Moll и Dur! Как изумительно, что изменение на один полутон, появление малой терции вместо большой тотчас же и неизбежно вызывают в нас робкое, томительное чувство, от которого нас так же мно-

венно освобождает *Dur! Adagio* достигает в *Moll* выражения величайшей скорби, обращается в потрясающий вопль. Танцевальная музыка в *Moll* как будто означает неудачу в мелком счастье, которое лучше было бы презреть, она словно говорит о достижении низменной цели путем мучительных усилий» [7. С. 55]. Неисчерпаемость возможных музыкальных мелодий соответствует неисчерпаемости природы в разнообразии индивидов, их внешних черт и жизненных путей, обобщает А. Шопенгауэр. Но указывая на все приведенные аналогии, философ считает, что никогда нельзя забывать, что музыка имеет к ним не прямое, а обобщенное отношение, так как она выражает вовсе не явление, а исключительно внутреннюю сущность, саму волю. Она не выражает той или другой отдельной радости, той или другой печали, муки, ужаса, ликования, веселья или душевного покоя, она выражает радость, печаль, муку, ужас, ликование, веселье, душевный покой вообще, выражает их сущность без какой-либо конкретности. А. Шопенгауэр понимает ее в квинтэссенции [7]. Иначе говоря, внутреннее пространство храма – есть музыкальная квинтэссенция, раскодируемая человеком каждый раз заново, иногда сходным образом, иногда кардинально отличным, но всегда объединенная глобальной единой идеей, которая позволяет объединить всю музыкальность культовых сооружений в некую общность и выделить ее из музыкальности архитектуры вообще.

Говоря об архитектуре, мы обрекаем себя на то, чтобы постоянно перебрасывать внимание со здания, видимого как объект в пространстве, средствами сосредоточенного мышления, на здание как событие во времени, переживаемое человеком в ходе какого-то действия [4. С. 96]. Появление движения в восприятии храма автоматически актуализируют такие временные категории, как скорость или темп, направление, интенсивность, ритм, метр, вся конструкция храма автоматически приобретает линейный характер, а линия, как известно, обладает максимумом возможной музыкальной выразительности [6]. Конфигурация такой линии может быть самой разной, зависящей от специфики организации внутреннего пространства церкви (расположения икон и церковной утвари, цветового, тематического решения оформления интерьера). «Если боковые нефы «ведут» посетителя так же строго, как желоб, направляющий движение шара... наш посетитель обретает свободу решения: воспользоваться ли приглашением приделов, отклонить ли на шаг-два путь к главному алтарю. Временный отход назад известен во всех искусствах как сильная поддержка движения. Это стандартный прием драмы, он постоянно используется в музыке, чтобы придержать течение мелодии перед следующим рывком. Напряженность ожидания создается затягиванием действия во времени» [4. С. 112–113]. Аналогично, т.е. музыкально, характеризует тему жизненного пути человека А. Шопенгауэр, с определением конечной цели и всевозможными препятствиями на пути к ней.

Таким образом намечается обобщенная схема мелодического развития фактуры здания, или, точнее, множество возможных схем, выбор одной из которых зависит от объективных причин (аналитического подхода

к устройству интерьера церкви) и субъективных (настроения, цели посещения, обстановки и т.д.). Множественность схем развития движения человека внутри храма связана не только с уникальностью его воли и изменчивостью его собственной судьбы, но еще и с тем, что практически каждый церковный атрибут обладает музыкально-звуковыми характеристиками, скрытыми в религиозной символике, и любая последовательность, выбранная человеком, обязательно должна сложиться в какое-либо сочетание (горизонтальное и вертикальное) этих характеристик.

Прежде всего необходимо сказать о том, что любое церковное сооружение подчинено религиозному учению, а значит неразрывно связано со словом и его составляющими. Даже если иметь дело с изобразительными и музыкальными (акустическими) образами без текстовых сопровождений, в контексте церковного сооружения они подчинены (в большей или меньшей степени) слову. Изучение различных древних алфавитов, космологических идей, форм, чисел, цветов и звуков привело к гипотетическому выявлению универсальной закономерности между ними. Инструментом выявления данной закономерности стал археометр, который позволяет провести параллели между важнейшими буквами, которыми пользовались основные религии мира, и звуками, соответствующими этим буквам. Таким образом, основные имена, изречения, праздники, события, атрибуты мировых религиозных практик получают свои музыкальные (отдельные звуки, аккорды, звуковые последовательности) аналоги [8]. Все интерьеры христианских церквей и вышеперечисленные в частности превращаются, таким образом, в уникальные, изменчивые, сложные партитуры гармонических и мелодических последовательностей, развивающихся от входа к выходу по часовой стрелке и по спирали вверх. Кроме этого, человек произвольно вносит свой сценарий «слышания» или «звучания» этой партитуры, самостоятельно выбирая направление движения, темп, ритм, степень напряженности, динамику и т.д.

Кроме этого, в оформлении интерьера церкви часто используются орнаменты (растительные, цветочные, абстрактные, геометрические и т.д.). Музыкальность природы орнамента не вызывает сомнения, имея в виду эксперименты Э. Хладни, Х. Йенни, Г. Кайзера, Б. Хироу, которые изучали влияние явления резонанса и интерференции на форму различных неорганических материалов. Их опыты вскрыли общие закономерности: чем выше частота звука, тем сложнее получающийся орнамент, форма орнамента зависит от количества звуковых волн и вещества (химического состава, формы), на которое оказывается воздействие. Причем экспериментаторы добивались совершенно различных конфигураций орнамента: от простых геометрических до сложнейших форм живой природы, каждая из которых получалась только в результате воздействия определенного, конкретного звукового явления.

Таким образом, получается, что любой орнамент или его часть содержит в себе информацию о способности звуков рождать изобразительные формы, поэтому, обладая подобной культурной осведомленностью, посетитель храма в состоянии расшифровать данные культурные коды. Итак, движение человека по интерьеру куль-

тового сооружения связано с набором музыкально-звуковых фрагментов, длительность, ритмика и интенсивность «звучания» (восприятия) которых зависят от субъективных особенностей реципиента. Не секрет, что подобное движение предполагает различные по времени остановки, но главной традиционной целью большей части прихожан является, безусловно, трансепт.

Наличие трансепта храма существенно меняет положение дел в части движения, преобразуя здание из пассажа в Место пребывания: всякий перекресток обозначает собой Место. Перекресток образует здесь «обитаемое пространство» для прихожан и создает второй центр, соперничающий с первым (алтарем) по значению [4. С. 66]. По специфике восприятия получившийся «перекресток» близок к восприятию пространства центрического храма, т.е. временные характеристики становятся не столь очевидными, переходящими из области реальности (сознания) в идеальное (подсознание), отличием становится только краткосрочность такой остановки по сравнению с вечной, космической остановкой – созерцанием центрического храма. Музыкальная «остановка», как правило, связана с разработкой какого-либо основного, главного образа-темы (тем), это не фактическая остановка звучания, это достижение максимума возможного звучания, заложенного в основном тематическом материале, его детализированный разбор, акцентуация. Сходные процессы заложены в организации трансепта. Его рукава создают дополнительные образы, оттеняющие или дополняющие главную идею храма (тему), расположенную иногда в подкупольном пространстве, иногда на иконостасе, иногда это отдельная икона или другой церковный атрибут. В любом случае прихожанин сталкивается здесь с максимумом текстуального и орнаментального смысла, а значит и музыкальных средств выразительности, требующих более пристального восприятия и глубокого погружения.

В центрических храмах (церковь Дмитрия Ростовского), в этих компактных, симметричных постройках неопределенность двух центров не центрических храмов сменяется концепцией единства (целостностью): осознанно или нет, осуществляется возвращение к форме греческого креста. Эти здания уничтожают фактически идею пути и перекрестка, подменяя ее идеей самодостаточного и замкнутого места обитания. В этой полуантичной-полухристианской идее центрический храм превращается в одно и то же время в образ Космоса и Бога [4. С. 69]. В этом отношении музыка занимает среди видов искусства особое место. Она попросту не способна отделить физическое от духовного, поэтому ей доступно только целостное восприятие человека, изначально свойственное бессознательному. Именно погруженность музыки в сферу бессознательного делает ее владычицей целостного Человека [9. С. 41]. Концепция единства (целостности) [10–12], отождествление идеи храма с идеей Космоса и Бога позволяет нам, опираясь на традиционную символику храма, продолжить и углубить его отождествление с идеей человека. Храм – это образ целостности Человека, Космоса и Бога. Поскольку исключить Природу из получившейся триады представляется проблематичным, следовательно, на духовном и семантическом

уровне пантеистические идеи Пифагора, Кеплера, Ньютона и романтиков не настолько спорны и нелогичны, как их представляют некоторые ученые. Благодаря идеям Пифагора, В.Ф.И. Шеллинга и других мыслителей восприятие и интерпретация символики храма приобретают обобщенные музыкальные характеристики, которые только усиливают динамические возможности статики архитектуры. Музыка более всего задействует бессознательный опыт нижнего этажа психики, актуализируя который «искусство создает ощущение космического отождествления» [13. С. 53].

Современная наука опытным путем подтверждает (явления резонанса и интерференции) некоторые предположения, высказанные ранее (Пифагор, Кеплер, Шеллинг), но еще большим углублением данной гипотезы. Обнаружена вибрация мельчайших частичек атома, что говорит о том, что любое тело подчиняется законам вибрации и издает звук. Так называемая «Теория струн» и ее многочисленные версии сегодня рассматриваются в качестве главных претендентов на звание всеобъемлющей универсальной теории, объясняющей природу всего сущего. Данная универсальная теория состоит из нескольких уравнений, объединяющих в себе всю совокупность человеческих знаний о характере взаимодействий и свойствах фундаментальных элементов материи, из которых построена Вселенная. Современную теорию струн объединяют с концепцией суперсимметрии, результатом этого объединения стала теория суперструн, объединившая теории всех четырех основных взаимодействий (действующих в природе сил). Картину Вселенной, предлагаемую этими теориями, легко представить себе наглядно. В масштабах на 20 порядков меньше диаметра протона, в состав которого входят три связанных кварка, структура материи отличается от привычной нам, так как на столь малых расстояниях и при столь высоких энергиях взаимодействий материя превращается в серию полевых стоячих волн, подобных тем, что возбуждаются в струнах музыкальных инструментов. Подобно гитарной струне, в такой струне могут возбуждаться, помимо основного тона, множество обертонов или гармоник. Чем выше частота гармонической волновой вибрации струны, тем выше энергия и масса наблюдаемой частицы. Представить колебания суперструн сложно, так как они происходят в пространстве, имеющем 11 измерений. Теория струн получила дальнейшее развитие в виде теории многомерных мембран – по сути, это те же струны, но плоские. Данные названных теорий имеют много пробелов и до сих пор не приведены к строгому математическому виду по причине недостаточности математического аппарата. Кроме этого, до сих пор не осуществлено ни одного опыта, на котором эти теории можно было бы проверить лабораторно [14], так как еще не созданы необходимые для таких опытов технологии. Тем не менее в ряду всех вышеописанных концепций данные предположения только усиливают аргументацию наших рассуждений по части преимущественного положения музыкального искусства не только в ряду других искусств, но и его большой роли в отражении Макромира и человека как микромира.

Известно, что восточные и западные духовные практики тоже акцентируют прежде всего целостность

мира и человека, обращают исключительное внимание на целостность человеческого сознания, в которой телесность связана с «верхними этажами» психики и является одним из главных механизмов духовного совершенствования [15. С. 65–66]. О возможностях максимального совмещения материального и идеального, телесного и духовного в музыкальном искусстве писал В.Ф.Й. Шеллинг [5]. В данном случае музыкально-звуковая интерпретация позволяет приблизить искусство культовой архитектуры к совершенному синтезу – «бытию, вскрываемому музыкой, в котором связаны все логические противоположности и в котором потоплены и растворены все формы сознания...» [16. С. 583]. Рождение и смерть, рай и ад, тело и дух, страдание и радость, грехопадение и вознесение, материальное и идеальное – все слито в символике храма так органично, как возможно только в рамках восприятия музыкального искусства, поэтому обращение к подобного рода аналогиям может способствовать возрождению истинной духовности и религиозной культуры в частности.

Возвращаясь к двигательной, временной композиции всего анализируемого цикла, мы получаем краткосрочное накапливание напряжения в остановках-

местах, в первых четырех элементах цикла, которое выплескивается в последнем центрическом храме, воспринимаемом как радостный апофеоз религиозной идеи и музыкальной драматургии архитектурного комплекса (церковь Дмитрия Ростовского действительно долгое время считалась самым красивым, торжественным и самым богатым храмом Барнаула [3], что в целом соответствует логике развития данного циклического произведения в рамках временного вида искусства (музыки)).

Из анализируемых архитектурных памятников в современности сохранились только Знаменская церковь и церковь Дмитрия Ростовского, их возрождение (реставрация, строительство утраченных элементов) продолжается по сей день, поэтому о конкретном полном анализе музыкальности организации внутреннего пространства этих элементов цикла говорить преждевременно. Утраченные элементы цикла становятся платформой для будущей художественно-исторической реконструкции, но выявленные общие принципы внутренней организации элементов архитектурного цикла делают его музыкально-звуковой анализ жизнеспособным, а культурный ландшафт места – абстрактизированным, идеальным, духовным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.
2. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост. отв. ред. Д.Н. Замятин ; авт. Е. Андреева, С. Белоусов, Т. Галкина и др. М. : Институт наследия, 2005. Вып. 2. С. 276–323.
3. Нестерова С.В. Религиозное пространство как подсистема культурного ландшафта Алтайского региона (XVIII – первая треть XX в.). Барнаул : Изд-во АГАУ, 2004. 112 с.
4. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В.Л. Глазычев. М. : Стройиздат, 1984. 192 с.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М. : Мысль, 2003. 367 с.
6. Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости. СПб. : Азбука, 2001. 560 с.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. : Московский Клуб, 1992.
8. Сент-Ив Д'Альвейдр. Археометр – ключ ко всем религиям и всем древним наукам. М. : Амрита-Русь, 2004. 416 с.
9. Арановский М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / ред.-сост. М.Г. Арановский. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.
10. Дивакова Н.А., Егорова А.М., Егорова В.А. и др. Музыкально-звуковое понимание мира как достижение духовности // Проблемы духовных ценностей в философии и культуре / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2011. Кн. 5. 210 с.
11. Дивакова Н.А. Музыкально-звуковые возможности образа человека // ИПУР : сб. науч. тр. Сибирского института знанияведения / отв. ред. Е.В. Ушакова, Ю.И. Коложов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 11. С. 37–40.
12. Дивакова Н.А. Музыкально-звуковой аспект понимания духовности человека как характеристика его истинности // Материалы Международной научно-практической конференции «Духовная сфера жизни общества: проблемы теории и практики». Ставрополь : Северо-Кавказский государственный технический университет, 2011. 528 с.
13. Закс Л.А. Художественное сознание. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 212 с.
14. URL: <http://www.elementy.ru/trefil/21211>
15. Коляденко Н.П. Синестетичность музыкально-художественного сознания : дис. ... д-ра искусствознания. Новосибирск, 2006. 450 с.
16. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Форма. Стиль. Выражение. М. : Мысль, 1995. С. 405–603.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 24 октября 2013 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94 (571.1./5)''16/19''

В.П. Бойко

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В ОСВОЕНИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XX в.

Рассматривается история освоения и хозяйственного развития Сибири в дореволюционный период на основе анализа различных социальных групп. В качестве примера взяты казачество, крестьянство, дворянство, чиновничество, купечество и разночинцы. Дана характеристика основных черт менталитета этих сословий и их влияния на формирование официального православия. Делается вывод о различии их социально-психологического склада и недостаточной общности интересов, что привело в конечном итоге к социальной катастрофе.

Ключевые слова: история Сибири; православная вера; менталитет.

Широко известно, что российское казачество – сложное и противоречивое явление русской истории. С одной стороны, казаки были одним из стабилизирующих факторов в политической истории: принимали активное участие во всех крестьянских войнах, были главными действующими лицами в великой Смуте, охватившей Россию в начале XVII в. С другой стороны, трудно переоценить роль казачества в защите Отечества от внешних врагов, в деле освоения новых территорий, прежде всего Сибири. Одной из отличительных черт казачества как социума был демократический уклад, когда основные проблемы решались сообща «на казачьем круге». Казачество являлось воплощением мечты о безграничной свободе, вольнице, разгульной жизни, которая в условиях крепостничества, нищеты и бесправия была заветной для большинства населения России. Казачья вольница, на наш взгляд, естественным образом вошла в образ жизни Сибири, где большинство городов основали казаки, и долгое время оставалась субкультурой, влиявшей на складывание общесибирской картины мира. В основе ее лежали особые отношения между обществом и властью. Общество, по мнению казаков, должно было влиять на формирование местных порядков самыми разными способами, вплоть до восстания.

Томский бунт середины XVII в. был детально описан крупным исследователем Сибири академиком Н.Н. Покровским [1], который сделал вывод, что даже после его подавления правительство было вынуждено урегулировать крестьянские повинности, облегчить положение служилых людей и казаков, заменить некоторых воевод. Такие действия могли создавать впечатление, пусть даже и иллюзорное, что система управления хотя и оставалась прежней, но в результате местного протеста становилась более справедливой. Казачьедемократическая субкультура была по своей форме экстравертированной, т.е. открытой для поступления энергии извне, без строгой фиксации членства в ней, и в то же время щедро выделяющей свою энергию во время бунтов, митингов, демонстраций и других публичных событий. По характеру действий носителей этой субкультуры можно отнести к представителям незрелой, «детской» манеры поведения, когда поступки совершаются под воздействием прежде всего эмоций, а

не рассудка – как это часто делают дети, не задумываясь о последствиях содеянного. Другой составляющей рассматриваемой субкультуры является правовой нигилизм, который порой приобретает криминальный оттенок. Например, страшным проявлением томской вольницы стали события осени 1905 г., когда на улицах Томска разыгралась кровавая трагедия – столкновение революционных и монархически настроенных сил. Подобные примеры решения политических вопросов на улицах были и в других сибирских городах, но немногие из них имели столь тяжелые последствия.

В этой связи необходимо отметить, что роль узды этой казацкой стихии играло православие. Вера присутствовала в сознании казаков как идеологический фактор и облагораживала и цивилизовала их обывденную жизнь. Во всех крепостях и острогах, которые казаки и служилые люди возводили при проникновении в Сибирь, в первую очередь строились храмы и часовни. После 10–20 лет службы казаки получали довольно значительный надел земли и поселялись в окрестностях городов, основывая заимки и деревни, которые назывались затем их фамилиями, именами и прозвищами. В некоторых случаях деревни назывались в честь местных святынь и православных праздников (села Вознесенское, Троицкое, Пышкино-Троицкое и т.д.).

Особое место в истории края занимает село Богородское, основанное казаками Сваровскими, прибывшими в Сибирь в начале XVII в. Прибыли они сюда, находясь на службе у русского царя, но до этого ушли из Польши, вернее, из Речи Посполитой, из-за приверженности православию. Господствующий там католицизм с подозрением относился к иным верованиям и направлениям христианства, низводя их до уровня «диссидентства» (инаковерия), что приводило к миграции населения на восток. После продолжительной беспорочной службы основатель сибирского рода Сваровских Остафий получил земли в 60 верстах от Томска и основал там село Богородское. Название этого населенного пункта дано не по фамилии его основателя, а по приверженности к православной вере и иконе Богородицы, якобы выловленной из протекавшей рядом Оби (на самом деле, судя по всему, заказана она была для местной церкви в Тобольске или ином городе у искусных иконописцев за немалые

деньги). Икона стала местночтимой, и каждый год с ней проводился крестный ход в Томск.

Подавляющее большинство населения Сибири составляли крестьяне (более 90%), поэтому рассмотрим традиционный крестьянский уклад в жизни региона. Он характеризуется, прежде всего, консерватизмом, стремлением сохранить дедовские нормы жизни, а также склонностью скорее к коллективным (общинным) идеалам, чем к индивидуальным началам, как в некоторых других субкультурах. Крестьяне культивировали архаичные формы бытия, тяготели к растворению индивидуального начала в сообществе, отдельной личности – в своем строго определенном социуме. На практике это выражалось в неспособности крестьянина представить свою жизнь вне крестьянской общины, имеющей и другое, всеохватывающее по смыслу название – «мир».

Носители крестьянской субкультуры испытывали двойственное отношение к одной из основных составляющих современной цивилизации – частной собственности. С одной стороны, крестьяне признавали неприкосновенность частной собственности, воровство в их среде всемерно осуждалось и жестоко преследовалось. С другой стороны, в общественном (общинном) владении находились важные источники получения продуктов, а при их продаже – доходов. К ним относились разного рода водоемы (прежде всего для лова рыбы), тайга для охоты, луга для выпаса скота и для сенокосов, кедррачи для сбора орехов и т.д. Быстрое обогащение в крестьянской среде воспринималось как несправедливое дело, как грех, требующий покаяния («от трудов праведных не построишь палат каменных»). Крестьяне предпочитали жить прошлым, но не настоящим, которое вторгалось в их жизнь и заставляло строить новые отношения как между собой, так и с внешним миром.

Одним из существенных отличий сибирского крестьянина от крестьян более благополучных в аграрном отношении регионов являлся напряженный труд в период страды, когда нужно было на короткий срок мобилизовать все силы, привлекать на срочные работы женщин, детей, стариков. Но это напряжение в большинстве случаев не могло создать основу для благополучия семейного хозяйства, и приходилось прибегать к дополнительным промыслам в виде ремесла, извоза, найма на прииски и речные суда и т.д. Община также определенным образом компенсировала неурожаи, эпизоотии (мор скота от заразных болезней), неудачу в промыслах отдельных своих членов, когда перераспределялись налоги, общинные угодья, давались другие послабления, чтобы не потерять своего односельчанина и исправного плательщика налогов.

Одной из главных причин позднего включения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения была слабая техническая оснащенность хозяйства, особые природно-климатические условия, которые позволяли сибирскому крестьянину работать на земле не более 6 месяцев в году, в то время как в Западной Европе этот период составляла около 10 месяцев. Социальным тормозом во внедрении новых отношений в ткань крестьянской жизни, защитой от политического воздействия крестьян как справа, так и слева выступала

также сельская община. Она была, по словам выдающегося ученого-аграрника, академика Л.В. Милова, «оплотом крестьянской сплоченности и средством крестьянского сопротивления» [2. С. 556].

Крестьянство на всем протяжении рассматриваемого периода было самой значительной частью населения городов Томской губернии. Многие жители городов были выходцами из крестьянского сословия и не оставляли своих привычных занятий и в городской черте. По нашим наблюдениям, многие горожане имели запашки и покосы, хозяйства с рабочими-батраками или без них, свои выездных и рабочих лошадей, разнообразный скот и птицу, что накладывало отпечаток на обыденное сознание большинства жителей сибирских сел, деревень и части городов. По своему психологическому возрастному складу крестьянство, на наш взгляд, относится к типу отношений, свойственному людям преклонного возраста. Ближе к старости у людей возникает тяга к покою и почету, к укоренению и упрочению в их жизни свойственных им устоев, к стабильности и незыблемости отношений как внутри локального социума (семьи, общины, артели и производственных коллективов), так и в среде всего сословия и в обществе в целом. Успехи коллективизации в 30-е гг. XX в., на наш взгляд, во многом были обусловлены недавней общинной жизнью крестьян, в памяти которых еще сохранились прежние картины вполне приличной жизни крестьян-тружеников и презрение к лодырям и нечистым на руку дельцам. К сожалению, надежды на плодотворный труд сообща не сбылись, и мечта переросла в ужасную трагедию многих миллионов лучших представителей деревни, тогда как беднота и люмпены делали на их страданиях карьеры и строили на этом свое благополучие.

В то же время идеализация русского (сибирского) мужика в духе писателей-народников 80-х гг. XIX в. также непродуктивна, так как расслоение крестьянства, разрушение общины, столыпинское переселение в Сибирь, Первая мировая война, революционные события начала XX в. лишали крестьян их привычных консервативных ориентиров. В результате нарушение социального покоя крестьянства привело к активному неприятию перемен, к стихийной, мощной и разрушительной реакции, к русскому «бессмысленному и беспощадному» бунту.

Этот процесс шел одновременно с ослаблением религиозного чувства у основной массы крестьян, которое и прежде было связано с верой в природные явления, ориентация на которые являлась необходимым залогом благополучия. «На Бога надейся, да сам не плошай» – вот любимая поговорка большинства сибиряков. Это означало, что в сознании крестьянина была уверенность в том, что солнце всходит на востоке, а заходит на западе, что вслед за зимой непременно придет весна, а затем и другие времена года, что в посевную пору нужно выполнить огромный объем работы, и если не уложиться в сроки, то можешь потерять часть урожая и т.д. Подчинение таких глобальных процессов божественной воле было, вероятно, только в теории, которую крестьяне получали в процессе начального образования, общения с проповедниками и чтения церковных книг. На практике получалось, что многие при-

родные явления зависят от великого множества случайностей, которые можно предсказать с помощью народных примет и собственных многолетних наблюдений. В этой связи посещение церкви становилось необходимым соблюдением определенных правил и ритуалов, которые укладывались в этические и эстетические рамки поведения сельского населения, но сами люди должны были прикладывать значительные физические и интеллектуальные усилия, чтобы божественный промысел реализовывался в конкретных производственных делах.

В последнее время появилось довольно много работ по истории предпринимательства. История формирования сибирского, в том числе и томского купечества – главного носителя буржуазных отношений в регионе – показывает, что большинство предпринимателей были незаурядными по волевым и интеллектуальным качествам личностями. Основой их деятельности, главным мотивом и целью их жизни было стремление к обогащению. С точки зрения купцов эта страсть являлась для них естественной и вполне оправданной, выделяла их среди других сословий. В XIX – начале XX в. купечество Сибири постепенно отходило от народных традиций и обычаев, обособливалось от мещан и крестьян по сословным признакам, вырабатывало свои социальные и ценностные ориентации.

К середине XIX в. происходит становление в купеческой среде буржуазного по своему содержанию менталитета, оформление чувства своей социальной значимости. Однако на ведущие роли в жизни региона купцы выдвинулись только в конце века, когда многие из них получили приличное образование, стали применять в производстве и для транспортировки паровые машины, пользовались новейшими изобретениями в области коммерции (реклама, распродажи, банковские услуги и т.д.) [3. С. 120].

Предпринимательская (купеческая) субкультура была порождением и составной частью городской культуры, что являлось одной из причин ее экстравертированности, т.е. открытости. Ее представители смело участвовали в разрушении старой и создании новой картины мира. Психологическая возрастная характеристика буржуазного типа поведения соответствует подростковому (отроческому) поведению, когда большое внимание уделяется внешним проявлениям, демонстрации своего ума, силы и могущества, когда происходит фиксация и преувеличение достигнутых результатов в различных сферах. Предприниматели, несмотря на свою нацеленность на результат и решительную победу, предпочитают «казаться», а не «быть» ориентированными, произвести эффект своим богатством и роскошью сегодня, а не планировать достижения результата завтра и тем более не искать своего могущества во вчерашнем дне. В этой связи благотворительность купцов на церковные нужды была одним из приоритетов их общественной жизни.

Дворянская и чиновничья составляющая сибирского общества была незначительной по численности, но весьма заметной и влиятельной силой как в общественной жизни, так и в формировании обыденного сознания. В сибирских городах человек с чиновничьей кокардой на картузе или с офицерскими погонами на

плечах был заметной, выдающейся на общем фоне фигурой. У населения, особенно у молодежи, было подспудное желание поближе познакомиться с лицами из благородного сословия, а потом и пытаться подражать им в образе жизни, поведении, досуге, одежде и многих мелочах, которые в глазах провинциала могли выглядеть как проявление значительного столичного или аристократического вкуса. Чиновники, как гражданские, так и военные, были порождением нового мира в лице Петербурга. Петровская эпоха пришла на смену Московской Руси и радикально отказалась от прежних ценностей. Как полагают некоторые исследователи, через Петербург проходила умозрительная «ось мира», которая делила мир на организованное и освященное личностью Петра I сакральное место и противопоставленный ему хаос, в котором находилась средневековая Русь [4. С. 158].

В связи с этим чиновно-дворянское сословие навязало обществу свою картину мира, которая основывалась на европейском (западном или прометеевском) типе отношений. Устремления рассматриваемой здесь преимущественно дворянской субкультуры находились в прошлом, а ее идеалы требовали консервации и государственной защиты. Сами же дворяне и чиновники к выполнению цивилизаторских (прометеевских) задач не были готовы, эта роль была им не по плечу. По своему психологическому складу это были люди старшего поколения, отставники и пенсионеры, как их сейчас называют. Крестьяне также относились к данной категории, но это были сельские труженики, готовые работать до конца своих дней на земле и получать от работы удовлетворение и дополнительный доход. Благородное же сословие принадлежало к городским слоям населения, и пенсия с доходами от имений были главными источниками их безбедного существования. Однако отсутствие деловой хватки и привычка к жизни не по средствам приводили дворян к разорению, что превосходно описал в своих рассказах и повестях И.А. Бунин и другие русские писатели и мемуаристы.

Одной из главных сословных характеристик дворянской субкультуры была склонность к лени и праздности, к свойственному благородному сословию типу поведения, где чувственные удовольствия и игровой азарт были на первом плане. Наиболее выпуклые характеристики такого образа жизни можно найти у И.А. Гончарова («Обломов»), Н.В. Гоголя («Мертвые души») и у других великих русских писателей. Такой тип отмечен и в Сибири, где, по меткому замечанию П.А. Словцова, земельное владение местного чиновника умещалось в цветочном горшке, а тяга к жизненным удовольствиям была безгранична. Поэтому интерес к службе у такого чиновника ограничивался формальным исполнением своих обязанностей, получению сибирских добавок к жалованью и внеочередного чина. Дополнительные доходы также не считались преступлением, особенно от винных откупщиков и местных купцов, главное, чтобы не схватили за руку в момент передачи взятка. Но видеокамер тогда еще не было, да и желания жаловаться у местных воротил не наблюдалось, они имели свой интерес – меньше внимания со стороны властей к их грешкам. Ну а вечерами встречались они вместе за игровыми столами Общественного

собрания, где перекидывались в картишки до утра, предаваясь азарту, которого так не хватало в скучной провинциальной жизни сибирских городов. Впрочем, и в столичных городах эта страсть пышно процветала и пустила по ветру многие состояния [5].

Тем не менее на протяжении второй половины XIX в. доля сибирских уроженцев среди местного чиновничества увеличивалась, и наметилась, как отмечает известный сибирский историк А.В. Ремнев, тенденция сближения общества и власти [5. С. 230]. Однако в этот период на первый план экономической, а потом и общественной жизни выходят уже предприниматели, которые и диктуют обществу свой стиль и образ жизни, свои ценностные ориентации, определяя в основном городскую структуру и содержание обыденного сознания.

Вполне возможно, что субкультура интеллигенции и разночинцев, оказавшихся по разным причинам в Сибири, была своеобразной контркультурой, так как противопоставляла свои ценности общепринятым. Поиски истины и всеобщего блага противоречили погоне за чинами и орденами, почестями и богатством, комфортом и роскошью, присущей другим привилегированным слоям и соответствующим им субкультурам. Здесь радикальные разночинцы по уровню своих притязаний сближались с представителями других контркультур, которые также отвергали официально принятые ценности. К ним принадлежали криминальный мир, разного рода секты, общины раскольников и некоторые другие. Они противопоставляли себя не только обществу, но государству и церкви, что многократно усиливало их роль в социально напряженном обществе.

Радикальные разночинцы демонстрировали экстравертивные ориентации, направленные на переустройство общества по своим рецептам. В этой связи доминантную роль в их деятельности играл подчеркнутый атеизм. Разночинцы в Сибири имели, как правило, высокий уровень образования и получали основной доход за счет умственного труда. Это предоставляло им относительную независимость и позволяло критически от-

носиться к окружающей их действительности, в первую очередь к социальному устройству общества. Значительная часть сибирской интеллигенции ориентировалась на оппозиционность к правительству, которая усиливалась под влиянием ссыльных. В пестрой городской жизни разночинцы из радикалов выделялись, как правило, своим внешним видом (пенсне, длинные волосы у мужчин и короткие у женщин, большинство из них непрерывно курили и т.д.), образом жизни, своими вкусами и пристрастиями, что заставляло обращать на них внимание, а в некоторых деталях и подражать им.

В силу образованности и активной жизненной позиции разночинцы имели возможность широко воздействовать на общественность как через свою профессиональную деятельность (педагогика, журналистика, адвокатура и т.д.), так и приватным образом, в частных беседах и разговорах, через работу в общественных и политических организациях. По своему психологическому возрастному состоянию эта субкультура принадлежала к юношеству, когда «души прекрасные порывы» должны реализовываться здесь и сейчас и любыми средствами. Нетерпение и юношеский максимализм составляли основу мотивации деятельности представителей этой малочисленной, но активной социальной группы.

Таким образом, в результате анализа субкультур, сформированных на основе обыденного сознания, можно сделать вывод о разнообразной и насыщенной жизни сибирского региона в XIX – начале XX в. Традиционные субкультуры, преобладающие в начале этого периода (казацкая, крестьянская и дворянская), частично сменяются под воздействием времени на новые субкультуры (предпринимательскую и разночинскую), более прогрессивные и перспективные. Однако реализовать их в полном объеме не удалось в связи с пестротой социальных и психологических ориентаций, отказом части интеллигенции и других сословий от православия как фундамента, объединявшего народ в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
2. *Милов Л.В.* Великоурусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
3. *Бойко В.П., Ситникова Е.В.* Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск, 2008.
4. *Шевцов В.В.* Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск, 2005.
5. *Ремнев А.В.* Самодержавие в Сибири. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 октября 2013 г.

О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ-СКАНСЕНА В ТОМСКЕ

Раскрывается малоизвестная страница истории музейного дела России, освещается опыт создания музея нового типа – музея-скансена – в центре страны и в Томске, где в 1911–1915 гг. была разработана концепция и развернуто формирование музея под открытым небом. Томский музей-скансен планировался к открытию на участке земли, выделенном городским самоуправлением в районе современного Лагерного сада. К его созданию привлекались такие видные деятели науки и культуры, как археолог и публицист А.В. Адрианов, архитектор Т.Л. Фишель, ботаник П.Н. Крылов.

Ключевые слова: история музейного дела; музей-скансен; музейное строительство в Томске.

Об открытии в 1891 г. первого музея под открытым небом в местечке Скансен близ Стокгольма хорошо известно в музееведческой литературе. Особый способ музеефикации народной культуры, презентации жизни различных этносов в окружении природной среды был разработан и реализован шведским музеологом Артуром Хазелиусом. По словам организатора, которые цитируются в Интернете, этот музей, не похожий ни на один другой в мире, «посвящался фольклору и истории цивилизации» [1]. В 1900-х гг. музеи-скансены стали открываться в других местах Швеции, а также в Дании и Финляндии. Известно, что в 1919–1922 гг. петроградские исследователи под руководством В.П. Семенова-Тян-Шанского предпринимали попытки организовать музей-скансен в бывшем имении великого князя Николая Михайловича Романова, оказавшиеся, к сожалению, неудачными. Более успешным оказалось устройство музея, как подобия шведского скансена, в тогдашнем Подмоскowie, в бывшем царском имении Коломенском в конце 1920-х гг. [2. С. 138–139, 419]. Важно, однако, отметить, что идеи музея-скансена были востребованы в России гораздо раньше, и связаны они, в частности, с попытками создания музея нового типа в Томске.

В январе 1911 г., когда начались работы по подготовке к устройству Сибирского областного научно-художественного музея, в Томскую городскую думу поступило письмо, подписанное начальником Томского округа путей сообщения бароном Б.А. Аминовым, кандидатом юридических наук, чиновником Ф.Я. Несмеловым и видным исследователем Сибири, публицистом А.В. Адриановым. Они писали о необходимости сохранить «уклад как старожилого населения, так в особенности многочисленного инородческого» в условиях «широких и быстрых изменений в жизненном обиходе коренного сибирского населения». А в качестве примера того, как в европейских странах оберегают от уничтожения и забвения «следы былой материальной и духовной культуры своих древних родичей и аборигенов», сообщали об открытии около Стокгольма Скансена, а около Гельсингфорса – Фоллизна. Следует отметить, во-первых, несколько отличающееся от современного название стокольского музея, а во-вторых, то, что в машинописный текст письма музейные названия – и шведское, и финское – были вписаны от руки. По этому поводу можно высказать такое предположение: либо машинистка не смогла разобрать в рукописи непривычные названия, либо авторы письма не сразу их установили. Так или иначе, они со знанием дела разъясняли суть «своеобразного музея, в котором вся обстановка

древних обитателей страны вместе с их жильем, костюмами, орудиями передвижения и проч., и проч. сохраняется в ее натуральном виде, под открытым небом» [3. Л. 14].

Далее в письме сообщалось, что намерение создать в сибирском городе подобие скансена зародилось не позже 1908–1909 гг., когда предполагалось вывезти из Нарымского края «старинное остяцкое и самоедское жилье со всей обстановкой, амбар для хранения запасов, амбар для помещения семейных или общественных божков-покровителей, остяцкие лодки, ловушки на зверя и проч.». А кроме того, планировалось свозить в Томск памятники старины со всей Сибири, но отсутствие средств помешало реализации задуманного [Там же].

Узнав о поддержке со стороны Томской городской думы проекта Сибирского областного научно-художественного музея, авторы письма обращались в думу с предложением учредить одновременно и «музей на открытом воздухе» (дословно перевода иноязычное выражение) как часть проектируемого Сибирского музея. Они предлагали избрать для будущего томского музея-скансена участок бывших лагерей, т.е. современный Лагерный сад. «На этом участке, – писали авторы проекта, – могли бы быть разбросаны типичные для различных народностей постройки, устроены дорожки, беседки и площадки для гуляния». И, желая приурочить свое предложение к готовящемуся юбилею – 50-летию отмены крепостного права, предлагали назвать этот участок Народным парком имени императора Александра II [3. Л. 15]. Инициатива создания парка и нового музея в нем получила поддержку комиссии по благоустройству города, городской управы и, наконец, самой думы во главе с городской головой И.М. Некрасовым [Там же. Л. 19-а].

Реализация проекта перешла в ведение городского комитета по устройству Сибирского областного музея, созданного решением городской думы в феврале 1911 г., в составе которого и работали инициаторы музея-скансена. В январе 1912 г. Томская городская дума приняла решение отвести под будущий Народный парк обширный участок в 17430 кв. саженей (более 7,8 гектаров) на территории бывших лагерей, вдоль берега Томи. В парке предполагалось устройство Музея на открытом воздухе, который получил в документах именно такое наименование. Член музейного комитета, архитектор Т.Л. Фишель взял на себя обязанность разработать план будущего парка и размещения в нем музея. Осознавая сложность и новизну задачи, Т.Л. Фишель совершил специальную поездку в Финляндию, где осмотрел музей-скансен в Гельсингфорсе, побывал также в Павловском

парке под Петербургом. Вернувшись в Томск, в мае 1912 г. архитектор посчитал необходимым привлечь к созданию будущего парка основателя Ботанического сада и Гербария, приват-доцента Императорского Томского университета П.Н. Крылова. Тот согласился при условии, чтобы «при осуществлении плана никаких изменений и отступлений от него в будущем не делалось» [3. Л. 66].

При совместном осмотре территории будущего парка и музея-скансена участники проекта увидели, что «чрезвычайно красивая местность находится в состоянии разрушения весенними и дождевыми водами и лишена всякого ухода». Было принято решение, не откладывая, начать устройство водостоков, попытаться сохранить ели и пихты на обрыве к Томи, на участке, захваченном размытиями. Кроме того, было высказано пожелание пригласить профессора Томского технологического института П.К. Соболевского произвести мензурную съемку и нивелировку местности, привлекая к работам, по возможности, студентов-технологов. Обдумывая планы посадки деревьев и кустарников, П.Н. Крылов предлагал заложить питомник, который, по его мнению, со временем мог бы обеспечивать посадочным материалом и другие нужды города, в частности, устройство сада около Троицкого кафедрального собора, уход за бульварами и Пушкинским садом. Все предложения были приняты на заседании городской думы 13 июня 1912 г., и в смету 1913 г. были внесены расходы в сумме 1040 руб. на подготовительные работы [3. Л. 69–70].

К тому же, заручившись согласием министра финансов В.Н. Коковцева, в Томской городской думе рассчитывали на получение 8 тыс. руб. одновременно, а затем по 1,0–1,5 тыс. руб. ежегодно из сумм попечительства о народной трезвости. Б.А. Аминов намеревался доставить на казенных пароходах «остяцкие постройки» из северных территорий Томской губернии [4]. Председатель музейного комитета и инициатор музея-скансена в Томске Ф.Я. Несмелов обратился через газету «Сибирская жизнь» к томской интеллигенции и особенно к студентам, приглашал их, по примеру жителей Санкт-Петербурга, участвовать в ученых экскурсиях и собирать материалы для создаваемого областного музея [5]. Вполне возможно, он имел в виду и музей-скансен.

Однако устройство нового музея оказалось для Томска весьма затруднительным. По словам А.В. Ад-

рианова, высказанным в 1913 г., «дело создания музея не только остановилось в самом начале, а и самая мысль об этом заглохла...» [4]. Обещанные министерством средства были «заморожены». Инициатор музея-скансена Б.А. Аминов вышел в отставку и переселился в Финляндию, а Ф.Я. Несмелов был переведен на службу в Европейскую Россию. И все же А.В. Адрианов, который за освещение в печати стачки торговых приказчиков в Томске был выслан в Минусинск, сохранял интерес к созданию нового музея. Так, в апреле 1915 г. он направил в адрес томского городского головы П.Ф. Ломовицкого письмо, в котором сообщал о посылке в Сибирский областной музей двух музыкальных инструментов, инструктировал, как нужно вписать это поступление в инвентарную книгу. И добавлял, что если бы у музейного комитета было побольше средств, то он смог бы приобрести «кое-какие коллекции и в Урянхайском крае», и у «минусинских инородцев» [3. Л. 113]. В первую очередь речь шла, конечно, о формировании фондов Сибирского областного научно-художественного музея, но можно предположить, что А.В. Адрианов думал и о музее-скансене. В письмах Г.Н. Потанину он писал: «Лично мне очень хочется объехать все русские поселки в крае, побывать в каждой избе и в каждой семье, с каждой побеседовать и выяснить как состав населения, так и причины, затягивающие его сюда, их экономику, их взаимоотношения с сойотами и прочее (на днях я примусь за разработку программы такого исследования)». И действительно, получив небольшое ассигнование от столичных научных организаций, А.В. Адрианов совершил поездку по Урянхайскому краю и наряду с проведением археологических раскопок расспрашивал местных жителей об их поселениях, занятиях, достатке, планировал приобретение этнографических коллекций [6. С. 220, 222, 226], т.е. собирал сведения и материалы, пригодные как раз для музея-скансена.

По свидетельству М.Б. Шатилова, «широким планам, так хорошо начатым, однако же не суждено было осуществиться» [7. С. 3]. Но эти планы и разработки не были напрасными, они свидетельствовали о включенности томских исследователей в мировую музейную проблематику, об их способности воспринять и приступить к реализации новейших музейных идей и проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The creation of Skansen*. URL: <http://www.skansen.se/en/artikel/creation-skansen> (дата обращения: 23.04.2013).
2. *Музейное дело России*. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М.: ВК, 2010. 676 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367.
4. Адрианов А. К истории областного музея в Томске // *Сибирская жизнь*. Томск, 1913. 15 нояб. № 252.
5. Несмелов Ф. От городского комитета по устройству Сибирского областного музея в Томске // *Сибирская жизнь*. Томск, 1912. 17 июня. № 135.
6. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост. Н.В. Васенькин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
7. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // *Труды Томского краевого музея* / под ред. М.А. Слободского, М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.

РУССКИЙ ГАРИБАЛЬДИЕЦ ЛЕВ ИЛЬИЧ МЕЧНИКОВ

Описывается гарибальдийский период деятельности выдающегося русского ученого и мыслителя Л.И. Мечникова. В середине 1860 г. он вступил в добровольческий отряд Дж. Никотеры в звании лейтенанта. Руководил работами по созданию полевых укреплений возле Санта Мария. Принял участие в битве при Вольтурно. После ухода в отставку опубликовал воспоминания в журнале «Русский вестник». Его «Записки гарибальдийца» – один из немногих источников, которые знакомили русских читателей с новостями о «Тысяче» Гарибальди. Для потомков большую ценность составляют сведения об организации гарибальдийского войска, его командирах, а также о самом Дж. Гарибальди, оставленные Л.И. Мечниковым.

Ключевые слова: Л.И. Мечников; Джузеппе Гарибальди; Италия; 1860.

Одним из ключевых вопросов, которые волновали Л.И. Мечникова, был вопрос о солидарности людей как основном факторе социального прогресса. Рассматривая этот вопрос в работе «Цивилизация и великие исторические реки», он писал: «Социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания» [1. С. 252]. В солидарности Мечников усматривал основную цель прогресса, его главную движущую силу.

Термин «солидарность» очень часто встречается в работах Л.И. Мечникова. Под солидарностью он понимал, прежде всего, консолидацию человечества, братство людей и их взаимовыгодную и добровольную деятельность на благо друг друга. Напротив, тиранию и деспотизм, всякого рода насилие и принуждение он считал фактором, замедляющим прогресс. «Человек будет угнетаем только потому, что он неспособен сознательно проявить кооперативную солидарность для отпора силе угнетения. Деспот под видом ли жреца, воина, царя всегда являлся в истории только живым символом и олицетворением неспособности, бессознательности и бессилия угнетаемых им народных масс» [1. С. 262–263]. Что же заставило Л.И. Мечникова прийти к такому мнению? Читая эти строки, можно явственно представить ответ на данный вопрос – полное отрицание деспотизма. Если его мировоззрение в значительной степени формировалось под влиянием анархистской философии, то отношение к деспотическим формам правления нашло отражение в конкретных событиях его жизни. Речь идет об участии Мечникова в добровольческом войске Дж. Гарибальди и его борьбе за объединение Италии.

Уже в детстве у Л.И. Мечникова была сильна тяга к приключениям и путешествиям. Его друг, гимназист Н. Маслович, вспоминая о нем, описывал случай, как юный пятнадцатилетний Мечников под влиянием семейного предания сбежал из гимназии, чтобы попасть в Молдавию, правда, неудачно. Незадачливого гимназиста догнали недалеко от Харькова и вернули в семью [2. С. 999]. Еще в гимназическую пору Мечников успел поучаствовать в первой дуэли из-за дочери одного из преподавателей. К счастью, тогда все обошлось благополучно [Там же]. Все же, несмотря на одаренность и открытую еще в детстве способность к иностранным языкам, слишком активный характер помешал ему закончить сначала гимназию, а затем и университет. Не

найдя призвания на родине, в 21 год Л.И. Мечников уехал в Венецию, чтобы посвятить себя ремеслу художника [1. С. 9]. Однако судьба уготовила ему совсем другое предназначение.

Во второй половине XIX в. Италия переживала время объединения, а в год приезда Мечникова в Италию произошло одно из ключевых событий этого процесса – 11 мая 1860 г. Дж. Гарибальди вместе со своей знаменитой «Тысячей» добровольцев высадился в Марсале на Сицилии [3. С. 261] и вскоре захватил крупнейший сицилийский город Палермо, входивший в то время в Королевство Обеих Сицилий. На стороне его противника, неаполитанского короля Франческо II, было более чем десятикратное преимущество в количестве войск, артиллерии, судов и ресурсов. На стороне Гарибальди были лишь поддержка местного населения, уставшего от тирании монарха, и сочувствие всех угнетенных Италии, но для победы это было гораздо важнее. Сам Гарибальди писал об этих событиях: «Жители Марсалы... приняли нас довольно радушно. Народ ликовавал. Толстосумы держались в стороне. Я находил это вполне естественным. Тот, кто привык все исчислять в процентах, не может, конечно, спокойно видеть отчаявшихся людей, стремящихся уничтожить язву привилегий и лжи, разъедающую развращенное общество, чтобы облагородить его. Особенно, когда горстка смельчаков без пушек и бронебойного оружия идет против такой силы, как Бурбоны, считавшейся непобедимой. ...Бедный народ встретил нас ликующим и с нескрываемой любовью. Он думал только о святости жертвы, о благородном порыве кучки отважных юношей, пришедших издалека на помощь своим» [3. С. 261–262]. Л.И. Мечников оставил ценные воспоминания об организации этого войска. На протяжении всего времени гарибальдийская армия сохраняла добровольческий принцип комплектования, однако первая «Тысяча» состояла не просто из добровольцев, но из единомышленников. Это были люди, всем сердцем преданные делу объединения Италии и лично Гарибальди. Ни знаков различия, ни знамени, ни жесткой дисциплины или правильной организации они не имели. Не существовало полных списков всех рекрутов, как не было и принудительного способа удерживать солдат. Офицеры же и вовсе обладали полной свободой передвижения [4. С. 113]. В гарибальдийском войске были представители различных народов, многие из которых даже не говорили на итальянском языке. Среди гарибальдийцев были как простые пастухи и крестьяне, так и члены

богатых и знаменитых итальянских семей, однако своим званием и повышением по службе каждый был обязан только личным заслугам. В этой армии, как писал Мечников, юношей было многократно больше, чем опытных воинов, а некоторые из солдат были немногим старше четырнадцати лет [4. С. 114]. Однако, несмотря на видимое отсутствие дисциплины, случаи краж или мародерства были единичны и каждый виновный в них нес жестокое наказание – мародеров в армии Гарибальди расстреливали [4. С. 117]. Это обстоятельство выгодно отличало гарибальдийцев от их противников, что во многом обеспечивало им поддержку местного населения. Сам же Джузеппе Гарибальди был настоящим патриотом Италии, человеком глубоких нравственных принципов. Его жизнь свидетельствует о том, что ни деньги, ни власть, ни высокое положение в обществе не были его целью. Он родился в семье небогатого судовладельца и в детстве не знал нужды. Его горести и страдания были связаны с теми страданиями, которые испытывал весь итальянский народ, разделенный и находившийся под властью чужаков. В 26 лет он вступил в общество «Молодая Италия», которое вело борьбу за освобождение и объединение Италии. Свой путь борьбы он начал как сторонник Дж. Мадзини, однако впоследствии их пути разошлись. Гарибальди участвовал в заговоре 1834 г., окончившемся неудачей, после чего был вынужден на многие годы покинуть Италию. Принимал участие в революции 1848 г., которая также закончилась неудачей, но стала одной из вех всего национально-освободительного движения в Италии. Это, в свою очередь, привело к тому, что поход «Тысячи» Гарибальди стал возможен.

После первых успехов «Тысячи» в Италии развернулось масштабное волонтерское движение. В «Записках гарибальдийца» Мечников вспоминал об этом времени: «Вскоре после взятия Палермо, когда Гарибальди явно проявил намерение продолжать блистательно начатое предприятие, во всей Италии стали собирать волонтеров, из которых образовались три бригады: две в Генуе и одна во Флоренции» [5. С. 134]. Флорентийской бригадой командовал Джованни Никотера, к нему на службу и поступил лейтенант Мечников.

Известно, что первоначально Никотера планировал совершить поход на Рим, однако по прибытии его отряда в Ливорно властям удалось их разоружить [1. С. 10]. Было 31 августа, когда это случилось: «Решено было на утро, обезоружив нас, препроводить в Палермо в распоряжение диктатора» [5. С. 139]. Однако автор записок не был опечален этим событием и с энтузиазмом воспринял новость об их направлении к Гарибальди. На следующий день большая часть экспедиции была отправлена в Палермо пароходами «Феб» и «Гарибальди». Мечников был вынужден задержаться и отплыл на паруснике «S. Nicola».

Тем временем гарибальдийцы уже заняли Палермо, а 20 июля они с моря и суши одновременно атаковали Милаццо и после упорного боя заняли его. Сицилия оказалась полностью очищенной от власти неаполитанского короля. Наконец, 19 августа гарибальдийцы высадились на материке близ Реджио, где находились форты войск Бурбонов. Под покровом ночи форты бы-

ли атакованы с тыла, отрезаны от линий снабжения и вскоре сдались на милость атаковавших. Гарибальди вспоминал об этих событиях: «Результаты боев под Реджио имели величайшее значение. Форты вскоре сдались без всякого сопротивления. Мы завладели колоссальными военными запасами, провиантом и чрезвычайно важной базой для наземных операций. На другое утро мы преследовали корпус Гио, который через день сдался, оставив в наших руках много мелкого оружия и несколько полевых батарей. Затем сдались все форты, господствовавшие над Мессинским проливом, включая Шилла» [3. С. 289–290].

В Палермо Мечников прибыл поздней ночью. В городе еще не был окончательно наведен порядок после штурма, и не все баррикады были расчищены. В тот же вечер он явился к коменданту города. А на следующий день их отряд направили в Сапри на пароходе «Vittoria», после чего они были перенаправлены в Салерно. Следующим утром их ждало радостное известие. Едва рассвело, к ним подплыл британский пароход, шедший встречным курсом. «Да здравствует Италия», – воскликнули англичане – «Бурбоны очистили Неаполь, там ждут Гарибальди» [5. С. 148]. Еще в пути их застиг приказ отправиться в Неаполь, куда они и прибыли в тот же день. «Это было 7 сентября. Утром того же дня Гарибальди один приехал в Неаполь, безоружный, и был встречен неистовыми излияниями восторга» [Там же]. Воспоминание об этом событии оставил и сам Гарибальди: «Вступление в эту великую столицу казалось скорее чудом, чем реальностью. В сопровождении нескольких адъютантов я прошел мимо рядов бурбонских войск, еще владевших городом, взявших при моем появлении “на караул” с большим, несомненно, уважением, нежели они это делали тогда перед своими генералами» [3. С. 291]. Сам же неаполитанский король накануне бежал из своей столицы в крепость Капуя, оставив в городе восьмидесятысячный гарнизон. Последний, впрочем, не обнаружил ни сил, ни желания вести сопротивление, чему, конечно, способствовало и полумиллионное население, которое с восторгом встречало гарибальдийцев и которое могло поднять восстание в случае, если бы гарнизон вздумал оказать сопротивление. Однако сдаваться Франческо II не желал, поэтому все постепенно шло к решающему сражению.

В Неаполе был образован штаб Гарибальди, он находился в Palazzo d'Angri. Сам Гарибальди жил в здании штаба, там же жили или просто обедали другие генералы и офицеры гарибальдийской армии. Туда должен был явиться к полковнику Миссори и Мечников перед отправкой в штаб 1-й линии, к которому он был приписан. Полковника, однако, в тот день не оказалось, и на следующее утро Мечников отправился поездом в Санта Мария, где находилась первая линия обороны. Вечером того же дня он явился в штаб, командиром которого был Мильбиц, герой революции 1848 г. Мильбиц вместе с офицерами в это время ужинал. Приглашение к столу, которое здесь давалось раз и навсегда, получил от генерала и вновь прибывший лейтенант. «Вам здесь будет работа, сказал он, увидев меня: нам нужно укрепиться, а офицеров знакомых с этим делом совершенно нет» [5. С. 156].

Так началась боевая служба Мечникова. В его обязанности, как и всех офицеров, входило проведение

патрулей и разъездов, при проведении одного из которых Мечников едва не погиб. Во время очередного конного объезда группа, в которой он находился, столкнулась с неприятелем. Завязался бой, и противник, не ждавший нападения, был вынужден бежать. «Я был уже на половине возвышения, как вдруг какая-то фигура, неизвестно откуда взявшаяся, повисла у меня на поводьях. “Во имя короля, сдавайтесь!” закричал нападавший задыхающимся голосом. Сабли наши скрестились в воздухе. С минуту мы неистово колотили их одну о другую. Я не мог видеть своего противника; он был защищен шеей моей лошади, которую крепко держал за поводья. Между тем последние из нашего отряда мчались мимо меня. Один из них подоспел ко мне на выручку. Противник мой выпустил поводья и выступил несколько вперед, так что очутился почти у моей левой ноги. Пока я успел выхватить револьвер, он выстрелил, и пуля прожужжала у самого моего уха. Мой выстрел был удачнее. Когда рассеялся дым, противника передо мною не было» [5. С. 178]. Отряд гарибальдийцев сумел взять пленного и захватить артиллерийский передок. Сам же Мечников был легко ранен в бедро.

Главным же поручением Мечникову было руководство работами по укреплению одного из участков обороны возле Санта Мария. Требовалось отрыть траншеи, насыпать оборонительный вал, разместить и укрепить артиллерийскую батарею. Увы, подробной карты Санта Мария и его окрестностей у гарибальдийцев не было, поэтому план строительства оборонительных сооружений Мечникову пришлось разрабатывать, полагаясь на визуальные ориентиры, на местности.

Неожиданно возникла другая проблема. Ни за плату, ни без нее никто из местных жителей не хотел идти на земляные работы. Горожане до такой степени были запуганы, что с ужасом ожидали возвращения и возмездия неаполитанцев. Собственных сил на необходимую работу не хватало. Поступил даже приказ: если взрослые жители и за двойную плату не согласятся идти на работы, их следует приводить силой оружия. К счастью, ситуация благополучно разрешилась. Во второй половине дня, когда работы только начинали налаживаться, издали показалась колонна [5. С. 161]. Предводитель ее, Доменико-Флокко Абрुццез, объяснил, что он подрядчик и его работники занимаются строительством путей сообщения. Узнав о проблеме гарибальдийцев, он решил помочь им своими рабочими. С собою они принесли строительный инструмент, которого на месте не хватало. Всего набралось порядка девяноста работников, и дело наладилось. Первым делом были отрыты траншеи: первая – от амфитеатра до каменной арки, под которой была организована батарея, вторая – вдоль жилых домов до железной дороги, где находилась батарея бельгийцев. Перед траншеями был насыпан оборонительный вал и вкопаны заостренные колья, которые должны были помочь в борьбе с неаполитанской кавалерией. Дополнительную сложность в проведении работ приносил непрерывающийся огонь, который вел противник по позициям гарибальдийцев. К счастью, большое расстояние, разделявшее противников, не позволяло вести прицельную стрельбу, и никто из

добровольцев во время работ не погиб, хотя некоторые из них получили легкие ранения. Помимо укрепления собственных позиций, Мечников с десятком рабочих перерыл тропинки, ведущие к их позициям, чтобы неприятель не мог протащить там орудия. Были расставлены рогатины, чтобы задержать противника во время атаки. Когда работы близились к завершению, осмотреть позиции приехал сам Гарибальди. «Гарибальди шел впереди группы офицеров. Он был в своем повседневном костюме. Полинялая красная рубаха, узкие серые панталоны... и худые нечищенные сапоги. Венгерская черная шляпа была надвинута на самые брови. Видно было, что он не в духе» [Там же. С. 162].

Работа эта была важна, поскольку местность, на которой гарибальдийцам предстояло обороняться, была открытой, без естественных укрытий. Из защитных сооружений были только жилые дома, заборы и постройки на окраине города. Но эта позиция находилась почти в центре линии обороны, и ее прорыв мог обеспечить противнику доступ в тыл гарибальдийцев. Примечательно, что сам Гарибальди оставил воспоминания об этом месте: «Самой уязвимой была наша позиция у Санта Мария, находившаяся на равнине, с немногими оборонными укреплениями, сооруженными нами в несколько дней. Они были легко доступны для многочисленной неприятельской кавалерии, а также артиллерии, более многочисленной и лучше оснащенной, чем наша. Мы заняли Санта Мария из уважения к ее славному населению, проявившему некоторые либеральные устремления при отступлении бурбонцев, а теперь трепетавшему при мысли увидеть вновь своих старых владетельнов...» [3. С. 297].

С приближением октября неприятельские бомбардировки происходили все чаще. Однако благодаря проведенным работам число пострадавших было минимальным. Всё позволяло судить о том, что враг готовится к наступлению. Прогнозы о предстоящей неприятельской атаке оправдались. 1 октября 1860 г. противник перешел в наступление. Началась битва при Вольтурно. Положение по всему фронту было сложное, но наиболее тяжелая ситуация складывалась на участке возле Санта Мария, где находился в это время Мечников. Учитывая сложившуюся обстановку, Гарибальди в три часа дня отправился в Санта Мария, чтобы лично возглавить оборону. Мечников был на острие атаки неприятеля. Вспоминая об этих событиях, он писал, что день выдался не по-осеннему жарким и безветренным. Дым заволакивал все пространство вокруг и стелился по земле. К счастью, оказалось, что расположение батареи было выбрано удачно, гарибальдийские канониры стреляли метко, быстро подавляя вражескую артиллерию [5. С. 181].

К полудню прозвучала команда: «В штыки!», прогремели залпы картечи. Батальон повел в атаку полковник Порчелли, враг дрогнул и начал отступать. После успешной атаки батальон вернулся на исходную позицию, захватив с собою несколько трофеев. «Впереди шли два бурбонских артиллериста <...> За ними человек двенадцать тащили 16-фунтовое нарезное орудие, в которое была впряжена верховая лошадь. <...> Вся верхняя часть дула была изборозжена картечью и

забрызгана кровью; над затравкой... старый пьемонтец целил метко» [5. С. 183].

Однако положение гарибальдийцев не становилось лучше. Оправившись от первой неудачи, противник вновь перешел в наступление еще большими силами. Атаку возглавлял кавалерийский полк королевы и эскадрон гусар. В это время от случайно упавшей искры воспламенились заряды к орудиям. Мильбиц и Мечников были осыпаны искрами и упали на землю. Однако артиллеристы не растерялись и последним зарядом отправили гранату в самый центр колонны. Взрыв опустошил ряды наступавших, и эскадрон гусар в беспорядке обратился в бегство [5. С. 185].

Наступил решающий момент битвы. «В ту самую минуту, когда я подъезжал к батарее, там случился один из тех кризисов, которыми часто решается судьба сражений. На этот раз он был не в нашу пользу. Истощенные жаждой и усталостью две роты, удерживавшие натиск кавалерии, пошатнулись и в беспорядке побежали. Уже слышался топот, крик и бряцанье, уже ясно можно было различить усатые рожи драгун королевы, которые летели на нас, и гнали по пятам убежавших. Минута, и все бы пропало. “Гарибальди, Гарибальди!” И калатафимский герой словно с неба свалился в это мгновение. Присутствие любимого вождя вдохновило всех. “Alla baionnelta! Viva l'Italia!” и все, кто мог еще стоять на ногах, выбежали из батареи, несмотря на град пуль, ядра, свиставшие и рассекавшие воздух по всем направлениям. Мильбиц, раненый в ногу осколком гранаты, прихрамывая, ходил между рядами. Гарибальди, как заколдованный, был спокоен и невредим среди всеобщего движения. Вдруг меня осыпало искрами и песком; будто миллионы булавок вонзились в тело, потемнело в глазах, и я грянулся оземь» [5. С. 188–189]. К пяти часам дня, как писал Гарибальди, бой закончился, и он телеграфировал в Неаполь: «Победа по всему фронту!» [3. С. 300].

Завершилось крупнейшее сражение этой войны. В ноябре пала Капуя, и Франциск II бежал в крепость Гаэта. Наконец, 13 февраля 1861 г. капитулировала и эта последняя крепость. Однако ни Мечников, ни Гарибальди в этих событиях участия уже не принимали. Первый из них находился на излечении, в котором принял участие сам Александр Дюма. Гарибальди же отправился на остров Капрера, где поселился на маленькой ферме и большую часть времени вел уединенный образ жизни. Два года спустя он предпринял попытку вместе с добровольцами захватить Рим. Увы, эта попытка не увенчалась успехом. В 1866 г. Гарибальди командовал итальянскими волонтерами во время австро-пруско-итальянской войны. В 1867 г. он предпринял очередную попытку захватить Рим, но вновь неудачно. Гарибальди был отправлен в ссылку на Капреру, где к нему была приставлена стража. Последний раз он принимал участие в боевых действиях в 1870 г. во время франко-пруской войны. Главой объединенной Италии был провозглашен Виктор Эммануил II. На все требования Гарибальди включить Южную армию в состав национальной армии было отвечено отказом.

После излечения Мечников вернулся в штаб Мильбица в Санта Мария. Генерал принял его и отпустил в Неаполь, куда и сам вскоре переселился. «Он совершенно преобразился в мирного гражданина и наслаждался семейным благополучием и спокойствием... <...> Что вынес он из всей этой трудной кампании? Сознание, что спас Неаполь, и лишнюю рану» [4. С. 86], – писал Л.И. Мечников впоследствии о своем командире, хотя это же суждение было вполне применимо и к нему самому. Наконец, после долгого хождения по разным военным ведомствам, получил отставку и лейтенант Мечников. Вскоре он переселился в Сиену, опубликовал свои первые статьи в «Русском вестнике» и «Современнике», и в его жизни начался новый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. 464 с.
2. Маслович Н. К биографии Льва Ильича Мечникова // Исторический вестник. 1897. № 68.
3. Гарибальди Д. Мемуары. М., 1966. 467 с.
4. Мечников Л.И. Записки гарибальдийца // Русский вестник. 1861. № 36.
5. Мечников Л.И. Записки гарибальдийца // Русский вестник. 1861. № 35.
6. Мечников Л.И. Капрера // Современник. 1862. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИНДИИ

Инновационная система Индии находится в стадии формирования. В этой связи особенно важно понимать, какое положение и значение имеют ее основные участники: власть, бизнес и высшая школа. Научно-технологическая система Индии была сформирована за годы независимости, ее основные черты не могли не оказать влияния на формирующуюся инновационную систему. В статье рассматриваются основные черты участников инновационных процессов страны, их роль, определяются проблемы их встраивания в инновационную систему Индии.

Ключевые слова: национальная инновационная система Индии; инновационное развитие Индии; государство и инновации; высшая школа Индии; малый и средний бизнес в Индии.

Для понимания особенностей и перспектив развития национальной инновационной системы необходимо выявления и определения места и роли в этой системе ее основных участников – государства, бизнеса и научно-образовательного комплекса.

В российской литературе фундаментальные исследования научно-технологического, экономического развития, структурных сдвигов в экономике Индии выполнены Е.А. Брагиной, А.М. Горячевой, А.Е. Грановским, И.И. Егоровым, Э.Н. Комаровым, А.П. Колонтаевым, Г.Г. Котовским, О.В. Маляровым, А.И. Медовым, Ф.Н. Ниловым, В.И. Павловым, В.Г. Растянниковым, Р.И. Рейспером, Г.В. Сдасюк, В.Н. Уляхиным, А.И. Чичеровым, Г.К. Широковым, В.А. Яшкиным. Основными зарубежными исследователями вопроса формирования и развития научно-технологической системы Индии являются В.В. Кришна, М. Датц, П.Н. Десаи, С. Бхаттачарья. В работах исследователей указывается на структурные сдвиги в экономике в связи с осуществлением либерализационных реформ, что не могло не повлиять на формирующуюся инновационную систему страны.

Индия все еще находится на стадии формирования национальной инновационной системы. Поскольку научно-техническое развитие страны с самого момента обретения Индией независимости было приоритетом и практически исключительной прерогативой государства, видится естественной определяющая позиция государства как основного актора инновационной системы Индии. Государство обеспечивает правовое поле инновационной деятельности, проводит финансовые и не финансовые мероприятия по поддержке и стимулированию инновационной активности и полностью определяет направление инновационного развития через планирование и реализацию государственной политики в сфере науки и технологий, образовательной и промышленной политики.

В целом государство осуществляет следующие мероприятия в инновационном развитии страны:

- 1) выработка (формулирование) инновационной политики страны, что включает в себя определение приоритетных направлений развития, выявление преимуществ и недостатков существующей системы, выработку определяющих программных документов;

- 2) создание правового поля для инновационной деятельности и проведения инновационной политики;

- 3) создание инфраструктуры для реализации инновационной политики;

- 4) непосредственно реализация инновационной политики.

Государственный сектор – крупнейший в научно-исследовательской системе Индии, он обеспечивает 68% валовых расходов на НИОКР – Gross Expenditure on Research and Development (GERD). В этом секторе сосредоточено 69% (159 тыс. чел.) всего научно-исследовательского персонала страны (данные на 2005 г.) [1]. Из общего объема человеческих научных ресурсов страны (230 тыс. чел.) 31% занят в основных научных учреждениях таких структур, как Совет по научным и промышленным исследованиям, Департамент по атомной энергетике, Департамент по биотехнологиям, 14% работают в государственных университетах, 24% – в государственных предприятиях и национальных лабораториях [1]. Четыре сектора – оборона, космос, сельское хозяйство и передовые знания – являются основными по инвестированию в них НИОКР государством. Если рассмотреть долю государственных расходов на НИОКР по отраслям [2], очевидным становится, что государство практически полностью обеспечивает НИОКР в области космических и оборонных исследований, эксплуатации земли и атмосферы, в городском и аграрном планировании и распределении энергии. Наименьшее присутствие государства наблюдается в сфере развития транспорта и коммуникаций, услуг здравоохранения. Социальное развитие, промышленное и сельскохозяйственное развитие поделено между государственным и частным сектором примерно поровну.

Открытие рынка и перевод работы предприятий, в том числе госсектора, в рыночные условия функционирования сделали задачу коммерциализации технологических разработок одной из важнейших. Технологический рынок Индии начал развиваться сравнительно недавно (в 90-е гг.), поэтому движение технологий от исследовательских организаций к производителям осуществляется зачастую через свои специфические схемы. В отличие от многих других стран, в большинстве научно-исследовательских институтов и лабораторий государственного сектора Индии отсутствуют подразделения, работающие в области маркетинга и продвижения разработок на рынок. Этим занимается Национальная корпорация развития исследований (NRDC), созданная в 1953 г. Эта организация стала играть ключевую роль в приобретении, оценке, развитии и трансфере технологий, разработанных в различ-

ных государственных институтах и лабораториях, независимо от стадии их проработки. Сейчас NRDC работает под эгидой департамента научных и промышленных исследований министерства науки и технологий. Деятельность корпорации осуществляется по двум направлениям. Первое – продвижение технологий, второе – коммерциализация технологий [3].

Частный сектор, включающий частные компании и транснациональные корпорации (ТНК), является вторым по величине участником инновационной системы Индии, обеспечивает 30% GERD (на 2007 г.) и занимает 31% от всего научно-исследовательского персонала страны (на 2005 г.). В 1990–1991 гг. частный сектор составлял 13,8% GERD, этот показатель увеличился до 20,3% в 2001–2002 гг. и до 30% в 2006 г. В денежном эквиваленте – с 2,4 млрд евро в 2002 г. до 5,5 млрд евро в 2005 г. [1]. Таким образом, наблюдается тенденция к росту значимости частного сектора в инновационной активности страны. Это подтверждается и ростом числа компаний, занимающихся НИОКР, и показателем интенсивности научно-исследовательской работы, осуществляемой в частном секторе. Средний показатель здесь практически в два раза выше, чем в госсекторе [4].

Самыми интенсивными секторами по НИОКР стали фармацевтика и выведение лекарственных формул, самая низкая НИОКР-активность – в нефтяной и сталелитейной промышленности. Необходимо отметить еще одну важную особенность индийского бизнеса – это выход на мировые рынки через слияния и поглощения (M&A). В области технологий это означает двусторонний процесс передачи технологий и создание новых технологических мощностей. Как в количественном, так и в стоимостном отношении этот процесс развивается довольно бурно и охватывает как традиционные отрасли, так и высокотехнологичные.

Вот некоторые из самых крупных поглощений: «Тата Стил», поглотившая «Корус» (английская компания), которая в пять раз больше «Таты», стоимостью более 12 млрд долл.; крупнейшая индийская алюминиевая компания «Хиндалко», поглотившая компанию «Новелис» за 6 млрд долл.; «Бхарати-Эйртел», поглотившая «Заин» (африканские телекоммуникации) за более 10 млрд долл.; поглощение двух легендарных марок автомобилей «Лэнд Роверс» и «Ягуар» компаниями «Тата Моторс» за 6 млрд долл.; приобретение индийской Корпорацией нефти и природного газа (ONGC) нефтегазовых месторождений в Бразилии, Анголе, Судане и России на сумму свыше 2 млрд долл. Что касается ONGC – эти приобретения имеют стратегическую важность для страны в плане доступа к стратегическим ресурсам. Приобретение двух легендарных автоконцернов «Лэнд Роверс» и «Ягуар» обеспечило «Тата Моторс» включение в цепь по созданию добавленной стоимости, доступ к технологиям, высококвалифицированной рабочей силе и нематериальным активам в виде прав на интеллектуальную собственность. Приобретение «Эйртел» обеспечило выход на новые телекоммуникационные рынки Африки [5].

Широкое распространение получила практика создания совместных с ТНК научно-исследовательских лабораторий. Такие лаборатории были созданы сов-

местно с компаниями «Дю Понт», «Аббот Лабс», «Парк Дэвис», «СмитКлайн Бичам», «Акзо», «Дженерал Электрик» в области химии и фармацевтики. ТНК шестнадцати стран открыли свои НИЦ в Индии. США стали лидером в этом списке и по числу центров, и по количеству занятых в них сотрудников [Там же].

Участие предприятий микро-, малого и среднего бизнеса (ММСБ) в инновационном развитии страны все еще несущественно, несмотря на то что в Индии в сфере МСБ занято 60 млн человек в 26 млн предприятий, которые дают 45% производства страны, 40% от всего экспорта и 8% ВВП. Более 95% всех промышленных предприятий Индии – предприятия малого и среднего бизнеса (МСБ), которые производят примерно 45% от всей промышленной продукции [6].

Исследования МСБ Индии [7] показали, что технологические инновации в этом секторе носят побочный характер. Например, большая часть технологических инноваций осуществлялась компаниями МСБ под давлением покупателей и касалась в основном изменения дизайна, формы, габаритов продукта. Инновации в процессе производства затрагивали в основном снижение стоимости продукции и улучшение качества продукта. МСБ сталкивается с бесчисленными трудностями при введении инноваций, самой серьезной из которых является отсутствие технических мощностей. Для таких предприятий довольно сложно получить техническую поддержку. Те же предприятия, которым это удалось, обычно имели более квалифицированный персонал и в среднем чаще прибегали к инновациям. Доля инновационной продукции у них выше в общем объеме продаж.

Другая особенность инновационных компаний МСБ Индии – очень низкий процент патентования такими компаниями своих изобретений. Среди причин такой ситуации выделяют следующие [8]:

1. Поскольку основная доля инноваций в компаниях носит сопутствующий характер, они выполняются для удовлетворения нужд покупателей, и предприниматели не видят смысла их патентования (т.е. это не прорывные инновации).

2. Даже если речь идет о прорывной технологии, предприниматели просто не знают, как можно получить патент.

3. Получение патента – довольно дорогая процедура для предприятий МСБ в отношении денег, времени и усилий.

Таким образом, предприятия МСБ в основной массе низкотехнологичны, не обладают достаточными ресурсами для технологических инноваций, инновационная активность не является для этих компаний целевой.

Ситуация отличается в сфере ИТ и услуг, а также в области биотехнологий. Университеты занимают важное место в научно-исследовательской деятельности любой страны. Так, университеты стран ОЭСР (25 стран) составляют 20%, японские университеты 15% (в 2004–2005 гг.) от GERD. В Китае – 10% (на 2005–2006 гг.). Индийские же университеты и колледжи составили 7% GERD на 2008 г. [1]. Несмотря на такой скромный показатель, научная эффективность сектора высшего образования Индии довольно высока. Две трети всех научных публикаций в SCI предостав-

ляют именно университеты (источник – база данных SCI за 1985–1986, 1994–1995 и 2001–2002 гг.) [9].

И хотя в целом за период с 1980-х по 2007 г. доля университетов в количестве научных публикаций упала с 69% в 1985–1985 гг. до 52% в 2007 г., этот сектор все равно дает более половины всего национального научного результата.

Научная эффективность университетов Индии оценивается как «узкая» (термин В.В. Кришны) [10]. Этот вывод основан на следующих фактах. Согласно исследованиям, проведенным Гуптой и Дхаван [11], только 18–20% от всех университетов Индии могут быть классифицированы как исследовательские, поскольку их средняя интенсивность публикаций составляет 120 публикаций в год на протяжении десяти лет. Далее в исследовании указывается, что всего 80 вузов Индии дают 72% всех публикаций сектора высшего образования, а остальные 300 вузов дают оставшиеся 28%. Это позволяет утверждать, что по-настоящему в секторе высшего образования существует серьезный разрыв между исследовательскими университетами и «учебными».

Тем не менее в послереформенные годы наблюдается расширение исследовательской базы университетов, выразившееся в росте количества выпущенных университетами докторов наук (Ph.D.). Если в 1992–1993 гг. общее число докторов наук в научных и ненаучных дисциплинах составляло около 8800, то за десять лет (к 2004–2005 гг.) их количество увеличилось практически в два раза (до 17 898). По научным дисциплинам рост числа докторантов фундаментальных наук составил 150%, а технических наук – около 300% за то же десятилетие [10].

Основной проблемой, затрудняющей достижение университетами хороших результатов, была их аффилированная природа. Учебный план университетов не соответствовал нуждам науки и промышленности, поэтому сложилась ситуация, когда значительная часть университетов Индии не производила передового знания, что является одной из важнейших функций высшей школы. Кроме того, развитие технического образования в стране замедлялось из-за недостаточной поддержки правительства, в том числе финансовой.

Исторически сложилось, что фундаментальные и прикладные научные исследования велись вне университетов, в специальной сети НИОКР лабораторий – Совете по научным и промышленным исследованиям (CSIR). В них перешло работать большое количество ученых из университетов, что разрывало связь между обучением и научными исследованиями.

Для инновационной системы страны важным условием эффективного развития является связь университетов с промышленностью. В 2000-х гг. наметилась тенденция включения некоторых университетов в инновационные кластеры, производящие и новые знания, и новые технологии. По большей части формированию таких кластеров способствовали ТНК, которые предпочитали создавать свои научно-исследовательские лаборатории там, где был доступ к высококвалифицированным техническим специалистам, а также к научным кадрам.

Однако устойчивый рост спонсируемых и консалтинговых проектов демонстрируют только институты системы индийских технологических вузов. За пять лет

(с 1999–2000 по 2004–2005 гг.) рост составил 227% [12]. Это цифры свидетельствуют также о сдвиге деятельности университетов в пользу исследовательской составляющей. Необходимо отметить, что в процессах взаимодействия ИТИ с промышленностью не прямую, но большую роль играют бывшие выпускники ИТИ, которые зачастую становятся главами крупных компаний. В создании ИТ-кластеров в Индии (например в Бангалоре, Хайдарабаде, Дели) большую роль сыграли выпускники ИТИ, работающие в Кремниевой долине США, через различные ассоциации, такие как «Индусы Предприниматели» (Indus Entrepreneurs), «Ассоциация индийских профессионалов Кремниевой долины» (Silicon Valley Indian Professional Association, SIPA).

Несмотря на институционально развитую систему высшего образования и существенное количество ученых и технических специалистов, результативность как фундаментальных (по параметру количества научных публикаций), так и прикладных исследований (по количеству патентов) довольно низка, это подтверждает невысокое положение Индии в мировых рейтингах.

Причиной этому являются слабые связи вузов и научно-исследовательских лабораторий, с одной стороны, и вузов и бизнеса – с другой. Недостаточность финансирования высшей школы приводит к неразвитости инфраструктуры, необходимой для осуществления научно-исследовательских работ. Существующие же мощности в отдельных вузах (в основном в индийских технологических институтах) используются недостаточно рационально, слабо развита культура совместного использования оборудования и лабораторий [2]. Университеты по большей части еще не интегрировались в НИС как источник знаний и технологий. А политика по коммерциализации интеллектуальной собственности университетов была пока лишь артикулирована, ее принятие и реализация могли бы стать катализатором инфузии высшей школы в инновационные процессы страны.

Таким образом, формирующаяся инновационная система несет в себе все результаты научно-технологического развития дореформенных лет, когда доминирующим участником являлось государство. Наблюдается слабая взаимосвязь между остальными участниками инновационной системы – бизнесом и высшей школой. Это связано и со спецификой научно-образовательного комплекса страны, который нуждается в реформировании и адаптации к новым экономическим реалиям, и с тем, что основой частного бизнеса Индии являются предприятия малого, среднего, но в большей степени микробизнеса, который практически не вовлечен в инновационные процессы страны.

Государство осознает существующие проблемы в инновационном развитии, но лишь частично. Это подтверждается новой научной, технологической и инновационной политикой, которая была опубликована правительством в январе 2013 г. [13]. В новом программном документе основной целью обозначается усиление роли частного бизнеса в национальной научно-технологической инновационной системе через реализацию государственно-частного партнерства. Это позволит обеспечить расширенный доступ частного бизнеса к государственным программам и ин-

струментам инновационного развития наряду с государственными учреждениями.

В новой программе нет четкого обозначения проблемы, связанной с изолированностью микро-, малого и среднего бизнеса от инновационного развития страны, а значит не декларируются меры по решению этой проблемы. Проблемы научно-образовательного комплекса также не нашли должного отражения в новой программе, и в

частности проблема снижения исследовательской интенсивности вузов. Цели увеличения числа занятых в НИОКР, научных публикаций, усиления международного сотрудничества без подкрепления детальным обозначением мер и схем по их достижению выглядят декларативными. Некоторые ученые полагают, что сфера высшего образования была принесена политиками в жертву развитию государственно-частного партнерства [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012*. URL: <http://www.oecd.org/sti/sti-outlook-2012-highlights.pdf> (дата обращения 05.12.2012).
2. *Research and Development Statistics*, Department of Science and Industry. URL: <http://dst.gov.in/majorhighlights.pdf> (дата обращения 05.12.2012).
3. *Official web-site*. URL: <http://www.nrdcindia.com/> (дата обращения 05.12.2012).
4. *Pramod, Kumar Naik and Krishnan, Narayanan and Puja, Padhi, R&D intensity and market valuation of firm: a study of R&D incurring manufacturing firms in India*. URL: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/37299/1/MPRA_paper_37299.pdf (дата обращения 05.12.2012).
5. *S&T India Report*, DST, GOI, URL: <http://www.nistads.res.in/indiasnt2008> (дата обращения 05.12.2012).
6. *Strategic Action Plan of Ministry of Micro, Small and Medium Enterprises*, Government of India, New Delhi. URL: <http://msme.gov.in/MSME-Strategic-Action-Plan.pdf> (дата обращения 05.12.2012).
7. *Bala Subrahmanya M.H., Mathirajan M., Balachandra P. Srinivasan M.N.* Research Project Report on R&D in Small Scale Industries in Karnataka. Department of Science & Technology, Government of India, New Delhi, 2001, 2008.
8. *Hemantkumar P. Bulsara, Shailesh Gandhi, and P.D. Porey*, Techno-Innovation to Techno Entrepreneurship through Technology Business Incubation in India: An Exploratory Study // *Asia Pacific Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2009. Vol. 3, № 1. P. 55–77.
9. *Science Database*. URL: <http://scidb.org/> (дата обращения 05.12.2012).
10. *Krishna V.V.* Science, technology and policy changes in India // *Science, Technology and Society*. 1996. Vol. 1, is. 1. P. 129–144.
11. *Gupta B.M., Dhawan S.M.* Status of India in science and technology as reflected in its publication output in the Scopus international database, 1996–2006 // *Scientometrics*. Vol. 80, № 2. P. 473–490.
12. *Krishna V.V.* Knowledge production and knowledge transfer: A study of two Indian institutes of technology (IIT Madras and IIT Bombay) // *Academic Entrepreneurship in Asia: The Role and Impact of Universities in National Innovation Systems*. 2011. P. 254–288.
13. *Science Technology and Innovation policy 2013*/Department of Science and Technology of Government of India. URL: www.dst.gov.in/sti-policy-eng.pdf (дата обращения 24.03.2013).
14. *Krishna V.V.* Science, technology and innovation policy 2013 high on goals, low on commitment (Review) // *Economic and Political Weekly*. 2013. Vol. 48, is. 16. 20 April. P. 15–19.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.

УДК 930:070

В.В. Шевцов

«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Рассмотрены основные направления исследовательского внимания к губернским ведомостям в дореволюционный период. Это библиографические обзоры содержания губернских ведомостей, использование материалов ведомостей в качестве источника в центральных изданиях, дискуссия по поводу содержания и направления губернских ведомостей в среде общественных деятелей и газетных сотрудников, определение места губернских ведомостей в системе периодической печати России в очерках ее истории и справочных изданиях. В качестве примера влияния авторитетного мнения на формирование отношения к губернским ведомостям рассмотрена статья Н.М. Ядринцева «Начало печати в Сибири» (1885) как основа областнической концепции сибирской периодики, которая в дальнейшем «нарастила» историографический авторитет и до настоящего времени в своей фактологической и оценочной частях продолжает использоваться для освещения истории губернских ведомостей Сибири.

Ключевые слова: губернские ведомости; дореволюционная печать; историография периодической печати; источниковедение.

Интерес к губернским ведомостям как представителям провинциальной прессы возник в среде ведомственных официальных изданий. Уже спустя семь лет после начала массового выхода губернских ведомостей, в 1845 г., «Русский инвалид» сообщал своим читателям: «Отдавая почти ежемесячно отчет о том, что замечательного представляют своим читателям наши столичные журналы, мы до сих пор ничего не говорили об их меньших братьях, губернских периодических изданиях, еще мало развившихся, еще мало известных, но могущих со временем сделаться центрами местной провинциальной литературы» [1. № 82. 12 апреля. С. 325]. В 1848–1851 и 1852–1855 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышло «Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг.» [2] и «Обозрение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг.» [3] И.П. Боричевского. В «Обозрении» по названиям, авторам и номерам ведомостей, имевшим неофициальный отдел, были систематизированы статьи, касающиеся истории Русской православной церкви, археологических находок, языкознания, биографий выдающихся исторических лиц, архивных документов, географии, статистики и этнографии. Работа И.П. Боричевского была продолжена историком русской литературы и библиографом Г.Н. Геннади – в «Вестнике Императорского Русского Географического общества» в 1852–1859 гг. печатался «Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851–1856 гг.» [4]. Некоторые из статей предварялись небольшими аннотациями их содержания. Наконец, другим членом Русского географического общества – этнографом и археологом А.И. Пискаревым – к 1860 г. был завершен масштабный труд по составлению «Алфавитно-синтетического указателя сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей» с 1838 по 1851 г. [5]. Более пространными характеристиками губернских ведомостей с кратким воспроизведением содержания опубликованных в них материалов отличались обзоры в частных литературно-публицистических журналах – «Современнике» [6], «Русском вестнике» [7] и «Отечественных записках» [8].

Либерализация политического режима и появление у прессы новых возможностей по влиянию на власть и общество привели к тому, что библиографические обо-

зрения губернских ведомостей дополнились интересом к ним как одному из основных видов местной периодики. В столичных изданиях начался обмен мнениями по поводу направления ведомостей, их роли в общественной жизни и места в складывающейся системе российской печати. Началом этой дискуссии можно считать ряд публикаций в 1859 г. в «Русском дневнике», издателем-редактором которого был П.И. Мельников. «Московские ведомости» откликнулись статьей из Казани, объясняя, что местные ведомости «задавлены» статьями «о благосостоянии края, о благотворительных распоряжениях местного начальства, и благосклонными отзывами об эфемерных удовольствиях провинции» [9. № 28. 1 февраля. С. 215] потому, что в их распоряжении имеются только очень скудные материальные средства, а редактор находится в зависимом от начальства положении. Улучшить содержание неофициальной части в этих условиях могло бы размещение в ней поясняющих и руководящих статей к публикациям в части официальной. «Все, изучающие настоящее и прошлое России, сознают необходимость знакомства со статьями местного интереса, помещающимися в наших губернских ведомостях» [10. № 56. 6 марта. С. 41], – писали далее «Московские ведомости», приводя в последующих номерах этнографические сведения из «Вологодских», «Черниговских», «Ярославских», «Казанских», «Харьковских», «Калужских», «Оренбургских», «Саратовских» и «Томских» ведомостей [11. № 255. 27 октября. С. 1832–1833; № 256. 28 октября. С. 1838–1840]. По мнению газеты, редактором ведомостей должен был быть учитель гимназии или лицо, имеющее университетское образование. Обзор современных вопросов, затрагиваемых в губернских ведомостях (деятельность крестьянских комитетов, женское образование, устройство телеграфных линий, организация публичных библиотек), в этом же 1859 г. производил журнал «Семейный круг» [12. № 5. С. 214–288; № 6. С. 198–209; № 7. С. 224–233], объясняя недостаточное внимание к этим вопросам тем, что чиновники, позволившие себе «печатно открыть завесу провинциальной жизни», могут повредить своей карьере и иметь неприятности от высшего начальства [12. № 5. С. 215]. В целом, солидаризируясь с «Московскими ведомостями» в отношении того, что в ведомостях «могли бы высказываться местные потребности, сред-

ства к исправлению общественных недостатков», автор считал, что этого не происходит не по организационным причинам: «Многие думают, что губернские ведомости не достигают своей цели потому, что издаются при губернском правлении, и что если бы редакцию неофициальной их части поручить местным гимназиям, они бы переменили свой характер, – едва ли так» [Там же. С. 216]. Включившийся в дискуссию «Московский вестник» также считал, что ведомости должны освещать «проявления народной жизни, быта и нравов народа, его нужд и потребностей» [13. № 27. С. 432–435]. Объясняя степень использования 54 местных литературных органов в качестве источника для внутреннего обозрения, «Московские ведомости» в 1860 г. выделяли среди них «лучшие органы провинциальной жизни», которые сообщали «прекрасный материал для истории, статистики и этнографии России» или отдавали большее предпочтение текущим известиям, «стараясь быть отголоском важнейших нужд и потребностей своего края» [14. № 3. 4 января. С. 19]. Большая же часть ведомостей ограничивалась лишь перепечатками или «очень плохими» фельетонами. Совет, который давали «Московские ведомости» своим провинциальным коллегам и который многими из них уже воплощался: печатать на своих страницах статистические, этнографические и исторические материалы, собираемые местным губернским статистическим комитетом.

Историк и краевед Р.Г. Игнатьев, работавший в «Новгородских», а затем в «Оренбургских» губернских ведомостях, в газете «Иллюстрация» в 1860 г. также выносил суровый приговор тем местным казенным газетам, которые увлекались перепечатками, пренебрегая интересами местной жизни. Он предлагал допустить на страницы неофициальной части беллетристику и издавать ее отдельно под руководством частного лица «вне всякого влияния губернских властей» [15. № 146. 24 ноября. С. 326–327]. Статья вызвала выговор цензору и предупреждение редактору журнала, поскольку была напечатана без предварительного согласования с Министерством внутренних дел, в ведении которого находились губернские ведомости [16. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5510. 1860 г. Л. 11–12]. По поводу статьи Р.Г. Игнатьева «Московские ведомости» в 1862 г. опубликовали мнение из села Берестова, в котором большее или меньшее значение ведомостей и отношение к ним чиновного общества целиком и полностью связывалось с фигурой губернатора, в убеждениях которого «заключается развитие или совершенное уничтожение деятельности редактора неофициальной части губернских ведомостей». Автор предлагал сохранить должность редактора в составе губернского чиновного аппарата и соединить ее с должностью секретаря статистического комитета, с жалованием в 1600 р. в год и суммой в 600 р. для выплаты авторских гонораров. Назначенная законом программа газеты «могла бы быть расширена дозволением помещать в ней повести, рассказы и вообще статьи, имеющие по своему содержанию литературно-общественный интерес» [17. № 38. 16 февраля. С. 310–311]. В продолжение дальнейших шагов по реформированию губернских ведомостей Р.Г. Игнатьев, называя их программу «отжившей», а сам печатный орган «немым», предлагал передать ве-

домости и губернские типографии в аренду частным лицам и упразднить газетный стол, открыть в ведомостях юридический отдел, отдел критики и библиографии, допускать в неофициальной части «беллетристику, рассказы, стихотворения, ученые статьи преимущественно местного интереса, иметь постоянный политический отдел и телеграфные депеши» [18. № 155. 15 июля. С. 1249]. Аналогичное мнение высказал С.Н. Терпигорев, отправив в 1862 г. в «Голос» статью «Губернские ведомости» о передаче их «литературным каторжникам» из петербургских редакций. Однако по цензурным соображениям эта публикация не состоялась [16. Ф. 777. Оп. 26. Д. 27. 1863. Л. 1–3].

В 1861 г. в газете либерального направления «Русское слово» появились два новых раздела – «Современная летопись» и «Дневник темного человека», которые вели Г.Е. Благосветлов и Д.Д. Минаев, извлекая из ведомостей информацию о «мерзостях и пакостях», совершаемых по всей России, и отпуская острые замечания по поводу творчества провинциальных литераторов. Например, в «Симбирских губернских ведомостях» 1862 г. «какой-то провинциальный “афтор”» извещал своих земляков о том, что «в Петербурге по улицам ходят какие-то турки в масках и режут всех, кто под руку ни подвернется». В этой же статье объявлялась новость, что ни одно русское имя не начинается с буквы «Ж» – «открытие это до такой степени замечательное, что оно вероятно будет перепечатано во всех газетах» [19. 1862. Март. Отдел 3. С. 18–19]. Обращаясь к местным корреспондентам, «темный человек» восклицал: «Вам ли воспевать природу с ее таинствами в ущерб таинствам провинциальных судов, канцелярий и пр. и пр.? Или уже окружающая вас среда обратилась в счастливую Аркадию...» [19. 1862. Май. Отдел 3. С. 37]. «Современный летописец» призывал губернские ведомости разрабатывать местные вопросы, в особенности касающиеся крестьянской реформы, как это делали «Ярославские губернские ведомости», и быть тем самым «хорошим подспорьем для внутренней хроники столичных газет и журналов» [19. 1862. Март. Отдел 3. С. 19].

В использовании публикаций в ведомостях в качестве заслуживающего доверия официального источника дальше всего, в интересах «освободительного движения», пошли издания революционно-демократического направления. С 1860 г. в «Современнике» выходило «Внутреннее обозрение» – «постоянная хроника внутренней жизни нашего отчества», которую вел С.Т. Славутинский [20. 1860. № 3. С. 231–235]. В одном из писем к нему Н.А. Добролюбов призывал «группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений», чтобы «колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху» [21. С. 67–68]. Несмотря на то что Н.А. Добролюбов в предисловии к рецензии на «Пермский сборник» (Москва, 1859) считал, что выходящие ведомости «до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов» [20. 1859. № 10. Отд. 2. С. 358], в своей статье «Опыт отучения людей от пищи» (направленной против деятельности одного из откупщиков) он основывался на статье «Небывалое возмущение», напечатанной в «Са-

марских губернских ведомостях» их редактором Д.Л. Мордовцевым [22. С. 438–460]. Материалы «Оренбургских губернских ведомостей» Н.А. Добролюбов использовал для обнародования фактов взяточничества и спекуляции местных чиновников, а «Самарских губернских ведомостей» – вновь в статье «О распространении трезвости в России». К фактам из «Киевских губернских ведомостей» и газеты «Кавказ» обращался также и Н.Г. Чернышевский [23. С. 29]. Всероссийскую огласку получали сведения из губернских ведомостей в «Колоколе» А.И. Герцена, в случае если их возможно было интерпретировать как очередное «злодействие» правительства или помещиков [24. С. 30–32].

«Губернские ведомости» и их авторы стали предметом сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина, в ведении которого в период работы рязанским вице-губернатором в 1858–1860 гг. находились «Рязанские губернские ведомости». В фельетоне «Литераторы-обыватели» (1861) он вывел фигуру провинциального обличителя Корытникова, который многословно, со смешением высокого стиля общих рассуждений с описанием фактов мелких административных правонарушений, рассуждал об умственном и гражданском развитии: «В то время, как ты мучишься в потугах рождения, чтоб бросить миру какую-нибудь высокопарную мысль о человечестве и постепенном поступании его на пути совершенствования, трезвая и неподкупная действительность силой приковывает тебя к тесной твоей раковине, к родному твоему Глупову! И выходит тут нечто нелепое: Глупов – и человечество, судья Лапушников – и вечные законы правды...» [20. 1861. № 2. С. 371–408]. В фельетоне «Наша общественная жизнь» (1863) губернские ведомости в своей благонамеренности и трафаретности описаний официальных торжеств ставились в один ряд с «Голосом» («Куриным эхом») и «Русским листком» («Убогим листком») как примеры «картонной литературы»: «“Из Рязани пишут, что выборы произведены в совершеннейшем порядке”; “Из Саратова пишут, что по случаю упразднения откупов ожидали некоторых беспорядков, однако все обошлось смирно: народ пил дешевку и похваливал”; “Из Калуги пишут, что там, по случаю назначения нового губернатора, дворяне решились дать бал”; “Из Костромы пишут, что там дворяне решились дать бал без всякого случая”... <...> Такого рода сплошным благородством давно уже с величайшим успехом занимаются все губернские ведомости обширной Российской империи. Неужели же наша литература осуждена превратиться в губернские ведомости? ужели общество, для которого литература все-таки служит органом, допустит такое нелепое превращение?» [20. 1863. № 3. С. 175–202].

Коллеги классика русской сатиры по революционно-демократическому лагерю также были с ним солидарны в отношении к губернским ведомостям. Публицист Н.В. Шелгунов в статье-очерке «Гражданские элементы Иркутского края» (1863) писал, что ведомости «стали кидаться в литературность; от этого в них относительно убавилось дела и прибавилось лишних слов», между тем они должны быть справочником-хроникой провинциальных событий и происшествий, «складом фактов» для частных, более серьезных и идейных газет: «Пусть публикуют они все, что случит-

ся в губернии – грабежи, убийства, кражи, банкротства, пусть дадут статистические сведения об экономическом быте сельских и городских сословий, о людях бедных и богатых, о том, как живут чиновники, о том, как наживаются купцы, о том, как существуют крестьяне и мещане» [19. 1863. Сентябрь. С. 21–22]. В.А. Слепцов, высмеявший «попытки народной журналистики» в виде журналов «Мирской вестник» и «Мирское слово» [20. 1863 № 3. С. 131–144], в статье «Губернская пресса» (1865), напечатанной в «Современнике», определил губернские ведомости как «мёртворожденные детища разных губернских правлений», которые пишут «не публицисты, а канцелярские служители, сшивают сторожа и печать наклеивают они же» [20. 1865. № 9. С. 43]. Категоричность и выразительность этой формулировки так полюбилась некоторым историкам печати, что она стала приводиться при случае, когда необходимо было кратко и хлестко выразить свое отношение к губернским ведомостям вообще или к отдельным их наименованиям в частности [25. С. 305; 26. С. 108; 27. С. 4]. С иронией пройдясь по содержанию также и «прогрессивных органов провинциальной журналистики», носящих подражательный характер провинциальных газет столичным московским газетам, Слепцов заключал свою статью выводом, что «чего-нибудь особенно нового в пределах провинциальной журналистики и совсем никогда не бывает» [20. 1865. № 9. С. 53].

Известный библиограф В.И. Межов (1870), называя лучшими среди ведомостей «Архангельские», «Бессарабские», «Олонецкие», «Пермские», «Таврические», «Терские», «Харьковские» и «Ярославские», а «Виленские», «Ковенские», «Екатеринославские», «Московские», «С.-Петербургские», «Смоленские» и «Тульские» – представляющими из себя «степь Сахару», так же как и Р.Г. Игнатьев, предлагал передать официальные газеты в аренду частным лицам: «Правительство перестало бы тратить деньги большею частью непроизводительно; общество имело бы несколькими десятками занимательных и полезных газет более... <...> А что в каждом губернском городе достаточно хватило бы интеллектуальных сил на издание серьезного органа отечествоведения, то в этом не может быть никакого сомнения... <...> И так, даже и при настоящем порядке вещей, едва обеспечивающем существование местных казенных органов печати, находятся люди бескорыстно преданные делу исследования и описания известного края» [28. С. 14–15].

В 70-х гг. в дискуссию о соотношении центрального и регионального секторов российской печати включились бывшие сотрудники губернских официальных изданий: Д.Л. Мордовцев – в 1856–1862 гг. редактор «Саратовских губернских ведомостей» и А.С. Гациский – секретарь Нижегородского губернского статистического комитета. В 1869 г. на страницах «Нижегородских губернских ведомостей» А.С. Гациский определял задачи провинциальной печати как разработку местных «строго-исторических, статистических, этнографических, земских и т.д. интересов», а не создание «доморощенной публицистики» в подражание петербургской [29. 1869. № 3. 15 января. С. 18]. Свое убеждение он подкреплял конкретной деятельностью, начав издание продолжающегося «Нижегородского сборни-

ка» (в 1867–1890 гг. вышло 10 томов), посвященного положению и быту крестьян, экономическому развитию губернии, состоянию в ней системы образования и здравоохранения. Д.Л. Мордовцев, напротив, предсказывал, что рост столиц – «вселенских спрутов», сосредотачивающих в себе все лучшие духовные и экономические силы страны, приведет к окончательной централизации печати, обрекая провинциальных «соратников» столичных изданий на «измельчание» и «духовное убожество» [30. 1875. № 9. С. 44–70; № 10. С. 1–32] (сам Мордовцев в 1872 г. окончательно перебрался из Саратова в Петербург, где начал серию исторических романов, составивших ему известность у современников). В то же время в своих рассуждениях Мордовцев противоречил сам себе, приводя мнение Гацисского, как «самого видного представителя» провинциальной печати, о том, что печать провинции может рассказать об историческом прошлом каждой отдельной территории во всех мельчайших подробностях, недоступных или безынтересных историку-централисту. Гацисский в открытом письме Мордовцеву высказался против монополии столичной журналистики, находящейся в неведении о том, что делается в провинции, газеты которой в середине 70-х гг. стали разрабатывать темы, немислимые 10–15 лет назад, переставая быть «кабальной батрачкой» петербургской печати. В отношении места губернских ведомостей среди провинциальных изданий Гацисский писал, что их существование вовсе не мешает развитию частной прессы: «Была бы газета хороша, а подписчики ее поддержат... <...> “Губернские ведомости” пусть их будут “Губернскими ведомостями”»; уничтожение же их искусственной монополии именно с целью создания или поддержания другой искусственной монополии частных газет, по меньшей мере непоследовательно» [31. С. 16–17]. В этой полемике приняли участие «Камско-Волжская газета», «Сибирь» и «Тифлисский вестник». Дискуссия не завершилась примирением [32. С. 120] – в 1877 г. Д.Л. Мордовцев в ответ на письмо А.С. Гацисского «Вашу руку, товарищ!» в «Неделе» ответил, что он «не уступил» и «не отступил» от того, что говорил в «Деде». Каждая из сторон, делал вывод Х.С. Булацев, «после долгих споров и “объяснений” осталась на исходных позициях» [27. С. 133–134].

Сами ведомости стали заявлять о себе по мере накопления материалов в их неофициальных частях, что приводило к необходимости составления тематических и хронологических указателей. Действующие редакторы или лица, когда-либо исполнявшие эту должность, смотрители типографий или секретари губернских статистических комитетов (часто эти должности совмещались) становились первыми авторами очерков истории губернских ведомостей, содержащих в себе имена их сотрудников, сведения о тираже, периодичности, тематике разделов, взаимоотношениях с властью и частными изданиями. Для составления указателей продельвалась титаническая работа. Так, И.И. Васильевым было просмотрено более 5 000 номеров «Пензенских губернских ведомостей» за 50 лет их издания, выделено 3 000 публикаций, распределенных по 25 рубрикам. Д.Д. Смышляев расположил по тематическому принципу 1 885 публикаций неофициальной ча-

сти «Пермских губернских ведомостей» за 1838–1885 гг., а именной указатель содержал 494 фамилии авторов [33. С. 117]. Составители избирали различные способы упорядочивания материала – по хронологическому, предметному, авторскому и географическому принципам. К концу XIX в. вышло 120 указателей по 32 губернским ведомостям из 40, издававшихся на территории Российской Федерации [34. С. 133]. Они публиковались в виде отдельных работ, в самих ведомостях и других местных изданиях – «Трудах» и «Ежегодниках» губернских статистических комитетов, «Памятных книжках», «Трудах» архивных комиссий.

Всплеск интереса к ведомостям пришелся на 1888 г., когда большинство из них отмечало свое пятидесятилетие и у местных литературных сил появлялась возможность подвести определенные итоги развития газеты, выделить этапы ее истории, представить полную ретроспективу статей неофициальной части. Таковы работы Н.Е. Ермилова об «Архангельских губернских ведомостях» (1888) [35], В.В. Соловского о «Тамбовских губернских ведомостях» (1888) [36], П.А. Альбицкого о «Нижегородских губернских ведомостях» (1888) [29. 1888. № 6–8, 10–13, 15, 19, 21–23], И.И. Васильева о «Пензенских губернских ведомостях» (1889) [37], Н.В. Воскресенского о «Воронежских губернских ведомостях» (1888–1890) [38] и др. Столетие губернской типографии также становилось поводом для обращения к истории издаваемой в ней газеты. В.А. Скрипичин (1895) не без гордости писал о «Саратовских губернских ведомостях» после изменения программы их издания в 1888 г.: «Не велик наш огонек, но и слабый блеск мерцающего вдали огонька выводит заблудившегося путника на дорогу» [39. С. 20]. Его коллега В.М. Хороманский (1895) подробно рассказал об истории саратовской губернской типографии, постановке в ней печатного дела, состоянии и обновлении ее оборудования, условиях работы и квалификации типографских рабочих [40].

Благодаря указателям губернских ведомостей их содержание включалось в общероссийское информационное и научное пространство, делалось доступным для развития «родиноведения» и «отечествоведения». Дальнейшее развитие русской истории и этнографии повышало ценность неофициальных частей губернских ведомостей в качестве источника [41. С. 77–83] и ставило задачу его «обследования» в масштабах всей страны. Историк и этнограф Н.Ф. Сумцов отмечал, что «в общей громадной массе областных ведомостей встречаются весьма ценные номера», «эти скромные издания вносили в провинциальную глушь кое-какие сведения о мире и людях», и пятидесятилетний юбилей их издания в 1888 г. должен ознаменоваться составлением общего и подробного указателя их содержания [42. С. 2, 7–8]. На необходимость сохранения и изучения губернских ведомостей Сибири «для пользы науки и в видах содействия местным исследователям» указывал И.В. Щеглов (1883). По мнению создателя первой сибирской хроники, ведомости сохранили на своих страницах множество любопытных материалов для местной истории, этнографии, статистики, лингвистики, метеорологии и пр. Как внимательный к каждому факту и событию прошлого историк, И.В. Щеглов от-

мечал, что «эти издания уже сделались библиографическою редкостью» и необходимо издавать указатели содержащихся в них статей, а наиболее ценные и интересные из них обобщить в сборнике [43. С. 348]. Историк В.С. Иконников в своем «Опыте русской историографии» (1891) включил губернские и епархиальные ведомости в разряд источников по русской истории и представил краткий обзор отдельных региональных сборников, перепечатававших их статьи [44. С. 329].

В конце XIX – начале XX в. издатели, газетные работники, журналисты, библиографы подводили некоторые итоги развития российской печати, которой в 1903 г. исполнилось 200 лет. Публицист и издатель Б.Б. Глинский в очерке об истории и современном положении провинциальной периодики (1898) заключал, что к концу XIX в. «мечта наших областников сбылась: провинциальная печать во всех губернских центрах завоевала себе право гражданства и является действительной руководительницей местного общества» [25. С. 320]. В отношении же губернских ведомостей Б.Б. Глинский делал вывод, что «правительству, сосредоточившему в своих руках губернскую прессу, несмотря, может быть, на самые благие побудительные намерения, не удалось сделать из них влиятельных и руководящих органов печати, и вся их роль сошла на роль справочных изданий по части официальных объявлений, полицейских распоряжений и казенных объявлений на разные торги» [25. С. 305].

Известный русский писатель В.Г. Короленко в статье «Из истории областной печати» (1897), посвященной памяти А.С. Гацисского, представил процесс «оживления» губернских ведомостей как трагикомедию, действующие лица которой – просвещенный администратор, покровительствующий печатному слову, и представители губернской интеллигенции, «с жаром и пылкими надеждами» принимающиеся за неофициальную часть. «В первом действии – общее благоволение и призывы “к совместному труду на пользу края”. Во втором – появление первого обновленного и “оживленного” номера, знаменующего начало процветания местной прессы. Потом – первые тучи на ясном небе. Одной стороне казалось, что достаточно доброго желания, чтобы все процвело во “вверенном крае”, и что теперь “темные стороны” могут существовать разве только в соседних губерниях. Другая ждала, что ей позволено будет раскрывать “бедность и несовершенство нашей жизни” и призывать лучшее будущее. На этой почве взаимные недоразумения растут как грибы, “оживление” вскоре кончается среди обоюдного охлаждения и недовольства, неофициальный отдел исчезает или принимает чисто канцелярский характер...» [45. С. 10–11]. Действительно, направление казенного издания не могло быть стабильным и последовательным, как у частной газеты, изменение отношения к ней администрации или цензурное предупреждение могли привести к «упадку» неофициальной части, который в свою очередь мог вновь смениться ее «оживлением».

В сборнике статей, приуроченном к юбилею русской периодической печати (1903), празднование которого «вылилось в разговор о бесправном, угнетенном положении прессы в России» [46. С. 17], Н.М. Лисовский определял губернские ведомости лишь как

«столбцы официальных сведений и казенных объявлений» [47. С. 18–19]. С точки зрения расстояния, пройденного печатью к началу XX в., и вставших перед ней к этому времени общественно-политических задач ведомости, как и вся пресса дореформенного периода, казались малозначительными по содержанию и значению. «Да, очень, очень ничтожна была ежедневная пресса 1848–1855 гг., ничтожна, начиная с формата, – писал С.А. Венгеров. – А на каждый, день газеты довольствовались заимствованиями из “Губернских ведомостей” о том, что в таком-то городе стала река, найден клад, пролетел метеор, прибыл преосвященный, родился теленок о шести ногах и т.д. <...> “Губернские ведомости”, состоявшие и состоящие поднесы из распоряжений губернского правления и этнографических сведений, мы, конечно, не включаем в число газет» [48. С. 101–102, 105].

Первый обзор истории сибирской печати появился в 1885 г. и принадлежал Н.М. Ядринцеву – публицисту, общественному деятелю, ученому и одному из основателей сибирского областничества. В приложении к «Восточному обозрению» – «Сибирском сборнике» – была помещена статья «Начало печати в Сибири», в которой второй раздел был посвящен губернским ведомостям [49. С. 367–375]. «Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати в виде сереньких листиков и с не менее убогим материалом» [49. С. 367], – так открывалась характеристика «Тобольских губернских ведомостей». «Томские губернские ведомости» возникли «при еще более скудных силах» и высоко оценивались в связи с публикациями в них Г.Н. Потанина и самого Н.М. Ядринцева: «...в 1858 г. появляется статья в ведомостях даже Г.Н. Потанина...»; «В 1865 г., во время редакции Д.Л. Кузнецова, на смену прежних литераторов являются в “Губернских ведомостях” первые силы сибирской университетской молодежи и пробуют сделать газету литературной, но попытка эта является кратковременной...» [49. С. 369–370]. Более высокой оценки удостоились «Иркутские губернские ведомости» благодаря привлечению генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым к работе в них ссыльных М.В. Петрашевского и Н.А. Спешнева. Н.М. Ядринцев приводил мнение В.И. Вагина: «Газетка [“Иркутские губернские ведомости”] приняла обличительный характер и притом до такой степени живой и смелый, что в этом отношении едва ли могло равняться с ней какое-нибудь другое издание того времени в России... <...> Публика скоро поняла дух губернских ведомостей, и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков» [49. С. 371–373]. «Упадок» ведомостей наступил – с 1860 г. для «Иркутских» (в связи с началом издания «Амура»), с 1866 г. для «Томских» (после ареста областников), с 1868 г. для «Тобольских» (с уходом с поста губернатора А.И. Деспот-Зеновича). Ведомости Енисейской губернии, Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской областей вовсе не представляли никакого интереса – «некоторые не идут дальше одного листика с обыкновенными местными распоряжениями» [49. С. 371]. В целом, Н.М. Ядринцев обращал внимание на ценность губернских ведомостей в качестве источни-

ка по истории и этнографии Сибири и на их роль, которую они сыграли в общественной и научной жизни края в конце 50-х – начале 60-х гг.: «Во все время своего существования до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ, губернские ведомости были единственным прибежищем пишущих образованных людей Сибири» [49. С. 373]. Настоящее и будущее губернских ведомостей виделось Н.М. Ядринцеву лишь в качестве официального органа: «Всякая попытка конкурировать с частными изданиями по части литературного материала, да еще вести с ними полемику, обыкновенно и до последнего времени кончается плачевно... <...> “Губернские Ведомости” должны получить более тесное официальное значение, а все, что касается литературы и научных исследований, выделилось из них» [49. С. 374].

Данный очерк полностью вошел в главу о зарождении и развитии местной периодики во втором, расширенном издании труда Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1892) [50. С. 662–697]. В первом издании 1882 г., приуроченном к 300-летию присоединения Сибири к России, в главе об образовании в Сибири в одном абзаце был намечен план-конспект очерка (в котором не было места губернским ведомостям) – иркутская газета «Амур», «Сибирский вестник» Б.А. Милютин, «Кяхтинский листок» и, наконец, «Сибирь», которая «привлекши лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу» [51. С. 396]. Губернским ведомостям было уделено более подробное внимание в 1885 г., не только по причине того, что они исторически предшествовали частной газетной периодике, но и ввиду необходимости расставить желаемые приоритеты и все точки над «i» в споре ядринцевского «Восточного обозрения» со своими конкурентами – «Томскими губернскими ведомостями» периода редакторства их неофициальной части Е.В. Корша в 1882–1883 гг. [52. С. 107–112] и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева, начавшим выходить с 1885 г.: «По смерти князя Кострова “Томские губернские ведомости” совершенно падают. Ведомости редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г. является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части. Губернские ведомости не могли уже соперничать с возникшею в Томске частною печатью» [49. С. 370–371]; «Только благодаря усилиям и последовательности иркутской газеты [«Сибири»], элемент ссыльных мошенников не получил такого значения и не завладел общественной жизнью в Иркутске, как это случилось в Томске» [50. С. 683]; «Но орган этот [«Сибирский вестник»] составил, по своему направлению, исключение из местной сибирской печати. Хотя в несколько лет добился значительного распространения» [50. С. 685]. В последнем случае Н.М. Ядринцев все же проговаривался, поскольку «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» в ряду немногочисленных сибирских газет был не менее популярен, чем «Сибир-

ская газета» и «Восточное обозрение», но данные им оценки сформировали представление об авторах и редакторах «Сибирского вестника» как организаторах «продажного рептильного органа» [53. С. 77], хотя в настоящее время наметилась тенденция к изменению этой точки зрения [54. С. 121–149].

Мнение о губернских ведомостях Н.М. Ядринцева было подкреплено воспоминаниями другого лидера областнического движения – Г.Н. Потанина, который писал, что «настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева» [55. С. 279], и упоминал лишь окрашенные обличительным или областническим содержанием статьи ведомостей: «В первых же номерах [«Иркутских губернских ведомостей»], которые редактировал петрашевец Спешнев, появилась статья о винных откупах. Она тотчас же была отмечена в петроградских газетах и перепечатана. Это был первый удар, нанесенный системе печатью, вероятно, с благословения иркутского генерал-губернатора Муравьева-Амурского... <...> ...мы с Ядринцевым на столбцах “Томских ведомостей” помещали статьи по университетскому вопросу в Сибири, о равновесии областного бюджета с государственным, о вредном влиянии ссылки на сибирские нравы и т.п. Конечно, такой литературе не место в официальных органах» [55. С. 280].

В последующих характеристиках губернских ведомостей «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева бралось за основу, дополняясь сведениями о современном их положении и видоизменяясь в некоторых частях, если автор имел свое особое мнение. Так, «Тобояк», пересказывая текст Н.М. Ядринцева в статье «Столетие сибирской печати» (1889) в «Сибирском вестнике», отмечал, что в «Томских губернских ведомостях» в период работы в них Е.В. Корша «мы находим несколько дельных статей и корреспонденции из Западной и Восточной Сибири. Кроме того, в газете иногда появлялись интересные статистические и этнографические статьи, как, например, Н.П. Григоровского. В “Ведомостях” за это время даже печатались передовые статьи, и нужно отдать справедливость – довольно содержательные и дельные» [56. С. 374]. В качестве причин «оскудения внутреннего содержания» сибирских ведомостей, в особенности в 80-е гг., «Тобояк» называл узость их программы, неподготовленность редакторов к литературной деятельности и появление частных, а также научных органов печати, в которых стал публиковаться прежний «насушенный хлеб» ведомостей – этнографический и исторический материал.

Вывод Н.М. Ядринцева о том, что «до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ губернские ведомости служили прибежищем пишущих образованных людей Сибири», повторил историк А.И. Дмитриев-Мамонов в работе с аналогичным названием «Начало печати в Сибири» (1900) [57. С. 68]. 40-летие сибирской печати было отмечено статьей историка и географа П.М. Головачева «Судьбы “Губернских ведомостей” в Сибири» (1897), а в связи с общерусским ее юбилеем в «Восточном обозрении» им была опубликована большая статья «Прошлое и настоящее сибирской печати» (1903). Следуя известной канве в описании ранней истории ведомостей, с упоминанием классических и знаковых ядрин-

цевских высказываний о том, что первый номер «Томских губернских ведомостей» начинался с «рецепта чернил», а с 1866 г. «Томские губернские ведомости» «опускаются до прежнего уровня и наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом» [58. 1903. № 17. 21 января. С. 2–3], П.М. Головачев сообщал о попытках «оживления» «Енисейских губернских ведомостей» в 1891 г. губернатором Л.К. Теляковским, о «борьбе за литературное существование» «Томских губернских ведомостей» в 1893–1897 гг. и о расширении программы неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900 г. при губернаторе И.П. Моллериусе. Общий вывод П.М. Головачева исключал ведомости из числа «литературных» изданий – «они должны существовать исключительно, как сборники циркуляров центрального правительства и приказов губернской администрации» [59. 1897. № 150. 21 декабря. С. 2–3]. Аналогичная мысль была высказана народовольцем В.В. Леоновичем в статье «Из текущей жизни. Несколько слов о казенной печати в Сибири» (1897): «...гг. бюрократам следовало бы лишь отказаться от взглядов на “Ведомости”, как на газету, и затем признать их за орган для печатания материалов и статей по истории края, его этнографии, географии, археологии, статистике и т.п.» [59. 1897. № 121. 15 октября. С. 4].

Едва ли не единственные сведения об изменениях, произошедших с губернскими ведомостями в начале XX в. и в период первой русской революции, содержатся в юбилейной статье сибирского журналиста и общественного деятеля К.В. Дубровского (1907) [59. 1907. № 186. 3 июня. С. 2; № 188. 6 июня. С. 2]. Кроме краткого пересказа статьи П.М. Головачева, автор упомянул о деятельности редактора неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900–1905 гг. А.И. Виноградова и о повороте газеты «вправо», который связывался с вступлением в должность иркутского губернатора вице-губернатора В.А. Мишина, сменившего И.П. Моллериуса. Эти сведения из «новейшей» истории «Иркутских губернских ведомостей» были воспроизведены в очерке «Периодическая печать города Иркутска» (1916) историка и библиографа Н.С. Романова [60. 1916. № 9–10. С. 400–401]. В период управления Забайкальской областью Е.О. Мациевским, а затем И.П. Надаровым была расширена программа «Забайкальских областных ведомостей», о чем благожелательно сообщали редактор частной газеты «Забайкалье» П.М. Мартынов (1904) [61. 1904. № 66–68] и сам редактор «Забайкальских областных ведомостей» в 1902–1905 гг. Н.Д. Карамышев (1909) [62. 1909. № 88]. «Голос Сибири» (1911), также заботясь о будущем историке сибирской печати, определил оба органа следующим образом: «...как “Забайкалье”, так и неофициальная часть “Областных ведомостей” были безыдейными уличными листками с сильным черносотенным пошибом» [63. 1911. № 262. 23 ноября].

В очерке «Периодическая печать в Томске» Вс.М. Крутовского (1912) значительная часть данных по истории губернских ведомостей вновь была заимствована из статьи «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева. Только по причине работы в первой томской газете Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и

Д.Л. Кузнецова автору «неизбежно» пришлось «сказать несколько слов» о «Томских губернских ведомостях» 1863–1865 гг.: «...ни до этого, ни после не было такого блестящего состава сотрудников», превративших «затхлые» ведомости в «выдающуюся для своего времени по содержанию и направлению газету» [64. С. 286]. Видимо, по аналогии дискуссии между «Восточным обозрением» и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева в работе Вс.М. Крутовского возникла «дискуссия» между «Сибирским вестником» Б.А. Милютина и «Томскими губернскими ведомостями»: «На страницах “неофициального отдела” Н.М. Ядринцев дебатировал огромной важности вопрос: “Сибирь, та ли же Русь?” в ответ на вызов, как мы уже говорили, Б.А. Милютина в “Сибирском Вестнике”» [64. С. 286]. В действительности, статья «Сибирь – та же Русь» была напечатана в «Амуре» в 1861 г. [65. 1861. № 84. 28 октября. С. 797–798], перепечатана в 1862 г. в «Иркутских губернских ведомостях» [1862. № 47. 24 ноября] и содержала в себе всего лишь рассуждения о необходимости перенесения в Сибирь тех общественных учреждений, которые получали распространение в Европейской России. Под ответной статьей Н.М. Ядринцева «Сибирь, та ли же Русь?» Вс.М. Крутовский имел в виду, видимо, статью «Сибирь перед судом русской литературы» [67. 1865. № 9. 5 марта] или же статью Н.В. Шелгунова «Сибирь – та ли же Русь», напечатанную в 1863 г. в «Русском слове» [19. 1863. Сентябрь. С. 25–40].

Заключает дореволюционную историографию губернских ведомостей Сибири работа «Периодическая печать в Сибири» (1919) А.В. Адрианова – этнографа и просветителя, последнего представителя сибирского областничества. Еще раньше А.В. Адрианов писал о деятельности Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и Д.Л. Кузнецова в «Томских губернских ведомостях» [68. С. 116–119; 69. С. 43–52], приводил сведения о подписке и тиражах томских газет [68. С. 81–82]. В краткой «истории повременной печати Сибири», излагавшейся с целью показать путь и характер ее развития к 1919 г., была представлена все та же областническая концепция сибирской периодики, в которой ведомости рассматривались как первичный этап «умственного роста» местной интеллигенции. При этом концепция извлекала «факты» уже сама из себя – ошибочное утверждение Вс.М. Крутовского о «дебатах» между «Томскими губернскими ведомостями» и «Сибирским вестником» было подано уже в виде «политических статей» Н.М. Ядринцева против Б.А. Милютина, «доказывавшего, что “Сибирь – та же Русь”» [70. С. 3]. Среди ведущих и постоянных сотрудников неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» А.В. Адрианов называл Щукина и Шешунова [70. С. 3]. Н.С. Щукин – основной обвиняемый по делу о сибирских сепаратистах, составитель литературного сборника «Сибирские рассказы» и организатор литературно-публицистического журнала «Сибиряк», выпуск которого не состоялся [71. С. 79–86]. Н.Г. Шешунов с 1893 г. был временным редактором «Восточного обозрения» [72. С. 88]. Но оба эти человека никогда не публиковались в «Иркутских губернских ведомостях»¹. Свою работу А.В. Адрианов завершал в условиях, ко-

гда «типичные советские газеты сошли со сцены в Сибири по мере освобождения ее территории от большевиков и их засилья» [70. С. 24]. Однако этого не случилось. Некогда оппозиционная самодержавию либеральная «Сибирская жизнь» для новой власти стала «черносотенно-провокационной» [73. С. 198]. В марте 1920 г. ее последний редактор был расстрелян по приговору Томской ЧК.

Итак, исследовательский интерес к губернским ведомостям в дореволюционный период был представлен следующими направлениями:

1. *Составление в научно-справочных целях библиографических обзоров содержания губернских ведомостей* в ведомственных, научных и литературно-публицистических периодических изданиях, а затем в самих губернских ведомостях. Ведомости при этом дифференцировались по научной значимости публикуемых в них материалов. Опыт составления общих указателей за определенные периоды был недолгим – 40–50-е гг. XIX в. (работы И.П. Боричевского, Г.Н. Геннадина, А.И. Пискарева, А.Н. Афанасьева, А.Н. Егунова) – и сменился указателями региональными, которые составлялись бывшими или действующими сотрудниками губернских ведомостей, секретарями статистических комитетов. Они стремились в общеисторических и краеведческих целях сохранить библиографические сведения о статьях по истории, географии, этнографии и статистике края, избирая для их описания и группировки различные принципы и потому учитывая далеко не все публикуемые в неофициальных частях губернских ведомостей материалы. В конце 80-х гг. среди историков, этнографов и библиографов была поставлена задача создания общего для всех ведомостей указателя или указателя для указателей, которая в дальнейшем приобретала все больше активных сторонников, но так и не была решена.

2. *Использование материалов губернских ведомостей в качестве источника для «внутренних обзоров» в центральных изданиях.* В этом случае подход к ведомостям был сугубо утилитарным, из просмотренных газет отбирался лишь нужный с точки зрения редакции материал, а все остальное шло в «отбой» как несущественное и важное только лишь для серой провинциальной действительности. Ведомости дифференцировались, но уже по степени отражения ими «действительных фактов» общественной жизни – среди них (по классификации А.Н. Плещеева) выделялись «безгласные», «сдержанные» и «сочувствующие новым идеям». Революционно-демократические издания – «Современник», «Русское слово», «Колокол» – обращались к ним как к надежному официальному источнику в политических целях и призывали местных редакторов работать в ведомостях именно в этом ключе, быть их своеобразными «региональными представителями» в разработке «местных вопросов».

3. *Дискуссия конца 50-х – начала 70-х гг. XIX в. по поводу содержания и направления губернских ведомостей* в среде общественных деятелей, публицистов, журналистов, многие из которых были причастны к изданию ведомостей. В этой дискуссии ряд авторов (Р.Г. Игнатьев, С.Н. Терпигорев, В.И. Межов) в связи с развитием частной прессы отказывали первенцам про-

винциальной печати в жизнеспособности и считали необходимым их реформирование, главным образом, на путях привлечения к работе в ведомостях независимых интеллектуальных сил, претендующих на расширение поля своей литературной и общественной деятельности на счет государственной печати. Снисходительно-ироничное отношение к «губернской литературе» выразил М.Е. Салтыков-Щедрин, о ее местечковости и подражательности писали Н.В. Шелгунов, В.А. Слепцов и Д.Л. Мордовцев. Против монополии частных газет выступил А.С. Гациский, который своим примером доказывал возможность существования полноценной провинциальной прессы. По его мнению, «свой путь» для губернских ведомостей заключался в научном изучении локальной истории в соизмерении ее с современностью, что позволит судить о всех разнообразных местностях России. Съезд представителей губернских ведомостей, организованный Главным управлением по делам печати в 1901 г., вновь оживил дискуссию об историческом прошлом и будущем губернских ведомостей между столичными изданиями, которые в большинстве своем не считали ведомости газетой (вкладывая в это понятие прежде всего общественно-политический смысл), и самими ведомостями, редакторы которых отстаивали свое право на освещение местной жизни и выражение местных интересов в официальном «внепартийном» издании [74. С. 92–96; 75. С. 164–174].

4. *Определение места губернских ведомостей в истории провинциальной периодической печати.* В 1888 г. 50-летний юбилей большей части губернских ведомостей России привел к появлению ряда очерков, посвященных истории их возникновения, развития, роли в изучении края. Сами редакторы и сотрудники ведомостей, давая характеристику газете, сосредотачиваясь на самых мельчайших подробностях ее существования, считали, что она занимает достойное место в ряду провинциальных изданий, несмотря на критику, продолжает существовать и вносить свой вклад в историю российской печати. В юмористическом ключе к «оживлению» ведомостей подошел В.Г. Короленко, хотя он скорее подтвердил нестабильный волнообразный характер их развития, зависящий от местного губернатора и редактора. В общих обзорах печати ведомости типизировались и в целом, как не соответствующие критерию общественно-политической значимости, определялись как казенные справочные периодические издания (Б.Б. Глинский, Н.М. Лисовский, С.А. Венгеров). Именно голос последних сформировал неизменное и авторитетное мнение в отношении губернских ведомостей как не игравших никакой роли в «освободительном движении», которое было воспринято и генерализовано в последующей советской историографии.

Очень определенно влияние авторитетного мнения на формирование отношения к губернским ведомостям прослеживается в Сибири. В 1885 г. в приложении к «Восточному обозрению» Н.М. Ядринцева вышла его статья «Начало печати в Сибири», которая создала губернским ведомостям как ретроспективную, так и перспективную, на весь период их существования, репутацию. В 1864–1865 гг., совместно с другим ос-

нователем областничества и будущим мэтром сибиреведения – Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцев принимал участие в наполнении неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Именно этот короткий период (а для «Иркутских губернских ведомостей» период 1857–1859 гг., когда в них работали ссыльные петрашевцы) стал оцениваться как высший этап развития газеты, после чего она вступила в период «упадка». Место и значение ведомостей в истории сибирской печати определялись Н.М. Ядринцевым с точки зрения начального этапа возникновения независимых и оппозиционных властям частных изданий («подлинной местной печати»). Предшествующие годы существования неофициальных частей губернских ведомостей, как и последующие после «дела областников», оценивались с точки зрения их соответствия (вернее, несоответствия) задачам местного печатного органа, поэтому не заслуживали пристального исследовательского внимания. Последующие авторы – «Тоболяк», А.И. Дмитриев-Мамонов, П.М. Головачев, К.В. Дубровский, Н.С. Романов – воспроизводили и дополняли точку зрения первопроходца частной сибирской журналистики, иногда искажая ее в деталях (Вс.М. Кру-

товский, А.В. Адрианов), но не в раз и навсегда данных в 1885 г. оценках.

Период выхода реформированных правительством губернских ведомостей во время первой русской революции и в последующие до Октябрьской революции годы вообще выпал из поля зрения историков печати либерального и областнического направления, а писать об этом после установления советской власти уже было некому, незачем, да и не безопасно. Так областническая концепция истории губернских ведомостей, нарастившая историографический авторитет, и до настоящего времени в своей фактологической и теоретической частях продолжает быть основой для освещения ранней истории сибирской периодической печати [76. С. 23–33]. Мнения первых авторов истории сибирской печати и ее непосредственных участников важны и, безусловно, заслуживают внимания, но как исходящие от представителей конкурирующей частной прессы и носителей иных политических взглядов они не могут претендовать на исключительную доброжелательность, взвешенность и внимательное отношение ко всем обстоятельствам биографии местных правительственных газет за столь длительный отрезок времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья «Смертность в Иркутске», напечатанная в № 10 «Иркутских губернских ведомостей» от 6 марта 1858 г. и подписанная как «Н. Щукин. С.П.Б. 11 дек. 1857 г.», судя по ее содержанию и стилю, принадлежит дяде и полному тезке идеолога сибирского областничества – писателю и краеведу Николаю Семеновичу Щукину (1792–1883).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русский инвалид*. 1845.
2. *Боричевский И.П.* Обзорение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848–1851. Ч. 58, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 69, 72.
3. *Боричевский И.П.* Обзорение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852–55. Ч. 75, 76, 80, 83, 85.
4. *Геннадии Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851–1859 гг. // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1852. Ч. 5. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–47; 1853. Ч. 8. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–46; 1854. Ч. 11. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–41; 1855. Ч. 14. Кн. 4. Раздел IV. С. 1–60; 1856. Ч. 18. Кн. 5 Раздел IV. С. 1–28; 1858. Ч. 23. Кн. 5. Раздел IV. С. 1–22; 1859. Ч. 25. Кн. 3. Раздел IV. С. 17–51.
5. *Пискарев А.И.* Алфавитно-синтетический указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей // Вестник Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1857. Ч. 18. Кн. 3; 1857. Ч. 20. Кн. 4; 1860. Ч. 29. Кн. 6; 1860. Ч. 29. Кн. 7.
6. *Афанасьев А.Н.* Обзорение русской литературы за 1849–50 гг. // Современник. СПб., 1850. Т. 19. С. 13–36; 1851. Т. 26. С. 3–45.
7. *Егунов А.Н.* Обзорение губернских ведомостей // Русский вестник. М., 1856. Т. 1. Кн. 2. С. 222–229; Т. 2. Кн. 1. С. 51–63; Т. 3. Кн. 2. С. 132–143.
8. *Егунов А.Н.* Обзорение губернских ведомостей // Отечественные записки. СПб., 1856. Т. 108. Кн. 10. С. 137–148; Т. 109. Кн. 11. С. 25–38; Т. 111. Кн. 3. С. 25–44.
9. *Н.П. [Н.А. Попов – ?]* Казанские письма. «Губернские ведомости» вообще и «Казанские» в особенности // Московские ведомости. 1859.
10. *Б. [Бабст И.К. – ?]* Литературные заметки. Этнографические и исторические статьи губернских ведомостей // Московские ведомости. 1859. № 56.
11. *Щ. [Щепкин М.П. – ?]* Обзорение губернских ведомостей // Московские ведомости. 1859.
12. *Л-ский И. [С.А. Ладыженский – ?]* Обзор «Губернских ведомостей» // Семейный круг. СПб., 1859.
13. *[Плецев А.Н. – ?]* Заметка кое о чем // Московский вестник. 1860. № 27.
14. *Внутренняя корреспонденция.* «Губернские ведомости» и губернские статистические комитеты // Московские ведомости. 1861.
15. *Игнатьев Р.Г.* Вопрос о преобразовании губернских ведомостей // Иллюстрация. 1860.
16. *Российский государственный исторический архив.*
17. *Н-ов* (Село Берестово, 17 декабря 1860 г.). О губернских ведомостях // Московские ведомости. 1861.
18. *Игнатьев Р.* Еще о губернских ведомостях (с. Тунгатарово Оренбургской губернии, 2 апреля) // Московские ведомости. 1861.
19. *Русское слово.*
20. *Современник.*
21. *Переписка Н.А. Добролюбова с С.Г. Славутинским* // Огни: История. Литература. Пг., 1916. Кн. 1.
22. *Добролюбов Н.А.* Опыт отлучения людей от пищи // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л., 1963. Т. 7.
23. *Ковалева М.М.* Русская провинциальная печать в оценке журнала революционной демократии «Современник» // Становление и развитие местной печати России : межвуз. сб. трудов. Воронеж, 1985.
24. *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985.
25. *Глинский Б.Б.* Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1.

26. Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д, 1969.
27. Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981.
28. Межов В.И. Краткий статистический и библиографический обзор русского отечествоведения за 1859–1868 гг. СПб., 1870.
29. Нижегородские губернские ведомости.
30. Дело.
31. Гациский А.С. Смерть провинции, или нет. Открытые письма Д.Л. Мордовцеву. Н. Новгород, 1876.
32. Сундиева А.А. Культурный и общественный смысл дискуссии о провинциальной печати (70-е гг. XIX в.) // Провинциальный город: культурные традиции и современность. М., 2000.
33. Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» с 1838 по 1917 гг. (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья : сб. ст. Пермь, 1973.
34. Озерова Г.А. Источники краеведческой библиографии (губернские ведомости и указатели их содержания) // Труды ГПИБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 3(6).
35. Ермилов Н.Е. Полный систематический указатель статей, помещенных в неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» за 1882–1887 гг. Архангельск, 1888.
36. Соловский В.В. Указатель статей, помещенных в Тамбовских Губернских Ведомостях с 1838 по 1888 год. Тамбов, 1888.
37. Васильев И.И. Пензенские губ. ведомости. Первое пятидесятилетие. 1839–1888. Отдел неофициальный: систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. Пенза, 1889.
38. Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888–1890.
39. Скрипичин В.А. «Саратовские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1838–1894 гг. Очерк составлен ко дню празднованию столетия губернской типографии. Саратов, 1895.
40. Хороманский В.М. Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895.
41. Барсов Е.В. Обзор этнографических данных, помещенных в разных губернских ведомостях за 1873 г. // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1: Труды этнографического отдела; Кн. 3. Вып. 1: Протоколы заседаний Отдела (с 22 декабря 1867 г. по 23 апреля 1874 г.). М., 1874.
42. Сумцов Н.Ф. Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. Оттиск из февральской книжки журнала «Киевская старина». Киев, 1888.
43. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882). Сургут, 1993. Репринт. воспр. изд. 1883, под ред. А.А. Преображенского.
44. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1.
45. Короленко В.Г. Из истории областной печати (памяти А.С. Гациского) // Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. Н. Новгород, 1897.
46. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004.
47. Лисовский Н.М. Периодическая печать в России 1703–1903. Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий (с диаграммами) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. СПб., 1903.
48. Венгеров С.А. Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. СПб., 1903.
49. Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885.
50. Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892.
51. Ядринцев Н.М. Образование в Сибири // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882.
52. Шевцов В.В. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в период редакторства Е.В. Корша (1882–1883): прерванный полет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343.
53. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982.
54. Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009.
55. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
56. Тоболяк. Столетие сибирской печати (1889) // Российская провинциальная частная газета / под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004.
57. Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. СПб., 1900.
58. Восточное обозрение.
59. Сибирь.
60. Сибирская летопись.
61. Забайкалье.
62. Даурская волна.
63. Голос Сибири.
64. Город Томск. Томск, 1912.
65. Амур.
66. Иркутские губернские ведомости.
67. Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта.
68. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
69. Адрианов А.В. Сибирская интеллигенция в Томске // Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. С. 43–52.
70. Адрианов А.Г. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 году. Томск, 1919.
71. Шиловский М.В. Демулен из Иркутска (Н.С. Щукин) // Сибирь в составе России XIX – начало XX вв. : сб. науч. трудов. Томск, 1999. С. 79–86.
72. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997.
73. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин: Последний энциклопедист Сибири. Томск, 2004.
74. Шевцов В.В. Деятельность Комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347.
75. Шевцов В.В. Дискуссия в общественных и правительственных кругах о реформе губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. СПб., 2012. Вып. 16.
76. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.

СОТРУДНИЧЕСТВО США, МВФ И ВСЕМИРНОГО БАНКА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В 2001–2002 гг.

Рассматривается сотрудничество США и специализированных финансовых институтов ООН в контексте создания международной антитеррористической коалиции. На основе анализа концептуальных (Стратегия национальной безопасности) и практических аспектов их взаимодействия делается вывод о том, каким образом первая администрация Дж. Буша-мл. использовала данные институты для достижения своих целей в сфере национальной безопасности. Особое внимание уделяется вопросу вовлечения МВФ и Всемирного банка в борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также проблеме оказания международной помощи странам, стратегически важным для реализации военной операции США в Афганистане.

Ключевые слова: администрация Дж.У. Буша; Международный валютный фонд; Всемирный банк; терроризм.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. усилия администрации Дж. Буша-мл. были направлены на создание широкой международной коалиции, которая бы объединила национальные, региональные и глобальные институты в борьбе с терроризмом. Важным элементом этой борьбы являлась ликвидация источников финансирования терроризма в соответствии со стандартами Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) – межправительственной организации, подготовившей комплекс мер по совершенствованию национальных законодательных систем и финансовых структур, а также укреплению международного сотрудничества в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Согласно видению США, МВФ и группа Всемирного банка должны были незамедлительно активизировать свою деятельность в данной сфере сообразно со своими мандатами [1].

Важность МВФ и Всемирного банка в данном процессе объяснялась тем, что они выступали в качестве универсального форума для обмена информацией, развития общих подходов и продвижения единых стандартов. Кроме того, Фонд и Всемирный банк обладали внушительным опытом в наблюдении и оценке финансового сектора (что было особенно важно для мониторинга стран на предмет их соответствия рекомендациям ФАТФ), а также действующими механизмами оказания технической помощи для укрепления режима ПОД/ФТ. Международная борьба с финансированием терроризма стала одной из ключевых тем совещания советов управляющих МВФ и Всемирного банка в апреле 2002 г. США призывали мировое сообщество предпринять больше усилий в данном направлении, поскольку подготовленный Фондом доклад указывал на то, что всего 40 из 183 государств-членов предоставили отчет о мерах, осуществляемых ими в рамках антитеррористической резолюции СБ ООН № 1373 [2]. Складывалась ситуация, когда ряд государств, которые формально приняли на себя обязательства по ПОД/ФТ, фактически их не имплементировали (либо имплементировали не полностью). Поэтому министр финансов П. О'Нил подчеркивал, что на данном этапе основной задачей Фонда и Всемирного банка должна стать подготовка новой всесторонней методологии для оценки выполнения рекомендаций ФАТФ [3]. Такая методология была разработана Фондом и Всемирным банком ко второй половине 2002 г. и рассматривала финансовый,

законодательный и институциональный аспекты ПОД/ФТ (с отдельным вниманием к оффшорам). Совместная оценочная программа, начатая МВФ и Всемирным банком на основе обновленной методологии, заслужила одобрение со стороны министра финансов США, который высказался за ее включение в список постоянных операций Фонда [4]. Результаты оценки свидетельствовали о том, что меры по борьбе с финансированием терроризма выполнялись государствами в меньшей степени, чем меры по борьбе с отмыванием денег. Наиболее сложная ситуация складывалась в странах с низким доходом, в которых зачастую отсутствовали ключевые основы режима ПОД/ФТ. Помимо представления полной и объективной картины текущей национальной ситуации в данной сфере, оценочная программа выступала в качестве диагностического инструмента для определения того, какая техническая помощь требовалась стране. МВФ и Всемирный банк стали центральным источником технической помощи в сфере ПОД/ФТ, осуществляя проекты по адаптации национальных законодательств к международным стандартам, тренировке государственных служащих, развитию институциональных механизмов. С 2002 по 2005 г. МВФ совместно с Всемирным банком осуществил оценку 58 стран на предмет их соответствия рекомендациям ФАТФ и реализовал более 300 проектов по оказанию технической помощи [5]. Согласно решению руководства МВФ и Всемирного банка с 2004 г. техническая помощь и оценка в сфере ПОД/ФТ стали осуществляться ими на постоянной основе. Далее МВФ и Всемирный банк организовали серию региональных конференций по тематике ПОД/ФТ в рамках «Глобального диалога» – площадки, объединяющей национальные правительства и представителей различных финансовых институтов для увеличения их осведомленности об актуальном состоянии дел в данной сфере и обмена опытом. Также эксперты Фонда и Всемирного банка провели исследование неформальных и альтернативных систем денежных переводов, опубликовали справочник по подразделениям финансовой разведки и всеобъемлющее «Справочное руководство по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма». Кроме того, компонент ПОД/ФТ был инкорпорирован непосредственно в основную деятельность рассматриваемых институтов: необходимые меры по укреплению ПОД/ФТ были включены в механизм двухсторонних консультаций МВФ с государствами-членами в соот-

ветствии со ст. IV Устава Фонда, а также стали составной частью Стратегии содействия стране – главного документа, определяющего приоритеты, уровни и состав помощи государству со стороны Всемирного банка [5]. По оценке министерства финансов США, все эти меры имели большую международную значимость, поскольку они «институционализировали глобальную борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма, объединили усилия по всему миру, помогли увеличить объем и эффективность используемых ресурсов» [6].

Важность экономической составляющей американской безопасности была закреплена в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. В документе указывалось, что сильная глобальная экономика, основанная на свободной торговле и принципах свободного рынка, обеспечивает не только экономическое процветание, но и стабильное движение к свободе и демократии по всему миру. Стратегия подтверждала желание администрации Дж. Буша-мл. сотрудничать с международными финансовыми институтами системы ООН, деятельность которых получила в целом положительную оценку. При этом в СНБ указывались конкретные направления и механизмы их работы, нуждающиеся в усовершенствовании. Так, концепция превентивности, столь характерная для военного аспекта СНБ, распространилась и на разрешение экономических кризисов, вследствие чего приоритетом МВФ должно было стать предотвращение финансовых проблем. Отмечалось, что США будут принимать активное участие в разработке программ получения кредитов Фонда, которые должны строиться на проведении странами-заемщиками здоровой фискальной и монетарной политики. Далее, США признавали задачу развития своим моральным обязательством перед беднейшими странами мира. В качестве подтверждения своей приверженности целям развития администрация выражала намерение увеличить объем выделяемых ресурсов как на двустороннем, так и на международном уровне (в том числе через 18%-ное увеличение американских взносов в Международную ассоциацию развития – одну из организаций группы Всемирного банка). Ключевым же требованием, выдвигаемым США к МВФ и группе Всемирного банка, являлась ориентированность на результат, предполагавшая сотрудничество именно с теми странами, которые осуществляли реальные изменения в соответствии с предписанными условиями [7].

Сотрудничество с МВФ и Всемирным банком затрагивало интересы США также в вопросе выдачи займов странам, стратегически важным для реализации американской стратегии антитеррористической войны. Ярким примером такой страны стал Пакистан, чьи взаимоотношения с Белым домом в исторической перспективе нельзя назвать ровными и стабильными. Многочисленные каналы американской помощи, доступные для Пакистана в период холодной войны, в 90-х гг. оказались почти полностью перекрыты из-за пакистанской ядерной программы (тем не менее страна продолжала получать займы МВФ и Всемирного банка). Отношения США и Пакистана претерпели разительные перемены после событий 11 сентября 2001 г., когда принятая администрацией Буша-мл. логика «с нами или про-

тив нас» заставила генерала Мушараффа сделать принципиальный выбор в поддержку американской политики в регионе, направленной на свержение режима талибов в Афганистане. Осенью 2001 г. Пакистан закрыл границу с Афганистаном, запретил ряд экстремистских религиозных групп, предоставил США разведывательную и логистическую помощь, а также доступ к стратегическим военным базам и воздушному пространству (следствием чего стало наделение Пакистана статусом основного союзника вне НАТО в 2004 г.). Одобрение нового пакистанского курса нашло отражение как в дипломатических («легитимизация» авторитарического военного режима генерала Мушараффа), так и в экономических акциях США (отмена санкций, масштабная программа экономической и военной помощи, уступки для пакистанского экспорта, содействие в реструктуризации долга). В конце сентября 2001 г. МВФ вынес решение о выдаче Пакистану очередного транша (135 млн долл.) в рамках кредита, одобренного в ноябре 2000 г. (596 млн долл.). Неудивительно, что многие аналитики оценили это событие как явное доказательство политизации решений МВФ в угоду США [8]. По словам бывшего экономиста Всемирного банка У. Истерли, МВФ и Всемирный банк испытывали очевидное давление со стороны Вашингтона, одобряя выдачу кредитов коррумпированным и неэффективным режимам лишь потому, что они являются союзниками США по антитеррористической коалиции (в качестве предполагаемых претендентов на получение помощи от МВФ и Всемирного банка назывались Узбекистан, Таджикистан и другие центральноазиатские страны) [9]. Укреплению такой точки зрения способствовало заявление пресс-секретаря государственного департамента Р. Баучера, в котором говорилось, что США проголосовали за выделение кредита МВФ с целью усилить Пакистан в войне с терроризмом [10].

В ответ на это руководство МВФ старалось опровергнуть обвинения в политизации и фаворитизме. Директор департамента внешних связей МВФ настаивал на том, что решение о выдаче транша было принято еще до сентябрьских событий и основывалось исключительно на хороших экономических показателях Пакистана. Действительно, в опубликованном в конце августа докладе Фонда говорилось, что по большинству параметров Пакистан демонстрирует явный прогресс в макроэкономической политике и потому заслуживает получения очередного транша [11]. Кроме того, предыдущие транши того же кредита были одобрены Фондом в марте и июле 2001 г., когда Пакистан еще находился под действием американских санкций и не являлся стратегическим союзником США. Эти факты свидетельствуют о том, что выдача последнего транша не являлась следствием резкого изменения отношений США и Пакистана. Б. Момани, старший сотрудник Института Брукинга, пришла к выводу о том, что администрация Дж. Буша-мл. намеренно представила ситуацию в таком свете, чтобы приписать решение о данном транше своим заслугам и выступить в роли благодетеля и покровителя Пакистана. Поводом для этого было стремление администрации продемонстрировать, что США будут поддерживать своих партнеров по антитеррористической коалиции с помощью всех доступ-

ных им инструментов. Этот посыл должен был убедить колеблющиеся страны, что присоединение к американской коалиции, помимо прочего, значительно облегчит им переговоры с международными финансовыми институтами и принесет существенные экономические выгоды [12. С. 44–49]. В декабре 2001 г. МВФ одобрил Пакистану новый кредит размером в 1,3 млрд долл. (аналогичный кредит страна получила в 1997 г.), а объем помощи от Всемирного банка вырос вдвое (стоит отметить, что для периода 1993–2000 гг. был также характерен достаточно высокий объем помощи, однако программы 2001–2008 гг. превысили этот показатель) [13]. Тем не менее расширение данных программ не шло ни в какое сравнение со стремительным ростом официальной американской помощи Пакистану, которая с 2001 по 2002 г. увеличилась в 11 раз (со 188 млн долл. до 2,057 млрд долл.) [14].

Что касается упомянутых центральноазиатских стран, то их взаимоотношения со специализированными финансовыми институтами ООН не демонстрировали явной корреляции между поддержкой антитеррористической операции США в Афганистане и получением финансовой помощи. Так, Киргизии, предоставившей в пользование коалиции авиабазу Манас, в декабре 2001 г. был одобрен кредит МВФ в размере 93 млн долл., однако точно такой же кредит был получен ею и в 1998 г. [15]. По каналам Всемирного банка Киргизия в 2001 г. получила 72 млн долл. (в два раза больше, чем в 2000 г.), но затем ежегодная сумма помощи снова снизилась [16]. Таджикистан, позволивший коалиции осуществлять воздушный транзит через свою территорию, в 2002 г. получил от МВФ кредит размером в 87 млн долл. (при этом в 1998 г. аналогичный кредит составил 128 млн долл.) [17]. Как и в случае с Киргизией, в 2001 г. Таджикистан получил от Всемирного банка в два раза больше средств, чем в предыдущем году, но в целом сумма помощи, полученная Таджикистаном в 2001–2005 гг., была на четверть меньше соответствующей суммы за 1996–2000 гг. [18]. Узбекистан, чью авиабазу Карши-Ханабад США использовали в 2001–2005 гг., в 2002 г. получил 76 млн долл. по каналам Всемирного банка (в 2000 г. эта сумма составила всего 29 млн долл.), однако общая сумма помощи за 2001–2007 гг. была в два с половиной раза меньше, чем в 1994–2000 гг. [19]. Туркменистан, давший разрешение на наземный и воздушный транзит гуманитарных грузов для операции в Афганистане, вообще не получал кредитов от МВФ и Всемирного банка. Таким образом, только две центральноазиатские страны в начале 2000-х гг. получили от МВФ новые займы, которые при этом были аналогичны кредитам, одобренным в конце 90-х гг. Увеличение финансовой помощи Всемирного банка центральноазиатским странам в 2001–2002 гг. соответствовало общей тенденции, характерной для банка в целом: после того как в 2000 г. произошло заметное сокращение выделяемых средств (с 29 млрд долл. в 1999 г. до 15,3 млрд в 2000 г.) [20], их объем снова начал расти в 2001 г. Более наглядное изменение интенсивности финансовых потоков происходило на двухстороннем уровне. По сравнению с 2000 г. в 2002 г. официальная помощь США Киргизии увеличилась в два раза (с 49 до 94 млн долл.) [21], Узбекистану – почти в шесть раз (с 39 до 224 млн долл.) [22], Таджикистану – в три с полови-

ной раза (с 38 до 136 млн долл.) [23], Туркменистану – в полтора раза (с 11 до 19 млн долл.) [24]. При этом резкий скачок финансовой помощи странам Центральной Азии в 2002 г. носил ситуативный характер, и за последующие годы президентства Дж. Буша-мл. размер помощи либо значительно снижался (Узбекистан, Таджикистан), либо и вовсе возвращался к средним показателям 90-х гг. (Киргизия и Туркменистан).

Таким образом, МВФ и группа Всемирного банка были оперативно включены в финансовый фронт глобальной войны с терроризмом и стали полезным инструментом мирового сообщества для отслеживания имплементации стандартов ФАТФ и помощи в их внедрении. Специализированные финансовые институты ООН были вовлечены в эту деятельность именно в тех сегментах, в которых они обладали соответствующим мандатом и наилучшей компетенцией (мониторинг и оценка, оказание технической помощи, информационно-аналитическая деятельность). Подобная активность МВФ и группы Всемирного банка полностью соответствовала американским интересам, которые в тот момент действительно совпадали с нуждами мирового сообщества. Решение МВФ о выдаче Пакистану очередного транша, принятое вскоре после резкого изменения характера американо-пакистанских отношений, вызвало общественный резонанс и было воспринято как очередное подтверждение политизации финансовых институтов ООН в соответствии с американскими интересами. Тем не менее анализ взаимодействия МВФ и Всемирного банка с Пакистаном и центральноазиатскими государствами, оказавшими помощь США в Афганистане, не выявил какой-либо явной корреляции между их сотрудничеством с антитеррористической коалицией и получением кредитов. Выдача новых займов МВФ в 2001–2002 гг. находилась полностью в рамках предыдущей практики: кредиты предоставлялись лишь тем странам, которые получали их ранее, в 1997–1998 гг., при этом размер кредитов либо оставался тем же, либо уменьшался. Программы Всемирного банка демонстрировали более заметное изменение: в течение года с начала войны в Афганистане объем помощи рассматриваемым странам увеличился вдвое. Однако затем финансирование вернулось к средним показателям. Подобная динамика не исключала возможности влияния военнополитических событий в регионе на решение о предоставлении помощи, но в равной степени могла быть объяснена и общей финансовой тенденцией, присущей политике банка на рубеже веков. Основным же каналом, используемым США для поощрения государств-помощников антитеррористической коалиции, являлся канал официальной двухсторонней помощи, позволявший осуществлять оперативное и гибкое (по сравнению с длительной процедурой подготовки, принятия и пересмотра заявок в финансовых институтах ООН) финансирование. При этом в 2001 г. администрация Дж. Буша-мл. намеренно использовала факт предоставления кредита МВФ Пакистану, решение о котором было принято независимо от событий 9/11 и последующего улучшения американо-пакистанских отношений, в качестве дипломатического инструмента, призванного убедить потенциальных партнеров в выгоде присоединения к антитеррористической коалиции во главе со США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Statement of Jimmy Gurulé*, Under Secretary for Enforcement, U.S. Department of the Treasury, for the Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. Domestic and International Money Laundering // U.S. Department of the Treasury. September 26, 2001. URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/po638.aspx> (дата обращения: 01.10.2013).
2. *Stevenson R., Leonhardt D.* U.S. to Use World Meeting To Focus on Terror Finances // The New York Times. April 20, 2002. URL: <http://www.nytimes.com/2002/04/20/world/us-to-use-world-meeting-to-focus-on-terror-finances.html?ref=pauloneill> (дата обращения: 07.05.2013).
3. *Statement of Treasury Secretary Paul H. O'Neill* at the International Monetary and Financial Committee Meeting // U.S. Department of the Treasury. April 20, 2002. URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/po3018.aspx> (дата обращения: 01.10.2013).
4. *Statement by Treasury Secretary John Snow* before the International Monetary and Financial Committee of the IMF // U.S. Department of the Treasury. April 12, 2003. URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/js185.aspx> (дата обращения: 01.10.2013).
5. *Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism: Observations from the Work Program and Implications Going Forward* // The IMF. August 31, 2005. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2005/083105.pdf> (дата обращения: 04.10.2013).
6. *Testimony of Juan Carlos Zarate*, Assistant Secretary for Terrorist Financing, U.S. Department of Treasury, before the House Financial Services Subcommittees on Domestic and International Monetary Policy, Trade and Technology and Oversight and Investigations. Combating International Terrorist Financing. September 30, 2004. URL: <http://archives.financialservices.house.gov/media/pdf/093004jz.pdf> (дата обращения: 01.10.2013).
7. *The National Security Strategy* // The White House. September, 2002. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/index.html> (дата обращения: 01.05.2013).
8. *The IMF and the World Bank become part of America's anti-terrorist arsenal* // The Economist. September 27, 2001. URL: <http://www.economist.com/node/800160> (дата обращения: 11.05.2013).
9. *Blustein P.* IMF, World Bank Principles Face a New Policy Threat // Global Policy Forum. September 30, 2001. URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/209/42949.html> (дата обращения: 11.05.2013).
10. *Daily Press Briefing by Richard Boucher*, Spokesman // U.S. Department of State. October 29, 2001. URL: <http://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dbp/2001/5785.htm> (дата обращения: 11.05.2013).
11. *Dawson T.C.* A Loan for Pakistan (A Letter to the Editor) // The IMF. October 04, 2001. URL: <http://www.imf.org/external/np/vc/2001/100401.htm> (дата обращения: 11.05.2013).
12. *Momani B.* The IMF, the U.S. War on Terrorism, and Pakistan // Asian Affairs: An American Review. Vol. 31, is. 1 (2004). P. 41–50.
13. *Pakistan: IBRD/IDA Operations Approved by Fiscal Year* // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/pakistan> (дата обращения: 08.10.2013).
14. *Epstein S.B., Kronstadt K.A.* Pakistan: U.S. Foreign Assistance // U.S. Department of State. June 07, 2011. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/166839.pdf> (дата обращения: 08.10.2013).
15. *Kyrgyz Republic: History of Lending Arrangements* // The IMF. URL: <http://www.imf.org/external/np/fin/tad/extarr2.aspx?memberKey1=565&date1key=2013-09-30> (дата обращения: 09.10.2013).
16. *Kyrgyz Republic: IBRD/IDA Operations Approved by Fiscal Year* // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/kyrgyz-republic> (дата обращения: 09.10.2013).
17. *Tajikistan, Republic of: History of Lending Arrangements* // The IMF. URL: <http://www.imf.org/external/np/fin/tad/extarr2.aspx?memberKey1=925&date1key=2013-09-30> (дата обращения: 09.10.2013).
18. *Tajikistan: IBRD/IDA Operations Approved by Fiscal Year* // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/tajikistan> (дата обращения: 09.10.2013).
19. *Uzbekistan: IBRD/IDA Operations Approved by Fiscal Year* // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/uzbekistan> (дата обращения: 09.10.2013).
20. *Всемирный банк публикует годовой отчет за 2000 год* // Всемирный банк. 23 сентября 2000. URL: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/an072-ru.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).
21. *Nichol J.* Kyrgyzstan: Recent Developments and U.S. Interests // Federation of American Scientists, August 30, 2013. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/97-690.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).
22. *Nichol J.* Uzbekistan: Recent Developments and U.S. Interests // Federation of American Scientists, August 21, 2013. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21238.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).
23. *Nichol J.* Tajikistan: Recent Developments and U.S. Interests // Federation of American Scientists, September 25, 2013. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/98-594.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).
24. *Turkmenistan: Country Assistance Fact Sheet* // U.S. Department of State, December 2009. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/140532.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 октября 2013 г.

ПРАВО

УДК 343.721

А.В. Архипов

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Рассмотрен вопрос о необходимости введения в Уголовный кодекс РФ статьи 159.2, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат. Автором производится анализ данной новеллы уголовного закона. Делается вывод о наличии у рассматриваемого специального состава мошенничества второго, наряду с собственностью, объекта – общественных отношений в области социального обеспечения. Наличием второго объекта обосновывается возможность выделения мошенничества при производстве социальных выплат в отдельный состав. Одновременно делается вывод о неоправданно низкой степени пенализации деяний, подпадающих под действие новой нормы.

Ключевые слова: мошенничество; социальные выплаты; объект преступления; социальное обеспечение; новеллы уголовного законодательства.

С 1 января 2013 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ, которым, кроме прочего, была введена в действие ст. 159.2 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за совершение мошенничества при получении выплат. Как следует из диспозиции ч. 1 данной статьи, она устанавливает уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат, т.е. хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и / или недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Таким образом, посредством дополнения Особенной части Уголовного кодекса РФ указанной статьей законодатель выделил из общей массы хищений, совершенных путем обмана и злоупотребления доверием, случаи мошенничества при получении социальных выплат, изменив степень их пенализации. Указанный закон был неоднозначно воспринят как учеными правоведами, так и практическими работниками. Высказывались мнения о том, что выделение специальных составов из общей нормы о мошенничестве вносит в определение понятия «мошенничество» элементы ненужной громоздкости, бессистемности и неустойчивости [1]. Настоящая статья посвящена поиску ответа на вопрос, действительно ли имелась необходимость выделения мошенничества при получении выплат в отдельную норму?

В первую очередь для ответа на поставленный вопрос необходимо определиться с тем, какие именно общественно-опасные деяния подпадают под действия ст. 159.2 УК РФ. Это можно сделать путем анализа диспозиции ч. 1 указанной статьи, сравнения ее с диспозицией общей нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество, других норм Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за иные виды мошенничества, а также путем сравнения с ее первоначальным вариантом, указанным в законопроекте.

Первое отличие рассматриваемой нормы от иных статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уго-

ловную ответственность за мошенничество, является наличие в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ указания на конкретный предмет преступного посяательства – денежные средства или иное имущество при получении выплат. Термин «выплаты» разъясняется путем перечисления конкретных видов таких выплат (пособий, компенсаций, субсидий), а также указания на иные социальные выплаты, установленные законами и другими нормативными правовыми актами. При всей очевидной неудачности использования некоторых формулировок и иных недостатков юридической техники все же можно сделать вывод о том, что рассматриваемая норма устанавливает уголовную ответственность за совершение хищений денежных средств, предназначенных для социальных выплат, а также иного имущества, предназначенного для передачи физическим лицам, в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сделать такой вывод можно только, проследив процесс внесения изменений в законопроект при его принятии и сопоставив текст закона в действующей редакции с текстом законопроекта.

Второе отличие ст. 159.2 УК РФ заключается в следующем: как уже было сказано выше, рассматриваемая норма закона предусматривает уголовную ответственность за совершение мошенничества, на это прямо указывается в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Однако в дальнейшем, описывая действия, составляющие объективную сторону преступления, законодатель не определяет мошенничество при получении выплат через традиционное для основного состава мошенничества указание на хищение путем обмана или злоупотребления доверием, а использует формулировку «хищение путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат». В науке уголовного права перечисленные способы хищения обычно обозначаются как виды мошеннического обмана: активный обман – искажение истины; пассивный обман – умолчание об истине, когда сообщение сведений о ней может повлиять на принятие потерпевшим решения [2. С. 108]. Аналогичной правовой позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 2

Постановления от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определяет обман как сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо умолчание об истинных фактах, либо в умышленных действиях... направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение [3]. Последнее из приведенных толкований имеет во многом решающее значение для понимания действительного содержания ст. 159.2 УК РФ, поскольку именно Верховный Суд РФ разработал и внес в Государственную Думу РФ законопроект о введении в Уголовный кодекс РФ рассматриваемой статьи. В данной части формулировка диспозиции в окончательной редакции по сравнению с формулировкой, указанной в законопроекте, не менялась [4].

Таким образом, со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что ст. 159.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за хищения, совершенные только путем обмана, и не предусматривает ответственности за хищения, совершенные иным способом, в том числе путем злоупотребления доверием. Более того, не всякий обман будет являться способом совершения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. В силу прямого указания закона пассивный обман может выражаться в умолчании только тех фактов, которые влекут прекращение социальных выплат. Умолчание о каких-либо иных обстоятельствах (например, о том, что почтальон при выдаче пенсии передал адресату сумму, превышающую ее размер) не является способом совершения данного преступления.

Таким образом, ст. 159.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение хищения денежных средств, предназначенных для социальных выплат, а также иного имущества, предназначенного для передачи физическим лицам, в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и / или недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

После определения хотя бы в общих чертах круга деяний, подпадающих под действие рассматриваемой статьи Особенной части УК РФ, появляется возможность перейти к вопросу о том, имелась ли необходимость его выделения из общего массива преступлений, уголовная ответственность за совершение которых до 1.01.2013 г. была установлена ст. 159 УК РФ.

Специальные нормы в Особенной части УК РФ могут выделяться из общих по различным признакам, в том числе по признаку предмета преступного посяательства, способа, субъекта, объекта и др. Решающее значение для выделения специального состава из общего должно иметь наличие существенной разницы в общественной опасности деяний, подпадающих под действие специальной нормы, по сравнению с общей. При этом само выделение специального состава должно производиться с целью дифференциации уголовной ответственности. Иными словами, специальная норма за совершение запрещенных ею деяний должна устанавливать уголовную ответственность, отличную от общей нормы. В противном случае появляется ситуа-

ция, при которой законодатель, выделяя из общей нормы специальную, признает наличие существенной разницы в общественной опасности между преступлениями, подпадающими под действие двух этих норм, но никак на данное обстоятельство с точки зрения степени их пенализации не реагирует. Представляется, что такое положение вещей недопустимо, поскольку в данном случае выделение специальной нормы из общей становится просто бессмысленным.

Таким образом, для получения ответа на вопрос о том, имелась ли необходимость в выделении деяний, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, из общей нормы о мошенничестве, требуется определить, имеется ли существенная разница в общественной опасности данных деяний.

Общественная опасность определяется в науке как объективное свойство деяния, определяемое тем вредом, которое это деяние причиняет или может причинить обществу. Общественная опасность определяется двумя показателями – характером и степенью. Характер – это качественный показатель общественной опасности, определяемый объектом посяательства. Степень – это количественный показатель опасности, определяемый объективной стороной посяательства [5. С. 28–29].

Объективные стороны преступлений, предусмотренных ст. 159 и 159.2 УК РФ, соотносятся как общее и частное (целое и часть). Так соотносятся и предметы преступного посяательства, и способ совершения преступления. Вряд ли возможно было бы признать в данном случае обоснованным выделение специального состава из общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, только лишь по признаку предмета преступления или способа его совершения. Ведь в случае признания такого решения обоснованным невозможно будет найти объяснение тому, почему нельзя выделить в отдельную норму, например, мошенничество, совершенное посредством только активного обмана, или мошенническое хищение мебели (одежды, продуктов питания и т.п.).

Между тем существенное отличие в общественной опасности данных преступлений все-таки есть, и заключается оно в различном, а точнее не полностью совпадающем характере опасности.

Как было уже сказано выше, ст. 159.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение мошенническим способом хищения денежных средств, предназначенных для социальных выплат и иного имущества, подлежащего передаче физическим лицам в качестве мер социального обеспечения. Отличительной чертой предмета хищения в данном случае является его задействованность в общественных отношениях социального обеспечения. Последнее, безусловно, свидетельствует о том, что при совершении хищения указанного имущества вред причиняется не только собственности, как объекту хищения, но и общественным отношениям в области социального обеспечения, т.е. имеет место посятельство не на один, а на два объекта.

Но достаточно ли значителен вред, причиняемый указанными деяниями общественным отношениям в области социального обеспечения? Необходима ли защита второго объекта уголовно-правовыми метода-

ми? Для ответа на эти вопросы необходимо чуть подробнее остановиться на том, что же представляет собой социальное обеспечение и каким образом в результате рассматриваемого нами вида мошенничества данным общественным отношениям может быть причинен вред.

Несмотря на длительную историю и высокую разработанность законодательства по вопросам социального обеспечения, легальное определение социального обеспечения отсутствует. В науке права социального обеспечения данное понятие формулируется по-разному. Так, например, В.И. Шайхатдинов определяет социальное обеспечение как совокупность общественных отношений, складывающихся между гражданами, с одной стороны, и органами государства, местного самоуправления, организациями – с другой, по поводу предоставления гражданам за счет специальных фондов, бюджетных средств медицинской помощи, пенсий, пособий и иных видов обеспечения при наступлении жизненных обстоятельств, влекущих за собой утрату или снижение дохода, повышенные расходы, малообеспеченность, бедность [6. С. 58].

Исследователи выделяют следующие функции социального обеспечения: экономическую (способ перераспределения внутреннего валового продукта); производственную, заключающуюся в обусловленности предоставления многих видов социального обеспечения трудовой деятельностью; социально-реабилитационную, заключающуюся в поддержании социального статуса граждан при наступлении различных социальных рисков, восстановление (полностью либо частично) полноценной жизнедеятельности человека, позволяющей ему обучаться, трудиться, общаться с другими людьми, самостоятельно себя обслуживать и т.д.; демографическую, реализующуюся посредством воздействия системы социального обеспечения на многие демографические процессы – на продолжительность жизни населения, воспроизводство населения, стимулирование рождаемости и др.; политическую; социально-идеологическую [7. С. 34–35].

Факт того, что перечисленные функции весьма значимы, является очевидным. Многие из перечисленных функций влияют на обеспечение жизнеспособности не только отдельных индивидов или категорий граждан, но и общества в целом.

Основным способом реализации перечисленных функций, как видно из приведенного выше определения социального обеспечения, является предоставление гражданам при наступлении жизненных обстоятельств, влекущих за собой утрату или снижение дохода, повышенные расходы, малообеспеченность, бедность, материального обеспечения за счет средств специальных фондов или бюджетных средств. Такое предоставление обеспечения осуществляется путем производства указанным гражданам соответствующих социальных выплат, передачи им имущества (например, протезов, медицинских препаратов, специального транспорта), бесплатного или льготного оказания услуг (например, медицинских).

Денежные средства, предназначенные для производства этих социальных выплат, а также иное имущество, подлежащее передаче нуждающимся гражданам, и являются предметом преступления, предусмотренно-

го ст. 159.2 УК РФ. Таким образом, при хищении данного имущества виновное лицо не только посягает на собственность, но и препятствует осуществлению вышеперечисленных функций социального обеспечения, чем, безусловно, причиняет вред общественным отношениям в области социального обеспечения.

Наибольший вред общественным отношениям в области социального обеспечения причиняется, когда хищение производится путем обмана, причем не всякого обмана, а обмана относительно наличия оснований для производства соответствующих выплат или передачи имущества, а также обмана относительно соответствия использования данных выплат их целевому назначению. Повышенная общественная опасность таких действий заключается в том, что при хищении социальных выплат путем обмана в результате введения в заблуждение соответствующих должностных лиц относительно правильности расходования средств, выделенных на социальную сферу, не только уменьшается размер средств, реально идущих на выполнение задач социального обеспечения, но и создается видимость выполнения социальной функции, на которую было заложено финансирование, хотя в действительности данная функция не выполняется.

Такое положение обуславливается тем, что государство зачастую берет на себя обязательства по производству социальных выплат не по количеству нуждающихся в них лиц (которое может быть неопределенным, например, при выплате средств материнского капитала), а в размере выделенных на эти нужды лимитов. Проще говоря, выделенные деньги, вроде бы, потрачены целевым способом, а поставленная задача не решена. (Деньги выделялись на приобретение инвалидам дорогостоящих лекарств, но в результате того, что деньги получил мошенник (лжеинвалид), выделенного лимита не хватило для кого-то из инвалидов.)

При вышеперечисленных обстоятельствах вред может выражаться как минимум в двух моментах: 1) соответствующая социальная помощь не доходит до адресата, или доходит не в полном объеме, или со значительной задержкой во времени, что может вызвать самые негативные последствия для лиц, нуждающихся в этой помощи вплоть до наступления их смерти (например, в случае несвоевременного получения лекарственных средств или денег на их приобретение); 2) в результате хищения вышеуказанным способом средств, предназначенных на социальные нужды, создается видимость недостаточности финансирования социальных проектов, что также может повлечь негативные последствия, например в виде необоснованного увеличения размеров обязательных отчислений в бюджет и соответствующие внебюджетные фонды с субъектов предпринимательской деятельности либо, наоборот, урезание финансирования, частичное или полное свертывание социальных программ.

При хищении средств, предназначенных для социальных выплат немошенническим способом, например путем кражи или грабежа денег, предназначенных для выплаты пенсии у почтальона, такие последствия не наступают, поскольку, несмотря на уменьшение фондов, предназначенных для производства социальных выплат, установленная законом обязанность произве-

сти данные выплаты соответствующим категориям граждан у государства остается. Вред таких преступлений заключается в том, что в результате их совершения государство вынуждено нести дополнительные расходы, т.е. государству причиняется материальный ущерб, а значит, объектом таких преступлений является только собственность.

Изложенное выше доказывает, что необходимость защиты общественных отношений в области социального обеспечения уголовно-правовыми методами существует. Так как посягательство на данный объект осуществляется в первую очередь путем хищений денежных средств и иного имущества, подлежащего передаче нуждающимся, охрана объекта должна осуществляться посредством предусмотрения в законе специальной нормы, устанавливающей ответственность за хищение в социальной сфере. А поскольку наибольший вред причиняется в результате хищения таких денежных средств и имущества мошенническим путем, вполне обоснованным видится выделение специальной нормы именно из состава мошенничества.

Таким образом, выделение из общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, специальной нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере социального обеспечения, является обоснованным.

Как было сказано выше, целью выделения специальной нормы из общей должна быть дифференциация уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных данными нормами. В отличие от общей нормы о мошенничестве, объектом преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ, являются не только собственность, но и общественные отношения в обла-

сти социального обеспечения. Преступление, посягающее на два объекта, имеет большую общественную опасность, чем аналогичное преступление, посягающее только на один из этих двух объектов, и соответственно должно наказываться строже. Никогда и ни при каких условиях такой состав не может быть привилегированным по отношению к основному составу. Несмотря на всю очевидность последнего, законодатель, признав необходимым существование специальной нормы, не только не ужесточил ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ, по сравнению с ответственностью за преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ, но, напротив, установил за их совершение более мягкие санкции. Разумных объяснений такой позиции законодателя найти сложно. Представляется, что таким решением законодатель не просто свел на нет все плюсы от введения данной нормы, но еще и ухудшил положение в области уголовно-правовой защиты общественных отношений в области социального обеспечения, существовавшее до 1 января 2013 г. Уже сам факт того, что даже особо квалифицированный состав мошенничества при производстве выплат, предусматривающий уголовную ответственность за такое хищение, совершенное в крупном размере, является преступлением средней тяжести, в то время как аналогичное преступление в основном составе является тяжким, может подтолкнуть, например, профессионального мошенника «переквалифицироваться» на совершение преступлений, связанных с социальными выплатами. В связи с этим очевидной является необходимость доработки данной статьи Особенной части УК РФ, которую необходимо провести в самом ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стенограмма* заседания Государственной Думы РФ от 23.11.2012. Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru>
2. *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. 528 с.
3. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
4. *Паспорт* проекта Федерального закона № 53700-6. Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru>
5. *Прокументов Л.М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.
6. *Шайхатдинов В.Ш.* Система социальной защиты и обеспечения населения современной России // Социальная защита населения в регионе : учеб. пособие. Екатеринбург, 1999. 325 с.
7. *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России. М. : Издательство БЕК, 2002. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 сентября 2013 г.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ И ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Дается анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, а также криминалистических рекомендаций, связанных с наиболее рациональным проведением следственных действий: освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования. Автор предлагает закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе судебную процедуру по рассмотрению вопросов о целесообразности и допустимости проведения следственного действия принудительно применительно к подозреваемому или обвиняемому в случае их отказа от участия в следственном действии добровольно.

Ключевые слова: освидетельствование; принудительное проведение следственного действия; получение образцов для сравнительного исследования.

В следственной практике возникают ситуации, когда подозреваемые или обвиняемые лица отказываются подвергаться освидетельствованию или предоставлять биологические образцы жизнедеятельности своего организма. Тем самым проведение освидетельствования или получения образцов для сравнительного исследования становится невозможным. Одновременно, согласно уголовно-процессуальному закону, доказательства могут быть получены исключительно процессуальным путем. В этой связи возникает необходимость в осуществлении следственных действий принудительно.

Освидетельствование является следственным действием и может проводиться, в соответствии со ст. 179 УПК РФ, по инициативе следователя или, согласно ст. 290 УПК РФ, осуществляться по инициативе суда. Часть 1 ст. 290 УПК РФ регламентирует, что освидетельствование производится на основании определения или постановления суда в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 179 УПК РФ. Частью 2 ст. 290 УПК РФ определено, что освидетельствование лица, сопровождающееся его обнажением, производится в отдельном помещении врачом или иным специалистом, которым составляется и подписывается акт освидетельствования, после чего указанные лица возвращаются в зал судебного заседания. В присутствии сторон и освидетельствованного лица врач или иной специалист сообщает суду о следах и приметах на теле освидетельствованного, если они обнаружены, отвечает на вопросы сторон и судей. Акт освидетельствования приобщается к материалам уголовного дела.

Часть 2 ст. 179 УПК РФ закрепляет, что следователь выносит постановление, которое является обязательным для свидетелюемого лица. Одновременно ч. 5 ст. 56 УПК РФ регламентирует, что свидетель не может быть принудительно подвергнут освидетельствованию, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 179 УПК РФ. При этом в УПК РФ отсутствует прямое указание о возможности принудительного освидетельствования. Следовательно, порядок принудительного освидетельствования нуждается в четком и однозначном урегулировании законодателем. Иначе следователь не решится на проведение указанного следственного действия в принудительном порядке, осознавая, что ему могут впоследствии вменить в вину не только нарушение прав участников уголовного процесса на защиту, неприкосновенность личности, но и превышение служебных полномочий в связи с насилием и об-

ращением, унижающим человеческое достоинство либо создающим опасность для жизни и здоровья человека. Отсутствие однозначной нормативно-правовой базы по рассматриваемой норме УПК РФ – процедуры принудительного освидетельствования – является пробелом в действующем законодательстве.

По нашему мнению, возможность принудительного освидетельствования следует однозначно закрепить уголовно-процессуальным кодексом, а суд должен рассматривать вопрос о целесообразности и допустимости проведения следственного действия принудительно применительно к конкретному участнику уголовного судопроизводства в случае отказа участником уголовного судопроизводства пройти освидетельствование добровольно.

Получение образцов для сравнительного исследования как следственное действие, носящее вспомогательный характер [1. С. 36], исходя из анализа отечественной литературы [2. С. 695; 3. С. 54; 4. С. 102], может также осуществляться принудительно. При этом многие авторы экспериментальные образцы подразделяют на две группы: первая – это образцы, которые получить принудительно невозможно (например, образцы почерка, голоса [5], дорожки следов и т.п.), вторая – образцы, которые при соблюдении некоторых условий (например, исчерпаны все меры убеждения для добровольного получения образцов, невозможность получения свободных или условно-свободных образцов) следует получать принудительно. В то же время правоприменители должны учитывать конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина (положения ст. 9 и ч. 2 ст. 202 УПК РФ), запрещающие при получении образцов для сравнительного исследования применять методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Так, авторы комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РФ полагают, что решение следователя о получении образцов для сравнительного исследования обязательно для обвиняемого или подозреваемого. Это положение разъясняется соответствующему участнику процесса. В случае отказа последнего от сотрудничества образцы, характер получения которых это допускает, могут быть получены принудительно (в необходимых случаях после консультации с врачом). Другой ряд ученых считает, что принудительное получение образцов для сравнительного исследования в

порядке ст. 202 УПК РФ относится, как правило, к случаям получения продуктов жизнедеятельности организма и требует участия в этом следственном действии специалиста – судебного медика или заменяющего его врача [6. С. 140].

Е.Р. Россинская [4] утверждает, что в исключительных случаях при отказе предоставить образцы те из них, характер которых это допускает, могут быть получены принудительно. Однако, согласно ч. 2 ст. 202 УПК РФ, при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство [4. С. 36–37, 255; 7. С. 128].

А.Г. Филиппову и А.С. Шаталову представляется, что постановление о получении образцов обязательно для исполнения лицами, в отношении которых оно вынесено, и что в случае отказа подозреваемого или другого лица добровольно предоставить образцы они могут быть получены принудительно. Разумеется, получение образцов вопреки воле заинтересованного лица возможно лишь в крайних случаях, при соблюдении определенных требований (цит. по: [8. С. 342–343]). При этом указанные позиции не содержат пояснений о процедуре и понятии принудительного отбора образцов для сравнительного исследования. Отсутствие толкования принудительного получения образцов приводит к различному пониманию данного вопроса с позиций теории и практики. Например, если лицо отказывается добровольно предоставить образцы жизнедеятельности – крови, слюны и т.п., оказывает сопротивление принудительным действиям сотрудникам правоохранительных органов – в этом случае принуждение невозможно без применения насилия, в том числе и физической силы. Применение физической силы сопряжено с нарушением личной неприкосновенности, унижением чести и достоинства человека, чьи экспериментальные образцы надлежит получить (лишение свободы действий перед получением образцов, применение приемов самообороны для преодоления активного или пассивного физического сопротивления).

Следовательно, по нашему мнению, принудительное получение образцов для сравнительного исследования, исходя из содержания ст. 202 УПК РФ, будет являться нарушением принципов, закрепленных в гл. 2 УПК РФ.

Отдельные авторы высказывают иное мнение по проблеме принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Так, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский [9], признавая возможность получения образцов для исследования в добровольном или принудительном порядке (кроме экспериментальных образцов почерка и голоса), заключают, что ограничение телесной неприкосновенности, в том числе путем принудительного изъятия у лица образцов для судебно-медицинских исследований, как и арест, должно допускаться лишь по решению суда.

В.Л. Жбанков [10. С. 14–15] пишет, что поскольку законодатель не установил ответственности за отказ от дачи образцов, изымать образцы принудительно в таких случаях следователь не имеет права. Согласившись с данной позицией, следует отметить, что не наличие меры ответственности, а нарушение установленных

конституционных прав и свобод человека и гражданина является критерием законности принудительного получения образцов для сравнительного исследования. В ст. 21 Конституции Российской Федерации закреплено: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ). Одновременно в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства».

В связи с тем что личная неприкосновенность гражданина России может быть ограничена только в случаях, которые определены федеральным законом, принудительное получение образцов для сравнительного исследования должно осуществляться в соответствии с уголовно-процессуальной правовой нормой, прямо регламентирующей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия принудительно.

Необходимо согласиться с мнением О.А. Волковой, что «правовое государство – это не только возможность гражданина защитить свои права в установленном законом порядке, но и защита от необоснованных обвинений должностных лиц, которые стоят на страже закона. Подобная неуверенность сотрудников правоохранительных органов в правомерности своих действий ввиду отсутствия четкой регламентации законодателя, на мой взгляд, является негативным фактором, который отрицательно влияет на динамику раскрытия преступлений» [11]. Поэтому возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования следует предусматривать уголовно-процессуальным кодексом, а суд должен рассматривать вопрос о целесообразности и допустимости проведения следственного действия принудительно применительно к конкретному участнику уголовного судопроизводства в случае его отказа предоставить образцы добровольно.

Таким образом, процедура принудительного получения образцов для сравнительного исследования нуждается в четком и однозначном урегулировании законодателем. В противном случае следователь не вправе проводить следственные действия в принудительном порядке, осознавая, что ему могут впоследствии вменить в вину не только нарушение прав участников уголовного процесса на защиту, неприкосновенность личности, но и превышение служебных полномочий в связи с насилием и обращением, унижающим человеческое достоинство либо создающим опасность для жизни и здоровья человека. Отсутствие нормативно-правовой базы по рассматриваемой норме УПК РФ – процедуры принудительного получения образцов для сравнительного исследования – является пробелом в действующем законодательстве.

На наш взгляд, уголовно-процессуальный закон нуждается в следующих дополнениях:

1. В ст. 179 УПК РФ необходимо отразить, что постановление следователя является обязательным для свидетельствуемого лица. В случае отказа лица добровольно подвергнуться освидетельствованию следственное действие может проводиться принудительно на основании судебного решения принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

2. В ст. 202 УПК РФ необходимо закрепить следующее при получении образцов для сравнительного исследования от лица противоположного пола, если это получение сопряжено с обнажением участника уголовного судопроизводства, следователь присутствовать не имеет права. В этом случае следственное действие производится врачом. Если лицо возражает обнажиться и отказывается предоставить образцы для

сравнительного исследования добровольно, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия принудительно, в том числе с участием судебно-медицинского эксперта или врача.

3. В ст. 202 УПК РФ требуется изложить, что постановление следователя является обязательным для лица, у которого получают образцы. В случае отказа лица предоставить образцы для сравнительного исследования добровольно они могут быть получены принудительно на основании судебного решения принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

4. Часть 2 ст. 29 УПК РФ следует дополнить пунктом, что суд правомочен принимать решения о производстве принудительного получения образцов для сравнительного исследования при отказе лица предоставить образцы добровольно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
2. *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003.
3. *Кальницкий В.В.* Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2003.
4. *Россинская Е.Р.* Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002.
5. *Ефимичев П.С., Ефимичев С.П.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009.
6. *Криминалистика* : учеб. для вузов / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. М., 2007.
7. *Россинская Е.Р.* Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М., 2002.
8. *Криминалистика* : учеб. / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2004.
9. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
10. *Жбанков В.А.* Получение образцов для сравнительного исследования. М., 1992.
11. *Волкова О.А.* Комментарий статей УПК Российской Федерации, применяемых на стадии предварительного расследования // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 сентября 2013 г.

ЭКОНОМИКА

УДК 331.55

М.Г. Гильдингерш, М.Е. Добрусина

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Обосновываются концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы и механизму ее мотивации, выстроенные на признании объективной общесоциологической закономерности изменения содержания рабочей силы в рыночной экономике. В современных условиях стратегическим ресурсом компании, залогом ее инновационности становится интеллектуальный потенциал работников. Теперь рынку труда нужен работник не просто способный к труду, но прежде всего желающий реализовать свои возможности и способности, причем на условиях, которые диктует рынок.

Ключевые слова: профессиональная мобильность; виды мобильности; поведение работника на рынке труда; механизм мотивации мобильности.

Политические и социально-экономические изменения в современном российском обществе, развитие рыночных отношений породили новые требования к работнику. «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые... отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью...» (из доклада Госсовета РФ «Об образовательной политике России на современном этапе»). Как видно, одним из условий соответствия личности новым требованиям является наличие развитой мобильности.

В настоящее время профессиональная мобильность становится важнейшей характеристикой, необходимой личности для успешной самореализации в современном мире. Отсутствие профессиональной мобильности приводит к невозможности гибкой ориентации в изменяющихся профессиональных условиях, потере источника средств существования и снижению уровня благосостояния, к межличностным и внутриличностным конфликтам, что выражается в интенсификации профессиональной дезадаптации и стагнации, снижении темпов экономического роста.

Несмотря на то что в зарубежной психологии исследования профессиональной мобильности начались в первой половине XX в. (П.А. Сорокин, М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Шелер и А. Шюц и др.) [1–5], а в нашей стране с 60-х гг. XX в. (Л.В. Горюнова, Ю.Ю. Дворецкая, Е.А. Никитина и др.) [6–8], до сих пор учеными разных стран ведутся разработки технологий, направленных на формирование, развитие, повышение профессиональной мобильности личности, с целью обеспечения успешности специалистов на рынке труда, расширения области их трудоустройства.

Конкретной задачей в рамках вышеобозначенной проблемы является научно-теоретическое и практическое обоснование развития социально-личностных компетенций как фактора повышения профессиональной мобильности специалистов.

Современный уровень развития экономики ставит под сомнение идею «экономического человека» с его эгоистическими мотивами в качестве ориентира экономической идеологии общества. Эта идея А. Смита

соответствовала условиям мелкотоварного и раннекапиталистического производства. Индустриальное, тем более информационное общество ставит индивидуальное благополучие в функциональную зависимость от устремлений корпораций, институтов, государства. Например, А. Маршалл, указывая на то, что ранние английские экономисты «слишком много внимания сосредоточили на мотивах индивидуальной деятельности», при этом отмечал: «...как убедительно доказали немецкие авторы, экономическая наука придает большое значение мотивам, связанным с коллективной ответственностью, с коллективными усилиями в достижении важных целей» [9. С. 81].

Профессиональная мобильность характеризуется в виде «технического» атрибута рабочей силы без противоречий, обуславливающих динамизм рыночных трудовых отношений. Ссылки на то, что на профессиональную мобильность влияют многие экзогенные факторы мотивации динамизма рабочей силы, в том числе политические, социально-психологические, вряд ли у кого вызывают отрицательные эмоции. Однако в плюрализме множества факторов сглаживается закономерность преобразования труда, основанная в конечном счете на парадигме неомарксизма и неинституционализма, определяющей детерминизм совершенствования процессов и явлений прежде всего на основе развития орудий труда и технологий материального производства.

Теоретические основы исследования профессиональной мобильности и механизма ее мотивации строятся на признании объективной общесоциологической закономерности изменения содержания рабочей силы. Рабочая сила характеризуется как интеллектуальный, духовный и физический потенциал в прежней интерпретации через набор самых различных качественных и количественных потенциалов работника. Профессиональная мобильность в условиях рынка труда является постоянным атрибутом рабочей силы (труда) – рынку нужен работник не просто способный к труду, но прежде всего желающий реализовать свой трудовой потенциал, причем на условиях, которые диктует рынок.

Рынок стимулирует профессиональную мобильность, которая становится важнейшим фактором повышения

конкурентоспособности. Чтобы работник появился на рынке труда, его поведение должно быть мотивировано в соответствии с логикой его внутренних установок. Рынок остается условием хозяйственной деятельности, но не всегда с ним в гармонии находится поведение работника, мотивируют которое новый коллективизм, деловое партнерство, социальное посредничество.

Мобильность, признание которой осуществляется на рынке труда, характеризуется отношениями по поводу качества рабочей силы, способности к перемещениям как внутри, так и за пределами предприятия или отрасли, способности к перемене видов труда, изменению функций в производстве материальных и нематериальных благ.

Профессиональная мобильность означает рациональную пригодность работника в условиях самопроизвольных процессов на рынке труда. На внутреннем рынке труда мобильность заявляет о себе как фактор повышения эффективности использования коллективного трудового потенциала, способного удовлетворить потребность нанимателя в производстве прибыли.

Мобильность как социально-экономическое отношение возникает в связи с подготовкой, переподготовкой, повышением квалификации работников, включением их в производство, т.е. отношения складываются по поводу формирования, приведения в динамичное состояние трудового потенциала, в результате чего осуществляется экономически оптимальная занятость.

В сложившейся ситуации важно формировать такой потенциал, который определен стратегическим планированием качественно новых рабочих мест, а также задачами формирования человеческого капитала, способностей работника к принципиальной смене профессии и освоению новых специальностей. Необходимо отметить такое важное качество работника, как готовность к переходу из одной социальной группы в другую: занятость – в безработные, безработного – в занятые.

Наиболее безболезненна для восприятия вертикальная мобильность, связанная с изменением функций в связи с перемещением вверх по иерархической лестнице. Такая мобильность мотивируется в большей степени среди молодых работников, которые стремятся занять более высокое положение в социуме, получить более высокий профессиональный статус.

В связи с этим недопустимо в нынешней ситуации снижать уровень общеобразовательной подготовки, профессионального обучения, качество переподготовки как за счет государства, так и за счет частных фирм. В противном случае прекратится мотивация профессиональной мобильности, прежде всего нового пополнения трудовых ресурсов. Необходимо восстановить формы профессиональной подготовки без отрыва от производства с тем, чтобы все работники могли воспользоваться возможностью учиться, повышать квалификацию, заниматься инновациями. Подготовка и переподготовка рабочих кадров и специалистов должна проводиться при государственном влиянии на стратегию мотивации поведения экономически активного населения в условиях непрерывных структурных изменений и научно-технического прогресса.

Целесообразно формировать у человека такие качества, которые в максимальной степени позволяют реа-

лизировать способности в условиях рыночных трудовых отношений и разнообразия форм собственности. Поэтому в механизме мотивации должны быть использованы методы воспитательного воздействия на деловую активность, предприимчивость, ответственность за результаты своей деятельности и заинтересованность в результатах совокупного труда.

На процессы формирования профессиональной мобильности работников оказывают влияние положительные и отрицательные стороны деятельности системы трудоустройства и переобучения работников. Медленно протекает становление и развитие институтов регулирования механизма мотивации профессиональной мобильности: 1) КЗоТ РФ возлагал ответственность на предприятия; новый ТК РФ, напротив, снял всякую ответственность предпринимателей за подготовку кадров; 2) устаревшая концепция минимальной заработной платы несколько модернизирована, но по-прежнему не обеспечивает физиологическое существование человека – зарплата не индексируется адекватно темпу инфляции; 3) имеет место неподготовленность предпринимателей, опирающихся на довольно нецивилизованные способы ведения хозяйства и не выполняющих социальные функции относительно наемных работников и др.

Методологическая основа объяснения наиболее глубинной причины, определяющей профессиональную мобильность как условие рационального поведения работника и роста эффективности производства, вытекает из положения, при котором материально-техническая база экономики (в нынешней ситуации составной частью этой категории, видимо, надо считать и информацию) является исходным началом формирования человеческого капитала. Этот вывод доказан экономической наукой и подтвержден практикой последних столетий.

Становление нового механизма мотивации профессиональной мобильности во многом связано с представлением о ценностных ориентирах в сознании человека, которые являются одной из причин неоднозначности развития способностей работника и путей реализации этих способностей. Новый подход проявился в помощи работнику при реализации его собственных возможностей, физического, интеллектуального и духовного потенциала. Основной целью было повышение эффективности производства.

Как отмечал Дж. Харрингтон, успех в большей мере зависит от всех работников, нежели от менеджеров. Активная роль принадлежит рядовым работникам, которые непосредственно участвуют в решении производственных проблем. Необходимость опоры на работников продиктована стремлением выявить в людях все то лучшее, что в них заложено, и развить творческие способности. Эта идея положена в основу концепции Г. Беккера [10] о роли человеческого капитала. В сложившейся ситуации в реальном секторе производственные рабочие зачастую не только не могут (в силу отсутствия необходимых знаний), но и не хотят реально участвовать в выработке и принятии управленческих решений, т.е. не берут на себя ответственность, связанную с риском. Но именно риск, ответственность за выполнение делегированных управленческих функций являются импульсом профессиональной мобильности.

Профессиональная мобильность определена как совокупность динамичных изменений индивида или социальной группы, связанных с перемещением работников в системе общественного разделения труда, в сфере реализации способностей человека. Трудовые перемещения являются одной из форм признания профессионального статуса работника, приведение физического, интеллектуального и духовного потенциала в соответствие с условиями его динамичного движения.

В мобильности выделяют профессионально-квалификационные перемещения, связанные с разделением труда на основе различной квалификации, представляющие собой перемещения работника с одной квалификационной ступени на другую – это *вертикальная мобильность*. Выделяются также межпрофессиональные перемещения или перемещения, связанные с местом приложения труда, но на прежнем квалификационном уровне – это *горизонтальная мобильность*. В последние годы в связи с неуправляемой миграцией приобрела особое значение *региональная мобильность*.

Если исходить из предпосылки, что человек представляет собой целостную социопсихологическую и экономическую микросистему, то с этой стороны его мобильность определяют не только эгоистические интересы – «по больше денег», но и ограничение своекорыстия ради признания профессионального статуса. И это возможно только на основе объединения всех работников в коллектив с доминантой отношений сотрудничества. Ради сотрудничества и повышения престижа в глазах окружающих работник стремится повысить профессиональную квалификацию, сознательно подчиняя свои действия интересам коллектива и общества. Профессиональная мобильность не позволяет выявить, что больше повлияло на работника – конкуренция или сотрудничество. Однако в теоретической модели каждый раз под воздействием политики и идеологии превалирует тот или иной аспект.

Механизм мотивации отражает противоречие на рынке труда в неоклассической модели спроса и предложения рабочей силы. Но, думается, это весьма поверхностное отношение. По нашему мнению, более глубинным является противоречие таких противоположностей, как конкуренция и сотрудничество, которые являются первоосновой коллективизма. Конкуренция разъединяет работников и предпринимателей, она делает их соперниками в присвоении одних и тех же доходов. И чтобы выстоять в противостоянии друг против друга, работники вынуждены непроизвольно доказывать свои преимущества, свое превосходство посредством использования профессиональных знаний, опыта, естественных способностей. Для рынка труда не имеет значения, что самопроизвольные процессы рынка толкают работника к самосовершенствованию и инновациям в труде. На формирование и развитие профессиональной мобильности рабочей силы оказывают влияние несколько противоречивых тенденций.

Первая тенденция – отрицание механизма мотивации мобильности рабочей силы, полностью контролируемого и определяемого плановой системой управления, когда политическую направленность получила тенденция уравнительного распределения, и социализация (ориентация на свободное развитие работника и социальную справедливость) осуществлялась в услови-

ях всеобщего огосударствления, ограничения рыночных свобод и прав личности. Этот механизм мотивации профессиональной мобильности был деформирован в силу превалирования моральных ориентиров мотивации трудового поведения.

Вторая тенденция связана с развитием отношений постиндустриальной экономической системы под воздействием экзогенных факторов общемировой системы. Развивающиеся трансформационные процессы внутри страны сегодня определяют свободное поведение предпринимателя на рынке труда, который требует от контрагента наличия конкретных качеств профессиональной мобильности. В сложившихся на рынке труда связях предпринимателя интересуют не сами по себе способности работника, а те из них, которые динамичны и рационально приводятся в движение и на этой основе обеспечивают экономическую прибыль.

Третья тенденция объясняет степень регулируемости и социализации профессиональной мобильности в связи с развитием элементов постиндустриальной системы, в которой материальное производство усиленно вытесняется сферой услуг.

В современных условиях главным ресурсом становится интеллектуальный потенциал в инновационном труде. А такой труд возможен на основе, во-первых, индикаторных ориентиров поведения индивидов; во-вторых, самоорганизации коллективного поведения; в-третьих, регулирования тактики и стратегии использования экономически активного населения в социуме.

Механизм мотивации профессиональной мобильности непосредственно связан с государственным стратегическим регулированием сферы формирования и развития экономически активного населения. В этой связи особую значимость приобретает государственное регулирование сферы подготовки трудовых ресурсов, конкурентоспособных на рынке труда, и акцент в экономической политике правительства на решение социальных проблем.

Поскольку ситуации и тенденции развития на рынке труда являются одной из основных предпосылок для успешного планирования персональной карьеры и выбора профессии, необходимы целенаправленное информирование о требованиях и перспективах профессиональной мобильности, консультационная поддержка по вопросам выбора и смены профессии, информация о видах содействия профессиональному образованию.

Стимулирование профессиональной мобильности является главным инструментом воздействия на ускорение развития, так как профессиональная мобильность – это основа повышения продуктивности всего народного хозяйства, а также обеспечения успешного перемещения наемного работника по горизонтали и вертикали. Мотивация профессиональной мобильности носит, с одной стороны, рыночный характер, с другой – институциональный в сфере создания и организации работы учреждений профессионального образования.

Материальное стимулирование профессиональной мобильности может осуществляться в разных формах:

- субсидии и дотации, выплачиваемые в виде пособий на профессиональную подготовку за счет государства;
- трансферты частных лиц на спонсорской основе;

– заимствование (ссуды на обучение) у госучреждений и частных корпораций;

– подготовка корпорациями необходимых трудовых ресурсов в соответствии с прогнозами обновления и развития специализированного производства.

Институциональное содействие формированию профессиональной мобильности решает задачи:

а) создания инфраструктуры рынка труда, и прежде всего сети учебных заведений, которые соответствовали бы рыночным трудовым отношениям;

б) совершенствования структуры занятости в новых отраслях и территориальных зонах (экономических регионах): предоставление субсидий и ссуд нанимателям, если они изъявляют готовность и способны предложить постоянную работу безработному, который не пользуется спросом на рынке труда.

Без государственного влияния не представляется возможным формирование профессиональной мобильности, обеспечение занятости, подготовка и переподготовка экономически активного населения в России, для которой пока характерны такие процессы, как формирование огромной армии безработных, нищенское обеспечение значительной части населения, исключительно низкий уровень оплаты труда, минимальная заработная плата ниже прожиточного минимума в несколько раз и др.

На основе исследования экономических процессов на рынке труда можно выдвинуть гипотезу о возможном повышении мобильности наемных работников в России, экономика которой еще способна перейти в фазу оживления, а в дальнейшем и в фазу подъема. Для этого есть еще предпосылки в виде производственных мощностей и квалифицированных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М. : Академия, 2005. 588 с.
2. *Вебер М.* Исследования по методологии науки : в 2 ч. М., 1980. Ч. 1. 202 с.; Ч. 2. 224 с.
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 574 с.
4. *Шелер М.* Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 413 с.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Росспэн, 2004. 1054 с.
6. *Горюнова Л.В.* Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования России. Ростов н/Д : РГПУ, 2006. 248 с.
7. *Дворецкая Ю.Ю.* Психология профессиональной мобильности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007. 23 с.
8. *Никитина Е.А.* Познание. Сознание. Бессознательное. М. : Либроком, 2011. 218 с.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки : пер. с англ. М. : Прогресс, 1993. Т. 1.
10. *Becker Gary S.* Human capital a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago : The University of Chicago Press, 1993. 390 p.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 13 сентября 2013 г.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ЦЕН НА БАНКОВСКИЕ УСЛУГИ

Предлагаются модели определения конкурентных цен на банковские услуги и операции, в основу расчетов по которым кладутся данные официальной финансовой отчетности банков. На основе этих моделей банковские спрэды вычисляются по данным, взятым из ведомости остатков счетов в банке (форма 101) и ведомости счетов прибылей и убытков (форма 102). Названные документы рассматриваются по ряду ближайших по времени кварталов с целью получить объективные средние оценки кредитных и депозитных ставок анализируемого коммерческого банка. Знания, полученные таким образом, дают объективное представление о возможностях ценообразования предполагаемых банков-конкурентов при условии, что эти отчеты достоверны.

Ключевые слова: банковские услуги; конкурентные цены; банковский спрэд; реальная рентабельность банка; детально-линейная модель.

Формирование конкурентных цен или процентных ставок на банковские услуги тесно связано со спрэдом и реальной рентабельностью банка, где спрэд понимается как оценка стоимости финансового посредничества через разность между тем, что банки берут от заемщиков, и тем, что они платят вкладчикам. Однако теоретическая концепция стоимости финансового посредничества не имеет однозначной практической реализации.

Первой причиной такой неоднозначности является то, что банки не получают единую процентную ставку по всем кредитам и не выплачивают единую депозитную ставку. Действительно, в любой конкретный день каждый банк получает и предлагает множество ставок в зависимости от класса клиентов и типа услуг [1].

Второй причиной является обычная практика банков увеличивать свои доходы от кредитов и платежей вкладчикам через дополнительную организацию доплат и комиссионных. Эти доплаты и комиссионные не включаются в процент для занятой или выплаченной валюты, но фактически увеличивают доход или затраты банка при оказании такого рода услуг.

Третьей причиной нужно назвать то, что не все банки следуют одной и той же методике в определении спектра процентных ставок. Эти различия в поведении банков порождаются множеством факторов, включающих конкуренцию, влияющих на отношение банков к риску.

Четвертая причина различия объясняется специализацией деятельности банков. Например, банки, которые ориентируются на розничные операции, обычно сталкиваются с большими дополнительными затратами, чем банки, ориентированные на оптовые рынки. Понятно, что розничные операции требуют учреждения большего количества отделений, оборудования и персонала, чтобы обслужить розничного клиента. Большие затраты обычно компенсируются более высоким спрэдом.

К сожалению, в большинстве случаев банки не дают фиксированной информации по процентным ставкам на разные виды услуг. Обычно изначально при выборе кредитного продукта клиент ориентируется в определенном ценовом диапазоне. Даже низшая кредитная ставка процента – ставка, предоставленная предпочтительному клиенту, – не всегда представляется банками. По привлеченным депозитам банки иногда сообщают процентные ставки, оплачиваемые клиентам по различным видам депозитов на розничном уровне, но они

не сообщают ставки, предлагаемые компаниям или другим видам оптовых клиентов.

В большинстве проведенных в этом направлении исследований банковский спрэд определяется вычислением так называемого чистого процентного дохода, т.е. разности между процентным доходом и процентным расходом банка как показателя доходности всех процентных активов банка. Это известный метод определения спрэда, главное достоинство которого заключается в относительной доступности исходной информации, так как банки большинства стран, включая Россию, предоставляют отчетные данные, необходимые для таких вычислений. Однако метод не принимает во внимание комиссию по обслуживанию ссудного счета и дополнительные затраты на капитализацию процентов по вкладам. Как было сказано выше, банковские пассивы и активы, связанные с платежами и комиссионными, фактически повышают затраты для заемщиков банка и понижают доходы, полученные вкладчиками.

Для формирования конкурентных цен на банковские услуги необходимо знание банковских спрэдов и реальных рентабельностей предположительных банков-конкурентов. Нами предлагаются модели и методы получения таких знаний из официальных источников, какими, в первую очередь, являются документы формы 101 и формы 102. Прежде всего, рассмотрим методы определения банковского спрэда с использованием этих документов.

Под привлеченными банком средствами на отчетную дату будем понимать сумму

$$D + V + Q + C + K,$$

где D – вклады физических лиц, депозиты юридических лиц, привлеченные депозиты других коммерческих банков, депозитные и сберегательные сертификаты; V – кредиты других коммерческих банков и Центрального банка России; Q – остатки на расчетных и текущих счетах; C – остатки всех других привлеченных средств; K – собственный капитал, в который входит уставный капитал, добавочный капитал, резервный фонд, специальные фонды и нераспределенная прибыль предшествующих лет.

Активное использование привлеченных средств коммерческим банком можно представить следующим балансом:

$$L + B + E + N + R = D + V + Q + C + K = I, \quad (1)$$

где L – задолженность по кредитам на отчетную дату; B – активы, приносящие процентный доход; E – активы, приносящие непроцентный доход; N – активы, не приносящие дохода; R – величина обязательного резервирования; I – итоговая величина банковского баланса.

Пусть для некоторого коммерческого банка соответственно текущему кварталу из ведомости № 101 получен набор

$$(L'_T, B'_T, E'_T, N'_T, R'_T, D'_T, V'_T, Q'_T, C'_T, K'_T),$$

а из ведомости № 102 – набор

$$(L''_T, B''_T, E''_T, D''_T, V''_T, Q''_T, C''_T, S''_T).$$

Соответственно предыдущему по времени кварталу тем же способом из ведомости № 101 получен набор

$$(L'_H, B'_H, E'_H, N'_H, R'_H, D'_H, V'_H, Q'_H, C'_H, K'_H),$$

а из ведомости № 102 – набор

$$(L''_H, B''_H, E''_H, D''_H, V''_H, Q''_H, C''_H, S''_H).$$

На основании полученных наборов составим следующие соотношения:

$$\begin{aligned} L &= L^0 = (L'_T + L'_H) / 2, \quad B = B^0 = (B'_T + B'_H) / 2, \\ E &= E^0 = (E'_T + E'_H) / 2, \\ N &= N^0 = (N'_T + N'_H) / 2, \\ R &= R^0 = (R'_T + R'_H) / 2, \quad D = D^0 = (D'_T + D'_H) / 2, \\ V &= V^0 = (V'_T + V'_H) / 2, \\ Q &= Q^0 = (Q'_T + Q'_H) / 2, \quad C = C^0 = (C'_T + C'_H) / 2, \\ K &= K^0 = (K'_T + K'_H) / 2. \end{aligned} \quad (2)$$

Состав квартальной прибыли коммерческого банка P_t на отчетную дату после вычета налога можно представить в виде следующего выражения:

$$\begin{aligned} P_t &= (lL + bB + eE - dD - vV - qQ - \\ &- z(L + B + E + D + V + Q))(1 - t), \end{aligned} \quad (3)$$

где l, b – квартальные ставки дохода от активов в объемах L и B соответственно; e – коэффициент дохода на непроцентные услуги E ; d, v – квартальные ставки выплат по привлеченным средствам в объемах D и V соответственно; q – коэффициент затрат по привлеченным счетам Q ; z – коэффициент себестоимости по всем оказанным банком услугам; t – ставка налога на прибыль.

Для тождественного выполнения соотношения (3) все внутренние ставки и коэффициенты анализируемого коммерческого банка для текущего квартала должны быть рассчитаны по формулам

$$\begin{aligned} l &= (L''_T - L''_H) / L, \quad b = (B''_T - B''_H) / B, \quad e = (E''_T - E''_H) / E, \\ d &= (D''_T - D''_H) / D, \quad v = (V''_T - V''_H) / V, \\ q &= (Q''_T - Q''_H) / Q, \\ z &= (C''_T - C''_H + S''_T - S''_H) / (L + B + E + D + V + Q). \end{aligned} \quad (4)$$

Если текущий квартал является первым кварталом года, то формулы (4) примут вид

$$\begin{aligned} l &= L''_T / L, \quad b = B''_T / B, \quad e = E''_T / E, \\ d &= D''_T / D, \quad v = V''_T / V, \quad q = Q''_T / Q, \\ z &= (C''_T + S''_T) / (L + B + E + D + V + Q). \end{aligned} \quad (5)$$

Эффективность деятельности банка за отчетный период можно оценить номинальной квартальной рентабельностью n собственного капитала, где

$$n = \frac{P_t}{K}. \quad (6)$$

Однако для объективного сравнительного анализа конкурентных возможностей коммерческих банков разных регионов и стран необходимо ориентироваться на оценку реальной эффективности собственного капитала того или иного коммерческого банка. Эту оценку рассчитывают по формуле

$$r = \frac{1 + \frac{P_t}{K}}{1 + f} - 1, \quad (7)$$

где r – реальная квартальная рентабельность собственного капитала банка; f – квартальный процент инфляции, зависящий от региона, страны и от рассматриваемого периода времени.

Разность между усредненной процентной ставкой на кредит и усредненной ставкой на депозит дает самую распространенную оценку спреда, которая выражается формулой

$$s = l - d, \quad (8)$$

где s – величина номинального посреднического спреда.

Отметим, что для сравнения между собой спредов коммерческих банков различных регионов и разных кварталов может появиться необходимость учитывать региональное и временное различие в темпах инфляции. В этом случае предлагается рассматривать величину S_R реального посреднического квартального спреда. Если l_R – реальная усредненная квартальная процентная ставка на кредит, а d_R – реальная усредненная квартальная процентная ставка на депозит, то для расчета S_R естественно использовать следующую формулу:

$$S_R = l_R - d_R = \left(\frac{1 + l}{1 + f} - 1 \right) - \left(\frac{1 + d}{1 + f} - 1 \right) = \frac{l - d}{1 + f} = \frac{S}{1 + f}. \quad (9)$$

Подставим формулу прибыли (3) в соотношение (7) и, выразив из него процентную ставку l , вставим ее в формулу (8). В результате получим следующее выражение для посреднического спреда:

$$\begin{aligned} s &= \frac{((1 + r)(1 + f) - 1)K}{(1 - t)L} - (b - z) \frac{B}{L} - (e - z) \frac{E}{L} + \\ &+ (d + z) \frac{D}{L} + (v + z) \frac{V}{L} + (q + z) \frac{Q}{L} + z - d. \end{aligned} \quad (10)$$

Учитывая, что

$$R = hD, \quad (11)$$

где h – процентная ставка обязательного резервирования депозитов и вкладов, получим из соотношения (1) выражение для D , т.е.

$$D = \frac{L + B + E + N - V - Q - C - K}{1 - h}. \quad (12)$$

Подставив (12) в (10), а затем умножив и поделив правую часть (10) на $\frac{L}{I}$, получим

$$s = \alpha_1 + \frac{\alpha_2 \frac{B}{I} + \alpha_3 \frac{E}{I} + \alpha_4 \frac{N}{I} + \alpha_5 \frac{V}{I} + \alpha_6 \frac{Q}{I} + \alpha_7 \frac{C}{I} + \alpha_8 \frac{K}{I}}{\frac{L}{I}}, \quad (13)$$

где

$$\alpha_1 = \frac{d+z}{1-h} + z - d, \quad \alpha_2 = -(b-z) + \frac{d+z}{1-h},$$

$$\alpha_3 = -(e-z) + \frac{d+z}{1-h}, \quad \alpha_4 = \frac{d+z}{1-h}, \quad \alpha_5 = (v+z) - \frac{d+z}{1-h},$$

$$\alpha_6 = (q+z) - \frac{d+z}{1-h}, \quad \alpha_7 = -\frac{d+z}{1-h}, \quad \alpha_8 = \frac{((1+r)(1+f)-1)}{(1-t)} - \frac{d+z}{1-h}.$$

Введем следующие обозначения:

$L_I = \frac{L}{I}$ – доля задолженности по кредитам в общей сумме активов I .

$B_I = \frac{B}{I}$ – доля прочих активов, приносящих процентный доход, в общей сумме активов I .

$E_I = \frac{E}{I}$ – доля других активов, приносящих непроцентный доход, в общей сумме активов I .

$N_I = \frac{N}{I}$ – доля активов, не приносящих доход, в общей сумме активов I .

$D_I = \frac{D}{I}$ – доля вкладов физических лиц, депозитов юридических лиц, в общей сумме пассивов I .

$V_I = \frac{V}{I}$ – доля кредитов других коммерческих банков в общей сумме пассивов I .

$Q_I = \frac{Q}{I}$ – доля остатков на текущих и расчетных счетах в общей сумме пассивов I .

$C_I = \frac{C}{I}$ – доля других пассивов в общей сумме пассивов I .

$K_I = \frac{K}{I}$ – доля собственного капитала в общей сумме пассивов I .

На основе введенных обозначений можно в более удобном для исследования виде представить формулы (1), (12) и (13), соответственно, формулами [2]:

$$L_I + B_I + E_I + N_I + R_I = D_I + V_I + Q_I + C_I + K_I = 1, \quad (14)$$

$$D_I = \frac{L_I + B_I + E_I + N_I - V_I - Q_I - C_I - K_I}{1-h}, \quad (15)$$

$$s = \alpha_1 + \frac{\alpha_2 B_I + \alpha_3 E_I + \alpha_4 N_I + \alpha_5 V_I + \alpha_6 Q_I + \alpha_7 C_I + \alpha_8 K_I}{L_I}. \quad (16)$$

Формула (16) выражает зависимость величины номинального спреда от долевых объемов выделенных групп активов (L_I, B_I, E_I, N_I) и долевых объемов выделенных групп пассивов (V_I, Q_I, C_I, K_I) в объеме баланса I , а также зависимость от десяти параметров $(r, f, h, t, b, e, d, v, q, z)$, входящих в формулу (13).

Долевые объемы выделенных групп удобно рассматривать в едином наборе или векторе

$$\bar{U} = (L_I, B_I, E_I, N_I, D_I, V_I, Q_I, C_I, K_I). \quad (17)$$

Если после подстановки формулы прибыли (3) в соотношение (7) выразить из него депозитную ставку d и вставить ее в формулу (8), то после преобразований

получится выражение для посреднического спреда, отличное от формулы (10), а именно

$$s = \frac{((1+r)(1+f)-1)K}{(1-t)D} + (z-l)\frac{L}{D} + (z-b)\frac{B}{D} + (z-e)\frac{E}{D} + (z+v)\frac{V}{D} + (z+q)\frac{Q}{D} + z + l. \quad (18)$$

Подставим в (18) выведенное из (12) выражение для кредитной задолженности L :

$$L = (1-h)D - B - E - N + V + Q + C + K, \quad (19)$$

и в конечном итоге получим другую формулу расчета номинального спреда, чем формула (16):

$$s = \lambda_1 + \frac{\lambda_2 B_I + \lambda_3 E_I + \lambda_4 N_I + \lambda_5 V_I + \lambda_6 Q_I + \lambda_7 C_I + \lambda_8 K_I}{D_I}, \quad (20)$$

где

$$\lambda_1 = 2z - h(z-l), \quad \lambda_2 = l - b, \quad \lambda_3 = l - e, \quad \lambda_4 = l - z, \quad \lambda_5 = 2z + v - l,$$

$$\lambda_6 = 2z + q - l, \quad \lambda_7 = z - l, \quad \lambda_8 = \frac{((1+r)(1+f)-1)}{(1-t)} + z - l.$$

Соотношение (20) выражает зависимость величины номинального спреда от долевых объемов выделенных групп активов (B_I, E_I, N_I) и долевых объемов выделенных групп пассивов $(D_I, V_I, Q_I, C_I, K_I)$ в объеме баланса I , а также от десяти параметров $(r, f, h, t, l, b, e, v, q, z)$, входящих в формулу (20).

Из формулы (16) можно получить обратную зависимость реальной квартальной рентабельности собственного капитала банка r от структуры активов и пассивов (17), выбранной величины спреда s и заданного уровня депозитной ставки d по формуле

$$r = \frac{\beta_1 L_I + \beta_2 B_I + \beta_3 E_I + \beta_4 N_I + \beta_5 V_I + \beta_6 Q_I + \beta_7 C_I}{K_I} + \beta_8, \quad (21)$$

где

$$\beta_1 = \frac{(1-t)(s-\alpha_1)}{1+f}, \quad \beta_2 = \frac{-\alpha_2(1-t)}{1+f}, \quad \beta_3 = \frac{-\alpha_3(1-t)}{1+f},$$

$$\beta_4 = \frac{-\alpha_4(1-t)}{1+f}, \quad \beta_5 = \frac{-\alpha_5(1-t)}{1+f}, \quad \beta_6 = \frac{-\alpha_6(1-t)}{1+f},$$

$$\beta_7 = \frac{-\alpha_7(1-t)}{1+f}, \quad \beta_8 = \left(\frac{d+z}{1-h} + \frac{1}{1-t} \right) \frac{(1-t)}{(1+f)} - 1.$$

Соответственно, обратная зависимость реальной квартальной рентабельности собственного капитала банка r от структуры активов и пассивов (17), выбранной величины спреда s и заданного уровня кредитной ставки l , полученная на основе выражения (20), представляется формулой

$$r = \frac{\mu_1 B_I + \mu_2 E_I + \mu_3 N_I + \mu_4 D_I + \mu_5 V_I + \mu_6 Q_I + \mu_7 C_I}{K_I} + \mu_8, \quad (22)$$

где

$$\mu_1 = \frac{-\lambda_2(1-t)}{1+f}, \quad \mu_2 = \frac{-\lambda_3(1-t)}{1+f}, \quad \mu_3 = \frac{-\lambda_4(1-t)}{1+f},$$

$$\mu_4 = \frac{(s-\lambda_1)(1-t)}{1+f}, \quad \mu_5 = \frac{-\lambda_5(1-t)}{1+f},$$

$$\mu_6 = \frac{-\lambda_6(1-t)}{1+f}, \mu_7 = \frac{-\lambda_7(1-t)}{1+f},$$

$$\mu_8 = \frac{(l-z)(1-t)}{(1+f)} - \frac{f}{1+f}.$$

Пусть известная из формы 102 процентная маржа за отчетный кварталный период P_M представлена формулой

$$P_M = lL - dD, \quad (23)$$

а известный из формы 102 размер квартальной прибыли P коммерческого банка на эту же отчетную дату до взятия налога представлен выражением, полученным из формулы расчета реальной квартальной рентабельности собственного капитала (7), а именно

$$P = \frac{((1+r)(1+f)-1)K}{(1-t)}. \quad (24)$$

Тогда для расчета номинального спреда s из (23) и (24) могут быть получены формулы с меньшим числом влияющих факторов и параметров, чем выражения (16) и (20). Для чего составим пропорциональное отношение левых и правых частей (23), (24) и выведем из него следующее ключевое равенство:

$$lL - dD = \frac{P_M((1+r)(1+f)-1)K}{P(1-t)}. \quad (25)$$

Разрешив формулу (25) относительно кредитной ставки l , поделив числители и знаменатели полученных дробей на сумму баланса L и подставив в (8), выведем зависимость величины номинального спреда от депозитной ставки d , реальной рентабельности r , ключевых факторов (K_l, L_l, D_l) и параметров (f, t) , а именно

$$s = \left(\frac{D_l}{L_l} - 1 \right) d + \frac{P_M(1+f)K_l}{P(1-t)L_l} r + \frac{P_M K_l f}{P(1-t)L_l}. \quad (26)$$

Выразив из формулы (25) депозитную ставку d , поделив числители и знаменатели дробей на сумму баланса L и подставив в (8), получим зависимость величины номинального спреда от кредитной ставки l , реальной рентабельности r , ключевых факторов (K_l, L_l, D_l) и параметров (f, t) , а именно

$$s = \left(1 - \frac{L_l}{D_l} \right) l + \frac{P_M(1+f)K_l}{P(1-t)D_l} r + \frac{P_M K_l f}{P(1-t)D_l}. \quad (27)$$

Формула (26) является приближенным упрощенным аналогом формулы (16), а формула (27) – приближенным упрощенным аналогом формулы (20). Представим формулы (26) и (27) в виде (28) и (29) соответственно:

$$s = s_{11}d + s_{01}, \quad (28)$$

$$s = s_{12}l + s_{02}. \quad (29)$$

Формулы (28) и (29) показывают линейную зависимость величины спреда от уровня как депозитной d , так

и кредитной ставки l . Коэффициенты s_{11} и s_{12} показывают процент увеличения или уменьшения отчетного квартального спреда при увеличении или уменьшении соответствующей процентной ставки на один процент по отношению к фактически сложившейся в этом квартале ставке на депозиты или кредиты.

Нетрудно установить следующее соотношение между коэффициентами s_{11} и s_{12} , зная, что $s_{11} = \left(\frac{D_l}{L_l} - 1 \right)$

$$\text{и } s_{12} = \left(1 - \frac{L_l}{D_l} \right):$$

$$\frac{s_{11}}{s_{12}} = \frac{D_l}{L_l}. \quad (30)$$

Пропорция (30) позволяет сравнить степени влияния на спред отчетного периода изменений депозитной или кредитной ставки. Кроме того, из (30) следует: если $D_l > L_l$, то $s_{11} > 0$, $s_{12} > 0$. Если процент депозитной задолженности превышает процент кредитной задолженности в общей сумме отчетного баланса, то в этом случае увеличение кредитной и депозитной ставки приведет к росту величины спреда, а уменьшение – к снижению спреда.

Если $D_l < L_l$, то $s_{11} < 0$, $s_{12} < 0$. Если процент депозитной задолженности ниже процента кредитной задолженности в общей сумме отчетного баланса, то в этом случае увеличение кредитной и депозитной ставки приведет к снижению величины спреда, а уменьшение – к росту величины спреда.

Если $D_l = L_l$, то $s_{11} = 0$, $s_{12} = 0$. Если процент депозитной задолженности равен проценту кредитной задолженности в общей сумме отчетного баланса, то в этом случае любое изменение кредитной и депозитной ставки не приведет к изменению величины спреда [2–4].

Для исследования зависимости величины спреда s от реальной рентабельности собственного капитала банка r при заданной депозитной ставке d или кредитной ставке l рассмотрим следующее представление формул (26) и (27):

$$s = s_{13} r + s_{03}, \quad (31)$$

$$s = s_{14} r + s_{04}, \quad (32)$$

где

$$s_{13} = \frac{P_M(1+f)K_l}{P(1-t)L_l}, \quad s_{03} = \left(\frac{D_l}{L_l} - 1 \right) d + \frac{P_M K_l f}{P(1-t)L_l},$$

$$s_{14} = \frac{P_M(1+f)K_l}{P(1-t)D_l}, \quad s_{04} = \left(1 - \frac{L_l}{D_l} \right) l + \frac{P_M K_l f}{P(1-t)D_l}.$$

Очевидно, что выполняется пропорция между коэффициентами s_{13} и s_{14} , аналогичная соотношению (30):

$$\frac{s_{13}}{s_{14}} = \frac{D_l}{L_l}. \quad (33)$$

Коэффициенты s_{13} и s_{14} покажут ожидаемые процентные изменения величины спреда, соответственно, прибавляемого к этой депозитной ставке или отнимае-

мого от данной кредитной ставки, если изменить на один процент реальную рентабельность собственного капитала банка.

Обратные зависимости реальной рентабельности собственного капитала банка r от величины спреда s , взятого относительно заданной депозитной ставки d или заданной кредитной ставки l , можно получить из формул (26) и (27):

$$r = \frac{P(1-t)(L_l - D_l)}{P_M(1+f)K_l} d + \frac{P(1-t)L_l}{P_M(1+f)K_l} s - \frac{f}{(1+f)}, \quad (34)$$

$$r = \frac{P(1-t)(L_l - D_l)}{P_M(1+f)K_l} l + \frac{P(1-t)D_l}{P_M(1+f)K_l} s - \frac{f}{(1+f)}. \quad (35)$$

Эти же зависимости можно также получить непосредственно из формул (31) и (32):

$$r = r_{13} s + r_{03}, \quad (36)$$

$$r = r_{14} s + r_{04}, \quad (37)$$

где

$$r_{13} = \frac{1}{s_{13}}, \quad r_{03} = -\frac{s_{03}}{s_{13}}, \quad r_{14} = \frac{1}{s_{14}}, \quad r_{04} = -\frac{s_{04}}{s_{14}}.$$

Величины r_{13} и r_{14} отражают проценты увеличения или уменьшения рентабельности собственного капитала банка r при увеличении или уменьшении на один процент спреда либо относительно депозитной, либо относительно кредитной ставки. Формулы (34) и (35) являются упрощенными аналогами выражений (21) и (22).

На основе формул (16), (20), с одной стороны, были сформированы, соответственно, А-модель и В-модель управления величиной номинального спреда при заданном уровне депозитной или кредитной ставки и желательной рентабельности собственного капитала банка. С другой стороны, на базе формул (21), (22) были созданы, соответственно, С-модель и D-модель управления рентабельностью собственного капитала банка при заданном уровне депозитной или кредитной ставки и желательной величине номинального спреда.

Рассмотрим, прежде всего, А-модель управления номинальным спредом. Формула (16) будет представлять целевую функцию (38) этой модели, а именно размер номинального спреда s при соответствующих текущему кварталу параметрах $(r, f, h, t, l, b, e, v, q, z)$:

$$s = \alpha_1 + \frac{\alpha_2 B_l + \alpha_3 E_l + \alpha_4 N_l + \alpha_5 V_l + \alpha_6 Q_l + \alpha_7 C_l + \alpha_8 K_l}{L_l} \rightarrow \begin{cases} \min \\ \max \\ s_0 \end{cases}. \quad (38)$$

Целевая функция (38) должна при необходимости минимизироваться, максимизироваться или принимать заданное значение s_0 , а для каждого из этих требований нужно организовать практическое вычисление вектора управляющих факторов (17) с учетом необходимых ограничений, а именно набора числовых значений объемов услуг в относительном измерении:

$$\bar{U}_l^* = (L_l^*, B_l^*, E_l^*, N_l^*, D_l^*, V_l^*, Q_l^*, C_l^*, K_l^*). \quad (39)$$

Для составления ограничений А-модели управления номинальным спредом на вектор (39) необходимо установить предполагаемые в следующем квартале нижние границы

$$\bar{U}_{\text{нижн}} = (L_{\text{нижн}}, B_{\text{нижн}}, E_{\text{нижн}}, N_{\text{нижн}}, D_{\text{нижн}}, V_{\text{нижн}}, Q_{\text{нижн}}, C_{\text{нижн}}, K_{\text{нижн}})$$

и верхние границы

$$\bar{U}_{\text{верх}} = (L_{\text{верх}}, B_{\text{верх}}, E_{\text{верх}}, N_{\text{верх}}, D_{\text{верх}}, V_{\text{верх}}, Q_{\text{верх}}, C_{\text{верх}}, K_{\text{верх}}),$$

чтобы для управляемых переменных (39) выполнялись требования

$$\bar{0} \leq \bar{U}_{\text{нижн}} \leq \bar{U} \leq \bar{U}_{\text{верх}} \leq \bar{1}, \quad (40)$$

где $\bar{0}$ и $\bar{1}$ – векторы размерности 9, состоящие, соответственно, из нулей и единиц.

Следуя формуле (14), вектор (39) должен удовлетворять равенству

$$D_l + V_l + Q_l + C_l + K_l = 1. \quad (41)$$

Исходя из соотношения (15), вектор (39) должен удовлетворять равенству

$$L_l + B_l + E_l + N_l - (1-h)D_l - V_l - Q_l - C_l - K_l = 0. \quad (42)$$

Должно выполняться ограничение на левверидж между размещенными активами и собственным капиталом банка, которое представляет неравенство

$$K_l \geq 0,1. \quad (43)$$

А-модель, состоящая из формул (38), (40)–(43), является задачей дробно-линейного программирования.

Соответственно В-модель управления номинальным спредом будет иметь целевую функцию, составленную на основе формулы (20), а именно размер номинального спреда s при соответствующих текущему кварталу параметрах $(r, f, h, t, l, b, e, v, q, z)$:

$$s = \lambda_1 + \frac{\lambda_2 B_l + \lambda_3 E_l + \lambda_4 N_l + \lambda_5 V_l + \lambda_6 Q_l + \lambda_7 C_l + \lambda_8 K_l}{D_l} \rightarrow \begin{cases} \min \\ \max \\ s_0 \end{cases}. \quad (44)$$

Целевая функция (44) при необходимости минимизируется, максимизируется или принимает заданное значение s_0 , а для каждого из этих требований должен вычисляться вектор управляющих переменных (39).

Ограничения В-модели управления номинальным спредом, как и в случае А-модели, составляют те же самые требования (40)–(43).

Аналогично на основе формул (21), (22) могут быть рассмотрены целевые функции, соответственно,

$$r = \frac{\beta_1 L_l + \beta_2 B_l + \beta_3 E_l + \beta_4 N_l + \beta_5 V_l + \beta_6 Q_l + \beta_7 C_l}{K_l} + \beta_8 \rightarrow \begin{cases} \min \\ \max \\ s_0 \end{cases}, \quad (45)$$

$$r = \frac{\mu_1 B_l + \mu_2 E_l + \mu_3 N_l + \mu_4 D_l + \mu_5 V_l + \mu_6 Q_l + \mu_7 C_l}{K_l} + \mu_8 \rightarrow \begin{cases} \min \\ \max \\ s_0 \end{cases}. \quad (46)$$

Под С-моделью будем понимать математическую постановку, состоящую из формул (40)–(43), (45), а под D-моделью – постановку, состоящую из формул (40)–(43), (46).

Расчет А, В, С, D-моделей происходит при значениях параметров (l, b, e, d, v, q, z) , вычисленных по формулам (4) на основе следующего рассчитанного по формулам (2) вектора

$$\bar{U}^0 = (L^0, B^0, E^0, N^0, R^0, D^0, V^0, Q^0, C^0, K^0), \quad (47)$$

который удовлетворяет требованиям для балансовой суммы I на отчетную дату конца текущего квартала:

$$L^0 + B^0 + E^0 + N^0 + R^0 = D^0 + V^0 + Q^0 + C^0 + K^0 = I.$$

Если, например, банк сможет обеспечить оптимальную структуру групп депозитных и кредитных услуг, полученную как решение А-модели минимизации спреда в виде вектора (48):

$$\bar{U}^* = (L^*, B^*, E^*, N^*, R^*, D^*, V^*, Q^*, C^*, K^*), \quad (48)$$

то при той же самой реальной рентабельности, как у банка-конкурента меньший спред дает возможность либо снизить цены на кредиты, либо повысить цены на депозиты, т.е. усилить конкурентоспособность своих услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
2. Гришанова А.В. О реализации модели вычисления ориентиров повышения ценового преимущества банка // Математические методы в прикладных исследованиях : сб. науч. тр. Новосибирск : НГУЭУ, 2010. Вып. 4.
3. Гришанова А.В. О теоретических основах формирования ценового преимущества коммерческого банка по депозитным и кредитным услугам // Математические методы в прикладных исследованиях : сб. науч. тр. Новосибирск: НГУЭУ, 2012. Вып. 5.
4. Ивасенко А.Г. Методология процентной политики коммерческих банков // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. 2001. № 6. С. 214–223.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 13 октября 2013 г.

ОТРАСЛЕВОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Дается интегральная оценка возможностей отраслей, составляющих экономику Томской области за период с 1950 по 2007 г. Теоретический аппарат интегральной оценки возможностей отраслей экономики Томской области основывается на универсальных принципах проектирования в системе природа – общество – человек, развиваемых в Научной школе устойчивого развития.

Ключевые слова: полная мощность; полезная мощность; потери мощности; производительность труда по отраслям; доля мощности в полезной мощности региона; динамика состояния отраслей; социально-экологический межотраслевой баланс мощности; Томская область.

В настоящее время проблема эффективного управления устойчивым инновационным развитием региона и отрасли особенно актуальна не только для России, но и для всего мирового сообщества, так как в условиях кризисного состояния и резкого спада производства повышение производительности труда является основным источником реального экономического и социального роста [1].

Учитывая вышеизложенное, проблема эффективного управления устойчивым инновационным развитием актуальна и для Томской области. Отсюда вытекает цель исследовательской работы – оценка отраслевого устойчивого развития Томской области с использованием измеримых величин.

Для реализации поставленной цели была выполнена интегральная оценка возможностей отраслей экономики Томской области, включая:

1. Мощность отраслей: годовое суммарное потребление природных ресурсов, годовое суммарное произ-

водство, потери мощности, производительность труда по отраслям, доля мощности в полезной мощности региона.

2. Социально-экологический межотраслевой баланс мощности.

3. Сравнение отраслей экономики Томской области по величине производительности труда.

Расчёты проведены с использованием методик, предусмотренных технологией проектирования устойчивого развития в системе природа – общество – человек, разработанной в рамках Научной школы устойчивого развития [1–3].

Оценка мощностей отраслей экономики Томской области. В ранее выполненных работах автором были рассчитаны базовые индикаторы устойчивого развития Томской области [4, 5]. Были получены следующие значения базовых индикаторов региона (табл. 1).

Таблица 1

Основные базовые индикаторы устойчивого развития Томской области с 1950 по 2007 г. [4–6]

Индикаторы устойчивого развития	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Полная мощность, ГВт	4,89	5,54	5,85	6,53	7,51	9,89	7,71
Полезная мощность, ГВт	1,89	2,14	2,26	2,52	2,91	3,785	2,987
Мощность потерь, ГВт	3,957	4,481	4,730	5,279	6,077	6,615	6,233
КПД технологий	0,2	0,23	0,24	0,27	0,31	0,37	0,32

Используя значения базовых индикаторов из табл. 1, автор провел оценку мощности отраслей Томской области за период с 1950 по 2007 г. по основным параметрам устойчивого развития:

1. Полная мощность – годовое суммарное потребление природных ресурсов.

2. Полезная мощность – годовое суммарное производство.

3. Потери мощности – разности между полной и полезной мощностями.

4. Производительность труда по отраслям.

Список рассматриваемых отраслей народного хозяйства Томской области за период с 1950 по 1990 г. следующий: сельское хозяйство и лесное хозяйство, строительство, транспорт и связь, здравоохранение, образование, управление, промышленность, прочие отрасли. После структурных преобразований экономики Томской области, произошедших после распада СССР, в экономике региона получили развитие следующие отрасли: оптовая и розничная торговля, финансовая деятельность, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом. Поэтому вышеперечисленные отрасли были добавлены в рассматриваемый список за период с 2000 по 2007 г.

Для последующего расчёта были собраны данные по структуре ВРП по отраслям экономики Томской области (табл. 2).

Используя данные базовых индикаторов устойчивого развития Томской области из табл. 1 и структуру ВРП отраслей экономики региона (%), табл. 2), методом пропорции были рассчитаны значения полной мощности, полезной мощности и мощности потерь отраслей экономики региона в единицах мощности (ГВт) (табл. 3–5).

Анализ табл. 3, 4 показывает, что за рассматриваемый период значения полной и полезной мощности практически всех отраслей Томской области постепенно росли до 2000 г., далее отмечается снижение этих показателей. Рост значений данных показателей отражает общий социально-экономический рост энергетических мощностей народного хозяйства Томской области.

Анализ табл. 5 показывает, что за анализируемый период времени годовые потери мощности отраслей экономики Томской области постепенно возрастали до 2000 г., а после – падали. Такая же закономерность ранее отмечалась и для значений показателей полной и полезной мощности.

Таблица 2

Структура ВРП по отраслям экономики Томской области в 1950–2007 гг., % [6]

Отрасль экономики	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	5,8	6,4	7,9	9,6	9,5	7,7	4,64
Строительство	1,5	4,1	8,0	9,0	10,5	7,1	7,12
Транспорт и связь	13,4	15,6	13,6	14,4	12,9	12,3	10,78
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	12,4	10,18
Здравоохранение	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	3,26
Образование	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	3,80
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	0,1	0,01
Управление	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,4	4,77
Промышленность	55,4	59,3	57,4	53,8	55,6	52,7	44,09
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	0,7	0,73
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	4,7	9,38
Прочие отрасли	23,1	13,9	12,4	12,5	10,8	1,0	1,25
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 3

Полная мощность отраслей народного хозяйства Томской области, ГВт

Отрасль народного хозяйства	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	0,28	0,35	0,46	0,62	0,71	0,76	0,35
Строительство	0,07	0,22	0,47	0,58	0,78	0,70	0,54
Транспорт и связь	0,65	0,864	0,79	0,94	0,96	1,21	0,83
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	1,22	0,78
Здравоохранение	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,05	0,25
Образование	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,04	0,29
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	0,009	0,008
Управление	0,01	0,005	0,005	0,006	0,007	0,04	2,83
Промышленность	2,70	3,28	3,35	3,51	4,17	5,21	3,39
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	0,07	0,06
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	0,46	0,72
Прочие отрасли	1,12	0,77	0,72	0,81	0,81	0,09	0,09

Таблица 4

Полезная мощность отраслей народного хозяйства Томской области, ГВт

Отрасль народного хозяйства	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	0,109	0,136	0,178	0,241	0,276	0,291	0,138
Строительство	0,053	0,087	0,181	0,226	0,305	0,268	0,212
Транспорт и связь	0,253	0,286	0,307	0,362	0,375	0,465	0,321
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	0,469	0,304
Здравоохранение	0,006	0,006	0,007	0,007	0,008	0,018	0,097
Образование	0,004	0,006	0,007	0,007	0,008	0,015	0,113
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	0,004	0,0003
Управление	0,006	0,002	0,002	0,003	0,003	0,015	0,142
Промышленность	1,047	1,269	1,297	1,355	1,617	1,994	1,316
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	0,026	0,021
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	0,177	0,280
Прочие отрасли	0,436	0,294	0,280	0,315	0,314	0,037	0,037

Таблица 5

Годовые потери мощности отраслей народного хозяйства Томской области по годам, ГВт

Отрасль народного хозяйства	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	0,171	0,214	0,282	0,379	0,434	0,469	0,212
Строительство	0,017	0,133	0,289	0,354	0,475	0,432	0,328
Транспорт и связь	0,397	0,578	0,483	0,578	0,585	0,745	0,509
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	0,751	0,476
Здравоохранение	0,004	0,014	0,013	0,013	0,012	0,032	0,153
Образование	0,006	0,014	0,013	0,013	0,012	0,025	0,177
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	0,005	0,007
Управление	0,004	0,003	0,003	0,003	0,004	0,025	2,688
Промышленность	1,653	2,011	2,053	2,155	2,553	3,216	2,074
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	0,044	0,039
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	0,283	0,44
Прочие отрасли	0,684	0,476	0,44	0,455	0,496	0,053	0,053

Производительность труда отраслей экономики региона рассчитывалась путём деления значений полезной мощности отрасли на численность работающих в конкретной отрасли [7–9]. Среднегодовая численность работающих по отраслям экономики Томской области представлена в табл. 6.

Делением значения полезной мощности отраслей региона на численность работающих в отраслях были получены значения производительности труда в единицах мощности (кВт/чел.) по отраслям экономики Томской области (табл. 7). Анализ данных табл. 7 показывает, что за период с 1950 по 2007 г. произво-

дительность труда по отраслям экономики Томской области менялась следующим образом: практически во всех отраслях экономики производительность труда постепенно падала и достигла в 2007 г. мини-

мума. Рост отмечен только в образовании и здравоохранении. Максимальные значения производительности труда практически во всех отраслях отмечены в 1950 г.

Таблица 6

Среднегодовая численность работающих по отраслям экономики Томской области по годам, чел. [7–9]

Отрасль экономики	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	8746	15 168	26 900	41 261	40 793	27 797	26 339
Строительство	3468	13 509	36 093	45 129	46 375	25 270	41 470
Транспорт и связь	15 985	29 388	36 774	48 997	43 799	35 017	47 634
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	24 548	43 711
Здравоохранение	8596	13 983	17 366	21 920	24 046	31 768	53 798
Образование	17 194	29 625	50 394	68 768	73 857	68 951	80 137
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	4332	10 648
Управление	7088	5688	6810	9456	6012	20 938	46 513
Промышленность	62 582	93 378	122 921	129 800	117 226	89 528	140 100
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	4693	16 812
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	18 050	42 030
Прочие отрасли	26 541	41 712	43 243	64 470	77 292	10 108	11 208

Таблица 7

Производительность труда по отраслям экономики Томской области по годам, кВт/чел.

Отрасль экономики	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	12,5	9,0	6,6	5,8	6,8	10,5	5,2
Строительство	15,3	6,4	5,0	5,0	6,6	10,6	5,1
Транспорт и связь	15,8	9,7	8,3	7,4	8,6	13,3	6,7
Оптовая и розничная торговля	–	–	–	–	–	19,1	6,9
Здравоохранение	0,7	0,4	0,4	0,3	0,3	0,6	1,8
Образование	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	1,4
Финансовая деятельность	–	–	–	–	–	0,9	0,03
Управление	0,8	0,3	0,3	0,3	0,5	0,7	3,1
Промышленность	16,7	13,6	10,6	10,4	13,8	22,3	9,4
Гостиницы и рестораны	–	–	–	–	–	5,5	1,2
Операции с недвижимым имуществом	–	–	–	–	–	9,8	6,7
Прочие отрасли	16,4	7,0	6,4	4,8	4,0	3,7	3,3

Социально-экологический межотраслевой баланс Томской области. Социально-экологический межотраслевой баланс Томской области за 1990 и 2007 г. представлен на рис. 1 и 2. Выбор 1990 и 2007 г. диктовался тем, что ставилась цель проследить изменения в отраслевой структуре экономики региона в

связи с негативными тенденциями 90-х гг. XX в. Под «природой» в данном случае понимается окружающая природная среда с её ресурсами, которые как поток полной мощности (N) извлекаются обществом для производства потока товаров, услуг различными отраслями народного хозяйства.

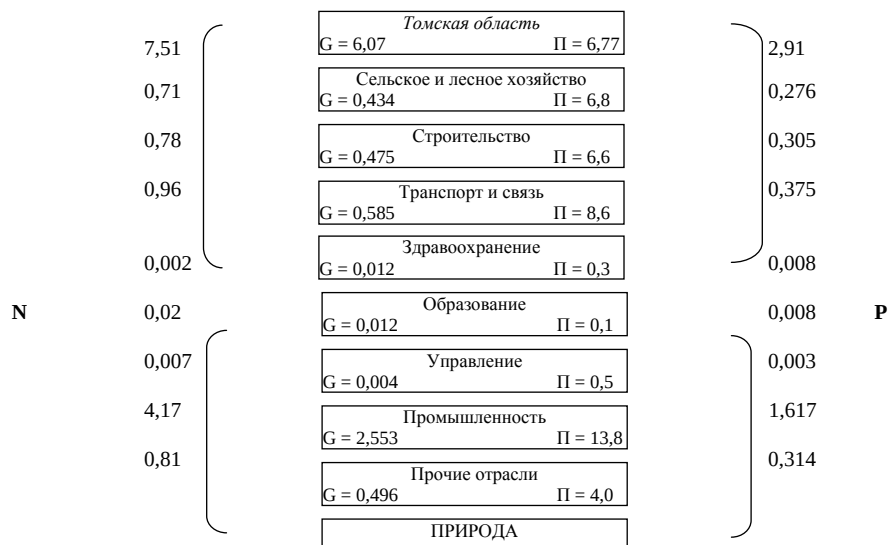

Рис. 1. Социально-экологический межотраслевой баланс Томской области в 1990 г.: N – полная мощность отраслей региона, ГВт; P – полезная мощность отраслей региона, ГВт; G – мощность потерь отраслей региона, ГВт; P – производительность труда в отраслях региона, кВт

N	7,71	Томская область		2,987	P
	0,35	G = 6,233	П = 5,33	0,138	
	0,54	Сельское и лесное хозяйство		0,212	
	0,83	G = 0,212	П = 5,2	0,321	
	0,25	Строительство		0,097	
	0,29	G = 0,328	П = 5,1	0,113	
	2,83	Транспорт и связь		0,142	
	3,39	G = 0,509	П = 6,7	1,316	
	0,78	Здравоохранение		0,304	
	0,008	G = 0,153	П = 1,8	0,0003	
	0,06	Образование		0,021	
	0,72	G = 0,177	П = 1,4	0,28	
	0,09	Управление		0,037	
		G = 2,688	П = 3,1		
		Промышленность			
		G = 2,074	П = 9,4		
		Оптовая и розничная торговля			
		G = 0,476	П = 6,9		
		Финансовая деятельность			
		G = 0,007	П = 0,03		
		Гостиницы и рестораны			
		G = 0,039	П = 1,2		
		Операции с недвижимостью			
		G = 0,44	П = 6,7		
		Прочие отрасли			
		G = 0,053	П = 3,3		
		ПРИРОДА			

Рис. 2. Социально-экологический межотраслевой баланс Томской области в 2007 г.: N – полная мощность отраслей региона, ГВт; P – полезная мощность отраслей региона, ГВт; G – мощность потерь отраслей региона, ГВт; П – производительность труда в отраслях региона, кВт

Сравнение отраслей экономики Томской области по величине производительности труда. Основные отрасли экономики Томской области представлены материальной и непроизводственной сферами. Материальное производство включает промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство, транспорт и связь, оптовую и розничную торговлю. Непроизвод-

ственная сфера в регионе – образование, здравоохранение, управление, финансовая деятельность, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом, прочие отрасли.

Ранжирование основных отраслей экономики по производительности труда на 1990 г. для Томской области представлен в табл. 8.

Таблица 8
Сравнение отраслей экономики Томской области по величине производительности труда за 1990 г., кВт/чел.

Отрасль экономики	Производительность труда, кВт/человека	Место
Промышленность	13,8	1
Транспорт и связь	8,6	2
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	6,8	3
Строительство	6,6	4
Прочие отрасли	4,0	5
Управление	0,5	6
Здравоохранение	0,3	7
Образование	0,1	8

Анализ табл. 8 показывает, что в 1990 г. лидирующие места в экономике региона принадлежали отраслям материальной сферы, при этом первое место занимала промышленность. На втором месте по производительности

труда была отрасль транспорт и связь, а замыкала тройку лидеров отрасль сельское и лесное хозяйство. После распада единой страны отраслевая структура Томской области претерпела незначительные изменения (табл. 9).

Таблица 9
Сравнение отраслей экономики Томской области по величине производительности труда за 2007 г., кВт/чел.

Отрасль экономики	Производительность труда, кВт/человека	Место
Промышленность	9,4	1
Оптовая и розничная торговля	6,9	2
Транспорт и связь	6,7	3
Операции с недвижимым имуществом	6,7	4
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	5,2	5
Строительство	5,1	6
Прочие отрасли	3,3	7
Управление	3,1	8
Здравоохранение	1,8	9
Образование	1,4	10
Гостиницы и рестораны	1,2	11
Финансовая деятельность	0,03	12

Анализ табл. 9 показывает, что в 2007 г. в структуре экономики лидирующие места по-прежнему занимают отрасли материального производства. При этом первое место занимает промышленность, сельское и лесное хозяйство понизились до пятого места, транспорт и связь – на третьем месте. Второе место по производительности труда занимает оптовая и розничная торговля, четвертое место – операции с недвижимым имуществом, т.е. отрасли непродовольственной сферы.

В связи со структурными преобразованиями в отраслевой структуре экономики Томской области у региона есть возможность для перехода региона в стадию инновационного развития, а в дальнейшем – и в период устойчивого инновационного развития. Возможно это в результате повышения эффективности использования потребляемых в регионе ресурсов посредством реализации более совершенных технологий.

В ходе проведенных исследований были получены следующие результаты:

1. Впервые для территории Томской области за период с 1950 по 2007 г. определены мощности отраслей экономики: годовое суммарное потребление природных ресурсов, годовое суммарное производство, потери мощности, производительность труда по отраслям, доля отрасли в полезной мощности региона. При этом установлено, что лидирующее положение занимает про-

мышленность, значения полезной мощности которой изменялись с 1,047 ГВт в 1950 г. до 1,316 ГВт в 2007 г.

2. Представлен социально-экологический межотраслевой баланс Томской области на 1990 и 2007 гг. После негативных преобразований в 1991 г. в экономике страны, связанных с распадом единого государства, произошли структурные изменения и в экономике Томской области.

3. Проведено сравнение отраслей экономики Томской области в единицах мощности по производительности труда за 1990 и 2007 гг. В 1990 г. лидирующие места в экономике региона принадлежали отраслям материальной сферы, при этом первое место занимала промышленность. На втором месте по производительности труда были транспорт и связь, а замыкало тройку лидеров сельское и лесное хозяйство. После распада единой страны отраслевая структура Томской области претерпела незначительные изменения. В 2007 г. в структуре экономики лидирующие места по-прежнему занимают отрасли материального производства. При этом первое место занимает промышленность, сельское и лесное хозяйство понизились до пятого места, транспорт и связь заняли третье. Второе место по производительности труда занимает оптовая и розничная торговля, четвертое – операции с недвижимым имуществом, т.е. отрасли непродовольственной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большаков Б.Е.* Наука устойчивого развития: книга I MERA. URL: <http://lt-nur.uni-dubna.ru>, свободный. – 2001.
2. *Большаков Б.Е., Шамаева Е.Ф.* Технологические основы управления региональным и отраслевым устойчивым инновационным развитием с использованием измеримых величин : учеб.-метод. пособие // Интернет-портал «Научная школа устойчивого развития» (0220712064). URL: <http://lt-nur.uni-dubna.ru> (гос. регистрация № 11265 от 11.10.2006 г.), 2011. 108 с.
3. *Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е.* Система природа – общество – человек: Устойчивое развитие. М. : Дубна, 2000. 403 с.
4. *Кнауб Р.В.* Оценка индикаторов устойчивого развития Томской области // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2011. Т. 7, № 2 (11). Ст. 4. URL: <http://www.typravlenie.ru/?p=987>.
5. *Кнауб Р.В.* Оценка фундаментальных индикаторов устойчивого развития на примере Томского региона в историческом контексте // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2011. Т. 7, № 3 (12). Ст. 5. URL: <http://typravlenie.ru/?p=1052>.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1085. ОП. 4. Д. 1-372.
7. *Томск – 40 лет.* Юбилейный статистический сборник. 1984. 268 с.
8. *50 лет* Томской области (1944–1994 гг.). Юбилейный статистический сборник. Госкомстат России, 1994. 69 с.
9. *60 лет* Томской области (1944–2004 гг.). Юбилейный статистический сборник. Томскоблстат-Т., 2004. 144 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 19 сентября 2013 г.

ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ДИНАМИКУ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-01003).

Исследовалась гипотеза о зависимости доли теневой экономики от величины административных барьеров и качества институциональной среды для ведения предпринимательской деятельности на основе таких параметров, как уровень коррупции, индекс экономической свободы, степень защиты частной собственности. В работе раскрыты результаты исследования зависимости эластичности теневой экономики от уровня экономического развития для стран мира, а также в разрезе субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ. Получены данные относительно влияния общего уровня социально-экономического развития на показатель эластичности теневой экономики по административным барьерам и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса. Основываясь на полученных данных, в статье представлены частные рекомендации относительно приоритетности мер административного и экономического характера в части противодействия теневой экономике в зависимости от текущего состояния рассмотренных в работе территорий.

Ключевые слова: теневая экономика; административные барьеры; институциональная среда; коррупция; мировая экономика; региональная экономика.

В работах как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных проблемам теневой экономики, общераспространенным является тезис о том, что теневая активность в значительной степени обусловлена излишним административным давлением со стороны органов государственной власти, чрезмерными административными барьерами, а также вследствие неблагоприятной институциональной среды, непосредственно связанной с осуществлением предпринимательской деятельности.

Гипотеза исследования заключается в том, что доля теневой экономики выше в тех странах (регионах), где выше административные барьеры и институциональная среда сложнее для ведения предпринимательской деятельности.

При этом под административными барьерами мы понимаем чинимые органами государственной власти или органами местного самоуправления препятствия, которые могут выражаться как в действиях, так и в бездействии органов власти, тормозящих, осложняющих или делающих невозможным прохождение процедур, предусмотренных действующим законодательством.

В качестве информационной базы данных использовались аналитические обзоры и статистические данные из доклада «Теневая экономика в странах мира» (Shadow Economies All over the World) [1] за период с 1999 по 2007 г. – показатель среднего уровня теневой экономики (в разрезе 162 стран).

В качестве информационной базы об относительном уровне административных барьеров и привлекательности институциональной среды для предпринимателей использовались данные Heritage Foundation – индекс экономической свободы (Index of economic freedom) [2]. При этом оценка уровня административного давления и привлекательности институциональной среды осуществлялась в разрезе 3 составляющих:

1. Свобода ведения бизнеса (Business Freedom) – характеризуется как свобода создания и ведения бизнеса без вмешательства государства.

2. Защита частной собственности (Property Rights) – характеризуется развитостью институтов, обеспечивающих сохранность частной собственности.

3. Индекс свободы от коррупции (Freedom from Corruption).

В результате сопоставления имеющихся статистических данных выборка составила 159 стран. Проведенный корреляционный анализ показал наличие существенной связи между долей теневое сектора в структуре национальной экономики и показателями, входящими в индекс экономической свободы (табл. 1).

Таблица 1
Корреляция между долей теневой экономики и аналитическими показателями, входящими в индекс экономической свободы

Индекс	Коэффициент корреляции
Индекс экономической свободы (Business Freedom)	–0,45013
Индекс свободы от коррупции (Freedom from Corruption)	–0,6571
Индекс защиты частной собственности (Property Rights)	–0,63841

Как показывают результаты корреляционного анализа, взаимосвязь между уровнем теневой экономики и показателями, характеризующими административные барьеры и привлекательность институциональной среды, является значимой для данной выборки (159 стран) при вероятности ошибки 0,0005.

Заметим, что корреляция между индексом защиты частной собственности (Property rights) и индексом свободы от коррупции (Freedom from corruption) превышает 0,93 (т.е. близка к функциональной зависимости); следовательно, один из них можно не рассматривать в ходе выполнения исследования. В этой связи в дальнейшем будут рассматриваться лишь 2 базовых индекса: свобода ведения бизнеса и свобода от коррупции.

Затем была построена линейная регрессионная модель (см. рис. 1) на основе двух независимых переменных – индекса свободы ведения бизнеса и индекса свободы от коррупции; соответственно, доля теневое сектора экономики является зависимой переменной:

$$f(x) = 0,38729 * x_1 + 0,00356 * x_2 + 48,82562, \quad (1)$$

где $f(x)$ – доля теневой экономики; x_1 – индекс свободы от коррупции; x_2 – индекс свободы ведения бизнеса.

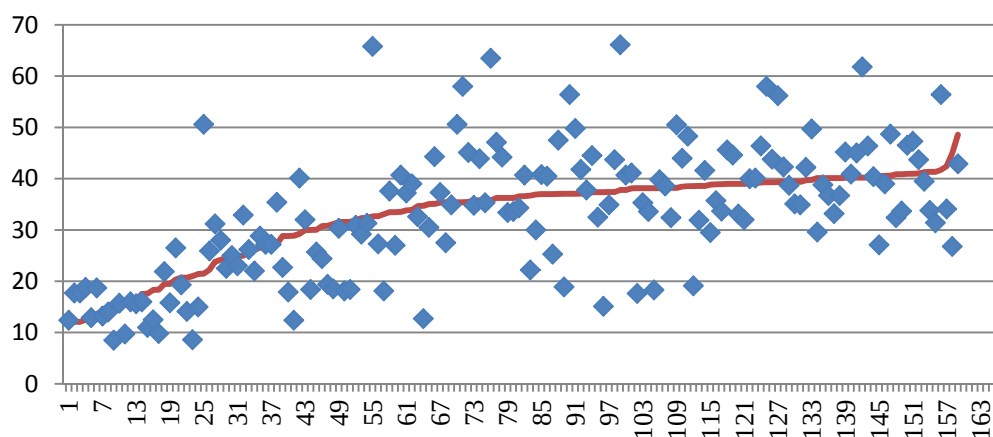

Рис. 1. Регрессионная модель доли теневой экономики на основе индексов свободы ведения бизнеса и свободы от коррупции

Для устранения статистических шумов, обусловленных случайными отклонениями, вызванными влиянием внутренних факторов, рассчитано среднее квадратическое отклонение для показателя, характеризующего долю теневой экономики. Полученный в результате диапазон был использован в качестве критерия отбора стран, вносящих статистические шумы в общую выборку.

В результате общий список анализируемых стран сократился до 134 («шум» составил 15,7% выборки). Заметим, что исключены из выборки те страны, в которых теневая экономика очень высока вне зависимости от административных барьеров.

Особенностью национального хозяйства указанных стран является кризисное либо переходное состояние, которые оказывают более существенное влияния на формирование теневого сектора, нежели изменения в институциональной среде и степени административного давления. К числу указанных стран относятся:

1. Страны постсоветского пространства с переходной экономикой (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова, Украина).
2. Африканские страны (Бенин, Габон, Гамбия, Либерия, Нигерия, Руанда, Танзания, Замбия, Зимбабве).
3. Страны Центральной и Южной Америки (Боливия, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Панама, Перу, Уругвай).
4. Страны Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Шри-Ланка, Таиланд).

Таблица 2
Корреляция между долей теневой экономики и аналитическими показателями, входящими в интегральный индекс экономической свободы

Индекс	Коэффициент корреляции
Индекс экономической свободы (Business Freedom)	-0,533
Индекс свободы от коррупции (Freedom from Corruption)	-0,749

В результате устранения статистических шумов коэффициент корреляции между долей теневой экономики и индикаторами, характеризующими свободу ведения бизнеса и свободу от коррупции, увеличился (табл. 2).

Линейная модель уровня теневой экономики в зависимости уровня свободы ведения бизнеса и свободы от коррупции в результате устранения статистических шумов также корректируется:

$$f(x) = -0,3306952 \cdot x_1 - 0,01689 \cdot x_2 + 44,471, \quad (2)$$

где $f(x)$ – доля теневой экономики; x_1 – индикатор свободы от коррупции; x_2 – индикатор свободы ведения бизнеса.

Коэффициент детерминированности $r^2 = 0,561$. Модель, таким образом, достаточно хорошо описывает исходные данные. Анализ модели показывает, что при росте индикаторов доля теневой экономики будет уменьшаться (об этом говорит как знак при корреляционном анализе, так и отрицательный коэффициент «а» в уравнении регрессии). При наличии шума в модели этого не наблюдалось.

Для подтверждения гипотезы исследования в рамках данной работы проведен аналогичный анализ для России в разрезе субъектов Федерации. В качестве количественных параметров, характеризующих уровень административного давления и привлекательность институциональной среды для предпринимательской деятельности, использовались данные, полученные экспертами «Бизнес-Журнала» [3] (индикаторы уровня поддержки бизнеса со стороны государства и уровня административных барьеров). В исследовании выборка составила 27 регионов.

В качестве показателя уровня теневой экономики использовались данные, полученные из работ Центра исследований региональной экономики [4], а также некоторых исследований других авторов. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи уровня теневой экономики и индикаторов, характеризующих как административное давление на бизнес, так и общее состояние институциональной среды предпринимательства, представлены в табл. 3.

Таблица 3
Корреляция между долей теневой экономики по регионам и рядом индикаторов, характеризующих уровень административного давления на бизнес и состояние институциональной среды предпринимательства

Показатель	Коэффициент корреляции
Поддержка бизнеса	-0,4458
Административные барьеры	-0,62831

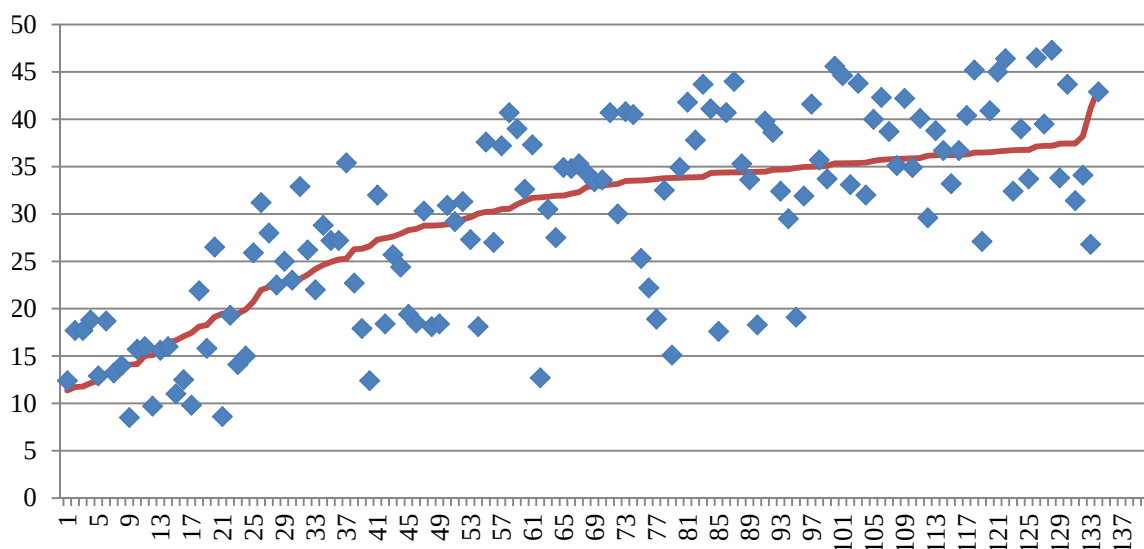

Рис. 2. Регрессионная модель доли теневой экономики на основе индексов свободы ведения бизнеса и свободы от коррупции после исключения статистического шума

Как показали результаты анализа, коэффициент корреляции для величин, характеризующих уровень теневой экономики субъекта РФ, с одной стороны, и уровень административного давления и привлекательность институциональной среды для предпринимательской деятельности – с другой, являются значимыми при вероятности ошибки 0,25 и 0,0005 для индикаторов «Поддержка бизнеса» и «Административные барьеры» соответственно. Таким образом, наша гипотеза о связи доли теневой экономики с административными барьерами и качеством институциональной среды подтвердилась на региональном уровне.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что простота ведения официального бизнеса, низкие административные барьеры и привлекательная институциональная среда сочетаются с низкой долей теневой экономики.

В целях практического применения результатов исследования в рамках данной работы методический аппарат был расширен путем включения показателя эластичности. Очевидным является тот факт, что минимизация теневого сектора экономики должна опираться на научно обоснованные рекомендации по применению тех или иных мер. Поскольку для отдельных территорий характерной является различная степень влияния уровня административных барьеров на долю теневого сектора, целесообразна дифференциация программно-целевых мероприятий, направленных на противодействие негативному влиянию теневой экономики. Показатель эластичности уровня теневой экономики от административного давления и привлекательности институциональной среды для предпринимательской деятельности позволяет выявить территории, для которых приоритетным направлением противодействия теневой экономике является именно снижение административных барьеров и улучшение предпринимательского климата.

Эластичность уровня теневой экономики от административного давления и привлекательности институциональной среды для предпринимательской деятельности рассчитывается следующим образом:

$$E^{SE} = \frac{\left(\sum_{i=1}^n \frac{\Delta SE_i}{\Delta AB_i} \right)}{n} = \frac{\left(\sum_{i=1}^n \frac{\Delta SE_i}{\frac{2}{3} \Delta FFC_i + \frac{1}{3} \Delta BF_i} \right)}{n}, \quad (3)$$

где E^{SE} – усреднённая эластичность теневой экономики от административного давления и привлекательности институциональной среды для предпринимательской деятельности за n лет; ΔSE_i – темп прироста теневой экономики за i -й год; ΔAB_i – темп прироста индекса, характеризующего уровень административных барьеров и качество институциональной среды; n – временной интервал (лет, кварталов, etc.); ΔFFC_i – темп прироста индекса свободы от коррупции; ΔBF_i – темп прироста индекса свободы ведения бизнеса; $2/3$ и $1/3$ – веса Фишберна из-за разницы в корреляции индекса свободы от коррупции и индекса свободы ведения бизнеса.

Далее приведём значение E^{SE} для ряда стран за период 1999–2006 гг. (см. табл. 4). Доля теневой экономики (SE, %) – это усреднённая доля теневой экономики за период и дана главным образом для сравнения (страны представлены в порядке уменьшения значения коэффициента E).

Опираясь на полученные результаты, мы можем сделать вывод, что эластичность теневой экономики по величине административных барьеров и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса для развитых стран неоднородна.

В качестве экономически развитых стран Международный валютный фонд выделяет в том числе и следующие государства: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Ирландия, Израиль, Япония, Южная Корея, Люксембург, Норвегия, Сингапур, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, США.

Предложенный график (см. рис. 3) достаточно наглядно иллюстрирует распределение стран по уровню эластичности. Экспоненциальная функция ($y = 0,100e^{0,034x}$) с высокой степенью достоверности аппроксимирует исходные данные ($R^2 = 0,957$).

Ниже красной линии ($E^{SE} = 0,4$) расположены неразвитые страны и страны третьего мира, в проме-

жутке $0,4 < E^{SE} < 1$ находятся 23 развитые страны (описаны выше) и 18 неразвитых: Греция, Венгрия, ЮАР, Эстония, Чили, Индия, Турция, Доминикан-

ская Республика, Болгария, Колумбия, Иордания, Мавритания, Латвия, Тунис, Китай, Хорватия, Египет и Филиппины.

Таблица 4

Эластичность теневой экономики по административным барьерам в различных странах мира

Страна	E^{SE}	SE, %	Страна	E^{SE}	SE, %
Сингапур	2,1	12,9	Филиппины	0,4	41,9
Канада	1,7	15,6	Польша	0,3	27,2
Австрия	1,6	9,7	Румыния	0,3	32,5
Люксембург	1,3	9,8	Тринидад и Тобаго	0,3	35,7
Исландия	1,3	15,6	Бразилия	0,3	39,8
Дания	1,3	17,8	Российская Федерация	0,3	43,6
Япония	1,10	10,8	Шри-Ланка	0,3	44,1
Финляндия	1	17,6	Гондурас	0,3	49,3
Германия	0,99	15,8	Замбия	0,3	49,9
Норвегия	0,9	19,0	Украина	0,3	50,4
Греция	0,9	27,3	Уругвай	0,3	50,8
США	0,87	8,6	Таиланд	0,3	51,0
Венгрия	0,8	24,5	Гватемала	0,3	51,0
ЮАР	0,8	27,6	Боливия	0,3	66,4
Эстония	0,8	31,4	Оман	0,2	18,7
Швейцария	0,74	8,6	Коста-Рика	0,2	25,9
Швеция	0,7	18,8	Ямайка	0,2	35,3
Великобритания	0,6	12,5	Марокко	0,2	35,7
Австралия	0,6	13,8	Пакистан	0,2	36,3
Чили	0,6	19,5	Кыргызская Республика	0,2	40,3
Индия	0,6	22,3	Казахстан	0,2	41,7
Турция	0,6	31,2	Малави	0,2	42,0
Доминиканская Республика	0,6	32,1	Уганда	0,2	42,8
Болгария	0,6	35,6	Никарагуа	0,2	44,7
Колумбия	0,6	38,1	Перу	0,2	58,4
Ирландия	0,5	15,8	Кувейт	0,1	19,3
Иордания	0,5	18,7	Алжир	0,1	32,7
Израиль	0,5	21,9	Ливан	0,1	33,5
Маврикий	0,5	22,9	Гана	0,1	41,1
Латвия	0,5	29,8	Мадагаскар	0,1	41,1
Тунис	0,5	37,6	Буркина-Фасо	0,1	41,3
Китай	0,4	12,9	Сальвадор	0,1	45,4
Франция	0,4	14,9	Конго, Республика	0,1	47,1
Чешская Республика	0,4	18,9	Танзания	0,1	57,0
Бельгия	0,4	21,9	Грузия	0,1	66,0
Испания	0,4	22,8	Непал	0,0	36,6
Словения	0,4	26,5	Мали	0,0	41,0
Республика Корея	0,4	27,0	Таджикистан	0,0	42,5
Хорватия	0,4	32,3	Чад	0,0	44,5
Египет	0,4	34,9	Бенин	0,0	50,7

Примечание. Из них $E^{SE} > 1$ имеют: Австрия, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Япония, Люксембург, Сингапур. $0,4$ (граница «средней эластичности» $E^{SE} = 0,4$ выбрана по принципу нижней границы эластичности в развитых странах) $< E^{SE} < 1$: Германия, Норвегия, США, Швейцария, Швеция, Великобритания, Австралия, Ирландия, Израиль, Франция, Бельгия, Испания, Словения, Южная Корея, Чехия. $E^{SE} < 0,4$ имеют развивающиеся страны и страны третьего мира (вероятность, что в неразвитых странах будет средняя эластичность, всего $P \approx 0,3$).

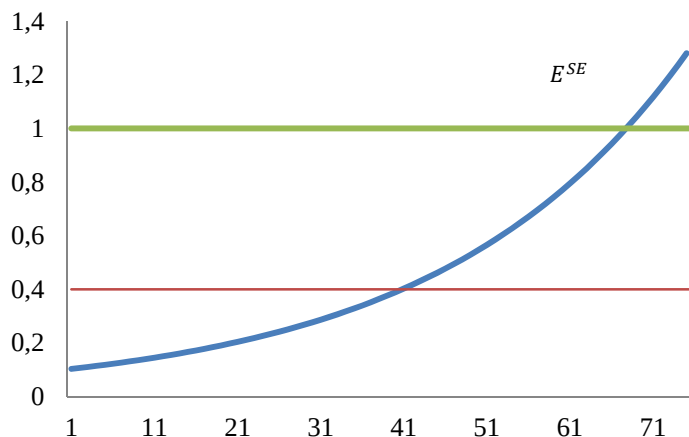

Рис. 3. Распределение стран по уровню эластичности (ось абсцисс и ось ординат – см. примечание к табл. 4)

Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Эластичность ТЭ по административным барьерам выше в развитых странах; здесь возможно оценить статистическую вероятность того, что в развитой стране эластичность высокая ($E^{SE} > 1$) – $P \approx 0,35$.

2. Корреляция между долей ТЭ и E^{SE} составляет $R = -0,6477$ (выборка – 41% всех государств мира).

3. Корреляция между E^{SE} и индексом экономической свободы (интегральным) $R = 0,6305$. Более того, все страны с $E^{SE} > 1$ относятся к категориям «свободные» («free») и «В целом свободные» («Mostly Free») по классификации индекса экономической свободы. Около 45% стран с $0,4 < E^{SE} < 1$ также попадают в эту категорию.

4. В России показатель эластичности составил 0,3. Это является косвенным показателем слабого экономического развития страны и низкого качества институциональной среды.

Таким образом, очевидным является тот факт, что снижение административных барьеров и улучшение институциональной среды не являются приоритетным направлением противодействия теневой экономике для России. Учитывая низкую эластичность теневой экономики по указанным параметрам, органам государственной власти необходимо сосредоточиться главным образом на решении проблемы устойчивого и ускоренного экономического развития. В имеющихся условиях кризисности и тотальной нестабильности противодействие теневой экономике мерами либерального характера затруднено, а административные меры контроля и наказания не могут привести к должным результатам. В сложившихся условиях теневой ориентации хозяйствующих субъектов противодействие теневой экономике означает противодействие экономике в целом.

Однако данный вывод является обобщающим для России. Учитывая территориальную специфику, а также существенную дифференциацию регионов России по социально-экономическому развитию, качеству институциональной среды и многим другим параметрам, необходимо проведение более детального анализа в разрезе отдельных территорий.

С учетом рассмотренного выше методического аппарата исследования был проведен аналогичный анализ для оценки эластичности теневой экономики по административным барьерам и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса в отдельных регионах РФ (апробация была проведена на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ).

При этом для оценки уровня административных барьеров и привлекательности институциональной среды использовались косвенные индикаторы, характеризующие данные параметры:

1) государственная поддержка субъектов малого предпринимательства (высокая доля государственной поддержки малого предпринимательства свидетельствует о низких административных барьерах);

2) число малых предприятий (при уменьшении административных барьеров число малых предприятий должно возрастать – косвенный показатель);

3) численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей (косвенный показатель).

Заметим, что поскольку мы используем в методике показатель темпа прироста, то допустимым является использование абсолютных значений.

Общая формула расчета показателя эластичности теневой экономики от уровня административных барьеров и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса имеет следующий вид:

$$E^{SE} = \left(\sum_{i=1}^n \frac{\Delta SE_i}{\frac{1}{4} \Delta MP_i + \frac{1}{4} \Delta IP_i + \frac{1}{2} \Delta GP_i} \right) / n, \quad (4)$$

где E^{SE} – усреднённая эластичность теневой экономики региона по административным барьерам и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса за n лет; ΔSE_i – темп прироста теневой экономики за i -й год; ΔMP_i – темп прироста числа малых предприятий; ΔIP_i – темп прироста численности индивидуальных предпринимателей; ΔGP_i – темп прироста государственной поддержки; n – временной интервал (лет).

Отметим, что весовые коэффициенты определялись по методу Фишберна.

Результаты расчетов за период с 2009 по 2011 г. представлены в табл. 5 (по субъектам РФ, входящим в состав Уральского федерального округа).

Таблица 5
Эластичность теневой экономики по административным барьерам и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса в регионах Уральского федерального округа

Субъект РФ	E^{SE}
Курганская область	0,32
Свердловская область	1,96
Ханты-Мансийский автономный округ	1,40
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,73
Тюменская область	1,08
Челябинская область	0,63

Основываясь на полученных результатах исследования, можно сделать заключение о правомерности вывода, полученного при исследовании эластичности теневой экономики на уровне отдельных стран. А именно: зависимость уровня теневой экономики от уровня административных барьеров и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса характерна для экономически развитых территорий (самым высоким показателем эластичности среди регионов УрФО характеризуется Свердловская область, которая является наиболее экономически развитой по совокупности параметров – валовый региональный продукт, производство продукции и т.д.).

Это утверждение находит подтверждение в эмпирических работах ряда исследователей. Так, например, в [4] рассмотрена роль институциональной среды при формировании такого сектора теневой экономики, как уклонение от уплаты налогов в части неформальной занятости. Минимизация теневой составляющей посредством экономических механизмов для относительно развитых в экономическом плане территорий предпочтительнее, нежели административных, поскольку дает больший эффект в сфере перевода ресурсов из теневого оборота в официальный.

Регионы, которые являются менее благоприятными с точки зрения текущего социально-экономического

развития (Курганская, Челябинская области), испытывают низкую эластичность уровня теневой экономики от качества институциональной среды – для этих территорий характерен высокий уровень теневой экономики. Это объясняется тем, что при условии низкой эффективности хозяйствования, низкого спроса, низкой платежеспособности потребителей, а также невысокой активности хозяйствующих субъектов ведение предпринимательской деятельности в рамках официального сектора экономики затруднено и сопровождается высокими издержками, нести которые затруднительно, учитывая относительно невысокий уровень рентабельности.

Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод о приоритетности мер административного и либерального характера в части противодействия теневой экономической деятельности, что обычно является трудоемкой задачей и требует разработки научно обоснованного подхода к их формированию [5, 6]. В особенности это актуально для инструментов экономического характера, направленных на вывод предпринимательских структур в официальный сектор экономики, поскольку некорректное их применение может оказать не позитивный, а резко негативный характер. Именно поэтому в большинстве работ по данной проблеме в силу недостаточности фактического материала и отсутствия действенных методических инструментов проработанными остаются меры контролирующего характера [5–7], в то время как экономические меры носят декларативный характер и обладают спорной научной базой.

Применение показателя эластичности, представленного в данной работе, позволяет решить вопрос о дифференциации территорий по эффективности использо-

вания тех или иных мер. Очевидно, что для регионов с высокой эластичностью теневой экономики от уровня административных барьеров и привлекательности институциональной среды для ведения бизнеса целесообразным является применение мер экономического характера – либерализация законодательства, введение льгот, предоставление налоговых каникул, упрощение административных процедур (к таким регионам можно, безусловно, отнести Свердловскую и Тюменскую области, Ханты-Мансийский автономный округ – 1,96; 1,08 и 1,4 соответственно).

Для территорий с низкой эластичностью (Курганская, Челябинская области – 0,32 и 0,63 соответственно) ситуация обратная – меры либерального характера будут способствовать скорее неоправданному снижению контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, в то время как непосредственно уровень теневой экономики не снизится. Для данных территорий целесообразным является использование в большей степени мер административного характера: создание необходимых условий учета и контроля, направленных на вывод предпринимательских структур в официальный сектор экономики.

Для промежуточных территорий, очевидно, оптимальным является сочетание мер как административного, так и экономического характера (в частности, речь идет о Ямало-Ненецком автономном округе, где показатель эластичности составил 0,73).

Полученные результаты исследования имеют высокую практическую значимость при разработке мер по противодействию негативному влиянию теневой экономики и представляют интерес для органов государственной власти различного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schneider F., Buehn A., Montenegro C.E.* Shadow Economies All over the World // The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit. July. 2010.
2. *Index of Economic Freedom.* URL: <http://www.heritage.org/index/>
3. *Поддержка предпринимательства и административные барьеры.* URL: http://www.business-magazine.ru/pics/all_results.php?aspect_id=27820
4. *Васильева А.В., Тарасьев А.А.* Оценка выпадающих налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации от нелегальной деятельности трудовых мигрантов (на примере Свердловской области) // *Уровень жизни населения регионов России.* 2013. № 6. С. 88–92.
5. *Куклин А.А., Агарков Г.А.* Оптимальное соотношение экономических и административных мер противодействия теневой экономике регионов // *Экономика региона.* 2007. № 1. С. 9–21.
6. *Говор О.С.* Проблемы легализации доходов в Российской Федерации: состояние и перспективы // *Вестник Томского государственного университета. Экономика.* 2012. № 3. С. 55–59.
7. *Татаркин А.И., Куклин А.А., Агарков Г.А.* Формирование оптимального комплекса мер по противодействию теневой экономике на основе сценарного анализа // *Экономика региона.* 2008. № 2. С. 9–22.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 3 сентября 2013 г.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВТО

Систематизированы проблемы развития сельского хозяйства в контексте вступления России в ВТО; проанализирована эволюция взглядов на проблемы продовольственной безопасности; представлены меры государственной поддержки сельского хозяйства в классификации ВТО и более подробно рассмотрены мероприятия государственной поддержки в рамках «зеленой корзины».

Ключевые слова: проблемы развития сельского хозяйства; продовольственная безопасность; вступление России в ВТО; государственная поддержка сельского хозяйства.

Развитие сельскохозяйственного производства и продовольствия в России в последние годы происходило на фоне благоприятной мировой рыночной конъюнктуры и улучшения социально-экономических условий в аграрной сфере благодаря реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» (2006–2007 гг.), впоследствии – Государственной программы развития АПК 2008–2012 гг. В последние годы также был принят ряд важных документов, направленных на дальнейшее поступательное развитие сельского хозяйства и продовольственных рынков¹. Одним из фундаментальных документов, принятых в этот период, можно считать Доктрину продовольственной безопасности.

Принятые меры, направленные на улучшение социально-экономического положения в аграрной сфе-

ре, позволили сформировать тенденции роста производства продукции и повышения его эффективности. Существенные изменения произошли в макроэкономической политике: более доступными для сельскохозяйственных товаропроизводителей стали кредитные ресурсы, повысилась инвестиционная активность в сельском хозяйстве. Среднегодовой темп роста инвестиций за последний период составил 122,5%; темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве были в 2011 г. по отношению к предыдущему году 119,9%, в то время как в целом по экономике темп роста составил 103% [1. С. 37]. В табл. 1 представлены основные социально-экономические показатели развития сельского хозяйства по Томской области.

Таблица 1
Основные социально-экономические показатели по Томской области (в разрезе развития сельского хозяйства)*

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ВРП в основных ценах (добавленная стоимость в основных ценах) – всего, млн руб.	159 578,5	188 800,7	214 487,0	248 906,2	245 808,3	284 292,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, млн руб.	6 320,5	7 460,5	9 294,3	12 111,8	11 303,2	13 612,1
Доля сельского хозяйства в ВРП, %	3,9	3,9	4,3	4,8	4,6	4,7
Индекс физического объема валовой добавленной стоимости по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству, % к предыдущему году	95,4	102,9	110,8	112,4	102,7	105,8
Численность населения, всего, тыс. чел.	1 029,9	1 024,3	1 023,0	1 026,3	1 031,5	1 040,2
В том числе сельского, тыс. чел.	326,8	321,2	316,9	315,4	313,5	312,1
В % к общей численности	31,7	31,3	30,9	30,7	30,4	30,0

* По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области. URL: <http://www.tmsk.gks.ru/> (дата обращения 14.07.2013 г.).

Однако было бы неверным идеализировать ситуацию в сельском хозяйстве, как ее часто представляют в СМИ официальные публикации.

Обозначим негативные тенденции и диспропорции, которые на сегодняшний день так и не преодолены в сельском хозяйстве.

1. По уровню объема продукции сельского хозяйства Россия до сих пор не достигла 1990 г. (рис. 1), пик спада пришелся на 1998 г. [2].

2. Сельское хозяйство в России до сих пор зависит от природно-климатических условий, что, в частности, связано с отсталыми технологиями, сохранением патриархального производства. Данные негативные тенденции наглядно демонстрирует динамика сбора зерновых в России (рис. 3). Резкое падение показателей сбора зерновых культур в 2010 г. связано с аномальной жарой и засухой в европейской части нашей страны.

Наиболее кризисная ситуация наблюдалась в производстве мяса (рис. 2); с начала 1990-х гг. поголовье крупного рогатого скота (КРС) сократилось почти в 3 раза.

То же самое можно сказать и о ситуации, сложившейся нынешней весной (2013 г.) в Томской области. Недостаточное количество в хозяйствах современной техники затормозило начало посевных работ в связи с аномально холодными температурами в мае.

3. Диспропорции, которые складываются в двух основных отраслях сельского хозяйства – растениеводстве и животноводстве (табл. 2). Продукция животноводства, между тем, является агропродукцией с более высокой добавленной стоимостью, производство которой, в отличие от растениеводства, обеспечивает круглогодичную занятость сельского населения, содействует равномерному сезонному распределению его дохо-

дов, закреплению трудовых ресурсов в сельской местности, а также способствует насыщению продоволь-

ственного рынка наиболее ценными продуктами питания [3].

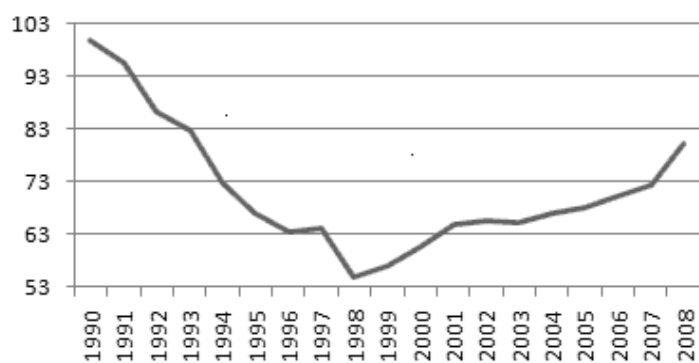

Рис. 1. Индекс объема продукции сельского хозяйства в России, % от уровня 1990 г.

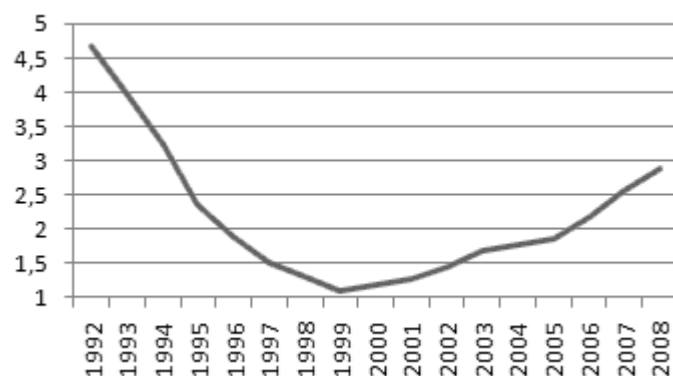

Рис. 2. Производство мяса в России, млн т

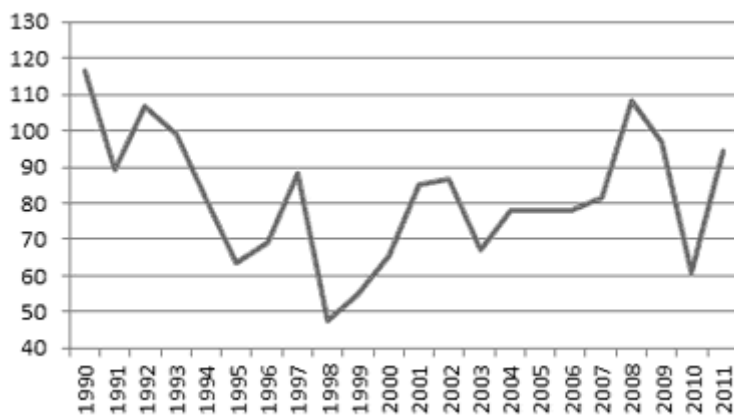

Рис. 3. Сбор зерновых культур в России, млн т

4. В сельском хозяйстве заработная плата остается одной из самых низких и составляет, по данным на 01.02.2013 г., 51% от средней по стране (табл. 3).

В 2013 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве должна достигнуть 15 000 руб, или 53% от средней заработной платы в стране.

Динамика производства продукции с/х и его двух главных отраслей в России в 1995–2012 гг. (в сопоставимых ценах нарастающим итогом к 1990 г.)

Таблица 2

Отрасли	1995	2000	2005	2010	2011	2012 (прогноз)
Продукция с/х, всего, в том числе:	67,0	60,7	68,1	71,7	87,5	85,8
растениеводства	90,4	88,1	104,7	93,2	137,2	128,0
животноводства	60,2	50,1	52,5	64,0	64,9	67,2

Среднемесячная номинальная заработная плата на одного работника на 01.02.2013 г., руб.
(по данным Министерства финансов РФ. <http://www.minfin.ru/>)

Вид экономической деятельности	Величина
Финансовая деятельность	66 985
Добыча полезных ископаемых	47 641
Транспорт и связь	31 909
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	29 545
Рыболовство, рыбоводство	27 565
Строительство	27 525
Обрабатывающие производства	24 649
Оптовая и розничная торговля	22 718
Гостиницы и рестораны	17 936
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	13 733

5. Несмотря на то что рост агропродовольственного экспорта обгонял рост импорта, Россия сохраняет традиционное положение нетто-импортера продовольственной продукции. Поставки мяса по-прежнему остаются основной статьей всего агропродовольственного импорта. Ограниченные возможности отечественных производителей пока не могут в полной мере удовлетворить растущий внутренний спрос, обусловленный ростом денежных доходов населения, а это может привести к сохранению относительно высоких темпов роста импорта продовольствия.

Главным поставщиком продовольствия в Россию является Бразилия. По данным ФАО (продовольственная сельскохозяйственная организация ООН – Food and Agriculture Organization), в 2007 г. на ее долю пришлось более 85% всего российского импорта сахара-сырца, почти 60% всего российского импорта мяса КРС и почти половина всего российского импорта свиного мяса [2]. На долю США пришлось более 63% российского импорта куриного мяса (вторым его поставщиком стала Бразилия – почти 24%). По данным на февраль 2008 г., крупнейшим поставщиком сухого молока в Россию была Белоруссия (90% российского импорта), растительного масла – Украина (90%), курятины – США (60%), свинины – Евросоюз

(45%), говядины – Бразилия (40%), рыбы – Норвегия (40%), риса – Таиланд (37%) [2].

Однако надо четко понимать и следующее. Важно избегать подмены тезиса – угрозу национальной (в частности продовольственной) безопасности представляет не сам импорт продуктов питания, а риски, обусловленные зависимостью от внешних поставок. Как показывает политический кризис в арабских странах, граждане там протестовали не столько против импорта как такового, сколько против своей незащищенности от соответствующих внешних угроз, против отсутствия возможности приобрести необходимые продукты питания в достаточных объемах и по приемлемым ценам (так называемая физическая и экономическая доступность в терминах концепции продовольственной безопасности). В начале 2011 г. правительство Алжира предприняло своевременные меры по увеличению объемов импорта зерна и ускорению сроков его ввоза, что обеспечило снижение цен на продукты питания и позволило предотвратить повторение тунисского и египетского сценариев [4]. При характеристике и анализе импорта важным представляется анализировать уровень обеспеченности страны основными продуктами питания (табл. 4).

Таблица 4

Уровень самообеспеченности основной сельскохозяйственной продукции в РФ, %

Наименование	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Мясо	65,5	66,6	70,6	72,2	74,0
Молоко	83,1	83,2	82,9	80,5	80,8
Яйца	98,6	98,9	98,8	98,3	98,0
Картофель	97,6	100,0	102,0	75,9	113,0
Овощи и продовольствие	80,2	86,8	87,3	80,5	93,2

По мнению специалистов, Россия должна обеспечить себя на 100% основными продуктами питания, которыми являются: зерно (хлеб), картофель, молоко и мясо. И, конечно, наиболее тяжелая ситуация с импортом наблюдается в крупных городах России. Например, Москва и Санкт-Петербург на 60–70% зависят от импорта.

6. В сельском хозяйстве наблюдается самая низкая доля работников с высшим образованием. По данным за 2011 г., доля лиц с высшим образованием в сельском хозяйстве составила 9,1%, в то время как средний показатель по стране составляет 29,5%. Самые высокие показатели по распределению численности занятых по уровню образования в сфере научных исследований и разработок (71,2%), в финансовой деятельности

(68,5%), государственном управлении (50,2%), образовании (50,2%), здравоохранении и предоставлении социальных услуг (31,4%) [1. С. 138].

7. Рынок труда и сельские территории остаются непривлекательными для занятости и проживания; в целом наблюдаются деградация рынка труда, снижение качества жизни сельских жителей. По данным социологических исследований за 2011 г., среди молодежи миграционные настроения (желание уехать) наблюдаются у 78,2%.

Таким образом, масштабы угроз и реальный урон, нанесенный продовольственной безопасности страны в последние годы, особенно в 1990-е гг., делают эту проблему крайне актуальной. Проблема продовольственной безопасности России привлекает к себе все

более пристальное внимание политиков, ученых, простых людей.

Надо сразу отметить, что вопросы обеспечения продовольственной безопасности не являются уникальными для России или отдельно взятой страны. Несмотря на то что проблемы и направления развития агропромышленного комплекса (АПК) обострились в связи с вступлением России в ВТО (Всемирная торговая организация), развитие сельского хозяйства, продовольственных рынков и обеспечение продовольственной безопасности являются глобальными проблемами и объектом пристального внимания со стороны мировой общественности, глобальных институтов (в частности ОЭСР, ООН, Международного валютного фонда и др.). Конечно, проблемы, связанные с обеспечением продовольственной безопасности, касаются прежде всего развивающихся и бедных стран.

Понимание передовой общественностью, политиками разных стран, учеными «продовольственной безопасности» прошло в XX в. ряд стадий [3, 4].

I этап: 1946 г. – середина 1970-х гг. Интерпретация продовольственной безопасности через продовольственную независимость и минимизацию импорта продовольственных товаров. И действительно, после Второй мировой войны многие страны делали акцент на продовольственную самообеспеченность в связи с нарушением торговых связей и платежеспособным кризисом большей части населения.

По мере стабилизации общеэкономической ситуации в национальных экономиках, роста производства и потребления, роста благосостояния, в том числе стабилизации на мировом продовольственном рынке, с одной стороны, и появления новых проблем, осмысления причин и последствий глобальных продовольственных кризисов – с другой, это понятие трансформировалось. В частности, мировой кризис начала 1970-х гг. и резкий рост цен (пик – 1973 г.) на сырую нефть вызвали серию продовольственных кризисов: в 1972 г. резко сократилось мировое производство, в 1973 г. – резкий рост цен на продукты питания, в 1974 г. – под воздействием неблагоприятных погодных условий в основных агрорегионах резко сократились запасы пшеницы. В 1974 г. резко взлетели цены на минеральные удобрения (в 3 раза).

В 1974 г. была созвана Всемирная конференция по продовольствию под совместной эгидой ФАО и ООН. Центральная тема – создание и поддержание на региональном, национальном и международном уровнях достаточных запасов продовольствия в целях нивелирования негативных последствий для продовольственных рынков погодных условий.

II этап: середина 1970-х гг. – середина 1990-х гг. Продовольственная безопасность определяется в документах конференции как «постоянное (at any time) наличие адекватных мировых запасов основных продуктов питания для удовлетворения устойчиво растущего потребления продовольствия и компенсации колебаний производства и цен».

В середине 1980-х гг. ФАО вновь подошла к переосмыслению концепции продовольственной безопасности. С 1983 г. ФАО сфокусировала анализ на спросе на продовольствие и предложила формулировку, под-

черкивающую важность баланса спроса и предложения, т.е. экономическую и физическую безопасность.

Последняя формулировка продовольственной безопасности была выработана на Всемирном продовольственном саммите в 1996 г. в Риме.

III этап: 1996 г. – наши дни. Современное понимание продовольственной безопасности.

Определения продовольственной безопасности, сформулированные на Римской встрече, содержат указания на следующие элементы [5]:

1. Физическая доступность достаточной в количественном отношении, безопасной и питательной пищи.

2. Экономическая доступность к продовольствию должного объема и качества всех социальных групп населения.

3. Автономность и экономическая самостоятельность национальной продовольственной системы (продовольственная независимость).

4. Надежность, т.е. способность национальной продовольственной системы минимизировать влияние сезонных, погодных и иных колебаний на снабжение продовольствием населения всех регионов страны.

5. Устойчивость, означающая, что национальная продовольственная система развивается в режиме расширенного воспроизводства.

Закон о продовольственной безопасности принят во всех развитых странах – Германии, Франции, Швеции, США, а также в Китае, Белоруссии и т.д. В США продовольственный комплекс страны относится к самым защищенным. В России данный закон до сих пор не принят, хотя проект Федерального закона «О продовольственной безопасности России» был впервые опубликован в 1999 г. (Постановление ГД ФС РФ от 16.06.1999 № 4122-III ГД, последняя версия по состоянию на июль 2011 г.)².

Одним из главных мифов вступления России в ВТО³ является миф, связанный с развитием сельского хозяйства. Его можно сформулировать следующим образом: «Сельское хозяйство умрет и есть будет нечего. Вступление в ВТО откроет рынки дешевым импортным сельскохозяйственным товарам, с которыми наши продукты конкурировать не смогут. Наше сельское хозяйство перестанет существовать, что приведет к снижению уровня жизни в сельской местности и зависимости страны от импортного продовольствия. В периоды низких цен на нефть возможен продовольственный кризис» [6. С. 8]. Продовольственной безопасности страны будет нанесен непоправимый урон.

Однако мы должны понимать, что вступление России в ВТО – объективный и закономерный процесс, и развитие сельского хозяйства, АПК, повышение его конкурентоспособности – первостепенная задача вне зависимости от того, стала бы Россия членом этой международной организации или нет. Вступление в ВТО приведет к гораздо более глубоким изменениям в экономике, чем открытие конкретных рынков, поэтому необходим более широкий взгляд на необходимость и последствия вступления. В частности, эти последствия связаны с изменением концепции, форм и подходов к государственной поддержке сельского хозяйства и АПК в целом.

В ВТО различаются три вида поддержки сельского хозяйства, или три «корзины» [7–9].

Янтарная (желтая) корзина – прямая и ограниченная, она влияет на объемы производства и связанные с ним процессы. По мысли авторов Соглашения по сельскому хозяйству, данные виды поддержки стимулируют производство и искажают условия международной торговли агропродовольственной продукцией.

В ходе переговорного процесса по вступлению России в ВТО удалось достичь оптимального баланса между защитой интересов отечественного производителя сельскохозяйственной продукции и доступом зарубежных компаний на российский рынок. Достигнуты договоренности по объему государственной поддержки до 9 млрд долл. в 2013 г. Государственная поддержка в 2014 г. составит 8,1 млрд долл., в 2015 г. – 7,2 млрд долл., в 2016 г. – 6,3 млрд долл., в 2017 г. – 5,4 млрд долл., в 2018 г. – 4,4 млрд долл.

В пересчете на ВВП сельского хозяйства для России предусмотрены возможности такой поддержки, существенно превышающие аналогичную поддержку во многих странах мира и современные бюджетные средства. Например, Россия производит сельхозпродукции примерно на 53 млрд долл., а США – на 320 млрд долл. Поэтому для них янтарная корзина ограничивается вполне разумной суммой 19 млрд долл. Более того,

расходы в рамках этой корзины составляют всего 37% в общем объеме господдержки сельского хозяйства и сельских территорий [8]. Остальное расходуется в рамках «зеленой корзины» (на науку, образование и особенно extension service – консультативная служба – распространение знаний, опыта, консультирование).

Голубая корзина связана с задачей сокращения производства. В России данные меры не используются, поэтому переговоры по «голубой корзине» не велись. Ей мы воспользоваться не можем. К «голубой корзине» относятся прямые выплаты в рамках программ сокращения сельскохозяйственного производства, привязанные к урожаям и фиксированным площадям посевов сельскохозяйственных культур и поголовьям скота. Они, таким образом, не искажают мировую торговлю и не регламентируются вообще.

Зеленая корзина (меры осуществляются посредством программ, финансируемых за счет средств налогоплательщиков) включает науку, образование, консультационное обслуживание сельхозпроизводителей (extension service), страховку в пределах 70%, поддержку развития инфраструктуры, строительство дорог и пр.

В табл. 5 представлена государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО.

Таблица 5

Государственная поддержка сельского хозяйства: классификация ВТО [8. С. 28]

Форма поддержки	Содержание
Меры «янтарной корзины»	Ценовая поддержка: сбытовые кредиты; выплаты из расчета площади сельхозугодий; выплаты из расчета численности сельскохозяйственных угодий; субсидии в отношении средств производства; отдельные программы субсидируемых кредитов
Меры «зеленой корзины»	Общие услуги (научные исследования; ветеринарные и фитосанитарные мероприятия; подготовка и повышение квалификации кадров; информационно-консультационное обслуживание; контроль за безопасностью продуктов питания; маркетинговые и сбытовые услуги; инфраструктурные услуги); содержание стратегических продовольственных запасов; внутренняя продовольственная помощь нуждающимся слоям населения; поддержка дохода (не связана с производством); страхование урожая; помощь при стихийных бедствиях; охрана окружающей среды; помощь производителям в неблагоприятных районах; содействие структурной перестройке путем возмещения раннего выхода производителей на пенсию, путем отказа от использования ресурсов, путем инвестиционной помощи
Меры «голубой корзины»	Выплаты, основанные на фиксированных площадях и урожаях; выплаты, осуществляемые в отношении не более 85% от базового уровня производства; выплаты фермерам на фиксированное поголовье скота
Меры «de minimis» – критерий минимума	Поддержка, ориентированная на конкретный продукт, в размере до 5% (для развивающихся стран – 10%) его стоимости; поддержка, не ориентированная на конкретный продукт – до 5% (для развивающихся стран – 10%) стоимости агропродукции страны

Многие виды поддержки, реализуемые в России, относятся к «янтарной корзине», хотя их можно перевести в «зеленую корзину», изменив методологию предоставления. Это, конечно, сложная задача, требующая политической воли. Формы государственной поддержки должны идти, таким образом, от форм прямой поддержки («янтарная корзина») в сторону использования бюджетных средств в рамках «зеленой корзины».

Основные меры государственной поддержки в рамках «зеленой корзины»:

– содействие структурной перестройке сельскохозяйственного производства / агробизнеса (переработка сельскохозяйственной продукции, стимулирование развития кооперации, отраслей с высокой добавленной стоимостью) и совершенствование инфраструктуры АПК (развитие инфраструктуры продовольственных рынков и логистики – строительство дорог, терминалов, складов, логистических центров, оптовых и розничных продовольственных рынков)⁴;

– поддержка и стимулирование развития аграрной науки и подготовка кадров для АПК. Вкладывая в образование, инновации, можно увести из опасной «янтарной корзины» до 1 млрд долл.;

– стимулирование несельскохозяйственной занятости (развитие социальной инфраструктуры села и услуг, консультационная поддержка, развитие сельского туризма); формирование на селе крепких сельских домохозяйств и новой социальной структуры на селе. Крепкие сельские домохозяйства, семьи будут испытывать и уже испытывают потребность в детских дошкольных учреждениях и школах, бытовом и торговом обслуживании, медицинском и культурном обслуживании, развитой инфраструктуре. Появление на селе среднего класса и новых социальных групп, формирующих альтернативную самоорганизацию снизу, может оказаться мощным катализатором всех социальных процессов в сельской местности [10. С. 95];

– профилактика болезней растений и животных, борьба с вредителями сельскохозяйственных растений, развитие ветеринарии;

- утилизация биологических отходов (в том числе строительство скотомогильников);
- распространение рыночной информации, маркетинг и промоушн (promotion);
- программы внутренней продовольственной помощи, содержание стратегических продовольственных запасов;
- страхование доходов и программы страхования урожая;
- устранение последствий стихийных бедствий;

– экологические программы, региональные программы поддержки сельского хозяйства.

Проблемы функционирования сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности носят, таким образом, комплексный взаимосвязанный характер, их невозможно сегодня рассматривать в отрыве от развития сельских территорий, рынка труда и несельскохозяйственной занятости; продовольственных рынков в целом и тех диспропорций, которые сегодня сдерживают развитие сельского хозяйства и АПК в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»» (от 25 июля 2011 г. 260-ФЗ, вступил в силу с 1 января 2012 г.); Доктрина продовольственной безопасности (Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120); Целевая Программа «Поддержка начинающих фермеров на период 2012–2014 гг.» (Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 6 марта 2012 г. № 172); Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. (Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г., № 717); Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности РФ на период до 2020 г. (Распоряжение Правительства от 17 апреля 2012 г., № 559-р); Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г. (Распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2010 г., № 2136).

² Доктрина продовольственной безопасности имеет общий рекомендательный характер, тогда как от рекомендаций до законных оснований – огромная дистанция.

³ Для справки: РФ подала заявку в ВТО в июне 1993 г., рабочая группа была создана 17 июня 1995 г. В период с 1995 г. Рабочая группа официально провела 31 заседание; также имел место ряд неофициальных встреч. 16 декабря 2011 г. министерская конференция ВТО одобрила присоединение России к ВТО, а 22 августа 2012 г. Россия стала полноправным членом Всемирной торговой организации.

⁴ В структуре АПК России сельское хозяйство является главным звеном. Оно производит свыше 48% объема продукции АПК, располагает 68% производственных основных фондов комплекса, в нем занято почти 67% работающих в производственных отраслях АПК. В развитых же странах в создании конечного продукта основная роль принадлежит третьей сфере АПК (инфраструктурный блок – производства, которые занимаются заготовкой сельскохозяйственного сырья и его переработкой, транспортировкой, хранением, торговлей потребительскими товарами, подготовкой кадров для сельского хозяйства, аграрной наукой, строительством в отраслях АПК). Например, в США на долю перерабатывающих и сбытовых отраслей приходится 73% производимой продукции АПК, сельское хозяйство дает лишь 13%.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский статистический ежегодник*. 2012 : стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
2. *По материалам* Министерства сельского хозяйства РФ. URL: <http://www.mcsx.ru> (дата обращения: 19.07.2013).
3. Будзалов И. Интенсификация производства – необходимое условие преодоления системного аграрного кризиса в России // *Общество и экономика*. 2013. № 3. С. 105–121.
4. Гумеров Р. Еще раз о сомнительности критериев и целевых индикаторов национальной продовольственной безопасности в соответствующем доктринальном документе // *Российский экономический журнал*. 2011. № 2. С. 35–39.
5. *По материалам* ФАО. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 26.07.2013).
6. *Россия и ВТО: мифы и реальность*. Центр экономических и финансовых исследований и разработок. М., 2001. 31 с.
7. Самыгин Д. Поддержка сельского хозяйства по правилам ВТО: региональный аспект // *Экономика сельского хозяйства России*. 2012. № 8. С. 27–31.
8. Узун В. Особенности господдержки сельского хозяйства в России // *Экономика сельского хозяйства России*. 2012. № 7. С. 57–64.
9. Ушаев И. и др. Конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и продовольствия России в условиях присоединения к ВТО // *АПК: экономика, управление*. 2012. № 6. С. 3–14.
10. Пациорковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // *Социологические исследования*. 2007. № 1. С. 90–99.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 10 октября 2013 г.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Инновационный путь развития экономики в настоящее время является ориентиром для большинства развитых экономик мира. Поиск моделей инновационного развития и определение благоприятных условий инновационной деятельности стали важной частью процесса создания теоретических и практических основ инновационного развития. Исследуются основные модели инновационного развития, существующие в мире, и предлагаются направления перехода России на инновационный путь развития экономики.

Ключевые слова: инновационное развитие; модели; сравнительный анализ.

Для России проблема поиска инновационного пути развития особенно актуальна, поскольку по уровню инновационного развития она значительно отстает как от стран-лидеров, так и от стран, недавно осознавших необходимость перехода к экономике инновационного типа. Одним из основных препятствий на пути к инновационному развитию являются серьезные проблемы в институциональной среде России. Для стран, которые на сегодняшний день занимают прочные позиции в глобальной инноватике (Корея, Япония, США), по-прежнему приоритетными остаются инвестиции в перспективные научные исследования (т.е. то, что завтра будет являться инновацией), развитие человеческого капитала. Такие страны четко выделяют приоритеты в исследованиях и инновационной политике с тем, чтобы получить конкурентное преимущество для будущих областей роста, например зеленые технологии, здоровье, защита климата, энергия, мобильность человеческого капитала и др. Отметим, что у стран – лидеров глобальной инноватики расходы на НИОКР выше, чем у развивающихся государств, и составляют 2–3% ВВП, в том числе у США – 2,7%, Кореи – 2,6%, Германии – 2,3%, Великобритании и Канады – 1,9%, а у таких стран, как Япония, Швеция, Израиль, достигает 3,5–4,5% (рис. 1) [1]. В России же доля расходов на НИОКР составляет 1,3%. Доля стран в общих расходах на НИОКР представлена в табл. 1 и на рис. 1 [2].

Важным фактором слабой интенсивности НИОКР в РФ является низкий уровень финансирования со стороны предпринимательского сектора, доля которого в последние 15 лет постепенно сокращалась и составила в 2008 г. только 29%, что значительно ниже среднего по ОЭСР – 65%. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе промышленных организаций в РФ также весьма низок. Так, если в 2008 г. данный показатель в РФ составил 9,6% (в 2009 г. – 9,4%), то в 2004–2006 гг. аналогичный показатель в Австрии – 53%, Финляндии – 55,4%, Бельгии – 59,6%, Германии – 69,7%.

Основными показателями результативности инновационной деятельности являются количество научных статей (в соответствии с данными ОЭСР в 2008 г. на Россию приходилось 1,5% всех научных статей в мире) и патентов (в 2008 г. в РФ выдано только 28 808 патентов, в Японии – 176 950, Китае – 93 706, США – 157 772). При этом наиболее результативными направлениями развития научно-технического прогресса в России, учитывая долю российских патентных заявок в числе общемировых заявок по разным научным направлениям, поданных во Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), являются, прежде всего, биотехнологии, машиностроение и металлургия.

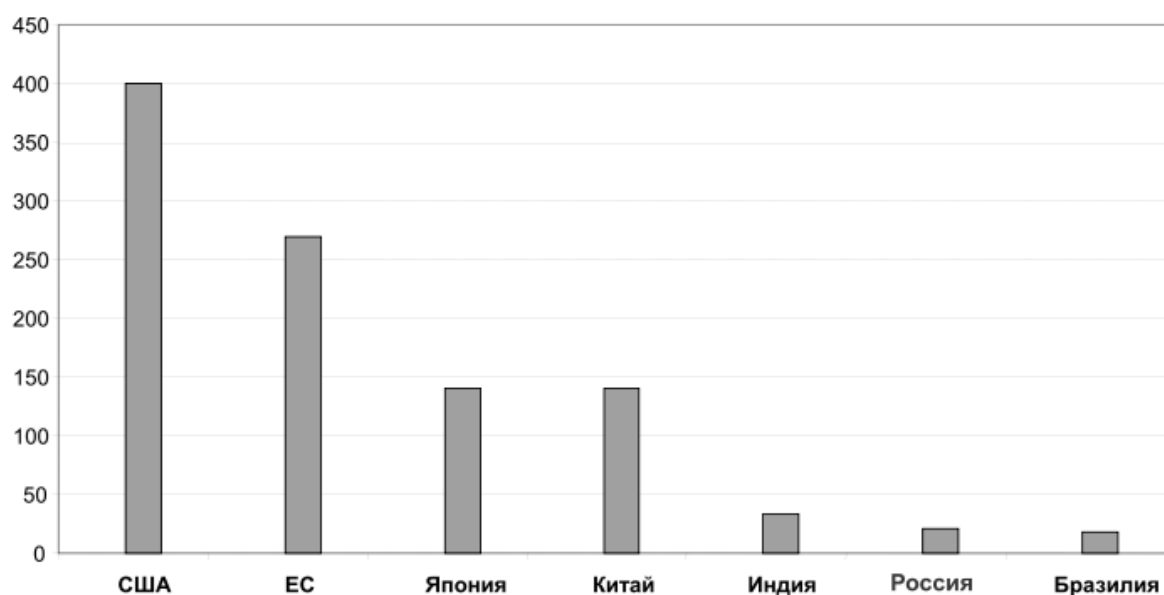

Рис. 1. Расходы на НИОКР в 2010 г., млрд долл. США [2]

Таблица 1

Доля стран в общих расходах на НИОКР в 2009 г. [1]

Страна	Млрд долл. по ППС	% от мировых расходов на НИОКР
США	389,2	35,0
Япония	139,6	12,6
Китай	123,7	11,1
Германия	67,9	6,1
Южная Корея	41,3	3,7
Индия	28,1	2,5
Канада	23,2	2,1
Россия	21,7	2,0
Италия	18,6	1,7
Бразилия	18,0	1,6
Израиль	8,8	0,8
Всего	1112,5	100

В отличие от ряда стран (в том числе БРИК), конкурентоспособность России в кризисный период снизилась. Основная проблема, как показывают исследования, – серьезные дисбалансы в финансовой системе,

вызванные глобальными потрясениями. В частности, в стране слабо развиты законодательная, финансовая, научно-техническая, кадровая и институциональная базы инновационного роста (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинговые оценки конкурентоспособности отдельных стран и России в 2009 г. (методика ВЭФ) [3]

Страна	Рейтинг страны по индексу GCI (всего исследуются 134 страны)	Балльная оценка GCI (максимальный показатель – 7 баллов)	Рейтинг страны по субиндексу «инновационные факторы»	Балльная оценка субиндекса «инновационные факторы»
Швейцария	1	5,60	3	5,68
США	2	5,59	1	5,71
Сингапур	3	5,55	10	5,15
Швеция	4	5,51	4	5,53
Дания	5	5,46	7	5,28
Финляндия	6	5,43	6	5,47
Германия	7	5,37	5	5,47
Япония	8	5,37	2	5,70
Канада	9	5,33	12	4,96
Нидерланды	10	5,32	9	5,17
Россия	63	4,15	73	3,47

Примечание. GCI – глобальный индекс конкурентоспособности.

Промышленный комплекс России находится в достаточно сложной ситуации. Средний возраст работающих на российских предприятиях превышает 50 лет. Износ основных фондов достигает по ряду направлений от 50 до 74%. При этом срок службы эксплуатируемого оборудования насчитывает более 20 лет при максимально эффективной норме эксплуатации в 9 лет. Новое оборудование практически все импортное. Более или менее современный уровень технологий сохраняется в основном на высокотехнологичных направлениях: в ядерной энергетике, ракетно-космической отрасли, авиастроении. В других отраслях, особенно в станкостроении, произошел серьезнейший обвал. Аналогично обстоят дела и в электронной промышленности [4].

Таким образом, в целом по уровню развития высоких технологий страна откатилась, по самым скромным оценкам, на 10–15 лет назад, а по некоторым направлениям – даже на 20. Это надо понимать и помнить, прежде чем рассматривать стратегию инновационного развития.

Что касается нескольких интегральных параметров, то доля машиностроительной продукции в экспорте России составляет чуть более 5%, а вклад научно-технического фактора в прирост валового продукта, как уже было сказано, – менее 10%. Доля России на мировых рынках высоких технологий едва достигает 0,2–0,3%. Проанализи-

ровав график (рис. 2), можно сказать, что если Россия уйдет с высокотехнологичного рынка мира со своими 6–9 млрд долл., этого, в принципе, никто не заметит.

В табл. 3 приведены основные показатели, характеризующие состояние и уровень развития научного и инновационного потенциала РФ.

Самым уязвимым звеном инновационной системы России является малое инновационное предпринимательство. По данным Росстата, инновационные предприятия в промышленности составляют 0,12% в масштабе общего количества малых и микропредприятий (без учета ИП) в 2011 г. [6].

В то же время в 2005–2011 гг. экономика демонстрировала растущую динамику по созданию передовых производственных технологий (табл. 4).

На протяжении 2007–2009 гг. не наблюдалось ярко выраженного роста созданных передовых производственных технологий (табл. 4). В 2010 г. произошел рост числа созданных технологий (на 75). Из числа созданных в 2009 г. передовых производственных технологий (789) только 55,8% обладали патентной чистотой [7]. Это означает, что только 55,8% технологий могут использоваться в России без нарушения на ее территории прав на промышленную собственность [8]. Следовательно, эти технологии в 2009 г. не могли быть введены в эксплуатацию.

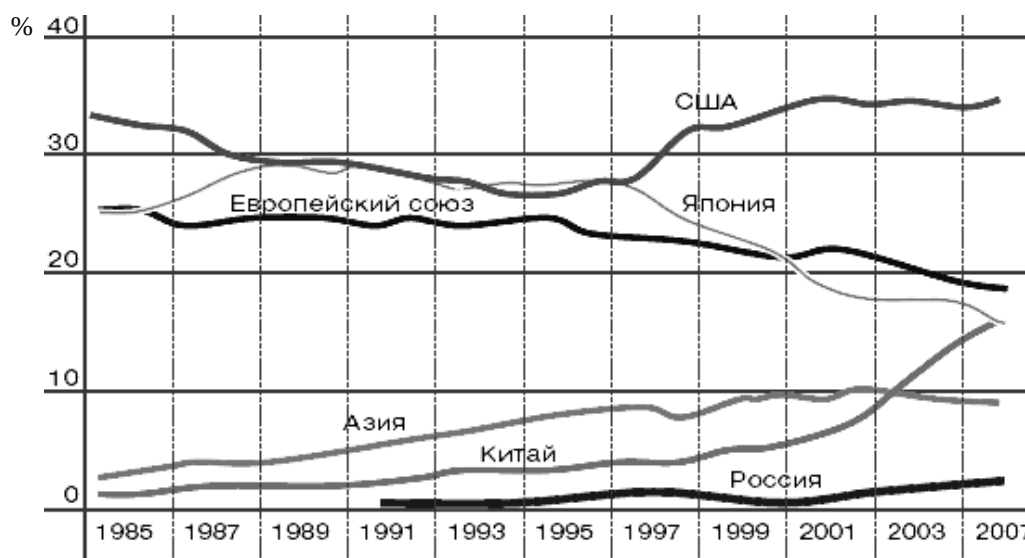

Рис. 2. Доля производителей высокотехнологичной продукции в мире, % [5]

Таблица 3

Основные показатели, характеризующие состояние и уровень развития научного и инновационного потенциала РФ

Округ	Показатель											
	Внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.				Патентные заявки на изобретения, поданные в России отечественными заявителями				Удельный вес организаций, осуществлявших инновационную деятельность, в общем числе организаций, %			
	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010
Центральный	206465,2	238761,9	277118,3	288960,0	13473	13377	12602	14628	10,0	9,4	8,8	8,6
Северо-Западный	48087,8	58586,3	64643,9	70737,2	2442	2420	2095	2259	9,8	8,9	9,5	9,4
Южный	12752,5	13581,9	12023,6	13027,2	2555	2904	1765	1661	9,4	8,0	7,2	7,5
Приволжский	51207,1	57148,5	63513,7	74942,4	4436	4279	3941	4138	12,8	12,5	12,8	12,3
Уральский	21300,1	24654,3	24294,3	29441,7	1476	1537	1145	1157	11,5	10,1	10,2	11,5
Сибирский	23846,7	28689,8	31539,5	33869,9	2591	2647	2418	2414	8,1	7,7	7,3	8,2
Дальневосточный	7421,0	9650,4	10174,6	9758,6	518	539	488	561	5,8	7,2	8,3	8,6
Северо-кавказский	–	–	2526,5	2639,8	–	–	1134	1900	5,9	5,2	5,8	6,2

Таблица 4

Сводная информация об инновационной активности в России [6]

Показатель	Год						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число созданных передовых производственных технологий	637	735	780	787	789	864	1138
Из них обладают патентной чистотой, %	46,3	55,2	51,4	60,9	55,8	60,9	58,9
Число созданных принципиально новых производственных технологий	60	52	75	45	105	102	110
Доля принципиально новых технологий, %	9,4	7,1	9,6	5,7	13,3	11,8	9,7
Затраты на технологические инновации ¹ , млн руб.	125 678	188 492	207 499	276 262	358 861	X ²	X
Внутренние затраты на научные исследования и разработки в предпринимательском секторе, млн руб.	156 880	192 485	238 386	271 206	303 051	X	X
Соотношение внутренних затрат на исследования и разработки в России и США ³ , %	5,6	5,8	6,3	5,9	X	X	X
Соотношение внутренних затрат на исследования и разработки в России и Германии, %	28,2	29,5	32,5	30,5	X	X	X

Примечания. ¹ Затраты на технологические инновации в организациях добывающих, обрабатывающих производств, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды. ² Данные отсутствуют. ³ Базой (знаменателем дроби) выступает объем затрат соответственно в США, Германии, Франции.

В среднем примерно 55% созданных технологий обладают патентной чистотой, т.е. только половину технологий предприятия успевают запатентовать в год завершения разработок. Остальные в лучшем случае будут запатентованы в следующем году.

Из 864 передовых производственных технологий, созданных в 2010 г., 62,2% созданы с использованием

патентов, из них 41,1% – с использованием патентов на изобретения [8]. Большая часть технологий создается в области производства, обработки и сборки. Поскольку данная группа слишком укрупнена и включает множество различных подгрупп, невозможно оценить, насколько кардинально эти технологии могут изменить рыночное положение их создателей.

Между тем какая-либо устойчивая тенденция в создании принципиально новых производственных технологий отсутствует (см. табл. 4). Интересен скачок, имевший место в 2009 г. Он может свидетельствовать о завершении на крупных предприятиях каких-то исследований и о вводе в эксплуатацию новых технологий. Несмотря на рост общего числа передовых производственных технологий, число созданных в 2010 г. принципиально новых технологий осталось примерно на уровне 2009 г. Рост произошел за счет технологий, но-

вых только для России. Они составили 86% общего числа передовых производственных технологий. Это привело к снижению доли принципиально новых технологий в общем числе передовых производственных технологий. Таким образом, в экономике России преобладает догоняющая форма инновационной активности [9].

Из года в год долевая структура созданных передовых производственных технологий в разрезе их типов (табл. 5) остается относительно стабильной.

Таблица 5

Изменение структуры передовых производственных технологий по видам [9], %

Процесс	Передовые производственные технологии				Принципиально новые технологии			
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Проектирование и инжиниринг	24,0	21,7	25	27,8	16,7	20	24,5	40
Производство, обработка и сборка	40,8	45,7	44,3	35,5	44,4	50	46,1	30,9
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	2,9	1,4	2,1	2,1	1,4	0	2,1	0,9
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	11,0	14,3	13,4	11,3	8,3	20,0	17,6	10
Связь и управление	13,2	8,9	8,2	13,5	12,5	6,6	2,9	6,4
Производственные информационные системы	2,6	3,3	2,3	4,5	5,6	1,7	2,9	9,1
Интегрированное управление и контроль	5,5	4,7	4,7	5,3	11,1	1,7	3,9	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Преобладают следующие направления: производство, обработка и сборка (основное); проектирование и инжиниринг; аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля); связь и управление. Незначительную долю занимают производственные информационные системы. Низкая доля производственных информационных систем свидетельствует о том, что крупные и рентабельные предприятия предпочитают приобретать и внедрять зарубежные решения, чем российские программные продукты. Долевая структура создания принципиально новых производственных технологий в целом повторяет долевою структуру созданных передовых производственных технологий.

В 2009 г. число передовых производственных технологий, которые использовались менее года, составило 19 771 [7]. В 2010 г. число технологий, используемых менее года, сократилось до 19 447 [9]. Предположив, что срок внедрения большинства новых технологий колеблется от 1 года до 3 лет, эту цифру можно сравнить с общим числом технологий, созданных в России в 2006–2008 гг. Общее число созданных за этот период технологий составляет 2 302, или 11,6% от числа используемых.

Если расширить границу, захватив технологии, созданные в 2005 г., то их доля составит 15%. Оценка грубая, поскольку многие технологии, которые были созданы в 2005–2008 гг., имеют срок внедрения более года и даже более 3 лет. Получается, что реальная доля передовых производственных технологий, созданных в России, в общем числе используемых технологий с разными сроками внедрения не превышает 10%, а возможно, и 5%. Следовательно, зарубежные передовые производственные технологии составляют 90–95%.

Столь высокая доля последних может интерпретироваться как технологическая зависимость страны от зарубежных высокотехнологичных компаний.

Признаком важности созданных технологий для экономического развития может служить интерес к этим технологиям других государств, что неминуемо должно отразиться на соотношении экспорта и импорта технологий. Объем экспорта технологий из России превышает объем импорта. Экспорт в 2010 г. составил 3,8 млрд долл., а импорт – 3,2 млрд долл. Основную долю экспорта технологий составили инжиниринговые услуги (81%), из них в импорте только 58% [9].

В то же время совокупная доля патентных лицензий на изобретения, ноу-хау и полезные модели составляет в импорте примерно 10%, тогда как в экспорте технологий эти статьи достигают только 2%. Нерасшифрованной остается статья «прочие» (в экспорте – 5%, в импорте – 14%) [8]. По области назначения предмета соглашения 56% экспорта составляет строительство. В импорте 68% представляют технологии обработки [7].

В страноведческом разрезе основной экспорт технологий (70%) осуществляется не в страны СНГ и ОЭСР, а в прочие страны [10]. Россия экспортирует в прочие страны строительные технологии и инжиниринговые услуги. Можно предположить, что фактическое наполнение цифр по экспорту технологий включает строительство таких объектов, как атомные станции в Иране, Индии и Китае, а также проекты крупных нефтяных компаний в странах нефтедобычи.

Основной импорт технологий (81%) осуществляется из стран ОЭСР. Речь идет о заводах, которые открывают иностранные компании на территории России. В частности, сюда могут входить заводы автопрома.

Таким образом, стартовые условия очень непростые и скорее даже критичные. Да, действительно, это системный, в том числе технологический кризис.

Результаты проведенного исследования современной инновационной позиции России в глобальной экономике конкретизированы в виде матрицы SWOT-анализа российской НИС как составляющей глобального инновационного пространства (табл. 6) [11].

Указанные предпосылки и ограничения развития российской НИС определяют ее особенности, обуславливающие ограниченность использования в «чистом» виде зарубежного опыта в области инновационной деятельности. В частности, в России малоперспективным представляется применение положений лишь только

одного варианта развития: европейско-американской, японской, североевропейской модели, стратегии интеграции в глобальные инновационные цепочки, создание кластера инновационных технологий, стратегии технологического прорыва и др. [11].

На перспективу деятельность государственно-частных венчурных компаний должна опираться на принципы межотраслевого инновационного взаимодействия, совершенствования системы налогообложения и придания ей межотраслевой унификации, создание единого информационного научно-технического пространства, создание межотраслевой системы подготовки кадров для венчурной индустрии и т.д. [12].

Таблица 6

SWOT-анализ российской НИС как составляющей глобального инновационного пространства

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Потенциал освоения внутреннего рынка. 2. Активная модернизация ряда экономически успешных отраслей промышленности с привлечением передовых иностранных технологий. 3. Накопленный опыт в области организации и проведения научных исследований и разработок. 4. Рост числа и разнообразие объектов инфраструктуры инновационной деятельности. 5. Меры правительства, направленные на привлечение иностранных инвестиций в инновационный сектор экономики	1. Недостаточная координация между государственным и частным сектором в разработке приоритетов инновационного развития и мер их реализации в международной среде. 2. Доминирование государственного финансирования всех форм научной и инновационной деятельности и инновационной инфраструктуры. 3. Слабая поддержка инновационных предприятий за рубежом. 4. Низкий уровень инновационной активности бизнеса. 5. Снижение возможностей модернизации в условиях современного кризиса. 6. Отсутствие внешнего спроса на отечественные инновации
Возможности	Угрозы
1. Возможности «перескакивания» на более высокие уровни технологического развития в ряде секторов вследствие эффекта запаздывающего развития. 2. Активное развитие глобального рынка инжиниринговых услуг (отрасли, перспективные для российских предприятий: авиационные и космические технологии, программное обеспечение, ИКТ). 3. Встраивание в глобальные технологические цепочки. 4. Вступление в ВТО и снижение барьеров выхода на мировые рынки	1. Сохранение технологического отставания в ряде секторов и сфер глобального хозяйства. 2. Истощение преимуществ в глобальной инновационной среде по качеству человеческого капитала и иным компонентам инновационного потенциала. 3. Отсутствие собственной ниши на глобальных рынках инновационной продукции. 4. Углубление технологического отставания России: доля в объеме мирового рынка высоких технологий – 0,5%, в мировом экспорте наукоемкой продукции – 0,13%

Мир идет к шестому технологическому укладу, приближается к нему, работает над ним. Россия находится сегодня в основном в третьем, четвертом и на первых этапах пятого технологического уклада. К последнему относятся главным образом предприятия высокотехнологичного военно-промышленного комплекса. Таким образом, перед страной стоит архисложная задача – осуществить переход к шестому укладу, не до конца освоив предшествующий пятый.

Что же представляет собой ядро шестого технологического уклада, каковы его базовые направления?

Прежде всего это нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии и технологии новых материалов. Развитие нового уклада в мире наблюдается уже в течение 15–20 лет. Благодаря достижениям нового технологического уклада через 15 лет ожидаются радикальные перемены в экономической и социальной сферах. К 2020–2025 гг. этого века произойдет новая научно-техническая революция – технологическая, основой которой станут разработки, синтезирующие достижения сферы базовых технологий по названным направлениям.

В то же время, по экспертным оценкам, к 2030 г. структура экономики России продолжит «сползать» в сторону сокращения высокотехнологичной сферы, т.е.

будет двигаться в сторону, противоположную развитию той экономики знаний, о которой все сегодня говорят.

По мнению многих экспертов, специалистов, ученых Российской академии наук, с такой структурой экономики Россия как высокотехнологичная держава существовать не может. Следовательно, единственно возможным базовым вариантом может быть вариант инновационного развития (рис. 3).

Наглядно возможные результаты того и другого сценария развития можно увидеть на рис. 4. За точку отсчета взят 1980 г. (а не 1990 г. – далеко не характерный, не показательный и не лучший). С плохим периодом сравнивать бесперспективно (хотя такие сравнения имеются), целесообразнее в качестве исходной точки для сравнения выбирать период с высоким уровнем развития.

С 1980 по 2007 г. практически была перевернута (если можно так выразиться) вся структура нашей экономики. В 1980 г. она была в определенной степени более или менее сбалансирована, опиралась на прочный высокотехнологичный сектор народного хозяйства. Сегодня этот сектор серьезнейшим образом сократился с 30% практически до 18%. Кроме того, по своим показателям он находится в третьем, четвертом и лишь частично в пятом технологическом укладе.

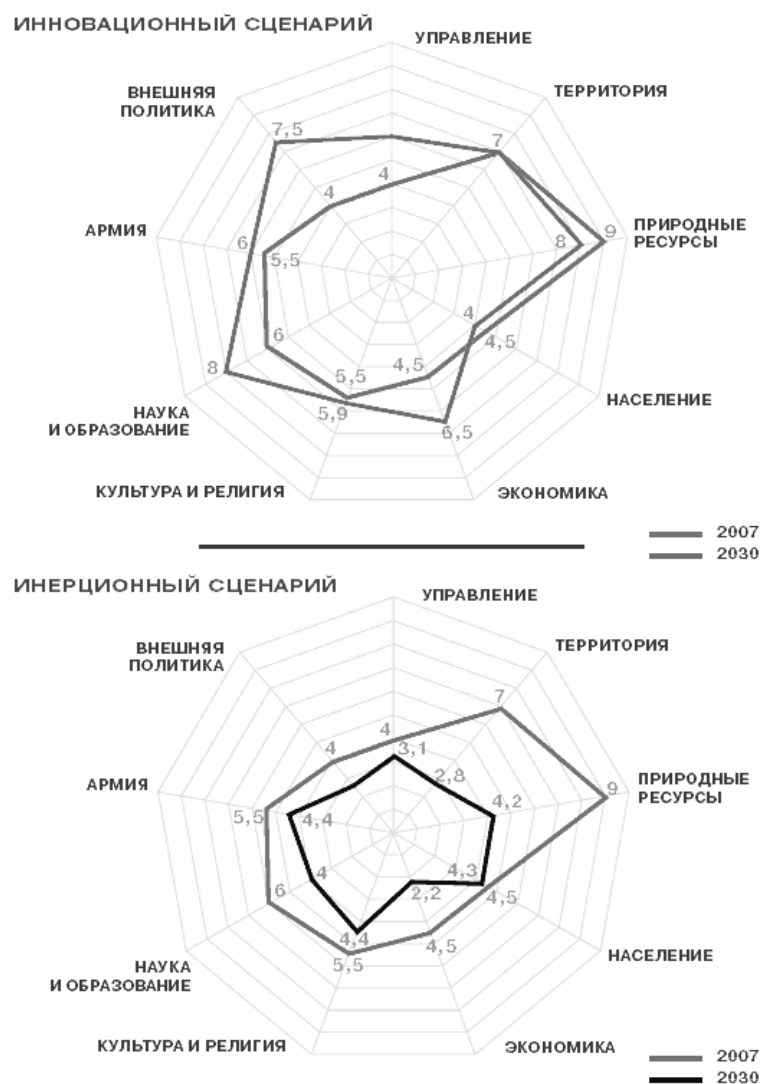

Рис. 3. Прогноз развития современной мощи России [13]

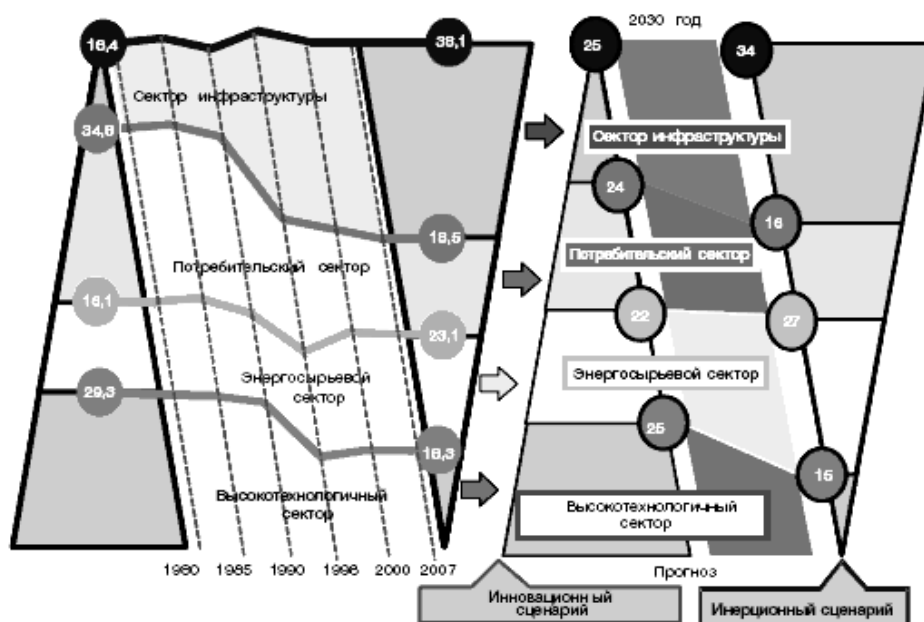

Рис. 4. Динамика структуры экономики России за 1980–2030 гг. по воспроизводственным секторам [14]

С такой экономикой инновационный прорыв осуществить невозможно, это будет политическая декларация, а на деле продолжится реализация инерционного сценария развития [14]. Если оценить интегральную мощь России, исходя из этих двух сценариев (исследу-

ется долгосрочный сценарий до 2030 г.), то очевидно, что инновационный путь действительно гармонизирует совокупную мощь России. Инерционный сценарий – практически системное сжатие России, и понятно, к каким негативным последствиям это приведет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Global R&D Funding Forecast*. 2010. P. 5.
2. Шевченко И.В., Александрова Е.Н., Солахов П.А., Салмина О.А. Развитие инновационной системы России в процессе интеграции в глобальную экономику: национальный и региональный контекст // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011. № 16 (109).
3. *Global Competitiveness Report 2009–2010*. World Economic Forum, 2009. URL : <http://www.gcr.weforum.org>
4. Кузык Б. Инновационное развитие России: сценарный подход // *Экономические стратегии*. 2009. № 1. С. 56–67.
5. *Science and Engineering Indicators*. L., 2008.
6. *Российский статистический ежегодник*. М., 2012.
7. *Российский статистический ежегодник*. М, 2010. С. 579.
8. *Россия в цифрах*. М., 2011. С. 408.
9. Никонова Я.И. Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития экономических систем // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 367. С. 117–122.
10. Ивасенко А.Г. Формирование лимитов как метод управления рисками // *Вестник Сибирской государственной геодезической академии*. 2001. № 6. С. 207–214.
11. Солахов П.А. Стратегические приоритеты инновационного развития России в условиях интеграции в систему мирохозяйственных связей : автореф. дис. ...канд. экон. наук. Краснодар, 2011. С. 20.
12. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 364. С. 127–133.
13. Ивантер В.В., Кузык Б.Н. Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв? М. : ИНЭС, 2003.
14. Казаков В.В. Системный подход к исследованию инновационных процессов в региональных экономических системах // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 367. С. 111–116.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 24 октября 2013 г.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 796.012.1

О.И. Загrevский, В.О. Загrevский

МЕТОДЫ СИЛОВОЙ ПОДГОТОВКИ ГИМНАСТОВ

Обосновываются методы силовой подготовки гимнастов, в которых учитываются особенности биомеханики спортивных упражнений. Показано, что развитие силовых качеств гимнастов необходимо осуществлять, учитывая специфику соревновательных упражнений, режимы работы мышц и зависимости «сила – угол», «сила – скорость».

Ключевые слова: силовая подготовка; силовые качества; скоростно-силовые качества; методы; упражнения.

В настоящее время значение силовой и скоростно-силовой подготовки гимнастов возрастает в связи с ростом трудности упражнений на всех гимнастических снарядах. Но часто в практике применяется методика развития силы без учета особенностей биомеханики спортивных упражнений и специфики проявления силовых качеств гимнастов во время их выполнения. Это не способствует росту технического мастерства спортсменов. Процесс обучения гимнастов гимнастическим упражнениям протекает успешнее при условии развития силовых качеств, адекватных специфике разучиваемых двигательных действий. Поэтому исследование вопросов силовой и скоростно-силовой подготовки гимнастов актуально.

Так как в гимнастических упражнениях мышцы осуществляют работу разного характера и в различных режимах, должны применяться методы развития силы, которые непосредственно отражают двигательную деятельность гимнастов [1]. Аналогичного взгляда придерживается В.В. Кузнецов [2], который определяет силовую подготовку как развитие силы мышц, несущих основную нагрузку в специализированном упражнении, при помощи средств, в которых сохраняются специфическая структура этого упражнения и характер нервно-мышечных напряжений.

Поскольку в спортивной гимнастике двигательная деятельность гимнастов проявляется в выполнении статических и динамических упражнений, в практике, в соответствии с режимами работы мышц, используют метод статической и динамической тренировки.

Для развития статической силы применяются упражнения изометрического характера [2, 3 и др.]. Авторы метода изометрических упражнений исходят из того, что сила проявляется соответственно величине напряжения: чем больше сопротивление, тем больше усилие, направленное на него.

По мнению ряда авторов [1, 4 и др.], изометрические упражнения следует применять в виде околомаксимальных или максимальных напряжений длительно – 5–6 секунд. Упражнения выполняются не более чем в 5–6 подходах с 3–4 повторениями. Отдых между повторениями составляет 5–10 секунд, а между подходами около 2–3 минут.

При использовании изометрических упражнений рост силы будет преимущественно в том положении тела, в котором проводится тренировка. Поэтому для эффективного использования этого метода необходимо

учитывать значения величины углов между звеньями тела [5].

Применяя метод статической тренировки, авторы рекомендуют выполнять упражнения с постепенным нарастанием усилий, чтобы мышцы хорошо прорабатывались. В результате такой тренировки происходит увеличение статической силы при отсутствии увеличения скорости движения. Однако исследование Ю.В. Верхошанского [6] показывают, что если изменить характер тренировки и изометрические упражнения выполнять с акцентом на мгновенное напряжение мышц, то происходит рост скоростной силы, причем даже больший, чем при динамической тренировке. Одновременно происходит и большее увеличение максимальной статической силы. На наш взгляд, все это и позволяет признать для гимнастов скоростно-изометрический режим работы наиболее эффективным для развития как статической силы, так и динамической (скоростной).

По данным некоторых авторов [7, 8], упражнения с внешним сопротивлением применяются в спортивной гимнастике в том случае, если необходимо формирование скоростного и силового фактора к проявлению мощного усилия в начале движения.

При развитии динамической силы существует три способа создания максимальных силовых напряжений [9]:

1. Повторное поднятие непредельного веса до выраженного утомления («до отказа»).
2. Поднятие предельного веса.
3. Поднятие непредельного веса с максимальной скоростью.

Соответственно этому автор предлагает три метода развития силы: метод повторных, максимальных и динамических усилий.

Для развития абсолютной силы мышц применяются метод повторных усилий и метод кратковременных максимальных напряжений [2, 6, 9].

Метод повторных усилий заключается в повторном поднимании отягощения, вес которого постепенно увеличивается в соответствии с ростом силы мышц. При этом используются отягощения, которые можно поднимать от 3 до 10 раз за один подход с различной интенсивностью.

Метод кратковременных максимальных напряжений применяется в тренировке тогда, когда требуется быстрое проявление абсолютной силы мышц [6]. В этом случае применяются отягощения весом 85–

95% от максимума с количеством подниманий от 1 до 3 раз за подход. Число подходов на упражнение составляет 6–10.

Этот метод способствует приросту силы без значительного увеличения мышечной массы, что имеет значение для такого вида спорта, как спортивная гимнастика, где преимущественно требуется развитие относительной силы.

Метод динамических усилий применяется при развитии способности к быстрому проявлению силы. Максимальное силовое напряжение в этом случае создается за счет перемещения неопределенного отягощения с наивысшей скоростью. Вес отягощения составляет около 20% от максимума.

Как отмечает Ю.В. Верхошанский [10], быстрая сила имеет множество качественных оттенков. Условно автор классифицирует быструю силу, выделяя в ней:

1. Движения, в которых преимущественную роль играет быстрота перемещения в условиях преодоления относительно небольшого сопротивления.

2. Движения, в которых рабочий эффект связан с быстротой развития двигательных усилий в условиях преодоления значительных сопротивлений.

В первом случае абсолютная сила мышц не имеет существенного значения, а во втором зависит от силовых возможностей спортсмена, от его максимальной силы.

Поэтому в процессе силовой подготовки, направленной на повышение скорости движения, нужно решать две основные задачи [9, 6, 11]:

1. Повышать уровень максимальной (статической) мышечной силы.

2. Развивать способность к проявлению большой силы в условиях быстрых движений (динамическая сила).

Поскольку существует несколько видов силовых качеств, применение упражнений с сопротивлениями будет зависеть от того, на развитие какого из этих качеств они направлены. В соответствии с этим различны скорость и темп выполнения упражнений, количество повторений в подходах и их число, вес отягощения и т.д.

На величину проявления мышечной силы влияют многие факторы. Рассмотрим основные из них: зависимость «сила – суставной угол» и зависимость «сила – скорость».

Зависимость «сила – угол» проявляется в том, что величина мышечного усилия зависит от величины суставного угла. Здесь следует иметь в виду, что для различных суставов эта зависимость различная. По нашим данным [12], максимальные мышечные усилия, направленные на уменьшение угла между руками и туловищем (работают сгибатели плеч), гимнасты развивают при угле в плечевых суставах равном 180° (по отношению к туловищу – руки вверх). С уменьшением же величины угла до 0° (положение, при котором руки расположены вдоль туловища) и далее до максимально возможной анатомически обусловленной величины уменьшается и проявляемая спортсменом сила тяги мышц. Следовательно, для сгибателей плеч – зависимость прямая (чем меньше угол в плечевых суставах, тем меньше развиваемая сила тяги мышц). Для разгибателей плеч зависимость обратная – чем меньше угол,

тем больше развиваемая сила тяги мышц. По данным Б.А. Плетнева [5], наибольший прирост силовых качеств происходит при том суставном угле, в котором отмечались наибольшие мышечные напряжения. Эти факты необходимо учитывать в тренировочном процессе гимнастов.

Например, гимнаст изучает большой оборот назад на перекладине. В этом упражнении основная рабочая функция после прохождения гимнастом вертикали вниз осуществляется мышцами сгибателями плеч от 180° до 135° [13]. В качестве силовой подготовки гимнаст применяет следующее упражнение: из положения лежа на спине, руки вдоль туловища с грифом штанги (с дополнительным отягощением), поднять руки вверх и вернуться в исходное положение.

Будет ли эффективно это упражнение? Нет. Во-первых, биомеханический анализ условий выполнения этого упражнения показывает, что изменение суставного угла осуществляется в диапазоне от 0° в исходном положении (руки вдоль туловища) и до 90° в конечном положении (руки вертикально), что не соответствует кинематической структуре изучаемого упражнения (большого оборота назад). Во-вторых, предложенное силовое упражнение направлено для развития силы мышц разгибателей плеч, а не сгибателей.

При развитии силовых качеств гимнастов нужно также учитывать зависимость «сила – скорость». По данным исследований О.И. Загrevского [12], чем больше скорость изменения величины суставных углов, тем меньше величина проявляемых гимнастом мышечных усилий.

Например, при скорости изменения угла до 2,5 рад/с гимнасты могут проявить 90–96% силовых возможностей от статического режима работы мышц. Таким образом, при достижении этой скорости изменения суставного угла испытываемые практически развивали мышечные усилия, близкие к статическому режиму работы мышц.

При скорости, достигающей до 4,5 рад/с, мышцы сгибатели плеч развивают напряжение почти в два раза меньше величины, зарегистрированной в статическом режиме, и используют при этом около 60% своих силовых возможностей.

И, наконец, при скорости изменения угла в плечевых суставах в пределах до 6,0–7,0 рад/с величина мышечных усилий составляет только 1/3 от статического режима. Это говорит о том, что гимнасты при такой скорости изменения суставных углов могут использовать 31–37% силовых ресурсов от статического режима работы мышц. Автором показано, что чем сложнее гимнастическое упражнение, т.е. чем выше оценивается его трудность по правилам соревнований, тем больше скорости изменения суставных углов гимнаста при выполнении упражнения. Их увеличение приводит к тому, что мышечные усилия гимнаста приближаются к минимуму, что не позволяет спортсмену вносить дополнительную энергетику в упражнение и значительно уменьшает надежность исполнения сложных упражнений, а в ряде случаев ведет и к невозможности их изучения и выполнения по причине силовой неготовности.

Возникает противоречие: чтобы изучить более сложное упражнение, требующее от исполнителя уве-

личивающихся скоростей изменения суставных углов (в плечевых и тазобедренных суставах), гимнасту нужно приложить увеличивающиеся мышечные усилия (этого требует биомеханика спортивного упражнения), а анатомические и физиологические особенности опорно-двигательного аппарата спортсмена не позволяют это сделать. Мышечные усилия при возрастающих скоростях изменения суставных углов при выполнении спортивных упражнений уменьшаются. Поэтому гимнастам и приходится постоянно наращивать свой силовой потенциал для овладения более сложными двигательными действиями.

В этой связи нами была исследована эффективность различных режимов работы мышц при развитии силовых и скоростно-силовых качеств гимнастов [12]. Для решения этой задачи в учебно-тренировочный процесс 21 гимнаста в возрасте 11–13 лет (3 группы по 7 человек) были включены статический и динамический режимы работы мышц.

Испытуемые первой группы (изометрический режим) выполняли статические напряжения мышцами-сгибателями плеч в следующих положениях:

1 – основная стойка (руки внизу, угол между руками и туловищем равен 0°);

2 – основная стойка, руки вперед (угол между руками и туловищем равен 90°).

Гимнастам давалась установка на максимально быстрое напряжение мышц с удержанием максимального мышечного напряжения в течение 4–5 секунд. В каждом положении задание выполнялось дважды с интервалом отдыха 10–15 секунд. Всего выполнялось 6–7 подходов на каждое упражнение с интервалом отдыха между ними 1,5–2 минуты. В процессе выполнения заданий осуществлялся контроль за величиной мышечных усилий с помощью динамометра.

Вторая группа (уступающе-преодолевающий режим) применяла комплекс, состоявший из двух упражнений и включавший в себя:

1 – из основной стойки, руки вверх, опустить руки вниз, а затем поднять вверх;

2 – лежа на скамейке, руки вперед (на спине) – опускание рук вниз и возвращение в исходное положение.

Упражнения выполнялись с максимальным весом индивидуально для каждого испытуемого. Вес отягощений составлял 7–10 кг. Число подходов к каждому упражнению составляло 6–7 раз, количество повторений в каждом подходе 2–3 раза. Темп движений средний, интервалы отдыха между подходами в пределах 1,5 минуты.

Испытуемые третьей группы выполняли рывково-тормозные упражнения (уступающе-преодолевающий режим). Комплекс состоял из следующих заданий:

1 – из основной стойки, взмахи руками вверх-вниз с гантелями;

2 – лежа на спине, руки вперед – рывки руками вниз-вверх с гантелями.

Вес отягощения составлял 20% от максимального. Интенсивность выполнения заданий максимальная, с количеством повторений 7–10 раз в одном подходе. Общее количество подходов 14–16 на 2 упражнения с интервалом отдыха 1–1,5 минуты между ними.

До и после эксперимента у испытуемых трех групп были определены максимальные результаты мышечной силы при углах между руками и туловищем равных 0° и 90° . Кроме этого определялись показатели, характеризующие зависимость «сила – скорость». Результаты эксперимента приведены в табл. 1.

Анализ результатов показывает, что после 30 тренировочных занятий в первом контрольном упражнении (при угле между руками и туловищем равном 0°) наибольший прирост моментов мышечных сил сгибателей плеч наблюдается в группе № 1 и № 2. Прирост в группе № 2 составил $2,98 \pm 0,50 \pm 0,19$ кгМ, а в группе № 1 – $2,35 \pm 0,29 \pm 0,11$ кгМ. И на третьем месте оказалась группа № 3 ($0,97 \pm 0,36 \pm 0,13$ кгМ), применявшая рывково-тормозные упражнения с отягощением 20% от максимума в уступающе-преодолевающем режиме.

Таблица 1

Показатели моментов мышечных сил сгибателей плеч у юных гимнастов до и после эксперимента в зависимости от режима тренировки, кгМ

№ группы	Суставной угол	До эксперимента	После эксперимента
		$\bar{X} \pm \sigma \pm m$	$\bar{X} \pm \sigma \pm m$
1	0°	$5,62 \pm 1,50 \pm 0,56$	$7,97 \pm 1,43 \pm 0,54$
2	0°	$5,91 \pm 1,37 \pm 0,52$	$8,89 \pm 1,35 \pm 0,51$
3	0°	$6,21 \pm 1,30 \pm 0,49$	$7,18 \pm 1,02 \pm 0,38$
1	90°	$4,68 \pm 1,27 \pm 0,48$	$7,53 \pm 1,27 \pm 0,48$
2	90°	$4,90 \pm 1,31 \pm 0,49$	$7,96 \pm 1,11 \pm 0,42$
3	90°	$5,15 \pm 1,17 \pm 0,44$	$6,24 \pm 1,50 \pm 0,43$

Эти результаты свидетельствуют о том, что у первой и второй групп прирост, по сравнению с третьей группой, статистически достоверен ($p < 0,05$ и $p < 0,05$).

Во втором контрольном измерении, при угле в плечевых суставах равном 90° , статистически значимым оказалось увеличение результатов у первой и второй групп ($p < 0,05$), а в группе применявшей рывково-тормозные упражнения (№ 3), сдвиг менее существен. Прирост первой группы составил $2,85 \pm 0,44 \pm 0,19$ кгМ, во второй – $3,06 \pm 0,44 \pm 0,16$ кгМ, в третьей группе – $1,09 \pm 0,39 \pm 0,15$ кгМ.

Таким образом, группы, применявшие в занятиях упражнения с максимальным напряжением мышц (№ 1 и 2), повысили свои силовые качества в большей мере, чем группа № 3, применявшая в занятиях упражнения с небольшим отягощением.

С целью выяснения влияния различных режимов работы мышц на показатели, характеризующие зависимость «сила – скорость», были зафиксированы соответствующие значения скорости изменения суставного угла в плечевых суставах и величины мышечных сил. Экспериментальные данные приведены в табл. 2.

Анализ результатов, приведенных в табл. 2, показывает, что рост скоростно-силовых качеств по-разному сказался на зависимости «сила – скорость» в связи с различием тренировочного режима работы мышц.

Группа № 1, выполнявшая упражнения в изометрическом режиме, увеличила свои скоростно-силовые качества в динамическом режиме работы мышц.

Тренировка в уступающе-преодолевающем режиме с большими внешними сопротивлениями (группа № 2) также способствует росту скоростно-силовых качеств в динамическом режиме. Из результатов видно, что с уве-

личением скорости изменения угла в плечевых суставах величина проявляемой силы несколько уменьшилась, но исходных величин (до начала эксперимента) не достигла. Таким образом, показатели зависимости «сила – скорость» у этой группы превзошли показатели, зафиксированные до педагогического эксперимента.

Таблица 2

Показатели зависимости «сила – скорость» у юных гимнастов до и после педагогического эксперимента

И. п.	№ группы	До эксперимента		После эксперимента	
		Скорость изменения суставного угла, рад/с	(кгМ/кг веса) $\bar{x} \pm \sigma \pm m$	Скорость изменения суставного угла, рад/с	(кгМ/кг веса) $\bar{x} \pm \sigma \pm m$
45°	1	3,5	$0,100 \pm 0,041 \pm \pm 0,0004$	3,9	$0,112 \pm 0,036 \pm \pm 0,0002$
	2	3,6	$0,107 \pm 0,034 \pm \pm 0,0002$	3,9	$0,127 \pm 0,042 \pm \pm 0,0002$
	3	3,7	$0,093 \pm 0,031 \pm \pm 0,0002$	3,7	$0,097 \pm 0,034 \pm \pm 0,0002$
90°	1	5,0	$0,078 \pm 0,038 \pm \pm 0,0003$	5,5	$0,069 \pm 0,029 \pm \pm 0,0001$
	2	5,1	$0,075 \pm 0,028 \pm \pm 0,0001$	5,6	$0,077 \pm 0,040 \pm \pm 0,0003$
	3	4,9	$0,072 \pm 0,031 \pm \pm 0,0002$	5,2	$0,078 \pm 0,058 \pm \pm 0,0004$

И, наконец, у группы № 3, выполнявшей рывково-тормозные упражнения с малыми отягощениями, зависимость «сила – скорость» после эксперимента имеет характер, представленный в табл. 2. Силовые качества, проявляемые в динамическом режиме работы мышц, повысились незначительно.

Выявленные зависимости показывают, что в тех упражнениях, где требуется проявление максимальных величин мышечных сил в зоне больших внешних отягощений, эффективны упражнения статического и уступающе-преодолевающего характера с большими отягощениями, позволяющие значительно, чем рыв-

ково-тормозные упражнения, повысить исходный уровень силовых и скоростно-силовых качеств гимнастов.

Таким образом, как можно предполагать, для поднятия всей кривой зависимости «сила – скорость» требуется сочетание упражнений с большими сопротивлениями и с малыми. Это положение согласуется с тем, что только при одновременном повышении максимальных величин скорости и силы увеличится скорость во всем диапазоне внешних сопротивлений [9].

Экспериментальная проверка предлагаемой схемы сочетания различных режимов работы мышц при развитии силовых качеств гимнастов была проведена при обучении группе упражнений «перелет Ткачева» на перекладине [14] в процессе специальной силовой подготовки и показала хорошие результаты.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. При воспитании силовых и скоростно-силовых качеств необходимо учитывать режимы тренировочной работы мышц.

2. Для воспитания силовых качеств наиболее эффективна методика упражнений в статическом и уступающе-преодолевающем режимах с максимальным мышечным напряжением – по сравнению с рывково-тормозными упражнениями с небольшими внешними отягощениями.

3. Для воспитания скоростно-силовых качеств режимы статического, уступающе-преодолевающего и рывково-тормозного характера следует применять в зависимости от задач:

а) в тех упражнениях, где требуется максимальное значение величины мышечных сил, эффективны упражнения статического и уступающе-преодолевающего характера, с предпочтением последних;

б) в тех упражнениях, где не требуется проявление максимальных мышечных сил, более эффективны упражнения рывково-тормозного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менхин Ю.В. Физическая подготовка // Гимнастика в трех измерениях. М. : Физкультура и спорт, 1979. С. 71–142.
2. Кузнецов В.В. Специальная силовая подготовка спортсменов высших разрядов. М. : Сов. Россия, 1975. 192 с.
3. Озолин Н.Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 863 с.
4. Семенов Л.П., Анциперов В.В. Обучение юных гимнастов сложным силовым статическим элементам // Гимнастика : сб. ст. М. : Физкультура и спорт, 1979. Вып. 1. С. 34–36.
5. Плетнев Б.А. Сравнительная эффективность мышечной деятельности в тренировке тяжелоатлетов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1975. 25 с.
6. Верхошанский Ю.В. Основы специальной силовой подготовки. 2-е изд., перераб. М. : Физкультура и спорт, 1977. 214 с.
7. Негребецкий И.А., Саиурин В.Р. Обучение силовым упражнениям // Гимнастика : сб. ст. М. : Физкультура и спорт, 1986. Вып. 1. С. 23–27.
8. Уилмор Дж.К., Костилл Д.Л. Физиология спорта и двигательной активности : пер. с англ. Киев, 1997. 504 с.
9. Зацюрский В.М. Физические качества спортсмена. М. : Физкультура и спорт, 1966. 198 с.
10. Верхошанский Ю.В. Роль и место специализированной силовой подготовки в тренировочном процессе // Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции «Скоростно-силовая подготовка высококвалифицированных спортсменов». М., 1989. С. 5–6.
11. Баранчук С.Н., Савчук А.Н. Влияние скоростно-силовых качеств на мастерство борцов вольного стиля // Современные педагогические и информационные технологии в физической культуре и спорте : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2010 г.) : в 2 ч. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010. С. 12–14.
12. Загrevский О.И. Построение техники гимнастических упражнений на основе математического моделирования на ЭВМ : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Омск, 2000. 52 с.
13. Загrevский В.И., Загrevский О.И. Биомеханика физических упражнений. Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. 274 с.
14. Загrevский В.О. Техника выполнения и методика обучения группе упражнений «перелет Ткачева» на перекладине : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2012. 206 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 27 сентября 2013 г.

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО РИТМА ДЕТЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫМ ПЛАВАНИЕМ

Авторским коллективом была разработана методика начального обучения технике плавания детей младшего школьного возраста с нарушениями осанки. В ходе проверки эффективности разработанной методики были проведены исследования функционального состояния организма детей с использованием метода кардиоинтервалографии. Представлены результаты исследования вариабельности ритма сердца детей младшего школьного возраста в состоянии относительного покоя и при проведении активной ортостатической пробы (до и после педагогического эксперимента).

Ключевые слова: кардиоинтервалография; вегетососудистый баланс; вегетативный тонус; функциональное состояние; младший школьный возраст; методика начального обучения плаванию; осанка.

В России за последнее десятилетие отмечается значительное ухудшение состояния здоровья, уровня физического развития и физической подготовленности детского контингента, что обусловлено действием ряда неблагоприятных факторов экологического, социально-экономического характера, с реальным уменьшением объема профилактической деятельности в здравоохранении и образовании. Всероссийская диспансеризация (2002) 28,1 млн детей (87,6% всех россиян до 18 лет) показала, что у 16,8 млн из них (59,9%) выявлены отклонения в состоянии здоровья.

В первую очередь у детей и подростков наблюдаются болезни нервной, пищеварительной систем и опорно-двигательного аппарата. Около 50% учащихся в той или иной степени имеют нарушения осанки и нуждаются в коррекционной или профилактической помощи [1]. По данным НИИ детского ортопедического института им. Г.К. Турнера, на развитие дефектов осанки у детей влияет увеличение статических нагрузок на формирующийся позвоночник [2]. Наиболее распространенные дефекты осанки проявляются в асимметрии положения плечевого и тазового пояса, увеличении физиологических изгибов позвоночника и угла наклона таза, боковом искривлении позвоночника в вертикальном положении обследуемого, которые уже встречаются у детей младшего школьного возраста. Осанка может изменяться в зависимости от различных условий, состояния организма, физической подготовленности и других факторов. Количество нарушений возрастает в периоды ростовых скачков и полового созревания. Среди причин, вызывающих нарушения осанки, называют различные факторы окружающей среды и индивидуального развития. Наиболее распространенными причинами являются гипокinezия, гиподинамия и, как следствие, недостаточное развитие связочно-мышечного аппарата (слабость мышц туловища, спины и брюшного пресса) [3].

Универсальным средством физического воспитания является плавание, разносторонне воздействующее на человека. Занятия плаванием, безусловно, положительно влияют на развитие опорно-двигательного аппарата, мышечной и других систем организма ребенка. Во всех учебных методиках по физическому воспитанию представлен раздел «Плавание», но, к сожалению, лишь минимальное количество учебных заведений имеют условия для обучения плаванию. Доля детей, обучающихся плаванию в общеобразовательных школах, оста-

ется крайне незначительной (13,8%). Проведенные во многих странах опросы свидетельствуют о том, что от 30 до 70% людей не могут воспользоваться благоприятным оздоровительным влиянием плавания потому, что не умеют плавать. Среди детей процент умеющих плавать также низок. По данным Н.Ж. Булгаковой [4], наибольший вклад в решение задач обучения детей и подростков плаванию вносят летние пионерские лагеря (41,5%) и самостоятельное обучение с помощью родителей (39,3%).

Существующие методики обучения плаванию можно разделить на две группы: для обязательного (общеобразовательных школ, массового обучения и т.д.) и дополнительного образования. Таким образом, основные различия заключаются в конечной цели и задачах обучения, продолжительности периода начального обучения, количестве занятий в неделю и продолжительности отдельного занятия, последовательности изучения техники способов плавания, форме проведения занятия и методах обучения. Государственный стандарт по физическому воспитанию для средней школы (1987, 1995) включает в себя учебный материал по плаванию с третьего класса. На практике же распространено обучение детей первых и вторых классов. В комплексной программе по физическому воспитанию учащихся 1–3-х классов (1996) предусматривается формирование правильной осанки, однако не оговариваются способы и средства решения данной задачи.

Нами была разработана методика начального обучения технике плавания детей младшего школьного возраста с нарушениями осанки. Предлагаемая методика составлена для первого этапа начальной подготовки ДЮСШ по плаванию, а также для СОШ с разделением на три ступени. Методика акцентирована на работу с детьми в большом бассейне, когда ребенок не имеет контакта с дном. Она позволяет овладеть навыком плавания, исправить имеющиеся нарушения осанки, совершенствовать физическое развитие и физическую подготовленность детей. Период обучения – 9 месяцев. В основу положено освоение подготовительных упражнений в воде и в зале, изучение техники спортивных способов плавания (кроль на груди и на спине, облегченных способов плавания «брасс» и «дельфин»), а также упражнения на параллельную профилактику и коррекцию нарушений осанки. Курс начального обучения условно разбит на три этапа, каждый из которых имеет частные задачи, специфические средства и контрольные упражнения.

Для проверки эффективности методики начального обучения технике плавания был проведен педагогический эксперимент (2012/13 учебный год) в условиях МОУДОД ДЮСШ ВК «УСЦ» г. Томска им. В.А. Шевелева. В эксперименте приняли участие 30 детей в возрасте 7–9 лет, посещающих бассейн в группах начального обучения плаванию, поделенных на две равных группы (контрольную и экспериментальную). Дети контрольной группы занимались по методике и тематическому плану, разработанным тренерским коллективом бассейна МОУДОД ДЮСШ ВК «УСЦ» г. Томска им. В.А. Шевелева. Дети экспериментальной группы занимались по разработанной нами методике. До начала эксперимента группы были статистически однородны по антропометрическим данным (рост, вес, окружность грудной клетки), физическим качествам (сила, гибкость, координационные способности) и плавательной подготовленности. Оценка функционального состояния организма является одним из ключевых этапов проверки эффективности методики, так как оптимизация состояния здоровья тесно связана с процессом адаптации, который определяется функциональными резервами организма конкретного индивида. В качестве лимитирующей характеристики функционального состояния может выступать «цена» приспособительных реакций организма к физическим нагрузкам. Оценить эти параметры можно по данным вариабельности сердечного ритма в состоянии относительного покоя и при выполнении нагрузочных тестов.

Цель исследования – оценить вариабельность сердечного ритма детей младшего школьного возраста, занимающихся оздоровительным плаванием.

Для изучения вариабельности сердечного ритма использовался метод кардиоинтервалографии. Была проведена сравнительная оценка результатов исследования контрольной и экспериментальной групп, а также проанализирована внутригрупповая годовая динамика этих показателей.

Измеряемые показатели фоновой пробы (Мо, АМо, ΔХ) до педагогического эксперимента статистически значимо не различаются в контрольной и экспериментальной группах (таблица). Наблюдается статистически значимое ($p \leq 0,05$) увеличение ΔХ и Мо по окончании педагогического эксперимента среди детей, занимающихся оздоровительным плаванием по экспериментальной методике начального обучения. Это свидетельствует о повышении уровня активности вегетативной нервной системы, преимущественно ее парасимпатического отдела, и умеренном повышении активности функционирования гуморального канала регуляции. В контрольной группе наблюдаются более низкий тонус парасимпатического отдела вегетативной нервной системы и уровень активности гуморальной регуляции ритма сердца. Значения Мо в наблюдаемых группах находятся в пределах условной нормы по Баевскому (0,6–1,0 с), значения АМо не достигают нижней границы условной нормы (35–50%), а ΔХ – больше верхней границы (0,15–0,25 с). Таким образом, у детей младшего школьного возраста обеих групп (контрольная и экспериментальная), независимо от этапа наблюдения, отмечается более высокий уровень активности парасимпатического отдела вегетативной нервной системы и низкий – симпатического.

Результаты кардиоинтервалографии в наблюдаемых группах до и после педагогического эксперимента

Показатель	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	до	после	до	после
Мо, с	0,72 (0,70; 0,76)	0,70 (0,61; 0,74) ²	0,71 (0,69; 0,75)	0,84 (0,87; 0,96) ¹
АМо, %	19,48 (15,82; 22,05)	21,1 (16,21; 26,21)	19,78 (15,70; 23,24)	19,77 (15,70; 24,01)
ΔХ, с	0,28 (0,22; 0,33)	0,24 (0,21; 0,31) ²	0,29 (0,21; 0,32)	0,37 (0,30; 0,41) ¹
ИН, усл. ед.	57 (40; 63)	58 (52,5; 68) ²	56 (39; 62)	45(38; 59) ¹
ИВР, усл. ед.	60,2 (47,78; 107,19)	74,14 (56,53; 118,26)	77,41 (49,79; 87,28)	69,89 (49,35; 116,59) ¹
ВПР, усл. ед.	5,10 (4,39; 7,02)	5,52 (5,30; 8,13) ²	5,21(4,23; 5,81)	4,47 (3,74; 6,29) ¹
ПАПР, усл. ед.	27,95 (21,68; 29,45)	34,90(28,32; 38,22)	28,42 (22,51; 31,76)	32,81 (26,51; 36,04) ¹

Примечания. Мо – мода; АМо – амплитуда моды; ΔХ – вариационный размах; ИН – индекс напряжения; ИВР – индекс вегетативного равновесия; ВПР – вегетативный показатель ритма; ПАПР – показатель адекватности процессов регуляции.

¹ – статистически значимое различие ($p \leq 0,05$) между показателями до и после педагогического эксперимента внутри одной группы;

² – статистически значимое различие ($p \leq 0,05$) между показателями контрольной и экспериментальной групп по окончании педагогического эксперимента.

Помимо этого наблюдаются статистически значимые изменения ($p \leq 0,05$) расчетных показателей (ИН, ИВР, ВПР, ПАПР) в экспериментальной группе (таблица). Снижение ИН, ИВР, ВПР и увеличение ПАПР свидетельствуют об увеличении парасимпатических влияний на ритм сердца при неизменном уровне функционирования симпатического отдела и умеренной активности гуморальной регуляции. Реализующий путь управления ритмом сердца – нервный канал регуляции; не наблюдается централизации управления и активности адренергических механизмов. По окончании педагогического эксперимента в контрольной группе наблюдаются более высокие показатели ЧСС (76–94 уд./мин, в экспериментальной группе – 72–84 уд./мин), а также ИН и ВПР (таблица).

Исходный вегетативный тонус характеризуется ритмологическими показателями в период относительного покоя в горизонтальном положении пациента и оценивается по фоновому ИН как ваготония (от 1 до 29 усл. ед.), эйтония (от 30 до 90 усл. ед.), симпатикотония (от 91 до 160 усл. ед.) и гиперсимпатикотония (выше 160 усл. ед.). Среди детей, занимающихся в экспериментальной группе, до педагогического эксперимента исходный вегетативный тонус был представлен ваготонией (46,4%), эйтонией (48,2%) и симпатикотонией (5,4%). В конце года в этой группе детей с симпатикотонией выявлено не было, а ваготоники и эйтоники составили 51,8 и 48,2% соответственно. Среди детей контрольной группы до педагогического эксперимента исходный вегетативный тонус был представлен ваготонией (50%), эйтонией (34,1%), симпатикотонией (13,6%) и гиперсимпатикотонией (2,6%). В конце года также наблюдались изменения: процент ваготоников уменьшился на 11,4%, эйтоников увеличился на 11,4%, количество детей с симпатикотонией возросло на 2,3%.

Функциональный «портрет» детей, занимающихся в экспериментальной группе по разработанной методике начального обучения плаванию, представлен на рис. 1.

Результаты, полученные до педагогического эксперимента, были условно взяты за 100%. Как видно, происходит смещение кривой диаграммы в сторону увеличения таких показателей, как Мо, ΔХ, ПАПР, и уменьшения ИН, ИВР, ВПР. Таким образом, при анализе фоновой пробы кардиоинтервалографии по методике Р.М. Баевского наблюдается положительная динамика основных характеристик сердечного ритма у детей, занимающихся в экспериментальной группе. В контрольной группе отмечается небольшое напряжение механизмов регуляции, что в дальнейшем может привести к смещению гомеостаза в сторону снижения функциональных резервов организма.

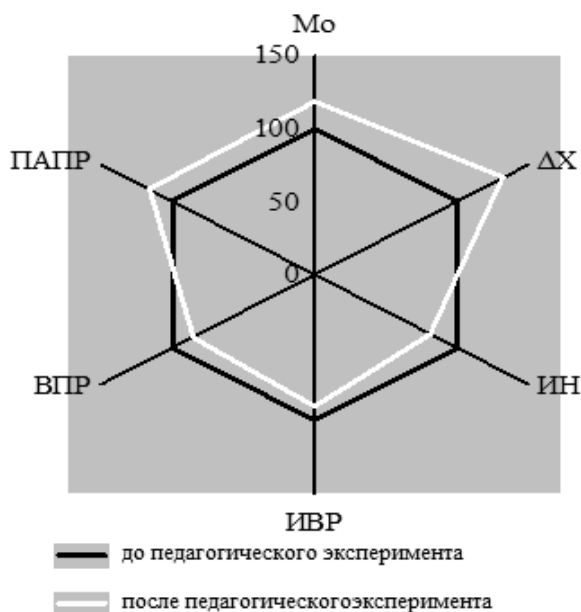

Рис. 1. Функциональный «портрет» детей экспериментальной группы до и после педагогического эксперимента (результаты до педагогического эксперимента условно приняты за 100%)

Вегетативное обеспечение деятельности исследуется при проведении активной ортостатической пробы в ортостазе в течение 10 мин (с регистрацией кардиоинтервалограммы на 6-й и 11-й мин ортостаза). В экспериментальной группе отмечается положительная динамика (рис. 2), недостаточное обеспечение деятельности по окончании педагогического эксперимента наблюдается у 8,9% детей, что на 12,5% меньше по сравнению с начальным этапом наблюдения. В контрольной группе отмечается отрицательная динамика – до 34,1% возрос процент детей с недостаточным обеспечением.

Достаточное обеспечение деятельности характеризует адекватное реагирование сердечно-сосудистой системы на предъявляемую нагрузку, т.е. адаптивные

возможности и функциональные резервы организма в пределах нормы, вегетативный гомеостаз не нарушен.

Избыточное обеспечение деятельности свидетельствует о том, что функциональные возможности организма позволяют увеличить нагрузку. У лиц с недостаточным обеспечением наблюдаются признаки вегетативной дисфункции, связанные с сохраняющейся симпатотонической либо развитием выраженной вагальной реакции, снижение адаптивных возможностей и функциональных резервов организма, развитие состояния «напряжения» механизмов регуляции сердечного ритма.

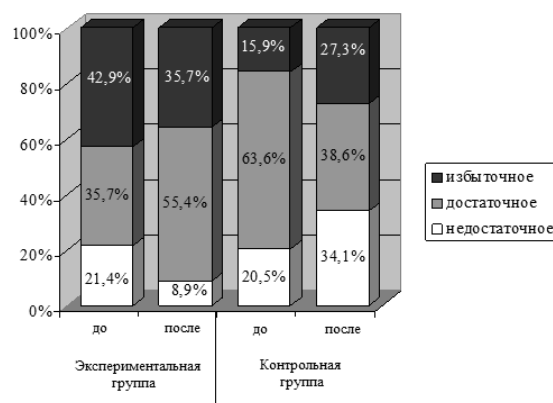

Рис. 2. Распределение детей в наблюдаемых группах по вегетативному обеспечению деятельности при проведении активной ортостатической пробы

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. При прогностической оценке уровня функциональных резервов и адекватной ей физической нагрузки следует учитывать, что у детей с достаточным обеспечением деятельности уровень функциональных резервов и адаптации соответствует получаемой нагрузке, с избыточным обеспечением – есть возможность увеличить нагрузку, с недостаточным – необходимо ее снизить. У детей с высоким уровнем функциональных резервов отмечаются сдвиг вегетативного баланса как в покое, так и в ортостазе в сторону преобладания парасимпатических влияний, более высокая степень автономизации регуляции вегетативной нервной системы. У детей с низким уровнем увеличивается степень воздействия центральных механизмов, вегетативный баланс смещается в сторону преобладания влияний симпатического отдела вегетативной нервной системы. Достаточное обеспечение деятельности способствует более высокому уровню функционального состояния организма, о чем свидетельствуют низкие фоновые значения ИН, АМо, ЧСС и более высокие значения ΔХ, оптимальная динамика значений ИН в процессе выполнения активной ортостатической пробы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобринский Б.А. Компьютерный мониторинг здоровья детского населения // Федеральный справочник. Здравоохранение России. М. : Центр стратегического партнерства, 2010. Т. 11. С. 261–264.
2. Физическое развитие детей и подростков / Аршавский И.А. [и др.]. Киев : Здоровье, 1985. 80 с.
3. Курпан Ю.И. Осанка и корригирующие упражнения // Физическая культура в школе. 2011. № 2. С. 36–39.
4. Булгакова Н.Ж. Плавание. М. : ФиС, 1984. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 18 октября 2013 г.

ТРАНСКОММУНИКАТИВНАЯ ПОТЕНЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОЭТИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Рассмотрена концептуальная модель транскоммунитивной потенциализации личности на основе теории транскоммунитивации, позволяющей верифицировать ноодинамику личности с помощью интенсивного ноэтического практикума. Приводятся результаты пилотажного исследования, подтверждающие гипотезу о влиянии ноэтического практикума на позитивные изменения креативного эйдетического потенциала воображения личности. В частности, результаты исследования эйдетической ноодинамики показывают, что соответствующее ей измененное креативное состояние сознания личности приводит не только к динамике потенциализации, но и к структурным и личностным изменениям.

Ключевые слова: личность; транскоммунитивация; потенциализация; эйдетика; ноодинамика.

Работа посвящена двум взаимосвязанным задачам: рассмотрению концептуальной модели транскоммунитивной потенциализации личности и пилотажному исследованию возможностей ее актуализации с помощью ноодинамической практики с акцентом на анализ изменений эйдетических характеристик сознания личности.

Понятие «потенциал» в современной науке является междисциплинарным и используется в широком комплексе научных дисциплин [1–4]. Впрочем, в середине XX в. Г. Олпорт относил это понятие к сомнительным заимствованиям психологии [5] из физики, аналогично понятию «механизм» и др. Однако многомерная динамическая семантика конструкта «потенциал» оказалась весьма «потенциальной», перспективной для психологии в системе холистических наук (в отличие от когнитивной метафоры «механизм» применительно к душе, которая почему-то полюбилась академическим психологам, наверное, с легкой руки Р. Декарта).

Новое дыхание это понятие получило в контексте персонологии в концепте *личностный потенциал* (Леонтьев, 2005, 2010) [6, 7]. При всей универсальности и релевантности этого понятия для всех уровней жизни – от телесной до духовной, оно сохраняет латентную традиционную тенденцию – оставаться в русле *статического* понимания этого явления, чреватого его фетишизацией. Поскольку эта инерция сохраняется в большинстве тестологических концепций личности и личностных опросников, представляется необходимым и актуальным динамическое понимание этого явления как *процесса*.

Концептуальная модель транскоммунитивной потенциализации личности. Динамическое понимание личности как транскоммунитивации (Кабрин, 1992, 2005) неизбежно приводит нас к переосмыслению психологического потенциала личности (как одномоментно фиксированного) [8, 9]. В динамическом трансформальном масштабе этот потенциал выглядит уже как *циклический процесс потенциализации* [10–12].

Чувство потенциализации делает человека несамостоятельным и через это постоянно самопроектирующимся. Минимально оно проявляется в человеке как *переживание* в буквальном смысле, т.е. как что-то большее, чем жизнь. Можно сказать, жизнь человека изначально открыта переживаниям, имеющим транскоммунитивную интенцию, ориентированную на новое. Человек не просто чувствует, но именно переживает свою потенциальность как возможность.

Переживание потенциальности интимно связано с рождением самосознания. Чувство самости ребенка непосредственно переживается как «я сам, я могу». С этим современные психологи связывают глубинную *потребность в компетентности* (Дергачева, 2002) [13]. Она является основой *внутренней мотивации* (по сравнению с внешней) и ее *автономии* (самодетерминированности), поскольку чувство «я сам, я могу» уже само по себе доставляет удовольствие и удовлетворение. Важно подчеркнуть, что чувство потенциальности рождается в переживании перехода, трансформации от «не могу» к «могу». Переживание этой трансформации есть основа чувства *достижения*. А опыт переживания таких трансформаций постоянно аккумулируется в переживании и осознании *потенциализации достижений*, являющейся ядром *творческой интенции личности*.

Переходы, «вылеты» из обычных коммуникативных процессов в транскоммунитивные связаны с открытием или освоением новых возможностей жизни. Однако такие *события* мы могли наблюдать «экспериментально» лишь в кульминационные моменты недирективных групп интерперсонального и экзистенциального опыта [14]. Это же можно наблюдать в отношениях, когда взрываются нормативные ожидания (измена, грабеж, соблазн, смерть и т.п.) и человек оказывается на пороге неопределенности.

Сложность традиционного анализа таких событий в том, что сам наблюдатель-интерпретатор должен оказаться *внутри* этого процесса. Иначе и видение, и интерпретация будут неизменно искаженными (с точки зрения постметодологической парадигмы) [15].

Нужно найти тот уровень «выхода из себя», тот *уровень децентрации*, когда процесс становится *транскоммунитивным* [12]. И тогда фазы цикла транскоммунитивной потенциализации будут выглядеть так:

- a) *стресс-мобилизация* открытости;
- b) *реориентация* и расширение взаимного принятия;
- c) *метаморфоза* – трансформация синтонности – синхронистичности отношения;
- d) *осуществление потенциала* новой формы жизни.

Ранее этот процесс мы обозначили как *стресс-транс-формацию* [9]. Его исследования подтвердили существенные связи с характеристиками личностного роста, в том числе и в рамках тренинговых программ (Лебединская, 2008; Пяткова, 2007) [12, 16, 17].

В данной модели транскоммунитивной потенциализации мы имеем следующее приближение к понима-

нию коммуникативной реализации ноодинамической жизни личности в ее неочевидной повседневности. Даже наблюдая за игрой, например теннисистов (волейболистов и пр.) высокого класса, нетрудно понять, что борьба и «победа» совершаются не в момент судейского решения, а в момент контакта *ожиданий, намерений и предвосхищений* как ноодинамических процессов в транскомуникациях игроков. Речь идет о моментальных потенциализациях удачи, победы, любви.

В целом потенциализация достижений личности – это многоплановое, многомерное, циклически развивающееся со-бытие, специфичное для разных жизненных обстоятельств. Здесь же мы приведем результаты небольшого пилотажного исследования, подтверждающего возможность исследования потенциализации, в частности, на основе ноодинамической практики, базирующейся на эйдетическом воображении.

Пилотажное исследование и его результаты. Суть ноодинамического практикума заключается в следующем. В информационном блоке участники погружаются в необычные степени свободы душевной активности. Они проявляются как лучи (векторы): а) психической энергии; б) психической информации; в) психологического пространства; г) психологического времени. В начале практикума объясняются возможности проживания и переживания этих лучей в состоянии релаксации (легкого транса) в эйдетических путешествиях. На личных примерах участников также разъясняются иницирующие и блокирующие внутренние психологические комплексы (К. Юнг) или субличности (Р. Ассаджиоли, Дж. Рейнхотер) [18–20]. В последнем случае предлагается осознать опыт актуализации субличностей в качестве полярных «внутренних голосов», соответствующих названным лучам: а) «Критика» и «Воина»; б) «Зануды» и «Пытливый»; в) «Лентяя» и «Энтузиаста»; г) «Пессимиста» и «Оптимиста». В практикуме предлагается актуализировать иницирующие субличности в процессе релаксации и эйдетических путешествий по каждому лучу. В качестве вспомогательного активирующего средства используется фоновая медитативная музыка, соответствующая смыслу каждого луча. Интенсивный ноодинамический практикум длится 3,5 часа.

Далее, после обмена впечатлениями, участники в свободной форме описывают наиболее яркие и необычные образы, возникающие в соответствующих путешествиях. Эти тексты используются для контент-анализа, репрезентирующего общий семантический контекст путешествий.

Кроме того, для анализа возможных специфических изменений на уровне сознания и личности в целом использовались:

- специально разработанная в соответствии с концепцией ноэтического практикума модификация Метода семантического дифференциала, «объекты» и «дескрипторы» которого отражали основные эйдетические аспекты практикума;

- Самоактуализационный тест (САТ) (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика, М.В. Кроз) как одна из модификаций теста Э. Шострома (POI), доказавший достаточную чувствительность к личностным изменениям в тренинге и содержащий наиболее релевантные характеристики именно личностных качеств человека.

При этом применялся традиционный сравнительный анализ по схеме «до – после».

Выборку исследования составили студенты-второкурсники заочного отделения факультета психологии в количестве 26 человек с достаточно большим возрастным разбросом от 17 до 53 лет. Поэтому для обработки материала использовалась непараметрическая статистика (на основе программы IBM SPSS Statistics 20), в частности Т-критерий Уилкоксона (с целью выявления статистически значимых различий), коэффициент ранговой корреляции Спирмена и методы описательной статистики (частотный анализ).

Характеристика общего смыслового контекста эйдетической динамики практикума на основе контент-анализа впечатлений. Наиболее яркие впечатления, зафиксированные в текстах участников, объединялись в категории, соответствующие основным структурным факторам практикума, которые иллюстрируются конкретными эмпирическими единицами текста.

Категория «Эйдос» (образ – идея – мысль) непосредственно проявилась в таких единицах счета, как «образ», «образ человека», «образ энергии», «образ вселенной», «возникла идея», «посетила неожиданная мысль», «осознала новое», «узнала тайну», «удалось увидеть образ вселенной» и пр.

Категория «Направления потенциализации» проявлялась:

- а) в психической энергии – через такие единицы, как «почувствовал энергию между ладоней», «поток энергии», «удалось ощутить тепло солнечных лучей»;

- б) психической информации – через изменение содержания: «человек изменился», «отношение к человеку стало другим»;

- в) психологическом пространстве – через такую смысловую динамику, как «удалось увидеть планету очень маленькой», «почувствовала себя клеткой внутри собственного организма», «я очень быстро ускорился, ощутил высокую скорость»;

- г) психологическом времени – через такие трансформационные переживания, как «увидела обитателей дома», «времени мне хватило, чтобы изменить в доме все, что хотелось», «было очень приятно хотя бы краешком души прикоснуться к вечности» и пр.

Категория «Фазы потенциализации» проявлялась:

- а) в стресс-мобилизации в таких фразах, как «когда я оказалась внутри собственного организма, у меня возникло чувство паники, но я направила вверх и успокоилась»;

- б) транс-переходе (реориентации) в следующих фразах: «сначала руки не поднимались, но потом они сами собой поднялись вверх, и я почувствовал энергию между ладоней, она была похожа на пульсирующий шар», «я направила энергию в сердце, после этого оно стало биться ровно и спокойно»;

- в) формации как новообразовании (метаморфозе) – в таких фразах, как «за границей вселенной я увидела тьму, потом закрыла глаза и снова открыла, меня озарил белый сияющий свет»;

- г) раскрытии потенциала (жизнь в новой форме) в следующих фразах: «когда я была в доме, то я увидела девочку, которую мне захотелось взять на руки и обнять», «у меня ощущение, что я вспомнила то, что дав-

но хотела вспомнить но никак не могла», «ощущение потока энергии» и пр.

Категория «Переживания» проявилась:

а) в позитивных переживаниях: «просто было хорошо», «почувствовала радость от возвращения на Землю», «спокойствие, отрешенность», «вдохновение», «благодарность» «возник интерес», «было очень необычно почувствовать себя клеткой в собственном организме», «появились реальные теплые чувства» и пр.

б) негативных переживаниях: «у меня возникло чувство паники», «мне было дискомфортно в собственном теле», «когда я оказалась в самом приятном месте, то это был рай, но меня оттуда прогнали», «мне хотелось просить прощения».

Категория «Ведущие субличности» была выявлена контекстуально и проявилась в совокупности категорий, указанных выше:

а) иницирующие субличности – «в образе начали появляться человеческие черты», «появились реальные теплые чувства», «удалось почувствовать энергию между ладоней», «руки поднимались сами собой», «я изменила в доме все что хотела», «интересно было почувствовать изменяемость отношения к этому человеку», «человек преобразился», «ощущение проникнове-

ния форм и возможности существования на разных уровнях» и пр.;

б) блокирующие субличности – «мой критик остался со мной», «я зануда», «когда руки поднимались, постоянно думал о том, что кого-нибудь задену», «нежелание увеличивать человека», «дверь мне никто не открыл. Я знала, что это мой дом», «не мог заставить себя поднять руки» и пр.

Из рис. 1 видно, что наиболее выраженными оказались категории «Эйдоса» и «Иницирующих сублинностей», так как сам практикум проводился с использованием метода управляемого воображения, которое предусматривает активную работу в сфере образов, идей, «мыслеформ», их динамики. Вероятно, участникам удалось актуализировать именно иницирующие субличности, которые, в свою очередь, позволили им открыться к новым (не свойственным ранее) переживаниям и погрузиться в них, погрузиться в динамику образов не фотографического, а креативного характера, что отражает одновременно фазу трансформации как новообразования. Вследствие этого участникам оказалось доступным раскрытие собственных новых возможностей потенциализации личности в целом.

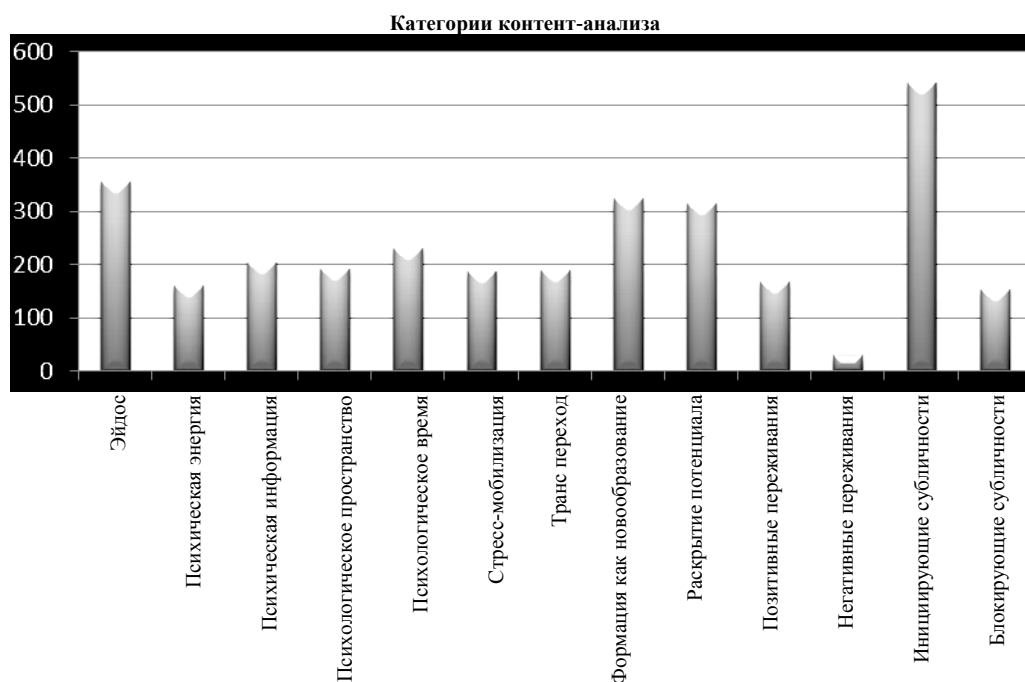

Рис. 1. Результаты контент-анализа частоты проявления значимых категорий-факторов эйдетического практикума

Отметим, что у участников были негативные переживания, однако им удалось преобразовать их в позитивные изменения, преодолеть блокирующие импульсы и почувствовать позитивную энергию стресса, что является интенцией к трансформации и раскрытию потенциала в целом.

Анализ значимых изменений эйдетических интенций личности в контексте ее потенциализации. В методике семантического дифференциала, адаптированной к специфике ноэтического практикума, объектами и дескрипторами являются эйдетические феномены, существующие в качестве семантических полей, пронизывающих друг друга, но при этом

сохраняющих свою специфику. Поэтому разделение таких семантических полей на объекты и дескрипторы будет достаточно относительным и условным [21–23]. Смысл такой ситуации наиболее кратко выразил Р.А. Уилсон: «...современная наука изображает вещи как потоки, а потоки как вещи... точно так же образы героя и злодея расплываются и становятся неоднозначными в современной литературе» [24. С. 34]. Согласно цели исследования структурными эйдетическими аспектами ноэтического практикума являлись соответственно *образ, идея, мысль* (как конкретизация эйдоса), *достижение* (как основная интенция личности) и *энергия, информация, пространство, время*

(как основные психо-ноэтические векторы потенциализации личности).

Фазы потенциализации конкретизированы в качестве дескрипторов, т.е. 16 пар антонимических прилагательных (по 4 аспекта на каждую фазу):

а) неожиданный – предсказуемый; удивляющий – пугающий; таинственный – заурядный; спонтанный – надуманный;

б) смелый – тревожащий; переориентирующий – безвыходный; новый – известный; другой – обычный;

с) меняющийся – постоянный; преобразующий – застревающий; растущий – увядающий; глубокий – поверхностный;

д) продуктивный – бесполезный; осуществимый – невозможный; безграничный – ограниченный; настоящий – нереальный.

Поскольку каждая фаза потенциализации образует многомерное семантическое поле, выбор указанных дескрипторов представляет лишь некоторые аспекты этих

полей. В силу этого же мы не ставим задачу выявления стандартного набора дескриптивных характеристик.

В табл. 1 отражены результаты исследования изменений интенсивности фаз потенциализации участников до и после практикума.

Из данной таблицы следует, что по всем фазам потенциализации произошли достоверные изменения в сторону увеличения их интенсивности. Интересным также является факт, что величина изменений монотонно уменьшается от первой фазы к последней. Это косвенно подтверждает достоверность полученных результатов в целом, так как от фазы к фазе трудность психо-ноэтических изменений качественно возрастает в соответствии с общей концепцией потенциализации достижений личности. В свою очередь это подтверждает актуальную эффективность интенсивного ноэтического практикума, но не позволяет пока делать выводы о степени пролонгированности этих изменений.

Т а б л и ц а 1

Изменения интенсивности потенциализации до и после практикума (n = 26)

Фазы потенциализации	Количество участников	Среднее значение (до практикума)	Среднее значение (после практикума)	Z	Уровень значимости
Фаза стресс-мобилизации	26	28,23	47,35	-3,795b	0,000
Фаза транса перехода	26	34,31	50,96	-3,622 b	0,000
Фаза формации как новообразования	26	40,27	54,23	-3,344b	0,001
Фаза раскрытия потенциала	26	39,77	56,23	-3,173b	0,002

Поскольку получены обнадеживающие результаты по основному предмету нашего исследования – динамике потенциализации в ноэтическом практикуме, – имеет смысл рассмотреть изменения в структурных эйдетических аспектах сознания участников. В табл. 2 представлены результаты анализа достоверности изменений этих структурных факторов.

В табл. 2 показано, что существует общая тенденция возрастания средних значений объектов (структурных психосемантических образований), представленных в семантическом дифференциале. В то же время выявлена недостоверность различий по таким семантическим объектам, как «Идея», «Энергия» и «Информация».

Эта важная методическая информация позволяет предполагать, что для трансформации образа в идею, для осознания неожиданных психоэнергетических изменений и особенно для увеличения содержательности психической информации недостаточно одноразового интенсивного ноэтического практикума. Можно предположить, что отсутствие значимых изменений по вектору «Психическая информация» связано также с тем, что большинству участников трудно было справиться с субличностью «Зануды», провоцируемой системой традиционного образования, подавляющего инициативность, пытливость, креативность, о чем в текстах признавались сами участники.

Т а б л и ц а 2

Изменение структурных образований эйдетической психосемантики сознания личности

Эйдетические аспекты	Количество участников	Среднее значение (до практикума)	Среднее значение (после практикума)	Z	Уровень значимости
Образ	26	18,27	28,27	-2,396b	0,018
Идея	26	23,65	29,50	-1,709b	0,087
Мысль	26	19,77	29,00	-2,198b	0,028
Достижение	26	16,50	25,35	-1,994b	0,046
Энергия	26	19,58	27,04	-1,868b	0,062
Информация	26	18,04	24,54	-1,321b	0,186
Пространство	26	11,15	23,73	-2,464b	0,014
Время	26	14,35	24,65	-2,464	0,014

При этом наиболее податливыми к изменениям оказались эйдетические аспекты психологического пространства и психологического времени. Участникам открываются гипермерные пространственные качества психики, увеличивающие динамичность пространственных характеристик эйдосов (экстенсивная транскомуникация). Изменения во временных эйдосах раскрывают участникам транстемпоральность душевной жизни через

преодоление границ в прошлом, настоящем и будущем, ведущее к озарению, вдохновению, просветлению (восходящая транскомуникация) [9].

Поскольку указанные выше особенности отношений между объектами и дескрипторами являются относительными и транзитивными, корреляции между ними в динамике (до и после практикума) могут показать внутреннюю транскомуникабельность, т.е. возраста-

ющую эйдетиическую потенциализацию сознания личности.

Корреляционный анализ обнаруживает при первом измерении следующие достоверные сведения:

Образ – спонтанный ($p = 0,000$), преобразующий ($p = 0,007$), осуществимый ($p = 0,000$).

Достижение – меняющееся ($p = 0,008$), преобразующее ($p = 0,023$), осуществимое ($p = 0,016$), настоящее ($p = 0,001$).

Информация – меняющаяся ($p = 0,008$), преобразующая ($p = 0,023$), осуществимая ($p = 0,016$), настоящая ($p = 0,001$).

Пространство – спонтанное ($p = 0,000$).

Во втором измерении (после практикума) в корреляции обнаруживаются уже другие акценты транзитов:

Образ – удивляющий ($p = 0,001$), меняющийся ($p = 0,002$), безграничный ($p = 0,002$).

Достижение – удивляющее ($p = 0,033$), спонтанное ($p = 0,003$), другое ($p = 0,002$), продуктивное ($p = 0,007$), настоящее ($p = 0,006$).

Энергия – продуктивная ($p = 0,003$).

Информация – удивляющая ($p = 0,033$), спонтанная ($p = 0,003$), продуктивная ($p = 0,007$), настоящая ($p = 0,006$).

Пространство – удивляющее ($p = 0,034$), спонтанное ($p = 0,003$).

Можно видеть, что после практикума все «объекты» становятся удивляющими, а не пугающими. Очень важно, что появляется ощущение психической энергии и ее связи с продуктивностью. Это подтверждает решение основной задачи практикума – актуализацию позитивной стресс-транс-формации [8] и эйдетиической потенциализации сознания личности в целом.

В контексте стратегической цели мы проверяли также предположение (достаточно маловероятное), что интенсивный ноэтический практикум, вызывающий необычные переживания в контексте измененного состояния сознания, может повлиять на изменение и существенных личностных позиций, отношений, т.е. на собственно личностные изменения. Для этого был выбран один из наиболее чувствительных к ситуативным изменениям личностный опросник – САТ. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Достоверность изменений личностных качеств по САТ (по критерию Уилкоксона)

Шкалы САТ	Z	Значимость различий
Ориентация во времени	-3,411b	0,001
Поддержка	-4,338b	0,000
Ценностная ориентация	-3,783b	0,000
Гибкость поведения	-3,033b	0,002
Сензитивность	-3,505b	0,000
Спонтанность	-3,777b	0,000
Самоуважение	-2,453b	0,014
Самопринятие	-3,530b	0,000
Представления о природе человека	-1,578b	0,115
Синергия	-3,013b	0,003
Принятие агрессии	-3,660b	0,000
Контактность	-3,970b	0,000
Познавательные потребности	-2,688b	0,491
Креативность	-4,042b	0,000

Результаты анализа различий показывают, что разовый интенсивный ноэтический практикум все-таки вызывает позитивные изменения в переживании ситуативных личностных позиций по всем шкалам. Достаточно интересным и симптоматичным здесь является факт, что недостоверными различия оказались только по двум шкалам – «Представления о человеческой природе» и «Познавательные потребности», – имеющим ярко выраженную когнитивную акцентуацию. В остальных шкалах, по которым обнаружены достоверные различия, задействована не только и не столько когнитивная модальность психики, но и более глубокие аффективные, креативные и интуитивные личностные интенции. Следовательно, подтверждается известный факт того, что в измененных состояниях сознания даже на уровне легкого транса задействуются

более разнообразные и энергоемкие душевные ресурсы личности.

В то же время достоверные структурные и личностные изменения, полученные сразу после практикума, когда участники находятся еще в измененном состоянии сознания, не позволяют делать выводы относительно их пролонгированности в будущем. Этому должны быть посвящены соответствующие лонгитюдные исследования. Можно предположить, что увеличение числа практикумов и диагностических замеров через определенные промежутки времени позволит подтвердить и более сильную гипотезу о том, что однократное, но весьма интенсивное ноодинамическое эйдетиическое погружение участников в измененные креативные состояния сознания дает новый энергетический опыт, не забывающийся и оказывающий длительное влияние на качество потенциализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галажинский Э.В. Инновационный потенциал личности: содержание, структура, пути развития: сообщение от 15 июня 2011г. // РАО: справ.-информ. портал / Российская академия образования. Сетевая версия. URL: http://www.raop.ru/content/Otdelenie_psihologii_i_fiziologii.2011.06.15.Spravka.pdf (дата обращения: 04.04.2012).
2. Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 47–103.
3. Павлова А.М. Профессионально-личностный потенциал специалиста // Феномен и понятие: материалы 3-го Всерос. съезда психологов 25–28 июня 2003 г.: в 8 т. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. Т. 6. С. 207–210.

4. Толковый словарь // Общий толковый словарь русского языка. 2012. URL: <http://tolkslovar.ru/p15719.html> (дата обращения: 05.03.2012).
5. Олпорт Г. Становление личности // Избранные труды. М. : Смысл, 2002. 464 с.
6. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Плотникова А.В., Рассказова Е.И. Возможности эмпирического исследования личностного потенциала // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России : материалы межрегион. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 259–260. URL: <http://institut.smysl.ru/article/lp.php> (дата обращения: 24.03.2012).
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Новое в психодиагностике личностного потенциала: апробация методики незаконченных предложений Вашингтонского университета // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 6–35. URL: <http://pro-psixology.ru/psixologicheskaya-diagnostika/1118-novoe-v-diagnostike-lichnostnogo-potenciala.html> (дата обращения: 31.03.2012).
8. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
9. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
10. Кабрин В.И. Комплекс психологических практик развития потенциала достижений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 116 с.
11. Лукьянов О.В. Готовность быть: Введение в транстемпоральную психологию. М. : Смысл, 2009. 231 с.
12. Транскоммуникация: преобразование жизненных миров человека / под ред. В.И. Кабрина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 400 с.
13. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Десси и Р. Райана // Современная психология мотивации. М. : Смысл, 2002. С. 165–190.
14. Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 152–164.
15. Кабрин В.И. Транскоммуникативный подход как постметодология современной нэотической психологии жизни // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М. : ИП РАН, 2007. С. 396–427.
16. Лебединская С.В. Метафора в коммуникативной самореализации личности (на примере психологического тренинга) : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2009. 197 с.
17. Пяткова О.А. Динамика транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2007. 196 с.
18. Ассаджиоли Р. Психосинтез: теория и практика. М. : ИПиКП, 2008. 384 с.
19. Рейнуотер Дж. Как стать собственным психотерапевтом / под ред. Ф.Е. Василюка. М., 1997. 224 с.
20. Юнг К.Г. Исследование феноменологии самости. М. : Рефл-бук, Ваклер, 1997. 336 с.
21. Серкин В.П. Методы психосемантики. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 80–95.
22. Charles E. Osgood, Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.
23. Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P. The Mesasurement of Meaning. Urbana, 1957.
24. Уилсон Р. Квантовая психология. К. : София, ЯНУС, 1998. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика и психология» 25 октября 2013 г.

Ю.А. Карвунис, Л.В. Капилевич, Н.А. Дружинина

ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗРАБОТКА ТУРОВ В АРГЕНТИНУ С ЭЛЕМЕНТАМИ ОБУЧЕНИЯ ТАНГО

Разработанная программа тематического тура в Аргентину с элементами обучения танго, а также калькуляция данного туристского продукта позволили четко определить сегмент потребителей танго-туров. Высокая цена танго-туров в Аргентину не может способствовать их активной популяризации, но при этом около 40% респондентов, увлеченных культурой аргентинского танго, могли бы стать потенциальными потребителями данного тура, и этого достаточно для достижения экономического эффекта проекта.

Ключевые слова: туризм; танго-туры; Аргентина.

В настоящее время в туризме становится очевидна тенденция, когда на смену пассивному пляжному туризму приходят самые разнообразные виды активного отдыха и форм путешествий [1]. Среди них набирают популярность танцевальные туры, в частности экскурсионно-образовательные туры в Аргентину. В Томске данный сегмент рынка услуг не охвачен специализированным предложением, несмотря на то что в нашем городе существует целый ряд организаций, которые занимаются обучением танго. Анализ ситуации с популярностью танго в городе Томске у различных групп населения свидетельствует о потенциальном спросе на соответствующий туристский продукт. Подобные туры могли бы представлять интерес для широкого круга потребителей, включая спортсменов и любителей танцевальной культуры танго, молодежь и лиц зрелого возраста.

Разработка нового туристского продукта, в том числе тура с элементами обучения, – сложный и многоступенчатый процесс, который включает изучение туристско-рекреационного потенциала выбранного направления, маркетинговые исследования с детальным анализом сегментов рынка и конкурентов на нем, всестороннюю оценку затрат на разработку и продвижение турпродукта. Планирование и проектирование новых туров – значимый компонент в развитии профильных предприятий туристской индустрии, обеспечивающий стабильность и прибыльность данной сферы. Для любого туристского продукта характерна двойственность: в нем одновременно содержатся качества и материального товара, и услуги. Потребитель данных предложений использует собственные финансовые средства для удовлетворения своих потребностей – как материального, так и духовного свойства. В разработанном нами проекте тура присутствует также дополнительная составляющая, не характерная для большинства подобных продуктов – обучающий компонент, сопряженный с познавательным действием и физической активностью каждого отдельного туриста. На первом этапе планирования и разработки танго-тура нами было проведено маркетинговое исследование для обоснования перспектив спроса и предложения на данный вид услуг, прогнозирования востребованности обучающего компонента в структуре рекреационно-познавательных туров.

Маркетинговое обоснование разработки танго-туров. В ходе исследования были изучены особенности танцевальных туров и перспективы реализации данных туристских продуктов в Томске. В Томске существует целый ряд организаций, которые специализируются на обучении танго или представляют данный вид обучения

в качестве одной из основных услуг. Танцевально-спортивные клубы Томска, в которых танцуют танго: «Бродвей», «Виктория», «Данс-лицей», «Движение», «Диамант-ТПУ», «Дуэт», «Золушка», ДЮСШ «Строитель», «Калейдоскоп ДТДМ», «Контраст», «Олимпия», «Твист ТГУ», «Экситон», «Элегия», студия танцев «Фiesta», студия аргентинского танго «TangoBrújо», танцевальный клуб «Наше танго» [2, 3]. Исследование показывает, что более 1000 человек в Томске самых различных возрастных категорий являются приверженцами данного танцевального направления. Еще более 2,5 тысяч человек проявляют интерес к танго через посещение танцевальных мероприятий, участие в кратковременных курсах обучения танго и др. При этом практически весь данный контингент, за исключением младших возрастных групп, можно отнести к потенциальным потребителям танго-туров.

Танго-туры в Аргентину предоставляют туристам возможность погрузиться в атмосферу аргентинского танца, взять уроки танго у известных аргентинских танцоров, ознакомиться с историей страны, посетить места, представляющие туристский интерес, реализовать потребность в общении с единомышленниками. Также можно больше узнать о происхождении аргентинского танго, побывать на различных экскурсиях и танго-шоу. За последние несколько лет в России можно отметить некоторый рост популярности у туристов поездок в Латинскую Америку, и в частности в Аргентину. Увеличилось и число инициативных туроператоров, работающих с данным направлением. К инициативным мы относим тех туроператоров, которые отправляют туристов за границу или в другие регионы по договоренности с принимающими операторами или непосредственно с туристическими предприятиями. Среди туроператоров, которые зарекомендовали себя в работе с Аргентиной, можно выделить: «Тез тур», «Глобалтрелл», «Ванд Интернейшнл тур», «Ай-Си-Эс трелл групп», «ВКО трелл», «Южный Крест», «АРТ тур», «Астрелл», «Макси тур», «Амиго тур», «Ривьера», «Гранд тур вояж». Большинство отмеченных туроператоров представлено и на томском рынке туристских услуг, но по данным, полученным от нескольких крупнейших туристских агентств города, Латинская Америка не является на данный момент массовым направлением, а туры в Аргентину выбирают лишь единицы потребителей. Проведя анализ потенциала реализации экскурсионно-образовательных туристских услуг в Томске, мы пришли к выводу, что, несмотря на наличие интереса к танго-турам у потребителей и воз-

возможностей для их реализации в нашем городе, данный сегмент рынка услуг не охвачен специализированным предложением.

На втором этапе планирования и разработки данного продукта нами была проведена подробная оценка туристского потенциала Аргентины. Под туристским потенциалом какого-либо объекта (страны, региона или отдельной территории) понимается совокупность имеющих непосредственное отношение к данному объекту природных и иных тел и явлений. К данному определению относятся условия, возможности и средства, которые могут быть использованы для формирования туристского продукта и реализации соответствующих туров, программ или экскурсий. Также под потенциалом понимаются памятники истории и культуры, достопримечательности, включающие как этнокультурные особенности территории, так и заповедные зоны.

Туристско-рекреационный потенциал Аргентины.

Аргентина привлекает туристов разнообразием природных ресурсов, уникальными традициями и кухней, развитой туристской инфраструктурой. Не менее важной характеристикой государства, способствующей развитию туристской индустрии, является ее относительная благоприятная обстановка криминальной безопасности (в сравнении с соседними странами) и отсутствие ксенофобных настроений у местных жителей по отношению к гостям. Для развития туризма в данной стране одним из важнейших факторов является благожелательность аргентинцев к иностранцам, и в особенности к российским гражданам. Русский для местных жителей – это прежде всего образованный европеец, носитель уникальной культуры. Следует отметить, что именно данный показатель гостеприимства страны является одним из приоритетных и влияющих на выбор туристов по данному направлению.

Территория государства простирается от Андийских Кордильер на западе до пляжей Атлантического океана, неприступных прибрежных скал Аргентинского моря и крупных рек на востоке, доходя на юге до самого побережья Антарктиды [4]. По данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО), в 2010 г. страну посетило более 5 млн туристов, что обеспечило 4,9 млрд долларов поступлений в экономику страны. В последние десятилетия Аргентина является второй по посещаемости страной Южноамериканского континента и четвертой в американском туристском макрорегионе.

Буэнос-Айрес – столица государства, один из самых красивых городов мира, который может быть сравнен своими архитектурными чертами с европейскими городами, но при этом обладает латиноамериканским своеобразием. Именно данная особенность города привлекает к себе миллионы туристов ежегодно. Буэнос-Айрес является административным, экономическим и культурным центром страны, при этом он третий по величине город Южной Америки с населением более 12 млн человек. Город известен своими проспектами, высотными зданиями и многочисленными благоустроенными парками. Территориально он разделен на 47 районов. Среди представляющих туристский интерес и имеющих определенное историко-культурное значение частей города можно выделить районы Сан Тельмо, Бока, Риколета. Описания их имеются во всех современных путеводителях по Буэнос-Айресу и иных информационных туристских изданиях.

Сравнительно хорошо развита транспортная инфраструктура, туристско-экскурсионные предприятия, индустрия общественного питания и развлечений [4].

Культурно-историческая уникальность Буэнос-Айреса формировалась под воздействием танго. Танец возник на окраинах этого города, получил признание среди небогатых слоев общества и затем распространился по всему миру. «День танго» ежегодно празднуется в городе 11 декабря. Танго можно увидеть на сцене театров, его танцуют в кафе и ресторанах. В столице проходит ежегодный международный фестиваль, который привлекает как профессиональных танцоров, так и любителей из многих стран.

Еще одной страстью жителей столицы является футбол. В Буэнос-Айресе несколько стадионов, самым известным является «Бомбонера». Городу принадлежит первое место в мире по вместимости зрительской аудитории на футбольных стадионах.

Буэнос-Айрес можно охарактеризовать как город с активной ночной жизнью. Многочисленные рестораны, бары, кафе, где проходят концерты музыкальных групп, тематические танго-шоу, работают практически в круглосуточном режиме. Благодаря различным ночным театрам и кинотеатрам Буэнос-Айрес никогда не спит. В городе насчитывается около 4 000 предприятий общественного питания, среди которых изысканные и дорогие рестораны, заведения международных сетей быстрого обслуживания, закусочные. В последние годы появились новые гастрономические районы, например Пуэрто-Мадеро, Палермо Вьехо и Лас Каньитас. Таким образом, проведя исследование туристского потенциала Аргентины, и в частности Буэнос-Айреса, мы сделали выводы о возможности разработки нового тематического туристского продукта в данном направлении.

Проектирование нового туристского продукта с элементами обучения. Проектирование услуги «туристское путешествие» предусматривает два основных этапа. Первый – проектирование каждого тура, включаемого в услугу «туристское путешествие», в соответствии с программой обслуживания туристов. Второй – проектирование услуги «туристское путешествие» в целом. При проектировании услуги по запросам туриста необходимо учитывать возможности предприятия – исполнителя услуги. Краткое описание услуги «туристское путешествие» составляется на основе изучения потребностей и платежеспособности населения, спроса на виды туристских путешествий, а также на основе изучения возможностей рекреационных ресурсов в конкретном районе. Информация конкретизируется в проекте программы обслуживания туристов [5].

Непосредственно в программе обслуживания прописываются: количество туристов, маршрут путешествия, продолжительность пребывания в каждом пункте маршрута, перечень туристских предприятий – исполнителей услуг и период их предоставления, содержание экскурсионного обслуживания, комплекс досуговых мероприятий, виды транспорта, потребность в гидах, инструкторах, переводчиках. Также программой предусматривается порядок подготовки рекламных, информационных материалов и их количество.

Результатом проектирования тура является правильное содержание пакета документов: технологической карты туристского путешествия, графика загрузки предприятия

тия – поставщика услуг, информационного листка к туристской путевке, программы обслуживания туристов.

Общие требования к туристской услуге, изложенные в ГОСТ Р 50690-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Туристские услуги. Общие требования», подразделяются на обязательные и рекомендуемые. Обязательные требования – безопасность жизни и здоровья, сохранность имущества туристов и охрана окружающей среды. Рекомендуемые – соответствие назначению, точность и своевременность исполнения, комплексность, этичность обслуживающего персонала, комфортность, эстетичность, эргономичность. Предоставляемые туристские услуги должны соответствовать требованиям, предусматривающим дополнительные удобства для потребителей, привлекательность и престижность услуг [6]. Учитывая все факторы, отмеченные в работе, мы приступили к разработке проекта, направленного на формирование и продвижение в нашем городе танго-туров как интересного и обладающего спортивно-оздоровительным эффектом туристского продукта.

Примерное содержание познавательного и обучающего компонента программы тура:

1. Обучение аргентинскому танго. Задача курса – осознать и почувствовать принципы движения в танго, благодаря чему в дальнейшем турист сможет создавать свой стиль, чувствовать себя свободно и легко. Это не заучивание фигур и связок, а складывание полученной техники и элементов в интересную мозаику под названием танго.

2. Посещение шоу танго. Турист сможет увидеть и услышать танго, а также узнать об истории танго. Танец восхитителен тем, что на протяжении 1 часа и 45 минут будут разгораться страсть и ностальгия, радости и печали, чувства и желания. На сцене более 20 артистов и оркестр, в котором главным музыкальным инструментом является бандонеон, раскроют душу аргентинского танго в танцах и песнях и одарят яркими эмоциями.

3. Посещение милонги. Милонга – это танцевальный зал, где проводятся вечера танго. Традиционно это кафе или ресторан, но может быть и танцзал, и даже уличная площадка.

4. Участие в показательном выступлении танго-шоу. По завершении обучения у туристов будет возможность принять участие в показательном выступлении танго-шоу. Все туристы получают грамоты и призы, свои фотографии с известными танцорами этого стиля.

Информационное обеспечение проектирования танго-тура. Формирование многодневного тура включает в себя разработку качественного информационного сопровождения для подготовки и осведомленности туриста о предстоящей поездке. Информационное сопровождение включает в себя рекламно-информационные издания: листовки, буклеты, брошюры, каталоги, видеофильмы, презентации тура, путевую информацию. В процессе

формирования тура производится распространение рекламной информации для привлечения внимания к туру потенциальных клиентов и набора группы. Перед поездкой проводится собрание, на котором турист информируется о технике безопасности на маршруте и правилах поведения в местах пребывания, возможных погодных условиях и необходимом снаряжении.

Созданный туристский продукт (тур) подразумевает его обязательное методическое обеспечение. Методическое обеспечение воплощается в виде подготовки специальной технологической документации, описывающей тур, процессы его производства и услуги, предоставляемые туристам. Это необходимо для четкой, оперативной и гибкой работы, а также для возможности постоянного контроля содержания тура и для его совершенствования. Состав и содержание технологической документации туров предусмотрены нормативными документами Российской Федерации, направленными на защиту прав потребителей. Они контролируются в процессе проведения сертификации туристской продукции. Технологическая документация комплектуется в папки туров (или направлений). В набор технологической документации для каждого тура обязательно включаются технологическая карта туристского путешествия по маршруту и информационный листок к путевке туристского путешествия; эти документы были также разработаны нами в процессе проектирования танго-тура.

Выводы:

1. При анализе особенностей планирования и организации туров были выделены основные компоненты содержания и программирования туристского обслуживания продукта определенной тематики, включающего элементы обучения и специализированной досуговой составляющей. Обозначена необходимость проведения ряда маркетинговых мероприятий на протяжении всего цикла создания и продвижения туристского продукта для обеспечения экономической выгоды туристского предприятия.

2. Исследование туристско-экскурсионного потенциала Аргентины может служить основой проектирования экскурсионной и досуговой программы, а также способствовать выбору средств размещения, питания и транспортного обслуживания при разработке туристских путешествий в данную страну.

3. Разработка программы тематического тура в Аргентину с элементами обучения танго, а также калькуляция данного туристского продукта, позволили нам достоверно определить сегмент потребителей танго-туров. Высокая цена танго-туров в Аргентину не может способствовать их активной популяризации, но при этом около 40% респондентов, увлеченных культурой аргентинского танго, могли бы стать потенциальными потребителями данного тура; этого будет достаточно для достижения экономического эффекта проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркетинговые исследования в области международного туризма* // Refland. URL: <http://www.refland.ruwww.refland.ru/page1103-2.html> (дата обращения: 22.05.2013).
2. *Все о танго* // TangoVivo. URL: <http://www.tangovivo.ru/vse-o-tango> (дата обращения: 5.06.2013).
3. *Танцы в Томске*. URL: <http://tofts.ru/> (дата обращения: 4.04.2013).
4. *Аргентина* // Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аргентина> (дата обращения: 3.06.2013).
5. *Квартальнов В.А.* Стратегический менеджмент в туризме: Современный опыт управления : учеб. М., 2009. 458 с.
6. *Черных Н.Б.* Технология и организация туроператорской и турагентской деятельности : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Советский спорт, 2005. 360 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 27 сентября 2013 г.

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СИТУАЦИИ ВЫБОРА И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Рассматривается проблема преодоления человеком неопределенности в ситуациях выбора и принятия решения. Изучаются основные теоретические подходы к проблеме. Анализируются такие способы преодоления неопределенности, как обращение к ценностям, знакам свыше, вере, инстинктам и чувствам, обращение к разуму, обращение за советом. Приводятся результаты авторского исследования по изучению способов снижения неопределенности. Рассматривается возможность использования игровых (социальных) ролей в качестве способа снижения неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность; способы преодоления неопределенности; «футурошок»; принятие решений; групповое обсуждение; игровые (социальные) роли; ценности.

Современный мир характеризуется процессами изменений: меняются политика, экономика, уклад и образ жизни человека. Постоянно увеличиваются скорость изменений, темпы роста и развития. Все это, с одной стороны, является шагом вперед в развитии человечества, показателем прогресса, с другой – эти процессы порождают нестабильность, неопределенность, в результате чего человек не успевает адаптироваться к новым условиям и приспособиться к ним. Согласно исследованиям (Е.П. Белинская, А.Л. Галин, В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, А.В. Луков, В.Ю. Пашкус, О.В. Фабер, А.А. Федоров), отрицательные реакции на неопределенность могут вызывать чувство тревоги и фрустрации, поэтому многие люди боятся не только неопределенности, но и ситуаций выбора при принятии решений, теряя тем самым свое «я».

В 1965 г. Э. Тоффлер [1] ввел термин «футурошок» («страх будущего»), чтобы описать стресс и дезориентацию, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок. На основе своих многочисленных наблюдений и исследований автор пришел к двум выводам:

- боязнь будущего является не просто возможной отдаленной опасностью, а реальной болезнью, от которой страдает все большее количество людей (боязнь перемен);

- люди абсолютно несведущи в том, как человеческое существо приспосабливается в нынешней обстановке, меняющейся стремительнее, чем любая другая, в которой когда-либо оказывался человек (проблема адаптации).

По мнению В.П. Зинченко [2] и Т.В. Корниловой [3], всякое живое существо боится неизвестности, постоянно стремится к определенности, поэтому для того чтобы адаптироваться в актуальной ситуации, человеку необходимо преодолеть эту неопределенность. Получается, что суть человеческого бытия – это постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований для его решений и действий. Однако когда человек находит эту определенность, он стремится от неё убежать, чтобы его не настигла предопределенность.

Многие ученые (А.Л. Галин, И.А. Гусев, В.П. Зинченко, О.А. Кондрашихина, Е.П. Кринчик, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Шопенгауэр) обращались в своих работах к вопросу о способах преодоления человеком неопределенности.

Так, В.П. Зинченко [2] предлагает несколько способов преодоления неопределенности (в основном в науке), среди них:

- постулирование определенности (даже предопределенности);

- деятельность в целом, в том числе её ориентировочно-исследовательские компоненты;

- разум.

Однако, по мнению автора, все эти возможные средства имеют некоторые ограничения и не решают полностью проблему неопределенности в науке.

В качестве одного из средств снижения неопределенности могут выступать так называемые знаки свыше. По мнению Ж.-П. Сартра [4], в ситуации неопределенности человек испытывает состояние тревоги и ждет, что ему будет дан знак свыше, который подскажет правильный выбор. При этом автор подчеркивает, что даже если человек «слышит голос» – только он сам может решить, «голос ли это ангела или дьявола». Поэтому чаще всего выбирать человеку приходится самостоятельно, без каких-либо ориентиров.

Еще одним возможным способом снижения неопределенности и ориентиром при принятии решений, по мнению С. Кьеркегора [5] и Ж.-П. Сартра, могут выступать ценности. В наиболее общем виде ценности определяются как свойства разного рода объектов и явлений, которые делают их желаемыми, значимыми для людей [6]. Однако современные ценности очень часто являются слишком «общими» для отдельно взятого случая. Следовательно, в некоторой степени ценности определяют важность, значимость тех или иных явлений для человека, могут выступать как фактор снижения неопределенности, однако в настоящее время и сама система ценностей претерпевает серьезные изменения, поэтому не всегда ценности служат критерием и ориентиром.

В неопределенной ситуации выбора человек может обратиться также к своим чувствам и инстинктам. Однако и здесь возникают некоторые сложности. Р. Декарт, развивая свой постулат *cogito ergo sum*, говорит о том, что ничему нельзя доверять: ни чувствам, ни восприятиям, ни эмоциям. К тому же осознать свое чувство по отношению к конкретному выбору человек может только после того, как выбор уже сделан, поступок совершен. Ж.-П. Сартр пишет: «...я могу установить значимость данного чувства лишь тогда, когда уже совершил поступок, который утверждает и опре-

деляет значимость чувства. Если же мне хочется, чтобы чувство оправдало мой поступок, я попадаю в порочный круг» [4. С. 330]. При этом не стоит упускать из виду, что чувства, которые человек реально испытывает и которые он изображает, почти не различимы и переходят друг в друга. Чувства человека создаются поступками, которые он совершает. Из всего вышесказанного следует, что очень часто человек не может опираться на свои чувства при выборе и принятии решения. Чувства не снижают неопределенности ситуации выбора, хотя они могут, в некоторой степени, ретроспективно определить степень значимости совершенного поступка.

Согласно ряду исследований (А. Гелен, З. Фрейд, К.Г. Юнг), обращение к инстинктам может выступать еще одним способом преодоления и снижения неопределенности. По данным исследований физиологов, этологов, зоопсихологов, поведение животных обусловлено по большей части врожденными программами инстинктов. Такие врожденные формы поведения представляют собой обобщение, итог эволюции вида, совокупность реакций, необходимых особи для выживания и продолжения рода. Эти программы наследуются животными и передаются из поколения в поколение. При этом они достаточно устойчивы и не изменяются под влиянием случайных перемен во внешней среде, но в то же время относительно гибки и пластичны, чтобы обеспечить выживание в экстремальных условиях [7]. В отличие от животных, у человека гораздо меньшее число инстинктов, и они, как правило, направлены на сохранение биологического выживания, в ситуациях же социальной, специфичной для человека неопределенности инстинкты практически бессильны.

В качестве специфичного для человеческого общества способа снижения неопределенности может выступать обращение за советом к другим, более компетентным в данном вопросе людям. Однако, по мысли Сартра [4], в поисках совета человек сам выбирает советчика, к которому он обратится (а к какому – нет), а значит, и примерно представляет, какого характера будет этот совет. К тому же, что бы ни сказал советчик, искатель совета проинтерпретирует его слова так, как считает нужным. То есть обращение за советом является лишь своего рода иллюзией, которая, несомненно, придает большую уверенность в том или ином выборе, способствует субъективному ощущению снижения не-

определенности, является поиском аргументов в пользу того или иного выбора. Но в реальности не является способом снижения неопределенности и внешним ориентиром при принятии решения.

Таким образом, теоретический анализ имеющейся литературы по проблеме преодоления неопределенности показал, что в качестве способов, снижающих неопределенность, можно выделить: обращение к ценностям, знакам свыше, вере, инстинктам и чувствам, обращение к разуму, обращение за советом. Однако ни один из предложенных способов не является универсальным способом снижения и преодоления неопределенности, хотя, безусловно, все они могут в некоторой степени снизить субъективное ощущение неопределенности, придать уверенности, создать иллюзию ориентира и способствовать действию, выбору человеком той или иной альтернативы. Поиск универсального средства преодоления неопределенности, возможно, представляет перспективу научных и практических исследований. Получается, что, с одной стороны, такие способы есть и их довольно много, а с другой – они не являются универсальными и не всегда оказываются эффективными.

Для раскрытия характера влияния некоторых выявленных в ходе теоретического анализа способов преодоления и снижения неопределенности нами было проведено собственное исследование. Испытуемым предлагалась для обсуждения неопределенная ситуация, которую нужно было обсудить и принять решение (сначала личное, потом – совместное). В качестве показателей снижения неопределенности рассматривались оценки испытуемыми своей уверенности в правильности (от 0 до 100%) и привлекательности принятого решения (с помощью выбора цветовых ассоциаций). Также испытуемым предлагалось заполнить несколько опросников и анкету обратной связи. В качестве испытуемых выступили студенты вузов от 18 до 25 лет, общая численность выборки составила 122 человека (33 мужчины и 89 женщин).

На первом этапе исследования изучалось влияние ценностей на снижение субъективного восприятия неопределенности. Для этого испытуемым было предложено перейти по методике Ш. Шварца «Опросник ценностей». Были получены следующие результаты (рис. 1).

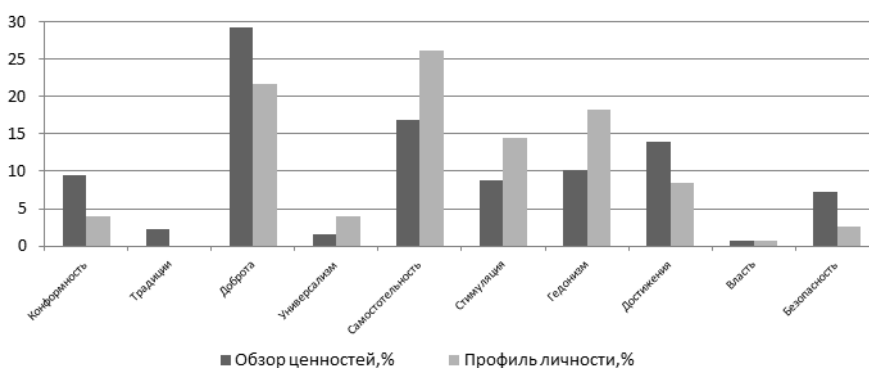

Рис. 1. Распределение ценностей по выборке в целом («Обзор ценностей», «Профиль личности»)

По рисунку видно, что ведущими ценностями для испытуемых являются Доброта, Самостоятельность и Гедонизм, менее значимыми оказались Традиции, Универсализм и Власть. Следует отметить, что наблюдается некоторое рассогласование ценностных представлений между ценностями как основополагающими принципами жизни, и ценностями реализуемыми в реальном поведении испытуемых. Так, например, ценности Самостоятельность, Стимуляция и Гедонизм более выражены в реальном поведении, а такие ценности, как Доброта и Достижения чаще постулируются как ценность, но реже проявляются в реальном поведении испытуемых. Это вполне соответствует особенностям возрастного периода. Также следует отметить некоторую противоречивость индивидуальных ценностных предпочтений, например, у многих испытуемых на одной ступени значимости стоят ценности Самостоятельность и Конформность, Достижения и Безопасность, Доброта.

При обработке полученных результатов сопоставлялись показатели уверенности в правильности и привлекательности принятого решения и преобладающие ценности. При этом статистически значимого влияния ценностей на субъективную оценку принятого решения выявлено не было.

На втором этапе изучалось влияние уровня субъективного контроля (УСК) на восприятие неопределенности. Испытуемым было предложено заполнить бланк методики «Уровень субъективного контроля». Результаты оказались следующими: из 122 человек 59% (72 человека) испытуемых имеют экстернатальный уровень субъективного контроля и соответственно 41% (50 человек) – интернатальный УСК. Однако статистически значимого влияния УСК на степень уверенности в правильности принятого решения, а также привлекательности принятого решения обнаружены не были.

На третьем этапе изучался фактор присутствия группы, возможность группового обсуждения как способ снижения неопределенности ситуации. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика показателей уверенности в правильности и привлекательности принятого решения после группового обсуждения

Динамика показателя	Уверенность в правильности принятого решения, %	Привлекательность принятого решения (по рангу цветовых ассоциаций), %
Повысился	37,7	27,9
Не изменился	36,9	29,5
Понизился	25,4	42,6

Как видно из табл. 1, уверенность в правильности принятого решения в результате группового обсуждения у 36,9% испытуемых осталась без изменений, у остальных этот показатель либо повышался, либо понижался. Проценты распределены равномерно, следовательно, однозначных выводов сделать нельзя. Что касается привлекательности принятого решения, то у большинства испытуемых ранг цвета понизился, получается, что по этому показателю группа не только не снижает неопределенность, но и оказывает специфическое влияние, в результате которого привлекательность

принятого решения после группового обсуждения снижается.

Экспериментальное исследование также включало четвертый этап, на котором были выявлены интересные закономерности. В ходе эксперимента испытуемые делились на две группы в зависимости от предложенной им инструкции. Инструкция касалась игровой роли, которая доставалась испытуемым – часть испытуемых выступала в роли «друзей», остальные – в роли «участников комиссии по трудовым спорам». Динамика исследуемых показателей в зависимости от игровой роли представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей уверенности в правильности и привлекательности принятого решения в зависимости от инструкции

Динамика показателя	Уверенность в правильности принятого решения, %		Привлекательность принятого решения (по рангу цветовых ассоциаций), %	
	«Комиссия»	«Друзья»	«Комиссия»	«Друзья»
Повысился	32,8	42,6	19,7	36,1
Не изменился	41	32,8	47,5	37,7
Понизился	26,2	24,6	32,8	26,2

Как видно из табл. 2, процент испытуемых, степень уверенности которых понизилась в результате группового обсуждения, примерно одинаков в обеих группах: процент тех, кто не изменил своей оценки после группового обсуждения и принятия решения, несколько больше среди представителей «комиссии по трудовым спорам»; а процент испытуемых, уверенность которых возросла после группового обсуждения, выше среди «друзей». То есть получается, что для «друзей» групповое обсуждение, возможность посоветоваться с «друзьями» в некоторой степени снижают неопределенность ситуации, чего не происходит с группой «членов комиссии», для которых наличие группы не оказывает большого влияния на уверенность в принятом решении. Такие результаты подтверждаются и ответами на вопросы анкеты обратной связи, где большинство участников «комиссии» ответили, что группа не сыграла никакой роли в принятии решения. «Друзья» в своих ответах чаще говорили о важной, значимой и большой роли группы в процессе принятия решения. Хотя эти различия не являются статистически значимыми, выявленные тенденции представляют научный и практический интерес и обосновывают актуальность дальнейших исследований данных феноменов.

Что касается привлекательности принятого решения, испытуемые, выступавшие в роли «друзей», чаще, чем «члены комиссии», для оценки группового решения выбирали цвет с более высоким рангом. Эти различия подтвердились в ходе математико-статистического анализа с помощью критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера). Различия достоверны на 5%-ном уровне значимости ($\phi^* = 2,04$). Для большинства «участников комиссии» ранг цвета после группового обсуждения понизился, такие результаты косвенно могут свидетельствовать о том, что «друзья» остались удовлетворены групповым обсуждением и принятием решения в большей степени, чем «члены комиссии». Такие дан-

ные также могут косвенно говорить о том, что в результате группового обсуждения ситуации ее неопределенность снижалась для группы «друзей», чего не происходило с группой «представителей комиссии». На основе полученных результатов можно сделать вывод, что, возможно, именно игровая роль воспринималась испытуемыми как нечто определенное, ориентир, на который они опирались, средство снижения неопределенности.

Таким образом, результаты эмпирического исследования подтверждают выводы теоретического анализа о том, что ценности, личностные особенности, возможность получить совет других не являются универсальными средствами для снижения неопределенности. Некоторые из них могут несколько снизить её в субъектив-

ном восприятии, другие – завуалировать. Также было выявлено несколько тенденций, которые позволяют сделать вывод, что в качестве одного из способов снижения неопределенности в ситуации выбора и принятия решения может выступать использование игровых ролей. Полученные результаты позволяют расширить научные представления о феномене неопределенности и способах ее преодоления, составляют основу для психологической и педагогической работы по формированию толерантности к неопределенности и обучению преодолению ситуаций неопределенности. Перспективу исследования составляют поиск универсальных способов преодоления неопределенности в ситуации выбора и принятия решения, а также экспериментальные исследования с использованием игровых ролей другого характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
2. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.
3. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. № 3 (11).
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Ж.-П. Сартр. Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
5. Кьеркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Кьеркегор С. Наслаждение и долг / пер. П. Ганзена. Киев, 1994. 504 с.
6. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М. : Проспект, 2009. 512 с.
7. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. 6-е изд. М. : Психология, 2003. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 октября 2013 г.

ТРУДНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ» СТУДЕНТАМ ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Трудности преподавания дисциплины «Основы математической обработки информации» студентам гуманитарных направлений подготовки во многом связаны с переходом к федеральным государственным стандартам высшего профессионального образования третьего поколения. Выделены трудности, связанные с проектированием содержания учебной дисциплины; трудности оперирования студентами гуманитарных направлений подготовки абстрактным материалом: математическими понятиями и выражениями; трудности, вызванные необходимостью обработки больших потоков информации с помощью прикладных компьютерных программ.

Ключевые слова: студенты гуманитарного направления; трудности учения; трудности преподавания.

Одной из основных причин отчисления студентов из вуза была и остается академическая неуспеваемость, связанная с невозможностью для части студентов самостоятельно преодолевать возникающие в учении трудности. При этом трудности в учении являются закономерным и неизбежным эффектом продвижения личности вперед, так как только преодолевая трудности человек становится личностью.

Практика подготовки бакалавров различного профиля показывает, что студенты по-разному воспринимают учебные предметы с позиций их значимости, сложности и субъективной трудности. Как правило, к наиболее сложным относятся дисциплины математического и естественнонаучного цикла, особенно для студентов гуманитарных направлений подготовки.

Математические дисциплины вызывают у студентов, особенно у студентов-гуманитариев, трудности в учении, которые ведут к снижению качества усвоения знаний, к появлению академической неуспеваемости, к неумению использовать математические знания при изучении профильных курсов по направлению подготовки, а затем и непосредственно в своей профессиональной деятельности.

Проблема заключается в противоречии между намерениями студентов, поступивших в вузы, получить соответствующее образование и занять свое место в обществе и их возможностями самостоятельно преодолевать возникающие в учении трудности.

Разрешение этого противоречия способствует решению важной для вуза задачи сохранения контингента студентов или, по крайней мере, сокращения их «отсева» за период обучения по причине академической задолженности (неуспеваемости), что значимо и с гуманитарической, и с социальной, и с экономической позиций.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения сделан акцент не просто на преподавание математики студентам гуманитарных направлений подготовки; в базовую часть математического и естественнонаучного цикла введена дисциплина «Основы математической обработки информации», изучение которой связано не столько со знанием классических основных положений математики, сколько с логикой и культурой мышления, с исследовательскими умениями и овладением методами ста-

тистической обработки экспериментальных данных. В результате изучения данной дисциплины бакалавр должен знать математические методы анализа и обработки информации, владеть методами сбора и обработки данных. Выпускник должен овладеть следующими общекультурными компетенциями:

- культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);

- способностью использовать знания о современной естественнонаучной картине мира в образовательной и профессиональной деятельности, применять методы математической обработки информации, теоретического и экспериментального исследования (ОК-4);

- готовностью использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, работать с компьютером как средством управления информацией (ОК-8) [1].

Требования, в отличие от предыдущих стандартов, сформулированы достаточно обще и не накладывают жестких ограничений на разработку курса. Следовательно, ФГОС ВПО третьего поколения «перекладывает» функцию отбора содержания дисциплины на непосредственного разработчика. Подтверждением этой мысли может служить факт значительной дифференциации учебных (рабочих) программ.

В табл. 1 и 2 представлено содержание одноименных курсов «Основы математической обработки информации», разработанных преподавателями Мурманского государственного гуманитарного университета (МГГУ) [2] и преподавателями Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) [3].

Предлагаемое преподавателями МГГУ содержание учебной программы представляет собой аналогию (переработку) части «Математика» общеобразовательного курса «Математика и информатика», присутствовавшего в более ранних версиях стандарта ряда педагогических специальностей. Можно выделить следующие особенности программы:

- 1) повторное рассмотрение материала школьного курса (числа, элементы логики, множества, элементы теории вероятностей и математической статистики);

- 2) в рамках данной программы сложно продемонстрировать практическую, профессиональную направленность курса.

Таблица 1

Содержание курса «Основы математической обработки информации», МГГУ
1. Роль математики в современном мире. 2. Числа. Виды чисел. Системы счисления. 3. Аксиоматический метод. 4. Математическая логика: высказывания, операции над высказываниями; составные высказывания, логические формулы; таблицы истинности и равносильные преобразования. 5. Множества и отношения: множества и подмножества, операции над множествами; бинарные отношения. 6. Комбинаторика: общие правила комбинаторики; схема выбора, приводящая к размещениям (без повторений); схема выбора, приводящая к перестановкам (без повторений); схема выбора, приводящая к сочетаниям (без повторений). 7. Элементы теории вероятностей и математической статистики: случайные события и операции над ними; вероятность случайных событий; операции над вероятностями. 8. Элементы математической статистики: алгоритм построения интервального вариационного ряда; основные характеристики вариационного ряда. 9. Математические модели: эвристические модели; математические модели; разновидности моделирования; классификация математических моделей.

Содержание курса «Основы математической обработки информации», используемое преподавателями ТГПУ, на первый взгляд, в большей степени направлено на сбор, обработку и анализ информации. При общем сходстве рассматриваемых положений, в этом варианте программы каждая тема конкретизируется на обработке и интерпретации информации с помощью математических методов. Работа с информацией сводится в основном к методам первичной обработки, которые применяются в психодиагностических методах и являются итогом начальной статистической обработки результатов диагностики. К ним относят: определение среднего арифметического, дисперсии, моды и медианы.

Таблица 2

Содержание курса «Основы математической обработки информации», ТГПУ
1. Роль математики в современном мире. Особенности обработки информации с помощью математических методов. 2. Основные средства представления информации в математике (формулы, таблицы, графики, диаграммы). 3. Математические модели как средство работы с информацией: функция как математическая модель; уравнения и неравенства как математические модели. 4. Использование элементов логики при работе с информацией: высказывания и операции над ними; основные законы логики; одноместные предикаты; запись умозаключений с помощью логических формул. 5. Элементы комбинаторики как средство обработки и интерпретации информации: понятие комбинаторной задачи; основные формулы комбинаторики. 6. Элементы теории вероятностей, их использование при обработке информации: классический подход к понятию вероятности случайного события; свойства вероятности; теоремы сложения и умножения вероятностей; дискретные и непрерывные случайные величины; нормальный закон распределения вероятностей, применение свойств нормального распределения для обработки информации. 7. Элементы математической статистики в обработке и интерпретации информации: основные понятия статистики; числовые характеристики выборки; первичная обработка опытных данных при изучении случайных величин; основные статистические графики как способы представления и интерпретации информации.

Большие возможности для обработки информации могут предоставить вторичные методы статистической

обработки, с помощью которых на базе первичных данных выявляют скрытые статистические закономерности. К вторичным методам статистической обработки информации относят: корреляционный анализ, регрессионный анализ, факторный анализ, методы сравнения первичных данных двух или нескольких выборок. С их помощью проверяются, доказываются или опровергаются гипотезы, связанные с эмпирическим исследованием. Особенно острой является проблема непонимания, и как следствие неуспеваемости, среди студентов гуманитарных направлений подготовки при изучении методов многомерного исследования (многомерное шкалирование, кластерный, факторный анализ, многомерный дисперсионный и регрессионный анализ).

Данные методы обработки информации требуют от студентов хорошей базовой математической подготовки: понимания логики рассуждения, знания основных математических формул, умения оперировать ими. Одна из трудностей изучения математики и других математических дисциплин в данной ситуации заключается в том, что изучать их предстоит тем, кто уже мысленно распрощался с математикой после окончания школы и полагал никогда больше с ней не встретиться. Трудности при изучении возникают прежде всего из-за слабой школьной подготовки по математике, вследствие чего у некоторых студентов появляются изначальное неприятие материала и нежелание его изучать.

Другая проблема связана с отсутствием учебников, рассчитанных именно на такую аудиторию. Ясно, что программы математического цикла для студентов гуманитарного и инженерно-технического профиля существенно различаются. Следовательно, хорошо зарекомендовавшие вузовские учебники по математическим дисциплинам для студентов инженерно-технических направлений подготовки не подходят для изучения «Основ математической обработки информации» студентами гуманитарных направлений подготовки: не доступен язык изложения материала, не понятен вывод формул, доказательства теорем, описанные специальным языком символов и основанные на определенном уровне математической подготовки студентов. Как следствие, возникает трудность оперирования абстрактным материалом: математическими понятиями и формулами.

Кроме недостаточной базовой математической подготовки, необходимой для успешного изучения дисциплины «Основы математической обработки информации», можно выделить трудность, связанную с обработкой больших потоков информации с помощью прикладных компьютерных программ. Универсальной вычислительной средой для решения задач обработки экспериментальных данных является табличный процессор MS Excel. Развитие программного обеспечения привело к созданию большого количества прикладных пакетов по статистике, например программного комплекса SPSS Statistics (Statistical Package for the Social Sciences) – «статистический пакет для социальных наук), предназначенного для проведения прикладных исследований в социальных науках. Пакет SPSS Statistics охватывает все этапы аналитического процесса: планирование, сбор данных, доступ к данным и управление данными, анализ, создание отчетов и рас-

пространение результатов. Но внедрение данного программного комплекса осложняется из-за следующих причин: 1) высокая стоимость продукта; 2) время, отведенное на изучение всей дисциплины «Основы математической обработки информации», не предполагает отдельного изучения прикладных программ; 3) возникающие у студентов трудности при освоении этого программного обеспечения. Следовательно, в вузе предпочтительнее использовать при обработке больших потоков экспериментальных данных доступный и достаточно понятный для проведения стандартных статистических расчетов табличный процессор MS Excel.

С процессором MS Excel студенты знакомятся в рамках изучения информатики в школе и на первом курсе вуза. Часть студентов обладает основными навыками работы (ввод данных, копирование, ввод формул, использование встроенных функций, процедур, использование автовычислений). При изучении дисциплины «Основы математической обработки информации» студенты должны научиться использовать MS Excel при решении статистических задач, как минимум уметь рассчитывать показатели, относящиеся к первичным методам статистической обработки информации. Это предположение подтверждают рассмотренные выше компетенции, например ОК-8.

Для осуществления подобной работы со студентами преподаватель вуза должен не только знать основные положения математической статистики, но и иметь профессиональную подготовку по информатике. Следовательно, для преподавателей математических кафедр вузов преподавание дисциплины «Основы математической обработки информации» студентам гуманитарных направлений подготовки является новой методической

задачей как в плане отбора содержания и уровня строгости его изложения, так и в выборе методов преподавания дисциплины. Таким образом, ФГОС ВПО третьего поколения не только меняет требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, но и изменяет уровень требований к профессиональной подготовке преподавателя вуза.

Итак, значимость изучения дисциплины «Основы математической обработки информации» студентами гуманитарных направлений подготовки подтверждается тем фактом, что знания, полученные в результате освоения данного курса, позволят студентам правильно сформулировать задачу эмпирического исследования, проанализировать полученные экспериментальные данные, подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу на основе математических методов обработки информации с применением программных средств обеспечения. При преподавании данной дисциплины возникают трудности, связанные с проектированием содержания учебного курса; трудности оперирования студентами гуманитарных направлений подготовки абстрактным материалом, математическими понятиями и формулами; трудности, вызванные обработкой больших потоков информации с помощью прикладных компьютерных программ; трудности, связанные с изменением уровня требований к профессиональной подготовке преподавателей вуза и другие. Ясно, что трудности и преподавания и учения вызваны как объективными, так и субъективными причинами. Важно понять, как коррелируют между собой эти трудности, чтобы получить возможность их разрешения и преодоления академической неуспеваемости студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»)* : офиц. текст [утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 22 декабря 2009 г. № 788]. URL: <http://www.base.garant.ru/55170903> (дата обращения: 15.05.2012).
2. *Официальный сайт Мурманского государственного гуманитарного университета*. URL: <http://www.mshu.edu.ru> (дата обращения: 15.05.2012).
3. *Официальный сайт Томского государственного педагогического университета*. URL: <http://www.old.tspu.edu.ru> (дата обращения: 15.05.2012).

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 16 октября 2013 г.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА АКРОБАТОВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Рассматриваются вопросы, связанные с определением базовых упражнений в содержании тренировочного процесса акробатов групп спортивного совершенствования. На основе определенного упорядоченного базового содержания тренировочного процесса акробатов строится модель тренировочной нагрузки и оценивается ее эффективность.

Ключевые слова: тренировочный процесс акробатов; содержание; конкретизация базовых упражнений; структура; нагрузка.

В построении и совершенствовании тренировочного процесса акробатов определение основополагающего набора упражнений (базовых упражнений) на том или ином этапе спортивной карьеры является актуальным. Определение и своевременное использование базовых упражнений создает потенциал для быстрого обучения новым современным упражнениям и успешного построения спортивной карьеры.

Цель исследования: совершенствование тренировочного процесса акробатов высокой квалификации в СДЮСШОР.

Объектом исследования является тренировочный процесс акробатов, занимающихся в группах спортивного совершенствования в СДЮСШОР.

Предмет исследования: базовые упражнения и содержание тренировочной нагрузки в группах спортивного совершенствования в СДЮСШОР.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи** исследования:

1. Определить базовые упражнения в содержании тренировочного процесса акробатов группы спортивного совершенствования.

2. На основе определенных базовых упражнений построить модель микроцикла тренировочной нагрузки акробатов группы спортивного совершенствования.

3. Определить и оценить эффективность построенной модели тренировочной нагрузки акробатов на этапе спортивного совершенствования.

Гипотеза исследования: предполагалось, что определение базовых упражнений акробатов групп спортивного совершенствования и построение с их использованием модели микроцикла тренировочной нагрузки позволит совершенствовать тренировочный процесс и повысить его эффективность.

Организация исследования. Исследование проводилось с сентября 2011 по февраль 2013 г. на базе МАОУ ДОД СДЮСШОР № 3 г. Томска. В исследовании приняло участие 15 спортсменов, специализирующихся в женских групповых упражнениях, выступающих по программе мастеров спорта. Организация исследования проходила в три этапа.

На первом этапе исследования проходило ознакомление с программами и планами подготовки акробатов в СДЮСШОР, проводилось педагогическое наблюдение и анализ специальной спортивной литературы. Проведенные мероприятия позволили разработать и сформулировать цель, задачи и гипотезу исследования, а также определить методы изучения и решения поставленных задач исследования. Спортс-

менами выполнялись контрольные испытания (тесты), отражающие уровень их специальной физической подготовленности.

На втором этапе исследования определялись базовые упражнения для акробатов этапа спортивного совершенствования, с их использованием строилась модель и содержание микроцикла подготовки. Предложенная модель внедрялась в тренировочный процесс акробатов группы спортивного совершенствования.

На третьем этапе исследования были повторно выполнены контрольные испытания для оценки уровня специальной физической подготовленности, проведен анализ и обобщение полученных результатов, дана оценка эффективности построенной модели недельного микроцикла объема тренировочной нагрузки.

При наблюдении за процессом тренировки, а также соревновательными программами акробатов акцентировалось внимание на базовых элементах, которые являются ключевыми средствами тренировочной деятельности на данном этапе подготовки, а также составляют основу соревновательных комбинаций. В результате было выделено три группы базовых упражнений, представляющих все многообразие двигательных действий, содержащееся в спортивной акробатике: упражнения технической направленности, упражнения силового характера, элементы хореографии.

В табл. 1 представлены базовые упражнения технической подготовки акробатов на этапе спортивного совершенствования.

Весь набор представленных элементов включен в содержание тренировки и соревновательные композиции акробатов. Он оценивается правилами соревнований, у каждого элемента есть своя «стоимость» (трудность элемента в единицах), которая характеризует сложность соревновательной композиции, влияющую на соревновательный результат. Чем выше сложность соревновательной композиции, тем выше базовый оценочный балл.

Таким образом, включая в процесс подготовки весь комплекс базовых упражнений, осуществляя рациональное варьирование их в построении микроциклов, мы обеспечиваем совершенствование не только самих элементов, но и процесса подготовки в целом.

Следует отметить, что преобладающими видами практической деятельности на этапе спортивного совершенствования являются специальная физическая и техническая подготовка. В меньшей степени в тренировочном процессе присутствуют хореографическая и общая физическая подготовка, однако их роль на пути становления высшего спортивного мастерства не менее важна.

Таблица 1

Базовые упражнения тренировочной нагрузки акробатов на этапе спортивного совершенствования

Упражнения технической направленности	Упражнения силового характера	Элементы хореографии
Стойка на руках; подъем силой из упора ноги врозь (вместе) в стойку на руках, опускание в исходное положение; перекидки вперед (назад, на колени, через локти в шпагат, «арабское»); стойка с поворотом на 360° в сед; фляк вперед (назад) сальто вперед (назад) группированное, углом, прогнувшись; двойное сальто назад (вперед) группированное, согнувшись, прогнувшись; пируэт вперед (назад) на 360°, 540°, 720°	Упор углом ноги вместе (врозь), «узкоручка», высокий угол; горизонтальный упор на локтях (на одном локте) («крокодил»); горизонтальный упор на руках; стойка на руках «мексиканка»; стойка на одной руке; стойка на руках «ивушка»; стойка на руках «коробочка»; стойка на руках «флажок»	Шпагаты; равновесия вперед (в сторону, назад, назад в кольцо); повороты на одной ноге, вторая у колена (в шпагат, назад в кольцо) на 360°, 720°; прыжок шагом в шпагат (в кольцо); прыжок в продольный шпагат (поперечный); прыжок шагом в шпагат со сменой ног; перекидной прыжок

Такое распределение обуславливается уровнем подготовленности спортсменов, согласно которому наиболее значимым в тренировочной и соревновательной деятельности на данном этапе обучения является совершенствование элементов технической подготовки, которые выступают в роли соревновательной программы акробатов [1].

Без целесообразного распределения тренировочной нагрузки невозможно осуществить полноценный тренировочный процесс по подготовке спортсменов к соревновательным выступлениям, поэтому конкретное

содержание каждого занятия всякого тренировочного периода является важнейшей составной частью многолетней тренировки [2].

На основе литературного анализа [3, 4] и личного практического опыта нами был составлен недельный микроцикл тренировок с варьированием количества выполняемых базовых упражнений (табл. 2). Сформированная модель определила усовершенствованный подход к технической и физической подготовке акробатов и варьированию нагрузки в группах спортивного совершенствования.

Таблица 2

Варьирование объемов тренировочной нагрузки в недельном микроцикле

День недели	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
Нагрузка, %	Ударная, 150	Восстановительная, 60	Модельная, 100	Соревновательная, 90	Восстановительная, 60	Ударная, 150

Структура предлагаемого авторами четырехчасового учебно-тренировочного занятия включает 10% общей физической подготовки, 30% специальной физической подготовки и 60% технической подготовки от общего времени тренировочного занятия (модельная нагрузка). Остальные виды нагрузок варьировались в зависимости от уменьшения или увеличения количества выполняемых специальных физических упражнений или упражнений технической направленности. Стоит отметить, что основой содержания всех предложенных видов нагрузки являлись определенные ранее базовые упражнения.

Предлагаемая нами модель вариации объема и содержания тренировочной нагрузки была успешно внедрена в тренировочный процесс акробатов. В течение

двух лет спортсмены, занимающиеся на этапе спортивного совершенствования 3-го года обучения, применяли в процессе тренировки конкретные упражнения из предложенного содержания недельного микроцикла. Также происходило варьирование тренировочными нагрузками в связи с изменением периодов спортивной тренировки и количества соревновательных стартов. Каждое тренировочное занятие имело определенное процентное соотношение видов подготовки, а также их количественное содержание, от чего и зависел объем и интенсивность тренировочных нагрузок.

Каждая часть тренировочного занятия включала в себя определенные виды действий, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Структура тренировочного занятия

Подготовительная часть	1. Комплекс беговых и общеразвивающих упражнений
	2. Индивидуальная подготовительная работа, выступающая в роли СФП (статические и динамические элементы)
Основная часть	1. Техническая подготовка (работа в составах, прохождение соревновательных композиций)
	2. Дополнительная групповая работа («работа над ошибками»)
Заключительная часть	1. Общая физическая подготовка
	2. Специальная физическая подготовка

Таким образом, можно отметить, что на протяжении всего тренировочного занятия, во всех его частях ежедневно выполнялись базовые элементы специальной физической и технической подготовки. Именно эти виды подготовки решают основные задачи на этапе спортивного совершенствования.

Результаты исследования. Во время адаптации предложенной модели микроцикла тренировочной нагрузки основной акцент с целью проверки эффектив-

ности был сделан на техническую и специальную физическую подготовку, так как данный этап обучения предусматривает совершенствование техники выполнения упражнений, достижение технического совершенства и подготовку спортсменов к соревнованиям всероссийского и международного уровней.

Выполнение контрольных нормативов акробатами группы спортивного совершенствования после использования в тренировочном процессе разработанной нами

модели тренировочной нагрузки позволило проанализировать проделанную нами работу и подвести итоги.

Акробаты выполняли контрольные упражнения (тесты), взятые из числа базовых упражнений, которые отражали уровень специальной физической и технической подготовленности занимающихся.

Результаты тестирования приведены в табл. 4.

Анализ значений, полученных в результате исследования, позволяет говорить о том, что уровень специальной физической и технической подготовленности спортсменов достоверно улучшился.

В табл. 5 представлены результаты и оценка контрольных упражнений.

Данные, представленные в табл. 5, подтверждают эффективность разработанной нами модели тренировочной нагрузки на основе базовых упражнений акробатов в группе спортивного совершенствования. Отсюда следует, что разработанная модель тренировочной нагрузки и базовые упражнения, ставшие ее основой, явились решением по совершенствованию тренировочного процесса акробатов группы спортивного совершенствования.

Таблица 4

Результаты тестирования показателей ($X \pm m$) специальной физической и технической подготовленности акробатов группы спортивного совершенствования до и после исследования

Вид тестирования	Показатели		Величина прироста показателей
	$\frac{пв}{пср} = \frac{5}{5}$		
	$\frac{пн}{пн} = 5$		
	2011	2013	
Горизонтальный упор ноги врозь, с	<u>9,4±1,1</u>	<u>16,0±1,6</u>	<u>6,6*</u> (70,2%)
	<u>7,8±0,8</u>	<u>14,6±1,1</u>	<u>6,8*</u> (87%)
	6,6±1,1	14,8±1,6	8,2* (124%)
Высокий угол, с	<u>20,2±1,9</u>	<u>29,6±1,1</u>	<u>9,4*</u> (46,5%)
	<u>18,0±2,5</u>	<u>28,2±3,0</u>	<u>10,2*</u> (56,6%)
	16,6±2,7	27,0±2,2	10,4* (62,6%)
Спичаг, раз	<u>12,2±1,3</u>	<u>20,0±2,1</u>	<u>7,8*</u> (63,9%)
	<u>11,0±2,0</u>	<u>17,4±2,1</u>	<u>6,4*</u> (58,2%)
	8,0±1,6	12,6±2,1	4,6* (57,5%)
Сальто назад, раз	<u>8,4±0,5</u>	<u>9,8±0,4</u>	<u>1,4*</u> (16,6%)
	<u>8,0±1,0</u>	<u>10,0±0,0</u>	<u>2,0*</u> (25%)
	7,2±0,8	9,8±0,4	2,6* (36,1%)
Стойка на руках, с	<u>37,6±3,7</u>	<u>61,4±8,3</u>	<u>23,8*</u> (63,3%)
	<u>33,6±8,3</u>	<u>52,4±6,9</u>	<u>18,8*</u> (55,9%)
	33,0±6,6	56,8±10,5	23,8* (72,1%)

* Статистически значимые ($p < 0,05$) величины сдвигов показателей; в скобках указаны величины сдвига показателей, %.

Таблица 5

Результаты и оценка контрольных упражнений

Показатель	Горизонтальный упор ноги врозь, с		Высокий угол, с		Спичаг, раз		Сальто назад, раз		Стойка на руках, с	
B1	15	отлично	28	отлично	18	отлично	10	отлично	59	отлично
B2	18	отлично	30	отлично	23	отлично	10	отлично	63	отлично
B3	16	отлично	29	отлично	21	отлично	9	отлично	51	отлично
B4	17	отлично	31	отлично	20	отлично	10	отлично	60	отлично
B5	14	отлично	30	отлично	18	отлично	10	отлично	74	отлично
C1	14	отлично	28	отлично	19	отлично	10	отлично	49	отлично
C2	15	отлично	27	отлично	17	отлично	10	отлично	51	отлично
C3	16	отлично	32	отлично	20	отлично	10	отлично	64	отлично
C4	13	отлично	24	отлично	15	отлично	10	отлично	46	отлично
C5	15	отлично	30	отлично	16	отлично	10	отлично	52	отлично
H1	13	отлично	24	отлично	10	отлично	10	отлично	43	отлично
H2	14	отлично	26	отлично	11	отлично	10	отлично	51	отлично
H3	14	отлично	28	отлично	13	отлично	10	отлично	59	отлично
H4	17	отлично	30	отлично	14	отлично	10	отлично	71	отлично
H5	16	отлично	27	отлично	15	отлично	9	отлично	60	отлично

Примечание. В – верхняя спортсменка; С – средняя спортсменка; Н – нижняя спортсменка.

Также о положительной адаптации модели говорят высокие показатели результатов всероссийских соревнований.

На основании вышеизложенного делаем следующие выводы:

1. Базовыми упражнениями в содержании тренировочного процесса акробатов на этапе спортивного совершенствования являются упражнения технической направленности, силового характера, элементы хорео-

графии. С помощью базовых элементов строится процесс тренировки спортсменов и основа соревновательных упражнений. Качество выполнения базовых элементов характеризует спортивное мастерство акробатов и влияет на соревновательный результат.

2. Построенная модель микроцикла тренировочной нагрузки имеет следующие компоненты:

– структура тренировочного занятия включает подготовительную, основную и заключительную части;

– подготовительная часть включает комплекс беговых и общеразвивающих упражнений, индивидуальную подготовительную работу, выступающую в роли СФП (статические и динамические элементы);

– основная часть содержит техническую подготовку (работа в составах, прохождение соревновательных композиций) и дополнительную групповую работу («работа над ошибками»);

– заключительная часть содержит общую и специальную физическую подготовку;

– четыре вида нагрузки (модельная, ударная, соревновательная, восстановительная);

– варьирование количеством повторений базовых упражнений в процессе тренировки в соответствии с целевым назначением дня (видом тренировочной нагрузки);

– результаты тестирования показателей ($X \pm m$) специальной физической подготовленности акробатов группы спортивного совершенствования.

3. Анализ результатов тестирования показателей специальной физической подготовленности акробатов говорит о высокой эффективности применения модели тренировочной нагрузки и совершенствовании тренировочного процесса акробатов группы спортивного совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баршай В.М.* Спортивная акробатика : учеб. для ин-тов физ. культуры. Физическая и техническая подготовка юных акробатов. М. : Физкультура и спорт, 1984. 238 с.
2. *Коркин В.П.* Спортивная акробатика : учеб. для институтов физической культуры. М. : Физкультура и спорт, 1981. 184 с.
3. *Аркаев Л.Я., Сучилин Н.К.* Как готовить чемпионов. М. : Физкультура и спорт, 2004. 328 с.
4. *Загrevский О.И., Загrevский В.О.* План-программа тренировочного процесса гимнастов // Вестник ТГПУ: приложение к журналу «Образование в Сибири»: Специальный выпуск, посвященный 60-летию профессора, чл.-кор. СО РАН В.А. Дмитриенко. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 1998. С. 45–47.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 21 октября 2013 г.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 553.5:662

Е.В. Аламтиева

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Работа выполнена в рамках Программы стратегического развития РГПУ
им. А.И. Герцена на 2012–2016 гг. (мероприятие 2.3.1).*

Обогатительные фабрики и их хвостохранилища – существенный фактор негативного воздействия техногенеза на окружающую среду. Во-первых, происходит загрязнение поверхностного стока, почв и, как следствие этого, подземных вод. Во-вторых, общий спад производства может привести к практически полному отсутствию возможности поддержания горно-обогатительного комплекса на уровне экологической безопасности.

Ключевые слова: геоэкология; хвостохранилище; токсиканты; нанодракции; миграция.

В результате процессов изменения природных комплексов и биогеоценозов под воздействием производственной деятельности человека возникают ранее не существовавшие геологические образования, которые по технологическим свойствам, количеству и экономическим показателям могут быть использованы для удовлетворения практических нужд человека, что соответствует понятию «месторождение полезных ископаемых». Такого рода геологические объекты, сотворенные руками человека, сегодня называют техногенными месторождениями, но с формальной точки зрения большая их часть не отвечает этому определению, так как, согласно общепринятым требованиям, по ним не утверждались запасы полезного сырья и не проводилась оценка экономической целесообразности их разработки.

Хвостохранилище является накопителем отходов переработки различных руд и относится к числу экологически потенциально опасных инженерных объектов.

Человек «перекачивает» на поверхность из глубин земли огромные количества различных элементов, что приводит к нарушению экологического равновесия, поскольку в биологический круговорот вовлекается, согласно оценке О.П. Добродеева, Cd – в 160 раз меньше, чем извлекается, Sb – 150, Hg – 110, Pb – 35, F – 15, U – 6, Sn – 6, Cu – 4, Mo – в 3 раза. При этом многие из данных элементов являются высокотоксичными. Значительные объемы многих экологически опасных тяжелых металлов накапливаются в отвалах шахт и карьеров и хвостах обогащения руд, где в кислой среде они легко переходят в подвижные формы, попадая в грунтовые, поверхностные воды и в атмосферу (в виде пыли и кислотных дождей) [1].

Добыча и последующая переработка полезных ископаемых – один из наиболее мощных видов техногенеза. Его воздействие на природную среду возрастает и охватывает все большие территории [12. С. 269]. При разработке месторождений полезных ископаемых отрабатываются руды в основном на один полезный компонент. Элементы-попутчики главного рудного элемента часто не извлекаются из руд, попадая в отвалы горно-обогатительных фабрик. В своем большинстве горнорудные предприятия становятся градообразующими и в ряде мест современные районы городов рас-

полагаются вокруг них. Объемы отходов, накопленных за десятки лет, огромны и представляют собой терриконы вскрышных пород и продукты хвостовой пульпы, представленные песками, алевроитами и глинами. Получение концентратов руд благородных и редких металлов на горно-обогатительных комбинатах сопровождается складированием значительных масс отходов в хвостохранилищах [3. С. 34–40].

В настоящее время хвостовые хозяйства рассматриваются как новый тип рудных объектов – техногенные месторождения. В ряде стран уже осуществляется их вторичная переработка, рентабельная ввиду того, что огромные массы пород уже извлечены из недр, а также за счет измельченности и более выдержанного минерального состава пульпы. Техногенные месторождения золота, помимо доизвлечения основного полезного компонента, могут являться ценным источником попутных элементов (платиноидов и рения), которые в начальный период добычи руд по тем или иным причинам не извлекались. Со временем под действием различных факторов гипергенеза благородные металлы и рений могут переходить в подвижные формы и мигрировать как по толще хвостов, так и за пределы хвостохранилища. Научные разработки позволят на современном уровне подойти к решению вопросов доизвлечения и вторичного извлечения химических элементов из отходов горно-обогатительных комбинатов.

Все процессы, происходящие в рудах в процессе гипергенеза, не прекращаются, усиливаясь в хвостохранилищах благодаря возрастающему механическому воздействию и доступу кислорода и воды. На хвостохранилищах нередко происходят подземные пожары и взрывы, так как в результате химических реакций выделяется тепло. Происходит специфическое минералообразование, связанное с техногенными растворами [4].

Урупское медноколчеданное месторождение находится в верхнем течении р. Уруп на территории Урупского района Карачаево-Черкесской республики, в 20 км к югу от районного центра станицы Преградной.

На базе месторождения с 1964 г. работает горно-обогатительный комбинат. Это комплексное горно-промышленное предприятие по добыче и переработке медноколчеданной руды. Его конечной продукцией в результате обогащения руд является медный и пирит-

ный концентрат. Дополнительно ведутся работы по получению цинкового концентрата. В процессе переработки концентрата на медеплавильных и аффинажных заводах получают золото, серебро и сопутствующие им редкие элементы (кадмий, селен, теллур и т.д.).

Урупское месторождение относится к золотосульфидному типу, основными рудными минералами которого являются: пирит $\text{Fe}(\text{S}_2)$, халькопирит CuFeS_2 , сфалерит ZnS , борнит Cu_5FeS_4 , молибденит MoS_2 . Второстепенные рудные минералы: ковеллин (CuS), пирротин (FeS), арсениопирит $\text{Fe}(\text{AsS})$, малахит $\text{Cu}_2\text{CO}_3(\text{OH})_2$, блеклые руды (теннантит Cu_3AsS_3 , тетраэдрит Cu_3SbS_3), галенит (PbS), гематит (Fe_2O_3), станин ($\text{Cu}_2\text{FeSnS}_4$), халькозин (Cu_2S), беегерит ($\text{Pb}_6\text{Bi}_2\text{S}_9$). Исследования пород и руд с помощью микрорентгено-спектрального анализа выявило присутствие алтаита (PbTe) и самородного теллура.

В составе Урупской горнообогатительной фабрики находятся хвостохранилища первой и второй очереди (главная особенность хвостохранилища), содержащие отходы обогащения Медногорского горнообогатительного комбината, в которых находится более 11,6 млн т пиритсодержащих хвостов. Хвостохранилище первой очереди функционирует с 1968 г. и представляет собой гидротехническое сооружение, по типу овражное, намывное. Общая площадь более 97 га, полезная площадь около 64 га, вместимость не менее 6 млн м^3 . Хвостохранилище имеет длину почти 2 км и ширину от 250 до 550 м. К 1997 г. хвостохранилище первой очереди заполнено до проектных отметок и эксплуатация его в части складирования хвостов завершена. С 1998 г. здесь проводились работы по рекультивации, в процессе которых смонтирована установка по нейтрализации воды в прудке-отстойнике. В результате около 140 тыс. м^3 воды из прудка нейтрализовано и откачено в хвостохранилище второй очереди. В дальнейшем проводились работы по засыпке части акватории прудка хвостами.

На хвостохранилище существует система замкнутого оборотного водоснабжения. После осветления воды в прудке-отстойнике, через водосборные колодцы (железобетонного, шахтного, шандорного типов) и коллектор вода подается самотеком в насосную станцию оборотной воды. Водосборный коллектор в ложе хвостохранилища выполнен из стальных труб в железобетонной обойме, за пределами хвостохранилища – из безнапорных железобетонных труб.

В систему оборотного водоснабжения входят также насосная станция оборотной воды, магистральный водовод и железобетонный резервуар емкостью почти 300 м^3 . По коллектору вода поступает в насосную станцию и насосами откачивается в резервуар, откуда подается в технологический процесс обогащения руды.

При необходимости сброса части оборотной воды в р. Уруп она проходит предварительное обеззараживание на станции нейтрализации воды. В состав очистительных сооружений входят распределительный колодец, контактный чан, радиальные отстойники, емкость для хранения серной кислоты. Часть сточных вод поступает в контактный смеситель и после обработки серной кислотой поступает в отстойники, а затем по коллектору сбрасывается в р. Уруп. В процессе нейтрализации pH воды снижается с 12 до 8.

Хвостохранилище второй очереди введено в эксплуатацию в 1998 г. Общая площадь более 100 га, имеет длину около 1 км и ширину около 600 м. Наименьшая отметка ложа хвостохранилища примерно 900 м. На хвостохранилище существует система замкнутого оборотного водоснабжения, содержащая до 145 тыс. м^3 технической воды, которая в случае его прорыва может попасть в реки Богачуха и Кубань, а также Темрюкский залив Азовского моря.

Отвалы хвостохранилища представлены некондиционными рудами и отстойниками отходов обогатительного производства. Их физико-химические особенности существенно различны, поэтому и способы их освоения могут быть разными. Отстойники хвостохранилища Урупского горно-обогатительного комбината наиболее благоприятны для освоения, так как вещество, составляющее их, раздроблено до мелких фракций 0,01–0,1 мм; они находятся в непосредственной близости от обогатительной фабрики (1 км) и связаны с ней асфальтированной дорогой и трубопроводами.

При изучении хвостохранилища автором отобрано более 100 образцов при площадном опробовании хвостохранилища (по шурфовке и из керна скважин); собраны пробы воды из отстойников, ливневых колодцев, водоотводного канала, из речной системы района; проведено опробование почв и произрастающей на них растительности по мере удаления от хвостохранилищ.

Цель исследования – выявление закономерностей миграции химических элементов в системе хвостохранилища – почвы, растения – водная система района медно-колчеданного месторождения; изучение минеральной ассоциации Урупского медноколчеданного месторождения; выявление минерально-геохимических особенностей руд и отвалов горно-обогатительных комбинатов, месторождения золотосульфидной формации; проследить миграцию химических элементов на примере хвостохранилища Урупского горнообогатительного комбината (Урупский район, Карачаево-Черкесская республика).

Для достижения поставленных целей ставились и решались следующие основные задачи: проследить поведение химических элементов в водной системе района, оценить размер почвенных и биогеохимических аномалий, дать минералого-геохимическую характеристику руд, выявить геохимические особенности хвостов, а также подвижные формы элементов-токсикантов.

Хвосты состоят преимущественно из нерудных минералов (полевой шпат, кварц) и пирита, в небольшом количестве встречаются сфалерит, галенит, гематит. Преобладающая часть нерудных минералов наблюдается в свободных зернах, меньшая – в сростаниях с сульфидами. Медьсодержащие минералы представлены халькопиритом, борнитом, блеклой рудой. В рудах золото встречается в основном в халькопирите, сфалерите, борните, а также обнаружено в сростаниях с пиритом.

Извлеченные из недр и дезинтегрированные сульфидсодержащие породы в поверхностных условиях могут подвергаться быстрому окислению и переходу химических элементов в подвижное, миграционноспособное состояние. В отвальных хозяйствах накапливается значительное количество халькофильных элемен-

тов, многие из которых относятся к первой группе токсичности (Cu, Pb, Zn, As). В результате ветровой и водной эрозии вокруг хвостохранилищ создаются гидрохимические, почвенные и биогеохимические аномалии, размер которых на порядок и более превышает аналогичные природные аномалии [3. С. 34–40].

Складируемые хвосты Урупского горно-обогатительного комбината относятся к V классу опасности в соответствии с критериями отнесения опасных отходов к классу опасности для окружающей природной среды. По степени воздействия на человека и окружающую природную среду хвосты относятся к IV классу опасности [4].

Все, что связано с обработкой месторождений, гипергенными процессами, техногенезом и рудничными водами, не проходит безрезультатно для окружающей среды. Накопленные в техногенных водах элементы выносятся за пределы рудопроявлений и рассеиваются в грунтовых и родниковых, а следовательно, и в питьевых водах. Эти процессы неизбежно нарушают экологическое равновесие в районе. Происходит губительное загрязнение окружающей среды.

Разрабатываемые и эксплуатируемые месторождения полезных ископаемых представляют собой источники мощного загрязнения окружающей среды токсичными элементами.

По результатам исследований, главные рудные элементы Cu, Pb, Zn на хвостохранилище ведут себя по-разному. Цинк характеризуется высокой подвижностью, поэтому крайне редко образует самостоятельные фазы, он накапливается в некоторых гипергенных минералах. При разработке месторождения сульфиды находятся во вскрышных рабочих остатках, в отвальных хозяйствах могут накапливаться халькофилы, элементы первой группы токсичности: S, Cu, Pb, Zn, As.

В результате физико-химических процессов, происходящих в зонах складирования, возникают новые минеральные фазы, изменяются формы нахождения химических элементов; они переходят в подвижное состояние и легко мигрируют на окружающие почвы, поступают в воды. Зафиксировано появление новообразованных металлоорганических форм, которые наиболее активно вовлекаются в биоценозы. Миграция происходит в минеральной, ионной, коллоидной, биогенной формах [5. С. 36–38; 6. С. 411; 7. С. 83; 8, 9]. Из-за того, что потоки вещества из отходов горнорудного производства изменяют состояние среды жизнедеятельности, отрицательно влияя на биоценозы, на развитие живых организмов, в том числе и человека, исключительно важным является изучение поведения *подвижных форм токсикантов*.

В условиях гипергенеза создаются благоприятные условия для образования наноразмерных частиц, поэтому в ранг первоочередных задач выдвигается проблема изучения *подвижных форм химических элементов на уровне наноразмерных частиц*, которые и являются наиболее биоактивными, но никогда не выделялись при разработке и обогащении руд. Выявление путей и форм нахождения токсикантов в объектах окружающей среды позволит разработать методы очистки зараженных территорий, что невозможно без устранения самого источника загрязнения. Кроме того, в связи

с ростом потребностей современной промышленности в широком спектре редких и рассеянных химических элементов и с появившимися возможностями извлечения наночастиц из проб отходы горнорудного производства могут стать новым дешевым источником редких и рассеянных элементов.

Проведенное опробование отвалов хвостохранилищ на глубину 2–3 м показало, что для них характерна стратиграфическая зональность отложения и они состоят из глинистых и песчано-алевритовых прослоев, имеющих мощность от нескольких миллиметров до десятков сантиметров. Преимущественным распространением пользуются алевриты. Они имеют желто-бежевую и бурую, а также темно-серую окраску. Светлоокрашенные горизонты состоят преимущественно из кварца, полевых шпатов, сульфидов (сфалерит, галенит), которые находятся в сростании с нерудными минералами. В темных прослоях преобладает пирит, реже халькопирит, борнит, блеклая руда. Зерна сульфидов окислены и покрыты тонкой пленкой водного сульфата железа – мелантерита. Бурая окраска появляется, когда все зерна таких слоев «одеты в рубашку» гидроксидов железа. Бурые пески накапливаются преимущественно в низах разрезов, что связано с сезонными затоплениями хвостохранилищ и активными процессами окисления в них. Методом ЯГР-спектроскопии в слоях разноокрашенных песков выявлено различное соотношение фаз ярозита, гидрогетита и гетита, которые и определяют окраску осадков.

При исследовании химического состава хвостов были использованы традиционные методы анализа: масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (ИСП МС) и атомно-абсорбционный анализ с полным кислотным вскрытием проб на Au, Pt, Pd.

Методом ИСП МС в водных растворах нанодисперсий проб были обнаружены следующие содержания благородных металлов (г/т): Pt – до 0,035; Ru – до 0,022; Rh – до 0,15; Ir – до 0,0084; Os – до 0,00025; Re – до 0,34; Au – до 0,8; Ag – до 2,6 (табл. 1).

Таблица 1
Содержания благородных металлов в водных растворах нанодисперсий хвостов по данным ИСП МС, г/т

Элемент / порог обнаружения	От	До
Au	0,0009	0,8
Ag	0,011	2,6
Pt	<0,0004	0,0035
Ru	<0,0001	0,022
Rh	0,012	0,15
Ir	<0,0001	0,0084
Os	<0,0001	0,00025
Re	0,009	0,34

Примечание. Pd ниже 0,0006 г/т.

Полученные данные свидетельствуют о накоплении в водных вытяжках платиноидов и рения, которые не образуют собственных минеральных фаз. Для золота и серебра преимущественным распространением в хвостах пользуются микроминеральные формы. Содержания этих элементов в пробах хвостов выше, чем их содержания в нанодисперсии. Для платиноидов и рения характерно накопление в нанодисперсии. Причем коэффициент накопления рения в нанодисперсии, рассчитанный по формуле $KН = \text{содержание в нанодисперсии} / \text{содержание в пробе}$, может достигать 10. Анализ распределения его

водорастворимых форм по разрезу показал, что рений концентрируется в нанофракции на глубине 60 см от поверхности хвостов. Полученные данные свидетельствуют о постепенном вымывании благородных металлов и рения из алевритов хвостохранилища, что приведет со временем к разубоживанию хвостов или их полной потере. В результате физико-химических процессов происходит дифференциация вещества в объеме хвостохранилища. Рудные минералы при этом растворяются, ионы тяжелых металлов закрепляются с помощью адсорбции на глинистом материале либо образуют собственные минералы. Далее уже связанные и закрепленные элементы вновь вовлекаются в миграционные потоки, могут вымываться из хвостов. В результате многократного переотложения в объеме хвостохранилищ могут формироваться зоны выноса и зоны скопления полезных компонентов. Учитывая тот факт, что алевриты хвостов представляют собой дешевый продукт, прошедший предварительное измельчение, отходы горно-обогатительного комбината можно рассматривать в качестве удобного и рентабельного сырья для вторичной переработки.

Проведенный анализ проб хвостов с полным разложением и ИСП МС окончательно показал наличие высоких содержаний в них токсичных элементов, превышающих кларк осадочных пород: Cu, As, Cd, Se – более 100 раз; Pb, Zn, Sb, Mo – от 20 до 80 раз; U, Tl, Co, Ni – от 2 до 15 раз (табл. 2). Высокие содержания токсикантов (до 1 000 г/т), а в ряде случаев до 12%, соответствуют уровню рудных концентраций.

Анализ содержаний этих элементов в водном растворе нанофракции показал, что в пробах хвостов содержится значительная доля водорастворимых форм химических элементов (табл. 2). Следует отметить в целом высокий уровень содержаний токсикантов в ви-

де водорастворимых форм в алевритах хвостохранилища. Для многих элементов наблюдается обогащение водной вытяжки по сравнению с пробой алеврита (Cu, Zn, Pb, Cd, Co, Se, U). Для Zn и Cd водорастворимая форма преобладает над минеральной формой во всех проанализированных пробах; средний коэффициент накопления составил 2,9 и 3,5 соответственно.

Т а б л и ц а 2
Содержание химических элементов в пробах хвостов
и в водных растворах их нанофракций, г/т

Элемент	Содержание в пробе			Содержание в нанофракции		
	от	до	среднее	среднее	от	до
Cu	569	12217	4873	2051	3,7	19570
Zn	442	10810	3448	9906	64	35840
Pb	248	668	441	193	0,01	2300
As	120	558	278	7,2	0,8	22
Cd	1,4	36	12	42	1,5	170
Sb	17	56	34	1,1	0,09	8,2
Mo	46	73	58	3,3	0,01	31
Co	20	83	51	41	3,7	163
Ni	19	102	36	29	9,3	86
U	0,8	3,4	2,2	1,6	0,05	7,6
Tl	3,3	8,3	5,2	0,5	0,08	3,1
Se	8,7	17	12	8,1	1,8	30

Учитывая вышеперечисленное, можно сделать выводы: 1) хвосты горно-обогатительного производства медно-колчеданного месторождения можно рассматривать в качестве источника доизвлечения полезных компонентов, а также в качестве перспективного источника вторичного извлечения платиноидов и рения; 2) анализ содержания и поведения водорастворимых форм химических элементов позволит оценить реальные последствия загрязнения окружающей среды в районе действующего горно-обогатительного комбината.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домаренко В.А. Эколого-экономическая оценка месторождений (твердые полезные ископаемые) : учеб. пособие / под ред. проф. Рихванова. Томск, 2007.
2. Бабошкина С.В., Горбачев И.В., Пузанов А.В., Балыкин С.Н. Тяжелые металлы (Cu, Pb, Zn, Cd, Fe, Cr, Hg) в технозомах, почвах и растениях горнопромышленных ландшафтов северо-западного алтая // Ползуновский вестник. 2006. № 2. С. 269–272.
3. Панова Е.Г. Закономерности формирования природных и техногенных почвенных и биогеохимических аномалий в условиях полупустынного ландшафта // Вопросы геохимии и типоморфизм минералов. 1995. Вып. 4. С. 34–40.
4. Фондовая литература Урупского горно-обогатительного комбината.
5. Аламтиева Е.В., Панова Е.Г. Актуальные проблемы вторичной переработки и складирования отходов золотосульфидного месторождения // Геология, геоэкология и эволюционная география. 2009. Т. 9. С. 36–38.
6. Акинфиев Н.Н., Баронецкая Л.Д., Осмоловский И.С., Швец В.М. Физико-химическая модель формирования состава вод отвалов горнодобывающих предприятий // Геоэкология. 2001. № 5. С. 411–419.
7. Олейникова Г.А., Панова Е.Г. Геоинформационный ресурс анализа нанофракций горных пород // Литосфера. 2011. № 1. С. 83–93.
8. Аламтиева Е.В., Панова Е.Г. Геохимическая характеристика отходов горно-обогатительного производства на медноколчеданном месторождении // Геология, геоэкология и эволюционная география. 2011. Т. 11. С. 176–180.
9. Аламтиева Е.В., Панова Е.Г., Янсон С.Ю. Оценка экологического состояния техногенного месторождения, входящего в состав Урупского горно-обогатительного комбината // Геология, геоэкология и эволюционная география. 2010. Т. 10. С. 99–102.
10. Барабанов В.Ф. Геохимия. Л. : Недра, 1985. 423 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 9 октября 2013 г.

АНАЛИЗ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕКРЕАЦИОННО-ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРМСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТИРУЕМЫХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Рассматриваются вопросы и перспективы рекреационного природопользования в пределах особо охраняемых природных территорий соседних субъектов Федерации – Пермского края и Республики Башкортостан. Прокомментированы различия существующих систем особо охраняемых природных территорий; приведен анализ рекреационно-туристского потенциала двух проектируемых природных парков.

Ключевые слова: рекреационно-туристский потенциал; рекреационное природопользование; особо охраняемые природные территории; природный парк.

Туристский бизнес в условиях рынка может быть осуществлен при наличии капитала, технологии, кадров и туристских ресурсов. Это означает, что недостаточно, имея капитал, приобрести технологию, сформировать кадровую команду и заниматься туризмом. Для этого необходимо выбрать место, где имеются туристско-рекреационные ресурсы. На сегодняшний день четвертая составляющая – туристские ресурсы – является наиболее дешевой, так как в России пока нет федерального налога на туристские ресурсы, поэтому и достигается высокая рентабельность предпринимательской деятельности в сфере туризма [1].

Отдых и оздоровление людей в естественной природной среде в различных регионах является одной из наиболее важных социально-экономических целей. В этой связи задача изучения рекреационно-туристского потенциала территории, выявление и резервирование новых территорий для отдыха, оценка уже существующего характера рекреационного природопользования и разработка рекомендаций по его оптимизации приобретают особую актуальность. Особое значение в развитии туристско-рекреационной деятельности принадлежит системе особо охраняемых природных территорий (ООПТ), которые представлены федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Сюда можно отнести различные курортно-рекреационные территории рассматриваемых регионов, заповедники, заказники, памятники природы, охраняемые ландшафты, историко-культурные комплексы и др.

Рекреационная и туристическая деятельность как одно из направлений хозяйственной деятельности (обязательно нужно оценивать ее экологический и социальный эффекты), которая усиливает антропогенную нагрузку на природную среду, не должна способствовать развитию негативных природных явлений и препятствовать природоохранным целям и задачам специально выделенных территорий и объектов и соответствующим мероприятиям.

Рекреационные возможности особо охраняемой природной территории (даже специально выделенных для этой цели участков) могут использоваться только как дополнительные и подчиненные ее природоохранным функциям. Развитие здесь туристской инфраструктуры может происходить только при приоритетном учете природоохранных ограничений, и уровень удовлетворения потребностей туристов должен определяться именно этими ограничениями. Поэтому сле-

дует обратить внимание на понимание комплексного хозяйствования в ООПТ как единого процесса по осуществлению разнообразных мероприятий, а не как совокупности различных видов деятельности, результаты которых в итоге интегрируются.

Туристско-рекреационная привлекательность региона связана с развитием и формированием различных циклов рекреационной деятельности на некоторых видах ООПТ, созданием и строительством перспективных курортно-рекреационных комплексов и туристско-гостиничных объектов на перспективных территориях.

Территория Башкортостана и Пермского края, а также весь Уральский регион в целом в последнее время слабо представлены в справочниках по туризму как приоритетные, отсутствуют они и в Перечне основных туристских и курортных зон федерального значения. Хотя на территории Пермского края, например, находится базовый в научно-практическом плане федеральный бальнеоклиматический курорт «Усть-Качка», а в Республике Башкортостан есть территория, относящаяся к уникальным курортам не только России, но и мира, – бальнеоклиматический курорт «Янган-Тау». По нашим оценкам, эти субъекты Федерации обладают высокой туристско-рекреационной привлекательностью. Ряд примеров мы постараемся рассмотреть в настоящей статье.

Согласно статистическим данным Министерства природных ресурсов Пермского края [2], экологический каркас Пермского Прикамья представлен особо охраняемыми природными объектами разного уровня как федерального – 2 заповедника, регионального (282), так и местного (51). Федеральная категория ООПТ представлена государственными природными заповедниками «Басеги» и «Вишерский». Региональные особо охраняемые объекты включают следующие категории (табл. 1): государственные природные заказники, памятники природы, историко-природные комплексы, охраняемые ландшафты, природные резерваты, а также природные объекты местного значения. К сожалению, в общий перечень ООПТ края не включены лечебно-оздоровительные территории и курорты разного уровня, которых на территории Пермского края насчитывается более 47. Округа горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов должны находиться под особой охраной государства (федеральной и региональной власти), но их реестр не ведется в Пермском крае.

На территории Республики Башкортостан расположены три заповедника («Башкирский», «Шульган-Таш», «Южно-Уральский»), национальный парк «Башкирия», три природных парка («Аслы-Куль», «Кандры-Куль», «Мурадымовское ущелье»), ландшафтный природный парк мест-

ного значения «Зилим», 29 государственных природных заказников (в том числе зоологических – 16, ландшафтных – 4, ботанических – 9), 180 памятников природы, ботанический сад, 7 округов горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Система региональных ООПТ Пермского края*

Значение, категории и профиль ООПТ	Кол-во, шт.	Площадь, тыс. га
Государственные природные заказники (ландшафтные и охотничьи биологические)	20	455,79
Памятники природы	114	6,11
Историко-природные комплексы	5	0,37
Охраняемые ландшафты	97	696,41
Природные резерваты	46	8,53
ИТОГО	282	1167,21

* Составлена по данным Министерства природных ресурсов Пермского края [2].

Т а б л и ц а 2

Система ООПТ Республики Башкортостан [3]

Значение, категории и профиль ООПТ	Число, шт.	Площадь		
		тыс. га	% от общей площади ООПТ	% от площади республики
Федерального значения:	4	407,26	33,2	2,84
– государственные природные заповедники	3	324,96	26,5	2,26
– национальный парк	1	82,3	6,7	0,58
Республиканского значения, в т.ч.:	220	409,135	49,1	2,85
– природные парки	3	77,43	6,3	0,54
– государственные природные заказники:	29	409,31	33,4	2,85
– памятники природы:	180	71,72	6,0	0,5
– лечебно-оздоровительные местности и курорты	7	41,78	3,4	0,29
– ботанические сады и дендропарки	1	0,025	0,002	–
Местного значения:	1	25,53	2,1	0,18
– земли, зарезервированные под природные парки	5	191,14	15,6	1,33
ИТОГО	230	1033,065	100,0	7,19

Кратко рассмотрим рекреационную привлекательность заповедных территорий анализируемых субъектов Российской Федерации.

Заповедник «Вишерский» находится на северо-востоке Пермского Прикамья, на территории Красновишерского муниципального района. Образован 26 февраля 1991 г. Занимает площадь 241 200 га: около 16% площади Красновишерского района и около 1,5% площади региона [11].

В пределах заповедника преобладает средне- и низкогорный рельеф с наивысшей точкой региона г. Тулымский камень (1 469 м). Происходят интенсивные карстообразовательные процессы: карстовые воронки, ныряющие реки, суходолы. Имеются пещеры, но они слабо изучены. На многих вершинах природные скульптуры – останцы Чертов Палец, Муниин-Тумп, Ерн-Пупы.

Заповедник включает верхнее течение р. Вишеры с притоками (Ниолс, Велс, Лопья, Мойва, Лыпья и др.). Многочисленные ручейки образуют водопады высотой от 50 см до 9 м, которые в свою очередь часто образуют каскады с уступами.

Растительность занимает срединное место между арктическими и бореальными типами флор и сходна с флорой Полярного Урала. В заповеднике произрастают около 500 видов высших сосудистых растений [Там же], из которых 150 видов – охраняемые. К таким растениям относятся: калипсо луковичная, любка двулистная, минуация Гельма, ветреница пермская и др. Также произрастают 102 вида мхов и 328 видов лишайников.

Среди животных на территории заповедника обитают 31 вид рыб, 3 вида земноводных и пресмыкающихся, 140 видов птиц и 50 видов млекопитающих [11]. Основную часть фауны составляют таежные животные (европейская норка, лесная куница, лось, кедровка, сибирский углозуб, соболь и др.). На отдельных участках можно встретить типичных обитателей (пустельга, полевой лунь). У водоемов встречаются обитатели околосводных пространств (перевозчик, большой крохаль). Также характерны представители тундры (северный олень, песец, тундряная и белая куропатки). В Вишере и ее притоках обитают рыбы: хариус, налим, речной голец, обыкновенный голец, европейский подкаменщик, таймень и др.

Вишерский заповедник располагает разнообразными природными богатствами в сочетании с благоприятными условиями и поэтому обладает большой рекреационной привлекательностью. Нужно иметь в виду, что любые виды туризма на территории заповедника запрещены, кроме научной работы ученых. Среди ученых нет однозначного мнения по вопросу развития экологического туризма в заповедниках, так как данный вид рекреационной деятельности имеет негативное влияние на заповедные территории. На наш взгляд, любые виды туризма на данной территории должны быть запрещены.

Заповедник «Басеги» расположен в восточной предгорной и горной частях Пермского края и занимает площадь 37 935 га. Образован 10 октября 1982 г. с целью охраны комплекса предгорных среднетаежных елово-пихтовых лесов [10].

Осевой частью заповедника является хребет Басеги, расположенный с севера на юг на 30 км и имеющий несколько хорошо обособленных горных вершин: Северный Басег (952 м над ур.м.), Средний Басег (994 м над ур.м.) и Южный Басег (851 м над ур.м.). Речная сеть представлена в основном двумя реками – Усьва и Вильва, которые несут насыщенную кислородом чистую воду.

По официальным данным [10], на территории заповедника обнаружены 18 видов растений и животных, занесенных в Красную книгу РФ. Примерами могут служить лобария легочная, надбородник безлистный, мнемозина, обыкновенный таймень, беркут, черный аист.

В Пермском крае наиболее часто посещаются пещеры, которые являются памятниками природы регионального значения и поэтому подлежат охране. Кроме пещер туристы могут посетить памятники природы и заказники, природные резерваты и историко-природные комплексы. Хочется еще раз подчеркнуть, что необходимо любую туристскую деятельность в заповедниках запретить.

Башкирский государственный природный заповедник создан с целью сохранения и изучения естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем. Территория заповедника по характеру рельефа делится на две резко различающиеся части: западную, охватывающую значительную площадь горного массива Южный Крак, и восточную, расположенную в пределах хребта Уралтау. Между ними лежит переходная область – долина р. Южный Узян. Башкирский заповедник находится в южной части зоны лиственно-светлохвойной средне- и низкогорной провинции горно-лесной части Горного Южного Урала.

Государственный природный заповедник «Шульган-Таш» является природоохранным, научно-исследовательским и эколого-просветительским учреждением федерального значения, имеющим целью сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем горных лесов Южного Урала. В 2008 г. эта особо охраняемая территория отметила свой полувековой юбилей.

Заповедник расположен на живописной лесной территории в низкогорьях западного склона Южного Урала в междуречье Нугуша и Белой в пределах Бурзянского района. В заповеднике запрещается хозяйственная деятельность, кроме мероприятий, направленных на сохранение местной формы медоносной пчелы и исторически сложившегося биоразнообразия лугов. Бортевое пчеловодство как традиционный народный промысел, не наносящий урона природной среде, практикуется на всей территории. Для экскурсионной деятельности используются 0,2% территории, для сенокосения – 1,8%.

Эксперты ЮНЕСКО оценили биоразнообразие заповедника «Шульган-Таш» и прилегающих к нему территорий национального парка «Башкирия» и государ-

ственного природного заказника «Алтын Солок» как имеющее общеевропейское значение. Ведется работа по оформлению этой территории в Список мирового культурного наследия по редкой номинации «Культурный ландшафт».

Наименьший по площади заповедник республики (22 531 га) широко известен своим историко-культурным наследием – палеолитической живописью Каповой пещеры. Пещера привлекает внимание все большего числа людей, в 2009 г. летом в выходные дни число экскурсантов достигало 1 тыс. человек ежедневно. Регулировать поток посетителей все сложнее, нужны технические средства охраны, как это практикуется в пещерах с живописью в Западной Европе. Сопредельная с кордоном «Капова пещера» территория стихийно застраивается объектами рекреационной инфраструктуры, ведется реконструкция дороги Старосубхангулово-Капова. После ее завершения можно прогнозировать значительный рост экскурсионного потока. В связи с этим работу по охране, мониторингу и экскурсионному использованию пещеры Шульган-Таш необходимо поднять на принципиально другой уровень. Хозяйственное освоение сопредельных территорий (выпас и обезлесивание) влияет на гидрологическое состояние пещеры: повышение обводненности грозит смывом рисунков.

Южно-Уральский государственный природный заповедник (ЮУГПЗ) расположен на территории двух субъектов Российской Федерации – Республики Башкортостан и Челябинской области. Более 90% территории заповедника находится в пределах Белорецкого района Республики Башкортостан. В центральной усадьбе, в административном здании, функционируют Музей природы и визит-центр для посетителей. Для проведения экскурсий имеется экскурсионный маршрут на вершину хр. М. Ямантау протяженностью 6 км.

Заповедники представляются очень привлекательными с точки зрения развития туристско-рекреационной деятельности, но имеют жесткий режим охраны, ограничивающий любую деятельность человека. Многие ученые критически относятся к развитию познавательного и экологического туризма на этих территориях, другие в ограниченном его развитии видят самостоятельность и автономность заповедных территорий. Однако перечень особо охраняемых природных территорий не исчерпывается федеральными заповедниками. Есть ряд ООПТ, чья деятельность более соответствует современным требованиям развития туризма и рекреации.

Курортные территории Пермского края. Уникальное сочетание природных лечебных ресурсов (минеральные воды бальнеологического и питьевого назначения, иловые грязи, благоприятные ландшафтно-климатические особенности) и наличие большого количества историко-культурных объектов Пермского края сделали регион известной зоной оздоровительного отдыха и лечебного туризма как для местного населения, так и для гостей из других регионов страны и стран ближнего зарубежья. На территории региона можно выделить 7 перспективных курортно-рекреационных районов (кластеров) [7–9] для развития курортной индустрии (рис. 1).

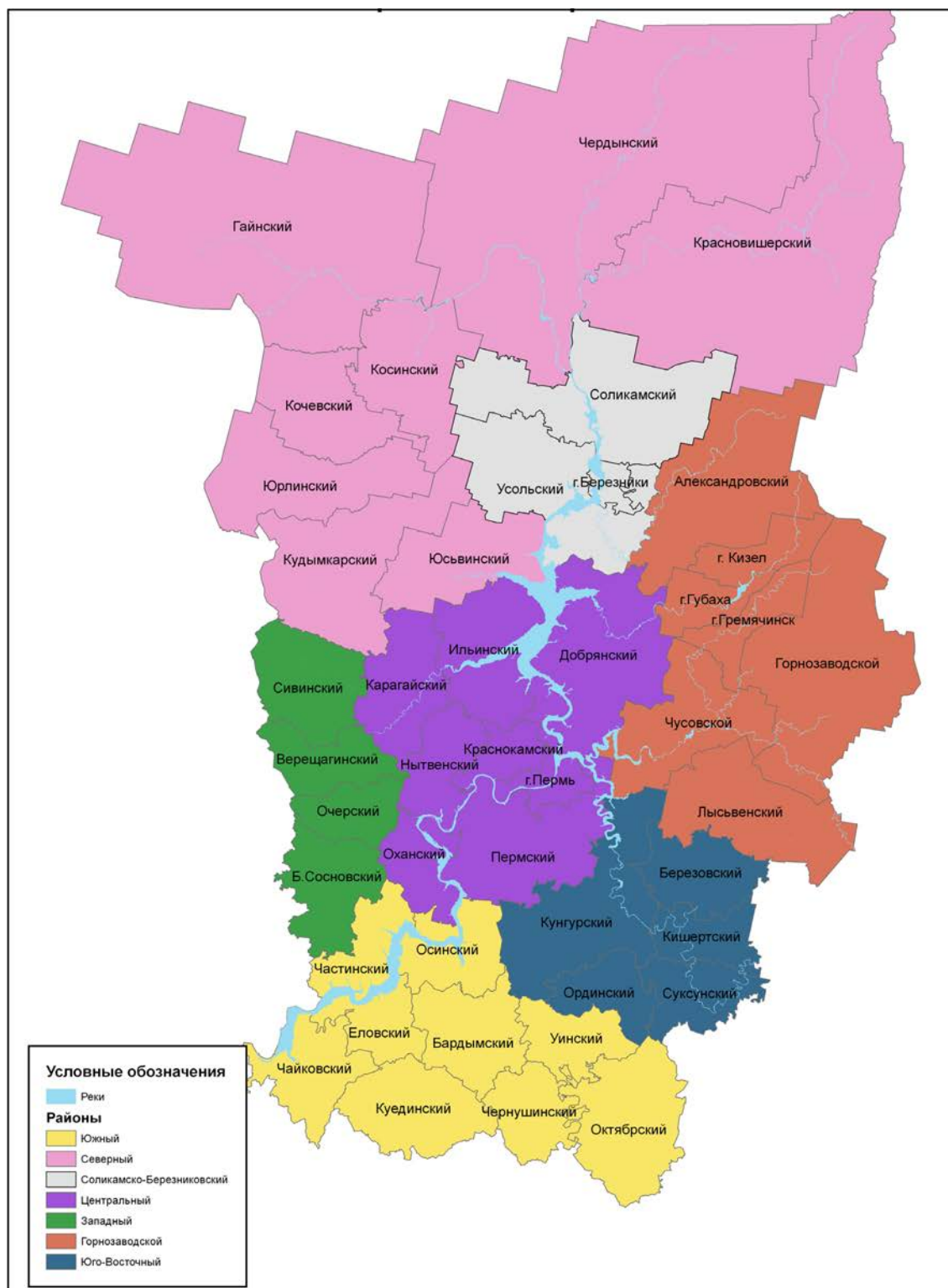

Рис. 1. Схема курортно-рекреационных территорий Пермского края [9]

Один из главных объектов лечебно-оздоровительного туризма Пермского края курорт «Усть-Качка» располагается в Пермском муниципальном районе, на берегу Воткинского водохранилища среди живописного соснового бора. Сегодня он является одним из крупнейших на Урале оздоровительных центров. Курорт известен своими лечебными водами: сероводородной, йодобромной и питьевой лечебно-столовой минеральной водой «Усть-Качкинская».

В юго-восточном районе ядром развития курортной деятельности является курорт «Ключи» (Суксунский район), расположенный в равной удаленности от Перми и Екатеринбурга, – на сегодняшний день современный лечебно-оздоровительный комплекс, в котором оптимально сочетаются природные условия и возможности современной курортной медицины. Кроме этих двух крупных курортных и рекреационных территорий, имеется более 45 муниципальных санаториев и профи-

лакториев (в основных крупных муниципалитетах). В регионе можно выделить несколько курортно-рекреационных территорий в зависимости от географического положения, разнообразия бальнеологических курортных факторов и ландшафтно-климатических особенностей. Мы приведем характеристику наиболее развитого центрального и перспективного северного курортно-рекреационного района.

Северный курортно-рекреационный район. С него начиналось освоение Урала, и поэтому в нем расположено большое количество памятников культуры, кроме этого, именно здесь находится крупнейшее в России Верхнекамское месторождение соли. Обладает многочисленными минеральными источниками (они практически не используются) и является наименее курортно освоенной территорией края. Поэтому север Пермского края – перспективный курортно-рекреационный район. В настоящее время здесь расположен единственный санаторий-профилакторий «Жемчужина Вишеры».

Центральным районом края является Пермский район, включающий пригородную зону города Перми и территории вокруг него. В районе действуют 14 баз отдыха, 19 детских оздоровительных лагерей (в том числе курорт «Усть-Качка»), а также горнолыжная база. Центральное положение, благоприятные климатические условия для развития курортной деятельности, большое количество потенциальных клиентов, транспортная доступность, наличие современной инфраструктуры, культурно-исторических объектов – все это идеально подходит для успешного развития в этом районе курортно-рекреационной и туристической деятельности. Здесь расположены около 26 санаторных организаций, среди которых самые известные: курорт «Усть-Качка», санаторий «Демидково», санаторий «Уральская Венеция», санатории-профилактории «Вита», «Бумажник», «Атлант», «Волна», «Уральский», «Алмед», «Родник», «Камкабель», «Сосновый бор», «Лесная поляна», «АпиСпа» и др.

Национальный парк «Башкирия» расположен на западных отрогах Южного Урала в междуречье рр. Нугуш и Белая, на хребтах Ямантау, Кибиз, Утямыш, Баш-Алатау (средняя высота гор – 500–700 м), а также прилегающих к нему с юга территориях восточного отрога Общего сырта и северной части Зилаирского плато. Это первый и единственный национальный парк федерального значения в Республике Башкортостан. На территории национального парка «Башкирия» расположены такие объекты: Нугушское водохранилище, построенное задолго до образования национального парка и включенное в территорию парка без изъятия из хозяйственной деятельности, расположенное в западной части территории парка; 3 памятника природы – «Куперлинский карстовый мост», урочище «Кутук», «Популяция лука косоного в Кугарчинском районе». На территории НП «Башкирия» расположены 8 экотроп и экскурсионных маршрутов (2 пешие экотропы (2 и 4 км), водный маршрут, водно-пеший маршрут, 2 конно-верховых многодневных маршрута, 2 пеших многодневных маршрута), общая протяженность которых составляет 351 км.

Природный парк «Аслы-Куль» создан с целью сохранения уникальной флоры и фауны оз. Асылыкуль и

окрестных прилегающих равнин, для развития организованного отдыха и туризма. Кроме того, это транзитный водоем для многих перелетных птиц.

Природный парк «Кандры-Куль» образован на базе акватории одноименного озера и прилегающей к нему водосборной площади. Центральным объектом является озеро Кандрыкуль – второе после оз. Асылыкуль по величине в республике. Как и оз. Асылыкуль, Кандрыкуль является местом гнездования многих видов водоплавающих и околоводных птиц и сезонных скоплений птиц на трансконтинентальных миграционных путях. В этом отношении оно имеет экологическую значимость далеко за пределами республики. Создание природного парка «Кандры-Куль» явилось первым в Башкортостане опытом создания природного парка в регионе с высокой плотностью населения.

Природный парк «Мурадымовское ущелье» располагается на западных отрогах Южного Урала. Удачное расположение на границе природных зон (лесной и степной), а также на границе биогеографических областей (европейской и сибирской) определяет повышенное биологическое разнообразие его экосистем. На территории парка расположены объекты, имеющие высокую научную, культурно-историческую и эстетическую ценность. Это пещеры с настенными рисунками первобытных людей, кальцитовые натёки, местообитания редких и нуждающихся в охране растений и животных, редкие типы растительных сообществ. На территории природного парка имеется 36 пещер. Это самая высокая концентрация пещер на Урале. В природном парке имеются сохранившиеся фрагменты старовозрастных лесов. Они имеют большое значение для сохранения биологического разнообразия не только Республики Башкортостан, но и всего Южного Урала.

На территории парка получили развитие следующие виды туризма: пеший, горный, спелео-, действуют 34 основных туристических маршрута.

Природные парки – природоохранные рекреационные учреждения, находящиеся в ведении субъектов Российской Федерации, территории которых включают природные комплексы и объекты, имеющие значительную экологическую и эстетическую ценность; предназначены для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях [4].

Природные парки выполняют следующие задачи:

- сохранение природной среды, природных ландшафтов;
- создание условий для отдыха (в том числе массового) и сохранение рекреационных ресурсов;
- разработка и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования территории природных парков.

Таким образом, именно при планировании природных парков в первую очередь необходим учет рекреационной привлекательности территории.

Наряду с уже существующими особо охраняемыми природными территориями (заповедники, национальный и природные парки, заказники, памятники природы и округа санитарной, горно-санитарной охраны санаториев, курортов и источников водоснабжения – около 7% территории РБ) в систему охраняемых при-

родных территорий Республики Башкортостан (СОПТ) включены существующие водоохранные и зеленые зоны, особо защитные участки лесов (около 16%), а также особо охраняемые природные территории, планируемые для организации из них 4 природных парков – «Иремель», «Ирендык», «Агидель», «Крыкты» – и заказник в Мишкинском районе на землях, зарезервированных под особо охраняемые природные территории в соответствии с Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 01.10.2002 № 293 «О резервировании земель под особо охраняемые природные территории Республики Башкортостан». В частности, к ним относится район горного массива Иремель – зарезервирован под одноименный природный парк, и участок самого восточного хребта Южного Урала Крыкты, рядом с важным туристско-рекреационным комплексом оз. Банное – под природный парк «Крыкты». Оба рассматриваемых участка имеют черты сходства: они привлекательны для туристов, рекреационная нагрузка на них неуклонно возрастает, однако виды и формы туристского природопользования явно различаются. Еще одна их общая особенность – это расположение на территории Республики Башкортостан в зоне, приграничной с Челябинской областью. В данной работе нами предпринята попытка сравнительного анализа двух указанных территорий с точки зрения их потенциала туристского природопользования.

Рассматривая два центра туристского интереса (цит. по: [5]) Южного Урала – горный массив Иремель и окрестности оз. Банное (оз. Яктыкуль), можно сделать выводы об их схожести с точки зрения использования в рекреационной деятельности.

Горный массив Иремель является памятником природы Южного Урала. Объекты, интересные для посещения:

- с. Тюлюк – поселок лесозаготовителей; сейчас здесь расположены туристские приюты «Три медведя», «Роза ветров» и др.;

- водопады на р. Тюлюк в 4 км выше села;
- водопады на р. Березяк, в ущелье у хребта Нургуш в 5 км к северу от села;
- хребет Зигальга: г. Поперечная;
- г. Малый Иремель;
- г. Большой Иремель;
- г. Жеребчик.

Название «Иремель» встречается еще в древнем башкирском эпосе «Урал-батыр», возраст которого определяется в 4,5 тыс. лет. Крупных населенных пунктов рядом нет, так как условия для жизни здесь нельзя назвать благоприятными.

В силу своей уникальности он притягивает внимание туристов. Но в данное время там отсутствует хорошо развитая инфраструктура, что мешает более широкому применению различных типов рекреационной деятельности. В свое время окрестности горного массива Иремель представляли собой лесозаготовительные районы, поэтому для вывоза древесины была проложена сеть узкоколейных железных и автомобильных дорог.

На горном массиве Иремель можно использовать различные виды рекреационной деятельности, которые, в свою очередь, можно объединить в циклы рекреационной деятельности (ЦРД, по И.В. Зорину) [6]. Авторы не во всем согласны с И.В. Зориным в данной класси-

фикации, в частности в вопросе отнесения всех экскурсий по целевому виду деятельности к культурно-историческому ЦРД – тем самым исключаются, например, экскурсии природоведческого характера. Кроме того, экспедиции, воздушный полет, робинзонада, конная прогулка и автомобильная поездка отнесены к одному приключенческому ЦРД, а как же научная составляющая экспедиций? В нашей работе, опираясь на данную классификацию, мы рассматриваем осуществляемые и перспективные виды рекреационной деятельности.

По циклам можно выделить следующие виды рекреационной деятельности:

- альпийский (горнолыжный спуск для фрирайдеров, оборудованных трасс и подъемников нет; катания зимние – на снегоходах, лыжный инструктаж);

- активно-оздоровительный (туристский поход на вершины гор Малый Иремель, Большой Иремель, Жеребчик, к истоку р. Белой; прогулки, подвижные игры, общение);

- культурно-исторический (экскурсии к водопаду на р. Тюлюк, к перекатам на р. Юрюзань; информационно-познавательная деятельность);

- охотничье-рыболовный (сбор ягод – голубики, брусники, водяники, черники, моршки – и грибов; рыбная ловля в рр. Тюлюк, Карагайка, Юрюзань и их притоках);

- паломнический (религиозные таинства – посещение шамана);

- приключенческий (экспедиции по изучению природы горного массива, конная прогулка на исток р. Белой, через Иремельское плато к д. Николаевка);

- спортивный (категорийные пешие, лыжные и альпинистские туристские походы, спортивные игры, туристско-спортивная подготовка, инструкторская подготовка);

- фестивально-конгрессный (посещение спортивных соревнований – кросс-походы, туриады, проводимые туристско-спортивным союзом Республики Башкортостан).

Рассмотренные циклы рекреационной деятельности непосредственно используются в данное время.

В список следовало бы добавить следующие ЦРД, возможности для развития которых имеются в районе горного массива Иремель:

- альпинистский (скалолазание);
- водный (купание, водные процедуры, солнечные ванны);

- курортный (климатолечение, терренкур);

- экологический (природоохранная деятельность, ландшафтные наблюдения, научно-экологическая деятельность, треккинг);

- этнографический (любительский труд, обучение ремеслам);

- приключенческий (робинзонада);

- паломнический (участие в религиозных праздниках – пос. Тюлюк является поселком староверов, у них есть своя церковь, сохранены традиции; посещение святых мест – староверы установили у подножия г. Иремель святой крест, ежегодно совершается крестный ход на вершину);

- ЦРД, которые в данный момент не используются. Они, на наш взгляд, позволили бы более полно реализовать рекреационные возможности этого района.

Туристско-рекреационный комплекс в окрестностях оз. Банное включает следующие посещаемые объекты:

- санатории «Якты-куль» (всероссийского значения); «Караташ» (республиканского значения), «Юбилейный» (ведомственный – ММК);
- дома отдыха «Кусимово», «Юность» и др.;
- горнолыжный центр «Металлург-Магнитогорск»;
- кумысные (частные);
- пляжи.

Название «Банное», как и второе название оз. «Якты-куль», встречается в литературе и на картах с середины 1930-х гг. – со времени, когда на берегу озера был построен санаторий «Якты-куль». Ранее озеро имело традиционное башкирское название Мауззы, что означает «Пасть дьявола», «Бездонная глотка».

Окрестности оз. Банное в настоящее время представляют собой туристский рекреационный комплекс. Находясь в 38 км от г. Магнитогорска, одного из крупнейших городов Урала и металлургических комбинатов мира, расположенного в степной зоне, окрестности озера идеально подходили для развития рекреационной деятельности. Этому способствовали наличие крупных водных объектов (комплекс 14 озер), уникального ландшафта местности (переходная зона между горно-лесной и равнинно-степной) и хорошо развитая инфраструктура (выгодное экономико-географическое положение). За короткий промежуток времени с 1930-х гг. вокруг озера были построены санатории, дома отдыха, детские спортивно-оздоровительные учреждения (пионерские лагеря). Рекреационная зона озера до сих пор расширяется. Этому способствует активное освоение территории. В 2003 г. в состав комплекса был включен горнолыжный центр «Магнитогорск-Металлург», который позволил расширить типы рекреационной деятельности в окрестностях оз. Банное. Особенностью горнолыжного центра является размещение потребителей на базе санаториев и домов отдыха, также созданы условия для размещения кемпингового типа в летний период на территории горнолыжного центра.

Из 67 типов рекреационной деятельности, предлагаемых в вышеуказанной классификации, в туристско-рекреационном комплексе оз. Банное не включены, на наш взгляд, только 9:

- альпинизм (ледолазание);
- участие в выставках;

- робинзонада;
- автопоездка;
- категорийные туристские походы;
- участие в научных конгрессах;
- научные дискуссии;
- любительский труд;
- обучение ремеслам.

Остальные типы рекреационной деятельности присутствуют и пользуются спросом.

В современном мире любой туристский район должен быть экономически оправдан, т.е. приносить прибыль. Если на данной территории планируется создание природного парка, то необходимо провести хотя бы примерные расчеты рентабельности работы парка, расчет платы за посещение с учетом предлагаемых услуг и интенсивности посещения парка рекреантами, расчет экономического воздействия расходов рекреантов с помощью туристского мультипликатора.

Рассматриваемые центры туристского интереса различаются по уровню предлагаемого сервиса и привлекательности для туристов с разным уровнем потребностей. Туристский центр «Иремель» больше подойдет любителям общения с первозданной природой, слабо измененной человеком. Туристско-рекреационный комплекс «Банное» рассчитан на посетителей с более высокими потребностями в комфортабельном отдыхе и предлагает гораздо более обширный ассортимент рекреационных услуг. Однако оба они играют значительную роль на рынке туристско-рекреационных услуг Южного Урала.

На примере анализа двух центров туристского интереса мы постарались раскрыть туристско-рекреационную привлекательность существующих и проектируемых особо охраняемых природных территорий Урала. Наибольшие перспективы, на наш взгляд, имеют ООПТ ранга природных парков, создание которых активно внедряется в Республике Башкортостан и пока не реализуется в Пермском крае. Однако именно статус природного парка предполагает как сохранение природной среды и природных ландшафтов, так и создание условий для отдыха (в том числе массового), т.е. разработку и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержания экологического баланса в условиях рекреационного использования территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Квартальнов В.А.* Туризм : учеб. 2-е изд., перераб. М. : Финансы и статистика, 2006. 336 с.
2. *Информация* Управления по охране окружающей среды Министерства природных ресурсов Пермского края. URL: <http://www.permecology.ru/>
3. *Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и окружающей среды Республики Башкортостан в 2009 году.* Уфа, 2010. 189 с.
4. *Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».*
5. *Кусков А.С., Голубева В.Л., Одинцова Т.Н.* Рекреационная география. М. : ФЛИНТА: МПСИ, 2005. 496 с.
6. *Менеджмент туризма: Туризм и отраслевые системы.* М. : Финансы и статистика, 2002. 272 с.
7. *Балина Т.А., Оборин М.С., Слащев Д.Н.* Кластерный подход в формировании политики регионального развития (на примере Пермского края) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета. Естественные науки.* 2011. № 25. С. 651–654.
8. *Оборин М.С., Девяткова Т.П., Воронов Г.А.* Качественная оценка туристско-рекреационного потенциала особо охраняемых природных территорий (на примере Пермского края) // *Вестник УдмГУ.* 2011. № 2. С. 36–43.
9. *Оборин М.С.* Перспективы развития центрального рекреационно-курортного кластера Пермского края // *Экологические проблемы природопользования : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. С. 101–107.
10. URL: <http://basegi.zapoved.ru>
11. URL: <http://vishera.zapoved.ru>

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 25 октября 2013 г.

НОВЫЕ ВИДЫ ПОЛИМОРФИНИД (ФОРАМИНИФЕРЫ) КАМΠΑН-МАССТРИХТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Фораминиферы-полиморфиниды исследованы монографически как наименее изученные, но часто встречающиеся в кампан-маастрихтских комплексах Западной Сибири. Это семейство охватывает группу фораминифер, отличающуюся большой изменчивостью морфологических признаков. Изучение полиморфинид проводилось автором по фактическим материалам из скважин, пробуренных на юго-востоке Западной Сибири, а также на основании коллекций, хранящихся в лаборатории микропалеонтологии Томского государственного университета.

Ключевые слова: фораминиферы; полиморфиниды; кампан; маастрихт; Западная Сибирь.

Полученный материал из скважин, пробуренных на юго-востоке Западной Сибири, позволил выделить новые таксоны (виды и подвиды) в семействе полиморфинид. При описании этих таксонов полиморфинид автор основывался на пяти критериях (морфологический, геохронологический, палеогеографический, палеобиогеографический и критерий дискретности), предложенных А.В. Фурсенко [1].

В работе описаны два вида и пять подвидов в отложениях ганькинской свиты. Литологически свита представлена довольно однообразными серыми плотными известковыми алевролитами и глинами.

Характер пористости у изученных полиморфинид может быть подразделен на два типа. К первому типу, наиболее распространенному, отнесена пористая поверхность раковины, пронизанная мельчайшими точечными отверстиями, величина которых может быть 0,3–0,5 мкм. Форма отверстий приближается к округлой, она довольно постоянна, поры расположены неравномерно или цепочкообразно. Поры простые, т.е. неокаймленные, и характерны для многих видов, относящихся к родам *Glandulina*, *Eoguttulina*, *Pyrolina*, *Sigmomorphina*, *Guttulina*, *Globulina*, *Ramulina*. Таксоны с порами второго типа пока не обнаружены.

Для установления видовых и подвидовых категорий из указанных пяти критериев в основном использовались морфологический, геохронологический и палеогеографический. При сравнении известных видов, описанных В.И. Кузиной [2], автором выявлены явные разногласия при определении их возраста. Поэтому, учитывая вышеуказанные два критерия, можно было среди полиморфинид выделить новые таксоны. При описании видов и подвидов установлены их иное морфологическое строение, стратиграфическое положение и возрастное значение, которое отличается от установленного ранее.

Пористость стенки раковины выделенных видов и подвидов рассматривалась под электронным микроскопом в НИИ биологии и биофизики при Томском государственном университете.

Описание фораминифер проводилось в соответствии с инструкцией по систематическому описанию организмов, предложенному ПИН РАН.

Существенную роль в систематике полиморфинид играет фактор ареала и географической изоляции. Отсюда, естественно, вытекает необходимость учитывать географический критерий.

В процессе изучения новых видов и подвидов вышеуказанного семейства появились расхождения с дан-

ными В.И. Кузиной [2] не только в возрастном отношении, но и по географическому распространению и местонахождению полиморфинид. По данным В.И. Кузиной, вид *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko распространен только в Днепровско-Донецкой впадине Восточной Украины (Ромненский район). Сибирский (географический) подвид *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko subsp. *sibirica* Kseneva subsp. nov. распространен в отложениях кампан-маастрихта Западной Сибири.

Все приводимые ниже экземпляры видов хранятся в микропалеонтологическом отделе Палеонтологического музея Томского госуниверситета. Зарисовка раковин производилась с натуры художницей О.М. Лозовой.

Изображения изученных таксонов показаны на 2 палеонтологических таблицах I, II.

Для уточнения систематики полиморфинид использовались известные справочники Д. Кушмана [3], Д. Кушмана и И. Озавы [4], Основы палеонтологии. Простейшие [5], В. Кузиной [2], А. Леблика и Е. Таппэн [6, 7].

Описание полиморфинид Семейство Polymorphinidae Orbigny, 1839

Polymorphinidae Orbigny in De La Sagra, 1839, с. 131; Polymorphinidae Reuss, 1860, с. 230; Polymorphinidae Reuss, 1862, с. 79; Polymorphinidae Schwager, 1876, с. 479; Polymorphina Butschli in Bronn, 1880, с. 200; Ramulinina Lankester, 1885, с. 847; Polymorphinidae Delage and Herouand, 1896, с. 138; Ramulinidae Lister in Lankester, 1903, с. 145; Enantiomorphinidae Marie, 1941, с. 142; Polymorphinidae, 1959, с. 257; Polymorphinidae Loeblich and Tappan, 1964, с. 530; Polymorphinidae Loeblich and Tappan, 1988, с. 416.

Формы полиморфинид в основном бентосные, свободнопередвигающиеся, реже прикрепленные, многие из них однокамерные, асимметричные и симметричные, гетероморфные и мономорфные. Камеры чаще всего грушевидные или яйцевидные, иногда вытянутые или неправильной формы, объемлющие. Свободно передвигающиеся чаще характеризуются спирально-коническим (нередко спирально-винтовым) типом нарастания камер в двух или нескольких плоскостях. У некоторых родов (*Glandulina*, *Paradentalina*) раковины, относящиеся к мегасферической генерации, целиком однорядны (подсем. Polymorphininae). Кроме спирально-конических и спирально-винтовых раковин, свободнопередвигающиеся могут иметь раковины с неправильным расположением камер, соединенных столонами, или раковины с ка-

мерами, непосредственно примыкающими друг к другу (подсем. Ramulininae). Подсем. Oolininae включает однокамерные раковины с осью бесконечно большого порядка, а также двусимметричные и билатерально-симметричные формы. Прикрепленные раковины могут состоять из округлых камер, соединенных трубочками, или иметь начальную часть полиморфинидового типа, окруженную окаймляющими, ветвящимися, фланцевидными камерами (подсем. Webbinellinae). Стенка секреторная, известковая.

Устье конечное, наружная часть устьевого аппарата в виде многочисленных радиально расположенных щелей (лучистое), одной щели (щелевидное), многочисленных дырочек (ситовидное), многочисленных дырочек, окруженных по периферии тонкими радиально расположенными щелями (ситовидно-лучистое), или из многочисленных гребешковидных выростов, оканчивающихся круглыми отверстиями, реже устье простое, овальное или округлое, иногда в виде открытого конца трубки. Внутренняя часть устьевого аппарата может быть представлена различными системами трубочек-каналцев (прямых и разветвленных) или одного канала в толще устьевого бугорка. У многих полиморфинид отмечается свободно свисающая дудка (различной формы и длины) в полость последней камеры. Стенка тонкая, радиально-лучистая, обычно блестящая или матовая, гладкая, реже с шипиками, ребрышками или трубковидными, а также бородавчатовидными выростами. Многие роды имеют фистулезные образования. Часто многокамерная раковина подсем. Polymorphininae и Guttulinae представляет собой как бы мешочек, ибо межкамерные перегородки не сохраняются, видны лишь их следы. У многих родов раковина двух генераций (А, В), у некоторых – трех генераций (А₁, А₂, В). Нижняя пермь – современные.

Подсемейство Polymorphininae Orbigny, 1839

Polymorphininae Brady, 1881, с. 44 (nom. trans. ex family Polymorphinidae Orbigny, 1839); Основы палеонтологии, 1959, с. 257; Enantiomorphinae Loeblich and Tappan, 1961, с. 298; 1988, с. 416; Guttulinae Кузина, 1973, с. 93, 1976, с. 45.

Свободноживущие. Раковина многокамерная, гертероморфная, спирально-винтовая, с двумя камерами в обороте, билатерально-симметричная, в поздней части у некоторых родов раковина становится однорядной, что наблюдается у мегалосферического поколения родов *Glandulina* и *Paradentalina*. По форме различаются следующие типы раковин: овальная, веретенновидная, ромбовидная, удлинённая. Камеры уплощенные или вздутые, объемлющие. Швы поверхностные или слегка углубленные. Наружная часть устьевого аппарата может быть лучистая, ситовидная, ситовидно-лучистая, гребешковидная, внутренняя часть – в виде трубочек-каналцев, расположенных в толще стекловидного устьевого бугорка, со свободно свисающей дудкой в полость камеры или без нее. Стенка гладкая, блестящая, тонкопористая. У некоторых родов различаются камеры (А, В). Триас – современные.

Guttulina ipatovcevi Vassilenko subsp. *sibirica*

Kseneva subsp. nov.

Табл. I, фиг. 1 а, б

Голотип № 2042 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), гл. 234,5 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Паратип № 2043 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Межевская скв. 41, гл. 325,5–325,0 м; верхний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina kasanzevi*, *Bulimina rosenkrantzi*.

Материал. Около десяти раковин различной сохранности.

Диагноз. Раковина средних размеров, неправильно-округлая, несколько вытянутая по диагонали, уплощенная, гладкая, спирально-винтовая, состоящая из 7–8 вздутых камер, расположенных по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Начальные камеры округлые, две последних – продолговатые, изогнутые, объемлющие. Швы углубленные. Устье лучистое на заостренном конце последней камеры.

Описание. Раковина средней величины, неправильно-округлая, несколько вытянутая по диагонали, закругленно-треугольная в поперечном сечении, частично сжатая с боковых сторон, спирально-винтовая, насчитывающая 7–8 камер с гладкой поверхностью, расположенных по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Начальные камеры в количестве от 5 до 6 имеют округлую форму и почти не объемлют друг друга. Две последних камеры удлиненные, изогнутые, вздутые, объемлющие. Швы двухконтурные, углубленные, изогнутые, четкие. Устье эллипсоидальное, лучистое, расположенное на заостренном конце последней камеры. Стенка раковины известковистая, плотная, однослойная с радиально-лучистым строением.

Размеры, мм

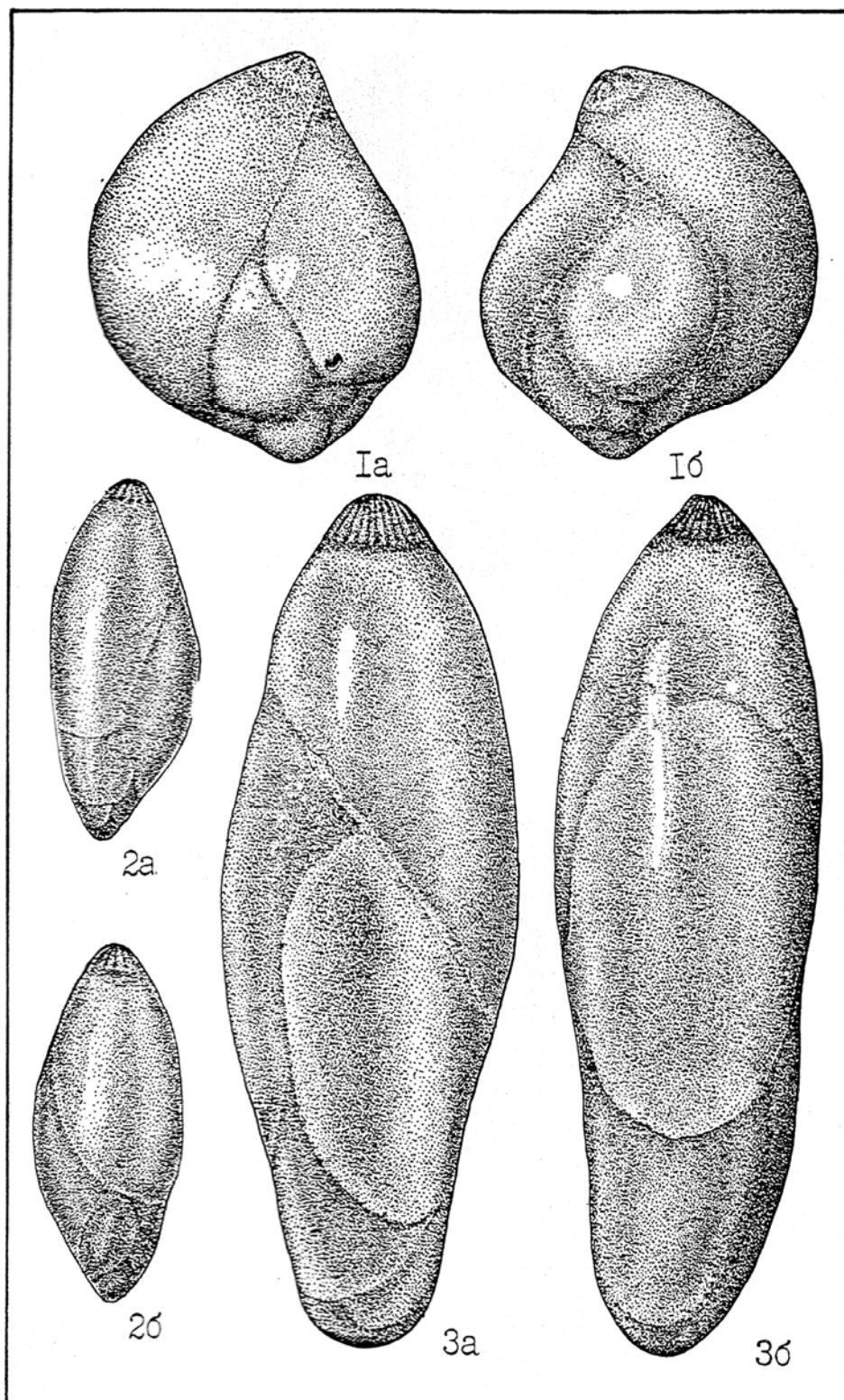
№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2042	0,55	0,52	0,42	0,15	7
Паратип 2043	0,57	0,45	0,37	0,10	7
Экземпляр 2044	0,75	0,70	0,53	0,10	8
Экземпляр 2045	0,75	0,70	0,53	0,10	8

Изменчивость проявляется в вариации общих размеров раковины и начальной камеры, в степени вздутиости камер и уплощенности раковины.

Сравнение. От сходного вида *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko, описанного В.П. Василенко [8], из палеоценовых отложений Днепровско-Донецкой впадины, новый подвид отличается большими размерами (наиб. Д – 0,80 против 0,69 мм; Ш – 0,72 против 0,52 мм; Т – 0,53 против 0,40 мм), некоторой сжатостью раковины с боковых сторон и большей ее асимметричностью.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейны рр. Парабели, Васюгана.

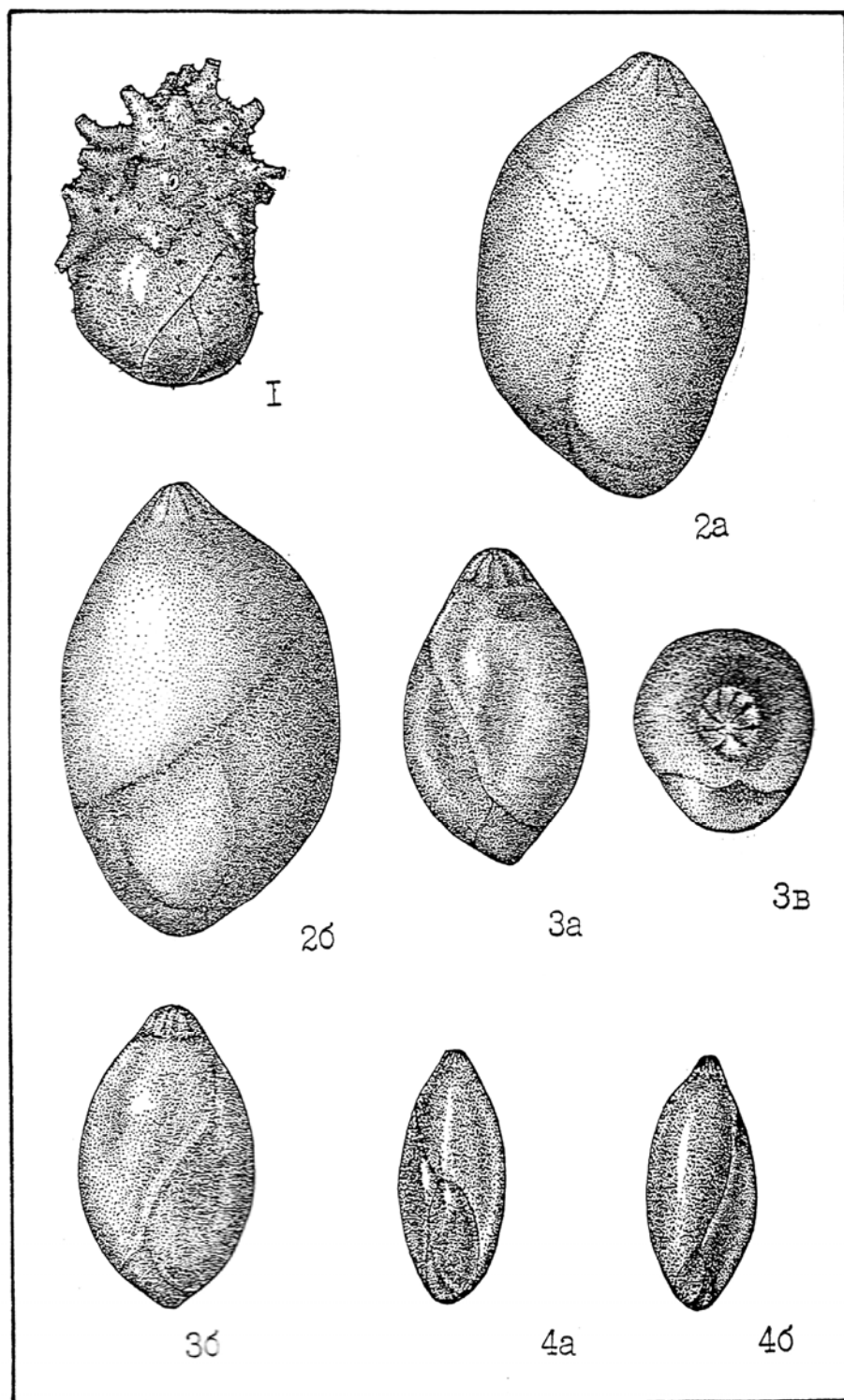

a, б – вид с боковых сторон.

Фиг. 1 – *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko *sibirica* Kseneva subsp. nov.: 1 – голотип № 2042. Западная Сибирь, Томская область, Сенькинский отряд, скв. 28, гл. 234,5 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Фиг. 2 – *Sigmomorphina elongatus* Kseneva sp. nov.: 2 – голотип № 2014. Западная Сибирь, Томская область, Сенькинский отряд, скв. 28, гл. 277,5 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Фиг. 3 – *Pseudopolymorphina fusiformis* Kseneva sp. nov.: 3 – голотип № 2026. Западная Сибирь, Томская область, Васюганский отряд, скв. 4-м, гл. 232,0 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

a, б – вид с боковых сторон; *в* – вид со стороны устья.

Фиг. 1 – *Globulina lacrima* (Reuss) *aculeanta* Kseneva subsp. nov.: 1 – голотип № 2054. Западная Сибирь, Новосибирская область, Межовская партия, скв. 41, гл. 325,0 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Фиг. 2 – *Globulina rotundata distincta* Kseneva subsp. nov.: 2 – голотип № 2070. Западная Сибирь, Томская область, Парбигская партия, скв. 83, гл. 210,0 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Фиг. 3 – *Globulina paalzovi ovata* Kseneva subsp. nov.: 3 – голотип № 2088. Западная Сибирь, Томская область, Парбигская партия, скв. 60, гл. 290,0 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Фиг. 4 – *Globulina oolithica* (Terguem) *ellipsoidella* Kseneva subsp. nov.: 4 – голотип № 2038. Западная Сибирь, Томская область, Парбигская партия, скв. 28, гл. 232,0 м; ганькинский горизонт, маастрихт, х80.

Sigmomorphina elongatus (elongatus (лат.) – удлинённый)
Kseneva sp. nov.
 Табл. I, фиг. 2 а, б

Голотип № 2014 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), скв. 28, гл. 277,5 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Паратип № 2015 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Васюган (Васюганский отряд), скв. 4-м, гл. 230,0 м; верхний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina kasanzevi*, *Bulimina rosenkrantzi*.

Материал. Несколько раковин хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина средних размеров, веретеновидная, слабо вздутая в срединной части и плавно суживающаяся к обоим концам, слегка уплощенная, гладкая, спирально-винтовая, состоящая из 4–6 удлиненных трехрядно расположенных объемлющих камер. Швы слабо вдавленные, четкие, слегка изогнутые. Устье округлое, лучистое на заостренном конце последней камеры.

Описание. Раковина средней величины, веретеновидная, слабо вздутая в срединной части и плавно суживающаяся к обоим концам, слегка сдавленная с боков, округлая или широкоовальная в поперечном сечении, спирально-винтовая, насчитывающая от 4 до 6 трехрядно расположенных камер с гладкой поверхностью. Камеры слабо вздутые, удлиненные, объемлющие друг друга так, что контур раковины становится почти ровным.

По мере нарастания камеры все более вытягиваются от основания начальной камеры, вследствие чего высота последней камеры достигает почти двух третей высоты всей раковины. Швы косые, слабо вдавленные. Заостренный конец последней камеры несет округлое лучистое устье. Лучистый устьевой конусовидный бугорок, превышающий размеры начальной камеры, слабо заострен. Стенка раковины беловато-серая, известковистая, прозрачная, тонкая, тонкопористая, однослойная.

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2014	0,40	0,22	0,20	0,02	6
Паратип 2015	0,45	0,17	0,15	0,03	4
Экземпляр 2016	0,56	0,25	0,22	0,05	6
Экземпляр 2017	0,58	0,11	0,08	0,02	6

Изменчивость проявляется в вариации общих размеров раковины и начальной камеры.

Сравнение. От изученных видов рода *Sigmomorphina* описываемый вид отличается меньшими размерами раковины и небольшой начальной камерой, менее вздутыми камерами.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейны рр. Парабели, Васюгана, Тыма.

Pseudopolymorphina fusiformis (fusiformis (лат.) – веретеновидный) **Kseneva sp. nov.**
 Табл. I, фиг. 3а,б

Голотип № 2026 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Васюган (Васюганский отряд), скв. 4-м, гл. 232,0 м; верхний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina kasanzevi*, *Bulimina rosenkrantzi*.

Паратип № 2027 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), скв. 28, гл. 257,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Материал. Около десяти раковин хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина крупных размеров, вытянутая, веретеновидная, несколько уплощенная, гладкая, спирально-винтовая, состоящая из 7–9 незначительно вздутых и мало объемлющих камер, расположенных по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Швы поверхностные или слегка углубленные, отчетливые, узкие. Устье лучистое на заостренном конце последней камеры.

Описание. Раковина крупных размеров, удлиненная, веретеновидная, слегка сжатая с боковых сторон, с гладкой поверхностью, спирально-винтовая, насчитывающая от 7 до 9 камер, расположенных в процессе навивания по часовой стрелке по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Камеры слегка объемлющие со стороны устьевого конца, и в силу винтового расположения каждая последующая камера больше предшествующей и удалена от начального конца раковины. Поверхность камер слабо вздутая, отчего контур раковины относительно ровный. Швы поверхностные между начальными камерами и слегка углубленные, четкие между последующими, узкие. Заостренная часть последней камеры несет лучистое устье. Подобные устья ясно вырисовываются и у 2–3 предыдущих камер. Стенка раковины беловато-серая, известковистая, стекловидная или фарфоровидная

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2026	1,05	0,45	0,42	0,17	7
Паратип 2027	1,02	0,35	0,32	0,15	7
Экземпляр 2028	1,31	0,45	0,42	0,12	8
Экземпляр 2029	1,57	0,42	0,40	0,10	9

Изменчивость проявляется в вариации общих размеров раковины и начальной камеры, в степени углубленности швов и характере конфигурации раковины.

Сравнение. От сходного вида *Pseudopolymorphina dollfissi* Cushman and Ozawa, выделенного Д. Кушманом и И. Озавой [4] из миоценовых отложений Франции, описываемый вид отличается веретеновидной формой раковины, большей шириной и толщиной раковин (наиб. Ш – 0,45 против 0,35 мм; Т – 0,42 против 0,22 мм). Швы между начальной и последующими первыми камерами более поверхностные.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейны рр. Парабели, Васюгана.

Globulina lacrima* (Reuss) subsp. *aculeanta
(*aculeanta* (лат.) – шиповатая) ***Kseneva* subsp. nov.**

Табл. II, фиг. 1

Голотип № 2054 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, Межовская скв. 41, гл. 325,0 м; верхний маастрихт, зона *Spiroplectamina kasanzevi*, *Bulimina rosenkrantzi*.

Паратип № 2055 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), скв. 28, гл. 237,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Материал. Около пятнадцати раковин хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина средних размеров, вытянуто-овальная или округлая, уплощенная, тонкошиповатая, спирально-винтовая, состоящая из 5–7 вздутых, объемлющих камер, расположенных по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Швы углубленные. Устье – открытые концы дихотомически ветвящихся трубочек последней фистулезной камеры.

Описание. Раковина средней величины от вытянуто-овальной до округлой очертания, с тонкошиповатой поверхностью, слегка сжатая с боковых сторон, овальная в поперечном сечении, спирально-винтовая, насчитывающая от 6 до 7 вздутых, объемлющих камер, расположенных по типу *Quinqueloculina* (под углом 72°). Камеры объемлют друг друга таким образом, что поверхность становится совершенно ровной. Последняя фистулезная камера объемлет все камеры предыдущего оборота. Швы между начальными камерами поверхностные, а затем становятся более углубленными, четкими. Последняя камера насчитывает от 8 до 24 дихотомически ветвящихся камер, открытые концы которых служат устьем. Стенка раковины беловато-серая, известковистая, прозрачная, средней толщины, однослойная.

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2054	0,50	0,32	0,28	0,09	5
Паратип 2055	0,65	0,37	0,32	0,08	6
Экземпляр 2056	0,48	0,26	0,21	0,05	5
Экземпляр 2057	0,60	0,37	0,30	0,06	7

Изменчивость проявляется в вариации общих размеров раковины, начальной камеры, в степени шиповатости. Подвержены изменчивости форма, размеры и количество ответвляющихся трубочек последней фистулезной камеры.

Сравнение. Наибольшее сходство наблюдается с видом *Globulina lacrima* (Reuss), встречающимся в от-

ложениях Западно-Сибирской равнины. Отличается описываемый подвида более округлой формой раковины, тонкошиповатой поверхностью, устьем в виде фистулезного выроста.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейн р. Парабели.

Globulina rotundata* (Bornemann) *distincta
(*distincta* (лат.) – отличающаяся) ***Kseneva* sp. nov.**

Табл. II, фиг. 2 а, б

Голотип № 2070 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парбиг (Парбигская партия), скв. 83, гл. 210,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Паратип № 2071 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парбиг (Парбигская партия), скв. 15, гл. 260,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Материал. Единичные раковины хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина неправильно-овальная. С правой стороны видны 5–6 камер, с левой 4–5. С начальной части видны 3–4 камеры. Начальные камеры имеют широкосерповидную форму, затем становятся трапециевидными или дольковидными. Швы поверхностные, изогнутые. Устье лучистое. Стенка известковистая, толстая, мелкопористая.

Описание. Раковина неправильно-овальная, в поперечном сечении почти круглая. С правой стороны видны 5–6 камер, с левой 4–5. Высота камер слегка превышает ширину. С начальной части видны 3–4 камеры. Начальные камеры имеют широкосерповидную форму, затем становятся трапециевидными или дольковидными. Швы поверхностные, изогнутые. Наружная часть устьевого аппарата представлена немногочисленными радиально расположенными щелями. Стенка известковистая, толстая, мелкопористая.

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2070	0,70	0,45	0,39	0,10	5
Паратип 2071	0,52	0,40	0,27	0,08	5
Экземпляр 2072	0,65	0,42	0,30	0,09	5

Изменчивость проявляется в форме и размерах раковины, форме и числе камер.

Сравнение. Наибольшее сходство наблюдается с видом *Globulina rotundata* (Bornemann), выделенным Борнеманом [9] из олигоценых отложений окрестностей Берлина. Отличиями описанного подвида является форма неправильно-округлая и большие размеры раковины. Наиб. Д – 0,70 против 0,60 мм; Ш – 0,45 против 0,40 мм; Т – 0,39 против 0,35 мм, а также форма камер.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейн р. Парбиг.

Globulina paalzowi* Mjatluk subsp. *ovata
(*ovata* (лат.) – яйцевидная) ***Kseneva* subsp. nov.**

Табл. II, фиг. 3 а, б, в

Голотип № 2088 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парбиг (Парбигская партия), скв. 60, гл. 290,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Паратип № 2089 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парбиг (Парбигская партия), скв. 83, гл. 212,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Материал. Около 6 раковин хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина небольших размеров, яйцевидная, с вытянутыми концами. На обеих сторонах раковины видно по 3 удлинённых камеры. Швы поверхностные, слегка изогнутые. Устье радиально-лучистое. Стенка известковистая, беловатого цвета, тонкая, мелкопористая.

Описание. Раковина небольших размеров, яйцевидная, суживающаяся к обоим концам, поперечное сечение овальное. С обеих сторон видно 3 камеры. Начальная камера в виде небольшого треугольника, две последующие, охватывающие ее камеры по форме – широкосерповидные.

Последняя камера занимает почти половину объема всей раковины. Наружная часть устьевого аппарата представлена немногочисленными широкими радиально расположенными щелями. Стенка беловатого цвета, известковистая, гладкая, тонкая, полупрозрачная, мелкопористая.

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2088	0,50	0,30	0,28	0,05	3
Паратип 2089	0,47	0,30	0,25	0,06	3
Экземпляр 2090	0,45	0,27	0,25	0,05	3

Изменчивость проявляется в размерах раковины, начальной камеры и форме камер.

Сравнение. Сходным видом является *Globulina paalzowi* Mjatluk, выделенный Е.В. Мятлюк [10] из верхнеюрских отложений Поволжья. Описываемый подвид отличается яйцевидной формой раковины и большими размерами раковины – наиб. Д – 0,50 против 0,35 мм; наиб. Ш – 0,30 против 0,25 мм; наиб. Т – 0,28 против 0,25 мм.

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейн р. Парбиг.

Globulina oolithica* (Terquem) subsp. *ellipsoidella
(*ellipsoidella* (лат.) – эллипсоидная) ***Kseneva* subsp. nov.**

Табл. II, фиг. 4 а, б

Голотип № 2038 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), скв. 28, гл. 232,0 м, нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона со *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Паратип № 2039 в коллекции микропалеонтологического отдела Палеонтологического музея Томского государственного университета. Западно-Сибирская равнина, Томская область, бассейн р. Парабели (Сенькинский отряд), скв. 28, гл. 284,0 м; нижний маастрихт, ганькинский горизонт, зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*.

Материал. Около пятнадцати раковин хорошей сохранности.

Диагноз. Раковина средних размеров, продолговатая, эллипсоидная, слегка уплощенная, гладкая, спирально-винтовая, состоящая из 4–5 слабо вздутых и мало объемлющих камер, расположенных по типу, близкому к *Triloculina* (под углом 144°). Швы четкие поверхностные. Устье округлое, лучистое на заостренном конце последней камеры.

Описание. Раковина средней величины, удлиненная, эллипсоидного очертания, слегка сжатая с боковых сторон, с гладкой поверхностью, спирально-винтовая, насчитывающая 4–5 удлиненно-каплевидных и слабо объемлющих с устьевой стороны камер, располагающихся в процессе навивания по часовой стрелке и по типу, близкому к *Triloculina* (под углом 144°).

Поверхность камер слегка вздутая, отчего контур раковины довольно ровный. Швы поверхностные, четкие, косые, под острым углом к продольной оси. Заостренный конец последней камеры несет округлое, лучистое устье. Стенка раковины беловато-серая или желтоватая, известковистая, стекловидная, тонкая, однослойная с радиально-лучистой микроструктурой.

Размеры, мм

№ экземпляра	Д	Ш	Т	Шн. к	К
Голотип 2038	0,5	0,27	0,17	0,10	5
Паратип 2039	0,57	0,25	0,22	0,17	5
Экземпляр 2040	0,38	0,16	0,13	0,04	4
Экземпляр 2041	0,48	0,22	0,20	0,05	5

Изменчивость проявляется в вариации общих размеров раковины и начальной камеры. На имеющемся материале устанавливается две генерации вида, у которых наблюдаются некоторые различия в морфологических признаках раковин. Микросферические особи имеют меньшую начальную камеру (0,04–0,06 мм) и большее количество камер (4–5). Мегасферические особи имеют большую начальную камеру (0,16–0,17 мм) и меньшее количество камер (4).

Сравнение. От близкого вида *Globulina oolithica* (Terquem), выделенного О. Терквемом [11] из отложений средней юры Франции, описываемый подвид от-

личается эллипсоидной формой раковины и большими размерами (наиб. Д – 0,61 мм против 0,41 мм; Ш – 0,30 мм против 0,15 мм; Т – 0,25 мм против 0,12 мм); большим количеством камер (5 против 3).

Распространение и возраст. Западно-Сибирская равнина; ганькинский горизонт, маастрихт.

Местонахождение. Томская область: бассейны рек Парабели, Васюгана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурсенко А.В. Введение в изучение фораминифер // Труды ИГиГ СО РАН. Новосибирск : Наука, 1978. Вып. 391. 242 с.
2. Кузина В.И. Фораминиферы семейства Polymorphinidae СССР. Л. : Недра, 1976. 191 с.
3. Cushman J.A. The foraminifera of the Velaseo shale of the Tampico embayment // Bull. Am. Ass. Petrol. Geol. 1926. Vol. 10. P. 581–612. Pl. 15–21.
4. Cushman J.A., Ozawa Y. A monograph of the foraminiferal family Polymorphinidae recent and fossil // Proc. U.S. Nat. Mus. 1930. Vol. 77. P. 1–195.
5. Основы палеонтологии. Простейшие / под ред. Д.М. Раузер-Черноусовой, А.В. Фурсенко. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 115–338.
6. Loeblich A., Tappan H. Treatise on in vertebrate paleontology // Pt. C., Protista 2, Sarcodina, chiefly «Thecamoebians» and Foraminifera. 1964. Vol. 2. P. 511–900.
7. Loeblich A., Tappan H. Foraminiferal genera and their classification. N.Y. : Van Nonstrand Reinhold Company, 1988. P. 416–429.
8. Василенко В.П. Фораминиферы палеогена центральной части Днепровско-Донецкой впадины // Микрофауна СССР. Л., 1950. Сб. 4. С. 177–233 (Тр. ВНИГРИ. Нов. сер. Вып. 51).
9. Bornemann J. Die mikroskopische Fauna der Septarienthones von Hermsdorf bei Berlin // Zs. Deutsch. geol. Ges. 1855. Bd. 7. S. 307–371.
10. Мятлюк Е.В. Фораминиферы нижнего келловоя бассейна р. Карлы Татарской АССР // Микрофауна СССР. Л., 1959. Сб. 10. С. 393–441. (Труды ВНИГРИ. Вып. 136).
11. Terquem O. Quatrième mémoire sur les Foraminifères du système oolithique, comprenant les genres Polymorphina, Guttulina, Spiroloculina, Triloculina et Quinqueloculina de la Zone à Ammonites parkinsoni de Fontoy (Moselle). P., 1874. P. 279–338.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 28 октября 2013 г.

МЕГАКЛАСТЫ И БЛОКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОБЛОМКОВ КРУПНОЙ РАЗМЕРНОСТИ

К настоящему времени предложено несколько классификаций для обломков, размер которых превышает 1 м. Классификация Блэйра – Макферсона является весьма детальной; однако ее применение на практике обусловлено некоторыми трудностями, а используемые в ней термины не всегда удачны. В настоящей работе предлагается установить синонимичность терминов «глыба» и «мегакласт». Рациональным будет использовать в качестве границы между фракциями валунов и глыб, следуя отечественным традициям, размер обломков в 1 м. В классификации обломков крупной размерности следует учитывать наличие исторической и межкультурной связи между терминами «блок» и «глыба».

Ключевые слова: мегакласт; блок; валун; классификация обломков; коллювий.

Традиционные классификации, используемые в седиментологии, обычно определяют обломки размерами более 1 м как глыбы и / или валуны без последующего подразделения (например, [1–3]). Связано это с относительно редкой встречаемостью подобного рода геологических образований. Однако локально последние оказываются не только достаточно широко распространенными, но и формируют характер отложений,

скажем, узких и глубоких речных долин (рис. 1). Более того, выросший в последние годы интерес к цунамитам [4], с которыми часто связаны исключительно крупные обломки [5], заставляет еще больше задуматься о разработке и широком использовании детальной номенклатуры последних. Стоит также отметить, что такие обломки характерны не только для поверхности нашей планеты [6].

Рис. 1. Скопление мегакластов в каньоне р. Руфабго (Горная Адыгея, Западный Кавказ). Размер обломков превышает 1 м

В конце 1990-х гг. отечественными специалистами была сделана попытка систематизировать знания об обломках крупной размерности, результатом чего стали появление новой классификации (в работе под общей редакцией В.Н. Шванова) и введение такого термина, как «мачина» [7]. Чуть позднее американские специалисты Т. Блэйр и Дж. Макферсон предложили еще более детальную и существенно отличную по содержанию классификацию [8], которая, по сути, остается основной для зарубежных исследователей на про-

тяжении последних 15 лет. Ими был предложен ряд новых терминов, а в целом обломки крупной размерности рассматриваются как мегакласты. Недавно американские геологи С. Блотт и К. Пай, признавая применимость этой классификации, существенно изменили критерий разграничения валунов и глыб и закрепили понятие о мегакластах [9]. Целью настоящей работы являются критическое рассмотрение используемой в международной практике классификации обломков крупной размерности и формулировка по результатам

этого анализа новых предложений относительно номенклатуры таких обломков. При этом авторы частично основываются на опыте собственного изучения глыб преимущественно коллювиального (в том числе коллювиально-аллювиального и антропогенно-коллювиального) генезиса в Горной Адыгее (Западный Кавказ), предпринятого в июле 2013 г.

Классификация Блэйра – Макферсона [8] устанавливает различие между валунами и мегакластами по размеру обломков 4 096 мм, при этом мегакласты подразделяются на 4 класса. Ее несомненными достоинствами являются исключительная детальность и положенный в основу унифицированный подход. Вместе с тем следует отметить чрезвычайно широкий интервал фракции валунов, к числу которых отнесены обломки размером от ~25 см до ~4 м. Это создает определенную сложность при практическом использовании данной классификации. В частности, при ее применении к образованиям одной из изученных осыпей (рис. 2) обна-

руживается, что слишком многие коллювиальные обломки должны быть определены как валуны. Это, несмотря на возможность выделения более дробных категорий, не позволяет ни отразить в полной степени наличие двух визуально отличимых по размеру групп обломков, ни полноценно описать сортировку. Расширение интервала мегакластов и, соответственно, понижение верхнего предела фракции валунов до 2 048 мм, как это предлагается в [9], решает отмеченную проблему лишь частично. Например, крупный обломок в нижней части рассмотренной выше осыпи имеет размеры ~2 м (рис. 3), и в этой связи оказывается вблизи отмеченного предела, тогда как визуально (рис. 2) он уверенно может быть отнесен к группе мегакластов (хотя, безусловно, это лишь частный случай). Здесь важно также обратить внимание и на тот факт, что крупные размеры вкупе с часто неправильной формой мегакластов не позволяют определить их размер с точностью до миллиметров и даже первых сантиметров.

Рис. 2. Осыпь в ущелье р. Белой вблизи пос. Гузерипль (Горная Адыгея, Западный Кавказ). Размеры наибольших видимых обломков превышают 1–2 м

Рис. 3. Мелкий блок (по предлагаемой классификации – см. таблицу) из осыпи в ущелье р. Белой вблизи пос. Гузерипль (Горная Адыгея, Западный Кавказ). Длина ручки молотка – 40 см. Этот обломок виден также в нижней части осыпи на рис. 2

Предлагаемая классификация осадочных обломков крупной размерности*

Глыбы (мегакласты [8, 9])	Мегаблоки (машины [7])**	–	> 10 м
	Блоки	Крупные блоки	5–10 м
		Средние блоки	2,5–5 м
		Мелкие блоки	1–2,5 м
Валуны		Крупные валуны	0,5–1 м
		Средние валуны	0,25–0,5 м
		Мелкие валуны	0,1–0,25 м

Англоязычный вариант классификации, который может потребоваться в случае международного использования***

Megaclasts****	Megablocks**	–	> 10 m
	Blocks	Coarse blocks	5–10 m
		Medium blocks	2,5–5 m
		Fine blocks	1–2,5 m
Boulders		Coarse boulders	0,5–1 m
		Medium boulders	0,25–0,5 m
		Fine boulders	0,1–0,25 m

* Классификация отражает только общие категории обломочных частиц (фракции по размеру). Для описания конкретных геологических образований к названиям могут прибавляться слова «окатанный» или «неокатанный». Здесь следует отметить, что окатанность и угловатость понимаются некоторыми специалистами как различные свойства [18], и, следовательно, «неокатанный» не обязательно является синонимом слова «угловатый».

** Возможность установления верхнего предела размера псефитовых обломков является дискуссионным вопросом (например, [7]) в связи с тем, что размер таких обломков оказывается соизмеримым с размером геологических образований более высокого иерархического уровня, чем обломки и слагаемые ими горные породы.

*** Широта применения любой классификации определяется в том числе однозначностью используемых в ней терминов специалистами из разных стран. В этой связи дальнейшие работы по уточнению номенклатуры обломков крупной размерности должны обязательно уделять внимание установлению точных англоязычных (и не только) аналогов используемых русских терминов (и наоборот).

**** В связи с более узким толкованием термина «блок» в настоящей работе русский термин «глыба» может быть заменен в английском языке или термином «мегакласт», или же прямой транслитерацией исходного русского термина («glyba»).

Терминология, предлагаемая для классов обломков крупной размерности в анализируемой классификации [8], также не вполне удачна. Единственным приемлемым термином видится «блок». Английское слово «slab» означает плиту, пластину [10], а такая форма вовсе не обязательна для осадочных обломков вне зависимости от их размеров. Более того, идентичный термин (следуя именно указанному обиходному значению) активно используется в современной тектонике литосферных плит (например, [11–13]), где не имеет ничего общего с осадочной геологией. Предлагаемый в классификации Блэйра – Макферсона термин «моноклит» подразумевает по своей сути не размеры или форму, а некоторые внутренние особенности и физические свойства (в частности, прочность). Наконец, термин «мегалит» активно используется в археологии для обозначения использованных человеком камней крупного размера [14, 15], и при этом отнюдь не таких крупных, как указано в рассматриваемой классификации [8]. Использование данного термина, что предлагается в работе [8], внесет лишь путаницу.

Несмотря на некоторые проблемы, отмеченные выше, классификация Блэйра – Макферсона [8], дополняемая работой С. Блотта и К. Пая [9], предоставляет широкие возможности для обсуждения ряда актуальных вопросов относительно номенклатуры обломков крупной размерности. К числу таковых, по мнению авторов, относятся те, что касаются: 1) определения терминов «глыба», «мегакласт» и «блок»; 2) установления верхнего предела фракции валунов, а также 3) выбора детальной классификации обломков крупной размерности. Возможное решение первого вопроса состоит в следующем. В традиционных отечественных классификациях глыбами называют обломки с размерами

> 1 м [1, 16]. В современной международной практике и, в частности, в отмеченных выше классификациях Блэйра – Макферсона [8] и Блотта – Пая [9] мегакластами называются все обломки особо крупного размера, которые превышают ~4 и ~2 м соответственно. Учитывая различия в принципах классификации обломочных горных пород отечественными и зарубежными специалистами, можно сделать общий вывод о том, что термины «глыба» и «мегакласт» в целом тождественны и могут использоваться как синонимические. Что касается английского слова «block», то его обиходное значение соответствует русскому слову «глыба» [10]. Более того, использование в геологической практике (в исторической перспективе) терминов «block» [17] и «glyba» [16] оказывается в той или иной мере сходным (хотя критерии отнесения тех или иных образований к блокам и глыбам могли существенно различаться). С другой стороны, налицо имеющие под собой основания попытки ограничить размер частиц, определяемых как блоки [7, 8]. Представляется, что сужение толкования термина «блок», в сравнении с терминами «глыба» и «мегакласт», не должно принципиально нарушить их трактовки. Более того, из вышесказанного следует, что если понимать блоки как отдельную фракцию глыб и мегакластов, это подчеркнет как историческую, так и межъязыковую связь терминов. Что касается верхнего предела фракции валунов, то выявленные трудности применения критериев ~4 и ~2 м к изученным коллювиальным образованиям заставляют отдать предпочтение традиционно используемому в отечественной практике [1, 7, 16] критерию 1 м. При решении третьего вопроса можно исходить из того, что обломки размером > 10 м и, тем более, > 100 м встречаются исключительно редко и понятия «моноклит» и «мегалит», вводимые классификацией Блэйра – Макферсона [8], мо-

гут оказаться в некотором роде избыточными. С другой стороны, возможность сочетания в пределах одного геологического объекта крупных обломков различной

размерности (см. рис. 1), но в целом < 10 м, требует их разделения в том же порядке, как это сделано для валунов, гальки и более мелких обломков [1].

Рис. 4. Памятник природы «Девичий камень» в Хаджохском каньоне (Горная Адыгея, Западный Кавказ). Длина данного геологического объекта по наибольшей оси – около 35 м. Высота машины – менее 2 м

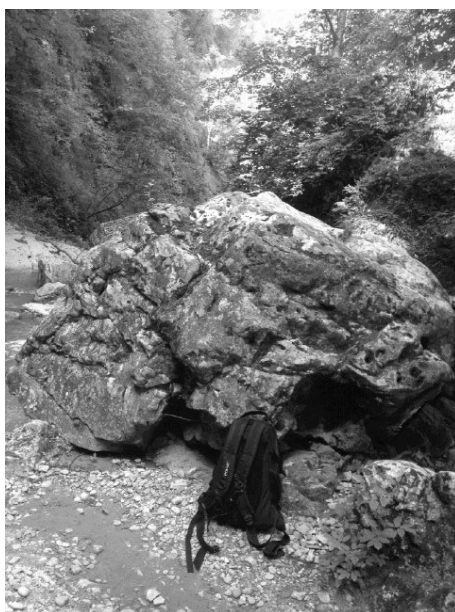

Рис. 5. Мелкий блок (по предлагаемой классификации – см. таблицу) в каньоне р. Руфабго (Горная Адыгея, Западный Кавказ). Высота рюкзака – около 50 см

Все сказанное выше создает существенные предпосылки для новых предложений относительно номенклатуры обломков крупной размерности (см. таблицу). В частности, представляется возможным разделить глыбы на блоки и мегаблоки (в отношении последних может быть использован в качестве синонима термин «мачина» [7]). Это обеспечит как должную детальность классификации, так и историческую и межъязыковую связь терминов с учетом того, что и обиходное, и профессиональное понимание английского слова «block» близко трактовке русского слова «глыба» (см. выше). С другой стороны, об-

ломки размером >10 м сравнимы с геологическими образованиями других, более высоких иерархических уровней (например, ассоциаций горных пород), что делает целесообразность их выделения в отдельную фракцию проблематичной (см. [7]). Более того, необходимость ограничения псефитовых частиц по их максимальному размеру должна стать предметом дискуссий, для чего могут быть использованы такие уникальные объекты, как так называемый девичий камень в Горной Адыгее коллювиального происхождения (рис. 4). Блоки могут иметь самые различные форму и происхождение (см. также [8]). В качестве

примера можно привести мелкий блок достаточно неправильной формы, но с несколько сглаженными очертаниями, имеющий коллювиально-аллювиальный генезис (рис. 5).

В заключение авторы считают нужным подчеркнуть, что предлагаемая ими классификация (см. таб-

лицу) является в достаточной степени пробной и требует последующего широкого обсуждения, равно как и множественной апробации. В этой связи она не призвана заменить ранее опубликованную отечественную классификацию [7] и не должна рассматриваться в качестве полной альтернативы последней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логвиненко Н.В. Морская геология. Л. : Недра, 1980. 343 с.
2. Петтиджен Ф.Дж. Осадочные породы. М. : Недра, 1981. 751 с.
3. Tucker M.E. Sedimentary Rocks in the Field: A Practical Guide. Chichester : Wiley-Blackwell, 2011. 276 p.
4. Ruban D.A. Research in tsunami-related sedimentology during 2001–2010: can a single natural disaster re-shape the science? // *GeoActa*. 2011. Vol. 10. P. 79–85.
5. Noormets R., Felton E.A., Crook K.A.W. Sedimentology of rocky shoreline: 2. Shoreline megaclasts on the north shore of Oahu, Hawaii – origins and history // *Sedimentary Geology*. 2002. Vol. 150. P. 31–45.
6. Gargaud M., Martin H., Lopez-Garcia P. et al. Young Sun, Early Earth and the Origins of Life: Lessons for Astrobiology. Heidelberg : Springer, 2012. 300 p.
7. Шванов В.Н., Фролов В.Т., Сергеева Э.И. и др. Систематика и классификации осадочных пород и их аналогов. СПб. : Недра, 1998. 352 с.
8. Blair T.C., McPherson J.G. Grain-size and textural classification of coarse sedimentary particles // *Journal of Sedimentary Research*. 1999. Vol. 69. P. 6–19.
9. Blott S.J., Pye K. Particle size scales and classification of sediment types based on particle size distributions: Review and recommended procedures // *Sedimentology*. 2012. Vol. 59. P. 2071–2096.
10. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1967. 912 с.
11. Frisch W., Meschede M., Blakey R. Plate Tectonics: Continental Drift and Mountain Building. Heidelberg : Springer, 2011. 212 p.
12. Saleeby J. Segmentation of the Laramide Slab-evidence from the southern Sierra Nevada region // *Geological Society of America Bulletin*. 2003. Vol. 115. P. 655–668.
13. Schellart W.P. Subduction zone trench migration: Slab driven or overriding-plate-driven? // *Physics of the Earth and Planetary Interiors*. 2008. Vol. 170. P. 73–88.
14. Clare T. Megalith size and the implications for our understanding of contemporary society, with particular reference to Cumbria, North-West England // *Oxford Journal of Archaeology*. 2010. Vol. 29. P. 245–252.
15. Parry R.H.G. Megalith mechanics // *Proceedings of the Institution of Civil Engineers: Civil Engineering*. 2000. Vol. 138. P. 183–192.
16. Геологический словарь. М. : Недра, 1978. Т. 1. 487 с.
17. Толковый словарь английских геологических терминов. М. : Мир, 1977. Т. 1. 588 с.
18. Blott S.J., Pye K. Particle shape: a review and new methods of characterization and classification // *Sedimentology*. 2008. Vol. 55. P. 31–63.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 октября 2013 г.

БИОЛОГИЯ

УДК 631.452

Г.Ж. Исмуканова, О.Э. Мерзляков

ВЛИЯНИЕ ИНТЕНСИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ДЕГРАДАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЧВ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 12-04-90918-мол_снг_нр).

Представлены результаты статистической обработки данных мониторинговых исследований физических и физико-химических свойств почв Северного Казахстана, вовлеченных в интенсивное сельскохозяйственное использование. Выявлены статистически значимые показатели деградации почв. Проведена систематизация деградационных факторов с учетом местных и региональных условий и построены статистические модели, описывающие процесс деградации почв. Составленная база данных обработана с использованием пакета программы STATISTICA.

Ключевые слова: плодородие; деградация почв; дегумификация; засоление; дефляция; интенсивное земледелие; корреляционная матрица; статистически значимые показатели.

Территория Северного Казахстана, занимающая площадь около 80 тыс. км², характеризуется плодородными почвами, а также оптимальными природными и климатическими условиями для интенсивного сельскохозяйственного освоения.

Исследованная территория до середины XX в. использовалась как летние пастбища, поэтому на протяжении многих веков почвенный покров претерпевал пастбищную дигрессию. Позднее, в период освоения целинных и залежных земель, было вовлечено в сельскохозяйственный оборот около 25 млн га земель [1. С. 4].

Долгое время сельскохозяйственное освоение юга Западной Сибири и природопользование в целом осуществлялись без достаточной проработки экологических аспектов, которые нередко просто игнорировались. В итоге произошло нарушение естественной природной обстановки, вмешательство человека способствовало ухудшению свойств и деградации почв вследствие превышения порога экологической устойчивости. Так, сведение лесов на юге Новосибирской области и введение в эксплуатацию Алейской оросительной системы в Алтайском крае привели к вторичному засолению почв и обмелению рек приграничных районов Северного Казахстана [2. С. 62–65].

На протяжении многих лет на исследованной территории происходили пыльные бури. Особенно катастрофическим это явление оказалось в 1968 г., в результате чего произошло выдувание пахотного горизонта почв на значительных площадях.

Важно подчеркнуть, что почва в системе агроценоза представляет собой сложную подсистему с различными физическими, химическими и биологическими свойствами, определяющими ее плодородие и формирующими среду для развития растений. В рамках современных систем интенсивного земледелия предпринимаются попытки восстановить принцип возврата органического вещества и элементов питания путем внесения все возрастающих норм органических и минеральных удобрений. Однако эффективность их применения снижается из-за агрофизической деградации пахотного слоя почвы, которая усиливается диспергацией гумуса под влиянием высоких норм минеральных

удобрений [3. С. 8–12]. На исследуемой территории интенсивно проявляются процессы деградации почв (засоление, дефляция и дегумификация), что определяет актуальность проведенных исследований, направленных на выявление значимых показателей, влияющих на изменения экологических функций почв [4].

Материалы и методики исследования

Республиканским государственным предприятием на правах хозяйственного ведения «Научно-производственного центра земельного кадастра» (РГП «НПЦзем») Северо-Казахстанского филиала на территории Северо-Казахстанской области были заложены 23 пункта наблюдения (табл. 1) на двух типах почв, из них:

- на черноземах – 18 мониторинговых площадок;
- на лугово-черноземных почвах – 5 мониторинговых площадок.

С учетом трансформации границ территории Северо-Казахстанской области в 1999 г. внесены изменения и дополнения в обобщенные материалы по определению природно-сельскохозяйственных зон и почвенных доминантов по установленным зонам, а также по основным показателям почвенных параметров.

В результате обобщения и анализа материалов в 2005 г. на территории области определены природно-сельскохозяйственные зоны и преобладающие почвенные доминанты в границах зон для заложения площадок наблюдений: лесостепная, площадь пашни – 247 284 га; степная, площадь пашни – 3 967 416 га. Степная зона подразделяется на две подзоны: подзона черноземов обыкновенных, площадь пашни – 3 225 916 га и подзона черноземов южных, площадь пашни – 741 500 га.

Анализы проводились в химической лаборатории Северо-Казахстанского дочернего государственного предприятия ГосНПЦзем по следующим видам и методам:

- pH водной суспензии потенциометрически на иономере ЭВ-74;
- гумус по Тюрину в модификации Никитина;
- поглощенный натрий по Антипову – Каратаеву и Мамаевой;

– подвижный фосфор и калий по Мачигину (ГОСТ 25205-4);

– легкогидролизуемый азот по Тюрину и Кононовой в модификации Кудеярова.

Таблица 1

Территориально-зональная сеть стационарных пунктов наблюдений

ПОЧВЫ	№ пункта наблюдения
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП1
	ПСЭП2
	ПСЭП3
Черноземы южные карбонатные слабогумусированные легкоголиственные	ПСЭП4
	ПСЭП5
	ПСЭП6
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП7
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголиственные	ПСЭП8
	ПСЭП9
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП10
	ПСЭП11
Чернозем обыкновенный среднесиловой малогумусный легкоголиственный	ПСЭП12
	ПСЭП13
	ПСЭП14
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголиственные	СЭП1
	СЭП2
	СЭП3
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	СЭП4
	СЭП5
Чернозем обыкновенный среднесиловой малогумусный легкоголиственный	СЭП6
	СЭП7
	СЭП8
	СЭП9

По результатам лабораторных исследований проведено сравнительное исследование с первичными исходными данными (табл. 2, 3).

С целью мониторинга проявления деградационных процессов были проведены исследования на пунктах наблюдения Северного Казахстана, Акмолинской области, Зерендинского района и в бассейне озера Жолдыбай. В ходе маршрутного обследования территории,

прилегающей к озеру Жолдыбай, исследовались зональные и интразональные почвы.

Для выявления значимых показателей деградации почв и анализа взаимосвязей, присущих изучаемым процессам и явлениям, был выбран метод построения модели корреляционной матрицы с использованием *t-критерия* и гипотезы о равенстве средних двух выборок.

Таблица 2

Свойства почв на момент заложения мониторинговых площадок

ПОЧВЫ	№ пункта наблюдения	Мощность А+ВВ	Гумус, %	N _{гидр.} , мг/100 г	P _{подв.} , мг/100 г	K _{подв.} , мг/100 г	Na ²⁺ , мг-экв/100 г	pH
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП24	43	4,08	2,33	0,99	74,1	0,24	7,9
	ПСЭП23	47	4,30	4,01	0,78	63,6	0,14	8,0
	ПСЭП22	37	4,10	1,57	0,59	55,1	0,04	7,2
Черноземы южные карбонатные слабогумусированные легкоголиственные	ПСЭП21	32	2,60	2,75	0,56	45,2	0,03	7,2
	ПСЭП20	42	3,35	3,03	0,51	71,0	0,34	8,0
	ПСЭП19	44	3,20	2,92	0,58	77,5	0,27	7,9
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП18	44	4,60	2,36	1,26	52,2	0,59	7,6
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголиственные	ПСЭП16	44	6,25	3,58	0,74	45,4	0,03	7,2
	ПСЭП15	43	5,35	1,12	0,59	39,1	0,05	7,4
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	ПСЭП14	42	4,90	1,50	0,63	48,8	0,07	7,8
	ПСЭП13	45	4,50	3,19	0,86	37,4	0,26	7,6
Чернозем обыкновенный среднесиловой малогумусный легкоголиственный	ПСЭП12	45	4,90	3,02	0,69	57,7	0,01	7,1
	ПСЭП11	42	4,50	2,70	2,46	33,6	0,07	7,3
	ПСЭП10	45	6,04	3,40	1,89	44,2	0,11	7,2
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголиственные	СЭП1	44	5,00	3,01	0,69	43,7	0,85	7,6
	СЭП2	43	4,70	2,80	0,70	46,0	0,53	7,4
	СЭП3	45	4,60	2,52	0,60	43,7	0,18	7,7
Чернозем обыкновенный среднесиловой легкоголиственный	СЭП4	42	4,05	2,33	2,77	45,3	0,11	7,2
	СЭП5	42	4,10	2,52	1,38	45,8	0,13	7,1
Чернозем обыкновенный среднесиловой малогумусный легкоголиственный	СЭП6	43	4,70	3,39	1,34	68,2	0,04	7,9
	СЭП7	42	4,80	3,76	2,83	66,0	0,04	7,9
	СЭП8	43	5,00	3,25	1,49	49,0	0,14	7,9
	СЭП9	45	4,90	3,30	1,74	64,9	0,10	7,8

Свойства почв на момент проведения мониторинговых исследований 2012 г.

ПОЧВЫ	№ пункта наблюдения	Мощность A+AB	Гумус, %	N _{гидр.} , мг/100 г	P _{подв.} , мг/100 г	K _{подв.} , мг/100 г	Na ²⁺ , мг-экв/100 г	pH
Чернозем обыкновенный среднесиловый легкоголистый	ПСЭП24	44	4,20	2,75	1,91	100,6	0,50	7,9
	ПСЭП23	47	4,10	2,39	0,30	47,2	0,28	8,2
	ПСЭП22	37	3,00	1,44	1,02	40,6	0,08	7,4
Черноземы южные карбонатные слабогумусированные легкоголистые	ПСЭП21	32	2,70	2,20	1,02	45,2	0,09	7
	ПСЭП20	43	3,02	2,38	0,50	79,3	0,17	8,2
	ПСЭП19	46	3,20	2,24	0,85	58,4	0,30	8,2
Чернозем обыкновенный среднесиловый легкоголистый	ПСЭП18	45	4,32	2,53	2,90	46,3	–	8,2
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголистые	ПСЭП16	44	5,46	2,86	0,92	44,4	0,05	6,9
	ПСЭП15	43	4,80	0,99	3,05	40,9	0,10	7,3
Чернозем обыкновенный среднесиловый легкоголистый	ПСЭП14	42	5,16	1,47	2,02	56,8	0,08	7,7
	ПСЭП13	45	4,40	3,19	0,79	40,3	0,25	7,6
Чернозем обыкновенный среднесиловый малогумусный легкоголистый	ПСЭП12	46	4,72	2,95	0,90	48,4	0,14	7,1
	ПСЭП11	42	3,30	2,66	1,25	38,2	0,11	7,3
	ПСЭП10	46	4,50	3,40	1,21	41,9	0,03	7,4
Лугово-черноземные среднесиловые легкоголистые	СЭП1	44	4,60	1,80	1,82	45,1	0,78	7,4
	СЭП2	43	4,70	2,23	1,28	43,7	0,92	7,6
	СЭП3	43	4,78	1,80	0,98	45,6	0,17	7,6
Чернозем обыкновенный среднесиловый легкоголистый	СЭП4	45	4,09	1,21	2,90	55,0	0,12	7,4
	СЭП5	43	3,90	1,48	1,22	41,5	0,20	7,6
Чернозем обыкновенный среднесиловый малогумусный легкоголистый	СЭП6	45	4,70	1,81	1,12	63,4	0,10	8,2
	СЭП7	43	4,60	3,07	1,87	63,2	0,07	8,2
	СЭП8	43	4,90	1,79	2,90	68,8	0,14	8,0
	СЭП9	46	4,27	3,50	1,22	61,6	0,12	8,3

Согласно статистическому методу, проверяемую гипотезу называют нулевой. Наряду с нулевой рассматривают и альтернативную, или конкурирующую гипотезу, являющуюся логическим отрицанием нулевой.

Теоретически *t-критерий* может применяться, даже если размеры выборок очень небольшие, переменные нормально распределены, а дисперсии наблюдений в группах не слишком различны.

Результаты исследований и обсуждение

Согласно проведенным исследованиям, наиболее значимым показателем деградации почв является дегумификация.

Дегумификация как экологическое проявление деградационных процессов в агроландшафтах исследуемой территории выражается в уменьшении содержания гумуса, что влечет снижение запасов в почве биогенных элементов, нарушение баланса минеральных и органических веществ, изменение структуры почвы и, как следствие, развитие эрозионных процессов.

По данным мониторинговых наблюдений за состоянием пашни в районах зернового производства в Северном Казахстане, проводимых Государственным НИПЦ земледелия Министерства сельского хозяйства РК, процесс потери гумуса в настоящее время продолжается, и за последние десять лет произошло резкое его уменьшение (табл. 4).

Таблица 4

Динамика содержания гумуса в пахотном горизонте почв по результатам мониторинга земель Северо-Казахстанской области (по данным Государственного НИПЦ земледелия Министерства с/х РК)

Номер СЭП (ПСЭП), наименование района, сельского округа	Годы почвенных обследований	Содержание гумуса, %	Шифр почвы	Динамика гумуса, %	
				Период 10 лет	Период 10–20 лет
Степная зона, подзона черноземов обыкновенных					
Есильский КУ СЭП 4 Есильский р-н, Покровский с/о	1998	4,05	14 тс	1,7	
	2008	4,12			
	1998	4,05			–0,7
	2012	4,09			
Есильский КУ СЭП 5, Есильский р-н, Покровский с/о	1998	4,11	14 тс	–7,5	
	2008	3,80			
	1998	4,11			–4,9
	2012	3,90			
ПСЭП 10 р-н им. Габита Мусрепова	1998	6,04	14 лг		–24,5
	2009	4,56			
ПСЭП 11, Акжарский р-н	1998	4,50	14 тс		–26,7
	2009	3,30			

Номер СЭП (ПСЭП), наименование района, сельского округа	Годы почвенных обследований	Содержание гумуса, %	Шифр почвы	Динамика гумуса, %		
				Период 10 лет	Период 10–20 лет	
Октябрьский КУ СЭП 6 р-н Шал акына, Октябрьский с/о	1998	4,70	23 лг	–8,5	1,5	
	2008	4,30				
	1998	4,70				
	2012	4,77				
Октябрьский КУ СЭП 7, р-н Шал акына, Октябрьский с/о	1998	4,83	23 лг	2,3	–3,3	
	2008	4,94				
	1998	4,83				
	2012	4,67				
СЭП 8, Тайыншинский р-н, Чермошнянский с/о	1996	5,00	23 лг	–8	–0,4	
	2005	4,60				
	1996	5,00				
	2012	4,98				
СЭП 9, Айыртауский р-н, Константиновский с/о	1996	4,96	23 лг	–5,6	–13,9	
	2005	4,68				
	1996	5,00				
	2012	4,30				
Лесостепная зона, подзона черноземов выщелоченных						
Суворовский КУ СЭП 1, р-н М. Жумабаева, Октябрьский с/о	1994	4,90	210 тс	–5,3	–6,4	
	2005	4,64				
	1994	4,90				
	2012	4,68				
Суворовский КУ СЭП 2, р-н М. Жумабаева, Октябрьский с/о	1994	4,70		–3,8	1,2	
	2005	4,52				
	1994	4,70				
	2012	4,76				
Суворовский КУ СЭП3, р-н М. Жумабаева, Октябрьский с/о	1994	4,60		0,9	3,9	
	2005	4,64				
	1994	4,60				
	2012	4,78				

Для дальнейшего анализа значимости выявленного критерия все признаки были сгруппированы и протестированы на нормальность распределения внутри групп, так как парные разности должны быть нормально распределены.

Учитывая, что значения величин всех признаков имеют нормальное распределение, необходимо определить, существенно ли отличаются значения признаков на момент заложения мониторинговых площадок и по данным проведенных мониторинговых исследований в 2012 г.

Так как сравниваемые группы основываются на одной и той же совокупности наблюдений, необходимо использовать *t-критерий* для зависимых выборок (*t-test, dependent samples*). Для критериев мощность гумусового горизонта, содержание гумуса, N и pH $p < 0,05$, поэтому гипотезу о равенстве средних отвергаем. Для критериев N, K, P $p > 0,05$, что, по определению, является подтверждением нулевой гипотезы. Таким образом, среднее значение для каждого из значимых критериев деградации почв отличается как в сторону увеличения (мощность гумусового горизонта, pH), так и в сторону снижения (содержание гумуса, содержание легкогидролизуемого азота).

Для сравнения средних в более чем двух группах необходимо воспользоваться модулем дисперсионного анализа ANOVA.

Учитывая, что почвы на мониторинговых площадках представлены разными типами и подтипами, необходимо определить степень изменения значимых критериев деградации, например содержание гумуса в зависимости от типа и подтипа почв, тем самым определив наиболее неустойчивые почвы.

По данным однофакторного дисперсионного анализа прослеживается наибольшее изменение в содержании гумуса лугово-черноземных среднетощих легкоглинистых и в черноземах обыкновенных среднетощих малогумусных легкоглинистых почв (рис. 1).

Таким образом, потенциальное плодородие черноземов – результат функционирования степных биоценозов в течение многих тысяч лет. За это время накопились запасы гумуса и питательных веществ, образовалась агрономически ценная структура гумусового горизонта. Эти почвенные свойства обеспечивали благоприятный пищевой, водный и воздушный режимы и длительное время получение урожаев зерновых культур в годы с достаточным увлажнением. Но черноземы расположены в зоне неустойчивого увлажнения, засушливые годы здесь случаются примерно раз в 5 лет. Необходимость получения высоких урожаев заставила изменить традиционную практику: стали применяться высокие дозы удобрений, использоваться ядохимикаты, усилилось воздействие техники.

Интенсификация привела к целому ряду крайне неблагоприятных последствий. Среди них на первом месте – потеря почвами гумуса и разрушение структуры в результате ежегодного отчуждения биомассы с урожаем, гибели почвенной мезофауны, уплотнения почвы сельскохозяйственными машинами.

Результаты сравнительного анализа данных первичного обследования и данных 2012 г. (за 14–18-летний период) показывают, что заметных изменений в отношении количества гумуса нет. Так, в лесостепной зоне изменение содержания гумуса за 10-летний период от начала ведения мониторинга варьирует от +0,9 до –5,3%, а за прошедший 18-летний период – от +1,2 до

–6,4%. В степной зоне (подзона черноземов обыкновенных) изменение содержания гумуса за 10-летний

период варьирует от +1,7 до –8,5%, за период 14–16 лет с начала обследования – от +1,5 до –13,9%.

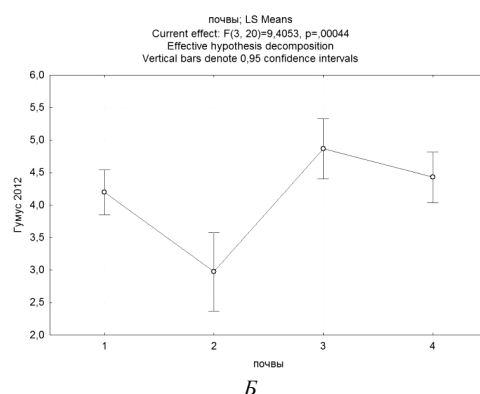
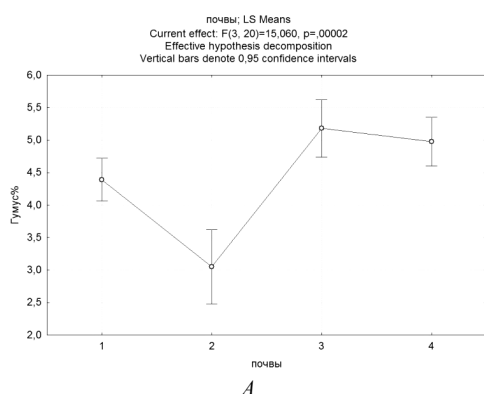

Рис. 1. Зависимость содержания гумуса (%) от четырех предикторов (1 – черноземы южные; 2 – черноземы обыкновенные среднесиловые; 3 – лугово-черноземные, 4 – черноземы обыкновенные малогумусные); А – на момент заложения мониторинговых площадок; Б – по результатам исследований 2012 г.

Согласно «Экологическим критериям определения степени деградации почв и земель» (Собрание актов Президента РК и Правительства РК. Астана, 2007 г.), полученные данные соответствуют очень слабой степени деградации почв.

Если учитывать тот факт, что при проведении анализов по определению количества гумуса вероятна погрешность в пределах 10% в положительную или отрицательную стороны, то полученные результаты свидетельствуют о незначительных изменениях его содержания в наблюдаемых почвах. Причем при анализе межпериодовых данных внутри одной СЭП или ПСЭП прослеживаются отклонения в изменении количества гумуса и других связанных с ним показателей как в сторону увеличения, так и уменьшения.

Следовательно, почва, подобно живому организму, способна к самовосстановлению. Длительность этого процесса связана с климатическими условиями, влиянием деятельности человека и другими факторами.

В настоящее время основное внимание должно уделяться проблеме повышения плодородия черноземов в богарных условиях. Эта проблема может быть решена только на основе комплексного подхода, недоучет даже одного лимитирующего фактора может свести на нет все усилия и затраты. Эта программа должна предусматривать следующие основные моменты:

1. Восстановление и поддержание гумусового состояния почв путем внесения органических удобрений, исключения монокультуры и введения севооборотов с посевом трав, максимального возвращения в почву всех органических остатков, сохранения биологической активности почв.

2. Максимально полное предотвращение потерь почвенного плодородия от эрозии и дефляции путем введения противозерозионных систем земледелия, создания защитных лесных насаждений и т.п.

3. Предотвращение явлений слитизации и вторичного гидроморфизма и ликвидации этих явлений там, где они уже имеют место.

4. Максимальное использование атмосферной влаги, проведение мероприятий по снегонакоплению и влагоудержанию, использование паров, сохранение почвенной структуры и т.д.

5. Грамотное регулирование пищевого и щелочно-кислотного режима с использованием химических мелиорантов (улучшение солонцов путем гипсования, внесения фосфора, обеспечения азотного и калийного питания, использования микроэлементов) в точных дозах и нужных пропорциях, исключающих возникновение неблагоприятных последствий.

6. Мероприятия по рекультивации нарушенных земель.

7. Учет при интенсивном использовании статистически значимых показателей и выявление в результате исследования наименее устойчивых к деградации типов почв.

Решение всех этих проблем возможно только на фоне существенного повышения общего уровня земледельческой культуры: создание щадящей техники с минимальным давлением на поверхность почвы, разработка приемов эффективной борьбы с засоренностью полей, не приводящей к гибели почвенной мезо- и микрофауны, выведение высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бектурова Б.Г. Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием – ситуация в Казахстане // О проблемах опустынивания юга Средней Сибири. 2004. С. 4.
2. Казанцев В.А., Магаева Л.А. Антропогенная деградация природных систем на юге Западной Сибири // Почвы Сибири. Красноярск. 2003. С. 62–65.
3. Танасиенко А.А. Специфика эрозии почв в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. С. 8–12.
4. Пашков С.В. Почвы Северо-Казахстанской области. Астана, 2006. 175 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 15 апреля 2013 г.

ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИИ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Рассматривается история развития фенологических наблюдений в России с XVIII в. по сегодняшний день. Представлено большинство разработанных и применяемых программ и инструкций для проведения наблюдений за развитием живой и неживой природы на разных территориях страны. Описана история формирования фенологической сети, которая существовала при Академии наук, Русском географическом обществе, Уральском обществе любителей естествознания, Русском обществе любителей миропознания, Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР. Приведены имена известных личностей, внесших значительный вклад в развитие фенологии.

Ключевые слова: фенология; фенологические наблюдения; фенологическая сеть; календарь природы.

Первые упоминания о фенологических наблюдениях, дошедшие до наших дней, приводятся Теофрастом (371–287 гг. до н.э.) в Календаре флоры Афин [1. С. 175–177] и римским писателем Плинием младшим (62–114 гг. н.э.) [2. С. 7].

Начиная со Средневековья в монастырях систематически записывались даты фенологических явлений у ряда наиболее важных видов растений и животных, а также погодные аномалии и их последствия. В русских летописях можно найти многочисленные сообщения о чрезвычайных явлениях погоды, особенно о тех, которые влияли на урожай. Например, в «Повести временных лет» за 1092 г. было отмечено: «...было бездожье, так что земля выгорела, и многие леса загорелись сами собой и болота...» [3. С. 9], или в «Софийской летописи» за 1525 г.: «Была засуха от Троицына дня до Успенья... в Ярославле и иных тамошних городах был неурожай, не было ни хлеба, ни сена...» [Там же. С. 10]. Но в этот период наблюдения носили бытовой характер и практически не фиксировались, за исключением экстремальных случаев.

Зарождение научных наблюдений за сезонным развитием природы началось в середине XVIII в. Основоположниками научной фенологии принято считать французского ученого Р. Реомюра и шведского естествоиспытателя К. Линнея [4. С. 105–106]. Так, Р. Реомюр провел параллельные наблюдения за ходом созревания зерновых культур и ходом температур, а в 1735 г. отметил зависимость сезонных явлений природы от температурного режима [5. С. 10]. К. Линней в 1750 г. организовал первую фенологическую сеть в Швеции [6. С. 7; 7. С. 41] и в 1751 г. указал на необходимость систематического изучения периодических явлений в жизни растений [8. С. 49–51].

Конечно, подобные фенологические наблюдения проводились и в нашей стране. Они начались в 1721 г., когда Петр I дал указание А.Д. Меньшикову присылать ему из окрестностей строящегося тогда Петербурга веточки деревьев и кустарников с развернувшимися листьями «...с подписанием чисел, дабы узнать, где ранее началась весна...» [2. С. 9].

Во второй половине XVIII в. систематические наблюдения на территории России за отдельными гидрометеорологическими явлениями, сельскохозяйственными культурами, ботаническими и зоологическими объектами велись лишь отдельными учеными-энтузиастами: П.С. Палласом, И.П. Фальком, А.Т. Болотовым, П. Крафтом и др. [9. С. 36].

Академик П. Крафт вел наблюдения за прилетом ласточек в Петербурге с 1730 по 1736 г. [10. С. 126–144]. С 1760 г. в Петербурге ученик Линнея – И.П. Фальк проводил фенологические наблюдения, он наблюдал за растениями и полученные данные посылал своему учителю. С 1769 г. П.С. Палас вел дневники природы, в которых отмечал изменение живой и неживой природы по сезонам года.

В 1759 г. в научной литературе появилась первая фенолого-географическая статья Эртеля «Рассуждение о причине, для чего дерева в Москве и здесь (в Петербурге) в одно почти время плоды приносят» [11. С. 4–8].

В конце XVIII в. А.Т. Болотовым были написаны следующие труды по фенологии: «Письма о красотах природы» (год написания не указан), «Кунсткамера природы, или Собрание записок, относящихся до красоты и приятностей природы» (1789), «Живописатель природы, или опыты сочинения, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными» (1794–1798) [12. Т. 84. С. 132–142].

Затем в течение 60 лет в нашей стране о фенологических наблюдениях никто и не вспоминал, и только с 1829 г. они были начаты в России на территории ботанического сада Санкт-Петербургской лесотехнической академии им. С.М. Кирова [13. С. 48–55].

В первом номере «Журнала садоводства» за 1838 г. был опубликован призыв к фенологическим наблюдениям в стране Российским обществом любителей садоводства: «Пусть любители садоводства по разным местам пространной России, богатой разнообразными климатами, примут на себя легкий труд, – наблюдать развитие произрастания растений, всем полосам общих, дикорастущих, под глазами у них находящихся, каковы многие деревья, кусты и полевые цветы; пусть замечают они, обращая внимание на местность и почву, развитие листа, зацветание, долготу цветения, зрелость плода и семян...» [14. С. 118]. Общество, издававшее журнал, собиралось по полученным данным составить «садовый календарь» для каждой местности. На этот призыв откликнулся граф М.В. Толстой, опубликовавший на страницах этого журнала результаты своих девятилетних наблюдений [15. С. 92–112]. Наблюдения он проводил над зацветанием 566 видов дикорастущих растений в Московской губернии и представил их в «Опыте ботанического календаря».

В этот же период сбором данных о сезонном развитии московской флоры занялся преподаватель Земледельческой школы ботаник Н.И. Анненков, который

проводил наблюдения с 1848 по 1850 г. за 400 видами диких и культурных растений [16. С. 11]. Он отмечал основные фенофазы растений, и свои наблюдения публиковал в журналах Московского общества испытателей природы и Московского общества сельского хозяйства и в отдельных брошюрах. После Н.И. Анненкова стал проводить фенологические наблюдения Н.Н. Кауфман, но до нас дошли только общие отметки в его публикации «Флора Московской губернии» [2. С. 10].

В середине XIX в. [17. С. 32] попытались расширить сеть пунктов в стране и распространить среди большого круга лиц производство наблюдений над периодическими явлениями природы два учреждения: Академия наук и Русское географическое общество (РГО).

Академию наук представляли академики А.Я. Купфер, Ф.Ф. Брандт и К.А. Мейер, предложившие перевести на русский язык инструкцию А. Кетле. Она была напечатана в 1850 г. академиком А.Я. Купфером в «Руководстве к производству метеорологических наблюдений» [18. С. 18–22]. Немного раньше, в 1845 г., в Академию наук обратился академик П.И. Кеппен с предложением об организации регулярных фенологических наблюдений в России, который проводил фенологические наблюдения на южном берегу Крыма.

РГО в своей деятельности брало на себя инициативу в постановке научных исследований, в том числе фенологических [19. С. 3]. По предложению члена этого общества В.С. Порошина была составлена первая программа наблюдений в Восточной Европе «Краткое наставление о собирании сведений, могущих служить к определению климата», которая была издана в 1848 г. по его инициативе. Наблюдателей призывали сообщать сведения о сроках сева и уборки «хлебных, торговых (технических) растений», о сезонных фазах «садовых и дикорастущих деревьев, виноградной лозы», о «диких зверях и домашних животных, птицах, гадах, насекомых», о ряде гидрометеорологических явлений и характере погоды в целом. Также обращает на себя внимание широкий, комплексный характер этого наставления [20. С. 166–176].

К сожалению, этим двум учреждениям не удалось создать сколько-нибудь заметного общественного движения в этом направлении. Однако следует отметить, что все же были добровольцы, проводившие наблюдения за периодическими явлениями природы, и некоторая часть этих результатов была напечатана в трудах Главной физической обсерватории и изданиях РГО.

В России в 1854 г. была опубликована первая сводка фенологических данных за 1851 г. по 120 пунктам, изданная в форме «Сельской летописи» [21], но разразившаяся Крымская война не позволила продолжить эту работу. В этот период большая часть фенологических материалов публиковалась в сборниках «Записок Географического общества».

К середине XIX в. было накоплено столько фенологических наблюдений, что на основе этих материалов в 1855 г. А.Ф. Миддендорф описал ход весеннего прилета птиц в России [11. С. 4–8].

С 1871 по 1924 г. проф. Д.Н. Кайгородов проводил фенологические наблюдения в Лесном (окрестности г. Санкт-Петербурга) [16. С. 91]. Его пропаганда фенологических наблюдений воспитала сотни наблюдателей.

После смерти Д.Н. Кайгородова с 1925 по 1927 г. руководство фенологической работой осуществлялось Обществом любителей мироведения, насчитывающим к концу 1927 г. около 1 000 наблюдателей [22. С. 141–151].

В 1875 г. В.П. Кеппен (сын известного академика) поместил свою статью «О наблюдении периодических явлений в природе» на страницах «Записок Русского Географического общества» [17. С. 33]. В статье он привел также краткую программу наблюдений и инструкцию для их производства. Однако это удалось осуществить лишь с 1885 г., когда за дело взялся профессор А.И. Воейков (основатель русской климатологической школы). Он опубликовал свою программу, в которой призывал примкнуть к наблюдениям, «имеющим столь большое значение для науки и практики», в частности для сельского хозяйства. Таким образом, в европейской части России А.И. Воейковым была создана первая небольшая фенологическая сеть.

Созданные по инициативе А.И. Воейкова фенологические ежегодники публиковались Метеорологической комиссией Географического общества с 1885 по 1895 г., а затем публикация их прекратилась и возобновилась лишь с 1924 г. краеведческими организациями [19. С. 3].

В 1884 г. была опубликована первая фитофенологическая карта хода созревания хлебов в России В.И. Ковалевским, принципом составления которой был расчет средних многолетних сроков созревания хлебов для каждой губернии [23. С. 62–72; 24. С. 6].

В 1885 г. издается «Программа наблюдений над периодическими явлениями природы, имеющими сельскохозяйственное значение», которая включала в себя несколько разделов и подробное описание объектов и фаз наблюдений [18. С. 18–22].

В 1895 г. И.Я. Акинфиевым были изданы книги «Климат Екатеринослава и цветочный календарь. Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии» и в 1889 г. «Растительность Екатеринослава» [25. С. 173–183]. В своих работах он приводит средние даты развития растений за 1884–1887 гг. и дает общие выводы о влиянии метеорологических факторов на развитие растений. В эти годы активно печатаются календари природы разных районов страны.

Издается Д.Н. Кайгородовым в 1922 г. «Программа наблюдений над сменой периодических явлений в природе (фенологические наблюдения)» [18. С. 18–22]. В программе имеются определения фенонаблюдений, методические указания по ведению наблюдений и указание их практического и научного значения.

В 20-х гг. XX в. фенология стала внедряться во все смежные науки (ботаника, агрометеорология, экология и география). В 1924 г. Д.О. Святский предложил минимальную программу фенологических наблюдений в пределах всей страны. С 1924 г. сетью добровольных корреспондентов-фенологов руководило Центральное бюро краеведения и его местные организации, а в 1934 г. все дела и фенологический архив были полностью переданы Географическому обществу, в это же время создана фенологическая комиссия имени профессора Д.Н. Кайгородова под председательством М.Н. Римского-Корсакова [20. С. 166–176].

Фенологический отдел бюро научных наблюдений Русского общества любителей мироведения (РОЛМ) в

течение 1925 г. получал сведения из 223 пунктов от 258 наблюдателей из разных мест СССР. В 1925 г. РОЛМом издается минимальная программа фенологических наблюдений, которая выдержала семь переизданий [18. С. 18–22]. В этом же году РОЛМ получило от Фенологического комитета Королевского метеорологического общества Великобритании предложение вступить в международную фенологическую кооперацию и принять участие в выработке единой программы для северного полушария Земли [17. С. 35]. Русские фенологи предложили включить в «мировую программу» дополнительные объекты исследования, характерные для нашей территории, и представили зарубежным коллегам список: 168 работ по фенологии, опубликованных с 1759 по 1925 г. На фенологической секции Королевского метеорологического общества Великобритании Россию представлял выдающийся зоолог и ихтиолог П.Ю. Шмидт (1872–1949). Он выступил с докладом, после чего фенологическая секция Великобританского общества включила СССР в международное объединение фенологов.

В 1927 г. создается фенологическая комиссия при Уральском обществе любителей естествознания (УОЛЕ), но в течение этого года она вела только подготовительные работы по выработке программ, а сама фенологическая работа началась на Урале в 1928 г. [26. С. 105–111]. В этом же году при РОЛМе фенологическая сеть состояла из 1 100 станций [27. С. 267–278]. Необходимо указать, что в этот период наша страна занимала первое место среди других государств в области фенологии.

С 1928 по 1941 г. вся фенологическая работа в стране координировалась Центральным бюро краеведения и его органами на местах [22. С. 141–151].

К концу 1934 г. число пунктов фенологической сети было максимальным за весь период ее существования. С 1924 по 1941 г. была проведена большая работа по использованию результатов фенологических наблюдений в народном хозяйстве, составлению календарей природы, начал устанавливаться ряд закономерностей между климатом и темпом развития растительности.

Из числа русских фенологов необходимо также отметить В.А. Поггенполя, который провел обширные наблюдения над несколькими сотнями видов растений в течение 22 лет в г. Умани [17. С. 34].

В конце 20-х гг. XX в. произошло возрождение массовой сети добровольных корреспондентов-фенологов на Урале, которая связана с именем В.А. Батманова. Уже в 30-е гг. сеть охватила около 1 000 наблюдателей. В.А. Батманов разработал многие методики фенологических наблюдений и усовершенствовал старые, также им были созданы фенологические карты для всей страны [5. С. 12].

Для увеличения числа наблюдателей среди населения была проведена фенологическая выставка в марте 1926 г. в г. Череповце [28. С. 220–225]. Подбор фенологических объектов был произведен применительно к минимальной программе фенологических наблюдений для Череповецкой губернии. На выставке были помещены бюллетени, календари, сводки и программы наблюдений, а также соответствующие лозунги и литература. Этот опыт по проведению первой фенологиче-

ской выставки оказался вполне удачным. С помощью выставки удалось значительно оживить фенологическую работу в городе. Подобные фенологические выставки планировалось проводить по всей стране.

Профессором П.И. Броуновым было опубликовано «Руководство для производства и разработки наблюдений над погодой и некоторыми находящимися с нею в связи явлениями растительного и животного мира» [29. С. 9]. В этом руководстве предлагалось вести наблюдения за обще- и фенолого-метеорологическими наблюдениями и световыми явлениями.

Начиная с 1939 г. [30. С. 69] фенологические наблюдения были обобщены и опубликованы в календарях природы для разных территорий страны.

С 1941 г. руководство фенологической сетью стало осуществляться РГО. Во время Великой Отечественной войны были приостановлены наблюдения, но на местах, не затронутых военными действиями, они продолжались [19. С. 3].

Географическое общество после войны приложило все силы для восстановления фенологической сети и привлечения новых корреспондентов, и уже к 1 января 1951 г. число постоянно действующих фенологических пунктов дошло до 109, а число корреспондентов – до 400 человек [22. С. 141–151].

Фенологическая группа Географического общества начала с 1951 г. составлять рукописные фенологические обзоры по СССР. С 1961 г. Географическим обществом СССР издавались фенологические ежегодники по европейской территории СССР. В послевоенные годы было выпущено более 300 календарей природы, составленных центральными и местными организациями Географического общества [31. С. 10].

После восьмого (1953 г.) и девятого (1954 г.) пленумов ЦК КПСС среди фенологов особенно усиливается стремление к максимальному использованию результатов наблюдений за сезонным развитием явлений природы при проведении мероприятий по повышению материального благосостояния народа в СССР. С этого времени фенология получает производственную направленность, и главной ее задачей является полное использование наблюдений за развитием сезонных явлений природы непосредственно в самом народном хозяйстве. Предпосылкой к использованию фенологии в народном хозяйстве явилось включение с 1951 г. в программу наблюдений фенообъектов, имеющих не только научный интерес, но и практическое значение [32. С. 5–21]. В 1955 г. должность руководителя фенологического сектора при Географическом обществе СССР занял известный фенолог Г.Э. Шульц.

В связи с увеличением фенологической сети Географическое общество с 1950 г. побудило фенологическую комиссию срочно выработать временную программу основных фенонаблюдений со значительно большим количеством объектов, чем в программе 1948 г., и основное увеличение объектов было произведено в отношении древесных и кустарниковых растений, входящих в ползащитные лесонасаждения. Временная программа фенологических наблюдений была утверждена 14 апреля 1951 г. [33. С. 395–411].

С декабря 1956 г. Географическое общество СССР и Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР

приступили к обобщению фенологических наблюдений, собранных в предыдущие годы сетью корреспондентов [34. С. 3]. Также эти два учреждения рекомендуют различному кругу наблюдателей программы фенологических наблюдений над растениями и схемы отметок степени повреждаемости растений факторами внешней среды.

В 60-х гг. XX в. была начата работа по созданию комплексных фенологических характеристик природных зон и районов России и сопредельных территорий. Результатом этой работы явилась публикация пяти сборников: Календаря природы Сибири, северо-запада СССР, центра и юга европейской территории СССР и южной части европейской территории. Данные многолетних наблюдений использовались при создании географических атласов в различных регионах. Большое значение в это время приобрела индикационная фенология [20. С. 166–176].

В 1981 г. вышла книга Г.Э. Шульца «Общая фенология», в которой были освещены все теоретические, методические и прикладные аспекты фенологии.

В настоящее время фенологическая сеть сильно сократилась, но все-таки часть корреспондентов присылает свои материалы в фенологические секторы РГО. Также фенологические наблюдения проводятся на территории заповедников, которые свои результаты публикуют в рамках «Летописи природы». Наблюдения носят научный характер при ботанических садах и на биологических и географических кафедрах университетов. На метеорологических станциях регистрируются климатические данные и попутно отмечаются даты начала фенофаз у растительности. Выполняются наблюдения также школьниками в общеобразовательных учреждениях, школьных лесничествах, разнообразных кружках. Таким образом, фенологические наблюдения в России продолжаются и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sparks T.H., Menzel A., Stenseth N.C. European cooperation in plant phenology // *Climate Research*. 2009. Vol. 39, № 39.
2. Святский Д.О. Фенология в краеведческой работе. Сезонные наблюдения и их обработка, справочное руководство краеведа. Л., 1926. 104 с.
3. Нездоров Д.Ф. Очерки развития метеорологических наблюдений в России. Л., 1969. 222 с.
4. Печникова С.С. Сущность и задачи советской фенологии // *Советская ботаника*. 1937. Вып. 3. С. 105–106.
5. Терентьева Е.Ю. Методы феномониторинга. Екатеринбург, 2008. 179 с.
6. Шнелле Ф. Фенология растений. Л., 1961. 258 с.
7. Haggerty B.P., Mazer S.J. The Phenology Handbook. A guide to phenological monitoring for students, teachers, families, and nature enthusiasts. March, University of California, Santa Barbara, 2008.
8. Щербинковский Н.С. Исторические пути развития фенологии. Фенология в России // *Листки биостанции юных натуралистов им. К.А. Тимирязева*. 1926. № 4.
9. Аксенова Н.А., Ремизов Г.А., Ромашова А.Т. Фенологические наблюдения в школьных лесничествах. М., 1985. 95 с.
10. Бартенев А.Н. Фенология как наука // *Советская наука*. 1940. № 3–4. С. 126–144.
11. Аспхольм П. Фенология для начинающих // *Phenology of the North Calotte*. 2003.
12. Перевалов В.А. Неизвестные труды А.Т. Болотова по фенологии // *Известия всесоюзного географического общества*. 1952. Т. 84, вып. 2.
13. Фирсов Г.А., Фадеева И.В., Булыгин Н.Е. Парк и дендрарий Санкт-Петербургской лесотехнической академии как научный центр биологической и экологической фенологии // *Промышленная ботаника*. 2009. Вып. 9.
14. Садовый календарь // *Журнал садоводства*. 1838. № 1. С. 116–119.
15. Толстой М.В. Опыт ботанического календаря, или Время цветения дикорастущих растений Московской губернии // *Журнал садоводства*. 1838. № 2. С. 92–112.
16. Здановский И.А. Материалы по фенологии. Результаты наблюдений в Московской губернии. История развития фенологических наблюдений. Русская библиография по фенологии. М., 1925. 164 с.
17. Здановский И.А. Наблюдения периодических явлений природы. М., 1928. 240 с.
18. Шиманюк А. Фенология на службе социалистического хозяйства // *Советское краеведение*. 1935. № 2.
19. Фенологический ежегодник за 1961. Европейская территория СССР. Л., 1965. Вып. 1. 158 с.
20. Федотова В.Г. Современное состояние отечественной фенологии // *Природная среда*. 2009. № 4.
21. Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России в 1851. СПб., 1854. Т. 1.
22. Руденко А.И. Состояние, значение и задачи советской фенологии // *Известия всесоюзного географического общества*. 1951. Т. 83, вып. 2.
23. Шульц Г.Э. Методика фенологической климатографии // *Советское краеведение*. 1935. № 5.
24. Мальшева Г.С. Методическое руководство по составлению фитофенологических карт. Л., 1968. 64 с.
25. Смирнов Н.П. Литература по фенологии России // *Краеведение*. 1925. Т. 2, № 1–2.
26. Батманов В.А. На новом пути // *Советское краеведение*. 1935. № 11.
27. Смирнов Н.П. Современное положение фенологии за границей // *Краеведение*. 1928. Т. 5.
28. Коровкин А.В. Фенологические выставки в Череповце // *Краеведение*. 1928. Т. 5.
29. Броунов П.И. Руководство для производства и разработки наблюдений над погодой и некоторыми находящимися с нею в связи явлениями растительного и животного мира. Петербург, 1922. 88 с.
30. Fedotova V. Russian Phenology: history and present day // *International Conference Progress in Phenology, Monitoring, Data analysis and Global Chang Impacts*. October 4–6, Abstract Booklet, Freising, Germany, 2000.
31. Бейдеман И.Н. Методика изучения фенологии растений и растительных сообществ. Новосибирск, 1974. 155 с.
32. Руденко А.И. К вопросу о путях развития и использования фенологии в народном хозяйстве // *Географический сборник*. 1957. IX.
33. Руденко А.И. Методические указания и программа основных фенологических наблюдений // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1951. Т. 83, вып. 4.
34. Обращение к учреждениям и лицам, ведущим фенологические наблюдения над растениями. Л., 1957. 8 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 15 января 2013 г.

РЕДКИЕ РАСТЕНИЯ ЛЕСНОЙ ФЛОРЫ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ, НУЖДАЮЩИЕСЯ В ОХРАНЕ

На основании проведенных исследований рекомендован список видов лесной флоры Кузнецкого Алатау, нуждающихся в охране. В список включено 40 видов. Для каждого вида изучено распространение на Кузнецком Алатау по геоботаническим округам; приведены поясная приуроченность, а также результаты исследования редких растений лесной флоры Кузнецкого Алатау, нуждающихся в охране: намечены пути их сохранения. Сокращение численности некоторых ценных видов происходит в результате больших объемов заготовок, поэтому эти виды нуждаются в специальных мерах охраны – запрещении заготовок сырья. На западном макросклоне редкие виды охраняются в заповеднике «Кузнецкий Алатау». Рекомендовано создание охраняемой территории в статусе заказника на восточном макросклоне в окрестностях с. Ефремино (Ширинский район Республики Хакасия).

Ключевые слова: Кузнецкий Алатау; лесная флора; редкие виды; геоботанические округа.

Введение

Кузнецкий Алатау находится на территории Республики Хакасия и Кемеровской области – наиболее густонаселенных районов Сибири. Жизнедеятельность этих крупных административно-экономических районов Сибири связана, в том числе, с эксплуатацией полезных ископаемых на Кузнецком Алатау, а также с интенсификацией использования природных ресурсов (лекарственного сырья и др.) и организацией туризма. Это создает проблему сохранения растительного покрова в целом, а также популяций полезных растений.

Выявление видов, нуждающихся в охране, – необходимый и важный этап в организации их сохранения.

В ботанической литературе к дикорастущим видам, нуждающимся в охране, относят редкие, уязвимые и преимущественно эндемичные виды.

Виды, нуждающиеся в охране, внесены в Красные книги и находятся под охраной государства [1].

В лесной флоре Кузнецкого Алатау к видам, нуждающимся в охране, отнесено 40 видов: 1) редкие виды, находящиеся на границе ареала; 2) реликты; 3) узкие эндемики; 4) интенсивно эксплуатируемые сырьевые виды. Проблема сохранения перечисленных групп видов должна решаться отдельно для каждой из указанных групп. Краснокнижные виды находятся под охраной государства или региона по закону. Сохранение редких видов, реликтов и узких эндемиков практически не ведется. Они охраняются только в том случае, если произрастают на территории заповедников или других охраняемых территориях. На Кузнецком Алатау существует один заповедник – «Кузнецкий Алатау», который находится в Кемеровской области на западном макросклоне (верховья рек Кия и Верхняя Терсь, верхнее и среднее течение рек Средняя и Нижняя Терсь). На восточном макросклоне Кузнецкого Алатау создан национальный парк «Пещерный край», который охраняет, главным образом, пещеры и прилегающие к ним территории.

Как особая группа охраняемых растений должны рассматриваться дикорастущие сырьевые виды [2–5]. Проблема сохранения ценных сырьевых растений остается актуальной и в наше время. Охрана этих видов должна осуществляться в ходе их рациональной эксплуатации. Для этого ботаники-ресурсоведы на основе

изучения запасов сырья, эколого-биологических особенностей и динамики накопления основных биологических веществ должны регламентировать: 1) районы заготовки; 2) объем ежегодно возможных заготовок; 3) периодичность сбора сырья; 4) сроки заготовки; 5) способы заготовки [5]. В лесной флоре Кузнецкого Алатау научные основы рациональной эксплуатации разработаны для целого ряда официальных лекарственных растений [6]. Некоторые ценные виды сокращают численность в связи с большими объемами заготовок и поэтому нуждаются в специальных мерах охраны – запрещении заготовок сырья.

Материалы и методики исследования

Объектом исследования явились редкие растения лесной флоры Кузнецкого Алатау. Лесную флору понимаем как парциальную флору лесов Кузнецкого Алатау и выделяем как совокупность видов, произрастающих в лесных сообществах. В нашей работе принята методика отбора полевого материала – регулярный способ заложения ключевых участков и достаточно густая сеть проведенных маршрутов, что позволяет в значительной мере достоверно оценить флористическое богатство лесной флоры изучаемого региона. На основе анализа геоботанических описаний изучены встречаемость и обилие большей части видов лесной флоры Кузнецкого Алатау, что является основой для количественной оценки их обилия и некоторых других показателей. Перечисленные показатели являются одними из основных при изучении экологии видов и их ресурсов, которые составляют научную базу для рационального использования флоры и растительности любого региона [6].

Результаты исследования и обсуждение

На основании экспедиционных исследований, проведенных в течение 30 лет (1975–2005 гг.) сотрудниками лаборатории флоры и растительных ресурсов НИИ биологии и биофизики Томского государственного университета [6; 7. С. 133–144; 8. С. 108–110; 9; 10. С. 1341–1347; 11. С. 70–71; 12. С. 126–131; 13. С. 484–485], рекомендован список видов лесной флоры Кузнецкого Алатау, нуждающихся в охране (таблица). В список включено

40 видов. Для каждого вида показано распространение на Кузнецком Алатау по геоботаническим округам (рис. 1): I – Барзасский таежный, II – Кузнецко-Алатаусский высокогорный, III – Северо-Кузнецко-Алатаусский темнохвойно-светлохвойный, IV – Восточно-Кузнецко-Алатаусский среднегорный темнохвойно-светлохвойный, V – Балыксинский горный черневой, VI – Батеневский низкогорный лесостепной [14]. Приведена поясная приуроченность: 1 – высокогорный пояс, 2 – таежный, 3 – черневой, 4 – подтаежный, 5 – лесостепной.

Для видов, описание ареалов которых затруднительно в связи с разным пониманием объема этого вида у разных авторов, например *Dryopteris filixmas* (L.) Schott, приведены литературные источники [19, 20]. Указаны реликтовые виды и эндемики [21]. К реликтам хвойно-широколиственных лесов отнесены неморальные элементы, редкие в лесах Кузнецкого Алатау. Почти все эти виды ценотически приурочены к темнохвойным высокотравным или черевым лесам. При отборе видов неморального комплекса использовался ряд литературных источников [15–17].

Заключение

Составление списка видов, нуждающихся в охране, – это первый этап на пути к их сохранению. Важным моментом является выявление мест их произрастания. На западном макросклоне редкие виды охраняются в заповеднике «Кузнецкий Алатау».

На восточном макросклоне сотрудниками лаборатории флоры и растительных ресурсов НИИ биологии и биофизики Томского государственного университета под руководством зав. лабораторией д-ра биол. наук Н.А. Некратовой на основе многолетних исследований по охране редких и лекарственных растений рекомендовано создать охраняемую территорию в статусе заказника по охране растительного мира в окрестностях с. Ефремкино (Ширинский район Республики Хакасии), так как по своей геоботанической и поясной приуроченности большинство редких видов, нуждающихся в охране, произрастает именно на этой территории. Создание таких территорий будет способствовать охране популяций ценных полезных растений.

Список видов лесной флоры Кузнецкого Алатау, рекомендуемых к охране

№	Вид	Геоботанические округа, поясная приуроченность	Причина охраны
1	<i>Actaea spicata</i> L.	III, IV; 4	Редкий, реликт широколиственных лесов [16]
2	<i>Alfredia cernua</i> (L.) Cass.	II, IV; 2, 4	Реликт широколиственных лесов [16]
3	<i>Allium obliquum</i> L.	IV; 4	Редкий, заготавливается населением
4	<i>Astragalus membranaceus</i> (Fisch.ex Link) Bunge	VI; 4	Редкий, на западной границе ареала
5	<i>Bergenia crassifolia</i> (L.) Fritsch	II, IV, V; 1–3	Ценное лекарственное растение, ведутся заготовки
6	<i>Brachypodium sylvaticum</i> (Huds.) P. Beauv	II; 3	Редкий, реликт широколиственных лесов [16]
7	<i>Bromopsis austrosibirica</i> Peschkova	IV; 4, 5	Очень редкий, южносибирский эндемик, на северо-западной границе ареала
8	<i>Brunnera sibirica</i> Steven	I–III; 2, 3	Алтае-Саянский эндемик, реликт широколиственных лесов [16]
9	<i>Campanula trachelium</i> L.	I–III; 2–4	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]. Реликт широколиственных лесов [16]
10	<i>Carex amgunensis</i> Fr. Schmidt	IV; 4	Очень редкий
11	<i>C. drymophila</i> Turcz ex Steudel	IV; 2	Очень редкий, на западной границе ареала
12	<i>C. sylvatica</i> Hudson	II; 1, 2	Очень редкий, реликт широколиственных лесов [16]
13	<i>Dryopteris filixmas</i> (L.) Schott	I–V; 1–3 [19, 20]	Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]. Реликт широколиственных лесов [16]
14	<i>Elymus irtutensis</i> Peschkova	IV; 4	Очень редкий, южносибирский эндемик
15	<i>E. komarovii</i> (Nevski) Tzvelev	IV, VI; 4, 5	Редкий, близ северо-западной границы ареала
16	<i>E. pendulinus</i> (Nevski) Tzvelev	IV; 4, 5	Очень редкий
17	<i>Epilobium montanum</i> L.	I–V; 1–3	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]. Реликт широколиственных лесов [16]
18	<i>Festuca extremiorientalis</i> Ohwi	IV; 4	Очень редкий, реликт широколиственных лесов [15]
19	<i>F. gigantea</i> (L.) Villar	I, II, V; 2, 3	Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]. Реликт широколиственных лесов [16]
20	<i>Galium odoratum</i> (L.) Scop.	I–III; 2, 3	Реликт широколиственных лесов [16]
21	<i>G. trifidum</i> L.	II; 2–4	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]
22	<i>G. triflorum</i> Michaux	II; 2, 3	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]. Реликт широколиственных лесов [15]
23	<i>Hedysarum neglectum</i> Ledeb.	II–IV; 1, 2, 4–6	Гляциальный реликт. Ценное лекарственное растение, ведутся заготовки
24	<i>Hieracium krylovii</i> Nevski ex Schljakov	II; 1, 2	Алтае-Саянский эндемик
25	<i>H. kusnetzkiense</i> Schischk. et Serg.	V; 4, 5	Редкий, южносибирский эндемик
26	<i>H. vereschaginii</i> Schischk. et Serg.	II; 2–4	Редкий.
27	<i>Hippophae rhamnoides</i> L.	IV; 4, 5	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]
28	<i>Lathyrus frolovii</i> Rupr.	IV; 4, 5	Алтае-Саянский эндемик
29	<i>Ledum palustre</i> L.	IV; 2	Очень редкий
30	<i>Osmorhiza aristata</i> (Thunb.) Rydb.	II, V; 2, 3	Реликт широколиственных лесов [16]
31	<i>Ranunculus auricomus</i> L.	IV; 4	Редкий, близ восточной границы ареала

№	Вид	Геоботанические округа, поясная приуроченность	Причина охраны
32	<i>R. cassubicus</i> subsp. <i>kemerovensis</i> Kvist.	II; 2, 3	Редкий. Кузнецко-алатаусско-алтайский эндемик
33	<i>Rhododendron dauricum</i> L.	II, IV; 1–4	Редкий. Включен в сводку «Редкие и исчезающие растения Сибири» [18]
34	<i>Sanicula giraldii</i> H. Wolff	II; 3, 4	Реликт широколиственных лесов
35	<i>Stachys sylvatica</i> L.	I–III; 2–4	Реликт широколиственных лесов [16]
36	<i>Thalictrum minus</i> subsp. <i>pavlovii</i> (Reverd.) Friesen	IV; 4	Очень редкий, на западной границе ареала
37	<i>Thelypteris palustris</i> Scott	IV; 2	Очень редкий
38	<i>Valeriana paucijuga</i> Sumn.	II; 1, 2	Алтае-Саянский эндемик
39	<i>Vincetoxicum sibiricum</i> (L.) Decne'	IV; 4, 5	Очень редкий
40	<i>Viola mirabilis</i> L.	IV; 4	Реликт широколиственных лесов [16]

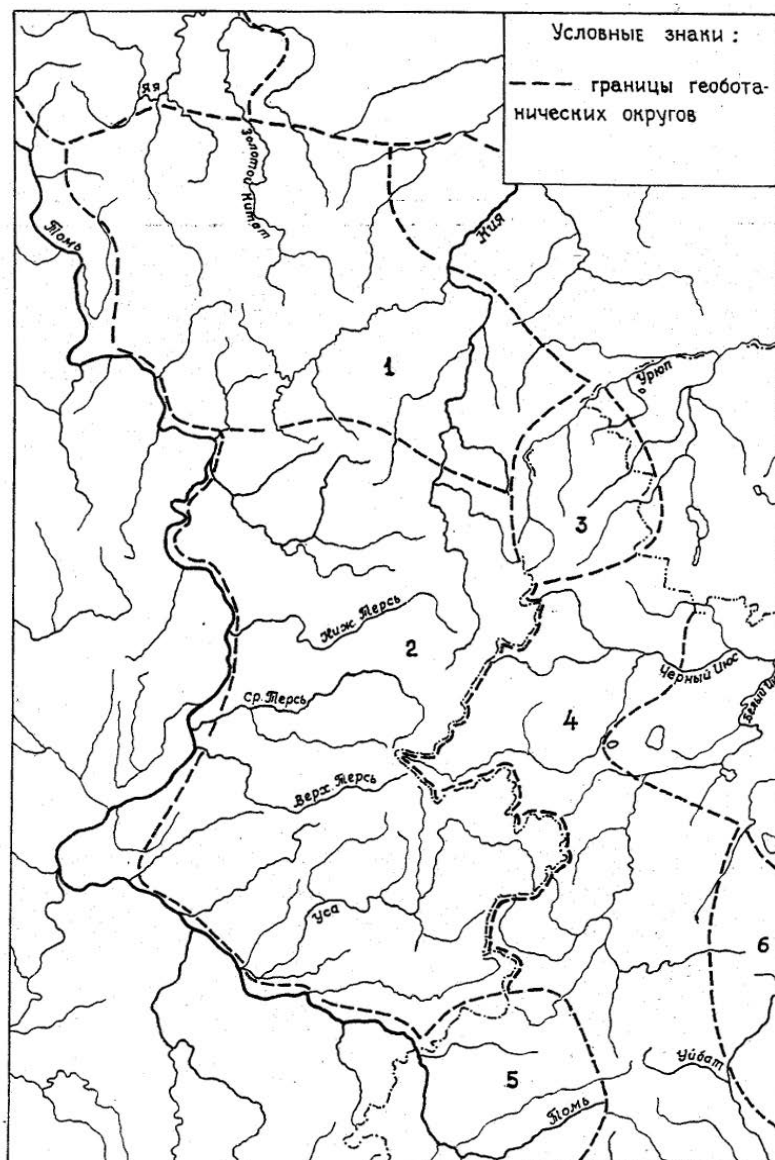

Рис. 1. Схема геоботанических округов Кузнецкого Алатау: 1 – Барзасский таежный; 2 – Кузнецко-Алатаусский высокогорный; 3 – Северо-Кузнецко-Алатаусский низкогорный темнохвойно-светлохвойный; 4 – Восточно-Кузнецко-Алатаусский среднегорный темнохвойно-светлохвойный; 5 – Балыксинский горный черновой; 6 – Батеневский низкогорный лесостепной

Род *Actaea* L. – Воронец

A. spicata L. 1753, Sp. Pl.: 504; Фризен, 1993, Фл. Сиб., 6: 116. – Воронец колосовидный. III, IV; 4. В нижней части лесного пояса в смешанных лесах. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский (евросибирский).

Род *Alfredia* Cass. – Альфредия

A. cernua (L.) Cass. 1815 in Bull. Soc. Philom. Paris: 175; Жирова, 1997, Фл. Сиб., 13: 213. – А. поникшая. II, IV; 2, 4. Таежные луга, разреженные пихтово-еловые леса, берега рек. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Среднеазиатско-южносибирский (юг Западной Сибири до Енисея на восток и Джунгаро-Тарбагатайский район Казахстана).

Род *Allium* L. – Лук

A. obliquum L. 1753, Sp. Pl.: 296; Фризен, 1987, Фл. Сиб., 4: 80. – Л. косой. IV; 4. Лесные поляны, луга. Редкий (руч. Разведочный).

Южносибирско-центральноазиатский.

Род *Astragalus* L. – Астрагал

A. membranaceus (Fischer) Bunge 1868 in Mem. Acad. Sci. Petersb. (Sci. Phys. Math.), ser. 7, 11, 16: 25; Выдрина, 1994, Фл. Сиб., 9: 30. – А. перепончатый. VI; 4. Разреженные лиственные леса, опушки. Редкий (Батеневский кряж).

Азиатский (в Сибири – Южная Сибирь).

Род *Bergenia* Moench – Бадан

B. crassifolia (L.) Fritsch 1889 in Verh. Zool.-Bot. Ges. Wien 39: 575; Малышев, 1994, Фл. Сиб., 7: 168. – Б. толстолистный. II, IV, V; 1–3. Кедрово-пихтовые леса, каменистые склоны.

Центральноазиатско-южносибирский.

Род *Brachypodium* Beauv. – Коротконожка

B. sylvaticum (Hudson) Beauv. 1812, Ess. Agrost.: 101, 155; Пешкова, 1990, Фл. Сиб., 2: 17. – К. лесная. II; 3. Осиново-пихтовые крупнотравные леса, лесные луга. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский (Азия, в том числе Южная Сибирь, Кавказ, Европа).

Род *Bromopsis* Fourg. – Кострец

B. austrosibirica Peschkova 1986 в Новости сист. высш. раст. 23: 28; Пешкова, 1990, Фл. Сиб., 2: 61. – К. южносибирский. IV; 4, 5. Леса, лесные луга. Очень редкий (окрестности с. Ефремкино). Южносибирский эндемик.

Южносибирский.

Род *Brunnera* Steven – Бруннера

B. sibirica Steven 1851 in Bull. Soc. Nat. Moscou 24: 582; Никифорова, 1997, Фл. Сиб., 11: 116. – Б. сибирская. I–III; 2, 3. Темнохвойные высокотравные и черневые леса, пойменные луга. Алтае-саянский эндемик. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Южносибирский (алтае-саянский).

Род *Campanula* L. – Колокольчик

C. trachelium L. 1753, Sp. Pl.: 235; Олонова, 1996, Фл. Сиб., 12: 155. – К. крапиволистный. I–III; 2–4. В хвойных и смешанных лесах. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский (Европа, Кавказ, Азия, в том числе фрагмент ареала на юге Западной Сибири, Северная Африка).

Род *Carex* L. – Осока

C. amgunensis Fr. Schmidt 1868 in Mem. Acad. Sci. Petersb. ser. 7, vol. 12, fasc. 2: 69; Малышев, 1990, Фл. Сиб., 3: 141. – О. амгунская. IV; 4. Березово-

лиственные леса. Очень редкий (р. Большая Сыя, руч. Разведочный).

Азиатский (южносибирско-восточноазиатский).

C. drymophila Turcz. ex Steudel, 1855 Syn. Super.: 238; Малышев, 1990, Фл. Сиб., 3: 121. – О. лесолюбивая. IV; 2. Сырые луга, травяные леса. Очень редкий (пос. Приисковый).

Североазиатский (сибирско-дальневосточный).

C. sylvatica Hudson 1762, Fl. Angl.: 353; Малышев, 1990, Фл. Сиб., 3: 157. – О. лесная. II; 1, 2. Черневые и смешанные леса. Очень редкий (г. Чемодан). Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Голарктический (Европа, Кавказ, Передняя Азия, заносный в Северную Америку, Горный Алтай, Горная Шория, Кузнецкий Алатау).

Род *Dryopteris* Adans. – Щитовник

D. filix-mas (L.) Schott, 1834, Gen. Fil.: tab. 9; Данилов, 1988, Фл. Сиб., 1: 61; Гуреева, 2001, Равноспоровые папоротники Юж. Сиб.: 27. – Щ. мужской. I–V; 1–3. Темнохвойные, смешанные (березо-пихтовые, осиново-березово-пихтовые) леса, высокотравно-папоротниковые поляны. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Голарктический (в Сибири в основном в Алтае-Саянах).

Примечание. Описание ареала весьма затруднительно в связи с разным пониманием объема этого вида у разных авторов (Гуреева, 2001).

Род *Elymus* L. – Пырейник

E. irtutensis Peschkova; Пешкова, 1990, Фл. Сиб., 2: 23. – П. иркутский. IV; 4. Смешанные леса, лесные луга. Очень редкий (окрестности с. Ефремкино). Южносибирский эндемик.

Южносибирский.

E. komarovii (Nevski) Tzvelev 1968 Раст. Центр. Азии 4: 216; Пешкова, 1990, Фл. Сиб., 2: 24. – П. Комарова. IV, VI; 4, 5. Лиственно-березовые, сосновые леса, лесные луга. Редкий (окрестности с. Ефремкино; верховья р. Уйбат; ручей Разведочный; Батеневский кряж).

Южносибирско-центральноазиатский.

E. pendulinus (Nevski) Tzvelev 1968 в Раст. Центр. Азии 4: 217; Пешкова, 1990, Фл. Сиб., 2: 27. – П. повислый. IV; 4, 5. Смешанные (лиственно-березовые) леса, суходольные луга. Очень редкий (окрестности с. Ефремкино).

Южносибирско-центральноазиатский (заходит на Дальний Восток).

Род *Epilobium* L. – Кипрей

E. montanum L. 1753, Sp. Pl.: 348; Власова, 1996, Фл. Сиб., 10: 112. – К. горный. I–V; 1–3. Черневые и смешанные леса, их опушки. Редкий (долина р. Уса, окрестности пос. Чексу). Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский вид с дизъюнктивным ареалом (Европа, Кавказ, Дальний Восток, юг Сибири).

Род *Festuca* L. – Овсяница

F. extremiorientalis Ohwi 1931 in Bot. Mag. Tokyo, 45: 194; Алексеев, 1990, Фл. Сиб., 2: 138. – О. дальне-

восточная. IV; 4. Очень редкий (окрестности с. Ефремино). Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Южносибирско-восточноазиатский (Дальний Восток, Восточная Азия, горы Южной Сибири).

G. gigantea (L.) Villar 1787 in Hist. Pl. Dauph. 2: 110; Алексеев, 1990, Фл. Сиб., 2: 138. – О. гигантская. I, II, V; 2, 3. Темнохвойные и черневые леса, высокотравные луга. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Голарктический (Европа, Средняя и Западная Азия, Алтае-Саяны, Западные Гималаи, Северная Америка).

Род *Galium* L. – Подмаренник

G. odoratum (L.) Scop. 1772, Fl. Carn. 1: 105; Наумова, 1996, Фл. Сиб., 12: 116. – П. душистый. I–III; 2, 3. Черневые и смешанные леса в лесном поясе. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Голарктический дизъюнктивный (Европа, Средиземноморье, Восточный Казахстан, Малая Азия, Иран, юг Западной и Средней Сибири, Дальний Восток, Китай, Япония, в Северную Америку занесен).

G. trifidum L. 1753, Sp. Pl.: 105; Наумова, 1996, Фл. Сиб., 12: 121. – П. трехнадрезанный. II; 2–4. Сырые леса, болота.

Евразийский.

G. triflorum Michaux 1803, Fl. Bor. Amer. 1: 80; Наумова, 1996, Фл. Сиб., 12: 122. – П. трехцветковый. II; 2, 3. Черневые, смешанные леса. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Голарктический (Средняя и Восточная Европа, Дальний Восток, юг Сибири, Китай, Япония, Северная Америка).

Род *Hedysarum* L. – Копеечник

H. neglectum Ledeb. 1831, Fl. Alt. 3: 340; Курбатский, 1994, Фл. Сиб., 9: 163. – К. забытый. II–IV; 1, 2, 4–6. Разреженные лиственные леса, лесные луга.

Южносибирско-центральноазиатский. В нижней части лесного пояса и в лесостепном – реликтовые местонахождения.

Род *Hieracium* L. – Ястребинка

H. krylovii Nevski ex Schljakov 1977 в Новости сист. высш. раст. 14: 218; Тупицына, 1997, Фл. Сиб., 13: 318. – Я. Крылова. II; 1–2. Темнохвойные леса, луга в лесном и субальпийском поясах. Алтае-саянский эндемик.

Южносибирский (алтае-саянский).

H. kusnetzkiense Schischk. et Serg. 1949 в Сист. зам. Герб. Том. ун-та. 1–2: 20; Тупицына, 1997, Фл. Сиб., 13: 319. – Я. кузнецкая. V; 4, 5. Леса, степи, скалы. Редкий (ст. Балыкса). Южносибирский эндемик.

Южносибирский.

H. vereschaginii Schischk. et Serg. 1949 в Сист. зам. Герб. Том. ун-та 1–2: 20; Тупицына, 1997, Фл. Сиб., 13: 322. – Я. Верещагина. II; 2–4. Сосновые и березовые леса. Редкий (долина р. Большой Кундат).

Южносибирский.

Род *Hippophae* L. – Облепиха

H. rhamnoides L. 1753, Sp. Pl.: 1023; Зуев, 1996, Фл. Сиб., 10: 103. – О. крушиновидная. IV; 4, 5. Тополевые долинные леса. Редкий (окрестности с. Ефремино).

Евразийский.

Род *Lathyrus* L. – Чина

L. frolovii Rupr. 1860, Fl. ingr.: 290; Курбатский, 1994, Фл. Сиб., 9: 186. – Ч. Фролова. IV; 4, 5. Березово-лиственничные леса, лесные луга. Алтае-саянский эндемик.

Южносибирский (алтае-саянский).

Род *Ledum* L. – Багульник

L. palustre L. s. str. 1753, Sp. Pl.: 391; Малышев, 1997, Фл. Сиб., 11: 15. – Б. болотный. IV; 2. Сырые хвойные леса, болота. Очень редкий (руч. Васильевский в бассейне р. Большая Сяя).

Евразийский.

Род *Osmorhiza* Rafin. – Осмориза

O. aristata (Thunb.) Rydb. 1894, Bot. Surv. Nebr. 3: 37; Пименов, 1996, Фл. Сиб., 10: 134. – О. остистая. II, V; 2, 3. Пихтово-березовые леса. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Азиатский (Кавказ, Казахстанский Алтай, Алтае-Саяны, Приморье, Сахалин, Курилы, Китай, Корейский п-ов, Япония).

Род *Ranunculus* L. – Лютик

R. auricomus L. 1753, Sp. Pl.: 551; Тимохина, 1993, Фл. Сиб., 6: 175. – Л. золотистый. IV; 4. Влажные луга, опушки лесов, осветленные леса.

Евразийский (евросибирский).

R. cassubicus L. subsp. ***kemerovensis*** Kvist. 1987 in Ann. Bot. Fenn. 24: 79; Тимохина, 1993, Фл. Сиб., 6: 177. – Л. кемеровский. II; 2, 3. Пихтовые и смешанные леса, в горах на границе леса. Редкий (г. Каным). Кузнецкоалатауско-алтайский эндемик.

В основном алтае-саянский.

Род *Rhododendron* L. – Рододендрон

R. dauricum L. 1753, Sp. Pl.: 392; Малышев, 1997, Фл. Сиб., 11: 17. – Р. даурский. II, IV; 1–4. Лиственнично-сосновые леса. Редкий (левобережье р. Белый Июс выше устья р. Большая Сяя, северо-восточный склон руч. Каратере).

Азиатский (в основном североазиатский).

Род *Sanicula* L. – Подлесник

S. giraldii H. Wolff 1913 in Engler, Pflanzenreich 61 (IV, 228): 60; Пименов, 1996, Фл. Сиб., 10: 132. – П. Жиральди. II; 3, 4. Черневые леса, травяные боры. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский (Приуралье, Горный Алтай, Алатауско-Шорское нагорье, Китай).

Род *Stachys* L. – Чистец

S. sylvatica L. 1753, Sp. Pl.: 580; Никифорова, 1997, Фл. Сиб., 11: 200. – Ч. лесной. I–III; 2–4. Лиственнично-березовые леса, лесные луга. Реликт хвойно-широко-лиственных лесов.

Евразийский вид с дизъюнктивным ареалом (Европа, Кавказ, Средняя и Малая Азия, Средиземноморье, юг Западной и Средней Сибири, Северо-Западный Китай).

Род *Thalictrum* L. – **Василистник**

T. minus L. subsp. *pavlovii* (Reverd.) Friesen comb. nova; Фризен, 1993, Фл. Сиб., 6: 204. – В. Павлова. IV; 4. Сосновые и смешанные леса, сырые луга. Очень редкий (руч. Смородиновый окрестности с. Ефремкино). Южносибирский (приенисейский) эндемик. Южносибирский (приенисейский).

Род *Thelypteris* Schmidel – **Телиптерис**

Th. palustris Schott., 1834, Gen. Fil.: 10; Данилов, 1988, Фл. Сиб., 1: 64; Гуреева, 2001, Равноспоровые папоротники Юж. Сиб.: 20. – Т. болотный. IV; 2. Темнохвойные (кедрово-пихтовые) сырые леса. Очень редкий (руч. Витальевский, бассейн р. Большая Сыя). Голарктический.

Род *Valeriana* L. – **Валериана**

V. paucijuga Sumn. 1936 в Тр. Биол. ин-та Том. ун-та 2: 56; Курбатский, 1996, Фл. Сиб., 12: 140. – В. ма-

лолисточковая. II; 1, 2. Лиственничные, темнохвойные леса, альпийские луга. Алтае-саянский эндемик.

Южносибирский (алтае-саянский).

Род *Vincetoxicum* N.M. Wolf – **Ластовень**

V. sibiricum (L.) Desne 1844 in DC., Prodr. 3: 525; Ковтонюк, 1997, Фл. Сиб., 11: 88. – Л. сибирский. IV; 4, 5. Лиственничные разреженные леса, каменистые склоны. Очень редкий (с. Малая Сыя).

Центральноазиатско(монголо)-южносибирский.

Род *Viola* L. – **Фиалка**

V. mirabilis L. s. str. 1753, Sp. Pl.: 936; Зуев, 1996, Фл. Сиб., 10: 86. – Ф. удивительная. IV; 4. Смешанные леса, лесные опушки. Реликт хвойно-широколиственных лесов.

Евразийский (Европа, Кавказ, Средняя Азия, юг Сибири).

ЛИТЕРАТУРА

1. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Р.В. Камелин и др. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 855 с.
2. Шретер А.И. Использование и охрана дикорастущих лекарственных растений. М.: ЦНТИ, 1977. 5 с.
3. Куваев В.Б., Денисова Л.В., Пошкурлат А.П. О принципах охраны полезных растений (на примере лекарственных растений) // Растительные ресурсы. 1981. Вып. 2. С. 272–281.
4. Куваев В.Б., Сотник В.Ф. К проблеме совмещения использования и охраны лекарственных растений // Ресурсы дикорастущих лекарственных растений СССР. 1984. Вып. 4. С. 61–70.
5. Куваев В.Б. Охрана малочисленных и сокращающихся видов лекарственных и родственных им растений // Лекарственное растениеводство. 1988. Вып. 2. 51 с.
6. Некратова Н.А., Некратов Н.Ф., Михайлова С.И. и др. Лекарственные растения Кузнецкого Алатау. Ресурсы и биология. Томск: ТГУ, 1991. 268 с.
7. Некратова Н.А. К изучению биологических особенностей *Rhaponticum carthamoides* (Willd.) Iljin и *Paenonia anomala* L. // Флора, растительность и растительные ресурсы Сибири. Томск, 1987. С. 133–144.
8. Некратова Н.А. Научно-методические подходы к изучению природных ресурсов лекарственных растений // Проблемы региональной экологии. Вып. 2: Региональное природопользование. Томск, 1994. С. 108–110.
9. Методические указания по изучению ресурсов лекарственных растений Сибири / А.В. Положий, Н.А. Некратова, Е.Е. Тимошок. Абакан: АГУ, 1988. 40 с.
10. Некратова Н.А., Выдрина С.Н., Михайлова С.И. и др. Новые и редкие виды растений для Кузнецкого Алатау // Ботанический журнал. 1988. Т. 73, № 9. С. 1341–1347.
11. Некратова Н.А. Редкие виды двудольных растений Кузнецкого Алатау // Проблемы охраны растительного мира Сибири: тез. докл. Междунар. совещания. Новосибирск, 2001. С. 70–71.
12. Некратова Н.А., Некратов Н.Ф., Некратова А.Н. Новые и редкие для флоры Кузнецкого Алатау виды сосудистых растений // Ботанический журнал. 2003. Т. 88, № 6. С. 126–131.
13. Некратова Н.А., Некратов Н.Ф. Опыт изучения ресурсов лекарственных растений в Алтае-Саянской горной и в Томской областях // Современные проблемы природопользования, охотоведения и зверопроизводства: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ВНИИОЗ. Киров, 2002 а. С. 484–485.
14. Куминова А.В., Маскаев Ю.М. Геоботаническое районирование // Растительный покров Хакасии. Новосибирск, 1976. С. 309–367.
15. Положий А.В., Крапивкина Э.Д. Реликты третичных широколиственных лесов во флоре Сибири. Томск: ТГУ, 1985. 158 с.
16. Крапивкина Э.Д. Неморальные реликты во флоре черневой тайги Горной Шории. Новосибирск: СО РАН, 2009. 229 с.
17. Камелин Р.В., Овеснов С.А., Шилова С.И. Неморальные элементы во флорах Урала и Сибири. Пермь: ПГУ, 1999. 83 с.
18. Редкие и исчезающие растения Сибири / Л.И. Малышев, К.А. Соболевская. Новосибирск: Наука, 1980. 223 с.
19. Гуреева И.И. Равноспоровые папоротники Южной Сибири. Систематика, происхождение, биоморфология, популяционная биология. Томск: ТГУ, 2001. 158 с.
20. Определитель растений Кемеровской области / И.М. Красноборов, Э.Д. Крапивкина, М.Н. Ломоносова и др. Новосибирск: СО РАН, 2001. 477 с.
21. Конспект флоры Азиатской России: Сосудистые растения / Л.И. Малышев и др. Новосибирск: СО РАН, 2012. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 14 мая 2013 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛАМПИЕВА Елена Владимировна – аспирант кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: aew_ka@mail.ru

АРСЕНЬЕВА Татьяна Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: jadviga27@mail.ru

АРХИПОВ Андрей Валерьевич – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: aav180@mail.ru

БЕРСЕНЕВА Татьяна Павловна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: taniabers@list.ru

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: nikollina@sibmail.com

БОРОВКОВА Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рубцовского промышленного института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

БРАГЕР Дмитрий Константинович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. E-mail: brager-4@mail.ru

ВЕРШИНИНА Евгения Николаевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: en.kurmi@gmail.com

ГАЛКИН Дмитрий Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры, ст. науч. сотр. научно-образовательного центра «Социально-политические исследования технологий» Томского государственного университета. E-mail: gdv_t@mail.ru

ГИЛЬДИНГЕРШ Марина Григорьевна – д-р экон. наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: mgild@mail.ru

ГИЛЬМАНОВА Галия Рафаиловна – канд. биол. наук, доцент кафедры экологии и природопользования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: g.gilmanova@mail.ru

ГРИШАНОВА Александра Вячеславовна – канд. экон. наук, доцент кафедры финансов денежного обращения и кредита Новосибирского филиала Московского института предпринимательства и права. E-mail: 111944@mail.ru

ДАНЧЕНКО Анатолий Матвеевич – д-р биол. наук, профессор, зав. кафедрой лесного хозяйства и ландшафтного строительства Томского государственного университета. E-mail: pinus_sibirika@mail.ru

ДАШЕВСКАЯ Ольга Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX в. Томского государственного университета. E-mail: doa.sony@mail.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДОБРУСИНА Маргарита Ефимовна – канд. экон. наук, доцент кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства Томского государственного университета. E-mail: medobrusina@rambler.ru

ДОЛГИХ Мария Николаевна – аспирант кафедры теории и истории культуры, ассистент кафедры дизайна Томского государственного университета. E-mail: m.dolgich@gmail.com

ДРУЖИНИНА Надежда Александровна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: nadya21_d@mail.ru

ЗАГРЕВСКИЙ Вячеслав Олегович – ст. преподаватель кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: O.zagrevsky@yandex.ru

ЗАГРЕВСКИЙ Олег Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: O.zagrevsky@yandex.ru

ЗАЯЦ Павел Петрович – зам. директора базы практик и учебного туризма «Белая речка» Южного федерального университета (п. Никель Майкопского р-на Республики Адыгея). E-mail: ruban-d@mail.ru

ИСМУКАНОВА Гульжаман Жасулановна – ст. преподаватель кафедры экологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан). E-mail: gulzhamal_zh@mail.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КАБРИН Валерий Иванович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kabrin@list.ru

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КАРВУНИС Юлия Алексеевна – ст. преподаватель кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: juliakarvounis@gmail.com

КАШПУР Валерия Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: valkashpur@inbox.ru

КНАУБ Роман Викторович – канд. геогр. наук, доцент кафедры природопользования Томского государственного университета. E-mail: knaybrv@mail.ru

КРИВЕНКО Илья Артурович – ст. лаборант Центра экономической безопасности Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: night_ikar@mail.ru

КРЮКОВА Ксения Александровна – аспирант кафедры лесного хозяйства и ландшафтного строительства Томского государственного университета. E-mail: pinus_sibirika@mail.ru

КСЕНЕВА Татьяна Георгиевна – канд. геол.-минерал. наук, ст. науч. сотр. лаборатории микропалеонтологии Томского государственного университета. E-mail: kseneva@ggf.tsu.ru

ЛЮБОВА Екатерина Алексеевна – студентка кафедры физической географии, экологии и охраны природы Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: ruban-d@mail.ru

МАЛИНИНА Наталия Сергеевна – аспирант кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета; ассистент кафедры социальной работы и социальной педагогики Вологодского государственного педагогического университета; психолог Студии рисования песком «СэндПРО-Вологда» (г. Вологда). E-mail: malin1313@mail.ru

МЕРЗЛЯКОВ Олег Эдуардович – канд. биол. наук, доцент кафедры почвоведения и экологии почв Томского государственного университета. E-mail: molege@mail.ru

МУЗА Марина Васильевна – тренер-преподаватель отделения спортивной акробатики специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва № 3 г. Томска. E-mail: sobolevamarinavasil@rambler.ru

НАЙДЁНОВ Алексей Сергеевич – канд. экон. наук, науч. сотр. Центра экономической безопасности Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: naidenov@list.ru

НЕКРАТОВА Анна Николаевна – канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории биоморфологии и цитогенетики редких и исчезающих растений Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. E-mail: aqulegia@gmail.com

НЕКРАТОВА Наталья Алексеевна – д-р биол. наук, зав. лабораторией флоры и растительных ресурсов НИИ биологии и биофизики Томского государственного университета. E-mail: nnecrat@gmail.com

НЕХОДА Евгения Владимировна – д-р экон. наук, профессор кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства, и.о. зав. кафедрой экономики и агробизнеса Томского государственного университета. E-mail: sheyna@sibmail.com

НИКОНОВА Яна Игоревна – канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансов, денежного обращения и кредита филиала Московского института предпринимательства и права в г. Новосибирске. E-mail: ya_shka@ngs.ru

ОБОРИН Матвей Сергеевич – канд. геогр. наук, доцент кафедры ботаники Пермского государственного педагогического университета. E-mail: rescreachin@rambler.ru

ПЕТРЕНКО Александр Николаевич – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: alexandr_n@mail.ru

ПЛИСКИНА Александра Викторовна – аспирант кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: sasha21PAV@mail.ru

ПРЯДУХА Наталия Анатольевна – канд. искусствоведения, науч. сотр. лаборатории гуманитарных наук ООО НПО «Экран» (г. Барнаул). E-mail: natasha72_72@mail.ru

РУБАН Дмитрий Александрович – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры минералогии и петрографии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: ruban-d@mail.ru

СМИРНОВА Анна Сергеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры высшей математики и методики обучения математике Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: dmvan@mail.ru

СТАРИКОВА Ксения Сергеевна – магистрант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: starikovaksenia@mail.ru

ТУБАЛОВА Инна Витальевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: tina09@inbox.ru

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – мл. науч. сотр. Центра стран Востока Томского государственного университета. E-mail: olgavust@gmail.com

ФИЛЬ Юлия Вадимовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: 2fil@inbox.ru

ФРОЛОВА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: julia.s.frolova@gmail.com

ШАПОВАЛ Анна Александровна – студентка филологического факультета Томского государственного университета. E-mail: anyashapoval@rambler.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: toleben@yandex.ru

ШЕРИН Владимир Сергеевич – канд. пед. наук, доцент кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: vladimirsherin@yandex.ru

ЩИПКОВА Евгения Александровна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: AMSTERA@mail.ru

ЭМЕР Юлия Антоновна – д-р филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: julika71@mail.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

PHILOLOGY

P. 7. *Arsenyeva Tatiana Ye.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **MODERN EDUCATIONAL DISCOURSE ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SPECIAL COMMUNICATIVE PHENOMENON.** The paper presents a research of educational discourse as a communicative phenomenon. Revival of educational discourse in modern Russia is connected with the increasing activity of the society in questions of speech communication culture formation, with the development of the state policy directed on preservation of the national language. An important role in the development of educational discourse about the Russian language belongs to the tendency of educational projects growth in media. When science and education in Russia undergoes essential changes, which are not always positively focused, similar projects gain increasing relevance and importance. Educational discourse about the Russian language is a special communicative phenomenon. Its axiological content is defined by understanding of education as activity for "public advantage", promoting development of the person and positive transformation of the society. Educational discourse as a communicative phenomenon is still poorly studied in modern linguistics. This paper presents an analysis of the "Govorim po-russki" radio program. The study of its content shows that educational discourse can be characterized by a unique set of participants, chronotope, objectives, precedent-setting sources, and discursive formulas. The general strategy of educational discourse as a special sphere of communication is education: activity of authors of the program directed on a) expansion of the speech outlook of addressees, b) formation and stimulation of informative activity of audience in the sphere of culture of communication, c) increase of the general cultural level of radio listeners. Three key communicative strategies of educational discourse are identified in this paper on the basis of the pragmatic analysis of significant factors of a discourse: learning, formation of informative activity of audience, information strategy. Each communicative strategy is realized in the educational radio program by a set of communicative tactics and tools. It is noted that a characteristic feature of educational discourse is interaction: participants of educational communication are both objects and subjects of communication. The discursive formulas inherent to educational discourse and defining this type of communication are the phrases marking the strategy of educational communication. In the given paper reference texts are considered as one of the case sources. This analysis gives a right to characterize educational discourse as a special communicative phenomenon, which holds its own strong position in the modern discursive system and needs to be described comprehensively.

Key words: educational discourse about the Russian language; radio discourse; communicative strategy; tactics.

P. 12. *Vershinina Yevgeniya N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **THE IMAGE-MODELLING ROLE OF THE METAPHOR IN EDUCATIONAL DISCOURSE.** Today the image of the city has not been studied sufficiently. However, there are a number of works about methods of constructing region's image in Russian linguistics. In these researches we can find a detailed analysis of advertising and communication technologies, which can be used in the creating of region's or country's images. Basing on generalization of theoretical works on the problem of researching the regional image-making, the author distinguishes a number of factors, which can cause changes in region's image, and which can be applied to the study of the city's image. Among them are: the political specificity, economic features, intellectual and human resources, research and innovation. The latter two components are dominant for the image of Tomsk. That is why in this article we considered the educational discourse of the city, in particular, the discourse of higher education institutions. This article gives the analysis of the specific metaphorical models, using which journalists form the image of universities in media texts. This article also raises the question of how the image of the university influences the image of the city. The material for the study included 74 publications varying in genre, selected from a specialized weekly "Поиск" (*Poisk*, "Search"). We analysed 49 metaphors. Among them are floral, military, physiological, mechanical, sport, space and physical metaphors, those of kinship, of home. All these metaphors represent Tomsk as a city with a mature and developing scientific community, where young scientists "grow". In newspaper texts Tomsk is compared with a large sturdy house with a solid foundation; all its inhabitants are in close mutually beneficial relations of cooperation, or even kinship. The newspaper creates the image of a city with a competitive and innovative environment, the center of "educational universe" in Siberian region. It is surrounded by a range of customers and partners. Tomsk looks like a strong city, the strength of which is in the research potential of young professionals coming to Tomsk universities to get higher education and to work here successfully. Also the studied texts show the relationship between universities and industrial enterprises of Tomsk. These relationships help journalists to model the image of Tomsk as a city with a developed economy.

Key words: image of the city; metaphorical models; the educational discourse.

P. 16. *Dashevskaya Olga A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **PROBLEMS OF STUDYING THE CHRISTIAN ASPECTS OF THE 20TH-CENTURY RUSSIAN LITERATURE IN THE POST-NONCLASSICAL ERA.** The article discusses a range of topical issues of methods of analysis of the theoretical principles of interpretation of Christian issues in the 20th-century Russian literature. In the 1990s-2000s the problem of Christianity and Russian literature became the subject of a special study of a series of conferences on the post-Soviet period: the main approaches were outlined; presentations of the Soviet period were corrected; the question of the theoretical and methodological principles of the study of Orthodox literary discourse in modern and contemporary periods was raised. The paper addresses several problems. First, it corrects the notions of the place of the 20th-century Russian literature in the spiritual foundations of national literature. The value of the Russian literature in the last century is formed not only in the framework of the Orthodox literature and "Christ-centrism" (I. Yesaulov) of the Russian culture, which is a natural process of further secularization. However, this tradition is one of the core lines in the development of the Russian literature of the last century. Second, it clarifies the boundaries of the concepts of "Orthodox text" and "patristic tradition". The problems of competent interpretation of literary texts in the confessional aspect in terms of the functional use of the canonical pre-text and of the study of separate literary systems in their evolution are discussed. Third, it analyses the existing typology of specific texts in terms of the problem of literature and Christianity. The idea of two types of works in the literature of the previous century is developed: Orthodox discourse, in which the believing author and the protagonist have a lively sense of being in God (M. Dunaev), and mythopoetic discourse, reflecting the

secularized world of Russian artists of the last century (modernism, postmodernism). Fourth, it raises the problem of spiritual and religious mission of Russian literature and ways of interpreting the situation in the multiplicity of research methods in the post-nonclassical era. Models of research strategies in modern philology are presented, in particular, the issue of the nature and characteristics of the methodology of the secular (scientific) and religious (theological) literary criticism. The conclusion is that the problem of Christian anthropology and contemporary literature is at the early stage of its development, as well as the questions of methodology of religious studies.

Key words: post-nonclassical era; Orthodox discourse; interpretation models; 20th-century Russian literature.

P. 22. *Kashpur Valeria V., Fil Yulia V., Shapoval Anna A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ASPECT FEATURES OF RUSSIAN AND ENGLISH VERB IN LANGUAGE AND TEXT (BY EXAMPLE OF M.A. BULGAKOV'S *THE HEART OF A DOG* AND ITS TRANSLATIONS).** The paper discusses the category of aspect, the principles of reflection of the type of action in process, as well as single-level and multilevel means of expressing aspectual semantics in languages of different types, namely, the Russian and English languages. Considering aspectual relations in the text gives more information about the category and shows ways to achieve equivalence in translation of Russian units with aspectual semantics into the English language. In Russian and other Slavic languages nuclear means of expressing aspectual relations is the category of aspect, while the other means of expressing aspect are not grammatical. The question about the nature of the category of aspect in the English language is still subject to debate, an indisputable fact is that in English aspectual meaning is expressed by tense forms. We identified the following methods of translation of Russian verbs characterized by a certain mode of action into English. 1. Free translation by verbal combinations with phase verbs: *Он зашел сквозь зубы / He began to sing under his breath; В ванной что-то запрыгало / Something began to jump in the bathroom*, etc. This type of transformations is most representative for expressing the initiatory semantics of the Russian verb. 2. Translation by analytical combinations of words including analytical structures that express the type of action: *Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние / He spoke for a while and then began to regress towards his original condition*. 3. Translation by the verb with the same meaning as the Russian verb with a prefix, when the indication of the type of action is part of the lexical meaning of the English verb (including the phrasal ones), while the Russian verb is characterized by a particular affix to express a similar meaning: *Пес глянул на него / The dog glanced at him; Они бок мой изрежут / They will cut up my side*. Analysis of M. Bulgakov's *The Heart of a Dog* and its English translations demonstrates that the Russian text expresses aspectual semantics by means of the category of aspect and lexical and word-forming classes of Russian verbs, while the English text reproduces aspectual meanings by an extensive system of English tenses and analytical verb and non-verb constructions with aspectual meaning.

Key words: aspect; verb form; Russian language; English language; equivalence of translation.

P. 30. *Tubalova Inna V., Emer Yulia A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **CONFLICT TEXT IN ORAL AND VIRTUAL EVERYDAY COMMUNICATION.** The article discusses the specifics of the formation of the conflict text depending on the discourse type. We investigate the conflict text in the oral text and virtual everyday communication. As a result, we come to the following conclusions. 1. Formation of the conflict text is determined discursively. Its features can be detected basing on the analysis of the discursive content of the structural elements of the conflict as a system object. 2. Independence from the institutional rules defines the features of conflict text generation in everyday discourse. The values of everyday discourse, focused on extra-institutional unity and discourse participants' recognition of personal positions in mini-groups, are potentially conflictogenic. Everyday discourse prioritizes the relations of equality of interlocutors. 3. On the one hand, the real and virtual communications demonstrate expressed common nature of conflict text generating. On the other hand, virtual communication is specific, which is manifested in the following. 3.1. An important factor in this aspect is the technical mediation of virtual communication. Written fixing of conflict communication in everyday discourse virtual implementation allows each participant to repeatedly trace the course of the conflict, and have at least a little reflection on the future replica. Interface properties define the special role of citing in the process of text design of the conflict, the specificity of the emotional side of the conflict text. 3.2. The conflicts within the communities in real interpersonal communication arise mostly in the implementation of the objectives associated with the change of reality to achieve a practical result (behavioural conflict), and objectives related to the implementation of views on problems mostly generate conflicts within situational discourses (conflict of opinions). The leading type of conflicts in virtual communication is the conflict of opinions which expresses the situational nature of the discourse. 3.3. The thematic structure of conflict texts of oral everyday discourses and virtual communication is similar: their thematic orientation is in direct correlation with the object of the reflected conflict. The specificity of the thematic expression of virtual communication is that conflicts here may arise spontaneously, like in real communication, or be given by the author as a separate topic. 3.4. Generation of texts demonstrating a direct reflection of the conflict in everyday discourse is often in direct proportion to the locus and the time of their generation. Virtual communication shows no such relationship. 3.5. The role structure of conflict texts in everyday discourse enters the role structure of specific situational discourses of everyday life. In virtual communication the role structure shows some specifics related to the external situation of Internet communication. The specificity of virtual conflict text generation is determined by the lack of physical presence of communication participants. There are special discursive roles – conflicting "masks".

Key words: conflict text; everyday discourse; oral and virtual communication; discursive conditionality of conflict text generation.

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

P. 36. *Berseneva Tatiana P.* Siberian State Academy of Physical Culture and Sports (Omsk, Russia). **SYNERGY IN CULTURE.** Based on previously produced studies, the article suggests the following definition of synergy. Synergy is a combined action, the interaction of different potencies or energies that are directed to the ideal, and to producing the synergetic effect. Various approaches of understanding culture are analyzed in order to answer the questions of if it is possible to talk about synergy in culture, and what conditions are necessary for the existence of synergy in culture. In this context culture is defined as the transformation of the individual and the society in the implementation of cultural and creative activity on the basis of spiritual and moral religious views. Recognising synergy as a form of dialectics and considering the connection of dialectics and culture, the article makes an assumption, according to which it is possible to speak of synergetic development as of a form of dialectical development of culture. Since synergy is a process, the article outlines the necessary conditions for the implementation of this process. According to the definition of synergy, one of its features is the interaction of the opposites. In culture one can consider internal and external interactions. The ideal types of interaction of

cultures are: dialogue, synnecrosis, assimilation, unilateral influence, transformation, concurrency, and mutual isolation, etc. But the article only deals with synergetic interaction characterized by a joint, cooperative, coordinated interaction of different potencies or energies. Therefore, the first condition of synergetic interaction in culture is the dialogic, cooperative interaction of different, even contradictory, activities and ideals. The analysis of culture in terms of the nuclear spherical concept allowed defining the "hard core" and the "protective belt" in culture. The core of culture ensures its stability, hardness, conservatism. The Hesychast tradition recognizes the divine nature and divine energies inseparable from it as a "hard core". The second condition of synergy in culture is the presence of a "hard core" connected with the ideal of deification, which means the possibility of a person to become the God by the grace under synergy. A person joins Divine Energies in the process of synergy, and begins to change the world like God. Therefore, the third condition of synergy in culture is the synergetic effect. Synergetic effect shows in human creativity. In such a manner, in this article the terms of synergy in culture are determined, namely, the dialogic interaction of different types of activities and different ideals of cultural orientation to the higher absolute ideal, transformation of people and the world.

Key words: culture; synergy; interaction; cultural base; theosis.

P. 45. *Borovkova Olga V.* Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Polzunov Altai Technical University (Rubtsovsk, Russia). **THE SUBJECT OF COGNITION AS A DEMARCATION CRITERION OF THE HISTORICAL MYTH AND HISTORICAL SCIENCE.** From ancient times philosophers made attempts to release the scientific knowledge from myth formations, ideological influences and so on, that is, to solve the problem of demarcation of scientific and extra-scientific knowledge. But these attempts were not successful. Therefore, the search for criteria of demarcation may be more successful in the allocation of specific areas of scientific and extra-scientific knowledge, which have common grounds. In this case, they are the science of history and historical myth. Searching for the criteria, the researchers paid much attention, first of all, to the subject of science, the peculiarities of cognition, etc., but not for the characteristics of the subject. We may suppose that the questions of who participates in the process of cognition, what they expect to get and what they really get are very important for solving this problem. Historical study, due to the specification of the subject of history, the complexity of the subject sphere, requires a special approach. Moreover, it includes the diversity of views on the object of historical knowledge. But, despite this, the subject, in different degrees, is opposed to the object. The role of the subject of the science of history, therefore, is determined by its relationship with historical reality. In historical myth such an opposition arises only in case if the mythological reality is not considered to be true, that is, it is studied or created. Both historical science and historical myth are characterized by the multi-level character of the subject, but in totally different meanings. The complexity of the subject of historical science is caused by the peculiarity of the object and the need for a more careful study of essential relations. When considering the subject of historical science in relation to the text, the author and the interpreter are noted, first of all. The status of the author and the interpreter is conditional. The author can be the interpreter, and vice versa. Different types of text are presented by eyewitnesses, archaeologists, interpreters of sources, interpreters of interpreters. Classification of subjects can also be conducted in terms of volume and depth of historical reality study (the historian and the philosopher). In historical myth, where the aim of the subject is glorification of the national or ethnic history, the complexity of the subject is connected with the confrontation between the outer and the inner, that is, with the acceptance of myth as reality, on the one hand, and the myth itself, on the other. The myth as a myth exists for those who do not accept it as a reality, consider it inadequate to reality. Accordingly, for those who accept myths, myth is a reality, and its cognition reveals the truth – the reflection of this reality. Thus, the subject of historical myth is the myth creator, on the one hand, and the myth "carrier", on the other. This distinction seems to be a rather strong criterion of demarcation of historical myth and historical science.

Key words: historiography; historical myth; demarcation; subject; author; interpreter; myth creator.

P. 50. *Pliskina Alexandra V.* Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). **POLITICAL STIMULATION: PRINCIPLES, PROBLEMS, TECHNOLOGY OF APPLICATION IN MODERN RUSSIA.** Current approaches of conceptualization of political stimulation are given in the works of sociologists, such as V.A. Yadov, Zh.T. Toshchenko, V.V. Kozlovsky, A.Akhiezer, etc. Special attention should be paid to Luhmann's system about differentiating self-description of the society. The problem is the relationship between politics and the public service and its impact on the public service by receiving stimulation: appointments to senior positions, career promotion, awards, etc. The formation of policy stimulation that has a positive impact on civic and political participation of people is one of the challenges in the transition to democracy in our society. Meritocratic government influences the political freedom and state authority, and its elements stimulate and use bureaucracy, administrative resources, and the so-called "dirty technologies". Unconditional threat to the society is the corruption component, the acting award system in which the public official, becoming a bureaucrat, imbues "network thinking" and learns from insubordination and dominance position, observing the hierarchy by job status and the degree of distancing from individuals, making or supporting such decisions. Being always busy, the first person may become a hostage of their employees, for they are not able to cross-check the data in the lists of the award, reward and promotion nominees. In such a situation it discredits not only the executive body, but also the first person who approves candidates for awards. Powers allow the holder to encourage society to different activities. Political incentives are based on a number of principles, such as: diversification, diversity; correspondence to merit and awards (meritocratic weight); meritocratic principle of rewarding candidates according to their achievements, abilities and professional competence and qualifications; justice (social justice); adequacy of stimulation (bonuses for merits); practicality (not always play by the rules, sometimes in life it is necessary to quickly find a practical measure); ideological. The use of awards designed to promote the merits of civilians in modern Russia is also a violation of the statute on the "reward": by the rank of the officer and its "closed" character. For example, the Order "For Merit to the Fatherland" was handed over are awarded without complying with the order of the sequence "from the lowest level to the highest". The analysis was made of the data of the Award Committee of Kemerovo State University and the archive database for 2007–2012. For the analysis the following documentary sources were selected: automated ranking system (2011–2012), personal ratings of the faculty (2007–2012), lists of the awarded for various activities, orders, petitions, statements of the Award Committee; regulations on the system of moral incentives, collections of KemSU with the main results of the period (2008–2012). Then, basing on the data sources the declaratory problems and the lack of clear metrics in the award activities were identified. We see a violation of the principle of adequacy in the process of awarding: it is often unclear what merits exactly are awarded. Thus, ignoring the meritocratic principles in the public system of awards results in the selection of candidates for the award originally bases on unfair criteria, the system glitches and loses its value and importance to the society.

Key words: political stimulation; meritocratic factor; awards system.

P. 53. *Galkin Dmitry V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **DISPOSITION OF VISION: OPTICS OF IDENTITY IN CONTEMPORARY ART.** The article contributes to the discourse, which is currently associated with visual anthropology. Taking art works of contemporary Russian artists as the main material for the analysis the author demonstrates how visual art constructs the optics of identity, putting audience into the specific disposition of vision. All artworks used as the material for this article are presented at the exhibition "United States of Siberia" (2012-2013, curated by V. Mizin) and illustrate the author's point on constructing the optics of Siberian identity. In the theoretical problem statement the author addresses to the works of M. MacLuhan and approach of the Frankfurt School critical theorists. The key point is that we need to emphasize not the visual or narrative representations of the art works but instead make focus on the disposition of the vision – the way the meaning and visibility are connected in the point where the viewer sees and reads the artwork. The aesthetic methodology of the analysis follows the ideas of conceptual art, arte povera, and pop-art. The author demonstrates how means of "arte povera" artistic expressions open new opportunities for artists to translate the triviality of ordinary things into sublime meanings. Considering the artworks presented at the "United States of Siberia" exhibition, the author describes the artistic power of arte povera methods (in its Russian version called "Russian povera"): collages made of postcards and newspapers in a series "The were fighting for the Homeland" by Sergey Bepamiatnykh, an installation made of axes with the Olympic Games symbols by Vasily Slonov, etc. The emphasis of protesting gestures against the dominant mass culture and glamour elitism is made. The optics of contemporary art is explained as modelling of multilayer interpretations and deconstruction of visual stereotypes of the mass consumer culture. Creative expression of Siberian artists described as Siberian pop-art with its controversial substitution of the sublime by the trivial and revelation of the emptiness behind the signs and symbols of mass culture mixed with everyday life reality of the ordinary consumer. The disposition of the vision is constructed by ironical substitution of the pop-culture visual cliché: Damir Muratov finds American pop-stars living in Siberian villages ("If they were born in Siberia" series), Nicolay Kopeikin creates epic scenes of "The War of the Worlds" between Russian and American cartoon heroes, Vasily Slonov presents advertising posters of the Olympics 2014 (Welcome to Sochi 2014). The author comes to the conclusion that contemporary Siberian artists find an original way to construct the optics of Siberian identity, which allows the viewer to transcend the limits of the stereotyped perception and imposes sensitivity to the new visions of the regional cultural marketing under the label of contemporary art.

Key words: contemporary art; visual anthropology; optics of identity; arte povera; pop-art.

P. 58. *Dolgikh Maria N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **INTERDISCIPLINARY FOUNDATION OF DESIGN.** Design as a cultural phenomenon is exposed to uninterrupted transformations; it is unstable, incomplete and fundamentally does not allow unambiguous determination. With the development of equipment and technology, with the changes that model a new way of social and cultural life determination of design expands, deepens, and changes. Design as a cultural phenomenon is dependent on the time of the era in which it operates, exists. Requests of time, the needs of societies define the challenges design faces. In the industrial age, the symbol of the time was the development of industrial production, and today, in the age of information, intellectual work is valuable aimed at the production or conversion of information. In accordance with this, in the industrial society designers worked to create artistically expressive objective environment, and in the network society the work with information in digital or virtual-media environment is at the peak of the relevance. In the industrial era the leader of the design culture was industrial design, but with the onset of the information age the position of the front man belongs to graphic design. Current changes in the socio-cultural processes indicate the formation of a new paradigm, conditioned by the change of the industrial society into a society of information and networks. In connection with the development of science and technology, with a gradual transition from the rule of machine production to the production of information, from market economy to information economy, from the culture of the industrial society to the culture of the network society, the problems that accompany the human existence are changing. The paradigmatic shift does not only entail a transformation of social and cultural nature, but also destroys the existing ways of development of specific cultural or social phenomena. In the field of design the main goals and problems are shifting to other coordinate planes that actualise and enhance interdisciplinary connections. The novelty of the proposed research consists in the analysis of interdisciplinary foundation of design as a cultural phenomenon in the industrial society and in the network society. Interdisciplinary foundation of design is based on the designer's thinking, which includes the collaboration of imagery, system, and innovation. With the historical development of design the number of disciplines that are necessary for the designer to master in the process of design education is expanding. The foundation of the interdisciplinary in design is the co-operation of creative and technical thinking and design, backed by competencies in the field of humanities and applied sciences, the range and direction of which is determined by the specific project.

Key words: interdisciplinarity; industrial design; graphic design; professional training; industrial society; network society; technology; culture.

P. 62. *Pryadukha Natalia A.* Scientific and Production Association "Screen" (Barnaul, Russia). **MUSIC AND SOUND CHARACTERISTICS OF THE INTERIOR OF THE CHURCH ARCHITECTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE CULTURAL LANDSCAPE (BY EXAMPLE OF MUSICAL AND ARCHITECTURAL CHURCHES CYCLE OF BARNAUL).** The paper presents the musical-sound approach to the interpretation of the interior of the place of worship, which is the additional features of the analysed musical and architectural cycle consisting of the Peter and Paul Cathedral, the Mother of God Odigitrievsky Church, the Church of the Ascension, the Church of the Holy Forerunner and Baptist of the Lord, and the Church of Dmitry of Rostov in Barnaul. Relying on the versatility of the well-known musical sound characteristics and patterns, we confirm their presence in the organisation of the internal space of the centric and non-centric churches. The timing parameters of the model of the "way" (non-centric church) and "place" (centric church) make the architecture statics dynamic and give it additional features (rhythm, meter, movement, tension, tempo, etc.), as well as approach architecture to its temporal analogue of art – music. Deciphering the traffic pattern encoded in the interior of each church reveals a general model of melody development, invoices its intended musical analogue. More detailed musical information (tone, mood, the music sequence, chord, etc.) is closely connected with each attribute of the church, located at a certain place that enriches the musical nuances of the general scheme of the textured solutions of the proposed musical analogue. A huge information reservoir is the ornament that fixes the ability of the sound to produce visual forms and add, if desired, a particular sound representation in the form of paintings and sculptural decoration of the church. In addition, parishioners are able to adjust themselves to this interpretation of architecture basing on the impulses of their own, which makes the perception of the interior of the church mobile, updated, dynamic. The proximity of the latest scientific developments to the understanding of the world and the

connection with the philosophical concepts of the past on this topic make music sound approach resilient, ensuring the continuity of cultural traditions and relevant in today's culture of masses and consumption. The main objective of this approach to the perception of religious architecture lies in the revival of spirituality, integrity, knowledge of the world and inspiration of the cultural landscape of the city, enhancing the recipient's own position. The art-historical reconstruction of this kind will help to recreate the lost layers of culture, tourism and increase the investment attractiveness of the region. Creating a new interpretation, communication codes becomes an opposition to the modern trends of simplification and stereotyping.

Key words: religious architecture; music; cycle; cultural landscape.

HISTORY

P. 67. *Boyko Vladimir P.* Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). **THE ROLE OF ORTHODOX FAITH IN THE PROCESS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE 17TH – EARLY 20TH CENTURIES.**

The paper presents the major sub-cultures developing in Siberia for centuries: the Cossack Democratic libertines, the traditional peasant way of life, entrepreneurial subculture, aristocratic-bureaucratic world, radical commoners. The vast majority of the population of Siberia were peasants (90%), so the most common way of life in the region was the traditional peasant way of life. It is characterized by conservatism, a desire to preserve the traditional standards of life, and the collective (community) ideals. In practice, it was expressed in the inability of the peasant to imagine the life outside of the peasant community. The history of the Siberian merchants who were one of the main participants in the bourgeois relations shows that most entrepreneurs had extraordinary volitional and intellectual personal qualities. The basis of their activities, the main motive and purpose of their lives was the desire to become richer. In the merchants' opinion these tendency were rather natural and justifiable, which distinguished them from other classes. One of the main characteristics of the noble estates subculture was the tendency to laziness and idleness, to the type of behaviour when the sensual pleasure and gambling were in the foreground. There was a felicitous remark of P.A. Slovtsov about such a way of life in Siberia that the land ownership of the local official fits in the flowerpot, whereas craving for the pleasures of life was boundless. Bureaucrats' interest in the service was limited to formal fulfillment of their duties, obtaining Siberian salary addition and brevet. Additional revenues were not considered crimes, especially income from the guilty farmers and local merchants, the main thing was not to be noticed at the time of receiving bribes. In view of education and their active life position intelligent people, not noble by origin and of various ranks, were able to influence widely the public through both their professional activities (teaching, journalism, advocacy, etc.) and in a private way, in conversations, through their work in the social and political institutions. Thus, by the analysis of subcultures formed on the bases of everyday consciousness, it is possible to make some conclusions about the varied and eventful life in the Siberian region of the 19th – early 20th centuries. The period of traditional subcultures (the Cossacks, the peasants and the nobles) was partially replaced under the influence of time by the new subcultures (businessmen and people of various ranks), which had a perspective. However, their implementation was not fully worked out due to the diversity of social and psychological orientations, because of the abandonment of the Orthodox faith by intellectuals and other classes, which was the foundation in uniting people.

Key words: history of Siberia; Orthodox faith; mentality.

P. 71. *Dmitrienko Nadezhda M.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **THE ATTEMPT OF MAKING A SKANSEN-MUSEUM IN TOMSK.**

The first Museum of a new kind of open air museums appeared in 1891 in Sweden and was named the Skansen-museum after the name it was organized in. It exhibited buildings and furnishings, tools and memorials, and as his founder Artur Hazelius said, "It was devoted to folklore and the history of civilization". Skansen-museums in Russia were established in the early decades of the 20th century. For example, there was such a museum in the former Manor of Grand Duke Nikolay Mikhailovich Romanov near Petrograd in 1919–1922. In the late 1920s an open air museum like Swedish Skansen was organized in Moscow, in the former Tsar estate Kolomenskoye. It is important to note that there were attempts to create a new type of Museum in Tomsk. Those attempts were connected with creating of the Siberian Regional Science and Art Museum. In order to make this Museum a special Committee for the Siberian Regional Museum was organized in February 1911. The members of this Committee, Baron B.A. Aminov, F.Ya. Nesmelov and explorer of Siberia A.V. Adrianov, proposed the establishment of a museum to preserve and study the culture of the peoples of Siberia in a natural landscape. And they used Hazelius' idea of preserving and representing culture of ancestors at the Skansen open-air museum in Stockholm. They developed a plan to move dwelling and household buildings of northern aboriginals of Tomsk Province to Tomsk, placing them in the Park area in the southern part of the city, on the bank of the Tom River. The plan was backed by the Tomsk Duma, which had allocated a plot of land covering an area of more than 7.8 hectares at a territory of modern Lagerny Garden, struggled to find sources of funding for the new Museum. Architect T.L. Fischel and university botanist P.N. Krylov drew plans for the open-air museum. There were developed the ways of forming the museum: B.A. Aminov was ready to transport aboriginal buildings to Tomsk, Museum Committee Chairman F.Ya. Nesmelov published an article in newspaper "Siberian life" and invited citizens to participate in the scientific field trips to collect material. A.V. Adrianov, who was in exile in Minusinsk District, made a scientific trip to the South of Eastern Siberia, where he made archaeological excavations, visited and observed the ancient Russian settlements. The projected Scansen-museum was not opened in Tomsk, but the attempts to create it were significant: first of all, it was the integration of Tomsk researchers and world museums and their willingness to understand and implement the latest museum ideas and projects.

Key words: history of Museum science; Skansen-museum; development of Tomsk museums.

P. 73. *Petrenko Aleksandr N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **RUSSAIN GARIBALDIAN LEO MECHNIKOV.**

The present research is an attempt to draw a parallel between the scientific beliefs of L. Mechnikov as a sociologist and the events of his personal life which influenced his attitude to despotism. The author reveals and analyses Mechnikov's opinion of solidarity and its connection with the historical process. The history of the volunteer movement towards freedom and unification in Italy that Mechnikov took place in and his service in Garibaldi's troops are also described. L. Mechnikov was born on May 18, 1838 in St. Petersburg. His family was noble. He lived in Russia during his childhood and youth. Most of his life he spent in emigration. He studied at several universities, but did not graduate any of them. The reason for that was a very active character and the desire to travel. But these qualities helped him later to succeed as a geographer scientist and sociologist. He began his career as a translator, later worked as a commercial agent. At that time, he had a lot of duty-bound travelling. Of course, he wanted to be engaged in other occupations. His main hobby at the time was drawing. In order to become an artist, he left Russia at 21 and went to Venice. It is safe to say that this hobby played a

major role in his life, despite the fact that he did not become a professional artist. L. Mechnikov came to Italy in 1860. It was the year when Garibaldi and his famous "Thousand" landed in Sicily and conquered Palermo. Among other members of Giovanni Nicotera's volunteer detachment Mechnikov joined Garibaldi's forces. He served in a division under General Milbiz. One of the most important tasks L. Mechnikov had to do during his service was to direct the course of fortification construction near Santa Maria. Garibaldi himself later appreciated the importance of this work, he also noted how complicated the position of the Redshirts was at this section of the front. He also participated in the battle of Volturno and was wounded. Having been released from hospital Mechnikov retired and wrote memoirs about his service in Garibaldi's troops and published it in "Russian Bulletin". His "Notes" were one of the few sources based on which Russian readers could find out about these events. He also left some valuable information about the organisation of Garibaldi's forces, his generals and about Giuseppe Garibaldi himself. The article is based on the memoirs of Giuseppe Garibaldi and L. Mechnikov and on Mechnikov's essay "Civilization and the Great Historic Rivers".

Key words: L.I. Mechnikov; Giuseppe Garibaldi; Italy; 1860.

P. 77. *Ustyuzhantseva Olga V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ON THE SPECIFIC OF INDIAN INNOVATION SYSTEM FORMATION.** Government, business and higher education are three major players of any national innovation system. Development of these participants and links between them determine the effectiveness of innovative development of the country. National innovation systems of different countries have their own characteristics due to the specifics of the country, the historical development of the existing institutional infrastructure and goals of innovation development, which are usually determined by the government. In this regard India is quite a specific case. Formation of the scientific and technological system of the country began immediately after the country gained independence in 1947. It was the exclusive jurisdiction of the state. Over the decades it built an extensive network of research institutions, the institutional infrastructure for the coordination and development of science and technology. At the same time, the higher education system, developing in the same years, was aimed at providing wide access to the higher education for the country's population. Research and development were not prioritized in their activity. The private business was not involved in the scientific and technological development with the exception of the sectors in which the state allowed or encouraged this activity. Reforms of the 1990s substantially changed the playing field for the private sector and higher education and outlined the new challenges to the government. As before, many socio-economic imbalances of the country could be avoided by the scientific and technological progress and innovations. Years 2010–2020 were announced the "decade of innovation" by the government. The government embarked on the development of innovative policy of the country and the formation of a national innovation system. Thus, India has entered the stage of formation of a national innovation system with a well-developed scientific and technological infrastructure, which, however, requires a significant transformation for the effective operation within new economic conditions. Academia had to solve the problem of establishing relationships with business and increase R&D intensity in a very limited funding from the state. Private business, thanks to the efforts of multinational companies in the country, received a nice boost to activity in the field of research and development. Another important task for it is to strengthen ties with the academic sector and development of new industries that were liberalized and become available for private business. The inclusion of micro, small and medium-sized businesses in innovation processes becomes one of the many tasks of the state innovation policy. In a new policy paper "Science, Technology and Innovation Policy of India", published by the Government of India in 2013, all these problems are somehow defined, solutions are proposed. Time will show how they contribute to the formation of an effective innovation system of the country.

Key words: national innovation system of India; innovative development of India; state and innovation; higher education in India; small and medium enterprises in India.

P. 81. *Shevtsov Vyacheslav V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **"PROVINCIAL SHEETS" IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF PERIODICALS.** Until 1917 the interest of researchers to provincial sheets was presented by such directions, as: 1. Drawing up bibliographic reviews of the content of provincial sheets in departmental, scientific and literary and publicistic periodicals, and later in provincial sheets. Provincial sheets were divided by the scientific importance of published materials. Local indexes of provincial sheets were made by the former or acting employees of provincial sheets, secretaries of statistical committees. The problem of creation of the all-Russian index for all the sheets was not solved. 2. Use of provincial sheets as a source for reviews of provincial life in the central editions. In this case, only the necessary material for the edition was selected, and all the rest was rejected. 3. Discussion concerning the content and direction of provincial sheets between public figures, publicists, journalists; many of them took part in the publishing of provincial sheets. In this discussion some authors considered provincial sheets not capable to compete with private editions, other authors considered that provincial state newspapers must exist and resist the monopoly of private newspapers. 4. Definition of the place of provincial sheets in the history of provincial periodicals. In periodicals reviews provincial sheets were deprived of the political importance because they did not play any role in "liberation movement" against Russian Autocracy. As an example of influence of the authoritative opinion in relation to provincial sheets N.M. Yadrintsev's article "Nachalo pechati v Sibiri" (The Origin of the Press in Siberia) (1885) is considered. This article became the basis of the concept of the Siberian periodical press of the oblastniks, which is still used in the history of provincial sheets of Siberia, though the words the representatives of the competing private press and political opposition used cannot be benevolent, weighed and attentive to all the details of the long historical way of provincial sheets. The provincial sheets and their content reformed by the Russian government during the first Russian revolution in 1905–1907 preceding the October revolution were not investigated by contemporary historians of the press. Nothing was written about it during the Soviet period either. Many estimates of the pre-revolutionary authors of the role of provincial sheets in the history of the Russian press passed on to the Soviet and post-Soviet historiography.

Key words: "Provincial Sheets"; pre-revolutionary press; periodicals historiography; source study.

P. 91. *Shchipkova Yevgenia A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **USA, IMF AND WORLD BANK'S COOPERATION ON SECURITY ISSUES (2001–2002).** This article examines the counter-terrorism cooperation between the USA, the IMF and the World Bank, and analyses how the first G.W. Bush administration used these institutions to maintain American national security. In 2001, the Fund and the Bank were rapidly involved in the global fight against terrorism and became an effective tool for monitoring and helping the implementation of international standards on anti-money laundering and combating the financing of terrorism (AML/CFT). The IMF and the Bank focused on those tasks, which corresponded with their essential missions and available resources (assessment, technical assistance and research). This activity of the Fund and the Bank completely met both the international security needs and the American national interests. Another significant point of the cooperation between the USA and the UN international financial institutions was the

financial assistance to the countries, which were particularly important for conducting the American war on the terrorism in Afghanistan. The credit to Pakistan approved by the IMF in September 2001, soon after the dramatic change of the US–Pakistan relations, was taken as an evidence of high politicization of the IMF and World Bank in favour of the USA. Nevertheless, the analysis of the Fund and Bank's interactions with Pakistan and Central Asian countries did not reveal a notable correlation between the national cooperation with the Coalition forces and loan granting. From 2001 to 2002, the IMF was acting in its usual way providing new credits only to those countries, which had received similar loans earlier in the 1990s. The World Bank's programs demonstrated a more noticeable change: from 2001 to 2002 its overall assistance to Pakistan and Central Asian countries had doubled. Such an increase did not exclude the possibility of correlation between the military and political situation in the region and Bank's loan granting, but it can also be explained by the general financial policy of the World Bank. In fact, the main economic tool used by the USA to support these countries was the channel of official bilateral assistance that provided urgent and flexible financing. But for all that, in 2001 the Bush administration used the approval of the IMF's credit to Pakistan as a diplomatic instrument for convincing its potential partners of the benefits of joining the international counter-terrorism coalition led by the USA.

Key words: G.W. Bush administration; International Monetary Fund; World Bank; terrorism.

LAW

P. 95. *Arkhipov Andrey V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **ON NECESSITY OF A SPECIAL RULE, WHICH STIPULATES CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR FRAUD WHEN OBTAINING PAYMENT.** Since January 1, 2013 in the Russian Federation the Federal Law of 29.11.2012 No. 207-FZ came into force by which Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation establishing criminal liability for the commission of fraud when receiving payments was enacted. The specified law was apprehended ambiguously both by scientists-jurists, and by practical workers. The opinion was expressed that the allocation of special structures from the general norm about fraud adds the elements of unnecessary bulkiness, unsystematic character and instability to the definition of "fraud". The present article is devoted to finding the answer to the question of whether it was really a necessity to allocate fraud when receiving payments in a separate norm. In considering this issue on the basis of the carried-out analysis of Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation the author comes to the conclusion that this article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal liability for the commission by roguish way of money larceny intended for social payments and other property, subject to transfer to individuals as measures of social welfare. The distinctive feature of the subject of larceny in this case is its involvement in the public relations of social welfare. The latter testifies that when committing larceny of the specified property the harm is done not only to the property as to the object of larceny, but also to the public relations in the field of social welfare, i.e. there is encroachment of not only one, but two objects. Further the author investigates the question about what public relations in the field of social welfare are represented as the object harmed as a result of the roguish actions provided by Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion about the necessity of protection of this object is drawn by criminal and legal methods. As infringement of this object is carried out first of all by money larceny and other property, which are to transfer to the needy, the object must be protected by means of the pre-discretion in the law of a special norm establishing responsibility for larceny in the social sphere. And as the greatest harm is done as a result of larceny of such money and property by a roguish way, the allocation of a special norm from the fraud structure seems quite reasonable. In the conclusion of the article the author pays attention that the crime encroaching on two objects has bigger public danger, than a similar crime encroaching only on one of these two objects, and respectively has to be punished more strictly. In this regard the establishment of softer sanctions for fraud commission by production of payments in comparison with the main structure of fraud is unreasonable. Having imposed such sanctions, the legislator worsened the situation with criminal legal protection of the public relations with the social welfare, existing until January 1, 2013. According to this the necessity of the completion of this Article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is obvious and it should be carried out in the nearest future.

Key words: fraud; social payments; object of a crime; social welfare; novel of the criminal legislation.

P. 99. *Brager Dmitry K.* Sakhalin Institute of Railway Transport, Branch of Far Eastern State Transport University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia). **FORCED EXAMINATION AND RECEIPT OF SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH: SELECTED ISSUES.** In investigative practice there are situations when suspects or accused persons refuse to be examined or to provide biological models of activity of the organism. Thereby, carrying out examination or receiving samples for comparative research becomes impossible. At the same time, according to the criminal procedure law, evidence can be obtained by exclusively procedural way. In this regard there is a need for implementation of investigative actions forcibly. Examination is an investigative action and can be carried out, according to Article 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, at the initiative of the investigator or, according to Art. 290 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, at the initiative of the court. Part 1 of Art. 290 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulates that examination is made on the basis of the court definition or resolution in cases provided by Part 1 Art. 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Part 2 of Art. 290 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation defines that the examination of the person accompanied with their exposure is made in a separate room by the doctor or another expert who makes the examination statement. Then the specified persons come back to the hall of a court session. In the presence of the parties and the examined person the doctor or another expert reports to the court about the traces and signs on the examined body if there are any, answers questions of the parties and the judges. The act of examination joins the materials of a criminal case. In our opinion, the criminal procedure law needs the following additions: 1. In Article 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is necessary to reflect that the resolution of the investigator is obligatory for the testified person. In case of refusal of the person to voluntarily undergo examination, investigative action can forcibly be carried out on the basis of the judgment accepted in the order established by Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. 2. It is necessary to fix in Article 202 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that the investigator has no right to be present when receiving samples for comparative research from the person of the opposite sex if it requires exposure of the participant of the criminal legal proceedings. In this case investigative action is made by the doctor. If the person objects to be bared and refuses to provide samples for comparative research voluntarily, the investigator applies for production of investigative action forcibly, including the participation of the forensic scientist or the doctor. 3. In Article 202 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is required to state that the resolution of the investigator is obligatory for the person whose samples are received. In case of refusal to

provide samples for comparative research voluntarily, they can be received forcibly on the basis of the judgment accepted in the order established by Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. 4. Part 2 of Article 29 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should include a point that the court is competent to make decisions on production of compulsory receiving samples for comparative research at failure of the person to provide samples voluntarily.

Key words: examination; forced investigative action; obtaining samples for comparative analysis.

ECONOMICS

P. 102. *Gildingersh Marina G.* St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia); *Dobrusina Margarita Ye.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **CONCEPTUAL APPROACHES TO THE FORMATION OF LABOUR FORCE PROFESSIONAL MOBILITY.** In the modern world professional mobility has become one of the most important characteristics of people for their successful realization, and for the society to increase the competitive ability of production. Mobility, as a social-economic category, is characterized by relationships according to the quality of labour force, the possibility to migration both inside and outside the enterprise or branch of industry, ability to the alteration of labour types, to the change of functions in production of material and non-material benefits. Its declaration takes place in the labour market. It is necessary to distinguish between virtual mobility, connected with the migration of a worker from one qualification step onto another; horizontal mobility, that is, the migration determined by the place of labour exertion, but connected with the previous qualification level; regional mobility, that is, the migration of employable population in different regions. Some contradictory tendencies influence the formation and development of labour force professional mobility. *The first tendency* is the regression of mechanism for labour force mobility motivation which is completely controlled and determined by the plan control system. *The second tendency* is connected with the development of relationships in the postindustrial economic system under the influence of exogenous factors of the global system. The employer is now interested only in those abilities of a worker which are dynamic and provide profit making. *The third tendency* is caused by the development of postindustrial system elements, in which material production is rapidly replaced by service trades. Mechanism of professional mobility motivation is connected with the strategy of government regulation over the sphere of economically active population formation and development. Professional mobility motivation has, on the one hand, a market character and, on the other hand, institutional one, in the sphere of generating and organizing the work of institutions of professional education. Material stimulation of professional mobility can be achieved in different ways, by subsidies and grants in terms of benefits for professional training at the state's expense; transfers of private individuals by sponsors; borrowing (student loans) from state and private corporations; preparing by corporations of necessary work resources in accordance with the development forecasts of specialized production.

Key words: professional mobility; types of mobility; policy of worker in labour market; mechanism of mobility motivation.

P. 106. *Kazakov Vladimir V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia); *Grishanova Aleksandra V.* Novosibirsk Branch of Moscow Institute of Entrepreneurship and Law (Novosibirsk, Russia). **SIMULATION OF COMPETITIVE PRICES FOR BANKING SERVICES.** Formation of prices for their services attractive to customers, but not at the expense of their own interests, is a constant concern of the commercial bank under conditions of acute interbank competition. Therefore, the article proposes alternative methods of management of competitive pricing in banking using mathematical modelling and application of modern computer technology. When determining the optimum current prices for deposit and credit services one must take into account the level of the prices of other services provided by the Bank, which is possible only within the framework of adequate mathematical models of the commercial bank. These models need to connect to a single node of the contradictory trends: prices attractive to customers and lower credit and higher deposit rates than in other banks in the region, with the desire of the Bank to maintain a desired level of profitability. The main factors of such models are the spread understood as the difference between the average rate and the average rate of return on equity, the Bank and leverage understood as a very aggregated balance sheet structure characteristic. The mathematical relationship between these three factors shows that increasing leverage, that is, a structural change in the balance, helps reduce the spread, while maintaining the same level of return on equity. In turn, lowering the amount of spread provides the ability either to increase the weighted average interest rate, or to reduce the average credit rate, or both. Ultimately, this leads to increased attractiveness of commercial bank rates and an increase in its price advantage. Using these models, one can get the empirical formula dependencies for any bank between the three above mentioned factors: spread, profitability and an expertly detailed balance sheet structure, based mainly on the quarterly accounting report (Forms 101 and 102), which is very important because of its accessibility. This formula can be used to adjust the financial flows of the commercial bank to increase its price advantage in the future.

Key words: banking services; competitive prices; banking spread; real profitability of Bank; fractional-linear model.

P. 112. *Knaub Roman V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **BRANCH SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TOMSK REGION.** Now the problem of effective management of sustainable innovative development of the region and branch is especially topical not only for Russia, but also for the world community as in the conditions of a crisis state and sharp decline in production the increase of labour productivity is the main source of real economic and social growth. Considering the above stated, the problem of effective management of sustainable innovative development is urgent for Tomsk Region, too. It causes the purpose of the work – an assessment of branch sustainable development of Tomsk Region with the use of measurable quantities. The integrated assessment of opportunities of branches of economy of Tomsk Region was executed, including: 1. Capacity of branches: annual total consumption of natural resources, annual total production, power losses, labour productivity on branches, share of power in the useful power of the region. 2. Dynamics of the condition of the branches of the region. 3. Social and ecological intersectoral balance of power. 4. Rating of the branches of Tomsk Region. In the article the integrated assessment of opportunities of the branches of economy of Tomsk Region in 1950 and 2007 is given. The theoretical tool of the integrated assessment of opportunities of the branches of economy of Tomsk Region is based on the universal principles of design in the system 'nature – society – people' developed by the School of Sciences of Sustainable Development. Relevance of work is given step by step in the article, on the basis of archival information and earlier calculations of the author the assessment of capacities of the branches of economy of Tomsk Region is given. Basic indicators of a sustainable development of Tomsk Region – the full and useful capacity, capacity losses – are calculated by the efficiency of technologies. The branch structure by years is considered. Dynamics of the branches of economy of the region is presented by the spheres of material and non-material productions. Separately for 1990 and 2007 the social and ecological intersectoral balance of Tomsk

Region is presented. The choice of 1990 and 2007 was dictated by the purpose of tracking the changes in the branch structure of economy of the region in connection with the negative tendencies of the 1990s. In 1990 the leading places in economy of the region belonged to the branches of the material sphere, thus, the first place was taken by the industry. On the second place by labour productivity was the branch of transport and communication, and the branch of agriculture and forestry came third. After disintegration of the uniform country the branch structure of Tomsk Region underwent minor changes. In 2007 in the economy structure the leading places were taken still by the branches of goods production. Thus the first place was taken by the industry, transport and communication were third, agriculture and forestry went down to the fifth place. The second place by labour productivity was taken by the branch of wholesale and retail trade, the fourth place was operations with real estate, that is, branches of the non-production sphere. The rating of the primary branches of economy by labour productivity in power units (kW/person) of Tomsk Region is presented for 1990 and 2007. Conclusions are presented by the results of the research and the list of references consisting of 9 sources.

Key words: full capacity; useful capacity; loss of capacity; labour productivity in branches; share of capacity in useful capacity of region; dynamics of branch development; social and ecological intersectoral balance of capacities; Tomsk Region.

P. 117. *Naydenov Aleksey S., Krivenko Ilya A.* Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (Yekaterinburg, Russia). **INFLUENCE OF ADMINISTRATIVE BARRIERS AND INSTITUTIONAL ENVIRONMENT ON THE DYNAMICS OF SHADOW ECONOMY.** In this work, the authors investigated the hypothesis about the dependence of the shadow economy on the value of administrative barriers and the quality of the institutional environment for doing business. Such parameters of institutional environment were considered as the level of corruption, the index of economic freedom, the protection of private property. To test the hypothesis, we made a comparative cross-country and cross-regional analysis of quantitative data with regard to the state of the shadow economy and business environment parameters mentioned above. The methodology of the research bases on econometric analysis used for modelling the influence of the institutional environment parameters and the level of administrative barriers on the level of shadow economy. An indicator of shadow economy elasticity to the scale of administrative barriers and the attractiveness of the institutional environment for doing business was introduced in the paper. The following results were obtained. The shadow economy in developing countries is a permanent phenomenon independent of the level of administrative barriers and quality of the institutional environment. This is due to the crisis state of the national economy of the countries mentioned above – because of the unfavorable economic situation shadow economy is the only competitive, and, therefore, dominant form of business activity, regardless of the risk and magnitude of the possible punishment. In addition, such a dependence on the level of economic development for the elasticity of the shadow economy remains for most countries: the elasticity is higher in the more developed countries, the countries with maximum values are classified as "free" according to the index of economic freedom classification. At the same time Russia is characterized by the low level of the elasticity (in the same group with African countries, developing countries of South-East Asia). This conclusion confirms the poor socio-economic development of the country. A similar study was conducted with reference to the subjects of the Urals Federal District. The results obtained were fully confirmed regarding the impact of the general level of socio-economic development on the elasticity of the shadow economy on administrative barriers and attractiveness of the institutional environment for doing business. The outcomes of the study were particular recommendations on priorities for administrative and economic measures to counteract the shadow economy, based on the current state of the territories discussed in the work (the subjects of the Urals Federal District).

Key words: shadow economy; administrative barriers; institutional environment; corruption; world economy; regional economy.

P. 123. *Nekhoda Yevgenia V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **FOOD SECURITY AND STATE SUPPORT OF AGRICULTURE ECONOMY IN THE INTERPRETATION OF WTO.** The problems of agriculture in Russia worsened due to the entry of our country into the WTO. The main negative tendencies that impede the development of agriculture and threaten national food security are: 1) lack of strong output growth. The index of agricultural output Russia has not yet reached the level of 1990; 2) agriculture in Russia is still dependent on climatic conditions, which, in particular due to backward technology, are the prevalence of patriarchal production; 3) imbalances which are formed in the two main sectors of agriculture - crop and livestock production; 4) agricultural wages remain among the lowest in the country; 5) Russia retains the traditional position of being a net importer of food products, meat supplies are still the main item of the agricultural food imports; 6) agriculture has the lowest proportion of workers with higher education, and so on. Thus, the extent of the threats and the real damage done to the food security of the country in recent years, especially in the 1990s, make this problem extremely important. The problem of food security in Russia has attracted increasing attention of politicians, scientists and ordinary people. The issues of food security are not unique to Russia or any other country. And, despite the fact that the problems and directions of agricultural complex development deteriorated due to Russia's entry into the WTO, agricultural development, food markets and food security is a global concern and the object of attention of the world community, global institutions. Russia's accession to the WTO is an objective and logical process, and the development of agriculture, agro-industrial complex as a whole, increasing its competitiveness is a paramount task, regardless of whether Russia becomes a member of this international organisation or not. Joining the WTO will lead to much more profound changes in the economy than the discovery of specific markets, so one needs a broader view of the need for and impact of the entry. In particular, these effects are linked to changes in concepts, forms and approaches to state support of agriculture and the agro-industrial complex (AIC) as a whole. In the interpretation of the WTO there are three types of state support (three boxes) of agriculture. Amber (yellow) box is direct and limited, blue box is linked to the objective of reducing production. Green box includes measures that are implemented through programs funded by taxpayers' money. Many types of support implemented in Russia refer to the "amber box", although they can be put in the "green box" by changing their methodology. This, of course, is a complex task that requires political will. Forms of government support should develop from direct support ("amber box") towards the use of budget funds in the framework of the "green box".

Key words: problems of agricultural development; food security; Russia's accession to WTO; the state support of agriculture.

P. 129. *Nikonova Yana I.* Novosibirsk Branch of Moscow Institute of Entrepreneurship and Law (Novosibirsk, Russia). **INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA: A RETROSPECTIVE REVIEW AND CURRENT STATUS.** The innovation way of development of the economy is now the benchmark for most developed economies in the world. Search for models of innovation development and definition of conditions conducive to innovation have become an important part of the process of creating the theoretical and practical foundations of innovation development. For Russia the problem of search of innovative way of development is particularly relevant, since the level of innovative development of Russia lagged far behind both the developed countries and countries that have recently

realized the need for a transition to the economy of an innovation type. An important factor in the low intensity of research and development in the Russian Federation is the low level of funding from the business sector, the share of which in the past 15 years gradually declined and equaled in 2008 to only 29%, which is significantly below the average for OECD 65%. Percentage of organisations engaged in technological innovation in the total number of industrial organisations in the Russian Federation is also very low. Thus, in 2008, this figure amounted to 9.6% in the Russian Federation (in 2009 – 9.4%), the 2004–2006 biennium in Austria was 53%, in Finland – 55.4%, in Belgium – 59.6%, in Germany – 69.7%. Unlike a number of countries (including the BRICS), competitiveness of Russia during the crisis declined. The main problem, the studies show, is the serious imbalances in the financial system caused by the global turmoil. In particular, poorly developed legislative, financial, scientific, technical, human and institutional capacity for innovative growth. Thus, in general, the level of development of a high-tech country went back, according to the most conservative estimates, up to 10–15, in some areas even to 20, years ago. It is necessary to understand and remember, before considering the strategy of innovative development, that the most vulnerable link in the innovation system in Russia is small innovation entrepreneurship. By Rosstat data, innovative enterprises in the industry made up 0.12% of the total number of small scale and micro-enterprises (excluding sole proprietors) in 2011, at the same time in 2005–2011 the economy showed a growing dynamics in developing advanced manufacturing technologies. The results of the study of Russia's modern innovation position in the global economy are specified in the form of a matrix of SWOT-analysis of the Russian NIS as a part of the global innovation space. The background and development restrictions of Russian NIS define its features, which limit the use of the "pure" form of foreign experience in the field of innovation. In particular, it seems insufficient for Russia to apply only one variant: European-American, Japanese, Nordic models, strategy of integration in global innovation chains, creating a cluster of innovative technologies, strategies of technological breakthroughs, etc. According to expert estimates, by 2030 the structure of the Russian economy would continue to reduce the high-tech sphere, that is, it will move away from the development of the knowledge economy, which is spoken of today. According to experts, the scientists of the Russian Academy of Sciences, Russia's economy with such a structure cannot exist as a high-tech power. Therefore, the only possible basic variant can be innovative development.

Key words: innovative development; models; comparative analysis.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

P. 136. *Zagrevsky Oleg I., Zagrevsky Vyacheslav O.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **METHODS OF POWER TRAINING OF GYMNASTS.** In the article we show that currently the role of force and speed-strength training increases due to the increasing difficulty of exercises on the gymnastic apparatus. When performing exercises athletes' muscles operate in different modes, so during the training session techniques are applied of development of forces that directly reflect these modes. In sports gymnastics athletes' motor activity is manifested in the performance of static and dynamic exercises. Therefore, in accordance with the operation modes of muscles, the method of static and dynamic training is used. But in the practice of the training of gymnasts the technique is often used of strength development without considering the peculiarities of biomechanics of sports exercises, without account of the specificity of displays of force qualities of the gymnast when performing the exercises, which is not conducive to the growth of technical skills of athletes. To develop the static force exercises of isometric character are used. For the method of static workouts, it is recommended to perform exercises with a gradual increase in effort, so that the muscles are trained well. As a result, there is an increase in the static strength without increasing the speed qualities. To develop absolute strengths of muscles the methods of repeated effort and brief maximum stress are used. The method of brief maximum stress works when one wants quick manifestations of absolute strength of the muscles. This method helps to increase strength without a significant increase of the muscle mass, which is important for a sport that develops relative strength. The manifestations of muscle strength are affected by many factors, and the main ones are: the dependence of strength and the articular angle and the dependence of force and velocity. In this connection, the work had a task to investigate the efficiency of various operating modes of muscles in the development of power and power-speed qualities of gymnasts. It has been shown that the development of power and power-speed qualities requires considering the operation modes of the muscles. For force development the most effective method is exercises in the static and conceding modes with maximum muscle tension, compared with jerk-braking exercises with small external weights. To train power-speed qualities the ratio of static, conceding and jerk-braking exercises should be applied depending on the tasks. For exercises that require the maximum amount of muscle strength, static and conceding exercises are effective, with a preference for the latter. For exercises that do not require manifestation of the maximum muscle force, more effective are exercises of jerk-braking character.

Key words: power training; power quality; speed-power qualities; techniques, exercises.

P. 140. *Kabachkova Anastasiya V., Frolova Yulia S.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **HEART RATE VARIABILITY OF CHILDREN ENGAGED IN THERAPEUTIC SWIMMING.** In Russia the last decade has seen a significant deterioration in health, physical activity and physical fitness of children due to a number of adverse factors of ecological, socio-economic nature, with a real decrease in the prevention measures in health care and education. About 50% of students have abnormalities of varying degrees in posture needing corrective or preventive care. Among the causes of incorrect posture are various environmental factors and individual development. A universal means of physical education is swimming that has a versatile effect on people. Swimming lessons will certainly have a positive effect on the development of the muscular-skeletal system, muscles and other body systems. The comprehensive program of physical education of 1–3-graders (1996) provides for the formation of the correct posture, but does not specify the ways and means of solving this problem. We have developed a methodology of swimming techniques for children of primary school with impaired posture. Estimation of the functional state of the body is one of the key steps in testing the effectiveness of the methodology as optimizing health is closely linked to the process of adaptation, which is determined by the functional capacities of a particular individual. As the limiting characteristics of the functional state can be the "price" of adaptive responses to physical stress. Estimation of these parameters can be done by the heart rate variability in the relatively calm state and during run load tests. When the prognostic estimation of the level of functional reserves and physical activity adequate to it, we should note that for children with sufficient activity level the functional reserves and adaptation correspond to the load they receive, with extra level it is possible to increase the load, and with insufficient level it is necessary to reduce it. Children with a high level of functional reserves have a shift of the autonomic balance, both at rest and in orthostasis with the predominance of parasympathetic effects, a higher degree of autonomy of the autonomic nervous system regulation. Children with low levels have increases of the impact of the central mechanisms effect, the

autonomic balance shifts towards the predominance of the effects of the sympathetic nervous system. Students with sufficient level of activity have higher levels of the body functional status, as evidenced by the low background values of load index, mode amplitude, heart rate, higher values of ΔX , and the optimal dynamics of load index values during the active orthostatic test.

Key words: cardiointervalography; vegetative-vascular balance; autonomic tone; functional status; primary school age; methods of primary teaching to swim; posture.

P. 143. *Kabrin Valery I., Starikova Ksenia S.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **TRANSCOMMUNICATIVE STRENGTHENING OF THE PERSONALITY AND POSSIBILITY OF ITS RESEARCH IN THE CONTEXT OF A NOETIC WORKSHOP.** The model of transcommunicative strengthening of eidetic creativity of the personality is considered. It allows to verify the noetic dynamics of the eidetic potential of the personality in an intensive noetic workshop. The workshop is constructed on the basis of the techniques of operating productive imagination. Sessions of the workshop include imagined travel in the spheres of mental energy and information, psychological space and time. In these spheres their qualitative specific features are revealed in distinction from the physical analogues of energy, information, space and time. Here there are greater degrees of freedom available to us which open in the processes of active imagination and develop creative possibilities of the person, and also prompt success motivation to achievements. At the same time participants have a chance to realise the blocking and initiating subpersons accompanying the process of imagination: the Critic and the Soldier, the Bore and the Curious, the Idler and the Enthusiast, the Pessimist and the Optimist. Thus, during a workshop an opportunity to accent in consciousness the initiating subpersons, helping to open the creative degrees of freedom of imagination is created. Reliable changes of semantic, eidetic and personal characteristics as a result of a short-term intensive noetic workshop were investigated. For this purpose we used the technique of semantic differential (special modification), E. Shostrom's POI questionnaire, the content analysis of the projective texts describing impressions from the eidetic travel. The received results of pilot research confirm a hypothesis of influence of a noetic workshop on the positive changes of the creative potential of imagination of the person. The results of research of dynamics of eidetic consciousness (imagination) confirm that the changed creative condition of consciousness of the person corresponding to it leads not only to dynamics of strengthening, but also to structural psycho-semantic and personal changes. Also there were reliable changes on the main scales of the POI questionnaire showing updating of important personal qualities, connected with "Self". These results generally confirm our hypothesis. However, the pilot research on the basis of a one-time intensive noetic workshop (3.5 hours) leaves essential the question of the degree these changes have a prolonged character. It is connected with the fact that a repeated research was conducted right after the workshop and its results could depend on the changed conditions of the examinees. It is possible to assume that the increase in number of workshops and number of diagnostic measurements in certain periods will allow to confirm a stronger hypothesis in the future that a one-time intensive eidetic immersion of participants in creative conditions of consciousness gives new experience which will not be forgotten and will have a long impact on the noetic strengthening of the person.

Key words: personality; transcommunication; strengthening; consciousness eidetic; noetic dynamics.

P. 149. *Karvunis Yulia A., Kapilevich Leonid V., Druzhinina Nadezhda A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **PLANNING AND DEVELOPMENT OF TOURS IN ARGENTINA WITH THE ELEMENT OF LEARNING TANGO.** An evident trend in tourism is when replacing passive beach tourism comes a variety of activities and forms of travel. Among them dance tours are gaining popularity, in particular, excursion and educational tours to Argentina. In Tomsk, this segment of the market of services is not covered by a specialized offer, despite the fact that in our city there are a number of organisations that provide training of tango. The analysis of the situation with the popularity of tango in the city of Tomsk in different population groups indicates the potential demand for an appropriate tourism product. Such tours would be of interest to a wide range of customers, including athletes and fans of dance tango culture, young and middle-aged people. Development of a new tourism product, including the tour with elements of training is a complex and multi-step process that involves the study of the tourism potential of the selected location, market research with a detailed analysis of segments of the market and the competitors in it, a comprehensive assessment of the cost of development and promotion of tourism products. Planning and design of new tours is a significant component in the development of core businesses of tourism industry, providing the stability and profitability of this sector. Any travel product is ambivalent, for it simultaneously combines the features of the material goods and services. The user of the offer pays to meet their needs, both material and spiritual. In the developed tour project, there is also an additional component that is not characteristic of most of these products – a training component connected with the influence of cognitive and physical activity of every tourist. Research shows that more than 1000 people in Tomsk of different age practise tango. More than 2 500 people show interest in tango by visiting dance events and participation in short-term training courses of tango, etc. Practically all of this contingent, except for the youngest age groups, can be potential consumers of tango tours. When analysing the planning and organising of tours, we highlighted the main components of the content and programming of tourist product service on a certain subject, including elements of training and specialised leisure component. There is a need in a number of marketing activities throughout the cycle of creation and promotion of the tourist product to ensure its economic benefits. Investigation of the tourist potential of Argentina can be the basis of making excursions and recreational programs, as well as contribute to the choice of accommodation, catering and transport services in the development of tourist trips to the country. The developed program of a thematic tour to Argentina with elements of learning tango, as well as the calculation of the product, allowed us to reliably determine the consumer segment of tango tours. The high price of tango tours to Argentina cannot contribute to its active promotion, but about 40% of the respondents, interested in the culture of Argentine tango, could be potential consumers of this tour, which is sufficient to achieve the economic benefits of the project.

Key words: tourism; tango tours; Argentina.

P. 152. *Malinina Nataliya S.* Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). **WAYS OF COPING WITH UNCERTAINTY IN THE SITUATION OF CHOICE AND DECISION MAKING.** In this article we examine the problem of overcoming the human uncertainty in situations of choice and decision making. We examine the main theoretical approaches to the problem. We raise the problem of the human response to the situation of choice and uncertainties, describe the phenomenon of "future shock". We examine various authors' approaches (J.-P. Sartre, V.P. Zinchenko, T.V. Kornilova, R. Descartes, A. Toffler, K.E. Fabri, et al.), examine ways to overcome such uncertainties as the postulation of predestination, activity, appeal to reason, values, symbols from above, faith, instincts and feelings, asking for advice. On the basis of the theoretical analysis we conclude that the usage of these methods is restricted, and they are not universal. Then we provide results of our own experimental study on methods of uncertainty reducing. As the experimental situation we use the discussion of the uncertain situation and making a decision. As indicators of

uncertainty reducing we considered subjects' evaluation of their confidence in the decision they made (from 0% to 100%) and attractiveness of the decision (by selecting colour associations). Our subjects were university students aged 18-25, the total sample size was 122 people. The study examines the impact of values, the subjective control level (SCL) and the possibility of a collective discussion influence on the subjects' perception of uncertainty in the situation of decision making. In this case, a statistically significant impact of the values and SCL on the subjective evaluation of the decision has not been detected. We found out the tendencies of specificity of group impact on the perception of uncertainty. We also consider the possibility of using game (social) roles as a way to reduce uncertainty. We make conclusions about the influence of the examined ways on the subjects' perception of uncertainty; they are not universal ways of uncertainty reducing, but they can subjectively reduce or hide it to a certain degree. Also there are tendencies detected, that allow us to conclude that using game roles can be one of the ways of reducing uncertainty in the situation of choice and decision making. The obtained results allow us to expand the scientific understanding of the phenomenon of uncertainty and ways of overcoming it, make the basis for psychological and pedagogical work on developing uncertainty resistance and learning to overcome situations of uncertainty. As the perspective of future research we consider the search of universal ways of uncertainty overcoming in the situation of choice and decision making, as well as experimental research with different game roles.

Key words: uncertainty; ways of coping with uncertainty; "future shock"; decision making; group discussion, game (social) role; values.

P. 156. *Smirnova Anna S.* Sholom-Aleichem Priamursky State University (Birobidzhan, Russia). **DIFFICULTIES IN TEACHING THE UNIVERSITY DISCIPLINE "THE FOUNDATIONS OF MATHEMATICAL METHODS OF INFORMATION TREATMENT"**. The experience of preparing bachelors of different academic profiles shows that the students perceive academic subjects differently from the point of view of their importance, complicatedness and difficulty. As a rule, the most difficult disciplines are considered to be the disciplines of mathematical and scientific courses, especially for the students studying the Humanities. Thus, there appears a contradiction between the difficulties that the students of humanitarian specialties come across studying mathematical and scientific subjects and the possibilities of some of them to overcome these difficulties independently. The problem consists in solving the contradiction between the intentions of students who entered the universities to get a good education and then to have a valid position in the society and their possibilities to independently overcome the difficulties they may face during their study at the university. To solve this contradiction aims at finding variants of settling a very important task for a university of how to keep the contingent of the students or, at least, of how to diminish the number of dropped out students within the period of study due to academic failures. Solving this problem is very important from humanitarian, social and economical points of view. Teaching Mathematics to students of humanitarian specialties is accentuated on purpose in the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education. In this respect, the discipline "The Foundations of Mathematical Methods of Information Treatment" has been introduced in the main course of mathematical and scientific subjects. It is less connected with requiring fundamental knowledge of Mathematics of the students, more with their logical abilities and culture of thinking, research skills and acquiring methods of statistical processing of experimental data. At the end of the course of studying the discipline a bachelor is to learn both mathematical methods of analysis and treatment of information and methods of collecting and interpreting the data. Mathematical methods of information treatment still require the students to have quite a good knowledge of Mathematics: they are to understand the logics of the argument; know the basic mathematical formulas, and have skills of how to operate them. However, there come up difficulties caused by insufficient school level of knowledge in Mathematics that the students have. There are also difficulties caused by the lack of textbooks available for non-motivated students with a low level of knowledge in Mathematics. The students find it difficult to operate the abstract material, such as mathematical notions and formulas. It is also complicated for them to work with large amounts of information by means of applied computer programs. To understand how these difficulties correlate with each other is necessary for overcoming academic failures of the students.

Key words: students of humanities; learning and teaching difficulties.

P. 159. *Sherin Vladimir S., Muza Marina V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **IMPROVEMENT OF TRAINING PROCESS OF ACROBATS WITH HIGH QUALIFICATION**. To define a fundamental set of exercises (basic exercises) at any stage of sports career is currently central in construction and improvement of training process of sport acrobats. Timely use of basic exercises creates potential for fast training of new modern exercises and successful building of sports career. Three groups of exercises are basic representing the variety of motive actions in sports acrobatics: technical exercises, power exercises, and choreography elements. These elements are part of training and competitive compositions of acrobats. Each element has its "cost" (difficulty of the element in units), which characterises the complexity of a competitive composition influencing the competitive result. Inclusion of a complex of basic exercises in the process of training, their rational variation in creation of microcycles provides the improvement of not only the elements, but also the training process as a whole. The prevailing types of practical activities at the stage of sports improvement are special physical and technical training. Choreographic and general physical preparation is part of the training process in a lesser degree, however, their role in formation of the highest sports skill is not less important. In the course of research the week microcycle of trainings with a variation of number of the basic exercises was made. The created model defined the advanced approach to technical and physical training of acrobats and the variation of training load in groups of sports improvement. The structure of the four-hour class includes ten percent of the general physical preparation, thirty percent of special physical preparation and sixty percent of technical training from the general time of training (model load). During the adaptation of the model to check its efficiency the main emphasis was placed on technical and special physical training, because this level provides improvement of the performance technique of exercises, achievement of technical perfection and preparation of athletes for competitions of the All-Russian and international levels. The analysis of the results of special acrobats' physical readiness indicators testing speaks about high efficiency of application of the training load model and improvement of the training process of high-class acrobats.

Key words: training process of acrobats; contents; specification of basic exercises; structure; training load.

SCIENCES ABOUT EARTH

P. 163. *Alampieva Yelena V.* Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia). **PRODUCTION ACTIVITY OF THE PERSON AND ITS POSSIBLE CONSEQUENCES**. While mining mineral deposits only one useful component is usually extracted. Elements-satellites of the main ore element often are not extracted from ores, getting to dumps of mining and processing

factories. Tailings dams are technogenic sources of pollution of environment which in modern conditions of hyper genesis is carried out by wind, water and biogenic erosion. Round technogenic sources of pollution the soil and biogeochemical anomalies are generated; their value, as numerous researches showed, exceed anomalies over ore objects by several digits. Thus, the natural balance established over billions of years has been broken by the person within several centuries. For example, while mining precious metals chalcophile elements, U, Se, As, are accumulated in dumps. These elements associate with useful components in ores and were not extracted during ore concentration. Thus, many chemical elements of dump have the toxicity of the first and second groups. In zones of dumps there are physical and chemical processes as a result of which there are new mineral phases, forms of chemical elements change; they transform into a mobile state and migrate easily on surrounding soils, flow in water. There appear neogenic metalloorganic forms which are most actively involved in biocenoses. Migration is carried out in mineral, ionic, colloidal, biogenous forms [2–4]. As substance streams from wastes of the mining production change the environment, negatively influencing biocenoses, development of live organisms including people, the study of the behaviour of mobile forms of toxicants is extremely important. Today tail facilities are considered as a new type of ore objects – technogenic fields. In a number of countries their secondary processing is already carried out. It is profitable because huge masses of rocks are already taken from a subsoil, they are milled and have a more sustained mineral structure of the pulp. Technogenic gold deposits, besides additional extraction of the main useful component, can be a valuable source of secondary elements (platinoids and rhenium), which for some reason have not been taken at the initial stage of ore production. Over time under the influence of various factors of hyper genesis precious metals and rhenium can transform into mobile forms and migrate both in the tails, and out of them. Scientific development will allow innovative solutions of the issues of additional recovery and secondary extraction of chemical elements from wastes of ore-mining and dressing plants.

Key words: geoecology; tailings dams; toxicants; nanofractions; migration.

P. 167. *Gilmanova Galiy R.* Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia); *Oborin Matvey S.* Perm State Pedagogical University (Perm, Russia). **THE ANALYSIS OF APPEAL OF TOURIST-RECREATIONAL POTENTIAL OF PERM REGION AND THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN BY EXAMPLE OF EXISTING AND PROJECTED CONSERVATION AREAS.** Recreation and health improvement of people in natural environment in various regions is one of the most important social and economic purposes. Thereupon the problem of studying the tourist-recreational potential of the territory, revealing and reservation of new territories for rest, estimation of the already existing recreational wildlife management, and working out of recommendations for its optimization is particularly urgent. Special value in the development of tourist-recreational activity belongs to the system of conservation areas. The system of conservation areas of Perm Region includes 335 objects, among which are the state natural reserves "Basegi" and "Vishera". Regional conservation areas are presented by the state natural wildlife preserves (20), nature sanctuaries (114), historical-natural complexes and objects (5), natural reserves (46) and protected landscapes (97), 51 conservation areas are of local value. The Republic of Bashkortostan has three reserves: "Bashkir", "Shulgan-Tash", "South Ural", national park "Bashkiria" (all of them are of federal value), three natural parks, a landscape natural park of local value, 29 state natural wildlife preserves, 180 nature sanctuaries, a botanical garden, 7 districts of mountain-sanitary protection of health and recreation areas and resorts. Distinctions in approaches to the formation of the conservation areas network are obvious. From the listed categories of conservation areas we concentrate on natural parks. Their planning requires the account of recreational appeal of the territory. In the given work we undertake an attempt of the comparative analysis of the projected natural parks of "Iremel" and "Krykty" from the point of view of their potential of their use for touristic purposes. I.V. Zorin's classification of cycles of recreational activity is the basis of the analysis. In the hills of Iremel the infrastructure is poorly developed. At present the cycles of recreational activity are health-improving, hunting, fishing, adventure, etc. Their total number is eight. In the long term it would be possible to develop seven more: climbing, ecological, ethnographic, etc.; they would allow to realize the recreational potential of this area more fully. The tourist-recreational complex of Lake Bannoe (the natural park "Krykty") includes resorts, rest houses, a mountain-skiing centre, kumis facilities, beaches. Of the 67 types of recreational activity offered in the above-stated classification, only nine are not carried out here, such as: mountaineering, Robinson-life, category tourist campaigns, amateur work, training in crafts, though there are prospects for their development. In the modern world any tourist area should be economically justified, that is, it should make profit. If the given territory has a natural park it is necessary to carry out at least approximate calculations of profitability of its activity, the calculation of visiting fees taking into account the offered services and the expected number of visitors. By example of the analysis of two centers of tourist interest located in the territories of projected natural parks we have tried to reveal the tourist-recreational appeal of conservation areas of the Ural Mountains. Conservation areas of the natural park rank are actively created in the Republic of Bashkortostan, but not in Perm Region. However, the status of a natural park assumes both environment preservation, and creation of conditions for the recreational use of the territory.

Key words: recreational-tourist potential; recreational wildlife management; conservation areas; natural park.

P. 174. *Kseneva Tatyana G.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **NEW CAMPANIAN-MAASTRICHTIAN POLYMORPHINIDS SPECIES (FORAMINIFERA) OF WESTERN SIBERIA.** The paper outlines further results of the investigation on the Family Polymorphinidae from the material obtained from the boreholes of the south-eastern district of Western Siberia and also basing on the collections deposited in the Laboratory of Micropaleontology of TSU. This material enabled a number of new taxa (species and subspecies) of this family to be established. The descriptions of the Polymorphinidae taxa made by the author were based on five criteria (morphological, geochronological, paleogeographic, paleobiogeographic and the criterion of discreteness) proposed by A.V. Fursenko [1]. Two species and 5 subspecies are described from the deposits of the Gankinskaya Suite. The porosity character of the studied polymorphinid tests may be subdivided into two types. The first type is the most widespread; this is the porous surface of the test penetrated by the smallest spot holes 0.3–0.5 µm in size. The form of the holes is almost rounded; it is quite constant; pores are located unevenly or chain-like. Pores are simple: they are not limbate and are characteristic for numerous species assigned to the Genera *Glandulina*, *Eoguttulina*, *Pyrulina*, *Sigmomorphina*, *Guttulina*, *Globulina*, *Ramulina*. The taxa having the pores of the second type were not encountered. For establishing the specific and subspecific categories, the morphological, geochronological and paleogeographic criteria were mainly applied. The author revealed an obvious discrepancy with Kuzina [2] in determining the age of these species. So, with regard to the above-stated criteria, it became possible to distinguish new taxa in the Family Polymorphinidae. In describing species and subspecies, their alternative geographic and stratigraphic positions were established, which differ from those established previously. The wall porosity in established species and subspecies was analyzed by the electronic microscopy in the Institute of Biology and Biophysics of Tomsk State University. The description of foraminifera was performed according to the

instruction on the systematic description of organisms developed in PIN RAS [3]. The factors of the habitat and geographic isolation play a significant role in the systematics of Polymorphinidae. This naturally suggests that the paleogeographic criterion must be taken into account. In studying new species and subspecies of the stated family, the discrepancy with Kuzina's data was revealed not only in age determination but also in the paleogeographic occurrence and location of polymorphinids. By Kuzina's information, the *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko Species occurs only in the Upper Cretaceous of the Dnieper-Donetsk depression of Eastern Ukraine (the Romny District). The Siberian geographical subspecies *Guttulina ipatovcevi* Vassilenko *sibirica* Kseneva is common in the Campanian-Maastrichtian deposits of Western Siberia. All specimens of species described in the present paper are deposited in the Micropaleontological Department of the Paleontological Museum of Tomsk State University.

Key words: foraminifers; polymorphinids; Campanian; Maastrichtian; Western Siberia.

P. 182. *Ruban Dmitry A., Lubova Yekaterina A., Zayats Pavel P.* Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

MEGACLASTS AND BLOCKS: URGENT QUESTIONS OF CLASSIFICATION OF LARGE SEDIMENTARY PARTICLES.

Traditional classifications used in sedimentology usually define sedimentary particles with the size of more than 1 m as blocks and/or boulders without further subdivision, which can be explained by the relatively rare occurrence of such geological objects. However, the latter are not only widely distributed locally, but also form the very character of some deposits. Particularly, this takes place in the Rufabgo River canyon in Mountainous Adygea. Moreover, an interest to tsunamites associated commonly with very large clasts, which has risen in the last years, stimulates thinking about the development and broad use of the detailed nomenclature of large sedimentary particles. The Blair-McPherson classification, which has gained international value, establishes the boundary between boulders and megaclasts by the particle size of 4096 mm, and megaclasts are further subdivided into four classes. Its evident advantage is detailed and unified approach. However, too large interval of the boulder fraction, which embraces clasts with the size from ~ 25 cm to ~ 4 m, should be noted. This makes certain difficulty for the practical use of this classification, and, particularly, when it is used for colluvial deposits of Mountainous Adygea. Enlargement of the interval of megaclasts and, subsequently, lowering the upper limit of the boulder fraction to 2048 mm, as this is suggested by the Blott-Pye classification, solves the noted problem only in part. Terminology, which is proposed for large clasts in the analysed Blair-McPherson classification, is also not very suitable. The only term to accept is "block", whereas the terms "slab", "monolith", and "megalith" face problems when applied to sedimentary particles. Particularly, archaeology treats megaliths as large stones used for construction by ancient civilizations, and the term "slab" is used actively and with different meaning for the purposes of lithospheric plate tectonics. Among urgent questions on the nomenclature of large sedimentary particles, we can indicate those relevant to the following issues: 1) the definition of the terms "glyba", "megaclast", and "block", 2) the establishment of the upper limit of the boulder fraction, and also 3) the choice of appropriate accuracy for subdivision of large clasts. It is proposed in this work to judge the terms "glyba" and "megaclast" as synonyms, and the term "block" as closely related to them. Distinction between glyba and block seems to be reasonable to make by the size of 1 m. Finally, the only smallest megaclasts deserve detailed subdivision because of their more frequent occurrence. All said above forms sufficient premises for new proposals on the nomenclature of large sedimentary particles. The natural monument "Maiden's Stone" in Mountainous Adygea, which is of colluvial origin, can serve for the purposes of discussion of classification of large sedimentary particles.

Key words: megaclast; block; boulder; particle classification; colluvium.

BIOLOGY

P. 187. *Ismukanova Gulzhamal Z. L.N.* Gumilyov Eurasian National University, (Astana, Kazakhstan); *Merzlyakov Oleg E.* Tomsk State University (Tomsk, Russia).

THE INFLUENCE OF INTENSIVE FARMING ON SOIL DEGRADATION CHANGES OF NORTHERN KAZAKHSTAN.

In order to identify significant indicators of soil degradation and analysis of the relationship specific to the studied processes and phenomena, we have selected the method of constructing a model of the correlation matrix using the t-test, and hypothesis of equality of the average two or more samples. According to the statistical method, the verifiable hypothesis is called null. Along with null hypothesis an alternative, or competing, hypothesis is considered, which is the logical negation of null. According to the research the most significant indicator of soil degradation is the reduction of humus - dehumification. Dehumification as environmental manifestation of degradation processes in agricultural landscapes of the investigated territory is reflected in the reduction in humus content, which entails reduction of stocks in the soil of nutrients, impaired balance of mineral and organic matter, change of soil structure and, as a consequence, deflation and erosion. Thus, the monitoring observations of the arable land in the areas of grain production in North Kazakhstan conducted by the State SPC Agriculture of Ministry of Agriculture show the loss of humus currently ongoing, and in the last ten years there has been its sharp increase. The analysis of the selected criteria of degradation revealed that the humus content of soil investigation at the time of emplacement of the monitoring sites, significantly ($p < 0.05$) exceeds the results of the research in 2012. According to one way analysis of variance (ANOVA) the greatest change is observed in the content of humus in the - moderate light loam meadow chernozems and ordinary moderate low-humus light loam chernozems. The analysis of satellite imagery confirms the data of statistical analysis. There is clearly apparent brightening of the upper plow layer. Currently, the focus should be on the problem of increasing the fertility of chernozem under rainfed conditions. This problem can be solved only as a complex one; underestimation of even one limiting factor may negate all the efforts and costs. This program should include the following main points. The solution to all these problems is possible only against the background of a significant increase in the overall level of agricultural culture: creating sparing technique with minimal pressure on the surface of the soil, the development of methods of effective control of field infestation that does not lead to the death of soil meso- and microfauna, breeding high-yielding varieties of crops and the use of statistically significant indicators for assessing land degradation.

Key words: fertility; soil degradation; dehumification; salinity; deflation; intensive farming; correlation matrix; statistically significant indices.

P. 192. *Kryukova Ksenia A., Danchenko Anatoly M.* Tomsk State University (Tomsk, Russia).

PHENOLOGICAL OBSERVATIONS IN RUSSIA: BRIEF HISTORY OF DEVELOPMENT.

Conducting phenological observations has a long history in Russia. There were developed and applied a number of programs and instructions for watching animate and inanimate nature. Many famous people made a great contribution to the development of phenology. The first notes of the observations of nature are in Russian chronicles, and yet these entries were not systematic, and they were only in extreme cases. Development of scientific phenology began in the 18th century. It is

considered that phenological observations in Russia began in 1721 by the order of Peter I. Also during this period, only particular scientists–enthusiasts made systematic observations across the country: P.S. Pallas, I.P. Falk, A.T. Bolotov, P. Kraft, etc. They observed weather phenomena, agricultural crops, botanical and zoological facilities. In 1838 there was published a call for phenological observations in the country by the Russian Society of Enthusiasts in Gardening. This society planned to use the obtained data for the compilation of the "Garden Calendar" for each area. Count M.V. Tolstoy responded to this call, and he published the results of his nine-year observations. In the middle of the 19th century both the Academy of Sciences and the Russian Geographical Society had a phenological network. The two agencies tried to expand the network of units in the country and spread among a large number of persons the popularity of periodic observations of natural phenomena. The first summary of phenological data for 120 points was published in Russia in 1854, and the first phyto-phenological map of crops ripening appeared in 1884. Systematic phenological observations from different areas of the country were published in yearbooks, compilations, magazines, and books at the end of the 19th century. In the 20th century the phenological network existed in various organisations and institutions at different times. It should be noted that prior to the Great Patriotic War, our country ranked first among the other states in phenology. In the postwar years, there was released a large number of nature calendars. However, at the end of the 20th century the phenological network reduced. The current scientific phenological observations are carried out in botanical gardens, in different departments of universities, in nature reserves and other organisations. It should be noted that school children observe natural objects. Phenological observations today are interesting for a wide range of people.

Key words: phenology; phenological observations; phenological network; calendar of nature.

P. 196. *Nekratova Anna N., Nekratova Natalya A.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). **RARE PLANTS OF THE FOREST FLORA OF KUZNETSK ALATAU IN NEED OF PROTECTION.** Kuznetsk Alatau is situated in the Republic of Khakassia and Kemerovo Region, the most densely populated areas in Siberia. This creates a problem of preservation of soil cover as whole and all populations of useful plants. The identification of species, which are in need of protection, is necessary and important step in organisation of their preservation. In the forest flora of Kuznetsk Alatau there are 40 species, which need protection. They are classified as: 1) the rare species that are disposed on the boundary of the region, 2) relicts, 3) endemics, 4) intensively used raw species. The problem of conservation of the listed species groups must be solved separately for each of these groups. The Red Book endangered species are protected by the State or by the Region by law. But conservation of rare species, relicts and endemics is almost not carried out. They are protected only in the territory of nature reserves and protected areas. Kuznetsk Alatau territory has only one preserve – "Kuznetsk Alatau", which occupies the west macroslope of Kemerovo Region. The wild raw species should be considered as a special group of protected plants. The problem of conservation of valuable raw plants remains topical today. Protection of these species should be carried out in the course of their rational exploitation. For this botanists must regulate: 1) the regions of procurement, 2) the volume of yearly collection, 3) the frequency of raw materials collection, 4) the dates of collection, 5) the methods of collection. Scientific fundamentals of rational using of official medicinal plants for the forest flora of Kuznetsk Alatau were developed. The rare plants of the forest flora of Kuznetsk Alatau are the object of our research. We use the following procedure for selecting the field of material – a regular method of laying a network of dominant sites and a system of conducted routes. All this allows to assess the richness of the region's forest flora. On the basis of geobotanical descriptions we learned the location and abundance of most part of the species of the forest flora of Kuznetsk Alatau. The listed indices are basic for studying the ecology of the species and their resource. On the basis of expedition researches realized during 30 years (1975-2005) the employees of the Laboratory of Flora and Plant Resources, Institute of Biology and Biophysics, Tomsk State University, recommended the list of species of the forest flora of Kuznetsk Alatau, in need of protection. This list included 40 species. Each species was located territorially in Kuznetsk Alatau by geobotanical regions and climatically by zones. Relict species and endemics were reduced. The first step towards their preservation consists in drawing up the list of species, which need protection. The important point in this work is the identification of places of their vegetation. Dr. N.A. Nekratova recommended to produce a protected area on the eastern slope of Kuznetsk Alatau in the status of "reserve" near the village Efremkino (Republic of Khakassia), since most of the uncommon and endangered species grow in this territory. The creation of such areas will promote the protection of valuable useful plant populations.

Key words: Kuznetsk Alatau; forest flora; rare species.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

№ 377 Декабрь 2013

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Г.В. Майер

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. БИОЛОГИЯ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://www.tsu.ru/ru/vestnik>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 4 декабря 2013 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 250 экз. Заказ № 79.

Редакторы: К.Г. Шилько, Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина

Корректор – А.Н. Воробьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайнер – А.В. Бабенко

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2013 г. было выпущено 365 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.vestnik.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.vestnik.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ГОУ ВПО «Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru